РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

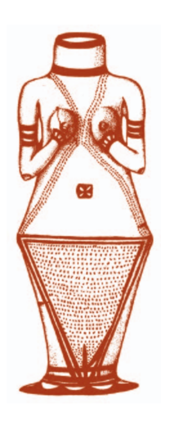
Рауф Магомедович Мунчаев

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

CAUCASIAN MOUNTAINS AND MESOPOTAMIAN STEPPE

ON THE DAWN OF THE BRONZE AGE

Festschrift in Honour of Rauf M. Munchaev's 90th Birthday

Moscow 2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ГОРЫ КАВКАЗА И МЕСОПОТАМСКАЯ СТЕПЬ

НА ЗАРЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Сборник к 90-летию Р. М. Мунчаева

Москва 2019

УДК 902/904
ББК 63.4
Г70

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Ответственный редактор:
чл.-корр. Х.А. Амирханов

Редакционная коллегия:
академик Н.А. Макаров, академик В.И. Молодин, академик М.Б. Пиотровский,
чл.-корр. П.Г. Гайдуков, д. и. н. Ш.Н. Амиров, д. и. н. М.С. Гаджиев,
проф. Дж. Буччеллати (G. Buccellati),
к. и. н. А.В. Энговатова, к. и. н. Ю.В. Лунькова

Рецензенты:
к. и. н. А.Н. Гей, к. и. н. А.А. Немировский

Г70 **Горы** Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. Сборник к 90-летию Р.М. Мунчаева / отв. ред. Х.А. Амирханов. – М.: ИА РАН; 2019. 480 стр.: ил.

ISBN 978-5-94375-296-4

Сборник статей «Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века» посвящен юбилею выдающегося российского археолога, лауреата Государственной премии РФ, члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора Рауфа Магомедовича Мунчаева. Весомый вклад Рауфа Магомедовича в изучении эпохи поздней первобытности Кавказа и Переднего Востока признан профессиональным сообществом археологов во всем мире. Данный сборник отражает круг научных интересов юбиляра и охватывает временной интервал от эпохи неолита до эпохи ранней бронзы в широком поясе от степей Предкавказья до Южной Месопотамии.

Сборник предназначен для научных сотрудников, студентов-археологов и всех, кто интересуется археологией.

ISBN 978-5-94375-296-4
DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2019
© Авторы статей (фамилии выделены в содержании курсивом), 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел III. МЕСОПОТАМИЯ И АНАТОЛИЯ

Раздел IV. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

Раздел V. ИСТОРИЯ НАУКИ

CONTENTS

СПИСОК АВТОРОВ

АВИЛОВА Людмила Ивановна
(Avilova L.I.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: aviloval@mail.ru

АМИРОВ Шахмардан Назимович
(Amirov Sh.N.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: shahmardan@mail.ru

АНДРЕЕВА Марина Владимировна
(Andreeva M.V.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: amvlad11@yandex.ru

БАГАЕВ Муса Харонович
(Bagaev M.Kh.),
Чеченский государственный университета, Грозный, Россия

БЕЛОЗЁРОВА Ирина Валентиновна
(Belozerova I.V.),
Государственный исторический музей, Москва, Россия;
e-mail: irina.belozero@yandex.ru

БЕРЕЗИН Яков Борисович
(Berezin Y.B.),
ГУП «Наследие» министерства культуры Ставропольского края, Ставрополь, Россия;
e-mail: cosmodesantnik@mail.ru

БЕРЕЗИНА Наталия Яковлевна
(Berezina N.Ya.),
НИИ и Музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
e-mail: berezina.natalia@gmail.com

ГУЛЯЕВ Валерий Иванович
(Gulyaev V.I.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: viguliaev@yandex.ru

ДЖАФАРОВ Гидаят Фаррух оглы
(Dzhafarov G.F.),
Институт археологии и этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана, Баку, Азербайджан;
e-mail: hidayet-jafar@mail.ru

ДОБРОВОЛЬСКАЯ Мария Всеволодовна
(Dobrovol'skaya M.V.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: mk_pa@mail.ru

КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович
(Kantorovich A.R.),
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
e-mail: kantorovich@mail.ru

КЛЕЩЕНКО Александр Александрович
(Kleschenko A.A.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: sansanych@bk.ru

КОРЕНЕВСКИЙ Сергей Николаевич
(Korenevsky S.N.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru

КОРНИЕНКО Татьяна Владимировна
(Kornienko T.V.),
Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия;
e-mail: zigzinatvk@gmail.com

КУЗЬМИНЫХ Сергей Владимирович
(Kuzminykh S.V.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

МАГОМЕДОВ Рабадан Гаджиевич
(Magomedov R.G.),
Дагестанский научный центр РАН,
Махачкала, Россия;
e-mail: mag-rabadan@yandex.ru

МАСЛОВ Владимир Евгеньевич
(Maslov V.E.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: maslovlad@mail.ru

МАХАРАДЗЕ Зураб Эдуардович
(Makharadze Z.E.),
Институт Археологических Исследований
им. О. Лордкипанидзе Национального Музея,
Тбилиси, Грузия;
e-mail: z_makhar@hotmail.com

МЕДНИКОВА Мария Борисовна
(Mednikova M.B.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: medma_pa@mail.ru

МОЛОДИН Вячеслав Иванович
(Molodin V.I.),
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;
e-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

МУСЕИБЛИ Наджаф Алескер оглы
(Museibli N.A.),
Институт археологии и этнографии
Национальной Академии Наук
Азербайджана, Баку, Азербайджан;
e-mail: necef_museibli@mail.ru

ОРЛОВСКАЯ Любовь Болеславовна
(Orlovskaya L.B.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: lborl47@rambler.ru

ПЕТРЕНКО Владимира Гавриловна
(Petrenko V.G.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: vladimira_petren@mail.ru

ПЕТРОВА Наталья Юрьевна
(Petrova N.Yu.),
Государственный исторический музей,
Москва, Россия;
e-mail: petrovanatalya7@mail.ru

ПОПЛЕВКО Галина Николаевна
(Poplevko G.N.),
Институт истории материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: poplevko@yandex.ru

РЕЗЕПКИН Алексей Дмитриевич
(Rezepkin A.D.),
Институт истории материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: rezepkin@mail.ru

СИМОНЯН Акоп Ервандович
(Simonyan H.Y.),
Научно-исследовательский центр историко-
культурного наследия Министерства
культуры РА, Ереван, Армения;
e-mail: haksimon@gmail.com

СОНМЕЗ Дания Алиевна
(Sonmez D.A.),
Университет Хаджеттепе, Бейтепе, Анкара,
Турция;
e-mail: daniyasonmez@gmail.com

ЦЕТЛИН Юрий Борисович
(Tsetlin Yu.B.),
Институт археологии РНА, Москва, Россия;
e-mail: yu.tsetlin@mail.ru

ЧЕРНЫХ Евгений Николаевич
(Chernykh E.N.),
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
e-mail: evgenij.chernykh@gmail.com

ЮЦИС-АКИМОВА Станислава В.
(Yutsis-Akimova S.V.),
Институт физики Земли РАН, Москва,
Россия; Équipe de Paléomagnétisme, Institut de
Physique du Globe de Paris (France)
e-mail: stanislava-akimova@yandex.ru

ЯЦЮК Денис Анатольевич
(Yatsuk D.A.),
Южный Научный центр РАН, Ростов-на-
Дону, Россия;

ALMAMMADOV Khagani Imran-ogly
(Алмамедов Х.И.),
Institute of Archaeology and Ethnography of
Azerbaijan, Baku, Azerbaijan;
e-mail: xoyski@mail.ru

BECKER Joerg
(Беккер Й.),
Martin-Luther-University Halle-Wittenberg Seminar for Oriental Archaeology and Art History, Cermany;
e-mail: joerg.becker@orientarch.uni-halle.de

BIELIŃSKI Piotr
(Белинский П.),
"Polish Centre of Mediterranean Archaeology" of the University of Warsaw, Warsaw, Poland;
e-mail: piotr.bielin@wp.pl

BRENIQUET Catherine
(Бренике К.),
Université Clermont-Auvergne, Histoire de l'art et archéologie antiques, Clermont-Ferrand, France;
e-mail: catherine.breniquet@uca.fr

BUCCELLATI Giorgio
(Буччеллати Дж.),
Cotsen Institute of Archaeology, UCLA, Los Angeles, USA;
e-mail: gb.urkesh@gmail.com

GALLET Yves
(Галле И.),
Institut de Physique du Globe de Paris, Sorbonne Paris Cité, Université Paris Diderot, Paris, France;
e-mail: gallet@ipgp.fr

GRESKI Yuliya
(Грески Ю.),
Германский археологический институт, Берлин, Германия;
e-mail julia.gresky@dainst.de

KELLY-BUCCELLATI Marilyn
(Келли-Буччелати М.),
Cotsen Institute of Archaeology, UCLA, Los Angeles, USA;
e-mail: mkb.urkesh@gmail.com

LE MIÈRE Marie
(Ле Мьер М.),
Archéorient, CNRS, Université Lyon, Maison de l'Orient et de la Méditerranée, Lyon, France;
e-mail: marie.le-miere@mom.fr

THIRION-MERLE Valérie
(Тирион-Мерль В.),
Archéologie et Archéométrie, CNRS, Université Lyon, Maison de l'Orient et de la Méditerranée, Lyon, France;
e-mail: valerie.merle@mom.fr

VALENTINI Stefano
(Валентити С.),
Center for Ancient Mediterranean and Near Eastern Studies (CAMNES) Firenze, Italy;
e-mail: stefano.valentini@camnes.org

ПРЕДИСЛОВИЕ

23 сентября 2018 г. Рауф Магомедович Мунчаев отметил свой 90-летний юбилей. Такая неординарная веха жизненного пути важна для каждого человека независимо от его профессиональных занятий, но для ученого, обладающего высокой международной репутацией, она особо весома. Для археологического сообщества имя Рауфа Магомедовича Мунчаева прочно связано с важными достижениями археологии в изучении поздней первобытности (неолит и бронзовый век) Западной Евразии – от Кавказа до Ближнего Востока. Многолетние полевые исследования, проведенные экспедицией Института археологии РАН под его руководством, стали эталоном исследований первобытной археологии Месопотамии.

Воздавая должное заслугам Рауфа Магомедовича в исследовании первобытных древностей Кавказа и Месопотамии, коллеги, по академической традиции, подготовили сборник статей, посвященных проблемам, изучением которых на протяжении всей своей профессиональной деятельности занимается юбиляр.

Понятно, что название сборника «Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века» представляет собой парафраз одной из наиболее известных книг Р.М. Мунчаева, посвященной эпохе палеометалла Кавказа, и опубликованной в 1975 г. Соответственно название этого сборника определяет, как географические, так и хронологические рамки представленных в нем статей, которые близки научным интересам юбиляра и тематически охватывают проблематику от докерамического неолита до рубежа ранней-средней бронзы на территории от Предкавказья до Южной Месопотамии. Издание дополняют воспоминания и разделы, посвященные истории науки.

В некоторых случаях статьи публикуются в авторской редакции.

В подготовке этого сборника приняли участие коллеги, друзья и ученики Р.М. Мунчаева. Поскольку авторитет Рауфа Магомедовича является общепризнанным как у нас в стране, так и за ее границами, то и сборник получился по-настоящему международным. Помимо отечественных исследователей в нем участвовали коллеги из государств Южного Кавказа, Европы и Америки. Мы выражаем глубокую благодарность всем, кто работал над этой книгой.

Редакционная коллегия

INTRODUCTION

On September 23rd 2018 Rauf Munchaev celebrated his 90th birthday. Such a date in life would be considered unique for any person, regardless of his or her profession. But for a scholar with an impeccable international reputation it is of special importance. For the archaeological community Rauf Munchaev's name is bound to the most important discoveries of the Late Prehistoric Periods (the Neolithic and the Bronze Age) of Western Eurasia – from the Caucasus to the Middle East. Numerous field research, conducted under his supervision by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, became the touchstones of prehistoric archaeology in Mesopotamia.

Paying homage to Rauf Munchaev's achievements in the study of prehistoric antiquities of the Caucasus and Mesopotamia, his colleagues – in accordance with the academic tradition – prepared a collection of articles on the subject, to which the acclaimed anniversary celebrant dedicated his professional life. To a scholar it will be obvious that the miscellanea's title The Caucasus Mountains and the Mesopotamian Steppe on the Dawn of the Bronze Age is a paraphrase of one of R. Munchaev's best-known books, dedicated to the Paleo-metal Era of the Caucasus and published in 1975.

Accordingly, the title of the given publication firmly establishes the geographic and chronological boundaries of the research, contained in its articles; all of them are in the frameworks of the celebrant's academic interests and are dedicated to various aspects – from the pre-ceramic Neolithic to the boundaries of the early-middle Bronze Age, in the region between the Ciscaucasia to Southern Mesopotamia. The publication is supplemented by memoirs and sections dedicated to the history of science. Several articles are published with the author's editorials.

Rauf Munchaev's colleagues, friends and students took part in the preparation of this book. Since Rauf Munchaev's name commands respect not only in Russia, but in the entire world, this miscellanea truly became an international project. Besides Russian scholars, it includes the works of our colleagues from the Transcaucasian Countries, Europe and America. We sincerely thank everyone who took part in the work on this book.

Editorial board

РАЗДЕЛ I

ВСПОМИНАЯ ПРОШЛОЕ

М.Х. Багаев

ОТ БАМУТСКИХ КУРГАНОВ ЧЕЧНИ ДО ТЕЛЛЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Великие люди редко представляют собой
одинокие вершины: чаще это пики горной гряды.
Томас Хиггинсон

Резюме. Автор статьи делится своими воспоминаниями о том времени, когда он работал в археологической экспедиции Рауфа Магомедовича Мунчаева в Чечне в 60-е годы XX в., при этом особое внимание уделяет Р.М. Мунчаеву как человеку и ученому. С другой стороны, подчеркивается, что благодаря именно ему открыты и изучены археологические памятники Чечни энеолита, ранней бронзы и последующих эпох у селений Луговое, Сержень-Юрт, Бамут и т.д. В завершение, автор поздравляет знаменитого кавказоведа и востоковеда Рауфа с его прекрасным 90-летним юбилеем.

***Ключевые слова*:** Рауф Магомедович Мунчаев; Кавказ; археологические культуры; Закавказье; Ближний Восток; Месопотамия; Чечня; Ингушетия; Луговое; Сержень-Юрт; Бамут; экспедиция; раскопки; кавказовед; востоковед.

Я безмерно рад и горд тем, что удостоился чести быть одним из авторов данного сборника, посвященного 90-летию со дня рождения выдающегося кавказоведа и востоковеда, профессионального организатора науки, члена-корреспондента Российской академии наук, советника РАН, профессора Рауфа Магомедовича Мунчаева, моего учителя и друга.

Впервые я увидел Рауфа Магомедовича в Чечено-Ингушском краеведческом музее летом 1961 г.

Сегодня я уже точно знаю, что в 1957 г. – начале 1960-х годов, когда археологические работы в Чечне только начинали набирать обороты, в краеведческом музее г. Грозного находился штаб Северо-Кавказской археологической экспедиции (СКАЭ) под руководством Е.И. Крупнова и его заместителя Р.М. Мунчаева. Все руководители отрядов: палеолитический – В.П. Любин (Ленинград); горный – В.И. Марковин (Москва); предгорный и Сержень-Юртовскый – Е.И. Крупнов, Н.Я. Мерперт, В.И. Козенкова (Москва); степной - Мекенский – Е.И. Крупнов, Н.Я. Мерперт (Москва); разведочный и Бамутский – Р.М. Мунчаев (Москва); змейский в Северной Осетии – В.А. Кузнецов (Орджоникидзе), собирались в уютном дворе музея. Здесь обсуждались как общие проблемы, так и текущие дела экспедиции. Часто на эти «планерки» приходили директор ЧИ НИИ ИЯЛ А.-Х. Саламов и директор самого Грозненского музея Ж. Зязикова. Это были настоящие патриоты вайнахских народов, которые всячески способствовали успехам СКАЭ.

Одновременно в музее происходила передача каждому отряду соответствующего спецоборудования, специмущества. Закупались в Грозном продукты питания и т.д. Руководили всей этой работой Е.И. Крупнов и его заместитель Р.М. Мунчаев. Вот в такой ситуации я и увидел, как и всех начальников отрядов, Рауфа Магомедовича в июле 1961 г. Однако в его экспедицию я тогда не попал. Е.И. Крупнов направил меня к В.И. Марковину. После этого прошло четыре года. И, уже будучи научным сотрудником сектора археологии и этнографии ЧИ НИИ ИЯЛ, в 1966 г. я попросил Рауфа Магомедовича взять меня в его отряд. Без всяких условий я был зачислен в «Бамутский» отряд, в котором, так же как и в других отрядах СКАЭ, я не был первенцем из чеченской и ингушской студенческой молодежи. В наши дни, вспоминая то время, Рауф Магомедович пишет: «Особо следует сказать о том, что неоценимую помощь экспедиции оказали студенты Чечено-Ингуш-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.19-26

ского государственного педагогического института, причем не только историко-филологического, но и других факультетов. Многие из них работали в экспедиции на летних каникулах из года в год, пока учились в институте и даже после его окончания[1]. Уверен, что школа Северо-Кавказской экспедиции оказалась весьма полезной для них во многих отношениях. Чрезвычайно важно подчеркнуть и тот существенный факт, что экспедиция вырастила местные кадры археологов, которые пройдя школу СКАЭ и аспирантуру в Институте археологии АН СССР под руководством Е.И. Крупнова, стали высококвалифицированными специалистами своего дела – М.Б. Мужухоев и М.Х. Багаев» (Мунчаев, 2002. С. 28). Оглядываясь назад, от себя могу добавить, что это была молодежь, только что вернувшаяся из сталинской депортации. Вот как вспоминал то время один из наших сверстников-«шестидесятников» доктор филологических наук, профессор, незабвенный Юша Айдаев, проработавший один сезон в отряде В.И. Марковина: «Мы, юноши и девушки, с аттестатами зрелости возвращались в Грозный из Казахстана и Киргизии, завершив долгий путь длиною в тринадцать лет. Уровень подготовки у абсолютного большинства из нас, по тем временам, был очень высоким. Мы выдерживали конкурс в любой вуз страны. Незначительная часть из нас воспользовалась представившейся свободой 1956–1957 гг., поступила в вузы Казахстана, Киргизии, Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Орджоникидзе (Осетия) и других городов. Большинство же решило учиться дома. Мы так истосковались по родине, что не могли никуда ехать, мы страстно хотели жить и участвовать в восстановлении республики» (Они были первыми, 2007. С. 4–5). Наши стремления к знаниям как никто другой, понимал Е.И. Крупнов. Это был человек высокого гражданского долга. Он бескрайне любил Кавказ и его народы. Кавказовед тяжело пережил депортацию чеченцев и ингушей, балкарцев, карачаевцев и других народов. Об этом ученый мне рассказал лично в 1967 г. До сих пор помню и никогда не забуду, как из его добрых глаз выкатывались слезы, словно свинцовые шарики, когда он рассказывал мне о том, как, будучи в дивизии народного ополчения под Москвой, в 1944 г., видел поезд, в котором везли солдат и офицеров (чеченцев, ингушей и других национальностей), снятых с фронтов и резервных частей, как «врагов народа». В тот день мы долго говорили о трагической судьбе вайнахов (чеченцев и ингушей). Евгений Игнатьевич просил меня никогда этого не забывать, но и не озлобляться, а учиться, учиться и учиться, чтобы быть полезным своему народу, возрождавшемуся из пепла, в буквальном смысле этого слова, в конце 50-х и 60-х годах XX века. Сам же Е.И. Крупнов и его соратники: Н.Я. Мерперт, В.И. Марковин, В.И. Козенкова и, конечно же, Р.М. Мунчаев, в свою очередь, в те же годы возрождали археологические исследования, начатые в 20–30-е годы XX в. Л.П. Семеновым, Е.И. Крупновым, М.И. Артамоновым, А.П. Кругловым, А.В. Мачинским и другими.

Особое рвение в этой работе проявляли уроженцы Дагестана Р.М. Мунчаев и В.И. Марковин, которые хорошо знали трагедию, разыгравшуюся на Северном Кавказе в сороковые годы. Ведь она коснулась и народов Дагестана, Грузии, Осетии, Ставропольского и Краснодарского краев. Многих «добровольно-принудительно» переселяли в районы бывшей ЧИАССР, откуда были изгнаны чеченцы и ингуши (а как гласит русская поговорка: «Одно переселение равно двум пожарам»). Эти события неизменно сохранились в памяти Рауфа Магомедовича. Ведь многие семьи его родного лакского народа были согнаны со своей исторической родины в 1944 г. и «насильственно переселены на земли чеченцев-аккинцев» (Булатова, 2002. С. 348).

О событиях тех лет Р.М. Мунчаев с глубоким сожалением пишет, что «когда исход Великой Отечественной войны уже был ясен, в истории чеченцев и некоторых других народов Северного Кавказа произошла большая, ничем не объяснимая трагедия: они были депортированы за пределы своей земли, в Среднюю Азию. С тех пор о них, живших и творивших на Кавказе свою историю и культуру с глубокой древности, пытались не вспомнить, предать забвению. И до второй половины 1950-х гг., когда была восстановлена ЧИАССР, на территории Чечни фактически не было заметных археологических работ» (Мунчаев, 2002. С. 26).

«Именно из этого, прежде всего, – подчеркивает Р.М. Мунчаев, – исходил выдающийся советский кавказовед Евгений Игнатьевич Крупнов, принявший в середине 1950-х гг. решение перебазировать работы СКАЭ почти целиком на территорию Чечни, как наиболее слабо изученной в историко-археологическом отношении области не только Кавказа, но, пожалуй, всего Советского Союза» (Мунчаев, 2002. С. 26). И, конечно же, в первую очередь в СКАЭ был привлечен Рауф Магомедович, который еще в 1952 г. по поручению Е.И. Крупнова «приступил к раскоп-

[1] Например: Я.С. Вагапов, С.Ц. Умаров, супруги С.Ш. Дукузов и З.А. Дукузова (Хамидова), А.У. Ганжуев, М. Умаров, М.Б. Мужухоев, М.Х. Багаев. – примеч. авт.

кам позднекобанского могильника у сел. Мужичи (Луговое) в Ассинском ущелье в Ингушетии…». В 1957 г. эти раскопки были завершены, после чего в Чечне начались широкомасштабные работы всех отрядов СКАЭ. «Мы были молоды, – вспоминает стартовые работы СКАЭ Рауф Магомедович, – полны сил и с большим увлечением, заряженные энтузиазмом Е.И. Крупнова, взялись изучать археологию, древнюю и средневековую историю Чечни. Никогда не забуду те славные годы» (Мунчаев, 2016. С. 71).

Итоги столь масштабных разведок и раскопок, проведенных за 10 лет (1957–1967) только одним «разведочным и бамутским» отрядом Рауфа Магомедовича, продолжают удивлять и по сегодняшний день. Формат статьи не позволяет дать им хотя бы краткую характеристику. Отмечу лишь то, что эти памятники, я имею в виду памятники только эпохи бронзы и раннего железа, дают основание говорить о том, что данный регион, а именно территория, где сегодня проживают чеченцы и ингуши, входил в ареал распространения на Северном Кавказе куро-аракской, майкопской, северокавказской, гинчинской, каякентско-харачоевской, кобанской, скифо-сарматской и аланской культур (Мунчаев, 1975; Мунчаев, 2002; Марковин, Мунчаев 2003). При этом нельзя не остановиться, хотя бы вкратце на результатах раскопок Бамутского курганного могильника. Здесь, по словам Рауфа Магомедовича, «В течение почти десяти полевых сезонов был исследован чуть ли не весь этот обширный могильник – раскопано более 50 курганов, содержащих не менее 250 погребений, большинство из которых относится к северокавказской культуре эпохи бронзы (II тыс. до н.э.). В 18 курганах древнейшие погребения принадлежали к майкопской культуре. Бамутский курганный могильник – это самый крупный в настоящее время на территории Чечни исследованный памятник бронзового века и один из наиболее изученных на Северном Кавказе в целом» (Мунчаев, 2002. С. 30–31).

Вообще-то Бамут – это целая эпопея в археологической жизни Рауфа Магомедовича, принесшая ему славу как выдающемуся кавказоведу, так же как и раскопки в Месопотамии, принесшие ему славу, но уже как крупнейшему востоковеду. Кроме указанного выше памятника, в окрестностях Бамута нашим юбиляром открыты и исследованы еще несколько археологических объектов, в том числе – курганный могильник XIV–XVI вв. (Мунчаев, 2002. С. 30) и поселение позднебронзового века, исследованное в 1966–1967 гг. (Мунчаев, 2002. С. 31). Я был непосредственным участником открытия этого поселения и его раскопок. Помню, как Рауф Магомедович радовался обнаружению столь важного бытового памятника и, на радостях сразу же позвонил в Москву Е.И. Крупнову из ачхой-мартановского телефонного переговорочного пункта. На обратном пути мы, т.е. Рауф Магомедович, Арсен Магомедов, выпускник истфака Дагестанского госуниверситета, который, кстати, потом, будучи аспирантом Рауфа Магомедовича, написал кандидатскую диссертацию, защищенную в Институте археологии АН СССР, по материалам рассматриваемого поселения (Магомедов, 1973), и я, заехали на рынок в Ачхой-Мартане, накупили продуктов для торжественного ужина, посвященному столь знаменательному событию.

Ужин получился на славу! Весь коллектив отряда был беспредельно рад успеху своего начальника. На ужин были приглашены и местные молодые ребята, работавшие в отряде: душа и любимец отряда, а также главная его опора в бытовой жизни Наиб Хаяури, Салман Нуридов, Мовлид Гадамаури, Сулумбек Татарашвили, Байсолт Бугчиев и, конечно же, Нохчо Дарчиев, внештатный сотрудник отряда. Вечерами он приходил к нам в гости с гитарой и пел нам прекрасные хиты того времени. Особенно нам нравились песни В. Высоцкого «Братские могилы», «Песня о друге», «Прощание с горами». Последние две мы всем отрядом пропели, а в тот вечер несколько раз, хотя отряд наш и не был столь «певучим» как, скажем, «Сержень-Юртовский», руководимый В.И. Козенковой.

Заговорил о песнях и тут же вспомнил такой случай, связанный с Рауфом Магомедовичем. Все члены экспедиции заметили, что наш начальник, т.е. Рауф Магомедович, обладает хорошим музыкальным слухом и определенными вокальными данными. Посудите сами. При хорошем настроении он имел привычку негромко насвистывать несколько модных тогда мелодий. Этот репертуар был неизменным. Так вот. Однажды мы пешком шли «домой» после изнурительной работы на вышеуказанном поселении, а в тот день на одном из участков раскопа нашли литейную форму для отлива жатвенного серпа и наконечника стрелы. Поистине это было настоящее открытие! И вот мы, цепочкой, по тропе идем в сторону нашего лагеря: впереди Рауф Магомедович, за ним, на расстоянии 3–5 м, шагаем Арсен и я, а остальные за нами. Так вот, Рауф насвистывал одну из своих мелодий, услышав это «пение», я говорю шепотом Арсену: «Хочешь, я переверну пластинку?». Арсен, совершенно не ожидавший такого вопроса, своим басом говорит: «Что? Какая пластинка?» Я в ответ (опять шепотом): «Слышишь –

шеф насвистывает мелодию?» «Да», – отвечает он, прислушавшись. – «А теперь будь внимателен и слушай» Я начал насвистывать другую мелодию из репертуара-«запасника» Рауфа Магомедовича, и через минуту-другую он незаметно перешел на исполняемую мной мелодию, и в этот момент Арсен не засмеялся, а взорвался характерным ему громовым смехом. Рауф резко остановился и, оглянувшись, спросил: «Арсен, что случилось?». А Арсен (вообще юморист по жизни) сквозь смех говорит: «Да вот, у Мусы пробился голос, а я-то не знал, что он умеет петь!». «Это правда, Муса?» – обратился ко мне Рауф. «Правда, правда» – захлебываясь от смеха, ответил я. Рауф Магомедович испытывающее посмотрел на нас обоих, молча повернулся и спокойно зашагал по каменистой тропе. Никто ничего не понял, а мы с Арсеном Расуловичем Магомедовым, давно уже доктором исторических наук, профессором, деканом факультета востоковедения ДГУ, по сегодняшний день при каждой нашей встрече с приятной ностальгией вспоминаем тот незатейливый случай в Бамуте.

Должен сказать, что Бамут и в моей жизни занял знаковое место. Во-первых, именно здесь заложилась основа нашей дружбы с Рауфом Магомедовичем, ставшим заодно и моим учителем. Во-вторых, именно в Бамуте я провел свои первые самостоятельные археологические раскопки кургана XIV–XVI вв. под патронатом Рауфа Магомедовича, в 1966 г. Это была трогательная грань его заботливого внимания ко мне как начинающему свою археологическую практику в поле, за что я по сей день благодарен ему! И вообще, быть внимательным ко всем, кто его окружает и при этом максимально проявлять милость – кредо Рауфа Магомедовича. И, кстати будет сказано, имя «Рауф» в переводе с арабского означает «милостивый» (Сафаралиева, 1994. С. 262). Уверен, что все его жизненные поступки, будь то в России (Багаев, 2008. С. 26–37) или зарубежных странах (Мерперт, 2008б. С. 7–11, 25; Кошеленко, 2008. С. 5–6; Мунчаев, Гуляев, Бадер, 2013; Амиров, 2008. С. 75–80) прямо соответствуют смыслу, заложенному в его замечательное имя «Рауф», подтверждая тем самым, что «имя – это характер» (Имя и судьба, 2006. С. 3–16). Сказанное проявляется и в его отношениях со своими многочисленными аспирантами из Москвы и Северного Кавказа, из Закавказья и Ближнего Востока.

Где бы ни работал Р.М. Мунчаев, в горах ли, предгорьях или в плоскостной зоне Чечни, он всегда умел находить общий язык с представителями местной власти и доброжелательными сельчанами, станичниками. Так было и в селе Бамут, где археолог дружил с семьей Дарчиевых. Рауф Магомедович безотказно давал экспедиционную машину сельчанам для привоза стройматериалов (ведь многие строили дома после возвращения из депортации), сена, дров (газа тогда не было в селе) и прочих нужд, ибо с транспортом тогда было очень и очень трудно. Порой наша машина превращалась в «Скорую помощь», отвозя тяжелобольных в районную больницу, а то и в Грозный, в любое время суток. Обо всем этом по сей день помнят многие благодарные бамутчане.

Не только деловые, но и дружеские отношения связывали Рауфа Магомедовича с директором ЧИ НИИ ИЯЛ А.-Х.А. Саламовым, директором республиканского музея краеведения Ж. Зязиковой, известным чеченским писателем и прекрасным краеведом Х. Ошаевым. Да и сегодня в Чечне многие лично знают и помнят Мунчаева и очень тепло отзываются о нем, не забывая все, что он сделал для них лично и особенно для изучения древней истории чеченского и ингушского народов. Среди них есть учителя, врачи, механизаторы, общественные и государственные деятели, ученые, в том числе и непосредственные участники археологических экспедиций Р.М. Мунчаева – Алик Ганшуев, Наиб Хаяури, Нохчо Дарчиев, доктора филологических наук, профессора Ваха Тимаев, Хасан Туркаев, Зулай Дукузова (Хамидова).

В аспекте последнего добавлю следующее. В апреле месяце 2016 г. в Грозном была проведена Международная научная конференция «Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские Чтения» (Изучение и сохранение … 2016). На этот форум из Москвы прилетел Рауф Магомедович и блестяще выступил с научным докладом на первом пленарном заседании. В перерыве я подвел к Рауфу двух мужчин со словами: «Рауф Магомедович, эти ребята хотят с Вами познакомиться». Надо было видеть лицо и глаза Рауфа! Нет, в них не было удивления – в них блестела радость! «Нохчо!!! Наиб!!!» – громко воскликнул Рауф Магомедович и все трое слились в крепком мужском объятии… Да, это были бамутчане, участники экспедиций Рауфа. Через день, 20 апреля, Наиб Хаяури повез Рауфа Магомедовича и меня в Бамут, туда, где Рауф провел 10 столь памятных археологических сезонов, туда, где находятся корни его сегодняшней славы выдающегося кавказоведа. Мы побывали во всех незабываемых Рауфом местах, но самое главное – там, где проводились раскопки и где стоял наш классический археологический лагерь. Вскоре Наиб

получил письмо из Москвы от Рауфа Магомедовича, датированное 07.05.2016 г. С разрешения адресата, я процитирую часть этого послания:

«Мой дорогой Наиб! Шлю тебе сердечный привет и самые теплые и добрые пожелания.

До сих пор нахожусь под впечатлениями от посещения Грозного и особенно Бамута. После 15 лет работы там (в 1952–1967 гг.) я впервые через 50 лет побывал в Чечне и, в частности, в моем любимом и незабвенном Бамуте. Именно благодаря тебе мне удалось посетить за столь долгое время Бамут и Ачхой-Мартан. Большое спасибо!

Мне хочется, чтобы ты быстрее построил в Бамуте свой дом. Ты выбрал для него очень удачное место – на берегу Фортанги, рядом с лагерем нашей тогдашней экспедиции. С радостью был бы гостем Вашего дома и немного отдохнул бы там. Может быть, и рыбалка получилась бы!

Посылаю тебе несколько фотографий. Все они сделаны 20 апреля с.г., в том числе и в Бамуте. Это на память…».

Очень трогательное письмо, написанное без единой помарки и, характерным только для Рауфа, каллиграфическим почерком. В нем весь Рауф Магомедович – благодарный и душевный, внимательный и отзывчивый и в высшей степени воспитанный человек! Он не отделался телефонным звонком за оказанное ему внимание Наибом. Он не отделался краткой «СМС», что очень модно в наше время, не «сбросил» фотографии на телефон или компьютер Наиба, а написал теплое и сердечное письмо, как в добрые, старые времена, когда эпистолярный жанр был популярен не только в художественных романах, но и в живом общении меж собой людей, находившихся далеко друг от друга.

«Я буду хранить это письмо, как самое дорогое свидетельство о нашей дружбе с Рауфом Магомедовичем, о его 15-летнем пребывании в Чечне и 10-летнем в Бамуте», – сказал мне Наиб Хаяури. Думаю, что эти слова один из лучших подарков нашему дорогому юбиляру от Наиба Хаяури!

Общаясь с Рауфом Магомедовичем более 50 лет, я заметил в нем неимоверное трудолюбие как в «поле», так и в тиши рабочего кабинета. Это подтвердит каждый, кто работал в его экспедициях или посетил ученого в его уютном кабинете в Институте археологии РАН, даже в эти дни, когда ему уже 90 лет жизни. Заметив в нем эту же черту, его друг, коллега, незабвенный Г.А. Кошеленко в 2008 г., в год 80-летия Рауфа Магомедовича, написал: «…поскольку Рауф был старшим из пяти сыновей в семье, ему очень рано пришлось приобщаться к труду. Отсюда, видимо, и происходит его трудолюбие, отличающее его на протяжении всей научной карьеры и являющееся одним из главных залогов его научных успехов» (Кошеленко, 2008. С. 6).

В Бамуте же единственной отдушиной в столь плотном рабочем графике были «охота на зайца» и рыбалка. Но и это случалось лишь тогда, когда приезжали коллеги из Москвы, из разных уголков Кавказа, в том числе: незабвенные Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, В.Г. Котович, Д.М. Атаев, М.Г. Гаджиев, М.П. Абрамова, которые до конца своей жизни вспоминали «бамутские встречи у Мунчаева», а В.А. Кузнецов и В.И. Козенкова по сей день не могут забыть, как Рауф Магомедович искусно ловил форель в стремительном потоке горной реки Фортанги. А ночная охота на зайцев!? Но об этом я расскажу в следующей статье, посвященной, Ин ша Аллах, 100-летнему юбилею нашего дорогого Рауфа Магомедовича. Одним словом, как говорится, талантливый человек талантлив во всем. Но ведь, как сказал крупнейший советский физик А.Ф. Иоффе: «Один талант ничто, нужна еще громадная трудоспособность, работа над собой, непрерывная работа всю жизнь…» (Слово о науке, 1981. С. 55).

Рауф Магомедович строго придерживается этого неписаного закона. Более того, за все годы нашей дружбы, я привык видеть в нем еще и такие качества, как сила воли, энтузиазм, терпение, желание осуществить свою мечту, стремление докопаться до истины, чувство нового в археологии, страсть к неожиданным открытиям, любовь к истине, утонченное мышление, подлинная кавказская мудрость, но самое главное и зримое – постоянное стремление отдать дань уважения своему учителю. Например, во всех своих трудах Рауф Магомедович достойно оценивает научные достижения Евгения Игнатьевича и при этом не упускает случая сказать еще и доброе слово о нем. Как известно, о значении преемственности в науке, об уважении к учителю, к его научным заслугам, которые не умаляют достижений ученика, а делают их более основательными, говорил еще в VI в. до н.э. Фалес Милетский – родоначальник античной философии (Слово о науке, 1981. С. 12).

Да, Евгений Игнатьевич Крупнов был и остается громадиной в кавказоведении. На его фоне, казалось бы, никому не удастся засверкать собственными научными успехами и достижениями. Однако жизнь многогранна: необязательно превзойти, затмить учителя. Достаточно дойти до его уровня, стать рядом, создав тем самым единое целое – своеобразное созвездие учителя и ученика, как это произошло в случае Е.И. Крупнова и его учителя В.А. Городцова..

Евгений Игнатьевич, став выдающимся ученым, влился в мощную плеяду известных кавказоведов, ядром которой были Н.Я. Марр и И.Я. Орбели, последователями которых позже стали И.И. Мещанинов, А.А. Иессен, Б.А. Куфтин, Б.Б. Пиотровский, М.И. Артамонов, А.П. Круглов и другие, а также ученые из Армении, Грузии и Азербайджана, создав тем самым могучее «Созвездие кавказоведов». Вот в него-то с достоинством вошел теперь и Рауф Магомедович Мунчаев.

Вместе с тем, герой нашего очерка Рауф Магомедович – особое светило в этом созвездии. Придя в археологию в конце 40-х – начале 50-х годов XX в., он всецело посвятил себя проблемам северокавказской археологии и прежде всего исследованию памятников куро-аракской, майкопской, северокавказской культур, главным образом в пределах Чечено-Ингушетии (Мунчаев, 2002. С. 27). В аспекте этого тезиса достаточно назвать исследованные им памятники как: Луговой могильник VI–V вв. до н.э. и подстилающий его слой энеолитического поселения (Мунчаев, 1963. С. 139); двухслойное поселение у сел. Сержень-Юрт (нижний слой эпохи ранней бронзы, а верхний – эпохи раннего железа) (Мерперт, 1962. С. 34; Мерперт, 2011. С. 228; Крупнов, 1960. С. 151–155; Мунчаев, 1962. С. 177; Мунчаев, 1975. С. 337–338; Козенкова, 2001. С. 5–6); два крупных разновременных курганных могильника (ранняя бронза и позднее средневековье) и поселение позднебронзового века у сел. Бамут, а также могильники каякентско-харачоевской и кобанской культур, включая и памятники скифо-сарматского времени в Веденском, Ножай-Юртовском, Курчалоевском, Шалинском и др. районах Чечни (Мунчаев, 2002. С. 28–35).

Результаты раскопок указанных и других объектов исторического значения послужили основой при написании первого тома двухтомной Истории Чечни (История Чечни … С. 11–95). В наши дни АН ЧР, почетным академиком которой является Рауф Магомедович, готовит к изданию первый том четырехтомной Истории Чечни (2 и 3 тома уже изданы). Рауф Магомедович один из его авторов, и это величайшая честь для чеченского народа!

Сегодня, без преувеличения, можно сказать, что роль Рауфа Магомедовича Мунчаева в истории отечественного кавказоведения и особенно в изучении нахских народов, весьма велика. Если же к этому добавим Месопотамскую эпопею его научной карьеры (Мерперт, 2011. С. 295–367; Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2008. С. 63–74; Амиров, 2008. С. 75–80), то нашему восхищению его научным исследованиям и открытиям не будет предела, потому что, во-первых, все его творческое наследие наглядно демонстрирует, что перед нами ученый высшего класса с мировым именем. Во-вторых, он умеет видеть назревшие проблемы как в кавказоведении, так и в востоковедении (Археология Кавказа и Ближнего Востока, 2008), при этом смело их ставит и блестяще разрешает (Мерперт, 2008а; Мерперт, 2008б; Мунчаев, 2000; Мунчаев, 2007), привлекая к этому творчеству как именитых коллег, так и своих многочисленных учеников из России, Закавказья и Ближнего Востока (Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2008; Амиров, 2008; Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004; Мунчаев, Амиров, 2016). Более ярко это проявлялось в период его работы в Ираке и Сирии.

В последнем примечательно то, что материалы Месопотамской экспедиции Рауфа Магомедовича Мунчаева вновь возвращают нас к проблеме переднеазиатско-кавказских связей, имевших место в V–IV тыс. до н.э. и отразившихся на процессе сложения и развития на Кавказе оседлоземледельческих культур переднеазиатского типа. Есть целая серия памятников, указывающая на эти связи (Мунчаев, Амиров, 2012. С. 39). Особенно активно проникала на Кавказ и, в частности, на Северный Кавказ урукская культура в IV тыс. до н.э. По твердому убеждению Р.М. Мунчаева, движущей силой, стимулировавшей «экспансию “урукцев” на смежные с Месопотамией, в первую очередь Анатолию и Кавказ, было стремление найти источники металла» (Мунчаев, 1975. С. 376). Фундаментально звучит и другой вывод археолога о том, что урукская культура способствовала сложению феномена Майкопа на Северном Кавказе, более того, отдельные группы племен этой культуры во второй половине IV тыс. до н.э. проникли в Предкавказье и положили начало формированию здесь майкопской культуры (Мунчаев, 2007. С. 8–9; Мунчаев, Амиров, 2012. С. 43). Однако сказанное не отрицает, и наоборот, наполняет новым содержанием тезис Рауфа Магомедовича Мунчаева, высказанный им в 2000 г. на Международной научной конференции в г. Махачкала: «Всем специалистам-исследователям древних культур Кавказа очевидно, что кавказские культуры достаточно самобытны и оригинальны и нет никаких оснований выводить их из Ближнего Востока или, тем более, связывать истоки того или другого кавказского народа с далекими месопотамскими предками, в частности, с шумерами, как это делают некоторые мифотворцы» (Мунчаев, 2000. С. 11–22). Это как бы ответ востоковеда многочисленным псевдоученым, которые пытаются убедить своих слушателей и чи-

тателей в том, что нахские народы вовсе не автохтоны Кавказа, а мигранты из древнего Востока.

И последнее. Британская писательница Маргарита де Блессингтон как-то сказала: «Горы кажутся больше, чем ближе к ним приближаешься, но великие люди в этом отношении не похожи на горы» (Душенко, 2008. С. 189) – и была права. Рауф Магомедович Мунчаев велик, находясь на любых расстояниях от нас. Поэтому я хочу приблизиться к нему и перейти на «ты» (у кавказцев нет формы обращения на «вы»), сказать: Рауф, ты великий ученый, ты славно и достойно прожил свои 90 лет! Но ты еще молод, потому, что в творческих вопросах, – как признался советский физик Е.О. Патон, – молодость определяется не годом рождения, проставленным в паспорте, а умением и желанием работать, умением всего себя отдавать любимому делу (Слово о науке, 1981. С. 136), а всего этого тебе не занимать! Ты достойно, – как поется в известной песне, – отыграл первый тайм, но ведь впереди еще второй тайм, а там, глядишь, и дополнительных два коротких тайма, а потом и до пенальти рукой подать! Так что дерзай и твори! Дай-то Аллах тебе крепкого здоровья и силы на этом пути! И, как любил говорить наш незабвенный друг Николай Яковлевич Мерперт – Многая же лета тебе!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амиров Ш.Н., 2008. Работы российской археологической экспедиции в Сирии под руководством Р.М. Мунчаева // РА. № 3. С. 75–80.

Археология Кавказа и Ближнего Востока, 2008: сб. к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева. М.

Багаев М.Х., 2008а. Кавказовед-Востоковед // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI: В честь 80-летия Рауфа Магомедовича Мунчаева. М. С. 26–29.

Багаев М.Х., 2008б. Археологические памятники древней Чечни в трудах Р.М. Мунчаева // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI: в честь 80-летия Рауфа Магомедовича Мунчаева. Москва; Магнитогорск; Новосибирск. С. 29–37.

Булатова А.Г., 2002. Лакцы // Народы Дагестана. М. С. 348–376.

Душенко К.В., 2008. Мысли, афоризмы, цитаты. Политика, журналистика, правосудие: 6000 цитат. 5-е изд. М.

Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа, 2016. XXIX Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Грозный, 18–21 апр. 2016 г. Грозный.

История Чечни с древнейших времен до наших дней, 2006: в 2 т. Т. 1: История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный.

Имя и судьба, 2006 / сост. Шелехова Т.Н. Кострома.

Козенкова В.И., 2001. Поселок - убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.

Кошеленко Г.А., 2008. О юбилее Рауфа Магомедовича Мунчаева // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI: в честь 80-летия Рауфа Магомедовича Мунчаева. Москва; Магнитогорск; Новосибирск. С. 5–25.

Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.

Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. Бамутский курганский могильник XIV–XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М. С. 217–242.

Магомедов А.Р., 1973. Культура Северо-Восточного Кавказа в эпоху поздней бронзы (на материалах раскопок Бамутского поселения): автореф. дис… канд. ист. наук. М.

Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 2003. Северный Кавказ: очерки древней и средневековой истории и культуры.

Мерперт Н.Я., 1962. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. // КСИА. Вып. 88. С. 33–34.

Мерперт Н.Я., 2008а. К юбилею соратника и друга: Рауфу Магомедовичу Мунчаеву – 80 лет // РА. № 3. С. 55–63.

Мерперт Н.Я., 2008б. К восьмидесятилетию Рауфа Магомедовича Мунчаева // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева. М. С. 7–26.

Мерперт Н.Я., 2011. Из прошлого: далекого и близкого: мемуары археолога. М.

Мунчаев Р.М., 1962. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии: из результатов работ Северо-Кавказской экспедиции // СА. № 3. С. 176–198.

Мунчаев Р.М., 1963. Луговой могильник: (исследования 1956–1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М. С. 139–211.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.

Мунчаев Р.М., 2000. Древнейшая Месопотамия: некоторые итоги исследования Российской экспедиции РАН // Кавказ и степной мир в древности и в средние века: материалы Междунар. науч. конф. Махачкала. С. 11–22.

Мунчаев Р.М., 2002. К истории археологического изучения Чечни: (из итогов работ Северокавказской экспедиции в 1957–1968 гг.) // Культуры Чечни: история и современные проблемы. М. С. 25–37.

Мунчаев Р.М., 2007. Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: материалы Междунар. науч. конф. «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала. С. 8–9.

Мунчаев Р.М., 2016. Е.И. Крупнов – выдающийся исследователь археологии, древней и средневековой истории и культуры Чечни // Вестник АН ЧР. № 3. С. 69–73.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2008. 20 лет археологических исследований Российской экспедиции в Сирии // РА. № 3. С. 63–74.

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., 2012. Еще раз о месопотамско-кавказских связях в IV–III тыс. до н.э. // РА. № 4. С. 37–46.

Мунчаев Р.М., Гуляев В.И., Бадер Н.О., 2013. Первые российские археологи в Месопотамии. Ирак, 1969–1980, 1984–1985 годы. М.

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., 2016. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. Т.2. М.

Они были первыми, 2007: Очерки, посвящ. первым выпускникам Отд-ния вайнахской филологии Чеченского гос. ун-та. Грозный.

Сафаралиева Э.Я., 1994. Как тебя зовут? Махачкала.

Слово о науке, 1981: Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты. Кн. 2 / сост., авт. предисл. и введений к главам Е.С. Лихтенштейн. М.

M. Kh. Bagaev

FROM BAMUT KURGANS IN CHECHNYA TO MESOPOTAMIAN TELLS

Abstract. The author of the paper recollects the time when he worked in the archaeological expedition led by Rauf Magomedovich Munchaev in Chechnya in the 1960s, with a particular emphasis on R.M. Munchaev's personal qualities and traits of a scholar. He also emphasizes that R.M. Munchaev is credited with the discovery and examination of archaeological sites dating to the Eneolithic, the Bronze Age and subsequent periods near the villages of Lugovoye, Serzhen-Yurt, Bamut etc., in Chechnya. In conclusion, the author congratulates Rauf, an orientalist and a renowned specialist in Caucasian studies, on the occasion of his wonderful 90th birthday.

Keywords: Rauf Magomedovich Munchaev; Caucasus; archaeological studies; Trans-Caucasus; Near East; Mesopotamia; Chechnya; Ingushetia; Lugovoye; Serzhen-Yurt; Bamut; expedition; excavations; specialist in Caucasian studies; orientalist.

В.И. Гуляев

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИРАКЕ: ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ АРХЕОЛОГИ В МЕСОПОТАМИИ

Резюме. Статья представляет собой воспоминания о работах первой российской археологической экспедиции в Месопотамии под руководством Р.М. Мунчаева. Этот археологический проект, проведенный в 1969–1980 гг. и охвативший эпохи от докерамического неолита до эпохи халколита (в интервале VIII – IV тыс. до н.э.), стал яркой страницей отечественной археологии. Эти работы обогатили мировую науку и значительно расширили наши знания о разных периодах становления производящей экономики на Ближнем Востоке.

***Ключевые слова*:** Р.М. Мунчаев; Месопотамия; эпоха докерамического неолита; эпоха халколита; первые археологические исследования российской экспедиции в Ираке.

Как быстро и неотвратимо бежит время! И за свою относительно короткую жизнь человек редко может осознать всю грандиозность и фантастическую скорость происходящих вокруг перемен. Так было и с нами – участниками первой российской археологической экспедиции в Ираке, работавшими там в 1969–1980, 1984–1985 гг. Казалось бы, это происходило совсем недавно – каких-нибудь сорок с небольшим лет назад. А уже стираются в памяти многие даже самые яркие и значимые события в истории экспедиции. Увы, нет с нами и восьмерых дорогих товарищей – Петра Дмитриевича Даровских, Андрея Васильевича Кузы, Гориславы Николаевны Лисицыной, Мусы Умаровича Юнисова, Владимира Александровича Башилова, Идеала Гамидовича Нариманова, Николая Яковлевича Мерперта и Николая Оттовича Бадера. Да и между Ираком современным и временем 70-х годов прошлого века лежит огромная пропасть. Эта страна больше никогда не будет такой, какой она была до американского вторжения 2003 г. Мы видели в предвоенную пору Ирак богатым и процветающим государством, в котором сельское хозяйство обеспечивало все потребности общества в продовольствии и сырье, а нефть позволяла приобретать за рубежом любые потребительские товары и новинки техники. Бурно развивалась промышленность. Строились дороги, плотины, каналы, аэропорты. На глазах менялся и хорошел многомиллионный Багдад.

Но у страны имелся и еще один важный внутренний ресурс – ее богатейшая и весьма почтенная по возрасту история, вполне осязаемые следы которой представлены в тысячах «теллей» – искусственных холмов, хранящих в своих глубинах руины бесчисленных городов и селений, которые процветали на просторах Ирака – древней Месопотамии на протяжении последних десяти тысяч лет. Именно здесь еще на заре истории, в конце IV – начале III тыс. до н.э., родилась одна из наиболее выдающихся и самая первая цивилизация древности – шумерская. С тех пор территория Месопотамии (или Двуречья) – продукт деятельности двух великих азиатских рек Тигра и Евфрата – надолго становится ареной самых ярких и драматических событий мировой истории. «Мы знаем сегодня, – пишет немецкий историк Э. Церен, – что в недрах этой земли скрыты древнейшие культуры, созданные человечеством. Там находится колыбель нашей культуры, колыбель человеческого гения, его представлений и понятий, его веры и убеждений». Вот почему Ирак всегда привлекал к себе внимание археологов многих стран, и раскопки велись здесь с 40-х годов XIX в. Получили всемирную известность и вошли во все школьные учебники по истории открытия французских, английских

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.27-38

и немецких ученых в Ниневии, Нимруде, Ашшуре, Уре, Уруке, Вавилоне. К 1980 г. в стране работали (не считая собственно иракских) свыше пятидесяти зарубежных археологических экспедиций, и в их числе (с 1969 г.) экспедиция Института археологии Академии наук СССР, которую возглавил Р.М. Мунчаев. За 12 полевых сезонов (1969–1980 гг.) она добилась впечатляющих успехов в изучении раннеземледельческих поселений VIII–IV тысячелетий до н.э. в Синджарской долине, близ города Телафар, в 90 км к западу от города Мосула.

Ниже я хочу поделиться своими воспоминаниями о тех великолепных и незабываемых годах, когда все мы, сотрудники российской экспедиции, тогда молодые и амбициозные, без устали работали сразу на нескольких «теллях», познавая нелегкие уроки месопотамской археологии. О научных результатах этих раскопок написано и опубликовано довольно много. Это, прежде всего, монографии Р.М. Мунчаева и Н.Я. Мерперта «Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии» (1981 г.) и Н.О. Бадера «Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии» (1989 г.), а также десятки статей, изданных в нашей стране и за рубежом (Англия, США, Ирак) в научных журналах и тематических сборниках по археологии Ближнего Востока. Однако, что касается популяризации наших открытий в Синджарской долине на северо-западе Ирака для широких читательских кругов в России, то здесь дела обстоят не так уж успешно: две-три небольшие статьи в научно-популярных журналах и две книги: В.И. Гуляева «В стране первых цивилизаций: Ирак» (Гуляев., 2006) и Р.М. Мунчаева, Н.О. Бадера, В.И. Гуляева «Первые российские археологи в Месопотамии. Ирак, 1969–1980, 1984–1985 годы» (Мунчаев и др., 2013).

Кроме того, хорошо известно, что археологи, постоянно работающие по долгу своей профессии в «поле», «на природе», обычно не любят говорить публично, а тем более писать о своей жизни в экспедициях, о повседневном полевом быте, о своих трудностях и переживаниях, о взаимоотношениях с коллегами – словом, обо всем, что, по их глубокому убеждению, выходит за пределы «чистой» науки. Не освещается, как правило, в научной (и, тем более, в научно-популярной) литературе и такой важный для любого археолога вопрос, как организационно-практическая подготовка и проведение каждой своей экспедиции. Поэтому большинство людей видят работу археологов только в романтическом ореоле необыкновенных приключений и сенсационных открытий.

В действительности все обстоит куда сложнее и прозаичнее: есть, конечно, в жизни любого археолога и элементы романтики, гораздо реже, но случаются и необыкновенные открытия, но куда больше в ней повседневной «прозы жизни»: устройство быта, организация раскопок, контакты с местными властями и т.д. И, кстати, именно эти тривиальные, на первый взгляд, вопросы отнимают у археологов больше времени, нервов и сил, нежели «чистая» наука. Однако перечисленные проблемы во много раз усугубляются в том случае, если археологи работают не на родной земле, а за границей. Именно о такой истории – о «ярымской», или «иракской» эпопее и пойдет ниже речь. И для этого придется заметно поднапрячь свою память.

Впервые я попал в Ирак в апреле 1970 г. Мои товарищи – участники российской археологической экспедиции – уже больше месяца трудились здесь в поте лица, изучая поселения ранних земледельцев на северо-западе страны, в Синджарской долине. Меня же решили включить в состав этого дружного коллектива в самый последний момент. Оформление зарубежной командировки, да еще в далекую арабскую страну, заняло почти два месяца. По согласованию с начальником экспедиции – Р.М. Мунчаевым – я должен был самостоятельно прилететь в Багдад и там ждать приезда руководства в одном из местных отелей. Кстати, если посмотреть на карту, то для того, чтобы присоединиться к товарищам, мне предстояло пересечь добрую половину Ирака – от иракской столицы и почти до сирийской границы.

И вот ясным апрельским утром у ворот тихого багдадского отеля «Опера», где я уже второй день томился в ожидании известий от коллег, остановился запыленный грузовик ГАЗ-53. В его кабине величественно восседали наш шофер Миша (Муса) Юнисов в лихо сдвинутом набок (когда-то голубом, а теперь почти белом) берете и начальник («мудир» – араб.) Иракской археологической экспедиции ИА АН СССР Рауф Магомедович Мунчаев. Энергичные, уже успевшие до черноты загореть под палящим месопотамским солнцем, они быстро впихнули меня с моим чемоданом в кузов, и путешествие «через половину Ирака» началось. Условия для меня создались почти царские: грузовик был забит старой мебелью, списанной за ненадобностью каким-то российским учреждением в Багдаде и потому с легким сердцем отданной для наших экспедиционных нужд, – диван, кресла, столы, стулья. Устроившись в мягком кресле с продавленными пружинами, я вслушивался в звуки просыпающейся иракской столицы. И все пытался разглядеть вокруг какие-то осязаемые следы эпохи Харун ар-Рашида и других знаменитых персонажей из сказок «Тысячи и одной

ночи». Но Багдад, с его шумными улицами, стадами разномастных автомобилей и вполне современными зданиями, мало чем напоминал сказочный город халифов. Картина изменилась лишь за его пределами: здесь уже безраздельно господствовала муза истории – Клио.

Широкая лента асфальтового шоссе плавно ложится под колесами автомобиля. Мелькает жесткая зелень финиковых пальм, аккуратные кубики желто-коричневых глинобитных селений. Густо дымят, словно старинные броненосцы, высокие квадратные трубы многочисленных печей маленьких кирпичных заводиков. А вокруг на многие километры раскинулась унылая, опаленная солнцем лессовая равнина. Ни кустика, ни деревца, ни травинки. В природе господствуют только два цвета – серый и желтый, цвета пустыни.

Но однообразие пейзажа в Месопотамии очень обманчиво. По обочинам дороги то и дело выплывают из знойного марева облезлые купола мавзолеев с гробницами мусульманских святых, руины старых городов, замков и селений. Даже на долю искушенного археолога такие поездки выпадают не часто. Преодолевая эти 500 километров, отделяющие Багдад от Телафара, я в буквальном смысле слова окунулся в самые глубины тысячелетней истории страны. Прямо на дорожных откосах лежат голубые россыпи обломков поливной керамики. С нашей, европейской точки зрения, это почтенное Средневековье, X, XI, XII века. Однако в рамках общей истории Ирака – всего лишь кратковременный, хотя и яркий эпизод. Под руинами мусульманских построек повсюду скрыты многометровые напластования следов бесчисленных культур, которые сменяли друг друга на протяжении многих тысячелетий. Стоит заметить один интересный факт, как услужливая память тут же подсказывает тебе и еще кое-что. Именно в Ираке находились два знаменитых чуда света, упомянутые в Библии, – Вавилонская башня и висячие сады Семирамиды. Именно здесь, на иракской земле, бушевали когда-то губительные волны всемирного потопа. Древние греки называли эту страну Месопотамией (от слов «месос» – середина и «потамос» – река, что можно перевести как «Междуречье»). Современное название страны – Ирак – имеет в переводе с арабского тот же самый смысл: «земли, лежащие по берегам». С незапамятных времен жизнь в этом краю щедрого южного солнца была возможна только близ источников воды, прежде всего, вдоль великих азиатских рек Тигра и Евфрата. Благодатные лессовые почвы этих речных долин при должном уходе и искусственном орошении давали невиданные урожаи пшеницы и ячменя. И неудивительно, что именно здесь, в Месопотамии родилась самая первая на нашей планете цивилизация – шумерская. Шумеры породили Вавилон и Аккад. На смену им пришла воинственная Ассирия. Персы, греки, скифы, парфяне, римляне, арабы – все они в той или иной мере были наследниками первой цивилизации Двуречья. «Их (шумеров. – В.Г.) цивилизация, – писал известный английский археолог сэр Леонард Вулли, – вспыхнув в еще погруженном в варварство мире, была действительно первой. Прошли те времена, когда начало всех искусств искали в Греции, а Грецию считали возникшей сразу, вполне законченной, точно Афина из головы олимпийского Зевса. Мы знаем теперь, что этот замечательный цветок собрал в себя соки мидийцев и хеттов, Финикии и Крита, Вавилона и Ассирии. Но корни идут еще дальше: за ними всеми стоит Шумер».

Но вернемся из глубины веков в век двадцатый! Солнце поднялось довольно далеко и стало ощутимо припекать голову и плечи. По времени мы должны были проехать от Багдада не меньше ста километров. Местность же вокруг по-прежнему оставалась плоской и унылой. И вдруг впереди, словно мираж пустыни, какими-то неясными, размытыми контурами проступили на горизонте темная полоска зелени, серые соты домов и желтый купол какого-то крупного здания. «Самарра! Золотая мечеть!» – крикнул мне Миша, наполовину высунувшись из кабины. Да, это была она – знаменитая столица халифов Аббасидов, куда они на целых 56 лет перенесли свой трон, бежав из многолюдного и неспокойного Багдада. В центр города мы, однако, не поехали. Дорога круто повернула налево, к бетонной плотине через реку Тигр. С высоты своего положения я мог отчетливо разглядеть и голубые изразцы, и огромный, крытый золотом купол знаменитой мечети ар-Рауд ал-Аскария (здесь находятся могилы шиитских имамов), и спиральный 50-метровый конус минарета Мальвия. Миновали плотину. И опять палящее солнце, ровный гул мотора и серо-желтое безмолвие вокруг.

Постепенно рельеф становится холмистее. В большом селении Бейджи (в 200-х км от иракской столицы) традиционная остановка для отдыха: водители и пассажиры наскоро едят и пьют в местных ресторанчиках и харчевнях. Здесь, в Бейджи, или где-то рядом, видимо проходит невидимая граница между двумя микроклиматическими зонами. Это явственно ощущаешь и по погоде, и по окружающей местности. Холмы становятся выше и многочисленнее. Кое-где по склонам зеленеет трава. Появляются

первые участки с посевами пшеницы и ячменя. Видимо, в этих местах дождей уже хватает для неполивного земледелия.

Справа, там, где вдали темнеет неровная линия высокого берега Тигра, вижу ответвление дороги. Указатель с надписью по-английски и по-арабски: «Шургат (Шеркат), 120 км». Шургат – это современный арабский городок, примостившийся прямо у подножья высоких валов древнего Ашшура – первой столицы грозной Ассирийской державы. Это место знаменито не только своей важной ролью в истории Месопотамии, но и тем, что здесь практически родилась и прошла свои первые университеты современная месопотамская археология. На крутых откосах Тигра одиннадцать лет, с 1903 по 1914 г., звенели лопаты и кирки местных рабочих-арабов, а усеянную щебнем и обломками керамики глинистую землю рассекали строгие линии траншей и шурфов. Немецкий археолог Вальтер Андре учился здесь копать строго научно: послойно, с фиксацией глубины залегания и отдельных находок и архитектурных сооружений. Это был совершенно новый этап в развитии археологии, сменивший в Месопотамии прежние, по сути своей кладоискательские раскопки, проводившиеся Боттой, Лэйярдом, Рассамом и Сарзеком в XIX в. К тому же, работавшие в экспедиции Андре местные арабы приобрели прекрасный полевой опыт, превратившись в подлинных знатоков земляных работ. С тех пор, шургатцы – жители Шургата – стали незаменимыми помощниками профессиональных археологов – зарубежных и иракских.

Еще несколько десятков километров, и налево, в пустыню, уходит от главного шоссе еще одна наезженная дорога. Она ведет в Хатру, некогда знаменитый торговый, политический и культурный центр Северной Месопотамии, где сходились влияния Востока и Запада, Севера и Юга и где купцы продавали на шумных базарах товары из далекой Индии и Ирана, из Аравии и с берегов Средиземного моря. Надо сказать, что этот древний город поистине уникален: он весь построен из местного прочного камня и тем разительно отличается от глинобитной архитектуры остального Двуречья[1].

Уже под вечер, когда наш грузовик с трудом взобрался на вершину высокого каменистого холма, я увидел в предзакатных лучах солнца незабываемую картину. В огромной естественной котловине, сквозь дымку испарений, едва проступали контуры бесчисленных жилых кварталов, состоящих из одноэтажных и двухэтажных домиков. Над ними то здесь, то там возвышались голубые купола мечетей и острые иглы минаретов. Буйная зелень парков и садов, аромат цветущих роз, шумная, по-восточному пестрая толпа на улицах, бесконечные ряды харчевен и лавок создавали какую-то неповторимую атмосферу всеобщего праздника, карнавального веселья. Это был Мосул – вторая столица Ирака, Уммал-рабийян, «город двух весен», как его называют местные жители за хороший климат, особенно приятный осенью и весной. Поставив машину возле красивого здания городского музея, утопающего в цветущих кустах роз, мы отправились в ближайшую харчевню. Возвращались уже в сумерках. На улицах зажглись фонари. Толпа стала гуще и оживленнее. И, вдруг, проходя по узкому грязноватому переулку, ведущему к музею, Рауф Магомедович задумчиво сказал: «Сегодня в лагерь попасть мы уже не успеем. Придется ночевать в Ниневии». Миша как-то безразлично согласился: «В Ниневии, так в Ниневии». Я же в первый момент несколько растерялся. Конечно, подумалось мне, мы, археологи, люди ко всему привыкшие, но зачем же нам из живого и веселого города ехать на ночь глядя к руинам древней ассирийской столицы и спать там среди развороченных холмов и могил, на пронизывающем ветру, под вой шакалов?

«Это та самая Ниневия, которую копал в XIX веке англичанин Лэйярд?» – робко спросил я нашего внешне невозмутимого начальника, надеясь в глубине души, что речь идет о другой, более современной единице поселения, лишь однофамилице своей более знаменитой сестры. «Та самая» – лаконично ответил Рауф Магомедович и решительно открыл дверцу кабины. Одолеваемый самыми мрачными предчувствиями, я кое-как устроился среди своей мебельной рухляди и приготовился к долгому пути. Миша лихо выкатил на центральную городскую площадь, пересек длинный, весь в огнях, мост через широкий полноводный Тигр, и мы очутились словно в другом мире. Впереди, чуть правее шоссе, на высоком холме можно было едва различить скопления каких-то старинных зданий, над которыми возвышался на фоне быстро темнеющего неба, словно «перст указующий», тонкий минарет старинной мечети Наби-Юниса. Влево от него уходила длинной лентой странная рыжеватого оттенка глинистая стена.

Уличные фонари освещали ее во всем великолепии. «Это же и есть валы Ниневии, место нашего вынужденного ночлега», – догадался я с некоторым опозданием. Но мы едем дальше. Едем километр,

[1] По сообщениям зарубежной и российской прессы, игиловцы, захватив Хатру в 2015 г., взорвали все ее наиболее известные храмы и дворцы.

другой, третий. А древние валы все не кончаются. Наконец, грузовик поворачивает направо, огибает эту бесконечную стену и въезжает внутрь городища, в чудесный сад, обрамленный стройными колоннами кипарисов. В глубине его вижу приземистый прямоугольник большого глинобитного строения, посыпанный щебнем просторный двор, навесы для машин. Из сторожки выходит высокий худощавый араб в длинном коричневом плаще и с фонарем в руке. Он пытливо осматривает наш грузовик, пассажиров и, слегка улыбнувшись, делает приветливый приглашающий жест: «Фаддаль» («Пожалуйста» – араб.). Спать на могильных холмах сегодня явно не придется. Оказывается, мы находимся на базе постоянно действующей Ниневийской археологической экспедиции Директората древностей Ирака. Сотрудников экспедиции сейчас нет, поскольку сегодня выходной, они предпочитают провести время в городе. Но сторож согласен предоставить нам и стол, и дом.

Полчаса спустя, совершенно обессиленный от долгой дороги и переполнявших меня впечатлений, я уже лежал в отдельной комнате на удобной металлической кровати и думал о том, что завтра меня ждет Ярым-Тепе, лагерь экспедиции и долгожданная встреча с товарищами. Засыпая под мелодичное пение муэдзина (видимо, где-то рядом с базой находилась мечеть), я бормотал себе под нос: «Ну вот я и в Ираке, древней Месопотамии, среди холмов Ниневии, проклятой Библией ассирийской столицы!».

С тех пор каждую весну в течение последующих десяти лет (1971–1980 гг.) я постоянно приезжал в Ирак в составе российской археологической экспедиции для раскопок древних поселений в Синджарской долине. Удалось поездить по стране и познакомиться со многими всемирно известными памятниками прошлого: Ур, Нимруд, Ашшур, Хатра, Вавилон. Но я совершенно сознательно довольно пространно изложил свои самые первые впечатления о стране легендарных халифов и бесчисленных, исчезнувших в веках, цивилизациях. А, как известно, первые впечатления всегда самые объективные и самые яркие. И теперь пора обратиться к делам нашей экспедиции и работавшим в ней людям.

Весной 1969 г., согласно специальному соглашению между Директоратом древностей Иракской республики и Академией наук СССР, в Месопотамию отправилась первая российская археологическая экспедиция, созданная на основе Института археологии АН СССР. Ее возглавил заместитель директора Института Рауф Магомедович Мунчаев.

Какие же научные проблемы собирались решать на месопотамской земле наши археологи? Сейчас трудно себе представить, что каких-нибудь 50–60 лет назад солидные археологические монографии и журналы хранили полное молчание о дописьменной, дошумерской истории Ирака. Археологические исследования велись главным образом на юге и в центре Великой Месопотамской равнины, среди руин некогда цветущих городов Шумера, Вавилона, Ассирии, а север Месопотамии оставался почти в полном забвении. Лишь постепенно, к 50-м годам XX в. удалось, благодаря довольно скромным по масштабам раскопкам нескольких древних поселений (теллей) Сирии и Ирака, создать приблизительную картину развития дописьменных раннеземледельческих культур, состоявшую из трех периодов. По принятой среди археологов традиции, каждый такой период получил название той местности или пункта, где проводились первые раскопки. Так появились на свет последовательно сменявшие друг друга культуры: Хассуна (VI тыс. до н.э.), Халаф (V тыс. до н.э.) и Убейд (конец V – IV тыс. до н.э.). Но информации о них было еще ничтожно мало, и не удивительно, что именно эти ранние памятники на севере Месопотамии заинтересовали россиян прежде всего. Неподалеку от городка Телафар в Синджарской долине было обнаружено во время рекогносцировочной поездки Н.Я. Мерперта и Н.О. Бадера сразу несколько древних теллей. Один из них был наполовину размыт водами ручья. Отсюда и название всей окружающей местности – Ярым-Тепе, что означает по-тюркски «половина холма». Уже первый осмотр теллей обнадеживал: прямо на поверхности трех из них лежали обломки глиняной посуды, относящейся к трем основным этапам развития раннеземледельческой культуры Месопотамии – хассунскому (Ярым-Тепе I), халафскому (Ярым-Тепе II) и убейдскому (верхняя часть телля Ярым-Тепе III). На крохотном «пятачке» площадью менее одного квадратного километра наглядно запечатлелась почти вся история первых земледельцев Древнего Востока, от ее начала и до порога шумерской цивилизации.

Подходящий объект для раскопок был таким образом выбран, и теперь оставалось лишь приступить к практической работе. Но здесь и возникли сложные организационные проблемы. Легко ли было организовать большую российскую археологическую экспедицию в Ираке, по сути дела, на пустом месте, без какого-либо знания страны и характера местных древностей. Сложность наших первых шагов на ниве месопотамской археологии заключалась в том, что мы просто не имели права «потерять свое лицо» перед другими иностранными экспедициями,

работать менее успешно, чем они. И надо отметить, что свои «археологические университеты» в Ярыме мы прошли достаточно быстро и хорошо. Видимо, здесь сыграл свою роль общий высокий уровень профессиональной подготовки всех членов экспедиции, их энтузиазм, готовность учиться всему новому и полезному, работать самозабвенно, не считаясь со временем и затратой сил. Об уровне квалификации нашего научного состава красноречиво говорит только один факт: в 1980 г. (это последний год работы экспедиции в Ярым-Тепе) из восьми научных сотрудников (девятым был шофер – М.У. Юнисов) четверо были докторами (Р.М. Мунчаев, Н.Я. Мерперт, О.Г. Большаков, В.И. Гуляев) и четверо – кандидатами исторических наук (Н.О. Бадер, В.А. Башилов, А.В. Куза, И.Г. Нариманов). Подобной концентрацией великолепных научных сил не могла тогда похвастаться ни одна другая зарубежная экспедиция.

Уже по прошествии первых двух-трех полевых сезонов стало ясно, что свой самый трудный экзамен – достойно «войти» в месопотамскую археологию – мы в целом выдержали успешно. И главную лепту в успех наших исследований в Ираке внес, бесспорно, наш начальник – Рауф Магомедович Мунчаев, имевший до этого богатый опыт археологических раскопок на Северном Кавказе.

Именно он, наряду с дирекцией Института археологии АН СССР, принимал самое активное участие в подборе состава экспедиции. Именно на его плечи лег и основной груз организационно-административной работы, да еще в условиях дальнего зарубежья. Достаточно на миг представить себе круг его обязанностей, особенно на первых порах функционирования «ярымского проекта», чтобы проникнуться к нему искренним уважением и благодарностью. Перечислю лишь самые важные из них. Выбор места для постоянного лагеря экспедиции и его обустройство, налаживание снабжения продовольствием и водой (и питьевой, и для бытовых нужд), наем рабочих, организация полевых исследований сразу на нескольких объектах (Ярым-Тепе 1, Ярым-Тепе 2, Телль-Сотто и др.), поддержание контактов с иракскими властями и взаимоотношения с Посольством СССР в Багдаде. И, как показали все годы пребывания нашей экспедиции в Ираке, Рауф Магомедович справлялся с названными проблемами не просто хорошо, а, можно сказать, блестяще.

Местность, где мы обосновались – город Талафар и его окрестности, – был населен не арабами, а туркманами, поскольку в прошлом входил в состав Мосульского вилайета Османской Турции. Здесь и выяснилось, что Мунчаев, выросший в многоэтничном Дагестане, свободно владеет местным диалектом языка, что, естественно, заметно облегчало внешние контакты нашей экспедиции (наем рабочих из окрестных деревень, общение с властями и торговцами Телафара).

Представляется, что наиболее важной, и отнюдь не легкой, обязанностью нашего начальника были регулярные (раз в две-три недели) поездки из Ярыма в Багдад за получением в Посольстве СССР денег для выплаты зарплаты рабочим. Поездки эти занимали обычно несколько дней и требовали значительного напряжения моральных и физических сил, поскольку для преодоления 500 км от Ярым-Тепе до иракской столицы приходилось использовать несколько видов транспорта (такси, автобусы, поезд Мосул–Багдад). Как правило, Рауфа Магомедовича сопровождал в таких поездках наш главный знаток арабского языка (ныне главный научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, доктор исторических наук, профессор) Олег Георгиевич Большаков. Обычно мы с нетерпением ждали возвращения «мудира», так как он привозил и дорогие сердцу «весточки с Родины» – письма. От успеха личных контактов с чиновниками Посольства зависел, несомненно, во многом и общий успех нашей экспедиции. И, надо сказать, что Рауф Магомедович всегда выполнял эту свою деликатную «дипломатическую» миссию просто блестяще. На всем протяжении нашего пребывания в стране (с 1969 по 1985 г.), к нам относились с искренней симпатией и всегда были готовы помочь самые первые официальные лица Посольства, что обеспечивало надежной государственной поддержкой наши археологические исследования и нашу жизнь в далекой арабской стране. Вот что говорит об этом сам Рауф Магомедович. «С большой теплотой и благодарностью мы постоянно вспоминаем наших дипломатов, работавших в Багдаде в конце 60-х – 70-е годы прошлого века. Как же они нам здорово помогали! Достаточно сказать, что наша экспедиция была единственной из всех зарубежных археологических экспедиций, работавших в Ираке, которую постоянно посещали самые высокие лица Посольства СССР. Сейчас трудно назвать всех поименно. Но нельзя не отметить Олега Витальевича Ковтуновича, Михаила Александровича Крапивина, Кима Ахмедовича Кошева, Виктора Викторовича Посувалюка и особенно Феликса Николаевича Федотова. Все они были необычайно внимательны к нам и охотно выполняли любую нашу просьбу. А какая была радость, когда они приезжали к нам на Ярым-Тепе!». Эти теплые и дружеские отношения сохранялись и позднее. Ф.Н. Федотов, бу-

дучи после Ирака Чрезвычайным и Полномочным Послом Советского Союза в Йемене и Сирии, во многом содействовал организации российских историко-культурной экспедиции в Йемен и археологической (с 1988 г.) в Сирию.

Выше уже отмечалось, с какой сложной ситуацией столкнулись российские археологи, приступив к раскопкам в Ираке, не имея даже элементарного опыта в особенностях месопотамской археологии. Но уже спустя два-три года дела нашей экспедиции пошли совсем неплохо, о чем наглядно свидетельствовали и наши находки, и пристальное внимание и уважение к нам со стороны зарубежных коллег. Благодаря раскопкам в Синджарской долине, мы получили возможность познакомиться со всеми крупными западными специалистами в области месопотамской археологии, причем многие из них посетили наши раскопки в Ярым-Тепе. Здесь побывали, например, известный английский археолог, автор фундаментальной монографии «Археология Месопотамии» (в 1984 г. переведена на русский язык) профессор Сетон Ллойд, глава Немецкого археологического института в Багдаде доктор Юрген Шмидт, профессор Фудзи из Токийского университета и многие другие. В Ираке мы познакомились на одном из официальных приемов с крупнейшим американским археологом-востоковедом профессором Робертом Мак-Адамсом. Через совместные российско-американские симпозиумы по археологии Ближнего Востока и Средней Азии (они проходили раз в два года, попеременно в СССР и в США) мы установили прочные научные контакты с такими известными учеными, как Роберт Брейдвуд (Чикагский университет), Роберт Дайсон (Музей Пенсильванского университета в г. Филадельфия), Карл К. Ламберг-Карловски (директор Музея Пибоди Гарвардского университета) и др.

Я не говорю уже о ведущих иракских археологах – Фуаде Сафаре, Фавзи Рашиде, Тарике Мадлуне и др., неоднократно посещавших Ярым-Тепе и принимавших нас в Багдаде. Словом, опыт международного научного сотрудничества, полученный нами благодаря многолетним и успешным полевым исследованиям на иракской земле, был и разнообразен, и очень полезен.

Теперь о людях нашей экспедиции. В разные годы в составе Иракской археологической экспедиции Института археологии Академии наук СССР работали 14 человек, из которых трое были техническими сотрудниками, а одиннадцать – научными. Из последних, О.М. Джапаридзе (профессор Тбилисского университета), С.С. Ширинский и П.Д. Даровских работали в Ярыме по одному полевому сезону, Г.Н. Лисицына – неполных два, а все остальные – по много лет. Но независимо от срока своего пребывания в Месопотамии, все они – яркие и творческие личности, профессионалы своего дела, и каждый из них заслуживает особого внимания и самых добрых слов. К глубокому сожалению, большинство из них уже ушло из жизни. Мы (Р.М. Мунчаев, Н.О. Бадер и я) постарались, хотя бы частично, дать представление об этих необыкновенных людях в своей книге «Первые российские археологи в Месопотамии. Ирак, 1969–1980, 1984–1985 годы». Но, по правде сказать, многие из наших коллег заслуживают отдельной книги. И лучше всего о них сказал Рауф Магомедович, ведь именно он подбирал подходящих специалистов в разных академических институтах (хотя в основе всегда был наш Институт археологии), именно он руководил ими в «поле», наблюдая, каковы эти кадры в деле, на пыльных раскопах Ярыма. «Считаю своим долгом, – вспоминает он, – отметить здесь имена российских первопроходцев в археологии Месопотамии. Это Николай Яковлевич Мерперт, Николай Оттович Бадер, Владимир Александрович Башилов, Олег Георгиевич Большаков, Валерий Иванович Гуляев, Андрей Васильевич Куза, Идеал Гамидович Нариманов, Отар Михайлович Джапаридзе, Горислава Николаевна Лисицына, а также Петр Дмитриевич Даровских и Муса Умарович Юнисов. В чрезвычайно тяжелых природно-климатических условиях Северо-Западного Ирака эти люди вложили не только свой огромный труд и профессиональный опыт, но душу и сердце в обеспечение успехов ярымской эпопеи…» (рис. 1–9).

В заключение надо сказать самые теплые слова и в адрес нашего дорогого начальника – Рауфа Магомедовича Мунчаева. Его личные качества во многом способствовали созданию в узком «ярымском» мирке, где девять мужчин в течение трех месяцев вынуждены были жить бок о бок, на трудной работе и в тяжелом климате, но зато в атмосфере дружбы и товарищества. Человек далеко не железного здоровья, внешне очень сдержанный, наш начальник всегда был готов помочь другим сотрудникам экспедиции в случае необходимости. Капризы местной погоды, непривычные пища и вода, огромные физические и эмоциональные нагрузки на раскопках отнюдь не способствовали постоянному поддержанию идеальной физической формы. Наиболее распространенными «хворями» были желудочные инфекции, заболевания сердца и сосудов (от резких перепадов температуры, атмосферного давления,

влажности и т.д.), но мы научились их довольно успешно лечить «домашними» средствами (энтеросептол, фталазол, анальгин, валидол, аспирин, но-шпа и т.д.). Однако были и более серьезные случаи, когда от Рауфа Магомедовича требовались весьма решительные шаги, вплоть до эвакуации заболевших на Родину (Муса Умарович Юнисов с кровоточившей язвой желудка, Горислава Николаевна Лисицына с жесточайшей аллергией). Именно «мудир» был инициатором и организатором столь желанных для нас «ярымских» традиционных праздников: 25 апреля (день рождения Андрея Кузы), 1 и 9 мая, 2 июня (день рождения О.Г. Большакова). В выходные дни (мусульманская «джума» – пятница), если позволяли погода и настроение, мы выезжали в ближние и дальние экскурсии по стране: Белет-Синджар, Хатра, Ниневия, Нимруд, Ашшур, Вавилон, Ур, Ктесифон и другие, всемирно известные памятники древности Месопотамии.

В сентябре 2018 г. Рауфу Магомедовичу исполнилось 90 лет, и, на мой взгляд, будет очень полезно напомнить коллегам о давних и полузабытых страницах истории первого российского археологического проекта в Ираке, которым так успешно руководил юбиляр. А свои личные пожелания дорогому Рауфу я хотел бы облечь в чеканные строки знаменитого дагестанского (аварского) поэта Расула Гамзатова:

«Остановись, мой конь, остановись,
Натянутым поводьям покорись,
Осталась где-то юность за спиною.
Скачи, мой конь, вдоль скальных амбразур,
Переходи на бешеный аллюр,
Тебе ль не знать, что молодость со мною?!»

P.S. Так будь же Рауф вечно молодым!
Служи нам образцом и мудрости и чести!

В.Г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер Н.О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.

Гуляев В.И., 2006. В стране первых цивилизаций: Ирак. М.

Мунчаев Р.М., Бадер Н.О., Гуляев В.И., 2013. Первые российские археологи в Месопотамии. Ирак, 1969–1980, 1984–1985 годы. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.

V.I. Gulyaev

RECOLLECTING IRAQ: FIRST RUSSIAN ARCHAEOLOGISTS IN MESOPOTAMIA

Abstract. The paper recollects excavations of the first archaeological expedition led by R.M. Munchaev in Mesopotamia. This archaeological project implemented in 1969–1980 which covered the period stretching from the Pre-Pottery Neolithic to the Chalcolithic (within 8000–4000 BC) became a bright page of Russian archaeology. These excavations enriched world science and greatly added to our understanding of various periods of producing economy development in the Near East.

Keywords: R.M. Munchaev; Mesopotamia; Pre-Pottery Neolithic; Chalcolithic; first excavations of the Russian expedition in Iraq.

Рис. 1. Во внутреннем дворе иракского музея в Багдаде.
О.Г. Большаков, М.У. Юнисов, П.Д. Даровских, Н.Я. Мерперт, Р.М. Мунчаев

Рис. 2. Ярым Тепе. Лагерь экспедиции 1972 г.

Рис. 3. Р.М. Мунчаев и А.В. Куза на раскопках Телля Магзалия 1977 г.

Рис. 4. В.А. Башилов и А.В. Куза на Телле Магзалия.
Ведение полевой документации холодным мартовским днем 1977 г.

Рис. 5. Телль Магзалийа 1977 г. Второй слева И.Г. Нариманов, крайний справа Р.М. Мунчаев

Рис. 6. Город Абу – Сенам. В гостях у бедуинов.
В центре: д-р М. Таки, Р.М. Мунчаев. Справа: И.Г. Нариманов, А.В. Куза, Н.О. Бадер

Рис. 7. Р.М. Мунчаев с девочкой. Город Телафар 1971 г.

Рис. 8. Р.М. Мунчаев на раскопках Телля Магзалия, 1977 г.

Рис. 9. Ярым Тепе II. Гончарный горн

В.И. Молодин

СИРИЙСКИЙ ДНЕВНИК

Резюме. В статье, посвященной выдающемуся российскому ученому, член-корреспонденту РАН Рауфу Магомедовичу Мунчаеву, показан небольшой эпизод деятельности российской археологической экспедиции в Сирии, проводимой осенью 2001 г. на замечательном объекте Телль-Хазна I, при непосредственном участии автора. В научно-популярной дневниковой форме показаны трудности и радости работы археолога, стержневая роль Р.М. Мунчаева в организации и проведении этих многолетних исследований. Подчеркнуты многолетние дружеские контакты сирийского и российского народов, глубокое сожаление по поводу гражданской войны, развязанной в Сирии радикальными исламистами.

Ключевые слова*:* Сирия; Телль-Хазна I; археологические исследования; Пальмира; Р.М. Мунчаев.

В 2018 г. патриарх российской-советской археологии, член-корреспондент Российской академии наук, Рауф Магомедович Мунчаев отмечает свое девяностолетие. С Р.М. Мунчаевым меня разделяет 20 лет. Конечно, эта дистанция в немалой степени определяла наши отношения. Я всегда ощущал его отеческую заботу, неформальное участие в моих делах, добрый совет, живой отклик на любую мою просьбу, искреннюю радость за любой мой успех.

Мы познакомились близко на международном симпозиуме в Грузии, в Сигнахи, когда волею устроителей оказались на базе, где проходили заседания, в одном номере. Я, конечно, по молодости комплексовал, однако Мунчаев сразу взял надо мною шефство и преподал неоценимые уроки поведения за грузинским столом, что позволило мне избежать возможных конфузов, связанных с гостеприимством хозяев, касающихся потребления разнообразия вин и других спиртных напитков.

Вообще, как известно, «восток – дело тонкое», и советы Рауфа Магомедовича, касающиеся, в том числе, взаимоотношений с коллегами на докладе и особенно дискуссиях, весьма пригодились мне, и не только в Сигнахи.

После этого знакомства мы уже встречались в Москве и на разных других мероприятиях как добрые знакомые, а потом и друзья. Замечательно, что эти отношения продолжаются и сегодня. Пожалуй, так тепло, ненавязчиво и в то же время искренне могут дружить немногие, но для народов Кавказа это характерно, как мне кажется, особенно. И, конечно, я горжусь тем, что могу назвать себя другом Мунчаева, этого не только замечательного человека, но и выдающегося ученого, автора десятков книг и сотен статей, посвященных и археологии родного Кавказа, и Ирака, и Сирии – стран, где ему довелось очень эффективно работать в полевых условиях.

Наконец, нельзя не отметить того грандиозного вклада, который внес Р.Ф. Мунчаев как организатор советской, российской археологии, особенно многие годы являясь заместителем директора, а затем и директором нашего центрального института страны – Института археологии РАН в Москве (Институт, 2000. С. 12–13) (рис. 1).

Стоит ли говорить, что приглашение принять участие в юбилейном сборнике, посвященном Рауфу Магомедовичу, я воспринял как огромную честь. Более того, получив это лестное приглашение, я сразу понял, что напишу.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.39-50

В 2000 г. на одной из встреч в Москве Мунчаев рассказывал о своих раскопках в Сирии. Замечательный памятник Телль-Хазна, на протяжении нескольких лет исследуемый международной российско-сирийской экспедицией, возглавляемой Мунчаевым, ежегодно открывал миру совершенно удивительную информацию. В настоящее время опубликована двухтомная фундаментальная монография, вводящая в научный оборот материалы этого памятника (Мунчаев и др., 2004; Мунчаев, Амиров, 2016). Тогда Рауф Магомедович пригласил меня поработать в Сирии в составе его экспедиции.

В связи с тем, что работал я тогда заместителем Председателя Сибирского отделения РАН, я мог поехать в Сирию только на полмесяца, однако Мунчаева это не смутило…

В результате я побывал в удивительной экспедиции, поучаствовал в раскопках потрясающего памятника, своими глазами увидел восхитительную Пальмиру…

Сегодня, когда мир обезумел, когда Сирию раздирает гражданская война, когда сотнями гибнут люди, в том числе женщины и дети, я каждый раз, смотря сводки с фронта, мысленно возвращаюсь в Сирию. И каждый раз, когда мы встречаемся в Москве с Рауфом Магомедовичем, мы не можем не говорить о Сирии. О том, как в одночасье эту мирную процветающую страну втянули в братоубийственную гражданскую войну, в которой, как известно, не бывает победителей.

И в этой статье, посвященной моему дорогому другу Рауфу Магомедовичу Мунчаеву, я хочу вспомнить о той, незабываемой для меня сирийской экспедиции, о том удивительно теплом отношении простых сирийцев к нам, русским.

То, что моя страна активно помогает сирийцам в борьбе с варварами и извергами рода человечества, вселяет в меня уверенность, что прежние счастливые времена вернутся, что мир придет на многострадальную сирийскую землю.

Мои путевые заметки, которые я вел во время работы экспедиции, посвященные не только ее начальнику, Рауфу Магомедовичу Мунчаеву, но и Сирии, ее многострадальному народу с такой удивительной историей и культурой. Я счастлив, что мне выпала честь реально соприкоснуться с этой историей, с ее современными носителями. И произошло это благодаря моему замечательному другу – Рауфу Магомедовичу Мунчаеву.

Следуя своей давней традиции, в Сирии я вел ежедневные дневниковые записи, которые и предлагаю сегодня читателю. Я позволил себе лишь незначительную стилистическую обработку и некоторые сокращения, касающиеся сугубо личных (и потому, безусловно, субъективных) оценок и впечатлений. Невольно ловлю себя на мысли, что прошло ведь с того времени шестнадцать лет! Многое изменилось и, к сожалению, часто не в лучшую сторону…

12.10.2001. МОСКВА–ДАМАСК. Первая половина дня прошла хлопотно. По поручению Николая Леонтьевича[1] поехал в Президиум Академии, где должен был передать срочные документы его помощнику, Татьяне Павловне Мельниковой. Застал у нее академика Г.А. Толстикова, с которым у меня самые теплые отношения. За обедом они оба жалели меня. Сегодня вечером я улетаю в Сирию, в Дамаск, в давно запланированную экспедицию, куда пригласил меня Рауф Магомедович Мунчаев – выдающийся археолог, специалист мирового класса по проблемам древнейших цивилизаций. Честно говоря, после сентябрьских событий в регионе [2] и особенно после недавних событий с нашим самолетом[3], лететь в эту экспедицию в Сирию я как-то не жаждал. Однако, что делать? Билеты заранее куплены, виза получена и лететь надо. В Новосибирске и домашние, и в Президиуме, и в Институте – тоже были встревожены этой поездкой. Я уже не говорю о Наташе[4]. В СМИ, правда, Сирия упоминается не часто, однако регион, где происходят ужасные события, – тот же. Ну да ладно. Дело сделано, отступать некуда. Татьяна Павловна меня, правда, еще и порадовала. Вручила сентябрьский номер «Вестника РАН» с моей статьей. Это, конечно, приятно.

После Президиума поехал в Институт археологии, где у Валерия Ивановича Гуляева[5] для меня оставлены документы и билеты. С Валерием у меня давние дружеские отношения. Привез ему наши последние журналы и книги. Поговорили об институтских и академических новостях, выпили по рюмке.

В гостиницу, часов около 17, приехал Виктор Панченко[6]. Выглядит очень уверенным и веселым.

[1] Николай Леонтьевич Добрецов, академик, Председатель Президиума Сибирского отделения РАН, вице-президент Российской академии наук.

[2] Имеется в виду обострение израильско-палестинского конфликта.

[3] На учениях над Черным морем украинская ракета сбила российский пассажирский самолет Тель-Авив–Новосибирск. Все пассажиры погибли.

[4] Супруга автора.

[5] Профессор В.И. Гуляев – в то время заместитель директора Института.

[6] Мой друг. Бывший пограничник с Укока. Живет и работает в Москве.

Обменялись последними новостями. Виктор мягко так намекнул, что нельзя ли, мол, не лететь? Но я этот разговор не поддержал, на сегодня уговоров мне хватило.

…Поездка из гостиницы в аэропорт Шереметьево прошла на удивление быстро. Андрей[7] довез меня за час, избежав пробок.

…Уже пройдя паспортный контроль и ожидая посадки, познакомился с молодым сирийцем. Он врач, женат на русской, живет и работает в Москве. Зовут его Махмуд. Очень приятный и общительный парень. Уверяет меня, что в Сирии все спокойно, опасаться вообще нечего. Мы обменялись визитными карточками. Услышав мои опасения по поводу возможной не встречи меня в Дамаске (мало ли, как там сложится ситуация), сразу пригласил к себе.

К счастью, все обошлось без приключений. Летели мы довольно сносно, хотя в нашем Ту-154 теснота жуткая. Не вдохновляло еще и то, что летели мы по маршруту нашего недавно сбитого пассажирского самолета. Однако, к счастью, все обошлось.

В аэропорту Дамаска меня встретили двое молодых людей из нашего посольства. Помощь Махмуда не понадобилась, и мы тепло распрощались. Один из встречающих был помощник посла – Артем Кожин. Благодаря им я моментально прошел все пограничные формальности, и мы минут за 20 добрались до нашего Посольства.

В Дамаске было тепло, темно и тихо. Стоял особый, характерный только для юга, горьковатый запах. Все утопало в зелени. После октябрьской Москвы все это, конечно, выглядело весьма контрастно и, не скрою, приятно.

Меня прекрасно разместили в гостинице при Посольстве. Очень удобный большой номер, видимо, здесь останавливаются приезжающие в посольство гости. Принял блаженный душ – и спать. На душе спокойно и легко. Со мной всегда так бывает после посещения моего любимого Храма[8]. А в этот раз там было совсем пусто и, можно сказать, была по-настоящему интимная обстановка, что я особенно люблю. Это дает силы и душевные, и физические. Еще бы этот простудный кашель, подхваченный в сентябрьской экспедиции, залечить, и тогда все бы было ОК, думал я, уже засыпая.

13.10.01. ДАМАСК–ХАСЕКЕ. Выспался отлично, хотя встал рано, за час до звонка дежурного по посольству. Артем пришел вовремя, и мы перед отъездом на автобусную станцию успели позвонить в Новосибирск маме и Наталье. Слава Богу, теперь мои знают, что я благополучно долетел.

Артем любезно проводил меня на автостанцию, откуда рейсовые автобусы развозили людей из Дамаска в разные концы страны. Билет мне был приобретен заранее, и при помощи дипломата я очутился в своем автобусе, идущем в Хасеке. Это небольшой город на северо-востоке Сирии, рядом с которым находится база нашей экспедиции и памятник, на котором ведутся многолетние раскопки.

Ориентир один – конечная остановка, которая должна произойти часов через 8. Языковой барьер весьма существенен. Ни русский, ни английский практически не работают. К тому же и надписи, как правило, выполнены арабской вязью. Так что старая добрая пословица, что «язык до Киева доведет», в данном случае не работает. Впрочем, ехал я в целом без приключений, хотя чуть не приехал в Хасеке без багажа. В каком-то городишке, примерно на половине пути, водитель остановил машину у ресторанчика, чтобы перекусить. Я купил пару бананов и яблочный сок, что и составило мой обед. Брать что-то более существенное не рискнул. Поскольку все объявления делались на арабском – следил за своими попутчиками. Подошел автобус, к которому устремилась вся толпа пассажиров. Все расселись. Сел и я. Поехали. И тут меня что-то насторожило (и водитель был другой). Додумался показать свой билет и багажную квитанцию водителю. Он остановил машину и жестами начал посылать меня назад, откуда мы только что выехали. Ничего не понимаю. К счастью, таких набралось еще двое, и наша троица вернулась в ресторанчик. По дороге мои попутчики на немыслимой речевой смеси, которую я таки понял (!), объяснили мне, что через какое-то время подойдет наш автобус. Так и случилось. Оказывается, в Хасеке раньше уехали те пассажиры, у которых не было багажа. Как это для меня ни странно, я почти не волновался, хотя оказаться в центре Сирии без языка – перспектива незавидная.

Но дальше все шло без приключений. В Хасеке въехали что-то около 18 часов, уже при полной темноте (темнеет здесь очень рано). Здесь тоже все обошлось без сюрпризов. Рауф Магомедович с двумя сотрудниками уже ждал меня у автобуса.

Оказалось, что лагерь экспедиции и Телль, который исследовался уже более 10 лет, расположены в 26 км от Хасеке. Как потом оказалось, огромная долина, продолжающаяся в Ирак, пестреет теллями как грибами.

Вечером в лагере Мунчаева нас уже ждали. Это был хорошо мне знакомый профессор из Москвы

[7] Московский водитель из системы Академии наук.
[8] Храм Ризоположения на Донской улице в Москве.

Николай Яковлевич Мерперт – выдающийся советско-российский археолог, а также сотрудницы лаборатории моего друга Евгения Николаевича Черных в Институте археологии, палинолог Лена Лебедева и палеозоолог Катя Антипина. Нас встретил также московский аспирант Рауфа Магомедовича – сириец Сулейман, выпускник краснодарского университета.

Я распаковал мой спасенный чемодан, отдал начальнику экспедиции все привезенное спиртное, с которым здесь напряженка, хотя и нет сухого закона. Присовокупили и московские продукты. И за стол. Девочки постарались. Все было очень вкусно и весело. В самый разгар застолья приехал местный шейх, друг Рауфа Магомедовича – весьма колоритная и приятная фигура. Мы познакомились. Оказалось, что сирийцы пьют с удовольствием, а женщины не носят паранджи – это не Пакистан, где мне недавно приходилось возглавлять академическую делегацию. Там законы значительно жестче и непривычнее для европейца.

Уже поздно вечером разошлись. Собственно говоря, и расходиться-то особо было некуда. Лагерь экспедиции состоит из двух 10-местных палаток (не считая арендованных построек, где расположены столовая и камералка), в одной живут мужчины (к вышеперечисленным добавился и я), во второй – девушки. Ночь была очень теплая, и если бы не мой запущенный бронхит, то спал бы спокойно…

14.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ. С утра Рауф Магомедович познакомил меня с исследованиями памятника. По его мнению, это культовый комплекс, который экспедиция исследует на протяжении уже более 10 лет, обнажены внушительные стены высотой более 8 м! Находки, полученные в результате раскопок этого года, весьма впечатляющие. Совершенно роскошные сосуды, мелкая пластика, серия интересных захоронений. Узнав, что я рисую, Рауф Магомедович попросил меня заняться зарисовкой найденных предметов. (И сейчас, когда я листаю роскошные монографии Мунчаева, с удовольствием нахожу свои рисунки. Значит, и мой, хотя бы и скромный, но вклад остался от этой сирийской командировки.) После экскурсии, не откладывая дело в долгий ящик, я сел за работу в камералке. Зарисовал несколько предметов. И Мунчаев, и Мерперт остались довольны моим творчеством.

Потом приехал местный шейх, друг Рауфа Магомедовича, по имени Абу Нассар. Выяснилось, что нам необходимо съездить в Хасеке, поскольку моя виза была как-то не вполне оформлена. В результате обошли всех начальников и как будто все утрясли. Вынужден был сфотографироваться, но в итоге мы получили все разрешения и заверения от местной службы безопасности в своей легализации.

Вздохнув с облегчением, мы отправились на местный базар, где начальник экспедиции сделал необходимые закупки. Для меня это был своего рода этнографический сюжет – восточный базар, на котором прежде чем ты что-либо купишь, нужно не только непременно попробовать (к примеру, оливки), но и поторговаться. Мунчаев блестяще владел всеми этими премудростями, поскольку, если ты этого не делаешь и сразу что-то покупаешь, тебя воспринимают как какого-то ненастоящего, точнее несерьезного покупателя. Процедуру выбора облегчало знание Мунчаевым языка.

К обеду, то есть к началу первого мы были уже в нашем лагере. Поскольку подъем здесь в 5 утра, а начало работы в 6, в 12 земляные работы на раскопе уже заканчиваются.

Днем спать мне как-то не хотелось, и я отправился на памятник, благо он был от лагеря совсем рядом (рис. 2). Погода чудесная, не очень жарко. Я пофотографировал и поработал над статьей, которую взял с собой. Было настолько тепло, что я разделся до плавок и в таком виде передвигался по раскопам и верхушке Телля. Вечером я получил за это справедливый втык от начальника. Ведь мы в мусульманской стране, и следует уважать ее законы.

В 19 часов за нами приехал сын шейха, и мы отправились к нему на ужин. Ужин был по-восточному обилен и вкусен. Через два часа мы вернулись в лагерь и дружно отправились спать.

15.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ. Ночь прошла спокойно. Я почти не кашлял, по-видимому, местный климат способствует избавлению от бронхита. После завтрака сразу сел за рисунки и поработал в целом весьма продуктивно, хотя навык уже, конечно, не тот. Особенно замечательным оказался комплекс из захоронения, где обнаружены прекрасные подвески и раковины и камня, в виде уточек, рыбок, петуха и какого-то животного.

Настроение испортило послание из департамента древностей Хасеке, привезли мой паспорт с отказом от продления моей визы. Мотивировка более чем странная, якобы моей фамилии нет в списках членов экспедиции! Все, естественно, расстроились, и на завтра Рауф Магомедович запланировал поездку в Хасеке. Как бы не пришлось уезжать раньше. Очень жалко, ведь практически еще ничего не успел посмотреть.

Сулейман, правда, успокаивает меня тем, что местные чиновники настолько слабо подготовлены, что наверняка что-то напутали. Посмотрим.

Вечер. Пишу дневник, а по радио песня – «Плывут сибирские девчата навстречу утренней заре по Ангаре…». Песня моей юности. С этой песней у меня связана непроходящая ассоциация… Абрау-Дюрсо, мы, старшеклассники, едем с уборки винограда домой, в Новороссийск. Наши девчонки вот эту песню, а среди них Верочка, к которой я неравнодушен… Как странно вспомнить все это, что было почти сорок лет назад, в детстве, здесь, в Сирии, так далеко от Родины. Надо будет все-таки как-то съездить в Новороссийск, да и в Карелию[9] тоже. Заканчиваю писать дневник и часок до ужина попробую поработать.

16.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ – ХАСЕКЕ. Утро началось с неприятности. Мой заботливый начальник заставил меня сдать экспресс-анализ на сахар. Получили мы совершенно гигантскую цифру. Такой у меня еще никогда не было. По-видимому, это и систематическое нарушение режима, и нервы. Ясно одно, следует порежимить, а через какое-то время повторить эксперимент. Рауф Магомедович расстроился больше, чем я. Удручающее впечатление этот результат произвел и на других участников экспедиции.

Ну что же сделать? Буду режимить. После завтрака сходил на раскоп, где трудятся рабочие – сирийцы – под руководством Н.Я. Мерперта и Сулеймана. Методика разительно отличается от привычной мне. Потом пошел на свое рабочее место в камералку, где продолжил рисовать. Где-то в половине 9-го приехал наш шейх, и мы с начальником экспедиции и Сулейманом поехали в Хасеке, выяснять о моей разрешительной отметке в паспорте. (Задал же я здесь всем хлопот, то сахар, то разрешение нужно выбивать!) На удивление все объяснилось очень просто. При чтении бумаг со списками состава экспедиции чиновники как-то пропустили мою фамилию, которая там, конечно же, была. Таким образом, все пошло по второму кругу. Пока мы с Рауфом Магомедовичем дожидались Абу Нассара, прошлись по магазинам и купили мне летние экспедиционные брюки.

В лагерь вернулись уже к обеду. После обеда Мунчаев предложил мне прогуляться на соседний холм (телль), где также ведутся раскопки, и где присутствует самый древний культурный слой с керамикой, датируемой VII тыс. до н.э. (Выходит, это самая древняя в Месопотамии посуда?) После посещения холма, на котором в текущее время раскопки, к сожалению, не велись, я еще несколько часов порисовал, поскольку материала было много.

17.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ. Спал не очень хорошо. Просыпался от приступов кашля. В общем, не выспался. С утра до конца рабочего дня занимался зарисовкой материала. В результате закончил все, что было необходимо. Перед обедом отснял на слайды предметы наиболее типичные и лучшие, полученные в этом году. Так что одну пленку отстрелял полностью. До обеда успел даже помыться и постираться. Экспедиция заканчивает свои работы. Сулейман с рабочими завершает земляные работы на памятнике, а Николай Яковлевич сводит все планы и чертежи, заканчивая раскопочную документацию. За завтраком и обедом режимлю. Сегодня удалось даже выкроить время и поработать над статьей, которую взял из дома.

18.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ – КАМЫШЛЫ. Ночью пошел грозовой ливень. Наша палатка моментально потекла по всем швам. Мой угол оказался, пожалуй, наиболее сухим, однако промок все равно. Оказывается, ливню, как говорит Рауф Магомедович, предшествовала сильная ветровая буря. Действительно, все было сильно засыпано песком. После того как стихия унялась, проспали как никогда долго, до 6-30. После завтрака приехал Абу Нассар и мы втроем, с Рауфом Магомедовичем поехали в город Камышлы, расположенном на крайнем северо-востоке, на границе с Ираком и Турцией. По пути к городу вдоль дороги постоянно встречались телли всевозможных размеров от небольших холмиков до огромных холмов. В этом районе страны выпадает больше осадков и поэтому почва куда плодороднее. Отсюда и многовековая освоенность территории.

Центр города Камышлы очень оживлен. Население – преимущественно курды. Много магазинов. На улицах много женщин, одетых вполне поевропейски и даже с непокрытой головой. Сделав небольшие покупки, зашли к брату Абу Нассара, который ездил покупать новую машину. Дом богатый, из мрамора. Приняли нас очень тепло. Угощали, расспрашивали о Москве и Сибири. В лагерь вернулись уже во втором часу и обед у нас был поздний. До обеда успел сделать копии моих же рисунков для полевого отчета экспедиции и описи. Еще одна хорошая новость и, кажется, готов мой паспорт. Физическое состояние тоже стало получше. Кажется, режим дает о себе знать.

Вечером опять едем в гости. Рауф Магомедович пользуется у сирийцев огромным авторитетом, и все хотят видеть его у себя в доме. Конечно, вместе с ним приглашают и всех русских.

На этот раз мы приглашены к шейху, младшему брату Абу Нассара (рис. 3). Присутствовали также

[9] В этих местах прошла юность автора.

и его взрослые сыновья. Конечно, фотографировал. По просьбе Рауфа Магомедовича меня обрядили в арабские одежды, и, как все дружно отметили, я вполне сошел бы за сирийца (рис. 4). Фамилия же моя, которую арабы произносят как «Малад дин», придает этому маскараду особый антураж. Во всяком случае, почва для разговора – очевидна. Стол накрыт традиционно в одной из комнат, на ковре, а мы вокруг полулежим. Наши девушки Лена и Катя тоже допущены в мужскую компанию. Стол замечательный. Жареные куры, рис, картофель, фрукты. Все очень вкусно. Стараюсь сдерживаться и налегаю на фрукты. Чертов бронхит, к сожалению, так и не проходит (рис. 5).

19.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ. Ночью опять был сильнейший ливень. Палатка держала минут 10, а потом был сплошной потоп. Хотя я, по примеру старожилов, и свернул свою постель в рулон – все-таки всё оказалось весьма влажным. К утру, впервые в Сирии, сильно замерз. Нужно было, конечно, влезть в спальник, но поскольку сверху капало и все было полумокрым – делать этого не стал. В результате, в шесть пришлось подниматься, хотя можно было бы и еще поспать.

Работы на раскопе уже закончены. Девочки занимаются сборами, а я в основном разнообразной писаниной. Дела идут, хотя и медленно. Умудрился даже немного подремать, поскольку бессонная ночь дает о себе знать, периодически почитывая Акунина.

Днем погода разгулялась, и я даже принял душ. Вода вполне прогрелась. Наш начальник решил устроить сегодня прощальный ужин, т.к. на днях будем сниматься и переезжать в Хасеке. Главный этап экспедиции, таким образом, завершен, и завершен блестяще (рис. 5).

Вечером устроили отвальную. Было очень приятно и весело. Рауф Магомедович и Николай Яковлевич рассказывали много веселого и интересного. Кстати сказать, много вспоминали и про моего учителя – академика А.П. Окладникова. После войны Мерперт работал с ним в Монголии (в соседних отрядах), и, конечно же, рассказывал о фантастических открытиях, которые А.П. совершал чуть ли не ежедневно, приводя в восторг и москвичей, и монголов. Это приятно.

20.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ. День прошел в целом как обычно, однако существенной неприятностью оказалось то, что все многочисленные укусы комаров, которых здесь превеликое множество – и на которых я как-то не обращал внимание, вдруг начали дико чесаться. Терплю, как могу, не дай Бог начать расчесывать.

По существу, все работы закончены. Завтра последние сборы и выезжаем в Хасеке.

21.10.01. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ – ХАСЕКЕ. Ночь почти совершенно не спал. Тело от укусов чесалось со страшной силой. Забылся, может быть, на час-полтора. Утром Рауф Магомедович потребовал меня на экспресс-анализ. К сожалению, сахар упал совсем ненамного. Утро ушло на сборы. Сняли палатки, перенесли все в домик, где камералка. Начальник пригласил меня в комнату, где помещались его личные вещи. Там стоял довольно массивный сундук. Открыв его, Рауф Магомедович предложил мне на память об экспедиции выбрать любую рубашку, каких в сундуке было, наверное, десятка два. Я с благодарностью выбрал. Поскольку у нас примерно одинаковые размеры – рубашка мне подошла.

В 10 за нами пришла машина, а в 11 мы уже были в департаменте древностей, где нам определили квартиру и, что очень кстати, с горячей водой.

Сулейман попрощался и рванул на автовокзал, чтобы ехать в Дамаск, где у него родители, а Рауф Магомедович с командой отправился в какую-то контору, где необходимо заполнить экспедиционные документы. Я остался, чтобы хоть немного прийти в себя после бессонной ночи.

В 18 часов едем к кому-то в гости ужинать, чувствую себя получше, да и кашель почти прошел. Теперь побороть бы чесотку и все будет ОК. Весь вечер провели в гостях. Нас пригласили две семьи. В обоих браки смешанные, жены русские, а мужья – инженеры, учились у нас в Союзе. В одной паре жена из Ташкента, в другой из Ленинграда. И таких семей, как сказал мне Р.М. Мунчаев, здесь довольно-таки много. Конечно, у людей ностальгия по прошлому. Поистине, «что имеем – не храним!!!». И это вся наша компания по поводу утраченного Союза дружно признала. Надо сказать, что обе принимающие нас семьи очень современны. Ребята прекрасно разбираются в политике и, конечно, очень любят и Сирию, и Россию. По поводу специфики Востока. Конечно, она есть, однако есть и другое. Нас, например, обслуживали за столом три современных юных девушки. Никаких комплексов! Стол был очень обильный. И… какая уж тут диета.

Перед сном принял горячий (очень горячий!) душ. На укусы это подействовало позитивно, и спал я в целом неплохо.

22.10.01. ХАСЕКЕ. Встали в 6 утра. Уже по привычке. Максимально горячий душ и как будто бы могу какое-то время жить спокойно. После завтрака направились всей группой в центр города, в отдел охраны памятников, где нужно набрать на ком-

пьютере наш научный отчет. Катя и Лена остались этим заниматься, а мы – Рауф Магомедович, Николай Яковлевич и я пошли звонить в Дамаск, в наше посольство. Все переговоры закончились успешно. Нас ждут. Уже к 2 часам вернулись с Мерпертом в нашу квартиру, а наш начальник поехал за билетами в Дамаск. По-видимому, выезжать будем завтра с утра.

Вечером на ужин нас опять пригласили ребята, которые учились в Союзе, а сейчас здесь работают. Очень славные люди! Они прекрасные инженеры, прочно стоят на ногах. А какую память они сохранили о России! Без всякого сомнения, для них это вторая родина! Очевидно, что у нас их учили очень качественно, и память об СССР они несут очень хорошую. Еще раз обидно за все, что у нас произошло, и рикошетом коснулось наших истинных друзей.

Из гостей вернулись уже в 23–30, необычно поздно для нашего распорядка.

Перед сном – снова под кипяток. После этого могу уснуть.

23.10.01. ХАСЕКЕ–ДАМАСК. Утром позавтракали и отправились на автовокзал. Вещей набралось довольно-таки много, однако, справились. А на автовокзале нас ждал приятный сюрприз. Все-таки Абу Нассар приехал нас провожать. Эти дни он, оказывается, приболел. Что-то есть, безусловно располагающее в этом, таком искреннем и так хорошо настроенном к России и нам, русским, человеке.

До Дамаска доехали вполне благополучно. Выдержав бой с таксистами, которые просто атаковали нас, желая увезти до российского посольства, с комфортом доставили до места. В посольстве нам выделили две квартиры. Сходил с начальником в соседний магазинчик, где Рауф Магомедович закупил продукты на ужин. После ужина помылся кипятком, и укусы досаждали меньше.

Уже в начале 11-го встретились с Артемом Кожиным. Он заверил, что с оставшимися у нас делами никаких проблем не будет и отлетом на родину – тоже. Он тепло поздравил Рауфа Магомедовича с блестящим завершением сезона.

24.10.01. ДАМАСК. После завтрака мы с Николаем Яковлевичем отправились в национальный музей. Девушки пошли в свободное плавание за покупками, а Рауф Магомедович – на прием к послу. Наше путешествие по Дамаску ранним утром было очень приятным. 8 утра, тихо, не жарко и, даже, можно сказать, прохладно. Мы шли по центральной части города, с особым южным колоритом. Весьма впечатляет ярусная застройка крутых гор, покрытых жилыми домами. По ходу много фотографировал.

В музее нас уже ждали. Еще раз убедился в том, что российская археологическая экспедиция Мунчаева – в Сирии очень уважаема и популярна. Впечатляет двор музея, заполненный огромным количеством мраморных статуй, прекрасно вписанных в пейзаж зеленых нахождений. Преимущественно – это античность, но было и многое другое.

Сам музей совершенно не зауряден. Под палеолит и неолит отведены небольшие залы, там экспонируются великолепные рубила и прочий замечательный инвентарь, в том числе из обсидиана. Для эпохи неолита типична мелкая пластика – изображения, прежде всего, домашних животных.

Основные залы посвящены раннеземледельческим культурам и, разумеется, античности. Конечно, это в значительной степени – Пальмира. Скульптура, керамика, глиняные таблички с клинописью, мелкая пластика – вот, если говорить в целом, тот набор, который в изобилии представлен в музее.

Российскому археологу заниматься всем этим великолепием, конечно, можно. Методику полевых исследований, с моей точки зрения, можно даже усовершенствовать, но при этом необходимо одно главное условие – знание английского, французского, немецкого и желательно арабского языков. Впрочем, то же можно сказать и по классической (античной) археологии, да и по археологии древнекаменного века – тоже.

Очень интересен был зал, оформленный под апартаменты султана, с резной деревянной мебелью, цветными витражами, «бахчисарайскими» фонтанчиками.

Интересны отделы с оружием, знаменитыми дамасскими саблями, нумизматический зал.

Замечательны фрески древнейшей синагоги, исследованной самим академиком М.И. Ростовцевым.

После осмотра музея, который продолжался более двух часов, мы пришли к месту нашего рандеву с Р.М. Мунчаевым в департамент древностей Сирии. Рауф Магомедович и Сулейман уже ждали нас. Документы были оформлены, и нас принял глава департамента, который рассыпался в любезностях и благодарностях русским коллегам, т.е. нам.

….Дома нас уже ждали Катя и Лена, которые были очень довольны от посещения местных магазинов.

После обеда Рауф Магомедович, Лена и Катя пошли по магазинам, Николай Яковлевич тоже пошел за покупками, а я остался дома, где повалялся и полистал Г. Чхартишвили. Книга ужасно мрачная, называется «Писатель и самоубийство». Право, лучше бы он и дальше писал про Фандорина.

25.10.01. ДАМАСК–ПАЛЬМИРА. Утром вместе с Леной и Катей отправились в Пальмиру. Действительно, быть в Сирии и не побывать в Пальмире – это было непростительно. Ведь это один из самых известных и неплохо дошедший до нашего времени античный памятник.

Как это не удивительно, Пальмиру и Россию связывают очень давние связи. В 1882 г. российский археолог князь С.С. Абамелек-Лазарев один из первых прекрасно документировал этот выдающийся памятник. Именно Семен Семенович обнаружил в Пальмире каменную плиту, весом в несколько тонн, с надписью на греческом и арамейском языках. Позднее, в качестве дара турецкого султана Николаю II, плита оказалась в Эрмитаже, где сейчас и хранится (Абамелек-Лазарев, 1884). Да и название Санкт-Петербурга Северной Пальмирой – тоже говорит о многом.

Рауф Магомедович утром посадил нас на такси, и мы благополучно добрались до автовокзала. Там нас буквально перехватили агенты автобусных фирм, и уже через 5 минут у нас были билеты на Пальмиру.

Два с половиной часа прошли незаметно. Автобус ввез нас в город, и поскольку колоннада была отлично видна по правую руку, то дальше мы без труда добрались до древнего города. Мы оказались в завершающей части экскурсионного маршрута, и поэтому были предоставленными сами себе, что, впрочем, меня порадовало. Хотелось самому во всем разобраться, тем более что к этому свиданию я заранее готовился по известной в России книге польского археолога К. Михайловского (1968).

Мы прекрасно прогулялись и в течение двух с половиной часов осмотрели почти всё. Если говорить предельно кратко (и не сказать об этом никак нельзя!), мы осмотрели все храмы, которые в большой или меньшей степени здесь сохранились. Аллат, Баалшамина, Бела, Набу. Храм Бела просто потрясает.

В городе, конечно, прежде всего, замечательна главная улица с удивительной колоннадой. Меня особенно потряс античный театр (рис. 6), как архитектурным решением, так и акустикой.

Не может оставить равнодушным и средневековая крепость Фахр ад-Дина, которую мы, правда, наблюдали из города.

Совершенно необычны так называемые башенные гробницы. Ну, и, конечно, не может оставить равнодушным Пальмирский музей, в котором представлена масса экспонатов, полученных при раскопках в Пальмире. У входа нас встретила грандиозная скульптура «льва Аллат», символизирующая защитные функции богини – защитницы животных.

Конечно, каждый сюжет, увиденный нами в Пальмире, был достоин того, чтобы о нем долго и подробно рассказывать, но, наверное, это уже не для дневника, к тому же, все это лучше увидеть. На словах передать впечатления едва ли возможно.

Но каким же великолепным все это было первоначально! Что это был за город-оазис, и можно представить себе, какое потрясающее впечатление он производил на какого-нибудь бедуина из пустыни. Он ведь, этот город, и возник первоначально как оазис.

Одним словом – чудо! (см.: Бунни, аль-Ас’ад, 2016).

Назад мы добирались тоже без особых приключений. В том же месте, где высадились, сели на автобус в Дамаск, а затем на такси и в посольство.

Вечером все вместе поужинали. К нам в гости зашел сотрудник посольства, Руслан. Очень любознательный юноша, интересуется археологией. Принес огромный торт, чем привел наших девушек в полный восторг, а нас с начальником – в уныние. Ведь диету-то необходимо соблюдать.

Конечно, весь вечер находились под впечатлением от увиденного в Пальмире. Конечно, и то, что город дошел до нас таким через два тысячелетия, через все исторические бури и катаклизмы – это тоже чудо. Понимаешь, что только ради того, чтобы посмотреть ЭТО – стоило ехать в Сирию.

26.10.01. ДАМАСК. Сегодня был последний день нашего пребывания в гостеприимной Сирии. День очень насыщенный и по-своему знаковый. Утром, после завтрака, Рауф Магомедович повел меня на последнюю экскурсию в Дамаске. Это была мечеть VIII в., где хранится одна из знаковых христианских святынь – голова Иоанна Крестителя, а также одного из пророков. Такая толерантность меня поразила. Сама мечеть перестроена из римского храма. Народу очень много. Разумеется, это мусульмане. Нас принимают за иранцев, и мы не возражаем.

Вся внутренняя часть дворика мечети облицована мрамором, а внутри помещения все застлано коврами.

Голова Крестителя, отчлененная Иродом в угоду приемной дочери Иродиаде – уцелела. Она покоится в отдельном зале, в роскошном саркофаге, по-моему, из бронзы, ничем не уступающем по пышности тому, в котором помещены мощи пророка. Над саркофагом возведена часовня с инкрустациями, выполненными зеленым стеклом. Все это выглядит очень торжественно и вместе с тем роскошно.

После посещения этой удивительной мечети мы отправились на обед к другу Рауфа Магомедовича – главному редактору центральной газеты Сирии. Нас встретили очень тепло, как дорогих друзей. Семья славная, очаровательная супруга, приветливые ребятишки. Обед был роскошный, нас долго не хотели отпускать и только то, что нам еще нужно было собираться, – остановило наших радушных хозяев.

Итак, вечером летим домой…

Вот такая, по-настоящему незабываемая экспедиция была в моей жизни благодаря Р.М. Мунчаеву.

В заключение этой статьи, я хочу пожелать Рауфу Магомедовичу Мунчаеву здоровья и долгих лет жизни, я хочу пожелать ему вернуться в Сирию и вновь возглавить работы совместной экспедиции, а это будет возможно, когда в Сирии наступит мир…

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абамелек-Лазарев С.С., 1884. Пальмира. Археологическое исследование. СПб.

Бунни А., аль-Ас□ад Х, 2016. Пальмира. История. Памятники. Музей. М.

Институт археологии: история и современность, 2000: сб. науч. биографий. М.

Михайловский К., 1968. Пальмира. Варшава.

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., 2016. Телль-Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в северо-восточной Сирии. Т. 2. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. Телль-Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. М.

V.I. Molodin

THE SYRIAN DIARY

Abstract. The paper dedicated to Rauf Magomedovich Munchaev, an outstanding Russian and Soviet scholar, a corresponding member of the Russian Academy of Science, describes a short episode with direct involvement of the author from excavations conducted by the Russianarchaeological expedition in Syria at the wonderful Tell-Hazna-1 site in the autumn of 2011. Difficulties and joys of an archaeologist's work, R.M. Munchaev's central role in organizing and conducting these excavations over many years are presented in the form of a popular-science diary. The paper highlights long-lasting friendly contacts between the Syrian and Russian peoples and expresses deep regret about the civil war unleashed by radical Islamists in Syria.

Keywords: Syria; Tell-Hazna-1; archaeological excavations; Palmira; R.M. Munchaev.

Рис. 1. В.И. Молодин и Р.М. Мунчаев. Институт археологии РАН, 2001 г.

Рис. 2. В.И. Молодин. Телль Хазна, 2001 г.

Рис. 3. В.И. Молодин и Р.М. Мунчаев в гостях у одного из членов фамилии Абделькерим (шейхи племени шаммар)

Рис. 4. В.И. Молодин, в центре, в арабской одежде

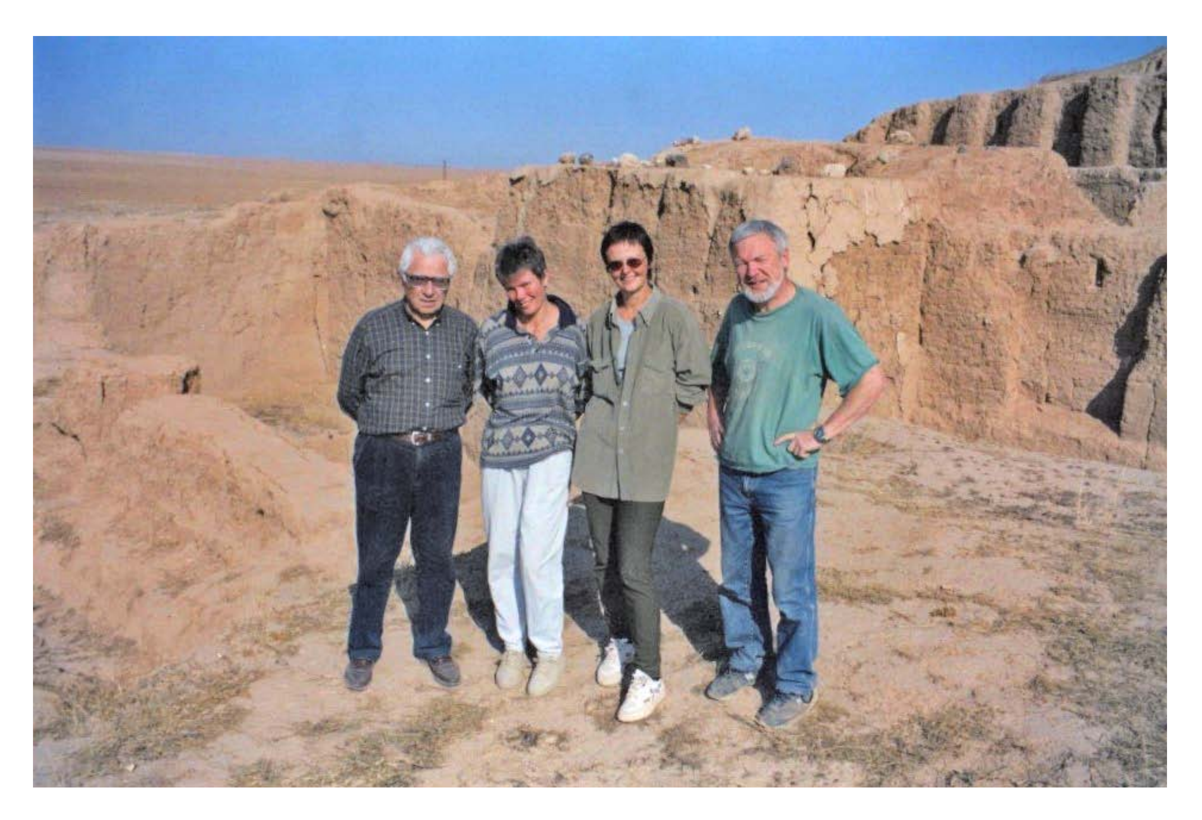

Рис. 5. Завершение полевого сезона. Р.М. Мунчаев, Ек.Е. Антипина, Е.Ю. Лебедева, В.И. Молодин (слева направо). Телль Хазна, 2001 г.

Рис. 6. Театр в Пальмире (фото 2001 г.)

Раздел II

КАВКАЗ

Северный Кавказ и Дагестан

А.Р. Канторович, В.Е. Маслов, В.Г. Петренко

ОТКРЫТИЕ ДРЕВНЕЙШИХ БРОНЗОВЫХ НОСОВЫХ КОЛЕЦ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ БЫКАМИ В ПОГРЕБЕНИИ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ

Резюме. Данная статья посвящена характеристике новшеств, связанных с развитием транспортной системы знаменитой майкопской культуры эпохи ранней бронзы Северного Кавказа, а именно приспособлениям для управления парной бычьей упряжкой, которые были впервые обнаружены in situ, в рабочем состоянии авторами данной статьи в ходе раскопок 2009 г., проведенных Ставропольской экспедицией кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Анализируется соответствующий погребальный комплекс № 25 кургана № 1 могильника «Марьинская-5» в Ставропольском крае. В данном погребении были выявлены два параллельно уложенных черепа особей крупного рогатого скота с бронзовыми петлеобразными элементами – носовыми кольцами с сохранившейся ременной обмоткой из кожи. Ранее такие изделия по морфологическим признакам и исходя из их парной комплектности считались майкопскими «псалиями», т.е. древнейшими элементами конской узды, но при этом никогда не обнаруживались вместе с конями. Возможно, эти кольца – элемент сложного бычьего недоуздка, представленного в целом ряде переднеазиатских и южносибирских изображений эпохи бронзы, а также известного в Царском могильнике Ура в качестве реалий и их отображений.

***Ключевые слова*:** майкопская культура; бронзовый век; Северный Кавказ; носовые бычьи кольца; парная бычья упряжка; Ставропольский край; экспедиция кафедры археологии МГУ; Марьинский курган; Ур; проблема коневодства.

К кругу обширных и многогранных научных интересов выдающегося археолога, кавказоведа и востоковеда Рауфа Магомедовича Мунчаева, помимо прочего, относится и замечательная майкопская культура/культурно-историческая общность Северного Кавказа. Именно этой тематике, в том числе истории транспорта майкопской культуры, нашедшей отражение в одной из ключевых работ Рауфа Магомедовича (Мунчаев, 1973. С. 71–77), посвящена наша статья.

Мы рассмотрим важную инновацию, связанную с развитием транспортной системы майкопской культуры, – бронзовые приспособления для управления быками, которые были впервые обнаружены in situ в рабочем состоянии авторами данной статьи. Это произошло в 2009 г. в ходе раскопок кургана эпохи бронзы Ставропольской экспедицией кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова у станицы Марьинская (Кировский район Ставропольского края), близ административной границы с Кабардино-Балкарией. Работы проводились при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 09-01-18103е, руководитель проекта и экспедиции – доцент кафедры археологии исторического факультета МГУ А.Р. Канторович) и при всестороннем содействии ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края (директор – А.Б. Белинский). В работах принимали участие сотрудники отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН – старший научный сотрудник В.Г. Петренко и научный сотрудник В.Е. Маслов, студенты и аспиранты учебно-производственной практики исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, специалисты ГУП «Наследие».

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.53-72

Исследуемый памятник представлял собой одиночный курган, получивший обозначение как курган 1 могильника «Марьинская-5». Он находился на правой, высокой террасе р. Куры примерно в 1,9 км к северо-востоку от станицы Марьинская (рис. 1).

В ходе раскопок кургана были зафиксированы четыре земляные насыпи, последовательно перекрывавшие друг друга, причем склоны и основания трех нижних насыпей были покрыты высокими крепидами, выложенными из галечных камней (рис. 2–4). Основание третьей (верхней) крепиды было прорезано по кругу серией из 16 могил северокавказской культуры эпохи средней бронзы, перекрытых грунтовыми досыпками, образовавшими четвертую – верхнюю насыпь. В кургане были открыты впускные захоронения катакомбной и лолинской культур, «киммерийские» и «сарматские» погребальные и ритуальные комплексы, а всего 34 погребения (Канторович, Маслов, 2012).

Основное ядро кургана – три насыпи с крепидами – были поэтапно возведены в эпоху ранней бронзы племенами майкопской культуры, совершившими здесь 6 захоронений на протяжении примерно трехсот лет. Стратиграфия и материалы этих майкопских захоронений уже нашли отражение в нашей предварительной публикации (Канторович и др., 2013). В настоящей статье будут подробно рассмотрены именно материалы погребения № 25, с которым связано открытие бронзовых приспособлений для управления быками.

Погребение № 25 находилось в юго-западном секторе насыпи. Уровень, с которого оно было впущено в насыпь II, достоверно проследить не удалось, потому что верхняя часть кургана здесь была разрушена немецким блиндажом, построенным зимой 1942/1943 г. Однако расположение могилы в поле насыпи со значительным смещением по отношению к ее центру демонстрирует, что это было наиболее позднее из захоронений майкопской культуры. Есть все основания считать, что данному погребению соответствовала очередная досыпка насыпи, склоны которой были покрыты третьей, верхней крепидой.

Могильная яма погребения № 25 имела следующие размеры: по верху – 4,1 м (северо-восток–юго-запад) × 3,8 м (северо-запад–юго-восток), по дну соответственно – 4,05 × 3,65 м. Своим северным краем яма перерезала нижнюю крепиду насыпи I и была заглублена в материк (рис. 5). Как выяснилось в процессе расчистки, внутри могильной ямы располагалась огороженная столбами квадратная площадка размерами 2,6 м (северо-восток–юго-запад) × 2,55 м (северо-запад–юго-восток). Плоско обрубленные столбы ограды были установлены в канавы (шириной 30–40 см и глубиной до 70 см) и укреплены засыпкой из камней и земли. Столбы формировали стены могильной камеры и одновременно служили опорой деревянного перекрытия. Под давлением земли и камней наружной забутовки столбы наклонились вовнутрь (рис. 7; 8; 10; 11; 20).

В целом погребальное сооружение реконструируется как перекрытая плахами квадратная в плане камера со сплошными столбовыми стенами, высота которых над земляным полом составляла около 1 м. Возможно, это своеобразная модель жилища, которая пока не имеет прямых аналогий. К числу ближайших соответствий следует отнести погребение № 3 в кургане 1 группы 2 у села Чегем II, расположенного всего лишь в нескольких десятках километров от ст. Марьинской. Здесь стены прямоугольной могильной ямы были также обложены булыжником, в заполнении были обнаружены фрагменты древесно-камышового перекрытия, а по углам были зафиксированы массивные столбы. Была здесь прослежена и подсыпка из глины. Погребение также было окружено крепидой из галечного булыжника (Чеченов, 1984. С. 197–199, рис. 26, *3*).

В погребении № 3 кургана 2 у с. Кишпек, по наблюдениям И.М. Чеченова, внутри большой квадратной могилы, вероятно, имелся древесно-камышовый каркас, ограничивавший обкладку обширной могилы камнями по периметру (Чеченов, 1984. С. 181–184, рис. 16).

Погребение № 25 кургана 1 могильника «Марьинская-5» оказалось ограбленным или потревоженным в древности: в центре могилы, на уровне погребенной почвы, на площади размерами 0,7 × 0,5 м было обнаружено скопление костей человека – мужчины 40–49 лет[1] – и кость ноги особи мелкого рогатого скота (рис. 6; 8). Под костями встречался коричневый тлен. Вокруг костей был прослежен неравномерный слой желтой глины диаметром около двух метров – подсыпка на дно могилы.

В ходе расчистки погребения было найдено золотое кольцо-подвеска, подтверждающее элитарный ранг погребения (рис. 8; 23, *1*; 24, *1*). Вероятно, подобные кольца могли входить в состав каких-то ожерелий – шейных или головных украшений. С.Н. Кореневский, исследовавший весь доступный массив майкопских погребений, полагает, что комплексы, которые содержат одно-два золотых колечка

[1] Определение Н.Я. Березиной, мл. науч. сотр. Научно-исследовательского института и музея антропологии имени Д.Н. Анучина (МГУ им. М.В. Ломоносова).

наряду с наборами военно-охотничьего снаряжения и инструментами деревообработки, можно уверенно относить к погребениям «элитного» ранга (Кореневский, 2004. С. 78–80).

Примечательно, что в нашем случае кольцо было найдено вместе с парным комплектом кинжалов (рис. 6; 8; 23, *2, 3*; 24, *2, 3*).

Эти кинжалы по морфологическим признакам относятся к группам КЧ-2 и КЧ-3 майкопского клинкового оружия по классификации С.Н. Кореневского (Кореневский, 2011. С. 50–52). В этой сводке кинжалов исследователь по недоразумению сослался на одну из наших находок как на кинжал из погребения № 32 кургана 1 могильника «Марьинская-5» (Кореневский, 2011. С. 50). Однако это женское погребение майкопской культуры, где не было инвентаря (Канторович и др., 2013. С. 74, 77, рис. 22–25). Очевидно, С.Н. Кореневский имел в виду кинжал из погребения № 12 этого кургана (Канторович и др., 2013. Рис. 29, *1*).

Крупный кинжал с выделенной гранями площадкой на клинке (КЧ-2) соответствует необходимым критериям боевого оружия (рис. 23, *3*; 24, *3*), в то время как миниатюрный кинжальчик со скругленным окончанием лезвия и лишь намеченным ребром жесткости (КЧ-3), хотя и имеет внешние признаки клинкового вооружения, выглядит скорее как вотивный или хозяйственный предмет (рис. 23, *2*; 24, *2*). По подсчетам С.Н. Кореневского, парные комплекты кинжалов, состоящие из короткого и длинного экземпляров, были представлены в 40% погребальных комплексов майкопской культуры с черешковыми кинжалами (Кореневский, 2011. С. 58).

В погребении № 25 была также найдена округлая в сечении костяная стрела с вытянутой головкой, выделенной над черешком-насадом прямоугольным уступом (рис. 23, *4*; 24, *4*). Подобные костяные стрелы в майкопских памятниках представлены находками в очень широком ареале от Чечни до черноморского побережья Северо-Западного Кавказа, где такая стрела была найдена в дольмене на р. Псыбе (Канторович и др., 2013. С. 101, рис. 43, *4*; 44, *4*; Тешев, 1980. С. 53, 55, рис. 2, *4*). Примечательно, что подобные стрелы были найдены и в элитной Нальчикской гробнице (Кореневский, 2017. С. 127, 128).

Чернолощеный сосуд (горшок) из погребения № 25 имеет на плечиках рельефный орнамент в виде трех дуг, помещенных одна над другой основаниями вниз (рис. 23, *7*; 24, *7*). Под горлом имеется круговой желобок, имеющий технологический характер. Единственная известная нам аналогия такому рельефному декору была встречена на краснолощеном горшке из погребения № 2 кургана 5 у с. Чегем I (Бетрозов, Нагоев, 1984. С. 10, 52, рис. 14, *17*). Следует отметить, что подобный рельефный орнамент встречается здесь и на сосудах последующей эпохи средней бронзы (Чеченов, 1984. Рис. 14, *3*).

По обряду и инвентарю погребение № 25 относится к долинскому варианту майкопской культуры эпохи ранней бронзы, чему не противоречит и радиокарбонная датировка этого комплекса по образцам из дубового бревна: в интервале 3334–3105 calBC с вероятностью 68,2% (1 σ) и 3347–3095 calBC (2 σ) с вероятностью 95,4% (выполнены в Мангейме, в лаборатории центра Curt-Engelhorn-Zentrum Archäometrie gGmbH – MAMS 13001).

Наиболее важные в научном отношении находки, относящиеся к погребению № 25, были обнаружены близ южного угла могилы, в забутовке между юго-западной стеной могильной ямы и частоколом. Здесь на краю ямы были уложены и перекрыты камнем головы двух бовинов – быков или буйволов (рис. 9; 10). Изначально обе головы были положены носовой частью к юго-юго-западу, затылочной – в сторону могилы. Правый рог «восточного» бовина (бык 1) пересекал левый рог «западного» бовина (бык 2), размах рогов последнего составлял 80 см. Рога были направлены острием в сторону, противоположную от могилы. Более крупный череп «восточного» бовина (бык 1), вероятно, под давлением камней в какой-то момент сдвинулся вниз – в полость, образовавшуюся от сгнившего столба, стоявшего рядом. В итоге этот череп сполз носовой частью вниз, и из него выпало бронзовое кольцо-закрутка (рис. 12). Череп «западного» бовина (бык 2) удалось расчистить *in situ* в горизонтальном положении. Он лежал за частоколом на поверхности земляной засыпки, у юго-западной стены могильной ямы. Сверху и с боков череп быка 2 был перекрыт камнем. Очевидно, что в нос «западного» бовина было вставлено бронзовое кольцо-закрутка (см. поэтапную фотофиксацию процесса расчистки – рис. 13–19), на котором визуально хорошо прослеживались следы ременной обмотки. Верхние и нижние зубы животного были окрашены зелеными бронзовыми окислами (рис. 18). Перед носовыми костями черепа прослеживался след дерева длиной не менее 50 см, шириной 10 см (рис. 14).

К сожалению, в нашей предварительной публикации материалов кургана 1 могильника «Марьинская-5», а также в полевом отчете, хранящемся в научном архиве ИА РАН, при обозначении находок на чертеже погребения № 25 была допущена досадная оплошность (Канторович и др., 2013. С. 87, рис. 35). Выпавшее из черепа кольцо «восточного» бовина

Таблица 1

Изделие	Cu, %	As, %	Ag, %	Ni, %
Погребение № 25, находка 5 – кольцо «восточного» бовина (бык 1) (образец 3513)	96,58	2,54	0,05	0,83
Погребение № 25, находка 6 – кольцо «западного» бовина (бык 2) (образец 3491)	94,24	3,61	0,14	2,02

Таблица 2

Изделие	Cu, %	As, %	Ag, %	Ni, %	Fe, %
Погребение № 25, находка 5 – кольцо «восточного» бовина (бык 1)	98,33	0,39	0,05	1,29	–
Погребение № 25, находка 6 – кольцо «западного» бовина (бык 2)	98,13	0,44	0,03	1,41	0,02

(бык 1) было помещено на чертеже под номером 6, хотя это находка 5 по порядковому списку инвентаря погребения, а найденное *in situ* кольцо «западного» бовина (бык 2) – соответственно, под номером 5, тогда как это находка 6. Во всех остальных случаях нами были приведены точные обозначения. В данной публикации мы воспроизводим чертеж погребения с исправленной нумерацией этих находок (рис. 10).

Бронзовое кольцо-закрутка из черепа «восточного» бовина (бык 1, находка 5) было свернуто из бронзового стержня, округлого в сечении, и имеет форму овала с выступающими концами (рис. 21; 23, *5*; 24, *5*). Место перегиба у основания кольца обмотано тонкими кожаными ремешками, сохранившимися фрагментарно (рис. 25). Общая ширина обмотанной ремешками части – 2,7 см. Наружные размеры кольца – 6,4 × 4,8 см, внутренние – 5,4 × 3,4 см, длина всего стержня, из которого сделана закрутка, – 29,5 см, диаметр 4–4,5 мм.

Бронзовое кольцо-закрутка из черепа «западного» бовина (бык 2, находка 6) также было свернуто из бронзового стержня, но имеет округлую форму с выступающими концами (рис. 22; 23, *6*; 24, *6*). Место перегиба у основания кольца также было обмотано тонкими кожаными ремешками, сохранившимися фрагментарно (рис. 26). Ширина обмотанной ремешками части – 2,9 см. Наружные размеры кольца – 5,2 × 5,2 см, внутренние – 4,5 × 3,7 см, длина всего стержня, из которого сделана закрутка, – 29,5 см, диаметр – 4–4,5 мм.

Данные кольца-закрутки были подвергнуты рентгенофлуоресцентному энергодисперсному анализу (РФА), осуществленному заведующим рентгеноспектральной лабораторией Геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Р.А. Митояном с помощью рентгенофлуоресцентного переносного анализатора РЛП-3 (табл. 1)[2].

Аналогичное исследование этих колец (РФА) было проведено в лаборатории кафедры археологии Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова с.н.с. Н.В. Ениосовой с помощью рентгеновского анализатора ArtTAX/Rцntgenanalysen-Technik (Канторович и др., 2013. С. 99, рис. 48)[3] (табл. 2).

Некоторые различия в результатах анализов, сделанных посредством РЛП-3 и ArtTAX, вероятно, объясняются различной площадью облучения поверхности предметов. В первом случае она составляет несколько сантиметров, следовательно, полученные данные представляют усредненное значение в пробе. Во втором случае исследованию подвергалась поверхность площадью 0,2 мм, что показывает элементный состав в конкретной точке. Учитывая, что анализировался металл, покрытый коррозией, трудно ожидать совпадения результатов из-за неравномерного содержания никеля и мышьяка в поверхностном слое патины. Но в любом случае очевидно, что данные изделия изготовлены из мышьяковисто-никелевой бронзы. Согласно последним разработкам Н.В. Рындиной и И.Г. Равич, появление группы изделий из мышьяковисто-никелевой бронзы являлось результатом использования майкопскими

[2] Мы выражаем глубокую благодарность Р.А. Митояну за проведенные исследования.

[3] Мы выражаем глубокую благодарность Н.В. Ениосовой за проведенные исследования.

металлургами никелина из месторождений Северо-Западного Кавказа в качестве легирующей примеси (Рындина и др., 2008; Рындина, Равич, 2013).

Закрутки из бронзовых стержней характерны исключительно для памятников майкопской культуры, или майкопско-новосвободненской культурной общности – по терминологии С.Н. Кореневского (Кореневский, 2004. С. 46), на III и IV стадиях ее развития (Rezepkin, 2000. Abb. 6), на территории как Центрального Предкавказья, так и Северо-Западного Кавказа. Последнюю сводку предметов данной категории составил С.Н. Кореневский, который учел и публикуемые находки 2009 г. Всего им приведены данные о 19 экземплярах, большинство из которых составляют парные комплекты, а в одном случае было найдено даже три экземпляра (Кореневский, 2011. С. 86, рис. 83–86). В погребении 3/4 кургана Венцы эти предметы были обнаружены в парных деревянных емкостях (Кореневский, 2004. С. 46, рис. 56, *13*), а в центральной гробнице огромного кургана близ аула Кубина в Карачаево-Черкесии – внутри бронзового котла вместе с остатками кожи (вероятно, ремнями) (Биджиев, 1980. С. 41, рис. 7, *3*). Следы ремней, четко различимые при осмотре с помощью бинокулярного микроскопа, были также зафиксированы на петлях находок из погребения № 1 кургана 15 Бамутского могильника (Мунчаев, 1973. С. 76; Мунчаев, 1994. С. 209, табл. 57).

С.Н. Кореневский отмечает, что подобные находки тяготеют к комплексам с кинжалами, но не входят в состав самых богатых майкопских захоронений. Однако, как уже упоминалось выше, в большом кургане у аула Кубина закрутки находились внутри котла, который сам исследователь считает важным атрибутом племенного лидера – «устроителя трапез» (Кореневский, 2004. С. 79; Кореневский, 2011. С. 133). В любом случае, ранг этого захоронения был выше ранга публикуемого погребения.

Р.М. Мунчаев, исходя из парности большинства находок, выдвинул предположение, что данные предметы являлись псалиями или некими иными элементами конской упряжи (Мунчаев, 1973. С. 71, 72). Однако они никогда не были найдены вместе с конскими костями, на что обратил внимание сам исследователь (Мунчаев, 1973. С. 73–76).

Впоследствии, полемизируя с этой концепцией, С.Н. Кореневский отметил, что, «по всей вероятности, время псалиев в конце IV – первой половине III тыс. до н.э., как мы сейчас датируем майкопскую культуру, еще не наступило» (Кореневский, 1992. С. 62). Данный исследователь уже в начале 1990-х годов в своих рассуждениях, по сути, вплотную подошел к разгадке назначения этих изделий, указав, что «ранние формы освоения колесного транспорта на Ближнем Востоке показывают, что управление тягловым животным в колеснице, ослом или мулом производилось не с помощью псалиев, а через кольцо, закрепленное в носу животного» (Кореневский, 1992. С. 60, 62).

В.Б. Ковалевской была предпринята попытка использовать изображения на энеолитических скипетрах для реконструкции раннего коневодства в степной среде (Ковалевская, 2016. С. 120–131), но в целом вопрос о всадничестве в ранней период медно-бронзового века в V–III тыс. до н.э. пока остается открытым (Кореневский, 2017. С. 14, 15, 26, 27), хотя идея распространения коневодства и всадничества среди племен майкопской культуры сохраняет своих сторонников и понине (Черных, 2009. С. 209–215).

Первые изображения наездников в Месопотамии относятся к периоду III династии Ура (Ковалевская, 2016. С. 133, рис. 5, *II*), а изображения всадников, использовавших сходные кольца для управления лошадьми, появляются лишь в начале II тыс. до н.э. (Миклашевич, 2003–2004. Рис. II, *14, 15*). Способ посадки этих всадников на крупе животных указывает на начальный этап освоения верховой езды.

Данной традиции использования бронзовых колец-закруток, безусловно, должен был предшествовать некий период использования их аналогов, выполненных из органики – ременных или веревочных петель. Не исключено, что металлические образцы появились именно в связи с использованием упряжек. Можно предполагать, что след дерева перед черепами быков в погребении № 25 соответствует плохо сохранившейся палке, к которой крепились носовые кольца-закрутки, – т.е. примитивному протоярму, позволявшему управлять сразу парой животных. На этом фоне совсем нельзя исключать того, что в майкопский период могла быть освоена езда верхом на бовинах.

В пользу такого предположения можно привести изображение на древнеиранском барельефе III тыс. до н.э., где воин в шлеме и с палицей сидит верхом на быке-зебу (Кореневский, 2017. Рис. 2–2, *4*). Манера его посадки совершенно идентична упомянутой выше манере посадки всадников на лошадях.

Кроме того, следует учитывать наличие на раннемайкопских поселениях костей осла, который мог использоваться и как вьючное, и как верховое животное (Кореневский, 1998. С. 118, табл. 3).

На основании параллелей в переднеазиатской иконографии предлагались и иные интерпретации подобных предметов – как исключительно культо-

вых объектов или инсигний власти (Трифонов, 1987. С. 21–23, рис. 1) либо как элементов санной упряжки или волокуши, что совершенно не исключало их сакральной символики (Кореневский, 1992. С. 64; 2004. С. 46). Еще совсем недавно дискуссия была далека от завершения (Кореневский, 2008. С. 95). Однако уже первая публикация сведений о находке этих предметов *in situ* практически сразу привела к признанию факта использования майкопскими племенами гужевого транспорта (Канторович и др., 2009. С. 44–46).

Способ управления быками и эквидами с помощью носовых колец в эпоху бронзы уже рассматривался в трудах В.И. Балабиной и Е.А. Миклашевич, составивших сводки соответствующих древних изображений из передне-, центрально- и восточноазиатских памятников (Балабина, 2004. С. 205–210; Миклашевич, 2003–2004. С. 21, рис. II). После нашей находки в погребении № 25 кургана 1 могильника «Марьинская-5» стало очевидно, что такие кольца являются элементом бычьего недоуздка, представленного в рабочем состоянии на целом ряде изображений эпохи бронзы (Ковтун, 2001. С. 58, 59, 62, табл. 36). Вероятно, в нашем случае мы имеем дело с символическим приношением погребенному бычьей упряжки. Такая упряжка могла использоваться в ходе погребальной церемонии.

Очень важной аналогией, в особенности с учетом передневосточных связей майкопской культуры, отмеченных многими исследователями, являются находки Леонарда Вулли при раскопках царского некрополя Ура. Серебряные кольца здесь были обнаружены в носах у быков, запряженных в повозки, помещенные у входа в шахту раннединастической «гробницы царя» (PG 789) (Woolley, 1934. Pp. 64, 65, pl. 35 *a, b*). Положение этих колец соответствует расположению колец в носах быков и эквидов, изображенных на знаменитом штандарте из Ура (Woolley, 1934. Pp. 364- 366, 368, 376).

Судя по многочисленным изображениям, этот способ запряжки уже в эпоху ранней бронзы распространился далеко на восток. Изображения быков с кольцами в носу, притянутыми веревкой к верху морды, известны на плитах из памятников афанасьевской культуры у с. Лебяжье (Шер, 2006. Рис. 2, *105*), а также на стенках из плит в таких погребальных комплексах окуневской культуры, как Разлив X и Черновая VIII, равно как и на стелах окуневской культуры (Leont'ev, Kapel'ko, 2002).

Подобные изображения, по И.В. Ковтуну, составляют так называемую разливско-черновскую иконографическую серию – Черновая VIII, Уйбат V, Оглахты, Знаменская стела, Разлив X, причем основным иконографическим индикатором данной серии, по указанию данного исследователя, является именно наличие «дополнительной линии с “ноздрей” (петли?) в абрисе морды» (Ковтун И.В., 2001. С. 58, 59, 62, табл. 39, *1*).

Следует подчеркнуть, что материалы погребения № 25 могильника «Марьинская-5» не содержат прямых свидетельств использования колесного транспорта. Однако вероятность этого достаточно велика, учитывая открытия степных комплексов с повозками, практически синхронных нашему комплексу по радиоуглеродным датам (Турецкий, 2004. С. 35, табл. 1), а также неуклонно возрастающее количество находок керамических моделей колес с выделенной втулкой в майкопских поселениях Закубанья (Резепкин, 2011. С. 113, 114, рис. 155, *4–7*). Практически одновременно такие модели появляются в куро-аракских памятниках Дагестана (Магомедов, 2016. С. 40, рис. 1, *13*).

В свете надежно установленных связей и параллелей между майкопской культурой и культурами Месопотамии (Андреева, 1977. С. 39–56; 1979. С. 22–34), следует допустить, что контекст нашей находки может стать важным аргументом и в продолжительной дискуссии, посвященной интерпретации кольцевидных предметов с закраинами, изображенных в руках ряда шумеро-аккадских божественных персонажей, связанных с крупным рогатым скотом, – богини Инанны/Иштар (также «Царица ночи» на известном Burney relief) и ее супруга, бога-пастуха Думмузи, а также, возможно, бога Шамаша. Сходство с майкопскими «закрутками» позволяет считать эти предметы символами быка и одновременно инсигниями верховной власти, такими же, как посох-жезл в руках аккадских царей и божеств и фараонов Древнего Египта (Кореневский, 2017. С. 97, 98, рис. 91–4).

Как известно, Инанна/Иштар и Думмузи часто изображаются увенчанными бычьими рогами, причем для Инанны или близкого ей женского персонажа такие рога фиксируются уже на знаменитой Урукской вазе IV тыс. до н. э. Е.В. Антонова при анализе данной композиции рассматривает эту черту как символическое отождествление центрального женского персонажа с коровой (Антонова, 1998. С. 146, 202).

Следует обратить внимание и на саму символику бычьей пары. Экрем Акургал, рассматривая известный штандарт из Аладжи-Хююка с изображением пары быков и оленя в центре, опираясь на данные хеттской мифологии, предположил, что быки

обозначали повозку солнечного божества, хотя нет никаких деталей, прямо свидетельствующих об этом (Akurgal, 2001. P. 21, 151, fig. 14). Согласно хеттским текстам, пара священных быков – божества хурритского происхождения – символизировали день и ночь. Попытки опереться на хеттскую/хаттскую мифологию для интерпретации сюжетов майкопской иконографии уже предпринимались российскими исследователями (Черкасов, 2005. С. 59–61). В этом контексте уместно напомнить, что в знаменитом Майкопском кургане скульптурные фигурки быков также представлены двумя парами – золотой и серебряной (Мунчаев, 1975. С. 213, рис. 34, *1, 2*). Ассоциации с упряжкой, луной и солнцем, днем и ночью в этом контексте выглядят весьма убедительными. При этом рога быков на хеттском штандарте и у фигурок из Майкопского кургана по форме абсолютно соответствуют рогам бовинов, черепа которых открыты в погребении № 25 кургана 1 могильника «Марьинская-5». Очевидно, здесь мы имеем дело с одной и той же породой быков.

Возвращаясь к утилитарному назначению майкопских колец для управления быками, отметим, что появление признаков использования колесного транспорта совпадает по времени с первыми достоверно зафиксированными следами использования гончарного круга, зафиксированного по материалам долинского варианта майкопской культуры (Бобринский, Мунчаев, 1966). А.А. Бобринский считал маловероятной возможность использования колес повозок в качестве вращающихся столиков, хотя в целом и не исключал ее (Бобринский, 1993. С. 36, 37). Между тем конструкция гончарного круга с выступающей жестко закрепленной осью напоминает конструкцию первых колес. В Месопотамии появлению гончарного круга в конце IV тыс. до н. э., весьма вероятно, сопутствовало появление первых токарных станков, также основанных на принципах вращения (Минасян, 2003. С. 15, 16).

Возможно, эти явления связаны косвенно, но нельзя абсолютно исключать того, что два этих эпохальных изобретения – колесо и примитивный гончарный круг, могли прийти синхронно на Северный Кавказ из Передней Азии вместе с племенами, принимавшими участие в создании многокомпонентной майкопской культуры (Избицер, 2013).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева М.В., 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. № 1. С. 39–56.

Андреева М.В., 1979. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // СА. № 1. С. 22–34.

Антонова Е.В., 1998. Месопотамия на пути к первым государствам. М.

Балабина В.И., 2004. Глиняные модели саней культуры Кукутень-Триполье и тема пути // Памятники археологии и древнего искусства Евразии: памяти Виталия Васильевича Волкова. М. С. 180–213.

Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем 1, Чегем 2 и Кишпек // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 1. Нальчик. С. 7–87.

Биджиев Х.Х., 1980. Большой курган у аула Кубина в Карачаево-Черкесии // Северный Кавказ в древности и средние века. М. С. 33–43.

Бобринский А.А., 1993. Гончарный круг и его происхождение: препринт. Екатеринбург.

Бобринский А.А., Мунчаев Р.М., 1966. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 108. С. 14–22.

Избицер Е.В., 2013. Еще раз о происхождении колесного транспорта и его появлении на Северном Кавказе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. М. С. 109–116.

Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г., 2009. Находка бронзовых элементов управления быками (носовых колец) в 2009 г. и проблема передневосточных связей майкопской культуры Северного Кавказа // Древность: историческое знание и специфика источника: материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского. Вып. 4. М. С. 49–51.

Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г., 2013. Погребения майкопской культуры кургана 1 могильника Марьинская-5 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. М. С. 71–108.

Канторович А.Р., Маслов В.Е., 2012. Отчет о раскопках кургана № 1 курганного могильника «Марьинская-5» в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 30306, 30307.

Ковалевская В.Б., 2016. Кони евразийских степей, Кавказа и Ближнего Востока в V–III тыс. до н.э. // Археологическая наука: практика, теория, история: сборник статьей памяти И.С. Каменецкого. М. С. 120–136.

Ковтун И.В., 2001. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии: проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая. Новосибирск.

Кореневский С.Н., 1992. Был ли у племен майкопской культуры транспорт? // Исследования по археологии юга Восточной Европы: сборник науч. трудов. Элиста. С. 58–65.

Кореневский С.Н., 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. I. Ставрополь. С. 96–147.

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.

Кореневский С.Н., 2008. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М. С. 71–122.

Кореневский С.Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.

Кореневский С.Н., 2017. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тыс. до н.э.): очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. М.

Миклашевич Е.А., 2003–2004. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебяжье // ВСАИПИ. Вып. 6–7. С. 17.

Минасян Р.С., 2003. О появлении токарной обработки // АСГЭ. Вып. 36. С. 15–19.

Мунчаев Р.М., 1973. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Северном Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности: посвящается памяти Е.И. Крупнова. М. С. 71–77.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.

Мунчаев Р.М., 1994. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. С. 158–225.

Резепкин А.Д., 2011. Новосвободненская культура (на основании материалов могильника Клады) // Труды ИИМК РАН. Т. XXXVII. СПб.

Рындина Н.В., Равич И.Г., 2013. Мышьяково-никелевые бронзы майкопской культуры Северного Кавказа (особенности состава, способов получения, технологии) // КСИА. Вып. 230. С. 63–83.

Рындина Н.В., Равич И.Г., Быстров С.В., 2008. О происхождении и свойствах мышьяковисто-никелевых бронз майкопской культуры Северного Кавказа (ранний бронзовый век) // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М. С. 196–221.

Тешев М.К., 1980. Гробница Псыбе – памятник позднемайкопской культуры на черноморском побережье // Новое в археологии Северного Кавказа. М. С. 52–57.

Трифонов В.А., 1987. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. Вып. 192. С. 18–26.

Турецкий М.А., 2004. Развитие колесного транспорта у племен ямной культуры в степной зоне Восточной Европы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VI. Оренбург. С. 31–37.

Черкасов А.Н., 2005. Еще раз об изображениях на металлических сосудах Большого Майкопского кургана (Ошад) // МИАСК. Вып. 5. Армавир. С. 49–65.

Черных Е.Н., 2009. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М.

Чеченов И.М., 1984. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем 2 // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 1. Нальчик. С. 164–253.

Шер Я.А., 2006. Первобытное искусство. Кемерово.

Akurgal E., 2001. The Hattian and Hittite Ciivilization. Ankara.

Leont'ev N., Kapel'ko V., 2002. Steinstelen der Okunev – Kultur // Archäologie in Eurasien. Bd. 13. 110 S., 118 Taf.

Rezepkin A.D., 2000. Das frübronzezeitlische Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. Bd. 10. 96 S., 85 Taf.

Woolley L., 1934. Ur excavations. Vol. II. The Royal Cemetery. Text and Plates. A Report on the Predynastic and Sargonid Graves excavated between 1926 and 1931. London: Publications of the Joint Expedition of the British Museum and of the Museum of the University of Pennsylvania to Mesopotamia.

A.R. Kantorovich, V.E. Maslov, V.G. Petrenko

THE DISCOVERY OF ANCIENT BRONZE NOSE RINGS FOR DRIVING BULLS IN THE BURIAL OF THE MAYKOP CULTURE IN THE CENTRAL CISCAUCASIA

Abstract. The article deals with one of the most important technological innovations related to the development of the transport system of the famous Maykop culture of the Early Bronze Age in Northern Caucasus – i.e. a device for driving the double bovine harness – the bull-nose rings. These artefacts were first discovered (in situ as a tool of cattle driving control) by the authors of this article during the excavations in 2009, conducted by the Stavropol expedition of the Department of Archaeology of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University. The article analyses the corresponding funerary complex № 25 in the first burial mound of the "Marinskaya-5" cemetery in the Stavropol region. In the named complex two parallel-placed bovine skulls were discovered with bronze hook-like elements – nose rings, preserved with belt windings from leather. These artefacts were earlier considered to be Maykop "psalia", i.e. ancient horse-riding gear, based on their morphological features and being in sets of two, despite the fact of never being found with horses. It is possible that these rings were an element of a complicated bovine halter, represented in a series of West-Asiatic and South Siberian depictions of the Bronze Age, as well as in the famous King's burial at Ur as artefacts and depictions.

Keywords: Maykop culture; Bronze Age; North Caucasus; bull-nose rings; double bovine harness; Stavropol region; expedition of the Department of Archaeology of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University; Marjinskaya burial mound; Ur; horse breeding problem.

Рис. 1. Курган № 1 могильника «Марьинская-5» до раскопок

Рис. 2. Вид северной части насыпи, состоявшей из трех последовательно перекрывавших друг друга концентрических насыпей, обложенных крепидами (или панцирями) из речных булыжников

Рис. 3. Вид с севера на каменную крепиду/панцирь первой (нижней) насыпи (в стратиграфическом разрезе видны II и III насыпи с покрывающими их каменными крепидами/панцирями)

Рис. 4. Каменная крепида/панцирь I насыпи. Фрагмент

Рис. 5. Погребение № 25 в процессе расчистки. Остатки деревянных столбов и деревянных плах могильного перекрытия. Справа – крепида I, нарушенная погребением № 25. Вид с востока–юго-востока

Рис. 6. Погребение № 25. Скопление перемещенных костей человека в заполнении могильной ямы. Вид с юго–юго-запада

Рис. 7. Погребение № 25 после расчистки дна и опорных столбов перекрытия. Вид с востока

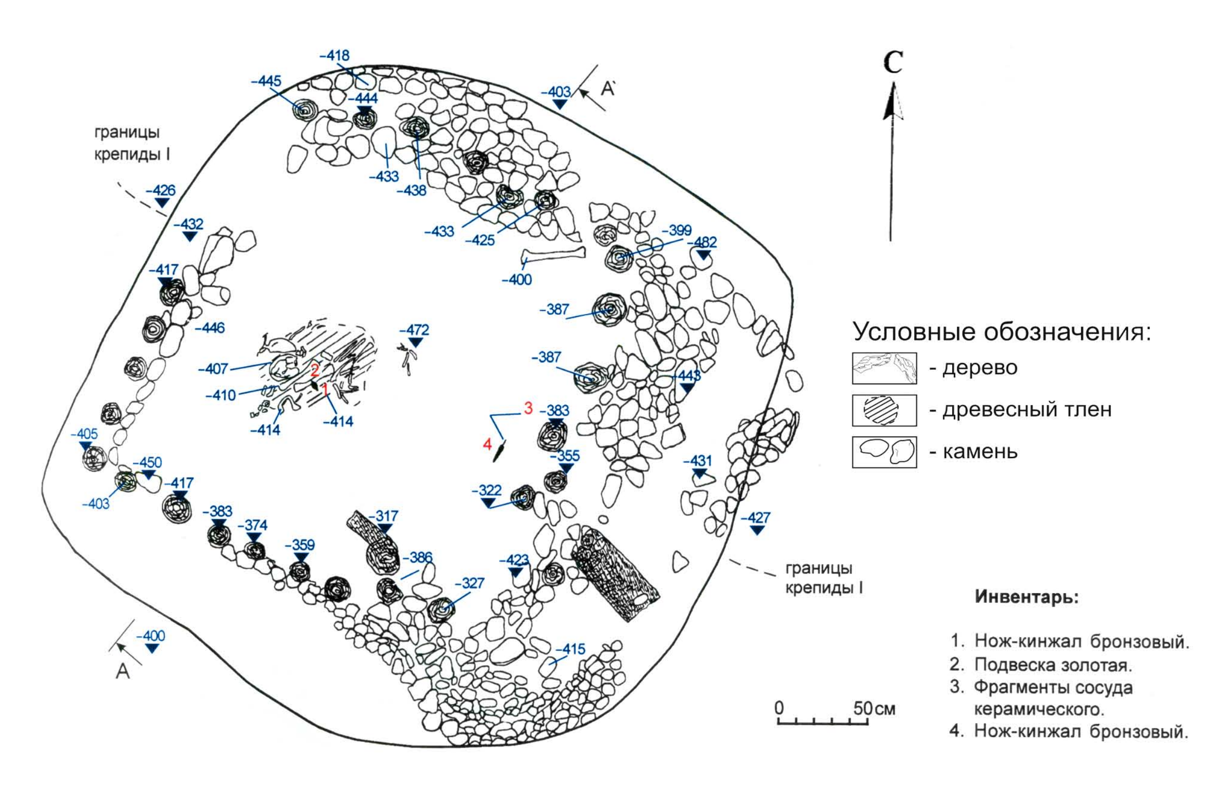

Рис. 8. Погребение № 25. План (первый уровень фиксации со скоплением перемещенных костей человека в заполнении могильной ямы)

Рис. 9. Погребение № 25 после расчистки дна и опорных столбов перекрытия. Вид с северо-востока на юго-западную стенку могильной ямы с сохранившимися отпечатками опорных столбов и основаниями двух черепов бовинов под каменно-земляным завалом

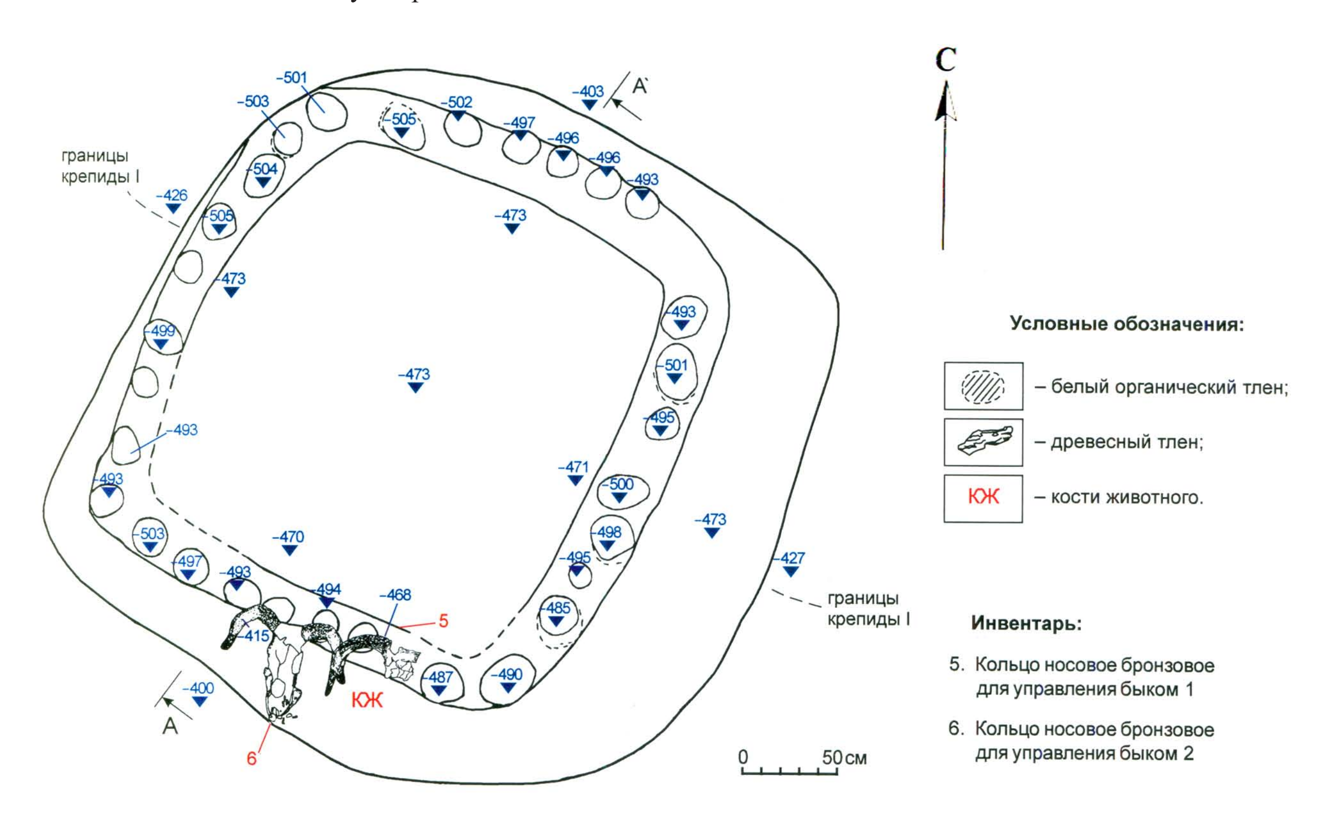

Рис. 10. Погребение № 25. План (второй уровень фиксации)

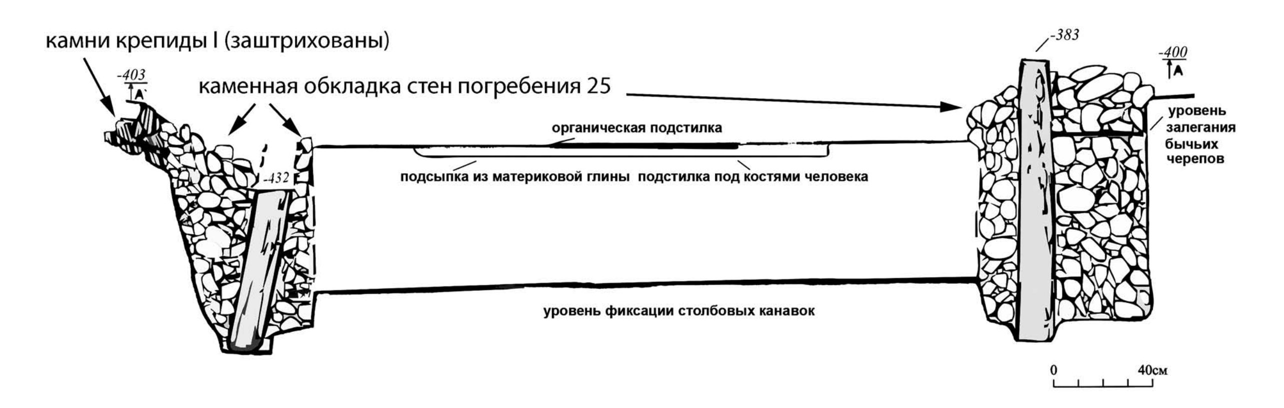

Рис. 11. Погребение № 25. Разрез

Рис. 12. Погребение № 25. Вид с северо-востока на юго-западную стенку могильной ямы после удаления опорных столбов и расчистки оползшей в древности передней части черепа «восточного» бовина (бык № 1) с выпавшим бронзовым кольцом для управления быком (находка № 5)

Рис. 13. Погребение № 25. Вид с северо-востока на расчищенную верхнюю часть черепа и рога «западного» бовина (бык № 2), носовая часть которого перекрыта каменно-земляным завалом

Рис. 14. Погребение № 25. Процесс расчистки передней части черепа «западного» бовина (бык № 2) из-под каменно-земляного завала и выявление бронзового кольца для управления быком в области носа (находка № 6). Вид с юга

Рис. 15. Погребение № 25. Череп «западного» бовина (бык 2) с бронзовым кольцом для управления быком в области носа после окончательной расчистки (находка №6). Вид с юга

Рис. 16. Погребение № 25. Передняя часть черепа «западного» бовина (бык 2) с бронзовым кольцом для управления быком в области носа после окончательной расчистки (находка № 6). Вид с юга

Рис. 17. Погребение № 25. Носовая часть черепа «западного» бовина (бык 2) с бронзовым кольцом для управления быком в области носа после окончательной расчистки (находка № 6). Вид с юго-востока

Рис. 18. Погребение № 25. Бронзовое кольцо для управления быком (находка № 6) и окрашенные окислами бронзы зубы «западного» бовина (бык 2) после окончательной расчистки. Вид с юга

Рис. 19. Погребение № 25. Череп «западного» бовина (бык 2) с бронзовым кольцом для управления быком в области носа после окончательной расчистки (находка № 6). Вид с севера

Рис. 20. Погребение № 25 после окончательной расчистки. Столбовая конструкция. Вид с северо-востока

Рис. 21. Погребение № 25. Находка № 5. Кольцо «восточного» бовина (бык 1)

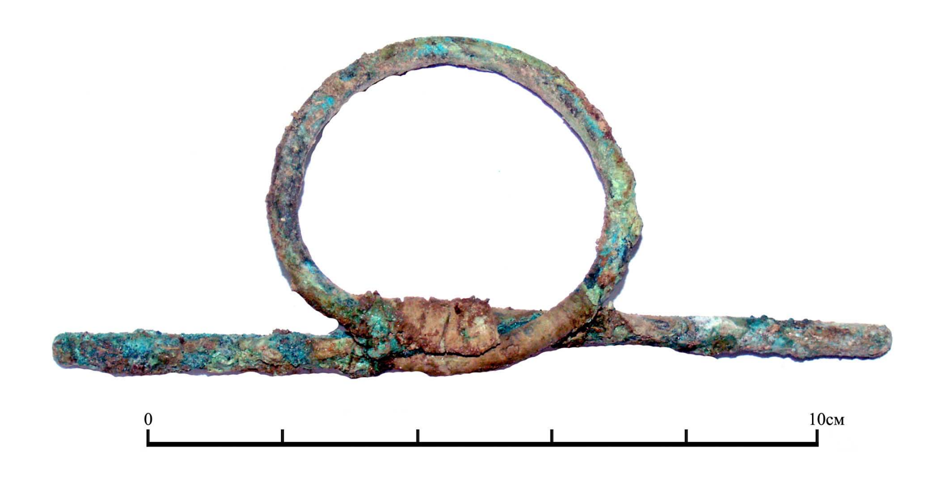

Рис. 22. Погребение № 25. Находка № 6. Кольцо «западного» бовина (бык 2)

Рис. 25. Погребение № 25. Находка № 5. Кольцо «восточного» бовина (бык 1). Участок с кожаной обмоткой. Макрофото Н.В. Ениосовой

Рис. 26. Погребение № 25. Находка № 5. Кольцо «западного» бовина (бык 2). Участок с кожаным узлом. Макрофото Н.В. Ениосовой

Рис. 23. Погребение № 25. Находки:
1 – подвеска золотая; *2* – кинжал бронзовый; *3* – кинжал бронзовый; *4* – наконечник стрелы костяной; *5* – кольцо бронзовое носовое; *6* – кольцо бронзовое носовое; *7* – сосуд керамический

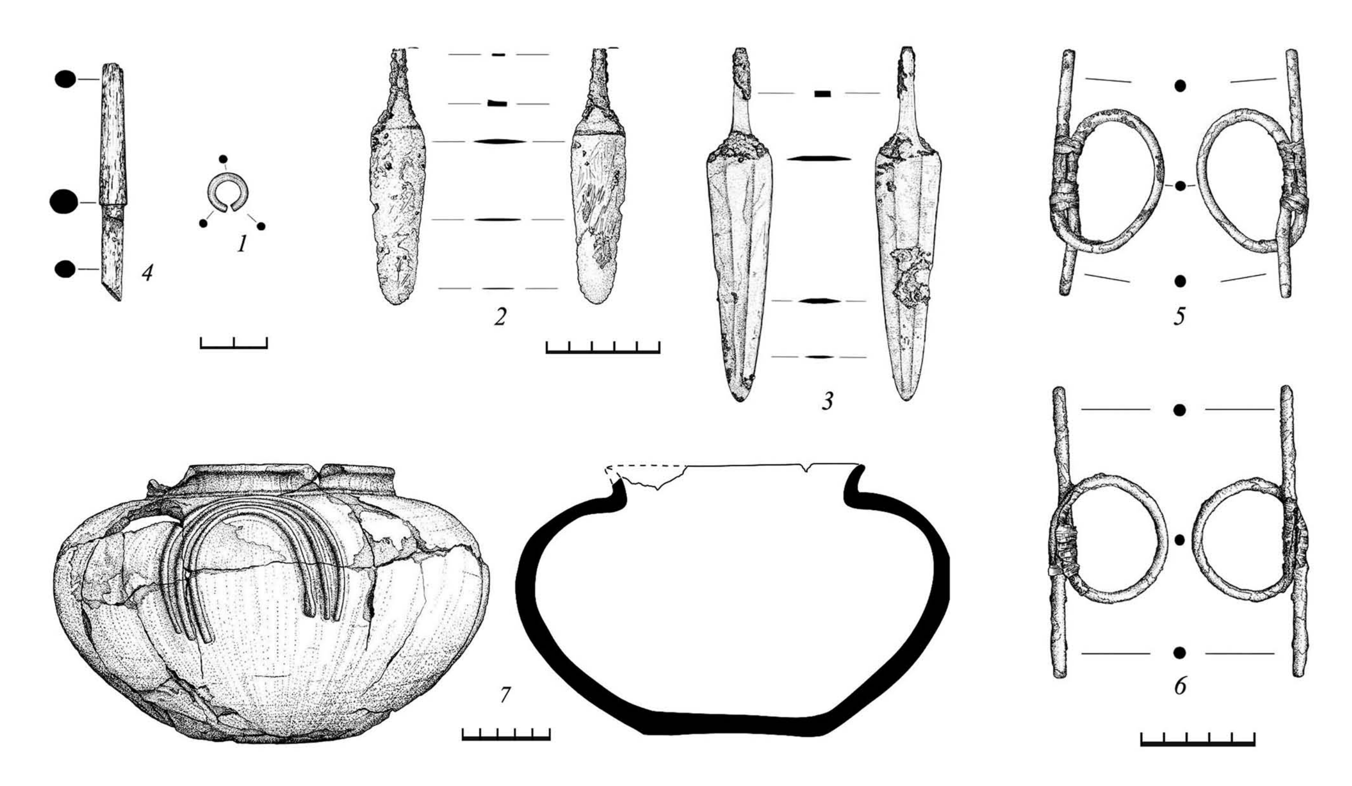

Рис. 24. Погребение № 25. Находки. Прорисовки

С.Н. Кореневский, М.Б. Медникова,
М.В. Добровольская, Д.А. Яцюк

МАЙКОПСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ОЛЬХОВСКИЙ

Резюме. Статья посвящена публикации погребений майкопско-новосвободненской общности из кургана 1 курганной группы, расположенной в Тимашевском районе Краснодарского края. Вводятся в научный оборот материалы 16 захоронений. Приводятся результаты антропологического обследования, получена одна радиоуглеродная дата, представлены находки в погребениях, главным образом керамика. В итоге сделан вывод, что публикуемые комплексы относятся к псекупскому варианту майкопско-новосвободненской общности и датируются поздним временем ее существования.

Ключевые слова: майкопско-новосвободненская общность; радиоуглеродное датирование; погребальный обряд.

В 2011 г. Краснодарским археологическим отрядом ООО «Южно-Российский археологический центр» были выполнены археологические работы по раскопкам кургана 1 курганной группы на правом берегу реки Кирпили, на восточной окраине хут. Ольховский Тимашевского района Краснодарского края. Курганная группа состояла из 4 насыпей. Все работы проводились на основании Открытого листа, выданного на имя Д.А. Яцюка (Яцюк, 2012). Материалы раскопок были изданы автором в 2018 году. (Яцюк, 2018. С. 4–23). В настоящей публикации они приводятся в несколько иной интерпретации со специальным анализом захоронений медно-бронзового века.

Курган 1 имел округлую форму. Его поверхность постоянно подвергалась вспашке. В центральной части кургана находилась неглубокая западина, обозначенная на поверхности светло-коричневым грунтом. На момент начала раскопок поверхность памятника ровная, без растительности, распахана. На кургане была размечена одна центральная бровка, с нивелировкой реперов через каждые 2 метра, колья были пробиты через каждые 4 метра. Координаты кургана – С.Ш. 45°37’43.2’’ В.Д. 038°53’57.6’’. Размеры сохранившейся насыпи: по линии север–юг – 36 м; по линии запад–восток – 36 м, высота – 0,63 м. Линия бровки ориентирована по направлению СЗ–ЮВ. За R_0 была принята самая высокая точка кургана.

Насыпь снималась при помощи бульдозера С-130. Вместе с тем была проведена большая работа по горизонтальным зачисткам для выявления начальных контуров могильных ям. Такая работа оказалась очень полезной для установления глубины фиксации первых признаков захоронений. После изучения стратиграфии курганных слоев бровка была разобрана, площади под ней зачищались скрепером и вручную на предмет выявления пятен могильных ям (рис. 1а, *А*).

Стратиграфия кургана фиксировалась по восточному профилю центральной бровки (рис. 1а, *Б*). Ее длина – 32 м, максимальная высота – 1,8 м.

В профиле прослежены следующие слои. Верх профиля занимает гумус черного цвета, толщиной 0,2–0,4 м. Ниже располагается курганная насыпь, представленная гумусированным суглинком светло-коричневого цвета.

Слой насыпи подстилает горизонтальный пласт гумусированного суглинка серо-коричневого цвета, толщиной до 0,4 м. Глубина его залегания от R_0 в центре разреза – 0,9 м от репера, на северо-западном конце – 0,9 м, на юго-восточном – 0,7 м. Происхож-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.73-89

Таблица 1. Могильник Ольховский 2010 г. Курган 1. Майкопские погребения

№	№ п	Поза	Охра	Сосуд	Пол	Возраст
1	3	Ск. пб.	+		д	6–7
2	4	Ск. пб.			ж	35–39
3	8	Ск. лб		+	д	до 13
4	11	Ск. пб		+	м	20
5	13	Ск. пб		пакет	м	25–29
6	14	Ск. пб				
7	15	Ск. лб	+	+	м	20–24
					м	25–29
8	16	Ск. пб			м	30–24
					м	40–49
9	17	Ск. пб		+	м	35–39
10	18	**Ск. сп**	+	+		
11	19	**Ск. сп**	+	+		
12	20	Ск. пб	+		д	
13	21	Ск. пб		+	ж?	
14	22	Ск. лб	+	+	д	
15	23	Ск. лб	+	+	вз	
16	24	Ск. пб			вз	

дение этого слоя не вполне ясно. Вероятно, он связан с верхним уровнем погребенной почвы (предматерика) естественного характера, обусловленного диогенетическими подкурганными процессами.

Сам предматериковый суглинок светло-коричневого цвета, имеет толщину слоя 0,2–0,5 м. Глубина его залегания от R_0 – 1,3 м, на северо-западном конце – 1,4 м, на юго-восточном – 1 м. Материк представлен глиной желто-коричневого цвета. Глубина залегания от R_0 в центре разреза – 1,7 м, на северо-западном конце – 1,5 м, на юго-восточном – 1,3 м.

В профиле прослежены ямы погребений № 18 и № 19, впущенные с верха насыпи (рис. 1а, *Б*).

В ходе раскопок на кургане было обнаружено и зафиксировано 25 захоронений. Ниже мы приводим описание 16 погребений, относящихся к медно-бронзовому веку (рис. 1б).

Антропологические определения пола и возраста выполнены М.Б. Медниковой и М.В. Добровольской

Погребение № 3

Погребение было выявлено на глубине – 157 см в центральном секторе кургана в слое светло-коричневого гумусированного суглинка по характерному цвету пятна серо-коричневого цвета. Пятно подквадратной формы с округлыми углами (рис. 2, *1*). Размеры ямы 155×146 см. Погребение было зачищено в 2-х уровнях. При зачистке первого уровня был обнаружен тлен белого цвета органического происхождения, перекрывавший костяк. Тлен сохранился фрагментарно, в основном в центральном и северном секторах ямы. Фрагменты тлена перекрывали стопы, область таза и черепа костяка. В СЗ секторе ямы прослежены следы подстилки органического происхождения черно-коричневого цвета. Высота от прослеживаемого края ямы 19 см. Стенки ямы вертикальные, дно ровное, плавно понижается на восток. Костяк ребенка 6–7 лет лежал скорченно на правом боку, ориентирован по линии запад–восток, головой на восток.

К югу от головы лежат остатки 2-х древесных плах. За спиной, вдоль туловища, прослежен костный тлен в виде 3-х расходящихся радиально полос. На одной из плах видны следы костного тлена. Сохранность костей хорошая, кости обильно посыпаны охрой[1], отчего приобрели красный оттенок. Инвентаря нет.

Погребение № 4

Погребение было обнаружено по характерному пятну заполнения ямы в ЮЗ секторе кургана в слое светло-коричневого гумусированного суглинка на глубине – 189 см. Пятно темно-коричневого цвета имело неровную подтреугольную форму с округлыми углами (рис. 2, *2*). Размеры ямы 120×155 см,

[1] Без специального анализа трудно сказать, какое происхождение имеет обнаруженная в могилах красная минеральная краска (охра? киноварь?). Поэтому она названа охрой только условно.

глубина ямы от прослеженного края 12 см – 205 см. Стенки ямы вертикальные, дно неровное, повышается в восточной своей части.

При выборке заполнения ямы был обнаружен костяк взрослого человека (женщина 35–39 лет). Скелет лежал скорченно на правом боку, ориентирован по линии СЗ–ЮВ, головой на СЗ. Сохранность костей плохая, отсутствует лицевая часть черепа, левая ключица, половина ребер и лучевые кости правой руки. Погребение частично разрушено грызунами. Руки вытянуты вдоль тела, правая к тазу, а левая к коленям. В районе колен сохранились остатки от подсыпки охрой бордового цвета. Также под костями сохранились фрагменты подстилки органического происхождения черно – коричневого цвета.

Погребение № 7 (в сосуде)

Погребение было обнаружено в центральном секторе кургана по фрагментам керамики в слое светло-коричневого гумусированного суглинка предматерика на глубине – 75 см. Оно состояло из развала половины крупного сосуда № 1 (рис. 2, *3*). Сосуд лежал на боку, донной частью на запад, внутри него находился череп ребенка. Сохранность черепа плохая, в виде тлена.

Сосуд плоскодонный, с высоким, резко расширяющимся к верху туловом с округлым плечиком. Дно узкое, вогнутое, слегка выделено снаружи. Шейка невысокая, вертикальная, венчик округлен. На плечике, на границе с шейкой расположена горизонтальная ручка с вертикальным сквозным округлым отверстием. Обжиг неравномерный: внешняя поверхность темно-серая, внутренняя оранжево-коричневая с темно-серыми пятнами. Внутри черепок серый. Тесто плотное, с примесью мелкотертого известняка. Горшковидная форма сосуда делает его аналогии весьма широкими, но ручка-петелька с вертикальным отверстием делает сосуд весьма оригинальным изделием, связанным с ритуалом захоронения черепа ребенка.

Погребение № 8

Погребение было обнаружено в центральном секторе кургана в предматериковом слое светло-коричневого гумусированного суглинка на глубине – 96 см. Погребальная яма не прослеживалась. Костяк ребенка до 13 лет, лежал скорченно головой на СВ на левом боку, ноги согнуты под острым углом, руки сложены вместе, кисти покоятся у лица (рис. 2, *4*). У костяка отсутствуют плечевые кости рук. К западу от черепа находилось пятно тлена органического происхождения черного цвета. Под головой был обнаружен тлен от подстилки органического происхождения коричневого цвета. У правого предплечья тонкой полосой вдоль лучевой кости было прослежено пятно тлена темно-красного цвета органического происхождения. У правого предплечья находился сосуд (рис. 2, *5*).

Сосуд сохранился в обломках, реконструирован полностью. Сохранность сосуда неполная, часть венчика и горла утрачено в древность Он имеет строго симметричную форму тулова. Черепок внутри в изломе черный, внешняя и внутренняя поверхность коричневого цвета. Тулово биконическое, дно округленно. Горло высокое, слегка расширяется к венчику. Венчик отогнут наружу и скошен внутрь. Тесто плотное, в тесте визуально фиксируется примесь мелкотолченого известняка и мелкой дресвы.

Форма сосуда имеет устойчивые аналогии среди керамики майкопско-новосвободненской общности (МНО) в группе РБ-3 (Кореневский, 2004. С. 171, рис. 43, 46). Ареал реберчатых форм связан с Западным Предкавказьем и характерен для галюгаевско-серегинского и псекупского вариантов МНО, но не для новосвободненской группы горизонта гробниц, например, хут. Чернышов к. 1, п. 1 (Бианки, Днепровский, 1988. Рис. 2, 1).

Погребение № 11

Погребение (впускное) было обнаружено в центральном секторе кургана в слое светло-коричневого гумусированного суглинка по фрагментам костей. Глубина от R_0 до дна у черепа – 0,46 м. Костяк мужчины около 20 лет лежал скорченно на левом боку, ориентирован по линии ЮВ–СЗ, головой на ЮВ. Руки сложены вместе и подтянуты кистями к лицу, ноги поджаты. Сохранность костяка неполная: отсутствует большая часть позвоночника, часть ребер, большая часть таза и кости стопы. На бедренной кости правой ноги присутствуют следы сращивания кости от прижизненного перелома (рис. 2, *6)*. В районе локтей погребенного лежал черноглиняный сосуд (рис. 2, *6*). При разборке погребения в лепном сосуде были обнаружены мелкие кости животного.

Сосуд лепной, видимо, доведенный на гончарном круге, сохранился не полностью, реставрирован. В изломе черепок черного цвета, внешняя поверхность коричневая с серыми пятнами. Тулово округлое, дно плоское. Горло высокое, цилиндрическое. Венчик округлен. В центральной части горла расположен сосцевидный прилеп, с горизонтальным круглым отверстием, имитирующий ручку. Было ли у сосуда два таких налепа, сейчас сказать

трудно. Формовочная масса сосуда плотная на глаз, с большой примесью мелкодробленой дресвы и мелкотолченого известняка.

Круг аналогий сосуда связан с «кубками» МНО, имеющими высокое трубовидное горло (группа ШС-6) (Кореневский, 2004, С. 169. Рис. 43). Они известны на памятниках галюгаевско-серегинского варианта в Западном Предкавказье, например, Чернышев курган 10 п. 1, п. 2 (Бианки, Днепровский, 1988. Рис. 2, *1, 2*). Один такой «кубок» найден на Новосвободненском поселении в Адыгее. Он украшен характерными для той группы орнаментами в елочку (Резепкин, 2012. Рис. 111, 4). Ручка-налеп придает находке из погребения № 11 оригинальность.

Погребение № 13

Погребение было обнаружено в центральном секторе кургана на глубине – 53 см в насыпи. Следов погребальной ямы не прослежено. Погребенный лежал в сильно скорченном положении на левом боку. Ноги коленями подтянуты к груди, пятки к тазу, руки сложены вместе и подтянуты к лицу. Правая нога лежит выше правой руки, на ней. Костяк сохранился не полностью (мужчина 25–29 лет), отсутствует позвоночник. Череп разрушен, возможно, грызунами, сохранилась лишь верхняя часть. Ориентировка погребения по линии В–З, головой на В (рис. 2, *8*). В районе позвоночника, в средней его части была найден бронзовый предмет в виде колечка из раскованной пластины (рис. 2, *8*). Размеры: диаметр – 0,7 см, ширина – 0,3 см.

Погребение № 14

Погребение было выявлено в центральном секторе кургана в слое светло-коричневого гумусированного суглинка (рис. 2, *7*). Глубина обнаружения – 77 см. Погребальной ямы не прослежено. Кости в плохой сохранности, в большей степени сохранились в виде тлена. Погребенный лежал скорченно на правом боку на глубине – 83 см. Ориентировка по линии З–В, головой на восток. Руки сложены вместе ладонями у колен. Ноги согнуты под небольшим углом. Под костяком частично прослеживался тлен органического происхождения черного цвета от подстилки. Его фрагменты сохранились в области лица и груди, а также в области берцовых костей. В районе кистей рук, а также частично на костях таза прослежено пятно охры красного цвета. Фрагменты пятна охры также находились у головы на тлене от подстилки. Погребение безинвентарное.

Погребение № 15

Погребение было выявлено в центральном секторе кургана по фрагментам кости человека в слое гумусированного суглинка серо-коричневого цвета на глубине – 110 м. Глубина от R_0 до дна у черепа – 120 см. Погребальной ямы не прослежено. Глубина дна захоронения – 120 см. Ориентировка костяка по оси позвоночника по линии ЗСЗ–ВЮВ, головой на ВЮВ. Поза погребенного – скорченно на левом боку, руки сложены вместе кистями у лицевой части черепа. Ноги сильно поджаты в коленях. Сохранность костей практически полная, отсутствуют пальцы ног (мужчина 25–29 лет). Кости ладоней погребенного окрашены охрой красного цвета (рис. 3, *1*). У левого колена, между коленом и локтями, находился красноглиняный сосуд (рис. 3, *2*).

Сосуд обладает хорошей симметрией. Цвет поверхности красный. Тулово биконическое, дно слабо выделено, плоское. Шейка короткая, резко расширяется к верху. Венчик нависает наружу, кромка округлена. На верхней части тулова небольшое отверстие (возможно пробито). Часть шейки утрачена в древности. Верхняя поверхность тулова покрыта резным орнаментом – диагональными, сходящимися в верхней части линиями, прочерченными по сырой глине . Тесто плотное, без видимых на глаз примесей.

Погребение № 16

Погребение было выявлено в центральном секторе кургана в слое насыпи гумусированного суглинка светло-коричневого цвета. Глубина обнаружения – 72 см. Дно могилы под костяком на – 83 см. Следов погребальной ямы не прослежено. Погребение совершено по обряду трупоположения в позе скорченно на правом боку (рис. 3, *3*). Ориентировано по линии ЮЗ–СВ, головой на ЮЗ. Сохранность костяка относительно полная. Кости сохранились в виде тлена (мужчина). Левая рука опущена к тазу, ноги сильно сжаты в коленях и подтянуты к груди. Под всем костяком прослеживаются остатки подстилки в виде тлена органического происхождения черно-коричневого цвета. Погребение безинвентарное.

Погребение № 17

Погребение было выявлено в ЮЗ секторе кургана в слое гумусированного суглинка серо-коричневого цвета на глубине – 137 см. Дно на глубине – 146 см. Следов погребальной ямы не прослежено. Погребенный человек, мужчина 35–39 лет, лежал в сильно скорченном положении на

левом боку. Возможно, его останки были уложены в «пакет» (рис. 3, *4*). Скелет ориентирован по линии ВЮВ–СЗЗ, головой на ВЮВ. Сохранность костяка практически полная, отсутствуют кости большой части позвоночника, часть таза и костей стоп. Руки погребенного сведены вместе кистями к груди, ноги сильно подогнуты в коленях и подтянуты к груди. К ЮВ от скелета, в районе кистей и колен находился лепная миска № 1 (рис. 3, *5*). Тулово полусферическое, дно плоское, слабовыраженное. Бортик короткий, наклонен внутрь. Венчик округлен. Тесто плотное, с незначительной примесью мелкодробленой дресвы и мелкотолченого известняка. В изломе черепок сосуда имеет коричневый цвет, внешняя поверхность коричневая с серыми и черными пятнами. Миска имеет широкие аналогии в рамках керамики МНО ввиду простоты своей формы. Напоминает миски группы МП-3 майкопско-новосвободненской общности, но изготовленные ручной лепкой.

Погребение № 18

Погребение обнаружено по пятну ямы в районе центральной бровки. Оно впущено с поверхности кургана. Захоронение имело вид ямы с заплечиками. Внешний контур входной ямы не прослежен. Его размер в длину мог иметь величину до 2,4 м. Заплечики были доведены до уровня предматерика. Затем уже была вырыта камера захоронения в виде ямы меньшего размера (рис. 3, *6*). Над погребением была сделана врезка. Врезка имела подпрямоугольную форму. Заполнение могильной ямы составлял коричневый суглинок, мешаный с черноземом и материковой глиной.

Могильная яма (камера) имела подпрямоугольную форму размером, примерно, 1,76×1,1 м. Стенки вертикальные, дно неровное, понижается от стенок к середине ямы.

Яма ориентирована длинной своей осью по линии СВВ–ЗЗЮ. Погребенный человек лежал в центре ямы скорченно на спине, ноги повернуты вправо (на юг), пятки подтянуты к тазу, ориентирован головой на СВВ. Череп покоится на затылке, плечевые кости вдоль тела, правое предплечье лежит прямо, левое под тупым углом уходит под таз (рис. 3, *6*; рис. 4, *1*). Весь скелет был обильно посыпан охрой, в области правой лопатки находился большой кусок охры темно-красного цвета округлой формы.

На плече на правом верхнем эпифизе находилось серебряное кольцо (рис. 3, *8*), сделанное из круглого в сечении прута, имеет размер в диаметре около 17 мм. Толщина прута 5 мм (рис. 3, *8*). Концы кольца сведены, концы заужены[2].

У колена стоял лощеный сосуд серого цвета (рис. 3, *7*), который имеет округлое тулово и скругленное дно. Горло высокое, слегка расширяется к венчику, отделено от тулова уступом. Венчик незначительно отогнут наружу, округлен. Тесто сосуда плотное, без видимых на глаз примесей. Обжиг очень хороший, черепок звонкий. Внутренняя поверхность горла залощена, внешняя поверхность залощена вертикально, тулово залощено горизонтально[3].

У дна сосуда находилась бронзовая пластина (рис. 3, *9*). У стоп, справа от пальцев левой ноги лежала кость животного. При разборке погребения в черепе человека был обнаружен кремневый предмет (рис. 3, *10*).

Погребение № 19

Погребение было обнаружено в центральной части кургана при зачистке центральной бровки по могильной яме в профиле бровки. По профилю бровки захоронение № 19 напоминает яму с заплечиками. Расчистка камеры захоронения началась на уровне материка. Заполнение могильной ямы составлял суглинок, мешаный с черноземом и материковой глиной. Могильная яма имела подовальную форму и вертикальные стенки (рис. 1б, *1*). Ориентировано по длинной линии СВ–ЮЗ (рис. 4, *2*). Дно погребальной ямы неровное, понижается от краев к центру.

Погребенный (взрослый человек) лежал в позе скорченно на спине, головой и длинной своей осью тело ориентировано на СВ. Под костяком прослежена подсыпка из чернозема. Череп сохранился плохо, покоился на затылке, туловище слегка развернуто влево, правая рука вытянута вдоль тела, запястье покоилось на бедре. Левая рука согнута в локте, запястье лежит между крыльями таза. Ноги сильно

[2] Такие кольца являются характерными украшениями головного убора МНО, как и для всей эпохи начала медно-бронзового века. Но майкопские кольца, как правило, делались из золота. Серебряные кольца известны из женского погребения раннего псекупского варианта могильника Кудахурт к. 1 п. 1. Они имеют нанизанные на них сердоликовые камешки (Кореневский и др., 2008, рис. 8, *6–8*).

[3] Перед нами явно престижный майкопский «кубок», изготовленный по рецептам керамики высокого класса МНО. Кубок относится к группе ШУ-1 майкопской керамики (Кореневский, 2004. Рис. 43, *11*). Такая посуда хорошо известна в комплексах галюгаевско-серегинского и особенно псекупского вариантов МНО, например, в погребениях Псекупского могильника (Ловпаче, 1985. Табл. VI, 2, 7, 10).

согнуты в коленях и повернуты влево, ступни подтянуты к тазу. Погребенный был обильно посыпан охрой, особенно верхняя часть скелета (до пояса). Справа от погребения расчищен тлен от подстилки органического происхождения коричневого цвета. Сохранность костей хорошая (рис. 4, *2*, рис. 5А).

Справа от головы у виска находился кремень (рис. 5Б, *1*). Слева у плеча обнаружен кремневый отщеп (рис. 5Б, *2*). Левее его на расстоянии 0,3 м находилась кремневая пластина (рис. 5Б, *4*), палец человека и кремневое орудие (рис. 5Б, *3*). У верхнего эпифиза левой плечевой кости зафиксирована плоская кремневая крупная пластина (рис. 5Б, *5*). У стоп погребенного обнаружен, стоящий вверх дном круглодонный сосуд[4] (рис. 5А). Здесь же располагались 15 сложенных альчиков крупного животного (рис. 4, *4–8*; рис. 4, *3*). Под альчиками располагался каменный плоский предмет (плитка) (рис. 5Б, *6*).

При разборке погребения, под черепом человека были обнаружены: альчик бараний (рис. 5Б, *7*); нуклевидный кремневый отщеп (рис. 5Б, *8*); кремневый отщеп (рис. 5Б, *9*); кремневый отщеп (рис. 5Б, *10*); кремневый отщеп (рис. 5Б, *11*).

Под костями спины были обнаружены: кремневый отщеп (рис. 5Б, *12*); альчик бараний (рис. 5Б, *13*); заготовка кремневая (рис. 5, *14*); кремневый отщеп (рис. 5Б, *15*); кремневый отщеп (рис. 5Б, *16*); кремневый отщеп (рис. 5Б, *17*); заготовка кремневая (рис. 5Б, *18*); камень подквадратной формы (рис. 5Б, *19*). В районе тазовых костей были расчищены нож[5] кремневый (рис. 5Б, *20*) и кремневый отщеп (рис. 5Б, *21*).

Погребение № 20

Погребение было выявлено в центральной части кургана по пятну погребальной ямы в слое материковой глины желто-коричневого цвета на глубине – 156 см. Яма имела подовальную форму. Ее заполнение составлял гумус, мешаный с суглинком серо-коричневого цвета. Стенки ямы были вертикальными. Дно неровное, повышается к стенкам, с возвышением в виде площадки по центру ямы, плавно сходящей на нет от СВ края к центру ямы (рис. 6, *1*). Высота полочки в СВ секторе до 10 см.

Яма ориентирована длинной своей осью по линии СВВ–ЮЗЗ. Глубина ямы от прослеженного края до 27 см. Погребенный (ребенок) лежал на «площадке» скорченно на правом боку, ноги подогнуты в коленях под острым углом, пятки подтянуты к тазу. Сохранность костяка не полная, отсутствуют кости рук. У головы прослежены пятна тлена органического происхождения темно-красного цвета. Под костяком находилось пятно, состоявшее из обильной подсыпки охрой красного цвета. В ногах прослежены куски древесного угля. В ЮВ секторе ямы, у стенки, находилась плечевая кость, по всей видимости, перемещенная в результате жизнедеятельности грызунов. Слева от костяка слой охры наибольшей мощности. Погребение безинвентарное.

Погребение № 21

Погребение было обнаружено в центральной части кургана в слое светло-коричневого суглинка на глубине – 151 см. Следов погребальной ямы не прослежено. Костяк лежал в позе скорченно на правом боку (рис. 6, *2*), предположительно он принадлежал женщине (?). Погребение ориентировано по линии СВВ–ЮЗЗ, головой на ЮЗЗ. Костяк в хорошей сохранности, практически полный. Отсутствуют лишь частично кости стоп. Левая рука погребенного лежит локтем в области живота, локоть согнут под прямым углом, кисть выгнута к лицу. Правая рука вытянута вдоль костяка, кистью на левом колене. Ноги согнуты под прямым углом по отношению к линии тела, в коленях ноги согнуты под острым углом. На лицевой кости черепа, на костях носа, отмечены следы охры красного цвета. У правого плеча (за кистью левой руки) находился сосуд (рис. 6, *3*). Горшок напоминает тюльпан или «кубок» с невысокой шейкой-горлом. Обжиг неравномерный, внешняя поверхность серо-черная, внутренняя коричневого цвета. Тулово округленно, резко сужается к дну, дно небольшое, плоское, снаружи не выделено. Шейка невысокая, резко расширяется к верху, отделено от тулова слабым переходом. Венчик сужен, округлен. Тесто плотное, с примесью мелкотолченого известняка. По своим очертаниям сосуд входит в серию низкогорлых майкопских кубков тюльпановидной формы. Такие горшочки особенно характерны для Западного Предкавказья, памятников серегинского подварианта МНО, псекупского варианта и новосвободненской группы (Кореневский, 2004. С. 29–30. Отдел 2–3).

---

[4] Сосуд имеет округлое тулово. На внешней поверхности сосуда отмечены следы вторичного огневого воздействия. Шейка короткая, расширяется к верху, она отделена от тулова желобком. Венчик горизонтально срезан. Тесто плотное, с примесью мелкотолченого известняка. Внешняя поверхность сосуда сохранила следы слабого лощения.

[5] Нож изготовлен из кремня серого цвета. Он имеет листовидную форму, края режущей поверхности покрыты мелкой ретушью. Размеры: длина – 7,2 см, ширина – 1,5 см, толщина – 0,7 см.

Погребение № 22

Погребение было обнаружено в центральной части кургана в слое материковой глины желто-коричневого цвета на глубине – 1,81 м. Следов погребальной ямы не прослежено. Костяк ребенка лежал скорченно на левом боку (рис. 6, *4*). Погребение ориентировано по оси СВВ–ЮЗЗ, головой на СВВ. Сохранность костяка плохая, не полная, кости хрупкие, отсутствуют фрагменты черепа, рук, кисти и ступни. Правая рука согнута в локте и лежит на ребрах, левая рука вытянута вдоль тела к ногам. Ноги согнуты в коленях под острым углом и подтянуты к туловищу, практически под прямым углом. Под костяком прослеживается тонкий слой подстилки красно-бурой охры. На уровне груди, к ЮВ от костяка находился сосуд[6] (рис. 6, *5*). Юго-восточней него, вплотную к сосуду, у колен ребенка, за костяком (в области таза), а также у бедренных костей находилось 22 альчика мелкого рогатого животного, частично перекрытых толстым слоем охры (рис. 6, *4*).

Погребение № 23

Погребение было обнаружено в центральной части кургана в слое суглинка светло-коричневого цвета на глубине – 1,72 м. Следов погребальной ямы не прослежено. Костяк лежал скорченно на левом боку, ориентировано по линии З–В, головой на В. Сохранность костяка полная, отсутствуют лишь кости позвоночника в области пояса. Правое плечо завалено вперед, перекрывая собой кости левой руки. Руки согнуты в локтях. Левая рука согнута под прямым углом, правая под острым углом, кистью к лицу. Ноги подтянуты к костям правой руки, бедренными костями вдоль костей предплечья правой руки. В коленях ноги согнуты под острым углом, пятки подтянуты к тазу (рис. 6, *6*). У колена правой ноги и предполагаемой левой кистью находился сосуд[7] (рис. 6, *7*). Череп костяка был окрашен охрой. Под костяком прослежены местами (в области таза и рук) остатки подстилки в виде тлена черного цвета. Подсыпка охрой красно-коричневого цвета прослежена у таза.

При разборке погребения № 23 под черепом человека был обнаружен кремневый отщеп (рис. 6, *11*). Под сосудом при разборке погребения были найдены бронзовая игла (шило)[8] (рис. 6, *10*) и кусок охры красного цвета и две кремневые пластины (рис. 6, *8, 9*).

Погребение № 24

Погребение было обнаружено в центральной части кургана в слое материковой глины желто-коричневого цвета, выявлено при зачистке погребения № 23 по заполнению ямы (гумус, суглинок темно-коричневого цвета) на глубине – 185 см. Размеры ямы – 86 ×154 см. Глубина от прослеженного края ямы до 21 см. Яма имеет форму усеченного овала. Восточная стенка прямая, южная длинная стенка имеет большой прямой участок и лишь в южном окончании разворачивается к северу (рис. 3, *11*) Длинной своей осью конструкция ориентирована по линии С–Ю. Стенки ямы вертикальные, дно неровное, понижается к центру.

Костяк погребенного находился ближе к восточной длинной стенке ямы в положении скорченно с наклоном на правый бок. Руки вытянуты вдоль туловища, согнуты в локтях, кистями на тазу. Поза скелета очень напоминает положение скелетов в погребениях № 18 и 19, лежащих на спине скорченно именно с такой позицией рук. Следовательно, в захоронении № 24 покойный человек мог также лежать на спине скорченно.

Сохранность костяка практически полная, отсутствуют кости позвоночника. Восточней костяка, у восточной стенки ямы, на уровне пояса и локтя левой руки находились кости животного, под которыми прослеживается тонкая полоска тлена органического происхождения коричневого цвета (рис. 3, *11*).

Заключение

Погребения кургана Ольховский медно-бронзового века были совершены в ямах в погребенной почве, материка и насыпи кургана. Позы умерших отражают положение покойных скорченно на боку (3, 4, 8, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 21, 22, 23). На правом боку находятся скелеты в погребениях № 3, 4,

---

[6] Сосуд сероглиняный, строго симметричной формы. Тулово сферическое, дно не выделено. Горло высокое, расширяется к венчику, отделено от тулова уступом. Венчик незначительно отогнут наружу, заужен, округлен. Тесто плотное, без видимых на глаз примесей. Обжиг хороший, черепок звонкий. Внутренняя поверхность горла и вся внешняя поверхность сосуда залощены. Рассматриваемый «кубок» входит в ту же группу сосудов МНО, что и горшочек из п. 18.

[7] Сосуд лепной, его обжиг неравномерный. Тулово сферическое, дно небольшое, плоское. Шейка высокая, расширяется к верху. Шейка отделена от тулова глубоким прочерченным желобком. Венчик сужен, округлен. Тесто пористое, с примесью мелкотолченого известняка. На внешней поверхности отмечены следы слабого лощения.

[8] Бронзовое шило имеет четырехгранное сечение. В нижней трети шила неглубоким желобком выделен короткий черенок также четырехгранный в сечении.

14, 16, 20, 21, 22, 23. На левом боку скорченно отмечены скелеты в погребениях № 8, 13, 15, 17, 23. Какой-либо зависимости в обряде между положением человека на правый или левый бок отметить не представляется возможным. В погребениях № 13, 17 можно видеть захоронениях в пакетах. Погребения № 18, 19, 24 связаны со скелетами, лежащими в положении скорченно на спине.

Группировка погребений в зависимости от их стратиграфического положения выглядит следующим образом. Группа 1 расположена в слое погребенной почвы и ниже в материковом слое. Здесь зафиксированы верхние уровни погребений № 3, 4, 7, 8, 15, 17, 20, 21, 22, 23, 24.

Группа 2 включает погребения, совершенные в насыпи, дно которых находится выше слоя погребенной почвы, т.е. выше уровня 0,7–0,9 м. Таковы могилы № 11, 13, 14, 16.

И, наконец, группу 3 составляют два погребения № 18 и 19, впущенные в насыпь кургана сверху.

Для определения основного захоронения в кургане особо важна ситуация с погребениями № 24, 23, 17, 8. Пятно погребения № 24 было, как отмечено выше, зафиксировано в материке при расчистке вышележащего погребения № 23, но трудно сказать, перекрыла ли яма погребения № 23 контур могилы № 24, хотя последнее не исключено. По расположению погребений № 8 и 17 ясно, что погребение № 24 не могло быть впущено с уровня верха погребенной почвы в этом месте или с уровня верха насыпи, так как п. 8 и п. 17 непосредственно перекрыли п. 24. Следовательно, остается думать, что п. 24 было сооружено с некоего древнего уровня погребенной почвы еще до появления в этом месте захоронений с майкопской керамикой из погребений № 23, 8 и 17.

Таким образом, можно прийти к заключению, что начальный этап функционирования кладбища мог быть связан с совершением погребением № 24 в яме или подбое (?) в невысокий естественный холм. Погребение было оставлено местным населением предмайкопского времени. Определить более точную датировку затруднительно.

Следующий этап функционирования кладбища был связан с захоронениями майкопско-новосвободненской общности, впущенными в грунт с поверхности почвы: № 3, 4, 7, 8, 15, 16, 20, 21, 22, 23.

Горизонтальная планировка погребений этой группы интересна. Упомянутые выше захоронения располагаются полосой, вытянутой с юго-запада на северо-восток. На юго-западном участке находится скопление из погребений взрослых людей № 4, 8, 17, 21, 23. Затем к северо-востоку размещается серия из детских могил погребения № 7, 15, 20, 22. Крайней северо-восточной могилой является детское п. 3.

Дальнейшая история кладбища началась с сооружения курганной насыпи. В нее были впущены майкопские погребения. Скелеты № 11, 13, 14 были уложены на боку скорченно. Эти погребения относятся к МНО. Самые поздние погребения № 18 и 19, впущенные в насыпь, также датируются этим временем.

Сосуды из погребений взрослых людей майкопской группы находят аналогии в памятниках псекупского варианта МНО, они могут быть отнесены к данному варианту, характерному для территории Западного Предкавказья. Вместе с тем, необходимо отметить следующие их особенности. Обращаем внимание, что погребенные лежали скорченно на правом или левом боку, руки, согнутые в локтях, кисти у лица. Кости скелетов окрашены в красный цвет в результате использования минеральной красной краски. Контуры могильных ям имеют подквадратные или прямоугольные очертания с длинной стенкой не более 2 м. Ориентировка погребенных варьирует.

В составе инвентаря в могилах МНО отсутствуют оружие и орудия ударного действия. Поэтому возможно связывать эти захоронения с носителями МНО, среди которых могут быть земледельцы, скотоводы, охотники, но не представители ее элитной военно-производственной прослойки общества.

Сосуды в рассматриваемых захоронениях представлены формами кубков или небольших горшочков, располагавшиеся по одному в комплексе. Морфологически некоторые из них напоминают посуду псекупского варианта МНО, с которыми сопоставляются майкопские захоронения из кургана Ольховский[9]. Эти сосуды находились близко к скелету, в области тазовых костей. По расположению керамики в погребениях, рассматриваемые комплексы отличаются от традиций племен галюгаевско-серегинского и долинского вариантов МНО, в которых отражена практика постановки сосудов в угол или под стенку

---

[9] Среди керамики кургана Ольховский нет сосудов характерных для новосвободненской группы времени «горизонта гробниц». Тюльпановидные горшочки, часто встречаемые в погребениях раннего периода новосвободненсих комплексов могильника Клады, обычны для памятников с керамикой псекупского и собственно майкопского варианта в Западном Предкавказье. Поэтому говорить о погребениях некой новосвободненской культуры в данном районе и в кургане Ольховский так же нет оснований. В кургане также не отмечена ситуация, при которой погребения майкопской культуры следуют за погребениями новосвободненской культуры, как это было отмечено в более ранней публикации.

могилы. Тем самым они более напоминают погребения Кумо-манычской периферии МНО, например, Айгурского кургана 22, в котором при покойных также были обнаружены небольшие горшочки, поставленные вблизи туловища умершего человека, погребенного в подбойной могиле (Кореневский, Калмыков, 2017. С. 106–124).

Детские погребения в кургане Ольховский были сосредоточены целой серией рядом с захоронениями взрослых. Особо выделяется могила № 20, в которой для погребения ребенка была сооружена площадка в центре могилы. Она отражает некий особый ритуал совершения детского захоронения и с обильным использованием красной краски.

Особо обращает на себя внимание погребение № 7 черепа младенца в сосуде. Этот случай – большая редкость для погребальных обрядов племен МНО. Аналогия ему есть только в могильнике Клады к. 11 п. 25 (Резепкин, 2012). Захоронения черепов детей в сосудах (или жертвенные приношения) известны в различных культурах начала медно-бронзового века довольно широкого ареала. Есть такая практика и в культуре Лейлатепе, близкой по материальной культуре к племенам майкопского и псекупского вариантов МНО.

Погребения № 18 и 19 можно отнести к особой группе ямно-майкопских захоронений. Покойные в них лежат на спине скорченно, но керамика относится к формам майкопско-новосвободненской общности.

Оба захоронения отражают интересные черты погребальной практики своего времени. Так, в погребении № 18 в ноги покойному было положено более 40 альчиков барана. Скорее всего, это приношение покойному было связано с определенной символикой. Ее истоки и практика не связаны с обычаями похорон элиты МНО, так как обычно богатые захоронения взрослых людей с оружием альчиков не содержат. Исключение может составить захоронение № 1 в кургане 15 могильника Клады. Здесь при погребении ребенка с оружием было найдено 100 альчиков барана (Резепкин, 2012).

Погребения № 18 и 19, совершенные в ямах с заплечиками и со скорченными на спине захоронениями людей, отражают довольно специфические черты ритуалов, с ямно-майкопскими чертами заупокойных культов. Так, погребенный в захоронении № 18 был положен на густой слой красной краски. Сопровождающий инвентарь включал серебряное кольцо, символизирующее высокий социальный статус погребенного. Сосуд из этой могилы принадлежит к престижной керамике 1 класса МНО. В ноги ему положили более 40 альчиков барана.

Погребение № 19 уникально своими особенностями. Погребенный был положен на подстилку на дно могилы, покрытую красной краской. Далее были положены кремневые отщепы и две небольшие каменные пластинки, два альчика. У костей ног были обнаружены 15 астрагалов крупного рогатого скота, расположенные в ряд и майкопский круглодонный сосуд.

Символика особого отношения к отщепам кремня и альчикам скота здесь очевидна. Для майкопских погребений с оружием и инструментами такие особенности обряда (кремневые отщепы) не типичны. Скорей всего, это символика степного населения времени энеолита и медно-бронзового века.

Таким образом, оба погребения № 18 и 19 несут признаки особого выделения погребенных в них людей символикой серебряной подвески и альчиков.

Мы располагаем радиоуглеродной датой погребения № 15 – Ki 19225 4400 ±50 3096-2901 BC. В этом захоронении был найден острореберный майкопский сосуд, характерный для поздних майкопских памятников. Дата поэтому хорошо увязывается с финалом МНО, концом IV – началом III тыс. до н.э. К этому времени, как стало сейчас ясно, относятся и захоронение в Нальчикской гробнице – 3092-2943 BC 68% (Hansen et al., 2017. P. 24). Это было время расцвета и мощи племен МНО, после которого она внезапно растворилась во времени. Кто сменил майкопское население в это судьбоносное время? Стратиграфия кургана Ольховский указывает, что таковыми могли быть племена ямно-майкопского облика, оставившие захоронения № 18 и 19, которые перекрыли кладбище МНО. Случаи таких протосреднебронзовых погребений очень редки. Одно из них известно на Кавминводах к. 1 п. 14 (Кореневский, 1990).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бианки А.М., Днепровский К.А., 1988. Об одном из вариантов погребального обряда майкопской культуры // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. С. 71–85.

Кореневский С.Н., 1990. Памятники населения бронзового века центрального Предкавказья. М.

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.

Кореневский С.Н., Атабиев Б.Х., Аккизов А.Я., Хашироков А.Х., 2008. Майкопские погребения кургана 1 на р. Кудахурт в Балкарии // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М. С. 123–155.

Кореневский С.Н., Калмыков А.А., 2017. Майкопские погребения кургана 22 могильника Айгурский // РА. № 4. С. 106–123.

Ловпаче Н.Г., 1985. Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. С. 16–64.

Резепкин А.Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). С-Петербург.

Яцюк Д.А., 2012. Отчет об итогах проведения охранно-спасательных работ на памятнике археологии курган № 1 «курганной группы из 4 курганов» в Тимашевском районе Краснодарского края. Архив ИА РАН, Р-1, № 36440

Яцюк Д.А. 2018. Ольховский курган // Историко-археологический альманах. Армавир-Краснодар-Москва. С.4–23.

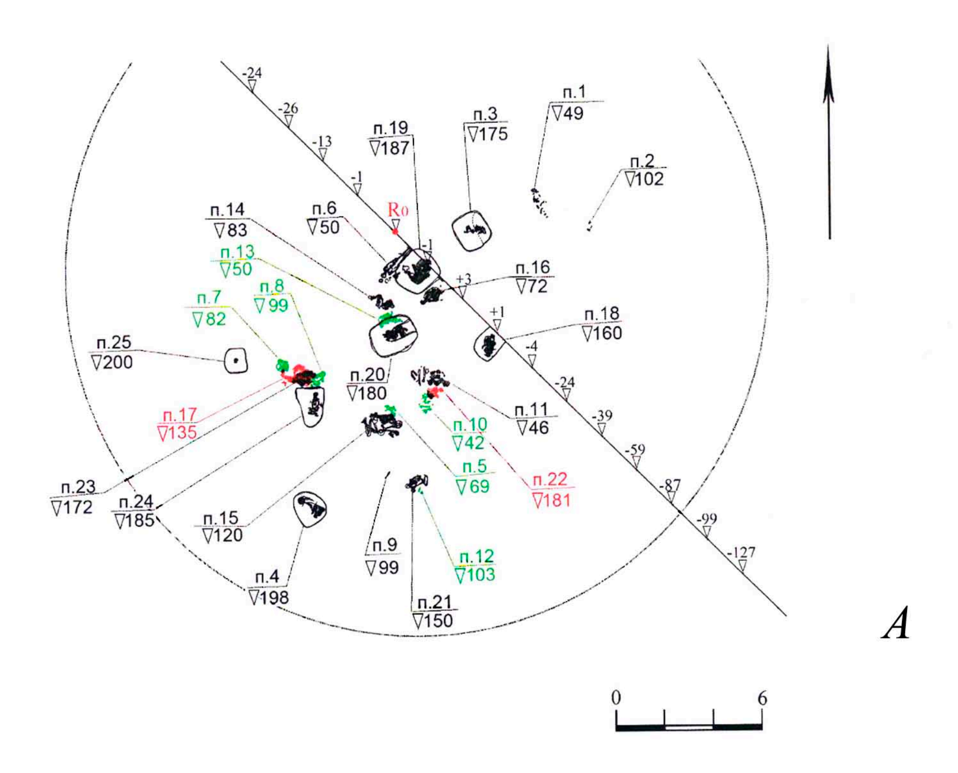
Hansen S., Belinskij A., Reinhold S., 2017. The Great Kurgan from Nalčik: A Preliminary Report // Subartu. XVIII. P. 24.

S.N. Korenevsky, M.B. Mednikova, M.V. Dobrovolskaya, D.A.Yatsuk

MAYKOP BURIALS FROM THE OLKHOVSKY CEMETERY

Abstract. The paper reports on Maykop-Novosvobodnaya community graves from kurgan 1 located on the right bank of the Kirpili River on the eastern edge of the Olkhovsky farmstead, Timashevsky district, Krasnodar Region. The paper explores 16 burials and describes results of the anthropological study, one radiocarbon data obtained, finds from the burials, and ceramics. The paper concludes that the published assemblages are attributed to the Psekupskaya variant of the Maykop-Novosvobodnaya community and are linked to the later stage of its existence.

Keywords: Maykop-Novosvobodnaya community; funerary rite; radiocarbon dating.

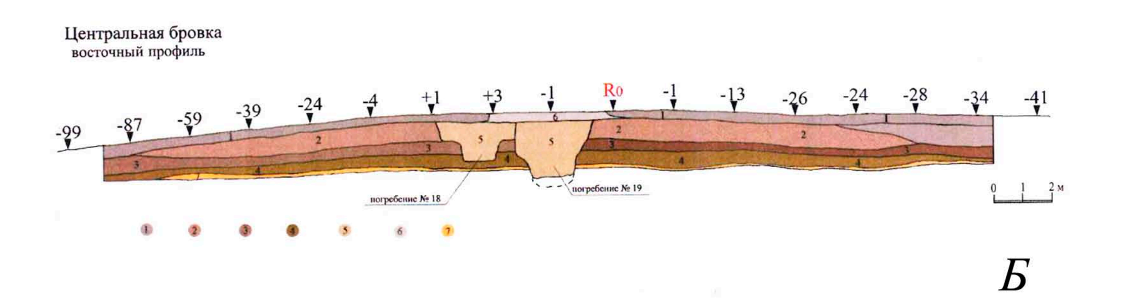

Рис. 1а. Курган 1 у хут. Ольховский. *А* – общий план; *Б* – центральная бровка. *1* – чернорзем (гумус черного цвета); *2* – курганная насыпь (гумусированный суглинок светло-коричневого цвета); *3* – древний горизонт (гумусированный суглинок светло-коричневого цвета); *4* – суглинок светло-коричневый; *5* – заполнение ям (суглинок мешаный с черноземом и материковой глиной); *6* – гумусированный суглинок мешаный с черноземом; *7* – материк, глина желто-коричневого цвета

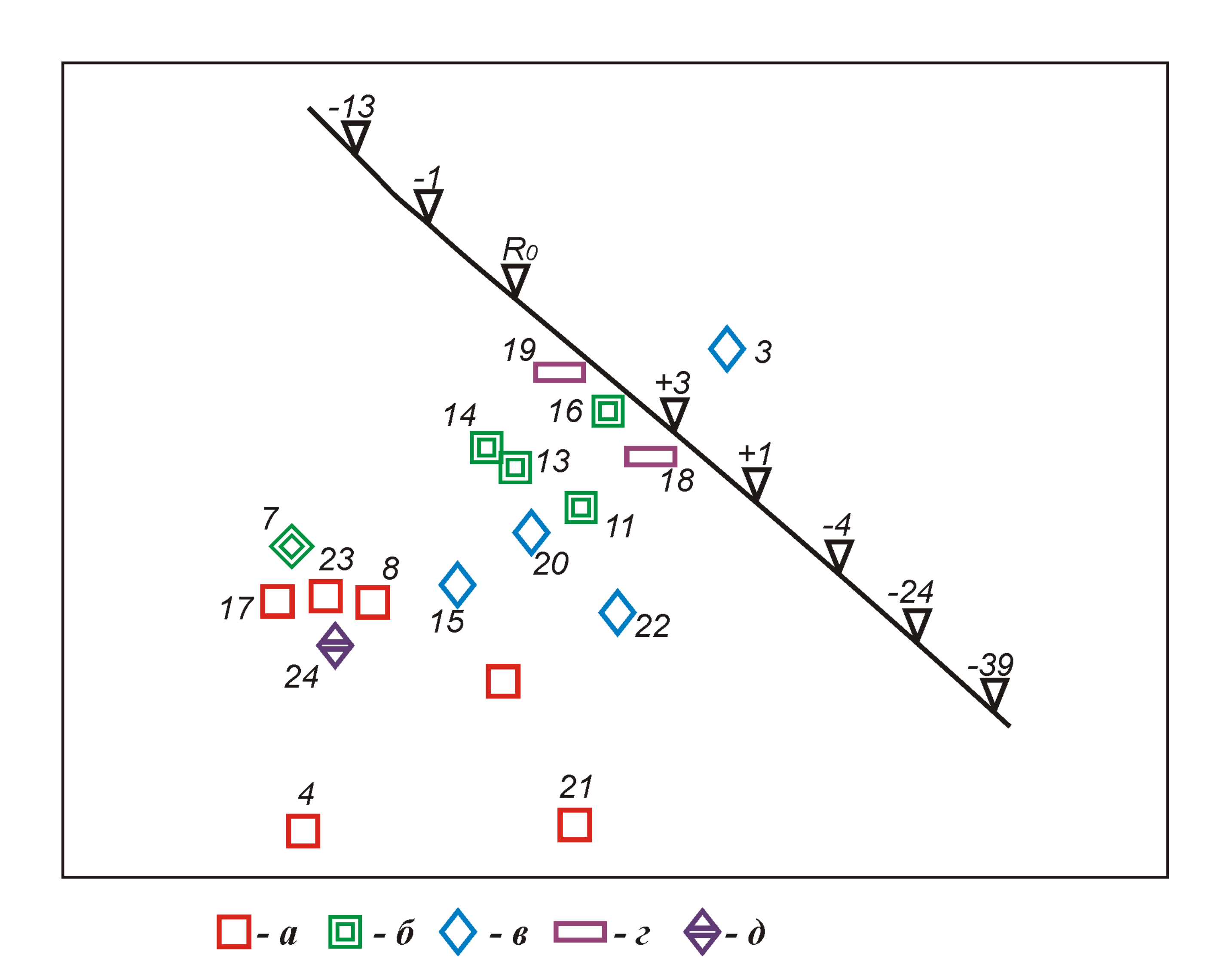

Рис. 1б. Курган 1 у хут. Ольховский.
Схема расположений погребений медно-бронзового века:
а – погребения взрослых людей скорчено на боку в слое погребенной почвы и материковой слое, *б* - погребения взрослых людей скорчено на боку в слое насыпи, выше слоя погребенной почвы, *в* – погребения детей, *г* – погребения взрослых людей в положении на спине скорчено, впускные в насыпь, *д* – погребение на спине скорчено в материковом грунте

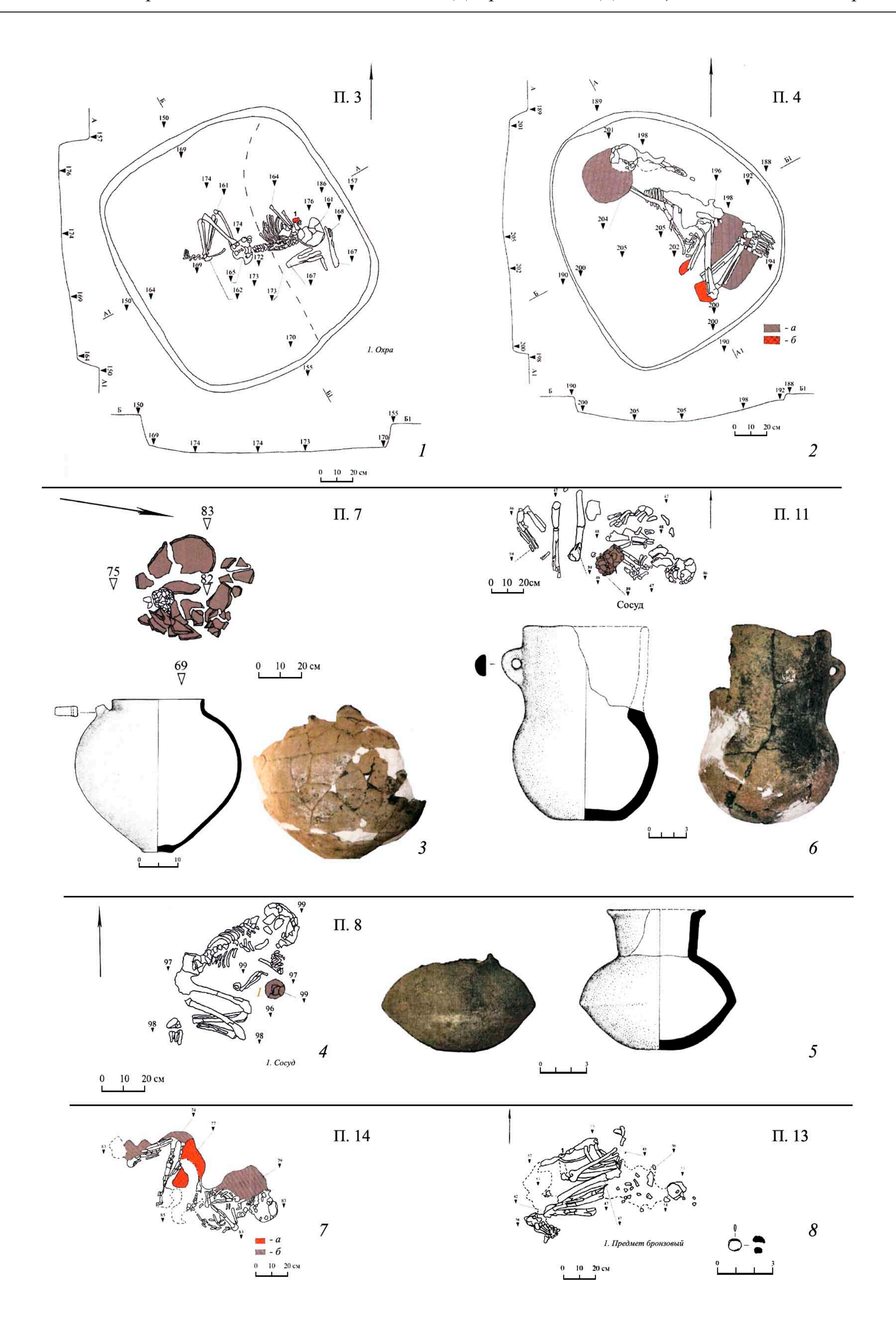

Рис. 2. Погребения кургана 1 у хут. Ольховский № 3, 4, 8, 11, 13.
1 – п.3; *2* – п.4; *3* – п.7; *4* ,*5* – п.8; *6* – п.11; *7* – п.14 (*а* – охра, *б* – тлен темного цвета); *8* – п.13

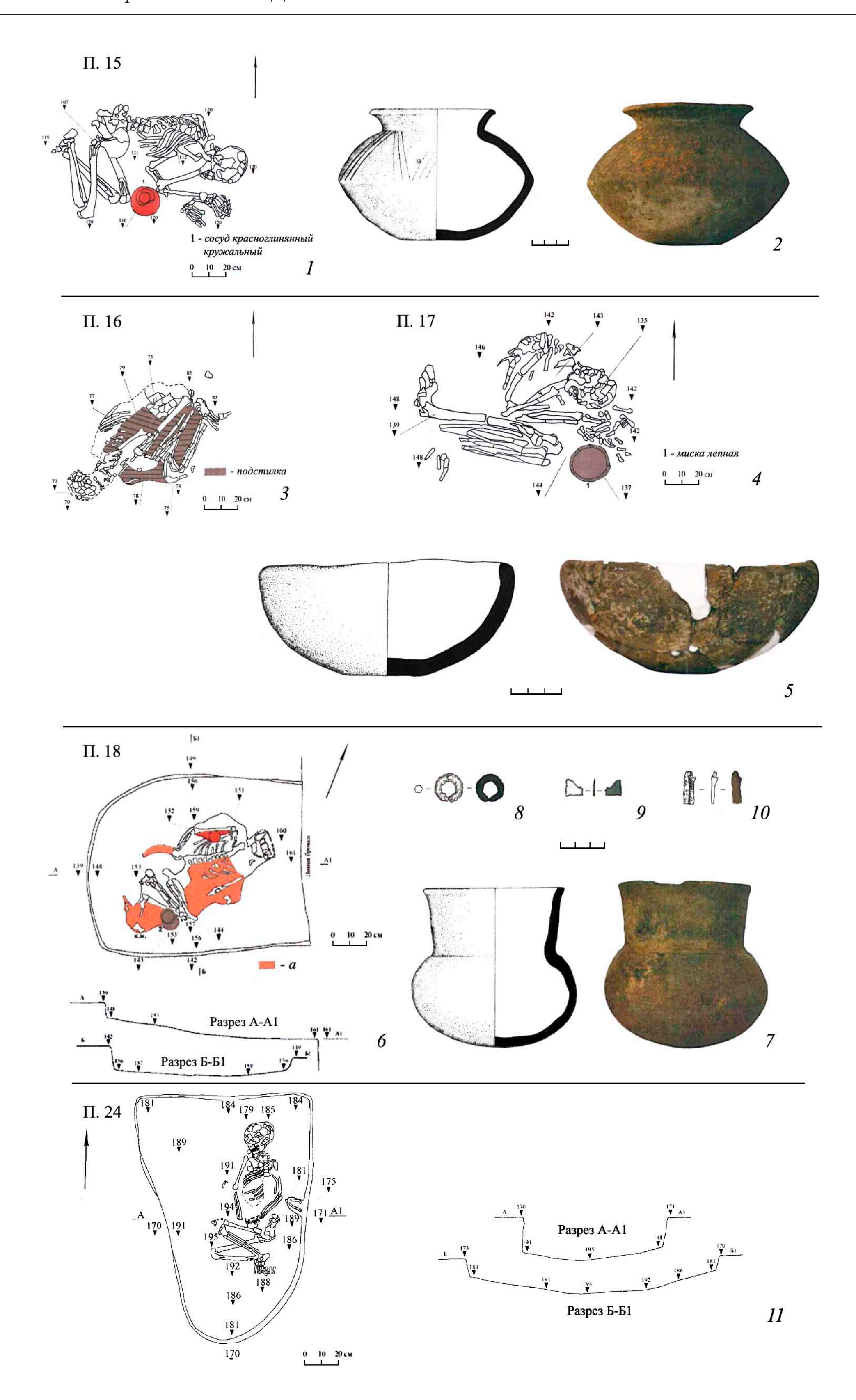

Рис. 3. Погребения кургана 1 у хут. Ольховский № 15, 16, 17,18, 24
1, 2 – п. 15; *3* – п. 16; *4, 5* – п. 17; *6–10* – п. 18; *11* – п. 24 (*а* – охра)

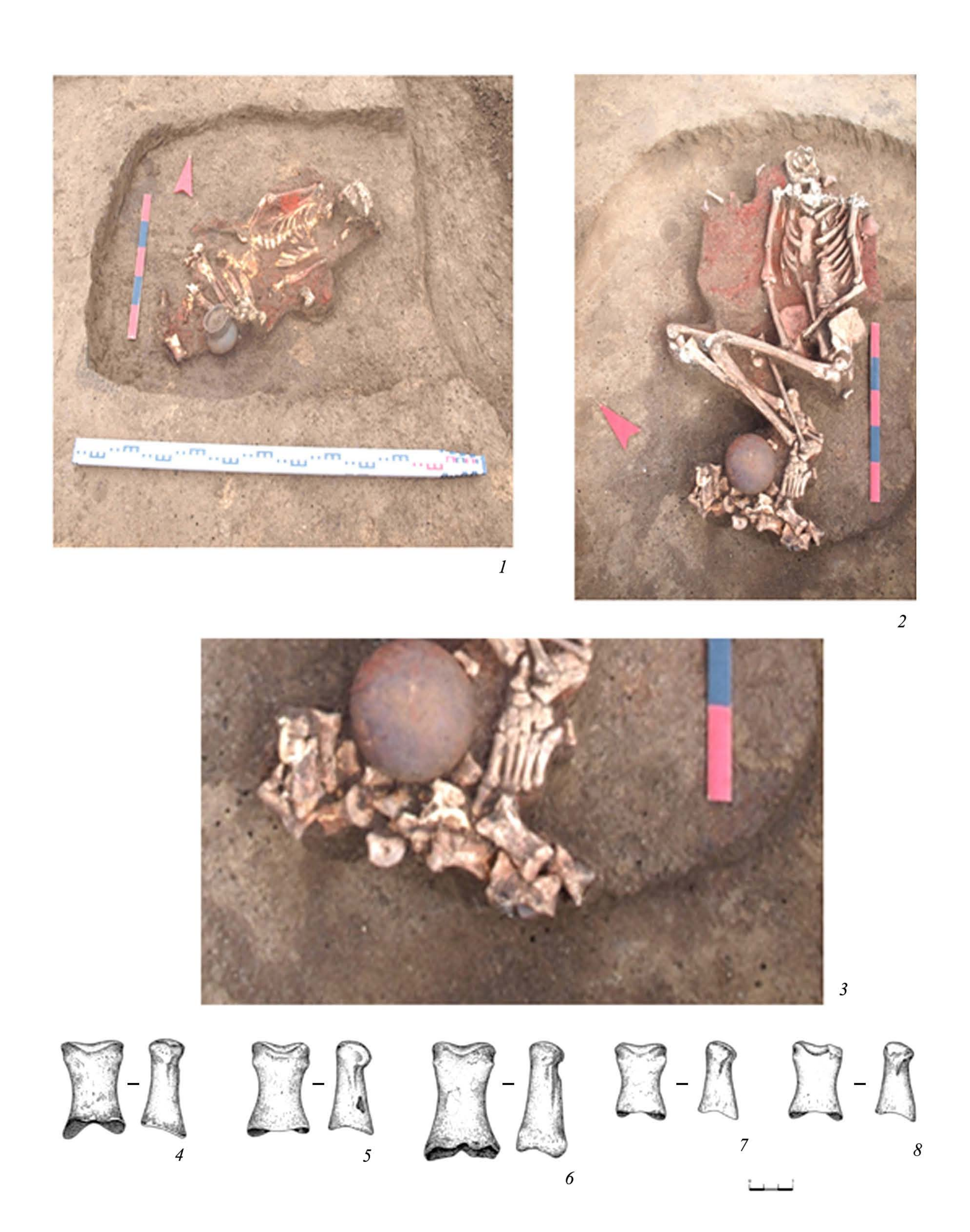

Рис. 4. Погребения кургана 1 у хут. Ольховский 18 и 19.
1 – п. 18; *2* – п. 19; *3* – альчики и сосуд в п. 19 в контексте погребения; *4–8* – альчики п. 19

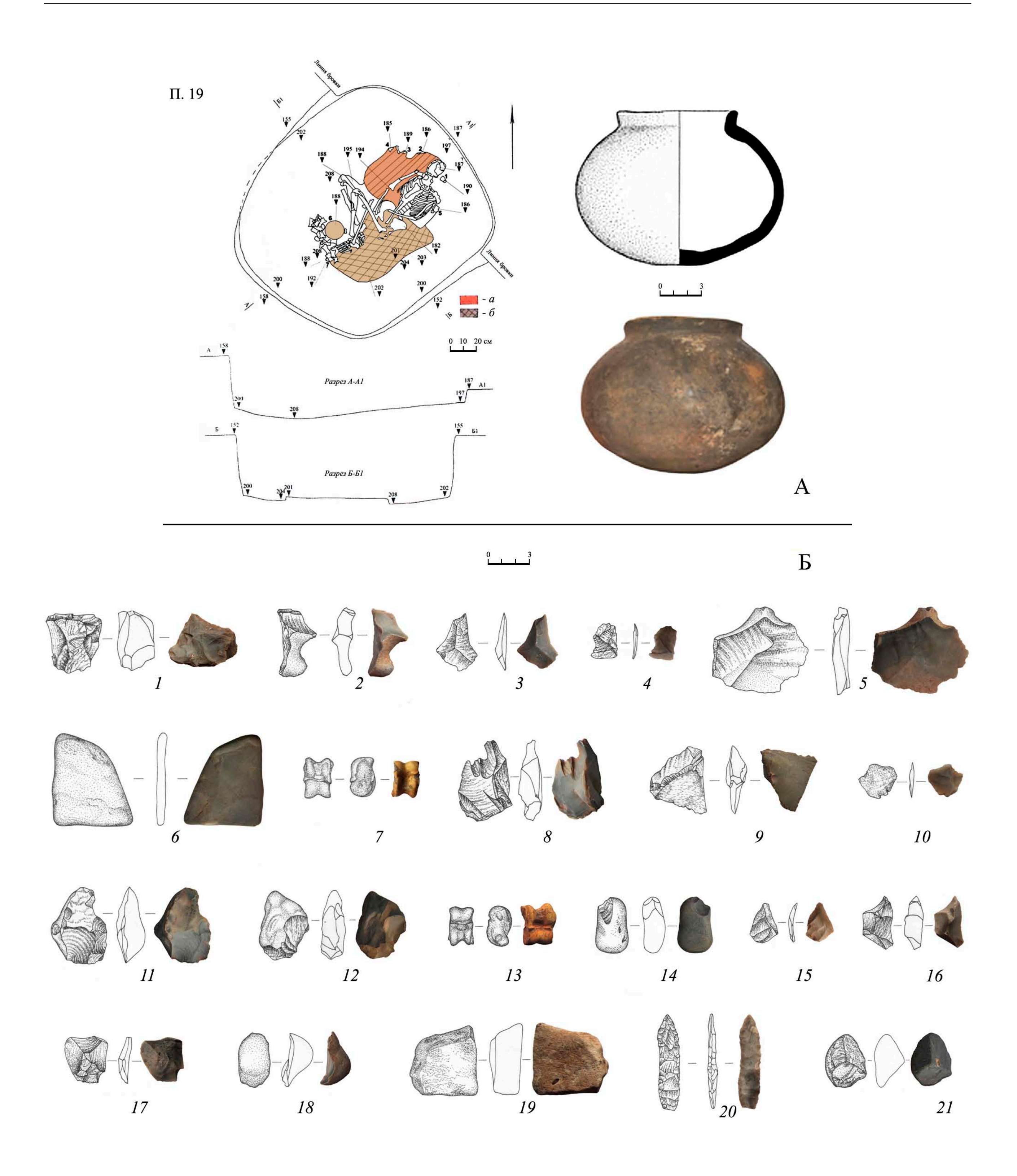

Рис. 5. Погребение № 19 кургана 1 у хут. Ольховский
А – план погребения и сосуд, *а* – охра; *б* – подстилка; *1* – кремень; *2* – отщеп кремневый;
3 – пластина кремневая; *4* – орудие кремневое; *5* – пластина кремневая;
6 – сосуд кружальный; *7* – кремень;
Б – некерамический инвентарь из погребения

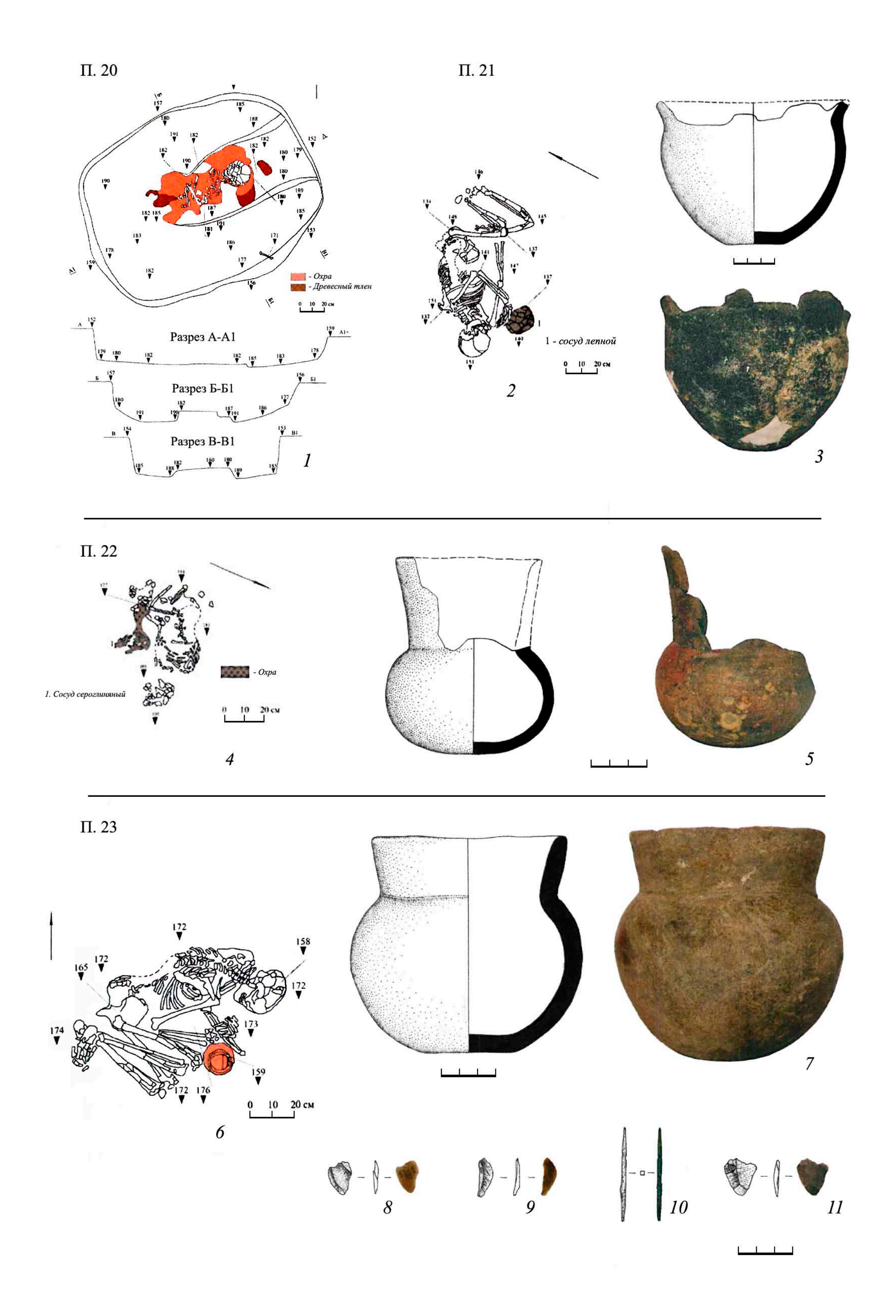

Рис. 6. Погребения кургана 1 у хут. Ольховский п. 20–23
1 – п.20; *2, 3* – п.21; *4, 5* – п.22; *6–11* – п.23

А.Д. Резепкин, Г.Н. Поплевко

БЕЛЯЕВСКОЕ – ПОСЕЛЕНИЕ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА КУБАНИ

Резюме. Статья посвящена публикации материалов поселения майкопской культуры Беляевское, расположенного на южном берегу Краснодарского водохранилища. Массовая керамика представлена в системе ранее предложенной классификации, из анализа которой видно, что данное поселение относится к закубанской группе памятников майкопской культуры. Показаны результаты исследования технологии изготовления круглодонной керамики.

Ключевые слова: Кавказ; майкопская культура; поселение Беляевское; комплексный анализ керамики; технология изготовления керамики.

Поселение Беляевское было обнаружено авторами в результате обследования южного берега Краснодарского водохранилища в 2002 г. (табл. 1). Разведочные раскопки поселения начаты в 2004 г., вскрыто 20 кв. м и было выяснено, что культурный слой, как и на остальных поселениях майкопской культуры, очень тонок, «в один черепок». В 2008 г. раскопки были продолжены. Раскоп I площадью 40 кв. м был заложен в 210 метрах к юго-востоку от разведочного раскопа 2004 г., на самом краю размываемого берега непосредственно над скоплением обожженной глины, обнаженной в результате размыва берега Краснодарским водохранилищем, раскоп II площадью 40 кв. м был заложен в 180 метрах к юго-востоку от раскопа I. Культурный слой залегал на глубине 100–120 см от современной поверхности и был перекрыт толщей гумусных отложений. Структура самих стенок раскопа состояла из плотного слоя чернозема темно-серого цвета, который, на глубине около одного метра, плавно переходит в суглинок желтовато-коричневого цвета. На границе этого перехода и находился очень слабо насыщенный культурный слой. Обращает на себя внимание тот факт, что в культурном слое практически полностью отсутствовали остеологические материалы. Раскоп I оказался наиболее насыщен находками, особенно его северо-восточная часть, где были обнаружены два скопления керамики от нескольких сосудов (табл. 2).

Как и на остальных поселениях майкопской культуры, подавляющее большинство находок представлено фрагментами керамических сосудов. В данной работе собранная керамика представлена в соответствие с созданной нами классификацией.

Первая классификация массовой керамики «майкопско-новосвободненской общности» была предложена С.Н. Кореневским. Согласно его подходу, разновидности майкопской и новосвободненской керамики, хотя и имеют определенные различия, но представляют, все же одну культуру, или культурную общность (Кореневский, 2004).

Ранее один из авторов этой статьи уже указывал на методическую ошибочность создания единой классификационной схемы керамики для «майкопско-новосвободненской» общности, и здесь нет смысла повторяться (Резепкин, 2012. С. 57). В рецензии на книгу Резепкина А.Д. (Резепкин, 2012) по этому поводу С.Н. Кореневский пишет, что «формальная типология и интерпретация культурной принадлежности полученных типологических разрядов – это данные области формализации, которые решаются на признаках из неодинаковых областей знания» (Кореневский, 2014. С. 172). А без «интерпретации культурной принадлежности», т.е. без

 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.90-129

ограничения безбрежного археологического материала в виде его культурной принадлежности, что и как можно классифицировать? Согласно классификации С.Н. Кореневского вся керамика «майкопско-новосвободненской общности» подразделяется на четыре варианта. Помимо «шаровидно-грушевидных» форм, он предлагает выделять в качестве классификационных единиц 12 отделов, 16 подотделов, 79 групп и 3 варианта (Кореневский, 2004. С. 25–35). Представленная группировка массового материала, это, скорее, не классификация, а перечень разновидностей форм сосудов эпохи ранней бронзы, встречающихся на Северном Кавказе.

Ранее нами уже была предложена классификация мисок (Резепкин, Поплевко, 2009) и сосудов (Резепкин, 2012) собственно майкопской культуры. Этот подход и был применен к керамике поселения Беляевское.

Миски

Среди уже классифицированных ранее разновидностей массовых керамических сосудов майкопской культуры (Резепкин, Поплевко, 2009. С. 83. рис. 1), на поселении зафиксированы некоторые формы мисок (Табл 3. 1, 2–6, 8, 12). Все миски объединяет отличный обжиг. Цвет черепков в основном красновато-оранжевый, редко – серый либо темно-коричневый. Практически все сосуды имеют тонко отмученное тесто, без видимых примесей. Судя по фрагментам донцев, для мисок характерны округлые днища. Миски различаются только формой венчиков, на основании которых они и были классифицированы. В частности были выделены следующие формы:

1. Венчик прямой, переходящий в округлую стенку миски (табл. 3, 1).

2. Венчик сложного профиля, расположен под углом к тулову миски, внутренний край острый, направлен внутрь (табл. 4, 1–6).

2а. Край венчика отогнут, овальный в сечении, внутренний край овальный, направлен внутрь (табл. 4, 7–18; табл. 14, 5).

3. Край венчика оттянут наружу горизонтально, иногда с наклоном вниз (табл. 3, 2–8, 10; табл. 5).

3а. Край венчика приплюснут, «рельсовидной» формы (табл. 3, 9).

4. Вертикальный венчик, отделен от тулова внешним уступом (табл. 3, 11, 15).

5. Венчик отделен от тулова внешним желобком (табл. 3, 12–14, 16).

5а. Венчик отделен от тулова внешним желобком, но край загнут вовнутрь.

6. Венчик с плоским краем, резко загнут внутрь (табл. 3, 17).

7. Венчик продолжает линию внутренней стенки миски и резко утончен с внешней стороны плавным уступом.

8. Венчик имеет округлое утолщение на краю: «припухлость» (табл. 3, 18–20, 22).

9. Венчик имеет в сечении подпрямоугольную форму, выделен по обе стороны стенки миски.

10. Венчик загнут вовнутрь под острым углом от плечика.

11. Венчик отходит от ребра на тулове, плавно выгнут наружу к краю.

12. Венчик приострен кверху, имеет «наплыв» с внешней стороны (табл. 3, 22).

Миски в составе керамических коллекций майкопской культуры, составляют самую массовую категорию посуды. В коллекциях, собранных на семи майкопских поселениях, в общей сложности было зафиксировано 611 фрагментов венчиков мисок (Резепкин, Поплевко, 2009. С. 83, рис. 1). С учетом подъемного материала, собранного из размытых слоев этих же поселений, их количество увеличивается до 702 экземпляров.

Привлечение новых данных, показывает, что процентное соотношение ведущих выделенных форм венчиков из всех поселений меняется только на доли процента[1]. Это свидетельствует о том, что проведенная выборка вполне достаточна и при дальнейшем ее увеличении пропорциональное соотношение ведущих форм мисок в майкопской культуре не изменится. Что касается выборок из конкретных поселений, то здесь не из всех поселений выборка оказывается достаточной. В данном случае количество мисок из поселения Беляевское насчитывает 75 единиц (табл. 6). Здесь можно говорить лишь о статистической тенденции, но и она достаточно хорошо выражена.

Как видно из таблицы 3, наибольшее количество из всех учтенных разновидностей мисок относятся к типу 2а–3 – 67,5%. Существенно меньшее количество экземпляров относится к типу 2–12,2% (табл. 6). Суммарно, они составляют более 79,7% от всех мисок поселения, тогда как их доля относительно общего количества этих типов на всех поселениях имеет гораздо меньший процент (табл. 7, %-2). Все остальные формы мисок на поселении представлены незначительным количеством (табл. 6). Что касается распространения мисок выделенных типов по

[1] См. для сравнения: Резепкин, Поплевко, 2009. С. 84, рис. 2 и табл. 7 настоящей публикации.

всем поселениям, то типы 1–3 с вариантами 2а и 3а вообще занимают 83% от общего количества типов мисок (табл. 7), а типы 2а–3 занимают 37,6%, что почти в 2 раза меньше, чем на поселении Беляевское (табл. 7). То есть, это поселение по количеству мисок типов 2а–3, заметно выделяется среди других бытовых памятников.

Если на всех исследованных поселениях суммарно, наибольшее количество представлено мисками типов 1–4 (83% от мисок всех форм)[2] (табл. 7), то на Беляевском поселении больше всего мисок представлено только типом 3–37,8 % (табл. 6, %-1). Процент этих мисок на Беляевском поселении также весьма высок и по отношению к сумме мисок данного типа из всех поселений. Он составляет 28,9% (табл. 6, %-2). Тогда как этот тип от суммы мисок всех типов всех поселений набирают лишь 13,8% (табл. 7). То есть, можно констатировать, что в количественном отношении на поселении Беляевское миски 3 типа абсолютно доминируют среди мисок остальных типов на самом поселении. Их процентное соотношении с прочими разновидностями мисок выше чем на любом другом из исследованных поселений.

Заметную, хотя и значительно меньшую долю, на поселении, составляют миски 4 типа - 8% от всех мисок и 5 типа и его вариантом – типом 5а- 8,1% от мисок всех поселений (табл. 6). Эти разновидности мисок являются своего рода маркером закубанской группы поселений, поскольку встречаются почти исключительно здесь (табл. 7). Редкой формой на поселениях майкопской культуры является тип 9. Он составляет лишь 1,1% от всех венчиков всех поселений (табл. 7). Из 8 экземпляров этой формы венчиков на Беляевском найдено 3 и еще 4 найдено на остальных исследованных поселениях закубанской группы и только 1 экземпляр на Большетегинском поселении, относящимся уже к среднекубанской группе (Резепкин, Поплевко, 2009). Обратную картину представляют собой тип 1. Он представлен лишь в одном экземпляре (табл. 6), тогда как его доля среди всех мисок из всех поселений составляет 30,3% (табл. 7). Доля типа 2 практически равна средней величине количества этих мисок на всех поселениях, а тип 2а заметно меньше – 17,7% против 23,8% (табл. 7). Тип 6 обнаружен всего в двух экземплярах, а тип 12 – в одном. Остальные формы венчиков мисок – типы 5а, 7, 9–11 вообще на поселении не представлены (табл. 6).

Гораздо более сложной является классификация остальных форм сосудов. Основная сложность классификации состоит в том, что целые формы сосудов в майкопской культуре представлены в крайне незначительном количестве и создать полноценную классификацию, опираясь только на целые формы, невозможно. Поэтому за основу, как и в случае с мисками, были приняты формы венчиков сосудов (Резепкин, 2012). Тулова сосудов практически всегда имеют либо шаровидную форму, либо шаровидно-уплощенную, иногда – вытянуто-овальную. Изредка, в средней части тулова отмечено ребро. Резко выделяется форма котлообразных сосудов «чанов». Подавляющее большинство сосудов имеет уплощенное дно, без резкого сочленения с туловом. Незначительное количество сосудов имеет ручки. Они расположены на плечиках или на переходе от плечика к тулову. Их разная форма и различное расположение в верхней части тулова предполагает отнесение сосудов, на которых они зафиксированы, к разным морфологическим группам, хотя по признаку – форма венчика (в случае его сохранности), все они относятся к форме 2 (табл. 11–16; 17).

Представленная классификация форм венчиков сосудов разработана для всей керамики майкопской культуры, но на данном поселении, как и в случае с мисками, разновидности форм венчиков представлены далеко не полностью. Из 14 выделенных форм на поселении зафиксировано только 8 разновидностей (табл. 15). Приводим их в виде списка:

1. Край венчика слегка отогнут и с внешней стороны выпуклый. Шейка невысокая, прямая либо расположена под небольшим углом к тулову (Табл. 8). Из данной таблицы видно, что при практически одинаковой форме венчиков тулова сосудов имеют разные варианты (табл. 8; табл. 14, 3–4), о чем упоминалось выше.

2. Венчик прямой, расположен под углом к тулову, внутренний край острым уступом выступает вовнутрь. Здесь туловища сосудов также имеют разные варианты шаровидно-уплощенной формы, но, как и в предыдущем случае, они в целой форме представлены в единичных экземплярах, что делает невозможным их более дробную классификацию (табл. 9; 10, 1–11, 13; табл. 13, 1–3).

3. Край венчика утолщен и оттянут наружу, иногда лежит горизонтально. Край шейки плавно выгибается наружу (табл. 10, 12, 16).

4. Венчик плавно отогнут наружу. Шейка довольно высокая (табл. 11).

5. Венчик невысокий, прямой, с утолщением на краю (табл. 12, 1–4).

---

[2] Причем следует отметить, что миски типа 1 составляют около трети от всех сосудов этой разновидности (табл. 7)

6. Край венчика слегка приострен, шейка прямая, средней и малой высоты (табл. 12, 5; табл. 11а, 1–13).

7. Амфора с прямым венчиком и вертикальными ручками в основании шейки (табл. 11а, 14).

Сосуды

Эти разновидности форм выделены по двум категориям признаков: 1 – венчики сосудов, 2 – наличие ручек. Венчики обнаружены в количестве 72 экземпляров. Из 14 выделенных форм венчиков только у четырех типов: 1, 2, 4 и 6а – количество сосудов каждого типа превысило 10% от их общего количества на поселении, а вместе они составляют 82,1% от всех сосудов на Беляевском (табл. 15). Тип 2 в процентном соотношении также превышает количество венчиков этого типа как внутри поселения Беляевское, так и по остальным поселениям. Иными словами, этот тип для данного поселения является ведущим и в пропорциональном отношении самым многочисленным в сравнении с его присутствием на остальных поселениях (табл. 16, 17), хотя по сумме всех типов венчиков из всех поселений он занимает только третье место (табл. 16, 17). Тип 1 в процентном отношении занимает второе место на поселении (табл. 15) и третье среди всех остальных поселений (табл. 16, 17). Это говорит о том, что если для майкопской культуры этот тип и самый многочисленный, в процентном соотношении это четвертая часть из всех сосудов, обнаруженных на всех поселениях, то на данном поселении он таковым не является, что придает ему характерную особенность. Тип 6а в процентном отношении занимает третье место на поселении (табл. 15) и второе среди всех остальных поселений (табл. 16, 17). Следует отметить, что к венчикам этого типа на поселениях майкопской культуры относится только 16,1% от общего количества всех типов (табл. 16, 17). Четвертое место на поселении и третье среди всех остальных поселений занимает тип 4, но среди общего количества всех типов он насчитывает всего 9,5% (табл. 16, 17).

Необходимо отметить, что большинство венчиков типов 4 и 6а принадлежат сосудам, в тесте которых всегда имеется примесь, они более грубой выделки и более слабого обжига – сосуды второго класса по терминологии С.Н. Кореневского (Кореневский, 2004. С. 22). Типы 3 и 5 относятся к категории редких форм. Тип 3 на поселении обнаружен всего в пяти экземплярах, но среди обнаруженных венчиков этого типа на всех поселениях это составляет целых 26,3% (табл. 16) хотя доля этого типа среди остальных на поселениях составляет только 2,2% (табл. 16). Аналогичная картина характерна для типа 5, соответственно – 9,8% и 4,8% (табл. 15, 16). Тип 7 составляет незначительный процент, как среди сосудов на поселении, так и среди всех поселений по сосудам этого типа (табл. 17).

Из остальных выделенных форм на поселении Беляевское обнаружены только две разновидности: это сосуды с ручками – типы 8 и 9. Обе найдены только в двух экземплярах каждая (табл. 15), что составляет наименьший процент среди всех поселений по сосудам этого типа (табл. 17).

На майкопских поселениях и в погребениях на Северо-Западном Кавказе нередко встречается керамика раннего этапа новосвободненской культуры. На этом поселении также был найден типично ранненовосвободненский «кубок»: небольшое плоское дно, широкое устье, венчик прямой, под небольшим углом отходит от тулова. Цвет светло-коричневый, обжиг средний, в тесте обильная примесь кварцита (табл. 11, 15; табл. 13−4).

Из керамики на поселении встречены также три ручки, две из них расположены на плечиках сосудов, форма которых неизвестна (табл. 11а, 16–17, 19). Также большую редкость на поселениях культуры представляют орнаментированные сосуды. Можно отметить пролощенный зигзагообразный орнамент на шейке сосуда (табл. 8, 6, 8, 14), пролощенные косые линии по шейке и плечикам (табл. 8, 13) и очень редкий каннелированный орнамент по плечикам (табл. 11а, 18).

Из глиняных изделий на поселении найдены фрагменты самых «знаковых» для майкопской культуры глиняных предметов – так называемых «очажных подставок» (табл. 18, 4–6). На майкопских памятниках, где заметно влияние новосвободненской культуры ее раннего этапа, встречены глиняные модели колес (табл. 18, 3).

Следует отметить, что на поселениях и в погребениях майкопской культуры находки предметов из камня и кремня очень редки. На поселении Беляевское обнаружены всего три орудия из камня (табл. 18, 1, 2) и три вкладыша серпа из кремня (табл. 14, 6) что говорит в пользу того, что хозяйство племен майкопской культуры в основе своей было земледельческим.

В переотложенном водами Краснодарского водохранилища слое поселения был найден кремневый наконечник дротика с асимметричным основанием, типичный для иноземцевско-костромского этапа майкопской и раннего этапа новосвободненской культур (табл. 14, 5).

№	Приязка	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C	
			BP	BC/AD
1	2	3	4	5
3	Беляевский, Б-1, кость – 70 гр.	Ki – 15515	4090±50	1σ 2860-2810 BC 2700-2570 2σ 2870-2800 BC 2790-2470
4	Беляевский, Б-4, турлук – 156 гр.	Ki – 15516	4330±100	1σ 3100-2700 BC 2σ 3350-2600 BC

Рис. 1. Радиоуглеродные даты поселения Беляевское

Два образца (кость животного и турлук) были переданы С.Н. Кореневским в радиоуглеродную лабораторию г. Киева. К сожалению, по кости дата нереальна – III тыс. до н.э., а по турлуку также весьма расплывчата (рис. 1).

Для майкопской культуры характерно применение круглодонной керамики. Технологию ее изготовления описывали А.А Бобринский и Р.М. Мунчаев (Бобринский, Мунчаев, 1972). Однако следует добавить, что они коснулись описания технологии изготовления новосвободненской керамики с плоским дном, а не круглодонной. На момент их исследования считалось, что это поздний (новосвободненский) этап майкопской культуры.

Современные исследования А.Д. Резепкина показывают, что это самостоятельная новосвободненская культура, отличная как по керамике, так и по металлу. Новосвободненская культура сосуществует с майкопской на среднем и позднем её этапе (Резепкин, 2012). Кроме того, Резепкин А.Д. выделяет серию гибридных поселений, включающих материалы майкопской и новосвободненской культур одновременно – это период их сосуществования и взаимопроникновения в материальную культуру друг друга (Резепкин, 2011).

Исследование собственно майкопской круглодонной керамики, проводил С.Н. Кореневский совместно с А.А. Бобринским и самостоятельно (Кореневский, 1993; Кореневский, 2004). Он пришел к выводу, что выделяемая им керамика первого класса была изготовлена на гончарном круге методом донно-емкостного начина (Бобринский, 1978), а горло сосуда изготавливалось отдельно и прикреплялось к тулову (Кореневский, 1993. С. 19; Кореневский, 2004. С. 22).

О технологии изготовления майкопской керамики одним из авторов написан целый ряд статей (Поплевко, 2012; Поплевко, 2013а–в; Поплевко, 2014а–г; Поплевко, 2015), где были показаны этнографические примеры изготовления керамики в странах Южной Америки, Африки и Азии[3]. Эти наблюдения помогли лучше понять некоторые детали конструирования сосудов, на которые ранее не обращалось внимания. Некоторые современные племена до сих пор сохранили традицию изготовления керамики вручную без использования ручного, ножного или электрического круга.

Комплексный анализ керамики был выполнен и по материалам поселения Беляевское. Трасологический анализ структуры (внешней и внутренней) поверхности керамики позволил смоделировать несколько приемов изготовления керамики и провести целый ряд экспериментов. На основе экспериментальных исследований было смоделировано несколько разных приемов ручной лепки керамики и предприняты поиски этнографических аналогий изготовления лепных круглодонных сосудов. Как уже неоднократно было показано, изготовление керамики майкопской культуры проводилась разными приемами: в технике ручной лепки лентами, техникой выколотки на плоскости и последующей формовкой расплющенного теста на форме-основе, а также сочетанием ручной лепки и последующей выколотки всей поверхности сосуда. При детальном трасологическом анализе археологических образцов майкопских поселений можно проследить неравномерную толщину фрагментов на срезе (табл. 19; 20; 21; 22; 28, 1), а также под микроскопом проследить микропоры на месте склеивания лент (табл. 27; 28, 2–4; 29, 2). В качестве аналогии приведены данные экс-

[3] См. например: URL:http://www.youtube.com/watch?v=wbCOGPSHoNY; URL:http://www.youtube.com/watch?v=dOya8D22h2s; URL:http://www.youtube.com/watch?v=Xi9wX4peQSM; URL:http://www.youtube.com/watch?v=synYKMG74dk; URL:http://www.youtube.com/watch?v=mkxai99MHI4; URL:http://www.youtube.com/watch?v=kAPLoLcL08Q; URL:http://www.youtube.com/watch?v=7QmIkx2v2EY)

периментов по ручной лепке сосудов (табл. 25, 1–4; 30, 1, 3–4; 31, 2). Если сравнить срезы фрагментов на таблице 8, то можно отметить довольно ровное уплотнение структуры поверхности керамики по всей ее толщине. Здесь показаны фрагменты сосудов, выполненных в технике ленточной лепки и последующем разглаживании руками и лопаточками из кости всей поверхности. Наиболее плотным получилась структура стенки сосуда на таблице 26, 2. Сосуд изготовлен ленточным способом на форме-основе, с последующим разглаживанием поверхности костяными лопаточками. На таблице 27 представлены образцы майкопской керамики, которая была выполнена в технике ленточной ручной лепки, и последующей выколоткой всей поверхности сосуда деревянной лопаточкой (табл. 25, 5, 6–7). Такое уплотнение структуры стенок сосудов показывает неровный профиль стенки сосуда. После тщательного уплотнения излом стенок часто получается не гладкий, а как бы разорванный, рельефный, отражающий направление течения глиняной массы в процессе выколотки. На многих фрагментах можно отметить наличие отпечатков пальцев рук от разглаживания на внутренней поверхности, так как внешняя поверхность, как правило, очень хорошо обрабатывалась лощением (табл. 19, 1–2, 7–8; 28, 4; 29, 1–3, 4; 31, 3–4). В качестве лощил на поселениях майкопской культуры наиболее часто использовали специально изготовленные костяные лощила или обломки трубчатых костей без обработки, которые истирались в процессе работы по шершавой керамической поверхности (табл. 31, 1–2, 6–8). Лощение проводилось по слабо просушенной поверхности костяными орудиями или по более сухой поверхности каменными лощилами. Каменные лощила немногочисленны, иногда в качестве лощил или шпателей были использованы фрагменты хорошо обожженной керамики без грубой примеси. Использование техники выколотки в процессе лепки сосудов наиболее наглядно можно проследить на поверхности придонной части целого сосуда из поселения Катусвина Кривица (табл. 24, 7–8; 29, 5). Отпечатки лопаточки хорошо видны в виде небольших плоских отпечатков, оставленных деревянной лопаточкой в ходе выколотки сосуда и его придонной части.

Экспериментально-трасологические и этнографические исследования показали, что при изготовлении разной керамики могли быть использованы различные приемы конструирования сосудов. Обращение к этнографическим материалам помогло существенно расширить наши представления о моделировании круглодонных сосудов (табл. 22; 23; 24; 30, 2).

Экспериментальное моделирование и исследование полученных образцов показали, что керамика майкопской культуры была изготовлена методом ручной лепки, а не на гончарном круге или поворотном устройстве, как это считалось ранее. Сейчас уже становится очевидным, что при формовке сосудов часто использовалось сочетание различных приемов лепки керамики. В 2013–2016 гг. были проведены эксперименты по моделированию сосудов с помощью техники выколотки. Была произведена целая серия круглодонных сосудов при изготовлении которых было использовано сочетание разных приемов ручной лепки и выколотки (табл. 32). В результате комплексного исследования технологии изготовления керамики, основанного на сочетании данных экспериментального моделирования, трасологического изучения археологических и экспериментальных образцов, а также использования данных этнографических наблюдений можно выделить ряд приемов моделирования керамики.

Наиболее детально изучена технология изготовления керамики майкопской культуры на материалах поселений Пхагугапе, Беляевское, Чекон, Натухаевское, Катусвина Кривица. Из первоначально предложенных 6 приемов лепки круглодонной керамики (Поплевко, 2012; Поплевко, 2013а–б; Поплевко, 2014а–г) на фрагментах майкопской керамики были зафиксированы четыре приема, однако изучение этнографических наблюдений по изготовлению круглодонной керамики ручным способом существенно расширили и дополнили возможные технологические приемы лепки древней керамики. В частности, это касается такого технологического приема, как выколотка (выбивка) керамики, а также использование сочетания двух разных приемов лепки при изготовлении сосудов (ручной лепки и выколотки). Техника выколотки пока слабо изучена и требует дополнительных комплексных исследований, чтобы собрать новые данные для сопоставления археологических и экспериментальных образцов керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.

Бобринский А.А., Мунчаев Р.М., 1972. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 108. М. С. 14–23.

Кореневский С.Н., 1993. Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М.

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.

Кореневский С.Н., 2008. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М. С. 71–122.

Кореневский С.Н., 2014. Рец. на книгу «Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»)». СПб., 2012. ИИМК РАН Т. XXXVII. // РА. № 2. С. 171–184.

Поплевко Г.Н., 2012. Экспериментальное моделирование профилированной керамики // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы междунар. науч. конф. Махачкала. С. 117–119.

Поплевко Г.Н., 2013а. Технология изготовления майкопской керамики // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия: Тез. докл. Круглого стола. М. С. 29–31.

Поплевко Г.Н., 2013б. Трасологическое исследование материалов поселения майкопской культуры Чекон // Материалы Шестой международной Кубанской археологической конференции. Краснодар; Широкая Балка. С. 344–349.

Поплевко Г.Н., 2013в. Эксперименты по лепке профилированной керамики // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. Вып. 28. С. 271–279.

Поплевко Г.Н., 2014а. Разные технологические приемы ручного изготовления профилированной керамики // Верхнедонской археологический сборник. Липецк. Вып. 6. С. 151–157.

Поплевко Г.Н., 2014б. Приемы ручной лепки круглодонной керамики по данным археологии, этнографии и экспериментального моделирования // Материалы XXVIII Крупновских чтений «Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа». М. С. 88–91.

Поплевко Г.Н., 2014в. Техника выколотки и ручная лепка сосудов без использования гончарного круга» // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань. С. 482–485.

Поплевко Г.Н., 2014г. Об устойчивости культурной традиции в технологии изготовления керамики (на примере данных археологии и этнографии) // Культура русских в археологических исследованиях. Т. I. Омск; Тюмень; Екатеринбург. С. 118–124.

Поплевко Г.Н., 2015. Технология изготовления керамики в энеолите – раннем бронзовом веке на Северо-Западном Кавказе // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога: (к 140-летию Александра А. Миллера). СПб. С. 169–174.

Резепкин А.Д., 2011. Гибридные (майкопско-новосвободненские) поселения на Северо-Западном Кавказе // Раннеземледельческие культуры Кавказа: материалы международной научной конференции. Баку. С. 128–132.

Резепкин А.Д., 2012. Сосуды из поселений майкопской культуры: классификация // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апр. 2012 г. Махачкала. С. 125–128.

Резепкин А.Д., 2012. Новосвободненская культура (На основе материалов могильника «Клады»). СПб.

Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н., 2009. Классификация мисок майкопской культуры // Записки ИИМК РАН. СПб. Вып. 4. С. 81–89.

A Day in the Life of A Village – Sayaga: Видео [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=wbCOGPSHoNY

CCE Cañar – Jatumpamba: Alfarería cañari: Видео [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=dOya8D22h2s

Pottery in Palakkad: Видео [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=Xi9wX4peQSM)

Cazuelas de Barro: Видео [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=synYKMG74dk

Bundi bicycle tour 2: Видео [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=mkxai99MHI4

Matka – The earthen pot making India: Видео [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=kAPLoLcL08Q

Pottery Traditions of India: Видео [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=7QmIkx2v2EY

A.D. Rezepkin, G.N. Poplevko

BELYAEVSKOYE: A MAYKOP SETTLEMENT IN THE KUBAN REGION

Abstract. The paper publishes materials from Belyaevskoye a Maykop culture settlement, located on the southern shore of the Krasnodar reservoir. The most frequent finds are ceramics which are described on the base of previously proposed classification. Analysis demonstrates that this settlement is attributed to the Trans-Kuban group of the Maykop culture sites. The paper also reports technologic study of round-bottomed ceramics vessels.

Keywords: Caucasus; Maykop culture; Belyaevskoye settlement; comprehensive analysis of ceramics; ceramics technology.

Поселение Беляевское

Шурф 2004 г.
ЦР
Раскоп I
Хут. Беляевский 3,2 км.
Раскоп II
- *1*
- *2*
- *3*
- *4*
0 50 100м

Табл. 1. Поселение Беляевское. План-схема.
1 – дорога; *2* – четкая линия берега и кустарника; *3* – деревья; *4* – нечеткая линия берега

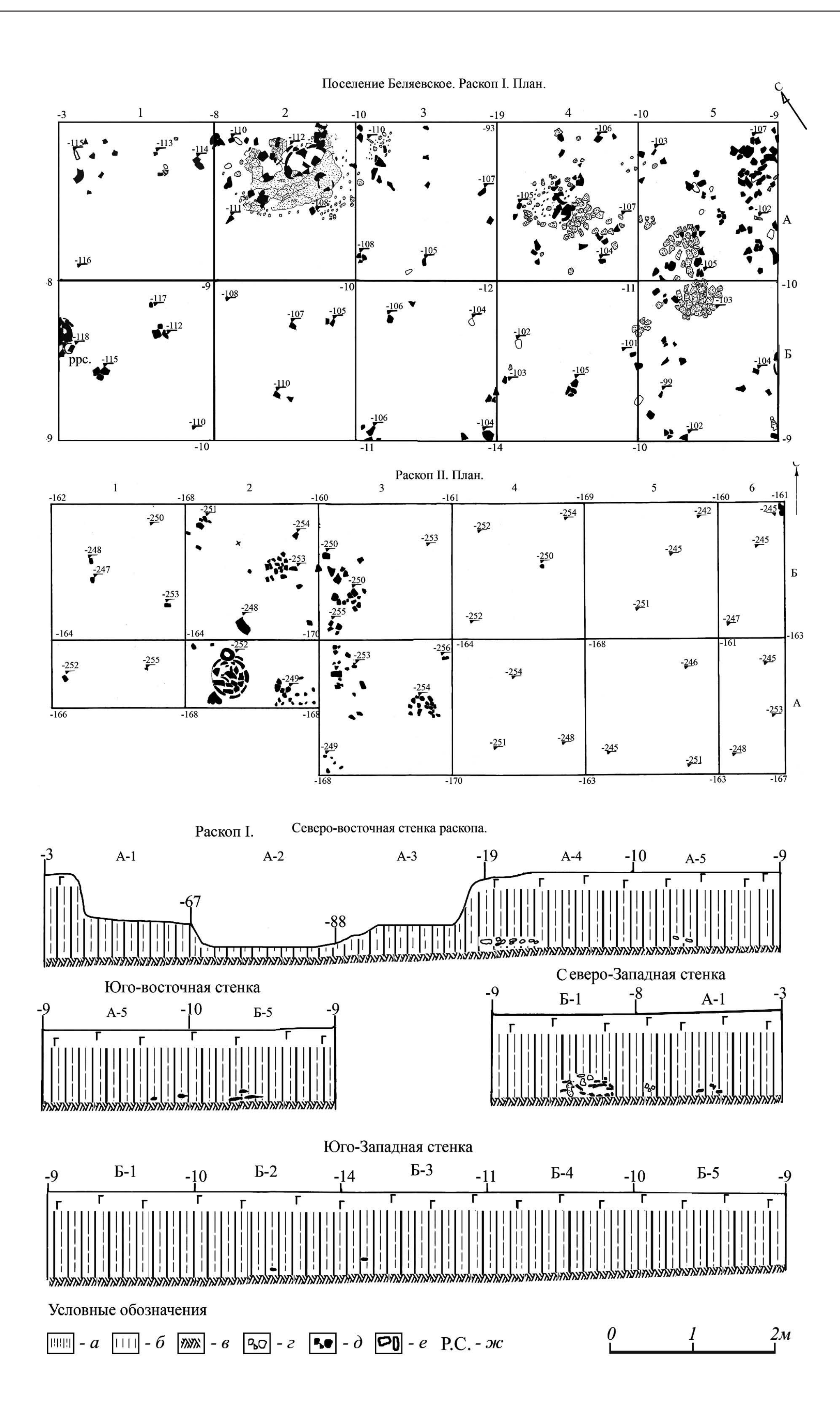

Табл. 2. Поселение Беляевское. Планы. Стенки раскопов.
а – погреб. почва; *б* – предматерик; *в* – материк; *г* – турлук; *д* – керамика; *е* – камень; *ж* – развал сосуда

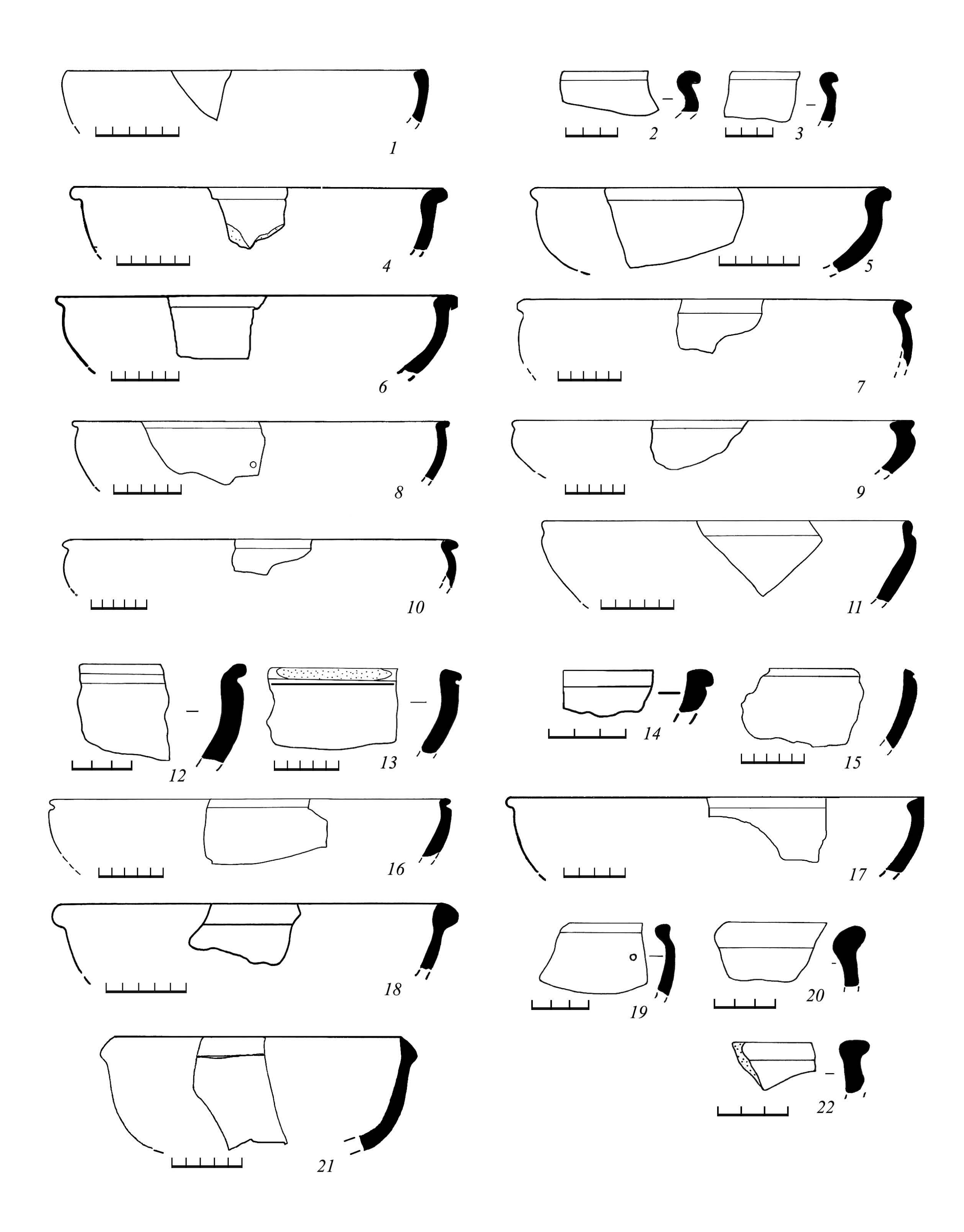

Табл. 3. Поселение Беляевское. Формы мисок.
1 – тип 1; *2–8, 9, 22* – тип 3а; *10* – тип 3; *11* – тип 4; *12–16* – тип 5; *17* – тип 6; *18–20* – тип 8; *21* – тип 12

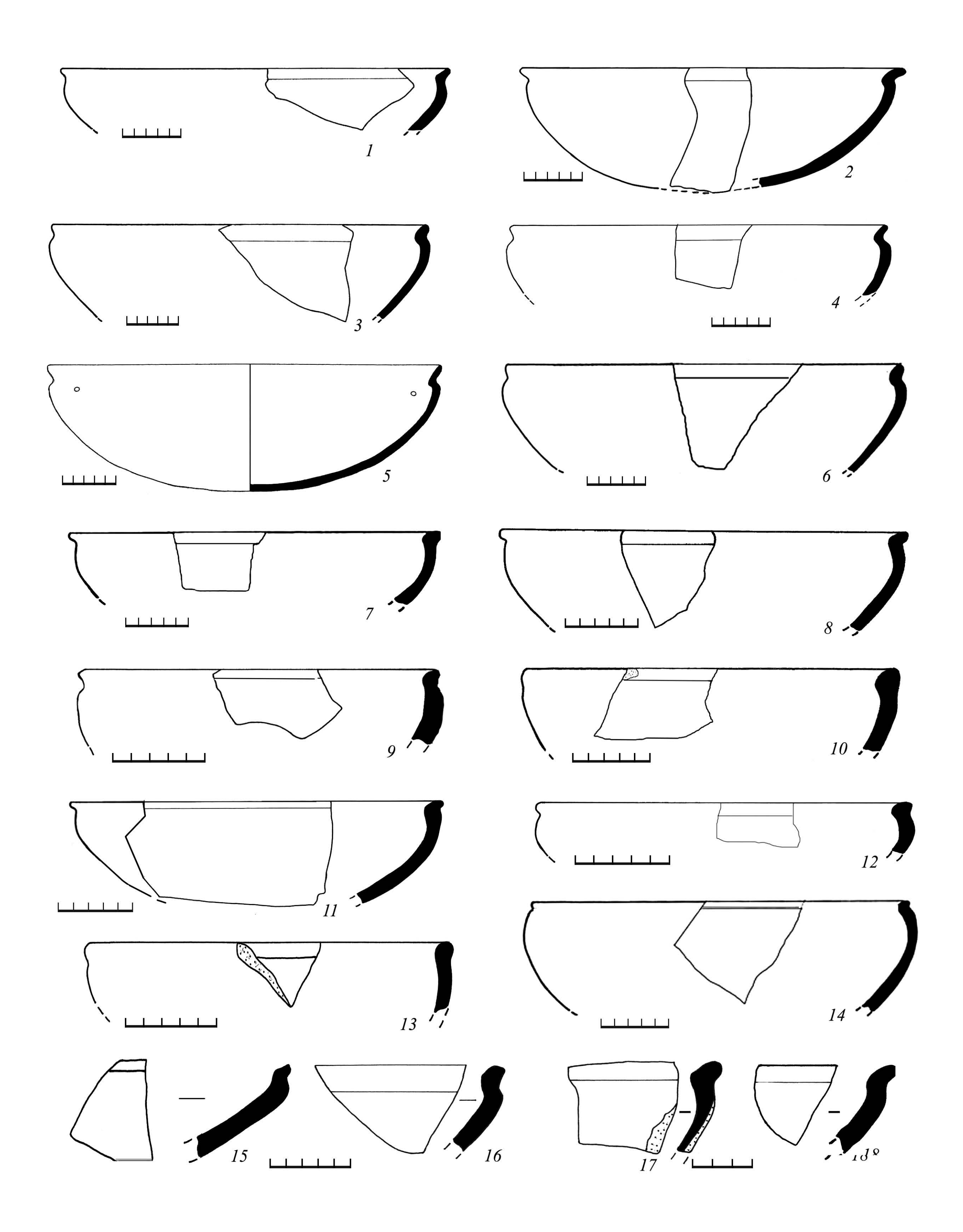

Табл. 4. Поселение Беляевское. Миски. *1–6* – тип 2; *7–18* – тип 2а

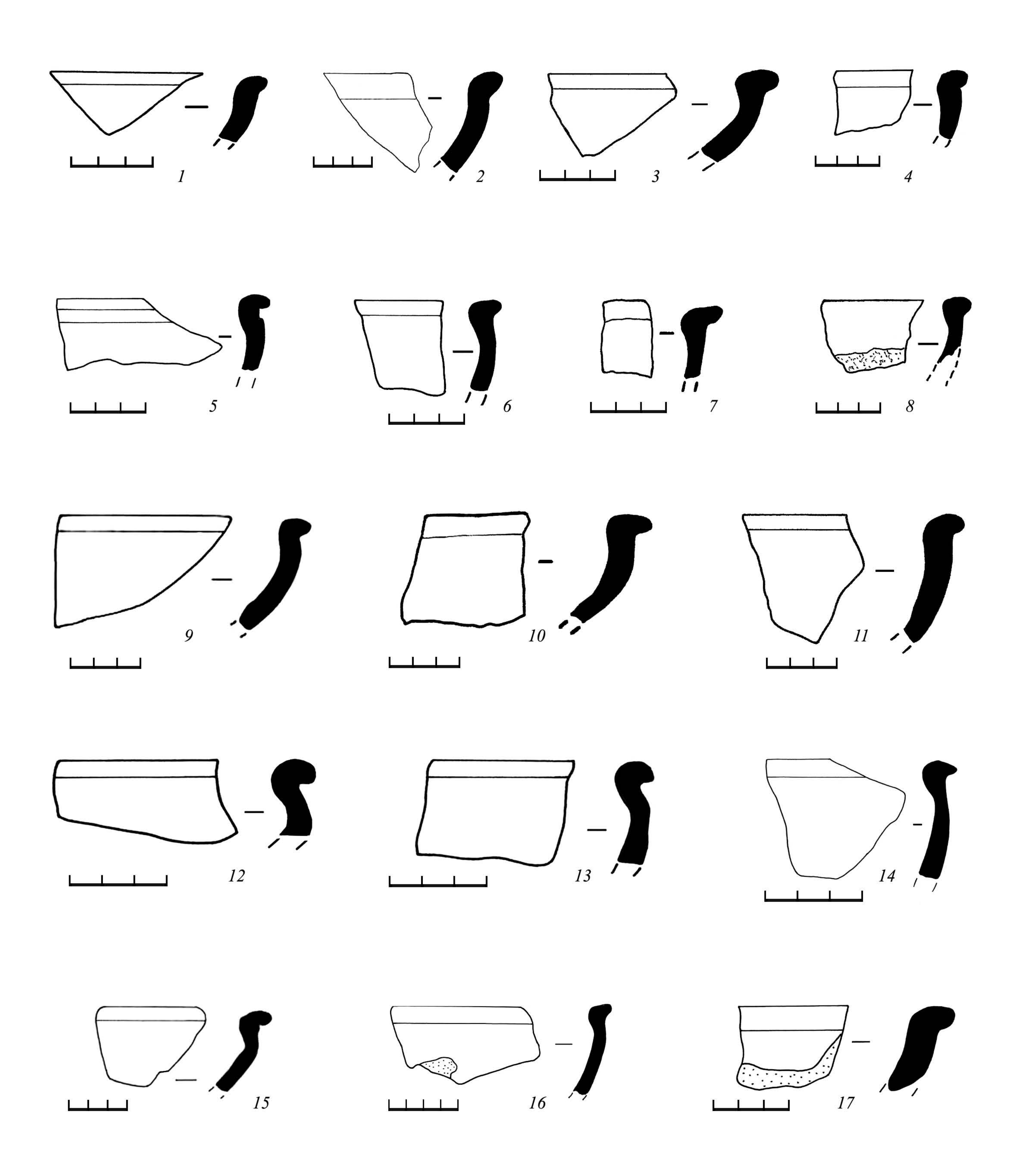

Табл. 5. Поселение Беляевское. Миски. Тип 3

Формы венч. мисок	Кол.	%-1	%-2
1	1	1,4	0,5
2	9	12,2	8,5
2а	22	29,7	6,6
3	28	37,8	28,9
3а	1	1,4	0,1
4	2	2,7	7,2
5	5	6,8	23,8
5а			
6	2	2,7	20,0
7	1	1,4	0,1
8			
9	3	4,1	37,5
10			
11			
12	1	1,4	0,1
Итого:	75	100	100

Табл. 6. Поселение Беляевское. Типы мисок и их процентное соотношение внутри поселения – %-1. Доля данного типа (в процентах) на поселении Беляевское относительно суммарного количества мисок этого типа их всех поселений – %-2

Формы венчиков мисок	*1*	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	Всего:	Всего:
1	2,5	8,1	1,4	20	56,1	44,3	29,1	30,3	
2	25,6	39,0	12,2	10,0	1,4	6,6	9,1	15,1	83
2а	35,9	19,8	29,7	27,5	21,7	35,2	14,5	23,8	
3	23,1	9,9	37,8		8,5	3,3	38,2	13,8	
3а									
4	2,5	13,4	2,7	5,0				4,0	
5	5,0	2,3	6,8	25,0		0,8		3,1	
5а	2,5	1,7		7,5				1,0	
6	2,5	3,5	2,7		0,5			1,4	
7		0,6	1,4		5,2	1,6		2,1	17
8		1,2		5,0	0,5			1,1	
9		0,6	4,1				9,1	0,9	
10						8,2		1,4	
11					6,1			1,9	
12			1,6					0,1	

Табл. 7. Процентное соотношение форм мисок внутри поселений и доля данного типа (в %) от всех поселений (всего). *1* – Псекупс; *2* – Пхагугапе; *3* – Беляевское; *4* – Серегинское; *5* – Большетегинское; *6* – Усть-Джегутинское; *7* – Галюгаевское I

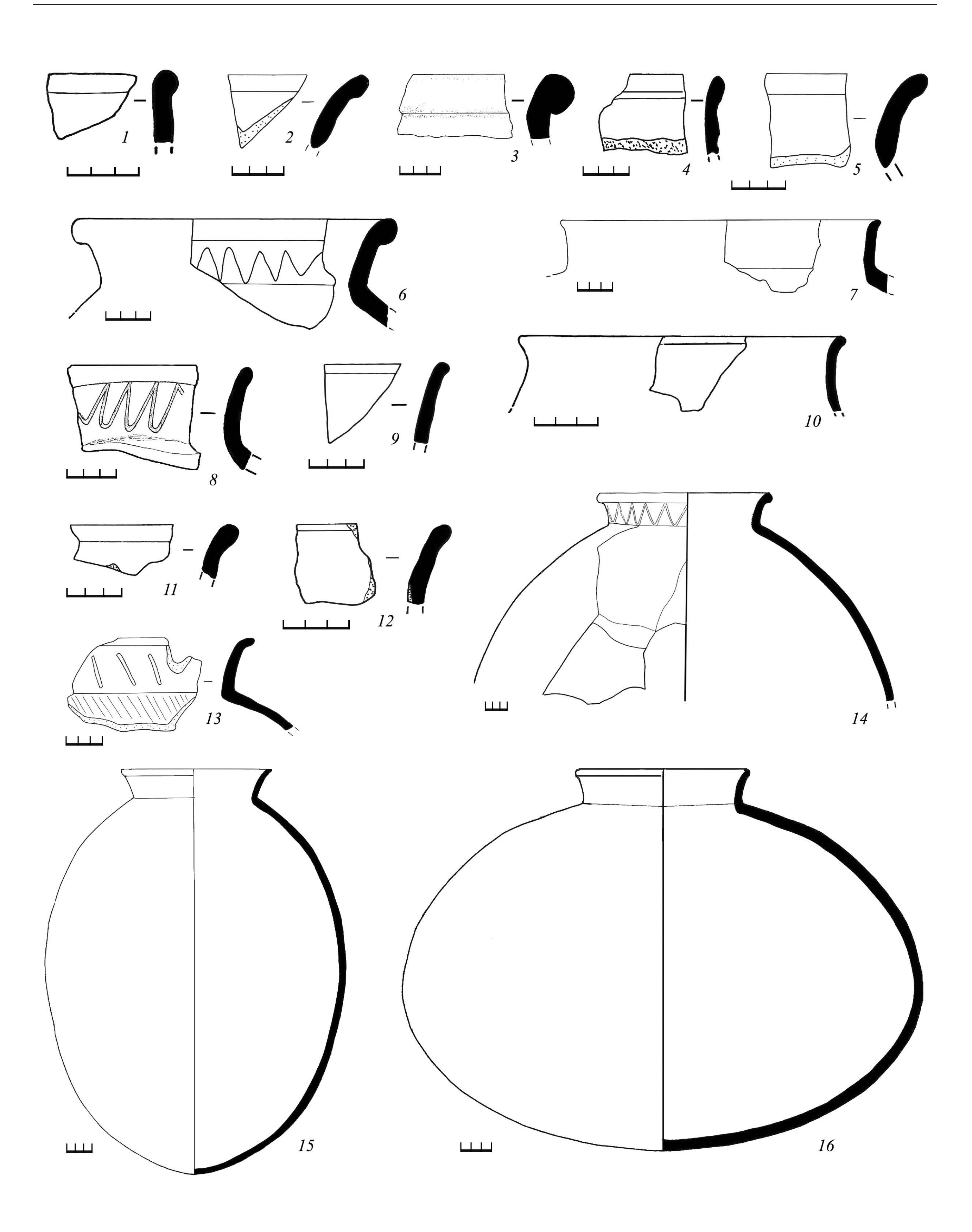

Табл. 8. Поселение Беляевское. Сосуды. Тип 1

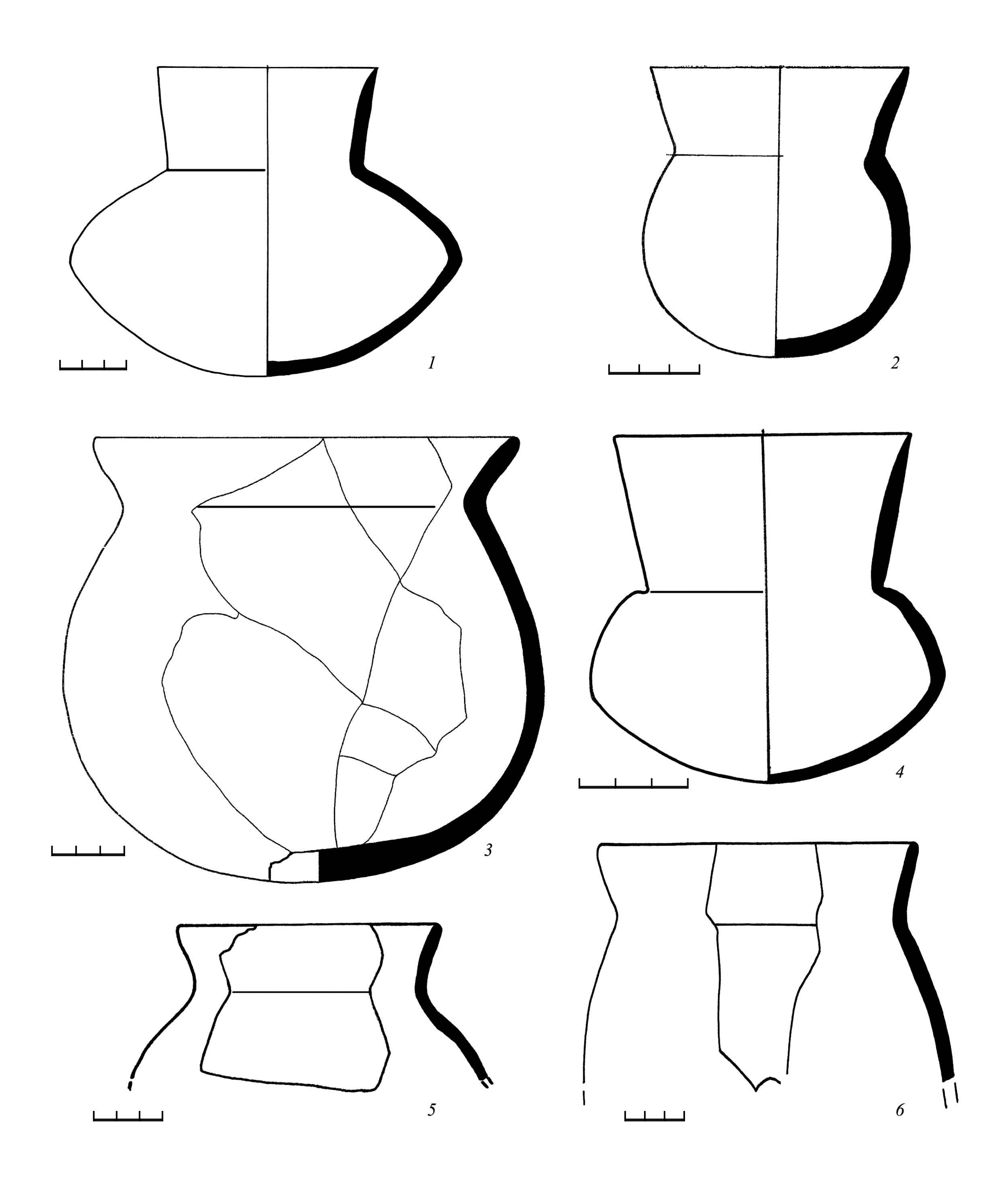

Табл. 9. Поселение Беляевское. Сосуды. Тип 2

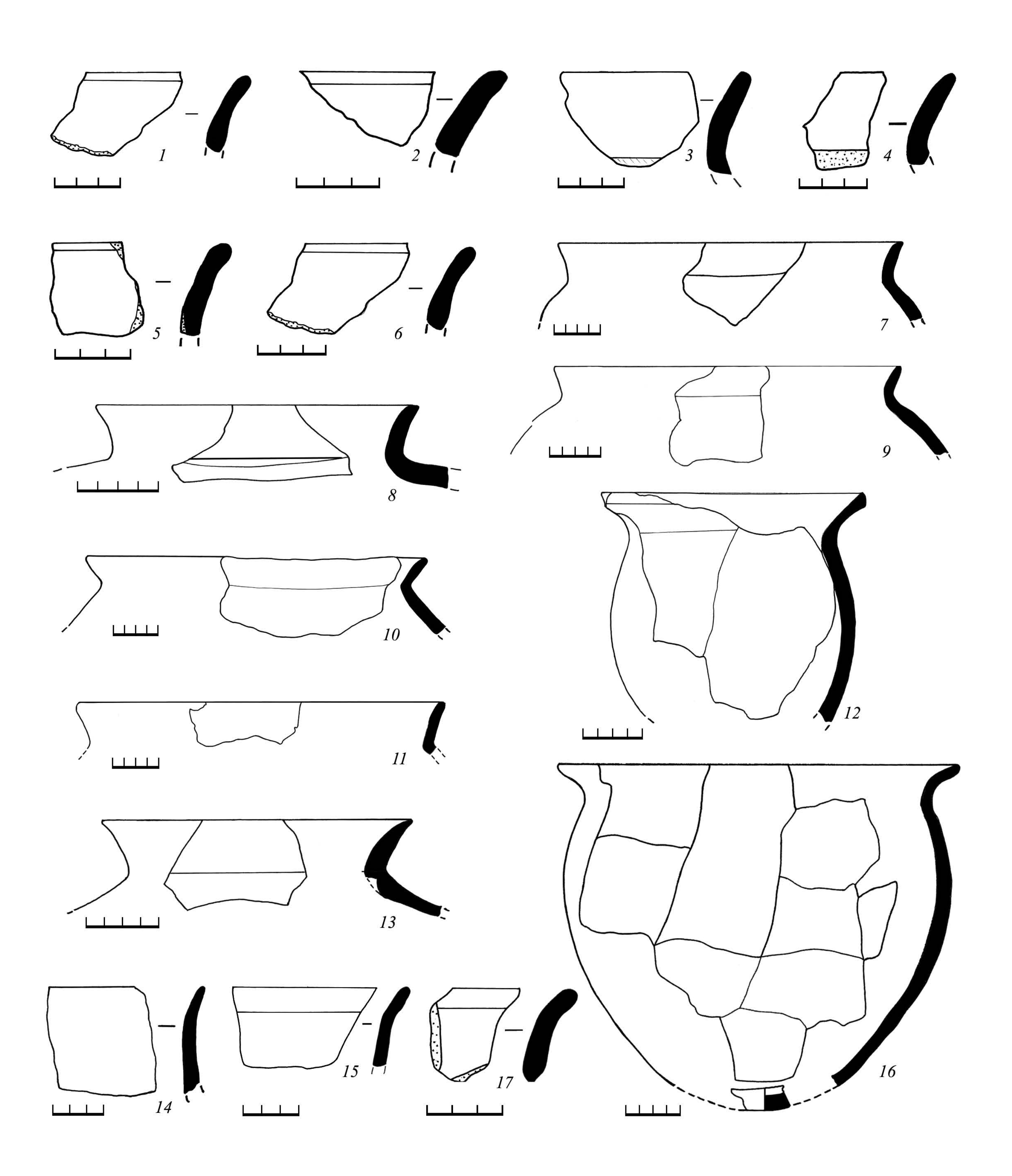

Табл. 10. Поселение Беляевское. Сосуды. *1–13* – тип 2; *14–17* тип 3

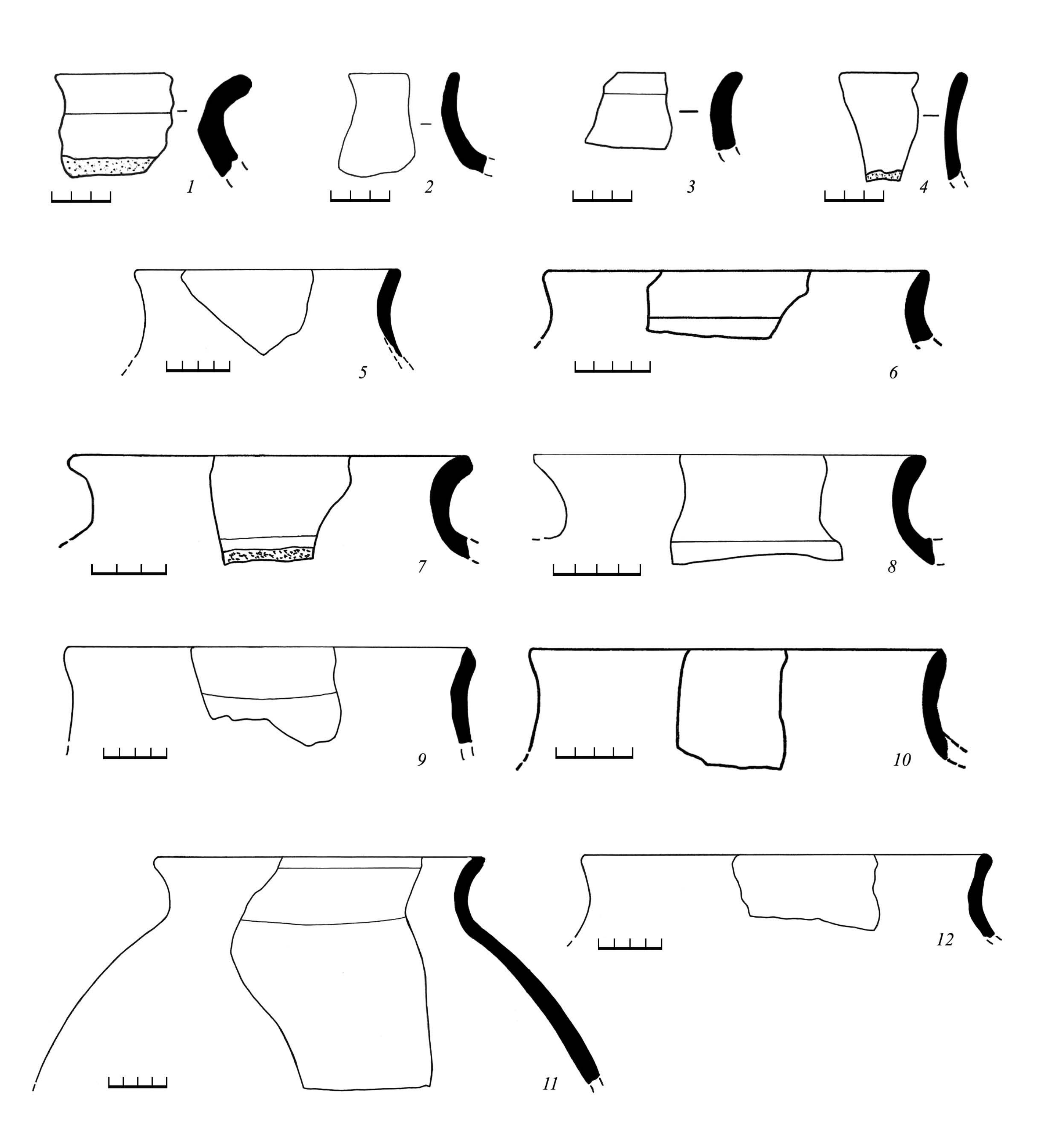

Табл. 11. Поселение Беляевское. Сосуды. Тип 4

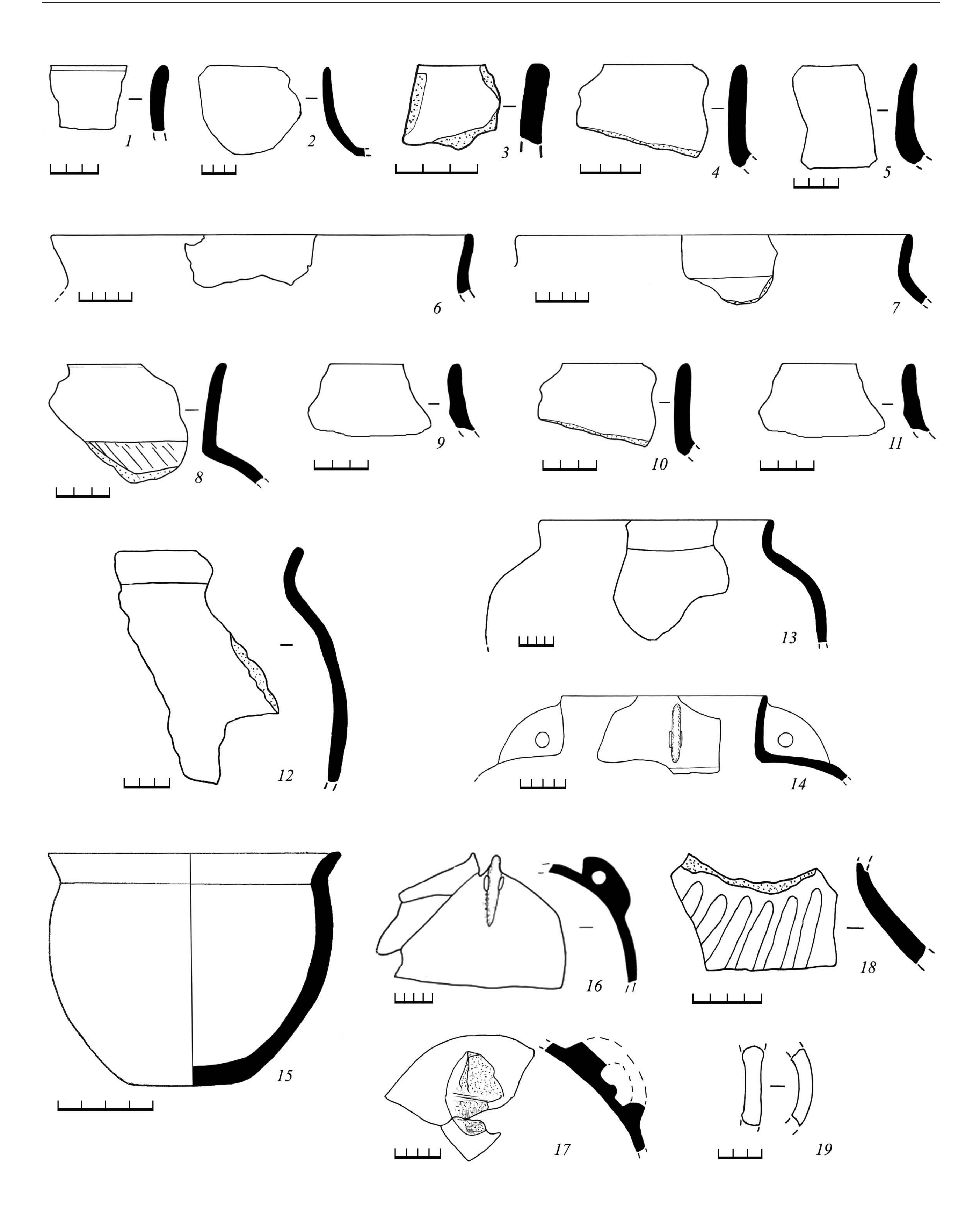

Табл. 11а. Поселение Беляевское. Сосуды. *1–13* – тип 6а; *14* – тип 7; *15* – «кубок»; *16–17* – плоские ручки на плечиках сосудов; *18* – каннелированный орнамент на плечиках сосуда; *19* – ручка сосуда

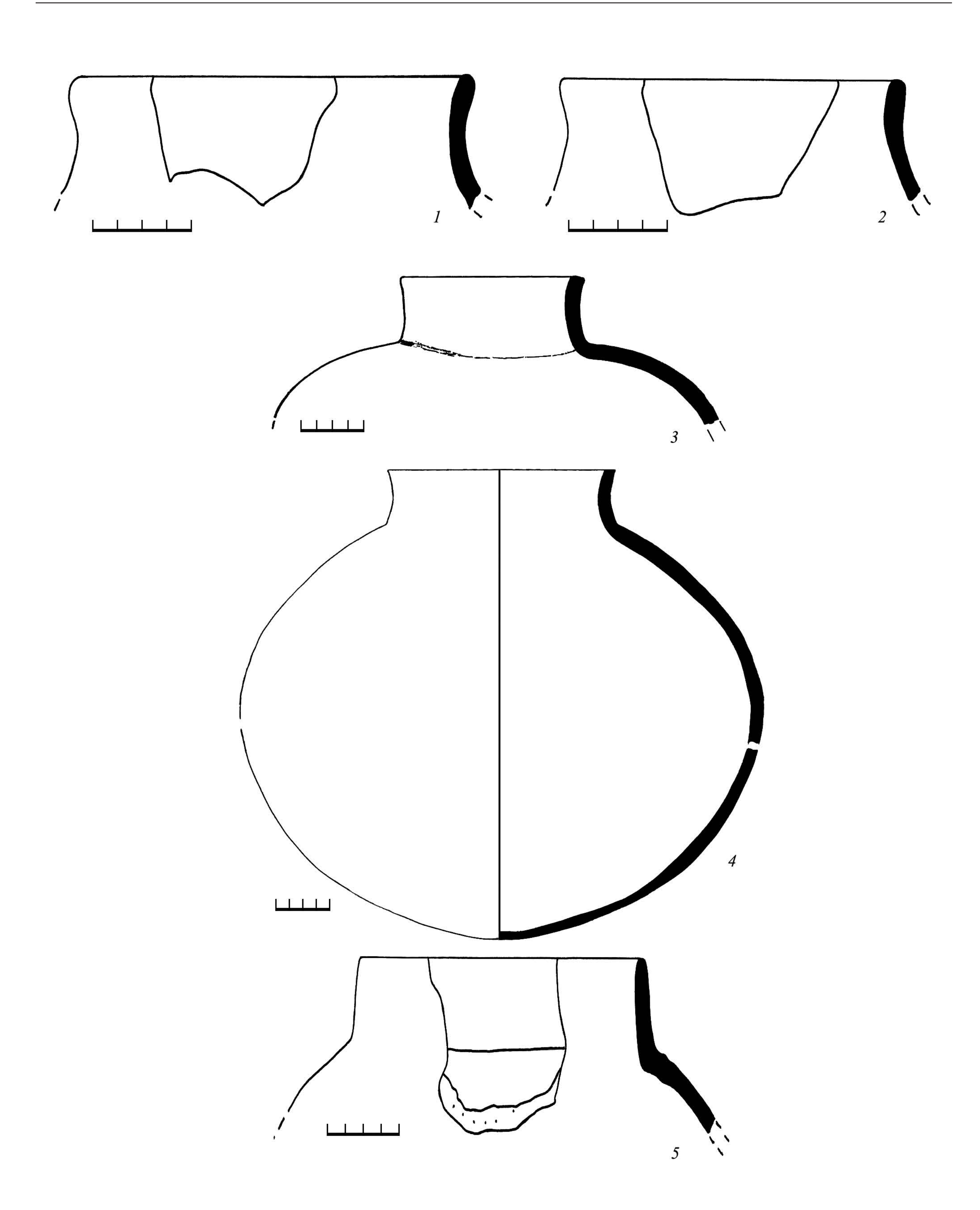

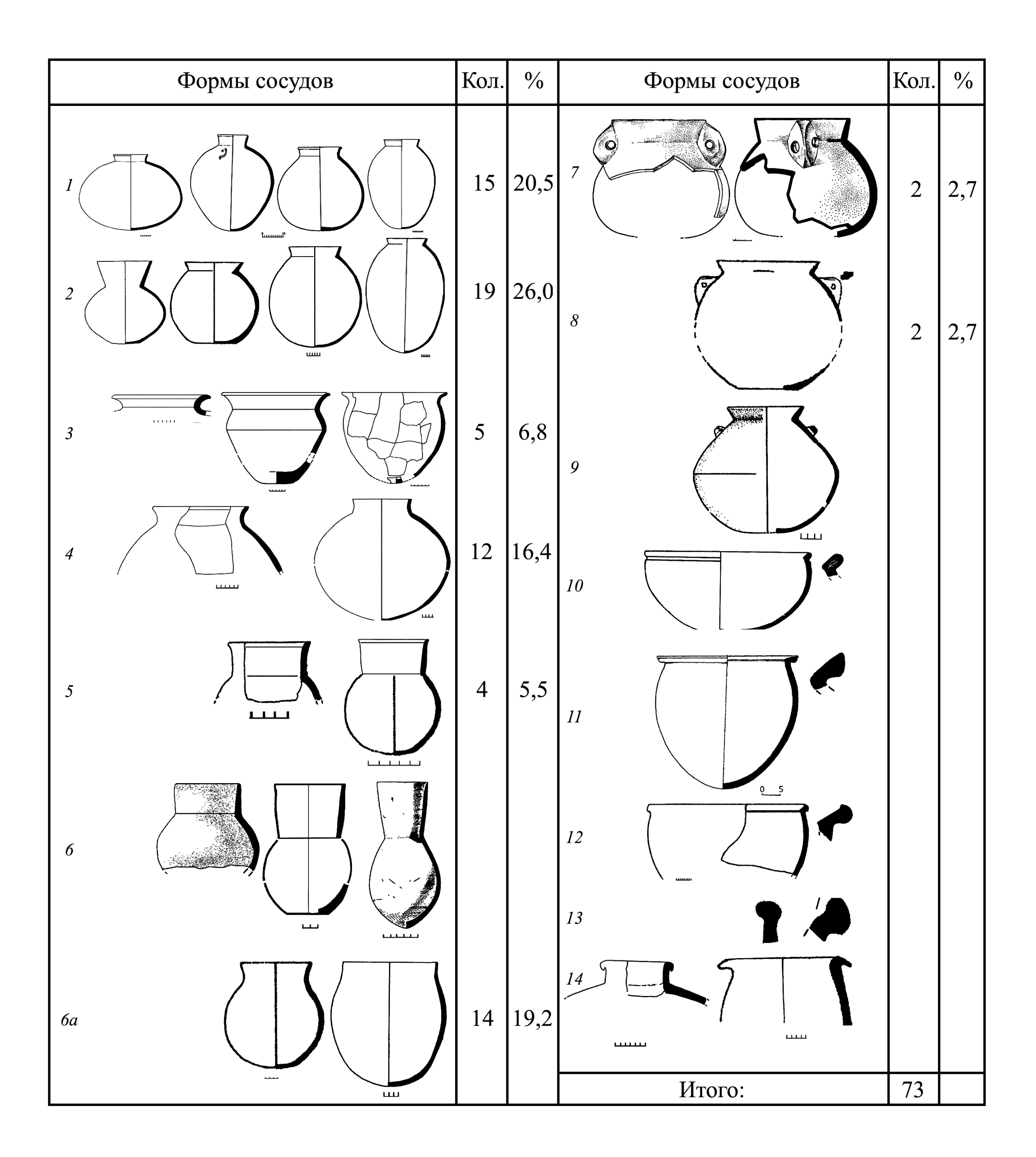
Табл. 12. Поселение Беляевское. Сосуды. *1–4* – тип 5; *5* – тип 6а

Табл. 13. Поселение Беляевское. Сосуды. *1, 3, 4* – тип 1; *2* – «кубок»; *5* – миска, тип 2

Табл. 14. Поселение Беляевское. *1, 2* – сосуды in situ; *3–4* – сосуды, вариации типа 1; *5*– кремневый наконечник дротика; *6* – концевой вкладыш серпа

Формы сосудов	Кол.	%	Формы сосудов	Кол.	%
1	15	20,5	7	2	2,7
2	19	26,0	8	2	2,7
3	5	6,8	9		
4	12	16,4	10		
5	4	5,5	11		
6			12		
			13		
6а	14	19,2	14		
			Итого:	73	

Табл. 15. Поселение Беляевское. Типы сосудов и их процентное соотношение внутри поселения

Формы сосудов	1	2	3	4	5	6	7	Всего
1	4,7	13,1	20,5	22,0	7,9	42,1	3,3	25,2
2	6,3	12,5	26,0	14,8	9,4	17,2	25,0	15,1
3	5,3	26,3	6,8	31,6		10,5		2,2
4	4,9	7,4	6,4	23,5	3,7	7,3	28,4	9,5
5	4,9	2,4	5,5	2,4	9,8	63,4	7,3	4,8
6		2,2		33,3	31,1	22,2	11,1	5,3
6а	0,7	5,8	19,2	53,3		14,6	15,3	16,1

Табл. 16. Процентное соотношение форм сосудов внутри поселений и доля данного типа (в %) от всех типов сосудов всех поселений (всего). *1* – Псекупс; *2* – Пхагугапе; *3* – Беляевское; *4* – Серегинское; *5* – Большетегинское; *6* – Усть-Джегутинское; *7* – Галюгаевское I

Формы сосудов	1	2	3	4	5	6	7	Всего
7	19,4	9,7	2,7	22,6	3,2	16,1	22,6	3,6
8	16,6		2,7	33,2		25,0	8,3	1,4
9						66,7	33,3	0,4
10						20,0	80,0	0,6
11	4,5			36,4	18,2	36,4	4,5	2,6
12				5,0	16,3	78,8		9,4
13				9,1	27,3	63,6		1,3
14		9,5		9,5	33,3	47,6		2,5
Итого:	73							

Табл. 17. Процентное соотношение форм сосудов внутри поселений и доля данного типа от всех поселений (всего). *1* – Псекупс; *2* – Пхагугапе; *3* – Беляевское; *4* – Серегинское; *5* – Большетегинское; *6* – Усть-Джегутинское; *7* – Галюгаевское I

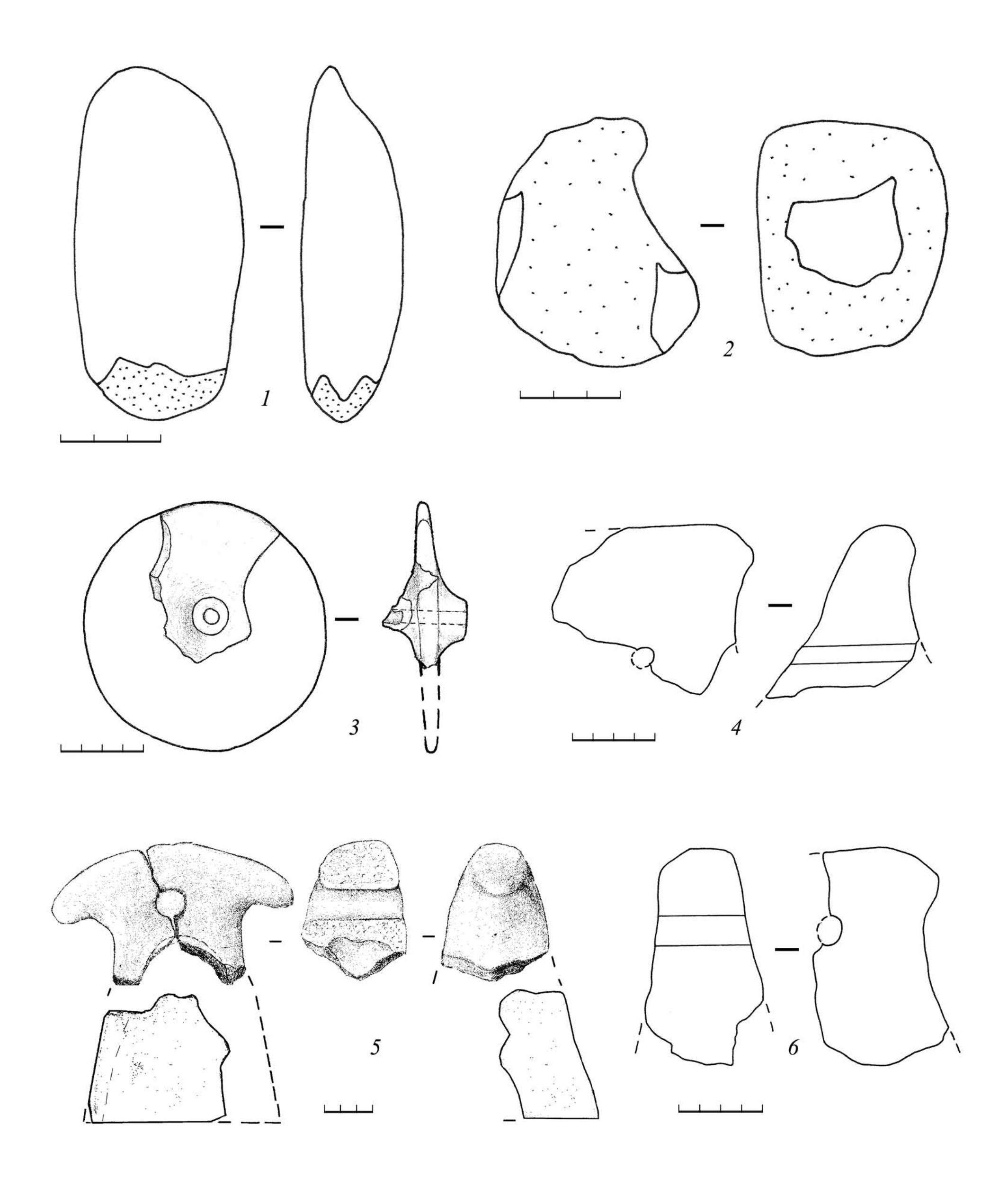

Табл. 18. Поселение Беляевское. *1, 2* – орудия из камня; *3* – фрагмент глиняной модельки колеса; *4–6* – фрагменты очажных подставок

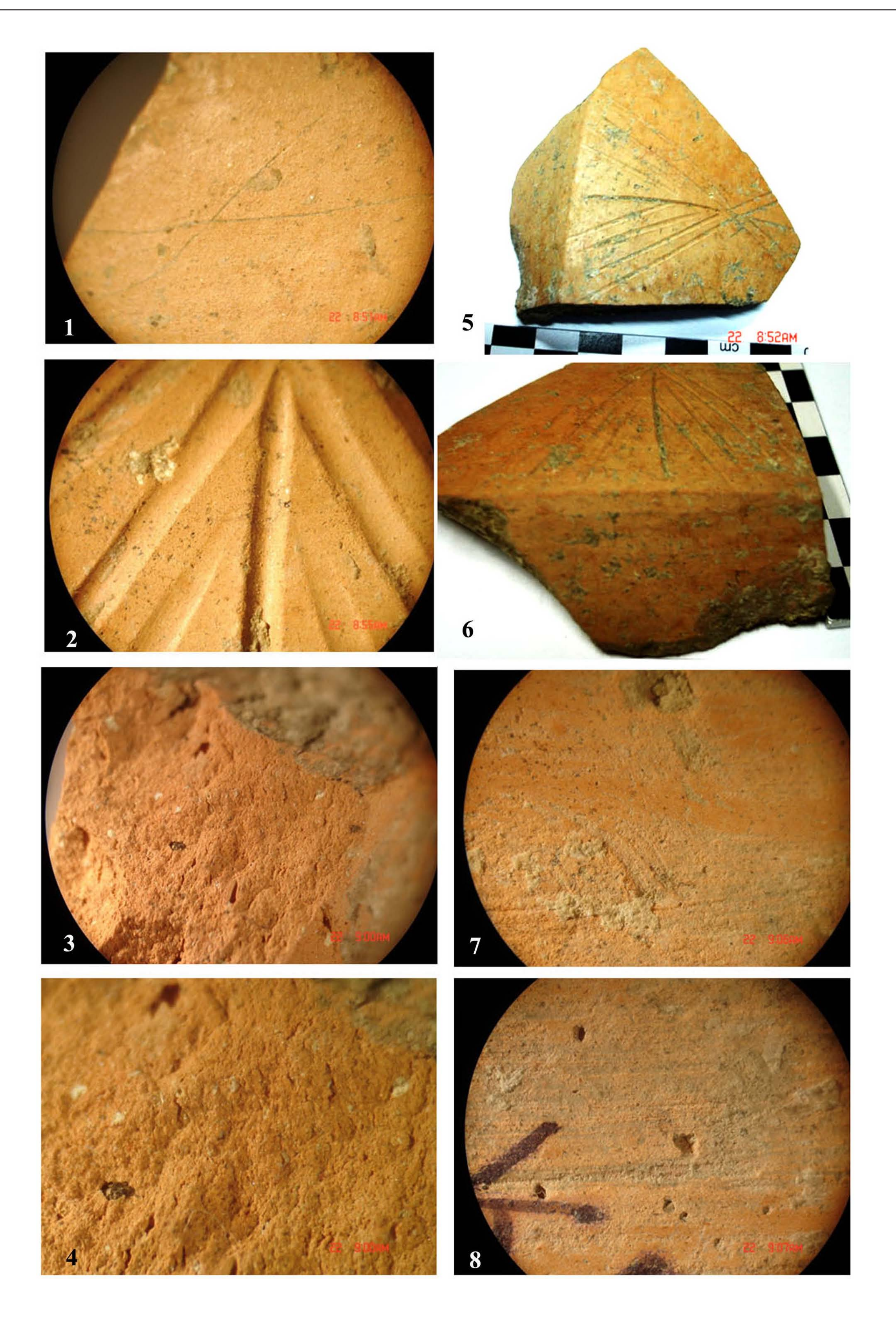

Табл. 19. Керамика майкопской культуры поселения Чекон. *1, 7–8* – следы лощения на внешней поверхности фрагмента биконического сосуда; *2* – пролощенный орнамент, выполненный по влажной керамике; *3–4* – микроструктура теста в изломе с микропорами от склеивания двух полусфер биконического сосуда. Увеличение от 14 до 28 раз; *5–6* – фрагмент биконического сосуда с пролощенным орнаментом

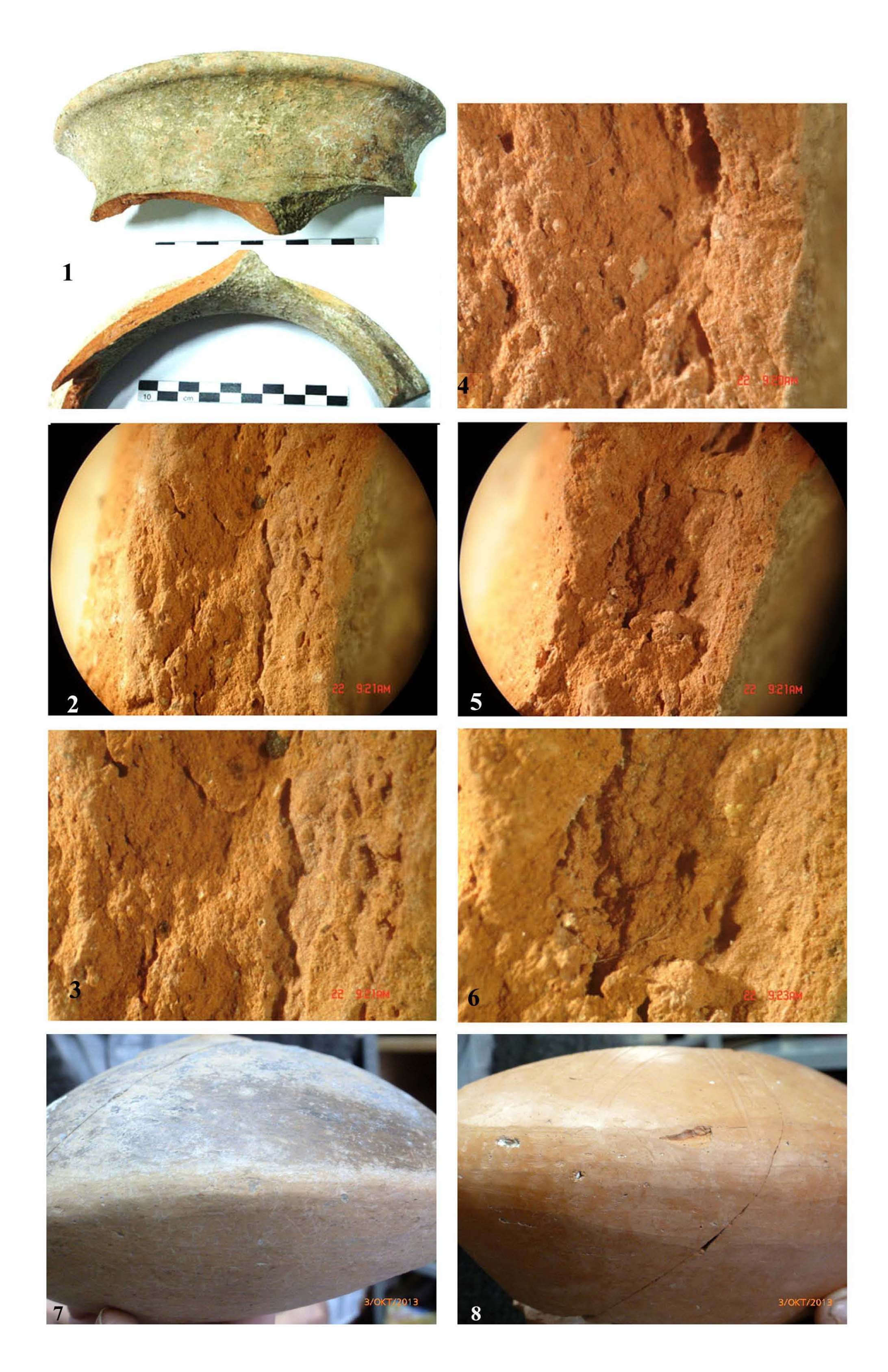

Табл. 20. Керамика майкопской культуры поселения Чекон. *1* – фрагмент венчика; *2–6* – микроструктура теста в изломе с микропорами и микротрещинами от склеивания двух лент. Увеличение от 14 до 40 раз; *7–8* – фрагменты биконических сосудов поселения Натухаевское

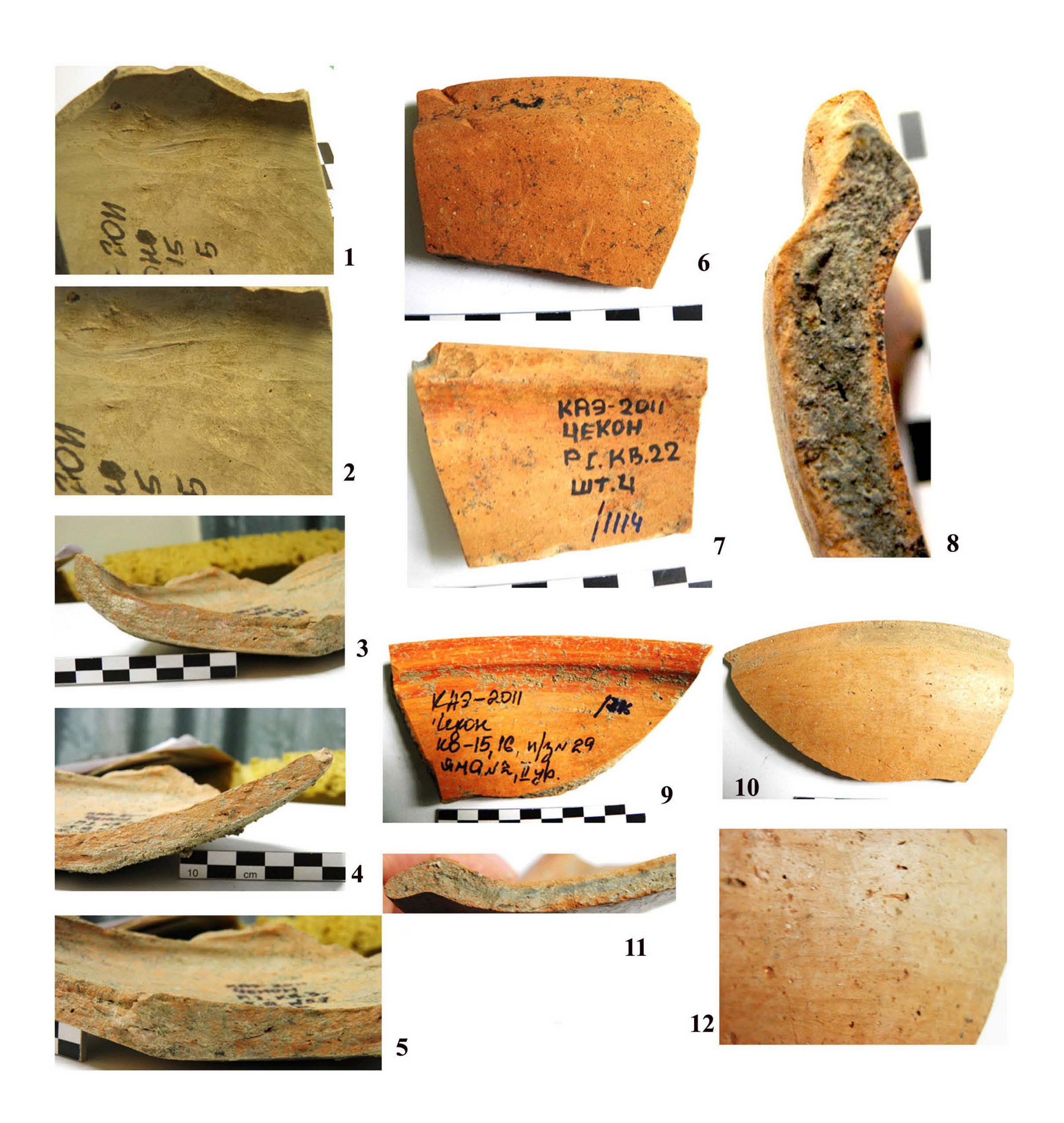

Табл. 21. Керамика майкопской культуры поселения Чекон. *1* – следы от разглаживания пальцами рук на внутренней поверхности фрагмента стенки сосуда; *3–5* – фото излома фрагмента керамики с микротрещинами от склеивания лент; *6–7* – внешняя и внутренняя поверхность лощеной керамики; *8* – фото излома фрагмента (*6–7*) с микротрещинами от склеивания лент; *9–12* – фрагмент лощеной керамики: *9* – внутренняя поверхность; *10, 12* – внешняя поверхность со следами ручного лощения; *11* – фото излома фрагмента керамики с микротрещинами от склеивания лент

Табл. 22. *1–4* – ручная лепка сосуда из одного куска глины на подставке из фрагментов керамики (Африка); *5–8* – выколотка плоскодонных сосудов, изготовленных на ручном гончарном круге (Индия)

Табл. 23. *1–2* – ручная лепка сосуда из одного куска глины на перевернутом вверх дном крупном круглодонном сосуде (Эквадор); *3–4* – выколотка этого сосуда с помощью каменных песта и подставки внутри сосуда в круглодонную форму; *5–6* – изготовление круглодонного сосуда с помощью выколотки и формы-основы (Южная Америка); *7–8* – разглаживание поверхности этого сосуда на гончарном круге и ручная лепка венчика

Табл. 24. *1–2* – изготовление сосудов на гончарном круге; *3–4* – выколотка нижней части сосуда (Индия);
5–6 – изготовление сосуда ручной лепкой в миске-подставке (Индия);
7–8 – выколотка всей поверхности этого сосуда

Табл. 25. *1–4* – экспериментальная керамика; *5* – керамика поселения Пхагугапе;
6–8 – керамика поселения Чекон

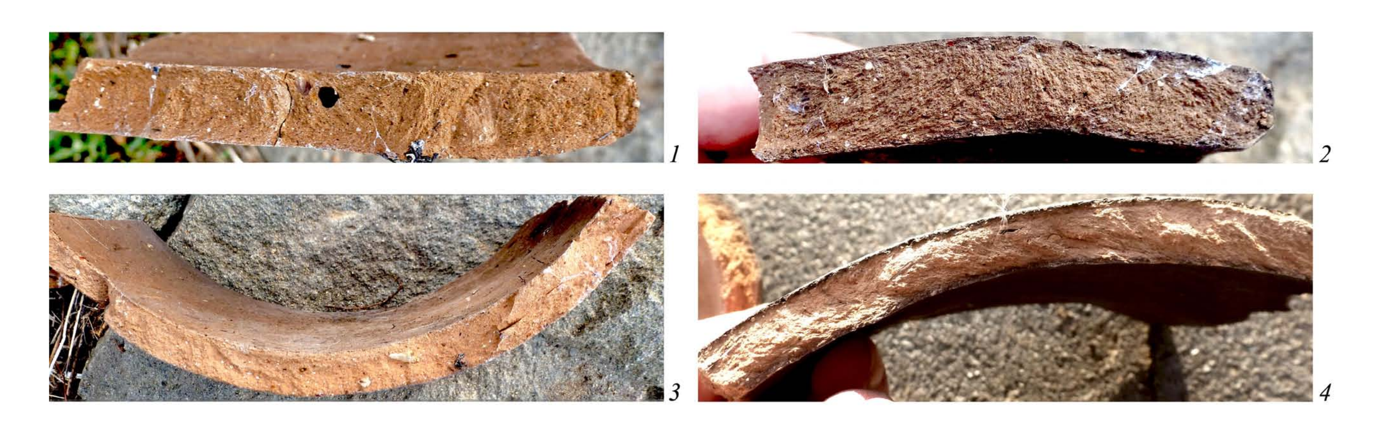

Табл. 26. Экспериментальная керамика. Ручная лепка и разглаживание поверхности керамики руками и лопаточками из кости. *1–4* – профили фрагментов сосудов в изломе.

Табл. 27. Керамика Натухаевского поселения. Ручная лепка лентами и последующая выколотка поверхности сосудов деревянными лопаточками. *1–5* профили фрагментов сосудов в изломе.

Табл. 28. Майкопская керамика. *1–3* – Натухаевское поселение. Отпечатки пальцев рук от разглаживания на внутренней поверхности фрагментов; *4* – поселение Катусвина Кривица. Следы от лощения в виде узких полосок лощения, оставленных гладким узким концом костяного орудия-лощила; *1–4* – профили фрагментов сосудов в изломе.

Табл. 29. Майкопская керамика. *1, 3* – Натухаевское поселение. Отпечатки пальцев рук от разглаживания на внутренней и внешней поверхности фрагментов; *2* – поселение Катусвина Кривица. Следы лощения на внешней поверхности и пальцев рук на внутренней поверхности фрагмента сосуда. Стрелкой указано место склеивания лент; *4* – следы разглаживания руками на поверхности экспериментальной керамики без лощения; *5* – поселение Катусвина Кривица. Сосуд с хорошо заглаженной внешней поверхностью и хорошо «читаемыми» отпечатками от проколачивания деревянной лопаточкой в виде плоских участков на придонной части

Табл. 30. *1* – экспериментальное моделирование керамики техникой выколотки;
2 – этнографический пример изготовления керамики техникой выколотки. Индия;
3–4 – экспериментальные круглодонные сосуды

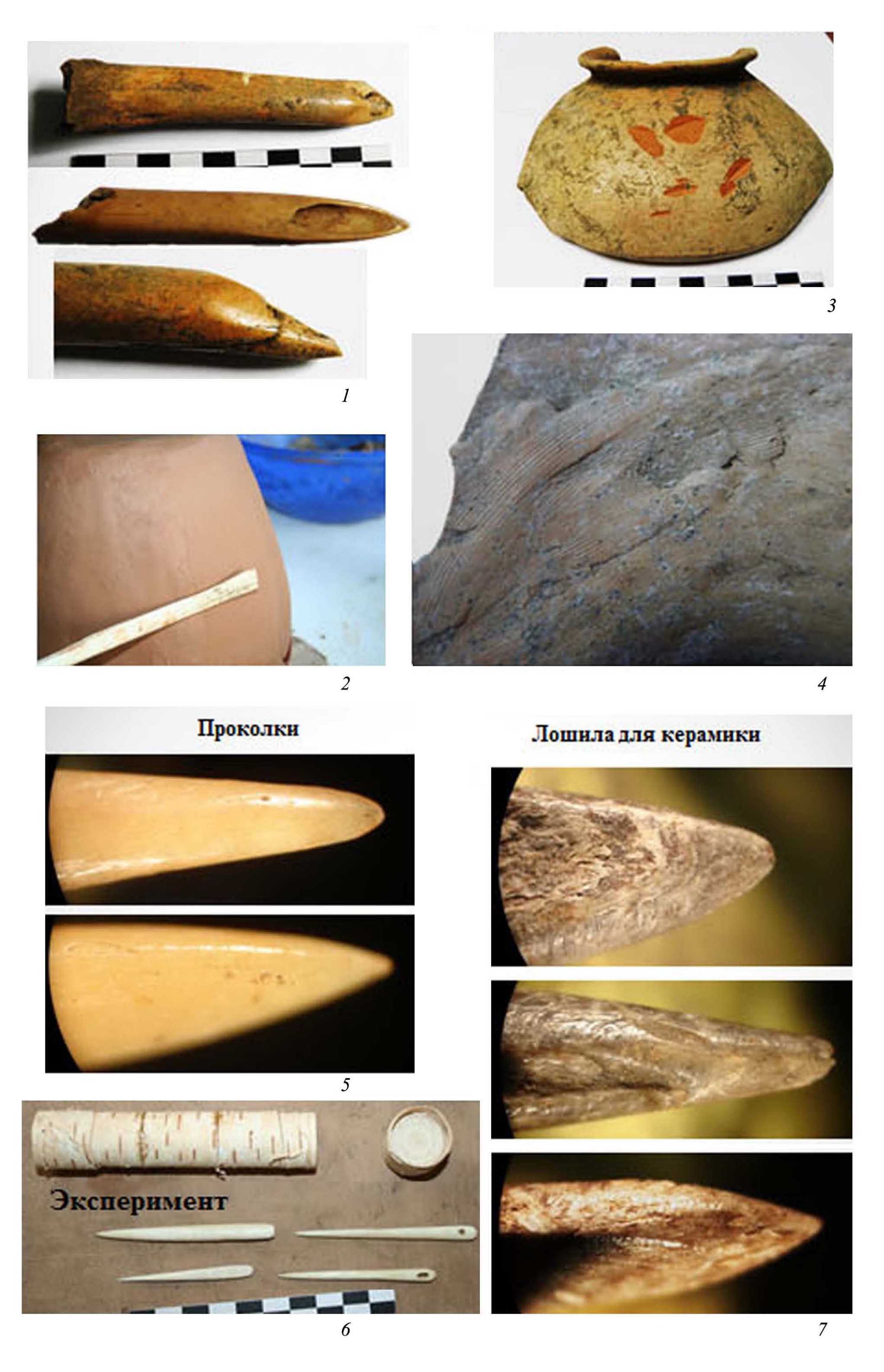

Табл. 31. *1* – костяные лощила для керамики поселения Чекон; *2* – разглаживание поверхности керамики костяным шпателем. Эксперимент; *3* – майкопский сосуд с лощеной и ангобированной поверхностью поселения Чекон; *4* – внутренняя поверхность керамического сосуда майкопской культуры поселения Чекон со следами разглаживания лент руками; *5* – рабочие концы костяных проколок гладкие; *6* – костяные проколки и иглы. Эксперимент; *7* – рабочие концы шпателей для керамики с линейными микроследами и царапинами на поверхности. Поселение Чекон

Табл. 32. *1* – сосуды после обжига деревом и тростником в яме. Эксперимент 2012 г.; *2* – сосуды после обжига тростником в яме. Эксперимент 2015 г.

А.А. Клещенко

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАКСАНСКОМ УЩЕЛЬЕ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Резюме. Статья посвящена публикации материалов эпохи ранней бронзы (майкопской культуры), обнаруженных в результате раскопок курганной группы «Кёнделенская I» в Кабардино-Балкарии в 2014 г. Всего в четырех курганах здесь было исследовано семь погребений и один ритуальный комплекс, а также каменные конструкции, относящиеся ко времени их сооружения. Кроме того, в статье производится попытка анализа полученных материалов с позиций современной источниковой базы (более 150 погребальных памятников, содержавших не менее 330 курганов и около 710 захоронений). На основании изучения этих комплексов, и, в частности, локальной специфики погребального обряда эпохи ранней бронзы разных районов Северного Кавказа, делается заключение о значительной близости обряда кёнделенских погребений с традициями степного Предкавказья – наряду с наличием сугубо местных элементов. В степные же районы уводят и аналогии наиболее выразительных керамических форм: кубков и амфорок с пролощенным орнаментом. Отдельно высказывается сомнение в сотношении связи посуды такого вида с так называемым псекупским вариантом майкопской культуры. Данные радиоуглеродного датирования позволяют связать время совершения кёнделенских погребений с серединой – последней третью IV тыс. до н.э.

Ключевые слова: Предкавказье; Кабардино-Балкария; Кёнделен; курганы, эпоха ранней бронзы; майкопская культура; погребальный обряд; погребальный инвентарь.

В последнее время исследования, посвященные анализу памятников эпохи ранней бронзы Северного Кавказа, набирают относительно высокий темп. Они связаны как с обобщением ранее известной источниковой базы, так и с публикацией и интерпретацией неуклонно пополняющих ее новых комплексов. Особый колорит современной историографической ситуации придают различия в концепциях ключевых специалистов по данной проблематике, обусловленные расхождениями во взглядах на хронологию, периодизацию, генетические основы, связи и другие составляющие майкопского (майкопсконовосвобоненского) феномена (Кореневский, 2004; Кореневский, 2011 и др.; Rezepkin, 2000; Резепкин, 2012 и др.; а также: Гей, 1989; Гей, 1991, Гей, 2008 и др.; Трифонов, 1991; Трифонов, 2003; Трифонов, 2014 и др.). За последние десятилетия в научный оборот были введены материалы нескольких довольно ярких бытовых и погребальных памятников майкопской культуры с территории Закубанья, Центрального Предкавказья, степной части Ставропольской возвышенности. Однако большое число как открытых ранее и хорошо известных специалистам, так и недавно исследованных памятников остаются неопубликованными – в основном, в силу научной незаинтересованности некоторых авторов новостроечных раскопок в обнаруженных ими материалах. Следует отметить, что публикуемые в настоящей работе источники так же были получены в результате новостроечных работ и, строго говоря, не находятся в сфере прямых научных интересов автора.

Публикация материалов

В 2014 году Кабардино-Балкарский отряд ИА РАН провел исследование пяти насыпей курганной группы «Кёнделенская I» (Баксанское ущелье,

 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.130-154

Кабадино-Балкария). Всего, по данным разведки и инструментальной съемки, произведенной ООО «Институт археологии Кавказа», могильник насчитывает не менее 800 курганных насыпей, более 270 из которых с большой долей вероятности относится к эпохе бронзы. Этот памятник был открыт в первой половине 1930-х гг. А.А. Миллером и А.А. Иессеным (Иессен, 1941), однако крупных научных археологических исследований могильника не проводилось.

В результате работ 2014 года были проведены раскопки компактной группы каменно-земляных курганных насыпей (№ 422–426, согласно нумерации по топосъемке ООО «Институт археологи Кавказа»), располагавшихся на водоразделе между реками Баксан и Кёнделен, в 3,5 км к западу от их слияния (рис. 4, *117*). Всего в курганах было обнаружено 73 погребения и порядка 20 отдельных сопровождающих комплексов. Из них семь захоронений и один комплекс относились к майкопской культуре и занимали основное стратиграфическое положение в трех из пяти исследованных насыпей. Остальные погребения и сопровождающие их комплексы связаны с северокавказской культурой среднего этапа бронзового века (Клещенко, 2014; Клещенко, 2015; Клещенко, 2017; Клещенко, Атабиев, 2016).

В основе ***кургана № 422*** находилась серия из четырех погребений и одного комплекса эпохи ранней бронзы, относящихся к первым двум строительным и трем стратиграфическим горизонтам (рис. 1, *I*, 2).

Первый строительный и первый стратиграфический горизонты были связаны с земляной насыпью № 1, сооруженной над основным погребением № 11 и непогребальным комплексом № 1. Насыпь № 1 в плане имела неправильную дуговидную форму с выемкой в северо-восточной четверти и была сделана из черноземного грунта. Она была вытянута в направлении северо-запад – юго-восток. Ширина ее в южной части составляла 6 м, высота – 0,6 м, ширина в северной части – 5 м, высота – 0,3 м (рис. 1, *I-в*). Насыпь № 1 частично перекрыла комплекс № 1 и полностью – погребение № 11 и линзу материкового выкида из него (размеры ее в плане – 1,8 × 2,5 м, толщина – до 0,25 м) (рис. 1, *I-а*).

Погребение № 11 (основное для насыпи № 1, рис. 2, *IV*, *д, е*) представляло собой яму, выкопанную с уровня древнего горизонта. Заполнение ее состояло из чистого черного гумусированного суглинка. Яма имела подовальную форму и была ориентирована по лини запад-юго-запад – восток-северо-восток. Стенки ее отвесные, дно ровное, покрыто галечником в основном достаточно крупной фракции. Камни выложены довольно неаккуратно по всей площади – в 1–2 слоя, кое-где немного не доходя до стен. Размеры ямы в плане – 1,9 × 1,4 м, глубина от уровня впуска – 0,9–1 м.

В заполнении на разных уровнях были обнаружены восемь небольших фрагментов стенок и донца от двух или трех лепных керамических сосудов. Толщина их – 0,8–1,6 см. Поверхности заглаженные и шероховатые. Обжиг хороший, цвет поверхности – от коричневого до светло-оранжевого, черепки в изломе – коричневого и серого цвета. В тесте значительные примеси дресвы и песка.

На дне ямы вдоль длинной стенки, со смещением к северо-восточному углу находился скелет взрослого человека 25–35 лет[1] в скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад. Череп раздавлен. Нижняя челюсть лежала на дистальном конце правой ключицы. Плечевой отдел был завален на спину еще до разрушения мягких тканей. Однако положение тазовых костей указывает скорее на позу «строго на боку». Обе руки были согнуты и направлены к бедренным костям. Правая кисть лежала ладонью вверх, левая - ладонью вниз. Ноги были согнуты в бедре под прямым углом и лежали параллельно, угол сгиба в коленях – минимальный, то есть ступни были подтянуты к тазу и лежали в положении «на боку». На лицевых костях были отмечены слабые следы красной краски.

В 0,23 м к югу от лицевого отдела черепа, устьем вверх стоял целый керамический сосуд, изготовленный на гончарном круге. Дно практически круглое – с небольшой горизонтальной площадкой. Тулово шаровидной формы, слегка уплощенное. Прямое цилиндрическое невысокое горло отделено от тулова резким переходом. Верхний край горла вместе с венчиком горизонтально срезан и хорошо зашлифован в древности уже после обжига сосуда. Внешняя и внутренняя поверхности – серо- и темно-коричневого цвета, хорошо залощены. Обжиг очень хороший. Черепок в изломе (судя по срезу горла) серого цвета. По поверхностям видно, что в тесте присутствует незначительная примесь песка и мелкой светлой дресвы. Высота сосуда – 12 см, диаметр тулова – 13,2 см, горла – 7,9 см, дна – 5,5 см (рис. 2, *д*).

В 0,13 м к югу от правой плечевой кости на дне был обнаружен костяной (роговой) втульчатый молоток довольно плохой сохранности. Форма его реконструирована. Молоток состоит из рабочей

[1] Антропологические определения были выполнены совместно двумя специалистами: к.и.н. А.А. Казарницким (МАЭ РАН, Санкт-Петербург) и д.и.н., к.б.н. М.В. Добровольской (ИА РАН, Москва).

и обушковой частей. Спинка молотка выпуклая, брюшко – вогнутое. Молоток плавно сужается в сторону плавно опущенной обушковой части. Проушина располагается ближе к обуху. Отверстие проушины со стороны спинки овальное, со стороны брюшка – округлое. Ударная поверхность рабочей части слегка выпуклая, в сечении имеет яйцевидную форму. Ударная поверхность обушковой части изготовлена путем срезания кончика рога, она ровная и имеет округлую в плане форму. Длина молотка – 9,7 см, ширина – 3,7–4,5 см, высота – 3,4–6,6 см. Размеры отверстия проушины со стороны спинки – 2,2 × 1,6 см, со стороны брюшка - 1,7х1,7 см. В проушине находился ровно спиленный кончик рога конусовидной формы. Высота его – 1,8 см, диаметр основания – 0,9 см (рис. 2, *е*).

Комплекс № 1 (рис. 2, *I, а, б*) находился в 3,6 м к северо-западу от погребения № 11 и представлял собой развал крупного лепного керамического котла, вкопанного в материковый песок устьем вверх и накрытого каменной крышкой. Котел под тяжестью крышки и земли сложился на дно. Округлая в плане яма, в которую был опущен сосуд, имела диаметр 0,45 м и глубину около 0,4 м. Судя по размеру котла, он был полностью погружен в эту яму таким образом, что верхняя поверхность каменной крышки находилась практически вровень с древней дневной поверхностью. Из-за недостаточной ширины крышка не до конца закрывала устье сосуда – восточная его часть оставалась открытой.

Котел представляет собой лепной сосуд средних пропорций с наибольшим расширением в верхней трети корпуса; дно узкое, прямое; плечики покатые; невысокое широкое горло плавно отделяет от тулова довольно сильно отогнутый венчик со скругленным краем. Внешняя поверхность хорошо заглажена, цвет ее коричневый разных оттенков. На внешней и внутренней поверхностях заметны следы нагара. Обжиг средний. В тесте хорошо заметны примеси дресвы разной фракции, песка и мелкорубленой органики. Высота котла – 33 см. Диаметр тулова – до 36 см, дна – 8 см, венчика – 32,8 см (рис. 2, *б*).

В качестве крышки был использован внешний продольный сколь крупного речного булыжника неправильной подовальной формы. Края скола неровные. Следов шлифовки и дополнительной обработки нет. Максимальная длина – 45 см, ширина – 26 см, толщина – 6 см (рис. 2, *а*).

На *втором этапе* строительства кургана внутри дуги земляной насыпи №1 было совершено еще одно погребение майкопской культуры (№ 10, *второй стратиграфический горизонт*), выкид из которого лег на насыпь № 1, окончательно перекрыв комплекс № 1. Он имел неправильно-овальную в плане форму, вытянутую по линии северо-восток - юго-запад и размеры 3 × 2 м, толщина его – до 0,4 см. Вторая часть выкида из этого погребения легла на погребенную почву к югу от ямы (размеры в плане – 1,3 × 1 м, толщина – до 0,2 м) (рис. 1, *I-б*).

Погребение № 10 и выкиды из него были законсервированы насыпью № 2, имевшей, предположительно, правильную округлую форму. Реконструируемый ее диаметр – 11,5–12 м, высота от погребенной почвы – до 0,75 м (рис. 1, *I-г, д*). По внешнему радиусу основание и край полы насыпи № 2 были укреплены относительно сложной каменной конструкцией № 1. Не ясно, была ли эта конструкция замкнутой, или имела разрыв, так как единственный участок, позволяющий судить обо всех ее составляющих, зафиксирован лишь в северо-западном секторе. Остальные участки пострадали или могли пострадать в результате дальнейших этапов функционирования кургана. Впрочем, не исключено, что конструкция была сделана только с северного края насыпи, так как именно в этом направлении рельеф понижается на 0,4 м. Насколько можно судить по сохранившемуся участку, каменная конструкция № 1 представляла собой крепиду из двух параллельных рядов крупных камней, уложенных на древнюю поверхность у основания насыпи 2. Расстояние между ними – 0,8 м. Причем камни внутреннего радиуса легли в 2–3 слоя на внешнее основание земляной насыпи № 1. Камни же внешнего радиуса лежали непосредственно у края полы будущей насыпи № 2 (рис. 1, *I-ж*). Затем пространство между ними было засыпано более мелким камнем (рис. 1, *I-е*). Далее началось оформление, собственно, земляной насыпи, после сооружения которой поверхность ее была укреплена панцирем в один слой камней (на рис. 1, *I* не показаны).

Погребение № 10 (основное для насыпи № 2, рис. 2, *III, г*) находилось в 1,5 м к северо-западу от основного захоронения № 11 и в 0,7 м к юго-востоку от комплекса № 1. Оно было совершено в яме подовальной формы, ориентированной по линии юго-запад – северо-восток. Размеры ее – 1,6 × 1,3 м, глубина – 0,8 м. Стенки ямы отвесные, дно ровное, частично было покрыто галечником достаточно крупной фракции. Камни выложены в основном под скелетом и перед ним. Заполнение ямы состояло из серо-коричневого суглинка с вкраплениями материкового песка. В нем был встречен фрагмент придонной части лепного сосуда, схожий по составу теста и обжигу с фрагментами керамики из заполнения по-

гребения № 11, но имевший хорошо заглаженную, почти лощеную поверхность светло-оранжевого цвета.

На дне ямы по длинной ее оси, со смещением к северо-западной длинной стенке, лежал скелет женщины старше 55 лет в положении строго сильно скорченно на правом боку, головой на юго-запад. Череп, изначально лежавший в анатомическом порядке, откатился к юго-западу от нижней челюсти и покоился на лицевых костях. Нижняя челюсть лежала на правом боку – на шейных позвонках и правой лопатке. Левая лопатка находилась на ребрах, спроецировавшихся на дно ямы. Несколько ребер и позвонки грудного отдела оказались смещены от основной оси за спину. Данный факт можно объяснить только действиями землеройных животных – по аналогии с нарушенностью анатомического порядка в майкопском погребении № 11 кургана № 426, где нора прошла через лицевой отдел черепа. Правая рука была вывернута локтевым суставом наружу. Кисть ее находилась между бедренными костями ладонью вниз. Левая рука лежала таким образом, что ее кисть находилась на ребре, а пальцы были согнуты «лодочкой» и обнимали локоть правой руки. Тазовые кости располагались в положении на боку с небольшим завалом на спину. Ноги были согнуты в бедрах и коленях под острым углом и подтянуты ступнями к тазу. Кости правой стопы находились под берцовыми костями правой ноги и были перевернуты тыльной стороной вниз. Кости левой стопы лежали практически плашмя. Подстилок и следов минеральной краски на дне ямы и галечной вымостке не обнаружено.

В южном углу ямы, в 8–15 см от ее стенки, устьем вверх стоял двуручный тонкостенный керамический сосудик-«амфорка», изготовленный, предположительно, на гончарном круге. Тулово его уплощенно-шаровидной формы; дно узкое, прямое; плечики покатые; невысокое цилиндрическое горло выделено легким углублением по нижнему краю; горизонтально уплощенный венчик слегка отогнут наружу. На плечиках диаметрально друг другу расположены две вертикальные ручки-«ушки» с проколотыми горизонтальными отверстиями. Поверхности хорошо заглажены, но не залощены, цвет их – светло-оранжевый. Обжиг хороший, сквозной. Тесто – без видимых примесей. Высота сосуда – 9,5 см, диаметр тулова – до 12,2 см, дна – 5,5 см, горла и венчика – 7,8 и 8,2 см (рис. 2, *г*). Плечики сосуда украшены тонкими вертикальными пролощенными линиями шириной 0,2 см и длиной до 3 см, составляющими несколько хаотичную композицию.

Позже в насыпь №2 были впущены еще два погребения майкопской культуры: № 1 и 11а (*третий стратиграфический горизонт*).

Погребение № 1 (впускное в насыпь № 2, рис. 2, *II, в*) находилось в 2 м к западу-юго-западу от основного захоронения № 11 и было совершено в толще погребенной почвы. Границы ямы не зафиксированы. Дно ее было выложено мелкой галькой, местами в два слоя. Вымостка имела размеры 1,2 × 0,5 м.

Погребенная (женщина 25–35 лет) лежала в строго скорченном на правом боку положении и была ориентирована головой на юго-запад. Череп лежал на правом виске. Кости грудной клетки находились в положении на правом боку. Левые ключица, лопатка и плечевая кость завалились вперед. Ноги были согнуты в бедрах под прямым углом, в коленях – под острым. Обе руки были протянуты в сторону бедренных костей и немного согнуты в локтях: левая внутрь, правая – наружу. Похоже, что обе руки находились между бедренными костями. Кисть левой руки лежала ладонью вниз и касалась кончиками пальцев берцовых костей.

На правом локте погребенной устьем вверх лежал развал лепной керамической миски. Венчик практически прямой, со скругленным краем; донце плоское. Один край венчика заметно выше другого. Качество теста и обжига схоже с соответствующими параметрами котла из комплекса №1: внешняя поверхность хорошо заглажена, цвет ее коричневый разных оттенков. На внешней и внутренней поверхностях заметны следы нагара. Обжиг средний. В тесте хорошо заметны примеси дресвы разной фракции, песка и мелкорубленой органики. Высота миски – 6,5–5,7 см, диаметр дна – 7 см, края венчика – 13,8 (рис. 2, *в*).

Погребение № 11а (впускное в насыпь № 2) было совершено на том же уровне, что и погребение № 1 и оказалось непосредственно в пятне заполнения погребения № 11 (рис. 2, *IV*). Погребальная конструкция не прослежена. Дно погребения, вероятно, просело в заполнение захоронения № 11 и понижалось в южную сторону на 10–15 см. Непосредственно под скелетом была сделана вымостка из гальки мелкой фракции – схожей с выкладкой на дне погребения № 1 это же кургана, но отличалась от нее большей разреженностью. Размеры вымостки – 0,9 × 0,65 м.

Погребенный – взрослый человек 30–40 лет (согласно А.А. Казарницкому, маркеры пола отсутствуют; по определению М.В. Добровольской – мужчина) лежал в сильно скорченном на правом боку положении, головой на юго-запад. Сохранность

костей плохая. Череп практически не сохранился: зафиксированы только верхняя и нижняя челюсти. Они лежали на правом боку. Череп был склонен к груди и лицом был ориентирован в диаметрально противоположном общей ориентировке направлении. Сохранившиеся ребра и тазовые кости лежали в соответствии с положением «на правом боку». Правая рука была протянута к коленям, кисть ее не сохранилась. Левая рука была согнута в локте под тупым углом, при этом кисть ее была вывернута под прямым углом к предплечью и пальцами упиралась в левое бедро, ладонью вниз. Кости ног были согнуты в бедрах под прямым углом, стопы же были притянуты к тазу. Помимо галечной выкладки, других следов подстилок и подсыпок, а так же погребального инвентаря не зафиксировано.

В основе ***кургана № 425*** **[2]** также находилось майкопское погребение № 8б. На момент обнаружения его яма имела общий контур с ямой северокавказского погребения № 8а (рис. 3, *I*), которое при раскопках, по аналогии со связкой погребений № 1 и 11а кургана № 422, было принято за раннебронзовое. Против этого предположения изначально свидетельствовала восточная ориентировка и неоднозначная интерпретация позы погребенного. Окончательным аргументом в пользу интерпретации этого захоронения как среднебронзового стала радиоуглеродная дата, относящая его к первой трети III тыс. до н.э.

Погребение № 8б (рис. 3, *I, а*) было совершено в яме округлых очертаний с покатыми стенками, ориентированной по линии запад – восток. Размеры ямы в плане на уровне обнаружения – примерно 1,8 × 1,8 м, у дна – 1,6 × 1,4 м. Песчаное материковое дно в южной части было выложено редкой галькой, в северной его части гальки не было. Глубина ямы от уровня древнего горизонта – 0,7–0,8 м.

На дне ямы по длинной ее оси со сдвигом к северной стенке лежал скелет мужчины 40–50 лет в строго скорченном на правом боку положении, головой на запад. Череп находился строго на правом виске, лицом на юг. Кости грудного отдела спроецировались на дно в основном в анатомическом порядке. Левая рука была согнута таким образом, что запястье ее оказалось у носа, а кисть находилась ладонью у лба (или на лбу) и изначально лежала на ребре. Правая рука была протянута к согнутым коленям, предположительно, ладонью вверх. Тазовые кости лежали в положении «на правом боку». Ноги согнуты в бедре под прямым углом, в коленях – под острым. Стопы лежали на боку. На лицевых костях черепа были отмечены пятна розовой краски.

В юго-западном углу ямы – в 30 см к югу от лицевого отдела черепа погребенного устьем вверх стоял краснолощеный тонкостенный, предположительно, лепной керамический кубок. Тулово шаровидное, слегка уплощенное и несколько ассиметричное: один бок более скруглен, чем другой. Донце уплощенное, но не прямое. Плечики сильно покатые. Высокое цилиндрическое горло оканчивается коротким плавно отогнутым венчиком с заостренным краем. Внешняя поверхность залощена и имеет ярко-оранжевый цвет. На внешней и внутренней поверхностях мелкие черные пятна. Обжиг хороший, сквозной, без прослоек. Тесто без особых примесей. В целом, по качеству теста и обжига этот сосуд сходен с амфоркой из погребения № 10 кургана № 422. Высота сосуда – 12 см, диаметр тулова – 10,5 см, горла – 7,2 см, венчика – 8,5 см (рис. 3, *а*).

В ***кургане № 426*** (рис. 1, *II*, 3, *II, III*) основным оказалось майкопское погребение № 11. Ко времени его совершения относится возведение первой насыпи, к сожалению, не зафиксированной в разрезах. Ее размеры можно реконструировать по каменной крепиде (конструкция № 5, согласно полевой нумерации). Она представляла собой кольцо из камней в основном крупного и среднего размера в 3–4 ряда с внешним диаметром 8,5 м и шириной – до 1 м (рис. 1, *II-а*). Конструкция была выложена непосредственно на погребенной почве и даже немного заглублена в нее. Позже в южную часть этого кольца было впущено еще одно майкопское погребение № 7а (рис. 1, *II-б*), северная часть которого была впоследствии уничтожена при сооружении погребения № 7 эпохи средней бронзы (рис. 1, *II-в*).

Большая часть верхнего уровня стенок ямы *погребения № 11* (основное для первой насыпи, рис. 3, *II, б, в*) была нарушена более поздними комплексами эпохи средней бронзы и средневековья (на плане их нет). Заполнение ямы чистое, сильно гумусированное. Яма имела подпрямоугольную форму со скругленными углами и была ориентирована по оси юго-запад – северо-восток. Ее ровное дно практически на всей площади было покрыто слоем довольно крупной гальки в 1–2 ряда. Размеры ямы – 1,8 × 1,3 м, глубина – 0,9 м.

На дне ямы ближе к северной стенке находился скелет мужчины 40–50 лет в строго скорченном

---

[2] Общий план кургана №425 не приведен, так как насыпь кургана на момент исследования была уничтожена строителями до уровня современной дневной поверхности и никаких осмысленных каменных конструкций, кроме, собственно, погребальных и ритуальных комплексов, в процессе ее доследования обнаружено не было. Не было в кургане и других погребений раннего бронзового века.

на правом боку положении, ориентированный головой на юго-запад. Кости были потревожены землеройными животными: в частности, одна из их нор прошла через лицевой отдел черепа, лежавшего на правом виске. Правая рука была протянута к коленям и находилась между дистальными концами бедренных костей ладонью вниз, как бы обнимая правое бедро. Левая рука была согнута в локте и направлена несохранившейся кистью к левому колену. Кисть, вероятно, лежала ладонью вниз. Ноги были несильно согнуты в бедрах под прямым углом, а в коленях – под острым, но в разной степени – таким образом, что берцовые кости были перекрещены.

В южной части ямы на дне был обнаружен крупный фрагмент стенки лепного черноглиняного керамического сосуда толщиной 0,7 см. Внешняя его поверхность шероховатая со следами нагара, обжиг хороший, сквозной. На внутренней поверхности читаются горизонтальные расчесы. Тесто содержало примеси дресвы и песка.

У юго-западной стенки, напротив черепа погребенного, впритык друг к другу устьями вверх стояли два целых керамических сосуда. Первый из них представлял собой серолощеную амфорку того же морфологического вида, что и сосуд из погребения № 10 кургана № 422 (рис. 2, *г*). Сосуд, вероятно, был сформован на гончарном круге. Тулово его имело уплощенно-шаровидную форму (несколько более высокую, чем у амфорки из кургана № 422); дно узкое, прямое; покатые плечики через слабо выраженный уступ переходят в невысокое цилиндрическое горло, заканчивающееся плавно отогнутым венчиком с зауженным краем. На плечиках сохранились остатки изначально располагавшихся диаметрально относительно друг друга ручек-«ушек» с проколотыми горизонтальными отверстиями. Одна ручка сохранилась чуть лучше. Недостающие части ручек были утрачены в древности. Края слома одной из ручек были тогда же заполированы – как и в случае с венчиком сосуда из погребения № 11 кургана № 422. Именно в таком виде предмет и был помещен в погребение. Поверхности сосуда, изначально, вероятно, покрытого слоем ангоба и хорошо залощенные, были сильно коррозированы. Цвет непотревоженной временем поверхности – серый, под ангобом – коричневый. Обжиг хороший, черепок в изломе, насколько можно судить по участкам обломанных ручек, – кирпичного цвета. Тесто без видимых примесей. Высота сосуда – 11 см, диаметр тулова – 12,5 см, дна – 4,5 см, венчика – 8,7 см (рис. 3, *б*).

Второй сосуд представляет собой лепной одноручный кувшин. Тулово его имеет неправильно-шаровидную, асимметричную форму с уплощенным, но не прямым дном. Покатые плечики плавно переходят к высокому цилиндрическому горлу, имеющему в горизонтальном сечении овальную форму. Венчик неровный: местами уплощенно-скошенный, местами – суженный. Округлая в сечении ручка-петелька находится корнем на венчике, а прилепом – на горле. Надо отметить, что по пропорциям (без учета ручки) данный сосуд в значительной степени повторяет форму кубка из погребения № 8б кургана № 425 (рис. 3, *а*). Внешняя поверхность его залощена и имеет темно-оранжевый цвет с серыми и черными участками. На внешней и внутренней поверхностях – мелкие черные пятна. Обжиг хороший. В тесте, насколько можно судить по поверхностям, присутствует примесь мелкой дресвы. Высота сосуда – 16 см, диаметр тулова – 14,5 см, горла – 10,5 × 9 см, венчика – 11,5 × 10 см, сечения ручки – 1,8 см (рис. 3, *в*).

Погребение № 7а (впускное в первую насыпь и каменную конструкцию № 5) было обнаружено в 2,5 м к югу от основного захоронения, и представляло собой овальную в плане яму, большая часть которой с севера была уничтожена впускным северокавказским погребением № 7 (рис. 1, *II-в*). Основанием для интерпретации этого комплекса как погребения является тот факт, что дно этой ямы было выложено слоем редкой очень мелкой гальки, находившимся под развалом керамической миски, лежавшей в сохранившейся южной части ямы. Ширина ямы – 0,75 м, сохранившаяся длина – 0,6 м, дно находилось на глубине 0,4 м от уровня древней дневной поверхности (рис. 3, *III*).

Предположительно лепная плоскодонная миска имела узкое прямое дно, широкую горловину и уплощенный, слегка загнутый внутрь венчик. Внешняя поверхность миски хорошо заглажена и имеет следы нагара. Цвет поверхностей коричневых и серых оттенков. Обжиг плохой, тесто рыхлое, с примесями дресвы и шамота. Пропорции ее несколько отличаются от формы миски, обнаруженной в погребении № 1 кургана № 422. Высота – 8,8 см, диаметр дна – 7 см, венчика – 22 см (рис. 3, *г*).

Обсуждение

Полученные при раскопках курганной группы «Кёнделенская I» материалы представляют собой первую значительную серию комплексов эпохи ранней бронзы, обнаруженную в Баксанском ущелье. Ранее, по имеющимся данным, здесь были известны лишь отдельные находки майкопской керамики – как поселенческого характера (Иессен, 1941. С. 221), так

и из разрушенных курганов (Круглов, Подгаецкий, 1941. С. 182, 193, рис. 25, *6*). Кроме того, в 1934 г. А.А. Иессеным был исследован курган с двумя погребениями (Иессен, 1941. С. 223–224, рис. 61, *2*), принадлежность которых к майкопской культуре не безусловна. Позднее в кургане у с. Кызбурун III, находившемся ниже по течению р. Баксан – на выходе из ущелья, было обнаружено еще одно достоверное захоронение майкопской культуры (Мизиев, 1984. С. 101, 106–108, рис. 10, *19–24*). Ближайшие же серии погребений эпохи ранней бронзы, сопоставимые по количеству с кёнделенскими, были исследованы в курганах у с. Кишпек, расположенного в 35 км восточнее курганной группы «Кёнделенская I» – на равнинной части течения р. Баксан, а также у сел Лечинкай и Чегем, находящихся в 20–30 км к востоку от с. Кёнделен, но уже в другом – Чегемском – ущелье (Мизиев, 1984; Батчаев, 1984; Бетрозов, Нагоев, 1984; Чеченов, 1984). Остальные исследованные погребальные памятники майкопской культуры на территории Кабардино-Балкарии сосредоточены еще восточнее и юго-восточнее (рис. 4).

Первоочередной задачей, помимо непосредственной публикации комплексов, обнаруженных у села Кёнделен, представляется интерпретация полученных материалов в контексте современной источниковой базы по изучению эпохи ранней бронзы Северного Кавказа. В рамках решения этой задачи были проанализированы как общие работы, посвященные анализу крупных серий источников, так и сами эти источники, известные в настоящее время по литературе и архивным данным.

Первым значимым опытом составления свода источников по погребениям майкопской культуры и их всестороннего анализа является работа Р.М. Мунчаева (Мунчаев, 1975. С. 211–335), в которой было учтено около 100 известных на тот момент закрытых и разрушенных комплексов. Важно отметить, что четверть из них происходила с территории Кабардино-Балкарии.

Следующими обобщающими работами по погребальным памятникам майкопской культуры стали исследования А.Д. Резепкина и С.Н. Кореневского (Rezepkin, 2000; Резепкин, 2012; Кореневский, 2004; 2011). Так, в работе 2004 года С.Н. Кореневский отмечает, что «сейчас можно говорить примерно о 250 /погребальных/ комплексах МНО, хотя на самом деле их немного больше» (Кореневский, 2004. С. 15). В действительности же, в исследовании упоминаются несколько меньше (порядка 230) комплексов (Кореневский, 2004. С. 50–63, 129, рис. 1). При этом памятники эпохи ранней бронзы Прикубанья и Кумо-Манычского района считаются С.Н. Кореневским отдельным, «периферийным» явлением и привлекаются в монографии лишь выборочно. В дальнейших исследованиях автора в отношении источниковой базы упоминаются те же цифры, и лишь в одной из недавних работ сообщается о пополнении ее до «более 300» захоронений (Кореневский, 2015. С. 23).

В свою очередь, для анализа и типологии погребальных сооружений выделяемой им новосвободненской культуры А.Д. Резепкин использует, по его словам, серию из 193 погребений (Резепкин, 2012. С. 55), хотя проверить эти данные в значительной степени невозможно, так как, помимо собственно публикуемых в монографии материалов, сведения о составе других источников обрывочны и немногочисленны, на что, в частности, обращал внимание С.Н. Кореневский (Кореневский, 2014. С. 72).

В последние годы фонд источников по погребальным памятникам эпохи ранней бронзы Предкавказья неуклонно пополняется. Это связано, во многом, с новостроечными работами. В частности, в результате раскопок на Таманском полуострове и соседних районах Новороссийска и Анапы, на Ставропольской возвышенности, а также в долинах притоков р. Терек в границах Кабардино-Балкарии, помимо материалов Кёнделенского могильника, с конца 1990-х было исследовано более 130 закрытых погребальных комплексов, значительная часть которых, к сожалению, пока не опубликована.

Анализ литературы и архивных материалов в их нынешнем состоянии позволяет сделать вывод, что современная источниковая база по могильникам эпохи ранней бронзы Предкавказья представлена более чем 150 памятниками, включающими более 330 исследованных курганов и грунтовых некрополей, содержавших, в свою очередь, порядка 710 захоронений (рис. 4). Надо отметить, что обозначенная выборка не вполне окончательна. Так, за ее границами остались порядка двух десятков погребений с территории Ергенинской возвышенности и Нижнего Дона, связанных с майкопской традицией, но в целом выходящих за ее ареал. Не учтены в этой серии и некоторые комплексы, сведения о которых недоступны или представляются недостоверными и неверифицируемыми. В указанную выборку так же не входят порядка 60–70 непогребальных комплексов, отдельных находок и их групп, обнаруженных в насыпях раннебронзовых курганов. Кроме того, следует упомянуть о группе из не менее чем 100 погребений, обнаруженных в основном в степной части Предкавказья, совершенных в скорченном, в

том числе – адоративном, положении, либо содержавших элементы погребального обряда раннебронзового времени, но не имеющих четких культурных маркеров, в связи с чем достоверная атрибуция этих комплексов затруднительна.

Распределение погребений эпохи ранней бронзы по районам Предкавказья далеко неодинаково (см. рис. 4 и экспликацию к нему): Прикубанская низменность – 28 памятников / 36 курганов / 92 погребения; северная и центральная часть Ставропольской возвышенности и прилегающий район Кумо-Манычской впадины – 22 / 30 / 48; западная часть Закубанья (включая долину р. Абин) – 14 / 29 / 80 (из них 42 погребения - это материалы раскопок последних лет); центральная и восточная часть Закубанья (включая памятники верховьев рек Белая, Фарс и Лаба) – 33 / 62 / 223 (в основном, за счет материалов могильников Клады, Келермесский и Псекупский); Верхняя Кубань и ее притоки – 5 / 23 / 23; район Кавминвод, включая примыкающую с севера степную часть Ставропольской возвышенности и левый берег р. Малка – 14 / 17 / 28; долины рек Баксан, Чегем, Нальчик и Черек – 18 / 68 / 137 (из них 48 погребений - это материалы раскопок последних лет), верховья и среднее течение Терека (с притоками) – 8 / 13 / 19, бассейн Сунжи – 9 / 48 / 60.

Следует сразу оговориться, что в задачи данного исследования ни в коем случае не входит полная характеристика погребальных памятников эпохи ранней бронзы Предкавказья. В то же время здесь представляется необходимым определить информационное поле, важное для понимания и интерпретации материалов, полученных при раскопках курганов у с. Кёнделен.

Итак, из 710 погребений в 405, то есть в 57% случаев, были прослежены форма, размер и другие детали погребальной конструкции. Причем в 248 из этих комплексов было установлено положение останков погребенных. Еще же в 195 случаях, в которых была зафиксирована поза погребенных, детали конструкции прослежены не были. Таким образом, общее число захоронений с установленной позицией погребенных составляет 443 случая (или 62% от рассматриваемой серии).

Если не учитывать такие девиантные формы погребальных сооружений, как мегалитичекие гробницы, а также подбои и катакомбы, известные в основном в степной зоне, то доминирующей формой погребального сооружения майкопской культуры являются ямы, а также каменные конструкции прямоугольной или подквадратной формы, которые встречаются в четыре раза чаще, чем конструкции овальных или округлых очертаний (табл. 1). Соотношение длины к ширине ям варьируют от 1 до 2,8. Причем 90% составляют сооружения с пропорциями от 1 до 1,8. Выделение каких-либо пиков в гистограмме распределения этих значений невозможно. Иначе обстоит ситуация с абсолютными размерами ям. Длина их составляет от 0,5 до 7,8 м, ширина – от 0,4 до 5,4 м. Гистограмма распределения значений длины ям в целом не противоречит (с небольшими корректировками) выводам С.Н. Кореневского о разделении ям по этому показателю на четыре «типа»: 0,5–0,9 (тип 1), 1-1,9 (тип 2), 2–3,2 (тип 3) и более 3,3 (тип 4) (Кореневский, 2004. С. 16–17). При этом соотношение этих типов составляет 5, 44, 29 и 22% (табл. 1), соответственно. Учитывая тот факт, что немногочисленные ямы «типа 1» достоверно или предположительно содержали останки детей, эти захоронения, как представляется, можно рассматривать как вариант ям «типа 2».

В 305 из 443 комплексов с определимым положением останков, то есть в 69% случаев, была зафиксирована поза скорчено на правом боку, причем в пяти коллективных погребениях эта поза сочетается со скорченной на левом боку. Последний же вариант обряда, без учета этих смешанных захоронений, представлен лишь в 106 случаях (24% от серии с определимым положением останков), то есть встречается почти в три раза реже, чем первый. Остальные 7% составляют захоронения, скорченные на спине (12 случаев), сидячие, расчлененные (по 6 погребений) и некоторые другие (табл. 1). Для скорченных на боку погребений адоративная поза зафиксирована достоверно в 230 случаях из 411, еще в 27 захоронениях отмечено положение у лица только одной руки. В целом же таких погребений, конечно, гораздо больше, но из-за плохой сохранности костей, а также по другим, более субъективным, причинам определить реальное соотношение адоративных комплексов в общей серии невозможно. Интересно, что доля достоверных адоративных захоронений в традициях скорченных на левом и на правом боку отличается на порядок: 67 и 33%, соответственно. Наконец, сводные данные по ориентировкам погребенных (с учетом коллективных захоронений) выглядят следующим образом: юг – 31%, юго-восток – 20%, восток – 17%, юго-запад – 14%, запад – 9%, северные ориентировки вместе составляют 9% (табл. 1).

Соотношение основных показателей погребального обряда и их распределение по обозначенным выше условным районам Предкавказья представлены в таблице 1. Здесь надо отметить, что данные по

районам Верхней Кубани, а также верхнего и среднего течения р. Терек в силу малочисленности серий погребений (соответственно, 6 и 10 комплексов с прослеженной позой погребенного) в значительной степени условны.

Основной категорией находок в погребениях эпохи ранней бронзы Предкавказья является керамическая посуда, встречающаяся в 70% захоронений. Учитывая непогребальные комплексы в насыпях курганов, сейчас можно говорить не менее чем о 1100 находках керамики майкопской / новосвободненской традиции. Из них не менее 800 – это целые или реконструируемые формы. Систематизация керамического материала из погребальных и бытовых памятников майкопской культуры в современной историографии существует в двух вариантах: «каталоге форм» С.Н. Кореневского (Кореневский, 2004. С. 22–35, 168–173, рис. 41–43) и «классификации» А.Д. Резепкина (Резепкин, 2012. С. 57–59, 254, рис. 126). Однако, учитывая взаимную критику концепций систематизации керамического материала эпохи ранней бронзы со стороны указанных авторов (Резепкин, 2012. С. 57; Кореневский, 2015. С. 11–12 и др.) и значительный количественный прирост источниковой базы, можно предположить, что работа над классификацией керамического фонда майкопской / новосвободненской культуры будет продолжена.

Представленные данные по состоянию современной источниковой базы позволяют перейти, собственно, к интерпретации материалов эпохи ранней бронзы из раскопок могильника Кёнделенская I.

Для начала, следует сказать несколько слов о курганной архитектуре. В курганах № 426 и 422 Кёнделенского могильника были зафиксированы каменные крепиды, сооруженные по периметру насыпей эпохи ранней бронзы. Диаметр первой из них – 9 м. Размеры второй из-за неполной сохранности кольцевой конструкции можно лишь реконструировать (13 м), к тому же нет полной уверенности в ее замкнутости.

Кромлехи, крепиды и другие каменные конструкции являются неизменной составляющей курганов эпохи ранней бронзы Предкавказья. Они распространены на большей части ареала майкопской культуры, за исключением Прикубанской низменности. Насколько можно судить по историографии, описания и характеристики этих сооружений в основном связаны с обобщениями данных по некоторым памятникам и их локальным группам, но никогда не являлись предметом специального исследования. Если же предположить существование таковового, то крепиды кёнделенских курганов, несмотря на некоторые отличия в их оформлении, вероятно, оказались бы в группе самых небольших и относительно простых конструкций.

Иначе обстоит дело с небольшой дуговидной черноземной насыпи, зафиксированной в основании кургана № 422. Достоверные дуговидные или «серповидные» конструкции, как каменные, так и земляные, прослежены пока в единичных случаях и ареал их, вероятно, не выходит за пределы долин Терека и Сунжи (Кореневский, Ростунов, 2004. С. 165). Сама же ситуация, зафиксированная в кургане № 422, является уникальной и пока, насколько можно судить по источникам, не имеет аналогий в памятниках эпохи ранней бронзы Предкавказья.

Переходя к анализу погребальных конструкций кёнделенских комплексов, следует отметить, что они отличаются довольно стандартным набором признаков. Это ямы округлых и овальных (4 случая) и прямоугольных (1 случай) очертаний, размеры которых варьируют в рамках 1,6–1,9 × 1,3–1,6, а пропорции – от 1,1 до 1,4 (не считая разрушенного комплекса 426/7а) с галечной вымосткой на дне (зафиксирована в разных вариантах во всех комплексах) и скорченной на правом боку позой погребенных с юго-западной (5 случаев), западной (1) и, предположительно, южной (1) ориентировками (рис. 2, 3).

Как видно из данных, представленных в таблице 1, характерные для кёнденеских погребений овальные контуры ям, согласно современной источниковой базе, не являются редкостью в регионе долин рек Баксан, Чегем, Нальник и Черек: такую конфигурацию имеют порядка трети известных в настоящее время конструкций. То же самое можно сказать и о размерах кёнделенских ям, относящихся ко второму, наиболее распространенном в этом районе типу, и доминирующей правобочной позе погребенных. Юго-западная же ориентировка погребенных, превалирующая в Кёнделенском могильнике, несколько не соответствует общим данным по комплексам рассматриваемой локальной группы, для которых более характерно направление головой на юг, но в целом является второй по степени встречаемости.

Здесь следует оговориться, что до недавнего времени источниковая база по памятникам ранней бронзы рассматриваемого района позволяла делать несколько иные выводы. Дело в том, что представленные в таблице 1 данные учитывают комплексы курганной группы «Кёнделенская I», а также еще одного весьма оригинального памятника, недавно исследованного у с. Псыгансу в долине р. Черек

(Челышев, 2014). Без учета 7 кёнделенских и 41 псыгансуевского комплексов соотношение форм и типов ям на рассматриваемой территории было бы другим: процент сооружений овальной формы оказался бы в 1,5 раза меньше, доля ям типов 1 и 2 была бы в 2,5 раза меньше, а ям типов 2 и 3 – в 1,5 раза больше. Кроме того, практически все известные в настоящее время в этом регионе левобочные погребения были открыты именно в упомянутом Псыгансуевском могильнике. Учитывая это, необходимо подчеркнуть, что по ряду параметров кёнделенская серия выглядит весьма оригинально по отношению к непосредственно окружающим ее памятникам (помимо Псыгансуевских курганов).

Сравнение же ее с группами майкопских захоронений других районов Предкавказья позволяет отметить следующие факты. Наличие значительной серии ям овальных и округлых очертаний, характерных для кёнделенских погребений, как видно из данных таблицы 1, более всего свойственно для памятников Ставрополья (включая Кавминводы) и Прикубанья (31–44%). В этих же районах, а также в Закубанье получили наибольшее распространение (от 38–48% на юге и до 71–81% – в степи) ямы типов 1 и 2, к которым относятся и погребения Кёнделенского могильника (табл. 1).

С другой стороны, юго-западная ориентировка погребенных, не являющаяся оригинальной в рамках группы памятников долин Баксана – Черека, из всех других районов Предкавказья характерна только для соседнего Кавминводского региона (25%), а в других встречается в незначительной степени (3–12%) (табл. 1).

Наконец, признаком, безусловно объединяющим кёнделенские раннебронзовые комплексы с местными традициями, является галечная вымостка на дне ям: для памятников бассейнов Терека и Сунжи доля погребений с такими вымостками варьирует в разных районах от 1/3 до 1/2 от общего числа захоронений с прослеженными деталями обряда, в незначительной степени этот элемент встречается в Закубанье и Кавминводах (до 15% захоронений), в степных же районах Предкавказья эта деталь погребального обряда практически отсутствует.

Основной категорией инвентаря раннебронзовых комплексов Кёнделенского могильника являются керамические сосуды, встреченные в шести из семи погребений и в одном непогребальном комплексе. Они представлены следующими формами: лепные миски (погребения 422/1 и 426/7а, рис. 2, *в*, 3, *г*), лепной котел (422/комплекс 1, рис. 2, *б*), круговой и, предположительно, лепной кубки (погребения 422/11 и 425/8б, рис. 2, *д*, 3, *а*), лепной одноручный кувшин кубковидной формы (погребения 426/7, рис. 3, *в*) и круговые амфорки (погребения 422/1 и 426/7а, рис. 2, *г*, 3, *б*).

Миски являются одной из наиболее распространенных керамических форм, встречающихся в погребальных комплексах майкопской традиции. В районе долин Баксана, Чегема, Нальчика и Черека они были обнаружены в 28% погребений с керамическим инвентарем. В целом по Предкавказью миски находятся в каждом четвертом погребении, содержащем керамические сосуды. Однако в разных регионах встречаемость эта выражена неодинаково. В степных памятниках мисок практически нет: 2 погребальных и 2 непогребальных комплекса в Прикубанье на 46 захоронений с керамикой и практически полное отсутствие в степном Ставрополье, за исключением трех мисок из насыпи кургана №7 Калиновского могильника. В памятниках Верховьев Кубани доля комплексов с мисками так же невелика (2 случая – 10%). Собственно, по встречаемости в погребениях этой формы посуды к району Баксана Черека наиболее близки группы погребений верховьев Терека (25% – все миски происходят из могильника Дзуарикау), Закубанья (в среднем – 35%) и, отчасти, Кавминвод и долины Сунжи (15–17%).

Кёнделенские миски несколько отличаются друг от друга размерами и наличием у одной из них (погребение 426/7а) немного загнутого внутрь края. Согласно «каталогу форм» С.Н. Кореневского, кёнделенские находки должны относиться к группам «МП-4» и «МП-5» (Кореневский, 2004. С. 33, 173, рис. 43, *72,73*). Полные и очень близкие аналогии кёнделенским формам довольно многочисленны. Они обнаружены в погребениях соседних могильников Чегем I (погребение 1/8: Мизиев, Бетрозов, 1972. Т. 2. Рис. 5, *А-5*), Лечинкай (погребения 7/2, 17/2: Батчаев, 1984. С. 128, рис. 14, *6, 9*) и Псыгансу III (погребения 6/1, 7/19: Челышев, 2014. Т. 2. С. 25, 161, рис. 36, 283), а также в комплексах верховьев Терека (Дзуарикау 1/8, 2/8: Николаева, Сафронов, 1980. С. 24, 34, рис. 3, *3*, 8, *2*) и центральной части Закубанья (Клады 38/2: Резепкин, 2012. С. 86, рис. 86, *5,7*) (рис. 5, *1*).

Котел из комплекса 1 кургана 422 относится к весьма редкому морфологическому классу майкопской керамики. Исходя из «каталога форм» С.Н. Кореневского, он находится ближе всего к группе «НЯ-1» (2004. С. 28, 171, рис. 43, *36*), хотя морфологическое единство сосудов, упоминаемых автором для иллюстрации этой группы, вызывает сомнение. Ближайшие аналогии кёндленскому котлу в насто-

ящее время известны из курганов №7 могильника Псыгансу III (сразу три находки: Челышев, 2014. Т. 2. С. 100, 194, рис. 178, 350) и №12 Горячеводского I могильника (Батчаев, 2002. Т. 2. С. 46, рис. 237) (рис. 5, *2*). В обоих случаях, как и в Кёнделене, котлы находились вне погребальных комплексов. Следует отметить, что один из псыгансуевских котлов (Челышев, 2014. Т. 2. Рис. 178) был снабжен тремя ручками и по пропорциям близок трехручному же сосуду из Иноземцевского кургана, относимого С.Н. Кореневским к группе «ТР-3» (Кореневский, 2004. С. 32, 172, рис. 43, *61*). Еще один близкий кёнделенскому котлу, но более крупный и отличающийся по качеству сосуд был обнаружен в кургане № 1 могильника Чернышевский II в Закубанье (Бианки, Днепровский, 1988. С. 80, рис. 2, *3*). Удивительно, что его местоположение в насыпи в точности повторяет соотношение комплекса 1 и основного погребения № 11 кургана 422 Кёнделенского могильника. Наконец, очень близкую аналогию рассматриваемой форме представляет собой сосуд из еще одного закубанского, но уже погребального, комплекса – Общественный II 1/9 (Сорокина, Орловская, 1985. Т. 3. Рис. 125) (рис. 5, *2*).

Два кубка, обнаруженные в основных погребениях 422/11 и 425/8б Кёнделенского могильника, относятся к разным формам. Первый из них – серолощеный, выполнен на гончарном круге, имеет уплощенно-шаровидную форму тулова с узким прямым донцем и приставное цилиндрическое горло (рис. 2, *д*). Аналогий ему на Верхней Кубани, Тереке и Сунже нет. Серийно же схожая форма представлена в погребениях у ст. Новосвободной (Новосвободная 2/1, Клады 11/20, 31/5: Попова, 1963. С. 71, табл. XII; Резепкин, 2012. С. 151, 206, рис. 22, *4*, 77, *5*) – в виде чернолощеных орнаментированных сосудов, относимых С.Н. Кореневским к группе «Т-1а» (Кореневский, 2004. С. 30, 171, рис. 43, *43*), а А.Д. Резепкиным – к «типу III» (2012. С. 58, 254, рис. 126). К этой же серии следует отнести кубок из погребения Шарахалсун VI 5/7 (Яковлев, Самойленко, 2003. С. 77, рис. 2, *11*) (рис. 6, *1-А*). Несмотря на общую морфологическую схожесть, эти сосуды имеют одно существенное отличие от кёнделенского кубка – относительно плавный переход от тулова к горлу. Еще одну группу аналогий представляют серолощеные сосуды с прямым приставным, но более широким горлом из погребений № 26 Псекупского I могильника (Ловпаче, 1985. С. 37, табл. VIII, *1*) и Старонижестеблиевский (1986) 3/14 (Анфимов, 1986. Рис. 306) (рис. 6, *1-А*). Наконец, самые близкие аналогии первому кёнделенскому кубку, как показывает обзор источников, известны в настоящее время только в комплексах эпохи ранней бронзы севера Ставропольской возвышенности. Первая из них – не совсем полная – происходит из погребения Шарахалсун VI 2/17 (Яковлев, Самойленко, 2003. С. 81, рис. 4, *5*) и представляет собой серолощеный кубок-амфорку с тремя ручками-петельками, наличие которых наряду с определенной круглодонностью этой формы и отличает его от кёнделенского. Второй же сосуд – из погребения 25/11 могильника Золотаревка I (Калмыков, 2000. Рис. 1460) – полностью идентичен по форме, качеству и цвету рассматриваемой форме (рис. 6, *1-Б*). Следует отметить и тот факт, что пролощенный орнамент в виде неровных вертикальных полос, покрывающий горло золотаревского сосуда, в точности повторят орнаментацию амфорки из кёнделенского погребения № 10 (рис. 2, *г*) того же 422 кургана, в основном погребении которого был обнаружен рассматриваемый серолощеный кубок. Сравнение форм сосуда из Золотаревского I могильника и кёнделенского кубка позволяет предположить, что срез горла последнего был сделан практически у основания венчика и не сильно повлиял на его высоту.

Второй кубок из основного погребения № 8б кургана № 425 имеет краснолощеную поверхность, шаровидное тулово со скругленным донцем и покатые плечики с намеченным внутренним ребром при переходе от тулова к горлу (рис. 3, *а*). Как показал анализ 800 керамических форм из погребений майкопской культуры, этот сосуд полных аналогий по указанным характеристикам в Предкавказье не имеет. В качестве дальних аналогий ему можно указать на немногочисленную серию небольших круглодонных кубков с уплощенно-шаровидным туловом и горлом-раструбом из закубанских могильников: Псекупский, Красногвардейский, Клады, Владимирский и других. Более близки ко второму кёнделенскому кубку круглодонные сосуды с уплощенно-шаровидным туловом и прямым горлом из упоминавшегося уже ставропольского погребения Шарахалсун VI 2/17, а также захоронений Псекупский № 27 (Ловпаче, 1985. С. 35, табл. VI, *10*) и Чернышевский I 1/22 (Днепровский, Лопатин, 2010. С. 133, рис. 27, *20*) в Закубанье и Кудахурт 1/1 (Кореневский и др., 2008. С. 147, рис. 8, *1*) в долине р. Черек (рис. 6, *1-А*), однако эти формы имеют резкий переход от тулова к горлу, что представляется существенным отличием. Ближе всего по форме и пропорциям кубку из погребения 425/8б стоят сосуды из захоронений Рассвет 3/1 (Крушкол, 1963. Рис. 15), Сунжа 11/2 (Козаев, 1993. Т. 2. Рис. 38) и Уляп 10/2

(Бианки, Днепровский, 1988. С. 80, рис. 2, *3*. Рис. 2, *2*)[3] (рис. 6, *1-А*), однако все они отличаются от рассматриваемого кубка высотой горла и в 1,5 раза превышают его размеры по тулову. Наконец, главным отличием как близких, так и дальних аналогий является тот факт, что абсолютно все они, в отличие от сосуда из Кёнделена, – темнолощеные.

Полных аналогий краснолощеному лепному кувшину из погребения 426/11 Кёнделенского могильника (рис. 3, *в*) так же не известно. Традиции одноручных сосудов в целом чужды майкопской керамике (Кореневский, 2004. С. 32). Из 800 проанализированных форм они составляют 1,9% (15 экземпляров). Из них наиболее близким к кёнделенскому в морфологическом отношении является сосуд из погребения 1/1 могильника Кудахурт (Кореневский и др., 2008. С. 147, рис. 8, *4*), отличающийся, однако, уплощенно-шаровидным туловом и качеством изготовления. Следует отметить, что сама форма кёнделенского кувшина (без учета ручки) чрезвычайно схожа с проанализированным выше краснолощеным кубком из основного погребения соседнего 425 кургана, оригинальность которого в рамках керамического комплекса эпохи ранней бронзы Предкавказья так же вполне очевидна.

Наконец, наибольшего внимания заслуживают две лощеные амфорки из кёнделенских погребений 422/10 и 426/11 (рис. 2, *г*, 3, *б*). При одинаковой ширине, вторая из них отличается чуть более высокими пропорциями (на 15%) и оформлением (серое лощение, отсутствие орнамента). В целом же обе амфорки можно рассматривать как тождественные в морфологическом отношении. Сосуды с двумя ручками встречаются в погребениях майкопской культуры чаще, чем одноручные (составляют не менее 4,3% от проанализированной выборки). Круг некоторых непосредственных аналогий кёнделенским амфоркам был ранее частично опубликован (Резепкин, 2012. С. 251, рис. 123; Кореневский, 2012. С. 45, рис. 10). Вопрос о классификации форм небольших двуручных сосудов майкопской культуры, с учетом их значительного разнообразия (Кореневский, 2004. С. 31-32, 172, рис. 47-58), довольно сложен. Исходя из данных современной источниковой базы, здесь, как представляется, необходимо учитывать не только само наличие двух ручек и размер сосуда, но и другие качественные и морфологические характеристики: форма тулова, высота горла и наличие пролощенного орнамента. Исходя из этого, круг аналогий амфоркам из Кёнделенского могильника может быть расширен до весьма значительной серии.

Неполные аналогии кёнделенским амфоркам можно разделить на две группы. К первой относятся в основном подчеркнуто плоскодонные темнолощеные сосуды из погребений Восточный Маныч Левый берег III 17/11 (Шишлина, 2007. С. 43, рис. 15, *13*), Чограй I 5/4 (Кореняко, 1977. Рис. 121), Рассвет 3/1 (Крушкол, 1963. Рис. 16), Иноземцево I 3/26 (Березин *Я.*, 2000. Рис. 655), Бородыновка III 3/8 (Березин *С.*, 2013. Рис. 83), Горячеводский I 3/7 (Батчаев, 1999. Рис. 234) (рис. 6, *2-А*). Два из них (Чограй I и Бородыновка III) выделяются светлым цветом и отсутствием следов лощения. Кроме того, чограйский и иноземцевский сосуды имеют вертикально, а не горизонтально проколотые ручки. По пропорциям наиболее близко к кёнделенским из этой серии стоит сосуд из комплекса у хут. Рассвет, однако, судя по фотографии в отчете, он имеет отчетливую биконическую форму тулова. Вторая группа аналогий включает абсолютно круглодонные в основном коричневолощеные формы из погребений Койсуг II 5/18 (Максименко, 1973. С. 250, рис. 1, *2*), Восточный Маныч Левый берег III 16/13 (Шишлина, 2007. С. 43, рис. 15, *4*), Жуковский II 2/1[4] (Державин, Тихонов, 1980. С. 78, рис. 4, *1*), Шарахалсун VI 2/17 (Яковлев, Самойленко, 2003. С. 81, рис. 4, *5*), Верхний Акбаш 1/10 (Крупнов, 1950. С. 209, рис. 14), Псекупский могильник погребение №33 (Ловпаче, 1985. С. 35, табл. VI, *6*) (рис. 6, *2-А*). В двух из них (псекупский и акбашевский) ручки проколоты вертикально. Упоминавшийся же ранее трехручный кубок-амфора из Шарахалсуна схож с кёнделенскими сосудами только уплощенной формой тулова и наличием пролощенного орнамента.

Полные же аналогии кёнделенским амфоркам в рамках погребений эпохи ранней бронзы представляют серо-коричневые лощеные сосуды из ставропольских погребений Айгурский II 22/15 (Бабенко, 2001. Рис. 198, 199) и Курсавский III 1/1 (Кореневский, 2012. С. 44, рис. 6, *1*) (рис. 6, *2-Б*). Нельзя также не отметить морфологическое соответствие рассматриваемым формам сосуда из кавминводского

---

[3] В работах С.Н. Кореневского этот комплекс по каким-то причинам фигурирует как «Могильник у хут. Чернышев погребение 2 кургана 10» (Кореневский, 2004. С. 181, рис. 51, *5*).

[4] При публикации этого погребения (Державин, Тихонов, 1980) были перепутаны местами подписи к рисункам 3 и 4, иллюстрирующими материал из погребений 1/9 и 2/1. В дальнейшем эта ошибка была растиражирована как в работах С.Н. Кореневского (2004. С. 31; 2012. С. 45, рис. 10, *14*), и других исследователей (например, *Rassamakin*, 2004. T. 1. S. 107, abb. 87, *5*), вероятно, не уделивших должного внимания самому тексту статьи.

погребения эпохи средней бронзы Нежинский I 1/14 (Кореневский, 1990. С. 143, рис. 19, *2*).

Оставляя за рамками этого обзора ряд косвенных аналогий кёнделенским амфоркам среди степной серии сосудов без ручек, следует отметить, что традиция пролощенного орнамента в виде вертикальных полос на сосудах эпохи ранней бронзы Предкавказья встречается относительно редко. К таковым можно отнести экземпляры из погребений Красногвардейский 1/4 (Нехаев, 1984. Рис. 24, *1,2*), Уашхиту I 1/7 (Кореневский, Днепровский, 2003. С. 87, 88, рис. 3, *8*), Иноземцево (1976) 1/1 (Петренко, 1976. С. 14, фото 43-45в), Кисловодск (у Автозаправки) (Кореневский, 1990. С. 141, рис. 17, *4*), а также, возможно, фрагмент керамики из насыпи кургана № 11 Лечинкайского могильника (Чеченов, Батчаев, 1975. С. 14, рис. 141, *17*). В круг же прямых параллелей орнаментации кёнделенской амфорки из погребения 422/10 следует поставить упоминавшиеся уже сосуды из погребений Айгурский II 22/15 (с бессистемным орнаментом в виде вертикальных, частично пересекающихся линий) и Золотаревка I 25/11 (орнамент идентичен кёнделенскому).

В заключение анализа керамических сосудов из погребений эпохи ранней бронзы Кёнделенского могильника следует обратить внимание на тот факт, что одна их часть (миски и котел) имеет сходство с керамическими комплексами соседних майкопских памятников верховьев Терека и Кумы, а также Закубанья (рис. 5). Вторая же (кубки и амфорки) находит значительную часть аналогий, вплоть до полных совпадений, в комплексах степной зоны Ставропольской возвышенности (рис. 6, *Б*). В частности, экземпляры посуды из погребений Шарахалсун VI 2/17, 5/7 и Золотаревка I 25/11 соединяют в себе отдельные характерные элементы кёнделенских кубков и амфорок.

Единственной некерамической категорией погребального инвентаря в майкопских комплексах Кёнделенского могильника являлся костяной молоток из погребения № 422/11. Судя по имеющейся источниковой базе, в настоящее время в Предкавказье известно только две такого рода находки эпохи ранней бронзы. Первая из них представлена фрагментом (вероятно, обушковой частью) костяного орудия из погребения Чегем II 21/5 (Бетрозов, Нагоев, 1984. С. 47, рис. 13, *16*). Насколько можно судить по его изображению, общая форма чегемского орудия была мало похожа на молоток из Кёнделена, даже если предположить, что сохранившийся фрагмент является, собственно, большей (рабочей) его частью. Еще одна находка, возможно, схожего орудия была сделана в основном погребении № 2 кургана 31-А могильника Клады (Резепкин, 2012. С. 45). Судя по описанию, она представляет собой молот «из основания рога» высотой 10 см и диаметром 5,5 см, диаметр отверстия, «расположенного в 2 см от верха молота» – 2 см. К сожалению, рисунка этого предмета в публикации нет.

Отсутствие в современной источниковой базе по памятникам эпохи бронзы Предкавказья аналогий кёнделенскому молотку заставляет обратиться к серии майкопских орудий из других материалов – в первую очередь, каменным. Находки последних немногочисленны и относятся к двум основным видам: молоты с двумя ударными краями и молоты-клевцы (Кореневский, 2004. С. 44, 208, рис. 82, *2–5,7,8*). Морфологически кёнделенский молоток находится ближе к последним. Это сравнение основано не только на сходстве так называемого клювовидного обуха каменных орудий с опущенной нерабочей частью рассматриваемой находки, но и на параллелях в оформлении ударной части: расширение ее к брюшку у кёнделенского молотка имеет определенное сходство с формами ударной части каменных молотов-клевцов. Особенно хорошо это заметно по экземпляру из погребения 1/18 Марьинского III могильника (Канторович, Маслов, 2009. Рис. 16, *1*, 23, *1*). Кроме того, обращает на себя внимание обстоятельства находок молотов-клевцов, полностью повторяющие ситуацию в погребении 422/11 Кёнделенского могильника: ямы с галечной вымосткой, скорченное на правом боку положение погребенных, расположение орудий напротив правого плеча (Чегем I 1/8, 5/2, Чегем II 27/1, Марьинская III 1/18).

Обстоятельная характеристика серии майкопских погребений Кёнделенского могильника была бы неполной без обсуждения ее соотношения с другими группами памятников внутри рассматриваемой культурной традиции и, в том числе, ее хронологического положения.

Как показал анализ состава керамического инвентаря из кёнделенских погребений, основной их спецификой является наличие форм (амфорок и кубков), получивших основное распространение на территории Ставропольской возвышенности, особенно в ее северных степных районах (рис. 6, *Б*). Интерпретация памятников «степного майкопа» практически целиком связана с работами С.Н. Кореневского (Кореневский, Калмыков, 2003; Кореневский и др., 2007; Кореневский, 2005, 2012 и др.). Так, в повторной публикации погребения 1/1 Курсавского III могильника, содержавшем амфорку, идентичную кёнделенским, С.Н. Кореневский аргументирует

соотношение его, а также других комплексов степного Ставрополья с «псекупским вариантом МНО» двумя обстоятельствами: наличием сетчатого пролощенного орнамента, аналогии которого связаны «в основном с комплексами круга Псекупского поселения на Кубани и аналогами майкопским погребениям кургана 1 могильника Кудахурт в Центральном Предкавказье» (Кореневский, 2012. С. 28) и тем, что «по своим приземистым пропорциям тулова в отдельных случаях такая керамика напоминает сосуды, типичные для псекупского варианта МНО» (Кореневский, 2012. С. 29).

Представляется необходимым проанализировать эту аргументацию. Во-первых, на самом Псекупском поселении встречено всего три небольших фрагмента керамики с пролощенным орнаментом (Ловпаче, Дитлер, 1988. С. 114, 134, табл. XVI, *3–5*). Что же касается погребений майкопской культуры, то из 225 закубанских комплексов с керамикой пролощенный орнамент был встречен (или присутствовал предположительно) только в 11, то есть всего в 5% случаев. Не сильно отличается доля захоронений с такой керамикой в бассейне Верхнего и Среднего Терека (4%, с учетом кёнделенской амфорки и авторской трактовки Е.И. Крупновым орнамента на сосуде из комплекса Верхний Акбаш 1/10). В Прикубанье и бассейне р. Сунжа майкопской керамики с пролощенным орнаментом не известно. Значительно чаще этот элемент декора встречается на посуде в памятниках района Кавминвод (3 из 17, или 18% погребений с керамикой). Наконец, наибольшее распространение керамика с пролощенным орнаментом (как сеткой, так и вертикальными линиями) имеет в раннебронзовых погребениях северной части Ставропольской возвышенности (7 из 25, или 28% погребений с глиняными сосудами). Таким образом, по имеющимся в настоящее время источникам, складывается парадоксальная ситуация, когда доля диагностичного признака в периферийных памятниках в разы превышает их встречаемость на основном ареале традиции.

Во-вторых, насколько можно судить по характеристике «псекупского варианта МНО», сосуды шаровидно-уплощенной формы групп «ШУ-1–3» действительно составляют основную его специфику (Кореневский, 2004. С. 53–54). Однако в описании групп ясно сказано, что это «сосуды без ручек ... с круглым дном...» (Кореневский, 2004. С. 26). Если даже допустить, что формы с уплощенным дном (типа кёнделенских амфор) – это тот же морфологический класс, который представляют собой сосуды групп «ШУ-1–3», в серии керамики с пролощенным орнаментом посуда такой формы составляет менее половины от всех известных экземпляров. Хотя, строго говоря, форма амфорок, обнаруживаемых в погребениях эпохи ранней бронзы по линии Нижний Дон – Маныч – Калаус – Кавминводы – Баксан, помимо общего сходства пропорций тулова, в целом довольно далека от материалов могильника и поселения в устье р. Псекупс и схожих с ними керамических форм. Представленные наблюдения позволяют выразить, как представляется, вполне обоснованное сомнение в соотношении кёнделенских амфорок и кубков и их аналогий с «псекупским вариантом МНО».

Вопрос об абсолютной хронологической позиции кёнделенских материалов может быть решен на основании двух групп источников. Первая из них связана с серией радиоуглеродных дат, полученных по материалам из погребений степной части Ставропольской возвышенности, в которых были обнаружены сосуды, аналогичные или близкие по ряду характеристик кёнделенским. Первая часть датировок относится к позднему в рамках IV тыс. до н.э. диапазону – 3350-3100/3000 BC cal: Айгурский II 22/15, 22/8 (сосуд находился в синхронном погребении № 9) и Большой Ипатовский курган погр. 195 (Кореневский, 2005. С. 138. Табл. 1). Сосуды из погребений Айгурский II 22/9 (Бабенко, 2001. Рис. 184, 185) и Большого Ипатовского кургана (Кореневский и др., 2007. С. 207, рис. 67, *3*) формально не относятся к амфоркам, однако по конструкции тулова и наличию пролощенного орнамента, как представляется, имеют непосредственное отношение к этой керамической традиции. Вторая часть дат укладывается в отрезок 3600–3350 BC cal: Шарахалсун VI 5/7 и Золотаревка I 25/11 (Кореневский, 2005. С. 138. Табл. 1). Наконец, третья часть указывает на период ранее 3800 BC cal: Шарахалсун VI 2/17 и Восточный Маныч Левый берег III 17/11 (Кореневский, 2005. С. 138. Табл. 1; Шишлина, 2007. С. 381, табл. 2, *1*).

Вторая группа источников – это серия радиоуглеродных дат, полученных, собственно, по материалам Кёнделенского могильника, выполненная в Познаньском университете (табл. 2). Судя по ней, основная часть определений укладывается в первый из обозначенных диапазонов (3350–3100 BC cal: погребения № 422/10, 11, 11а и 425/8б) и только одна дата оказалась во втором (3500–3350 BC cal: основное погребение № 11 кургана № 426).

Представленные данные отчасти не противоречат историографической традиции. Так, С.Н. Кореневский помещает датировки большей части степных комплексов в рамки именно середины – второй

половины IV тыс. до н.э. Впрочем, основанием для этого служат как раз радиоуглеродные даты (Кореневский, 2005. С. 137). В.А. Трифонов так же относит время, когда «майкопцы» «отправились покорять степь», в Костромской этап своей периодизации памятников майкопской культуры (Трифонов, 2014. С. 280–282), который соответствует 3500–3150 BC cal (Трифонов, 2003. С. 76, табл. 1).

С другой стороны, диапазоны ранних и средних (в рамках IV тыс. до н.э.) дат степных комплексов, содержащих керамические формы, близкие или идентичные кёнделенским, имеют в целом определенный статистический перевес. К этому следует прибавить значительную роль, которую имели в степном погребальном обряде именно эти формы сосудов (кубки с прямым горлом и амфорки, см. рис. 6), а также широкое распространение в степи овальных ям 1–2 типов (табл. 1). В результате опять, как и в случае с так называемым псекупским вариантом МНО, складывается парадоксальная ситуация, когда доминирующие или более распространенные на периферии детали культурной традиции оказываются выражены в гораздо большей степени, чем на основном ее ареале. Причем, к тому же, согласно данным радиоуглеродного датирования, имея определенный хронологический приоритет. В этих обстоятельствах логично предположить как раз обратную направленность вектора развития традиций.

Безусловно, существует целый ряд фактов, свидетельствующий против интерпретации появления кёнделенских комплексов под влиянием степных традиций. К ним относятся наличие галечных вымосток и форм керамической посуды (котлов и мисок), связанных с основным, южным, ареалом майкопской культуры, отсутствие в Кёнделенском могильнике и в целом в данном регионе традиций левобочного положения погребенных, а также ориентировки головой в восточном направлении, связанных, в том числе, со степными памятниками (табл. 1). Косвенными аргументами против наличия такого вектора влияния являются периферийное положение степных памятников по отношению к основной территории культуры, в которую входит и Кёнделенский могильник, и их относительно небольшое количество, а также практически полное отсутствие на юге Центрального Предкавказья характерных для степной традиции эпохи ранней бронзы формы погребального сооружения – катакомбы или подбоя и девиантных (или так называемых синкретических) поз погребенных: сидя и скорченно на спине.

Наконец, еще одним предположительным доказательством, свидетельствующим не в пользу хронологического приоритета указанных степных традиций, являются две ранних (в рамках IV тыс. до н.э.) радиоуглеродных даты, полученные по материалам из упоминавшегося уже погребения 1/1 могильника Кудахурт, содержавшего кубок с пролощенным орнаментом и одноручный сосуд-кувшин. Впрочем, обе даты, относящие данное погребение к диапазону 3770–3650 BC cal, были выполнены в одной лаборатории, по словам авторов, «в разное время» (Кореневский и др., 2008. С. 133), но по какой-то причине имеют два следующих друг за другом шифра (Ki-13009 и Ki-13010) (Кореневский и др., 2008. С. 132, табл. 1).

Подводя итог, следует отметить, что изложенные в настоящей работе наблюдения и соображения в отношении интерпретации материалов, полученных при раскопках Кёнделенского могильника, основываются на значительной, но далеко не совершенной источниковой базе. Как показывают данные полевых работ последних лет (в том числе и раскопок у с. Кёнделен), каждый новый исследованный памятник эпохи ранней бронзы в Предкавказье может внести существенные коррективы в имеющиеся представления о содержании и механизмах взаимосвязи отдельных групп источников на разных уровнях обобщения. В частности, изложенные в настоящей работе результаты позволяют сделать вывод о том, что выяснение направлений контактов населения южных и северных районов Предкавказья, наряду с анализом их закавказско-передневосточных связей, остается одной из приоритетных задач в изучении памятников эпохи ранней бронзы.

Таблица 1. Соотношение основных показателей погребального обряда эпохи ранней бронзы и их распределение по условным районам Предкавказья

Район		**Прикубанье**	**Ставрополье и Кумо-Маныч**	**Западное Закубанье**	**Центральное и восточное Закубанье**	**Верхняя Кубань**	**Кавминводы**	**Баксан, Чегем, Нальчик и Черек**	**Верхний и средний Терек**	**Долина Сунжа**	**Общие данные**
Ямы	прямоуг.	69%	63%	91%	95%	90%	56%	66%	100%	92%	**80%**
	овальные	31%	37%	9%	5%	10%	44%	34%	–	8%	**20%**
	1,2 тип	81%	71%	48%	58%	21%	38%	46%	22%	19%	**49%**
	3 тип	8%	26%	30%	34%	21%	31%	32%	33%	32%	**29%**
	4 тип	11%	3%	22%	8%	58%	31%	22%	50%	49%	**22%**
Позы	правый бок	44%	30%	75%	79%	33%	78%	88%	30%	88%	**69%**
	левый бок	51%	43%	10%	18%	50%	22%	10%	60%	12%	**24%**
	иное	5%	27%	15%	3%	17%	–	2%	10%	–	**7%**
Ориентировки	В	31%	34%	12%	5%	33%	20%	7%	39%	14%	**17%**
	ЮВ	11%	3%	29%	37%	17%	5%	7%	12%	18%	**20%**
	Ю	26%	29%	22%	36%	33%	20%	45%	25%	29%	**31%**
	ЮЗ	12%	3%	12%	12%	–	25%	22%	12%	7%	**14%**
	З	10%	14%	9%	3%	17%	15%	15%	–	18%	**9%**
	СЗ	4%	–	4%	3%	–	5%	2%	–	–	**3%**
	С	2%	3%	6%	1%	–	10%	1%	–	11%	**3%**
	СВ	4%	14%	6%	3%	–	–	1%	12%	3%	**3%**

Таблица 2. Данные радиоуглеродных анализов по костям человека из погребений эпохи ранней бронзы курганной группы «Кёнделенская I»

Комплекс	**Шифр лаб.**	**Дата BP**	**Дата BC cal (68.2% prob.)**
Кёнделенская I 422/10	Poz-95828	4550±35	**3365–3121**
Кёнделенская I 422/11	Poz-95829	4515±53	**3347–3114**
Кёнделенская I 422/11а	Poz-95830	4510±40	**3343–3109**
Кёнделенская I 425/8б	Poz-95884	4480±40	**3331–3095**
Кёнделенская I 426/11	Poz-95887	4600±40	**3498–3341**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анфимов И.Н., 1986. Отчет о раскопках курганов на землях колхоза им. Калинина Красноармейского района Краснодарского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 6123.

Бабенко В.А., 2001. Отчет о раскопках курганного могильника «Барханчак-2» в окрестностях г. Ипатово Ипатовского района Ставропольского края в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 26055–26056.

Батчаев В.М., 1984. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. С. 112–163.

Батчаев В.М., 1999. Отчет о новостроечной археологической экспедиции 1999 года в Предгорном районе Ставропольского края (курганный могильник «Горячеводский-1») // Архив ИА РАН. Р-1 № 23467–23468.

Батчаев В.М., 2002. Отчет об археологических экспедициях 2002 года (Железноводск, Прогресс, Горячеводск) // Архив ИА РАН. Р-1 №№ 27311–27312.

Березин С.Я., 2013. Отчет о раскопках кургана № 3 курганного могильника «Бородыновка – 3» на территории г. Железноводска Ставропольского края в 2013 году // Архив ИА РАН. Р-1 № 42329, 42330.

Березин Я.Б., 2000. Отчет о раскопках курганного могильника «Иноземцево-1» на территории г. Железноводска Ставропольского края в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 24526–24528.

Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек (1-я и 3-я группы) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. I. Нальчик. С. 7–87.

Бианки А.М., Днепровский К.А., 1988. Об одном из вариантов погребального обряда майкопской культуры // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. С. 71–85.

Гей А.Н., 1989. Хозяйственные структуры и этнические процессы у племен энеолита – бронзового века Северо-Западного Предкавказья (к постановке проблемы) // Первая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар. С. 10–13.

Гей А.Н., 1991. Майкопско-новосвободненский феномен в структурном и динамическом аспектах // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы: Тез. докл. Л. С. 31–34.

Гей А.Н., 2008. Погребальные памятники майкопской культуры в низовьях Кубани // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева. М. С. 177–195.

Державин В.Л., Тихонов Б.Г., 1980. Новые погребения майкопской культуры в Центральном Предкавказье // КСИА. Вып. 161. М. С. 76–79.

Днепровский К.А., Лопатин Н.В., 2010. Курган 1 Чернышевского I курганного могильника в Адыгее // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. Луганск. С. 92–136.

Иессен А.А., 1941. Река Баксан, 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Л. С. 220–236.

Калмыков А.А., 2000. Отчет о раскопках курганного могильника «Золотаревка-1» в Ипатовском районе Ставропольского края в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-1 №№ 43015–43021.

Канторович А.Р., Маслов В.Е., 2009. Раскопки погребения майкопского вождя в кургане близ станицы Марьинской (предварительная публикация) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь. Вып. IX. С. 83–124.

Клещенко А.А., 2014. Отчет о раскопках курганов № 422, 423, 424, 425 и 426 Курганной группы «Кёнделенская Первая», расположенной на территории Баксанского и Эльбрусского районов Кабардино-Балкарской Республики в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 50131–50136.

Клещенко А.А., 2015. Курганы эпохи бронзы Центрального Предкавказья // Институт археологии: новые экспедиции и проекты. М. С. 28–29.

Клещенко А.А., 2017. Курганная группа «Кёнделенская-I»: эталонный памятник северокавказской культуры // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: Сб. науч. тр. Барнаул. С. 476–477.

Клещенко А.А., Атабиев Б.Х., 2016. Исследование курганной группы Кёнделенская I в Эльбрусском и Баксанском районах Кабардино-Балкарской Республики // АО 2014 года. М. С. 232–234.

Козаев П.К., 1993. Отчет об археологических раскопках курганов у с. Сунжа Пригородного района РСО-Алания в 1993 году // Архив ИА РАН. Р-1 № 22680–22681.

Кореневский С.Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-но-

восвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.

Кореневский С.Н., 2005. Северная Кумо-Манычская периферия майкопско-новосвободненской общности // IV Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар. С. 136–140.

Кореневский С.Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья: типология, историко-культурный контекст. М.

Кореневский С.Н., 2012. Новые источники о курганном обряде энеолита – раннего периода бронзового века из Ставрополья // Проблемы археологии Кавказа. Вып. 1. М. С. 22–49.

Кореневский С.Н., 2014. Рец. на: Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб., 2012 // РА. № 2. С. 171–176.

Кореневский С.Н., 2015. Могильник «Клады» и дискуссия об интерпретации его материалов // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир–Краснодар. С. 5–39.

Кореневский С.Н., Атабиев Б.Х., Аккизов А.Я., Хашироков А.Х., 2008. Майкопские погребения кургана 1 на р. Кудахурт в Балкарии // Археология Кавказа и Ближнего Востока : сб. к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева. М. С. 123–155.

Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М.

Кореневский С.Н., Днепровский К.А., 2003. Погребения эпохи раннего бронзового века под курганами Уашхиту I // КСИА. Вып. 214. М. С. 83–93.

Кореневский С.Н., Калмыков А.А., 2003. Новые данные о курганах эпохи энеолита и ранней бронзы севера степного Ставрополья // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМе. Ч. 1. М. С. 70–74.

Кореневский С.Н., Ростунов В.Л., 2004. Большие майкопские курганы у с. Заманкул // Памятники археологии и древнего искусства Евразии: Сб. ст. памяти В.В. Волкова. М. С. 146–167.

Кореняко В.А., 1977. Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции ИА ИАН СССР в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 7223.

Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1941. Долинское поселение у г. Нальчика // МИА. Вып. 3. Л. С. 147–212.

Крупнов Е.И., 1950. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // Ученые записки Кабардинского НИИ. Том V. Нальчик. С. 195–275.

Крушкол Ю.С., 1963. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе Краснодарского края в 1963 году // Архив ИА РАН. Р-1 № 2780.

Ловпаче Н.Г., 1985. Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. С. 16–64.

Ловпаче Н.Г., Дитлер П.А., 1988. Псекупское поселение № 1 // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. С. 105–139.

Максименко В.Е., 1973. Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону // СА. № 1. С. 249–254.

Мизиев И.М., 1984. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. С. 88–111.

Мизиев И.М., Бетрозов Р.Ж., 1972. Отчет о раскопках курганов на реках Чегем и Баксан в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 4758.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

Нехаев А.А., 1984. Отчет работе Адыгейской археологической экспедиции Адыгейского областного краеведческого музея на территории Красногвардейского и Майкопского районов Адыгейской АО Краснодарского края в 1984 году // Архив ИА РАН. Р-1 № 10588.

Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе. С. 18–80.

Петренко В.Г., 1976. Отчет о раскопках Ставропольской экспедиции летом 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 6824.

Попова Т.Б., 1963. Дольмены станицы Новосвободной. М.

Резепкин А.Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.

Сорокина И.А., Орловская Л.Б., 1985. Отчет о работе Мингрельского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 11148.

Трифонов В.А., 1991. Особенности локально-хронологического развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы: Тез. докл. Л. С. 25–29.

Трифонов В.А., 2003. Майкопская керамика с «пролощеным» орнаментом // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМе. Ч. 1. М. С. 74–77.

Трифонов В.А., 2014. Западные пределы распространения майкопской культуры // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 16. №3. С. 276–284.

Челышев С.М., 2014. Отчет о проведении научно-исследовательских работ на памятнике археологии «Псыгансуевские третьи курганы. Курганы 6, 7», осуществлявшихся отрядом ООО «Археологическое наследие» на территории Урванского района Кабардино-Балкарской Республики в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 46197, 46198.

Чеченов И.М., 1984. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. I. Нальчик. С. 164–233.

Чеченов И.М., Батчаев М.М., 1975. Отчет о раскопках II группы курганов эпохи бронзы у села Чегем II в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 6277.

Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.) // Труды ГИМ. Вып. 165. М.

Яковлев А.В., Самойленко В.Г., 2003. Новые погребения с майкопской керамикой на северо-востоке Ставрополья // КСИА. Вып. 214. М. С. 74–83.

Rassamakin Ju.Ja., 2004. Die nordpontishche Steppe in der Kupferzeit. T. 1 und 2. Meinz.

Rezepkin A.D., 2000. Das Frühbronzezeitlicht Graberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukazien // Archäologie in Eurasien. Bd. 10. Rahden.

A.A. Kleschenko

RECENT EXCAVATIONS OF MAYKOP GRAVES IN THE BAKSAN GORGE AND THEIR INTERPRETATION

Abstract. The paper reports on Early Bronze Age (Maykop culture) materials discovered by the excavations of the Kyondelenskaya I kurgan group in Kabardino-Balkaria in 2014. In total, seven graves and one funerary assemblage as well as stone structures were excavated in four kurgans. The paper also attempts to analyze the materials obtained from the position of a contemporary corpus of sites (more than 150 burial sites with not less than 330 kurgans and roughly 710 graves). The study of these materials allow us to conclude close resemblance of Kyondelen kurgan group funerary rites with traditions of Ciscaucasia steppe zone, with specifically local elements also present. Analogies of the most impressive ceramic forms such as beakers and small amphorae with burnished ornament also appear to attest to contacts with the steppe areas. As a separate issue, the correlation of the later ceramic forms with the so called Psekups variant of the Maykop culture is questioned. Radiocarbon dating puts the time when the Kendelenskaya graves were made within the middle – last third of IV mill. BC.

Keywords: Ciscaucasia; Kabardino-Balkaria; Kyondelen; kurgans; Early Bronze Age; Maykop culture; funerary rite; grave offerings.

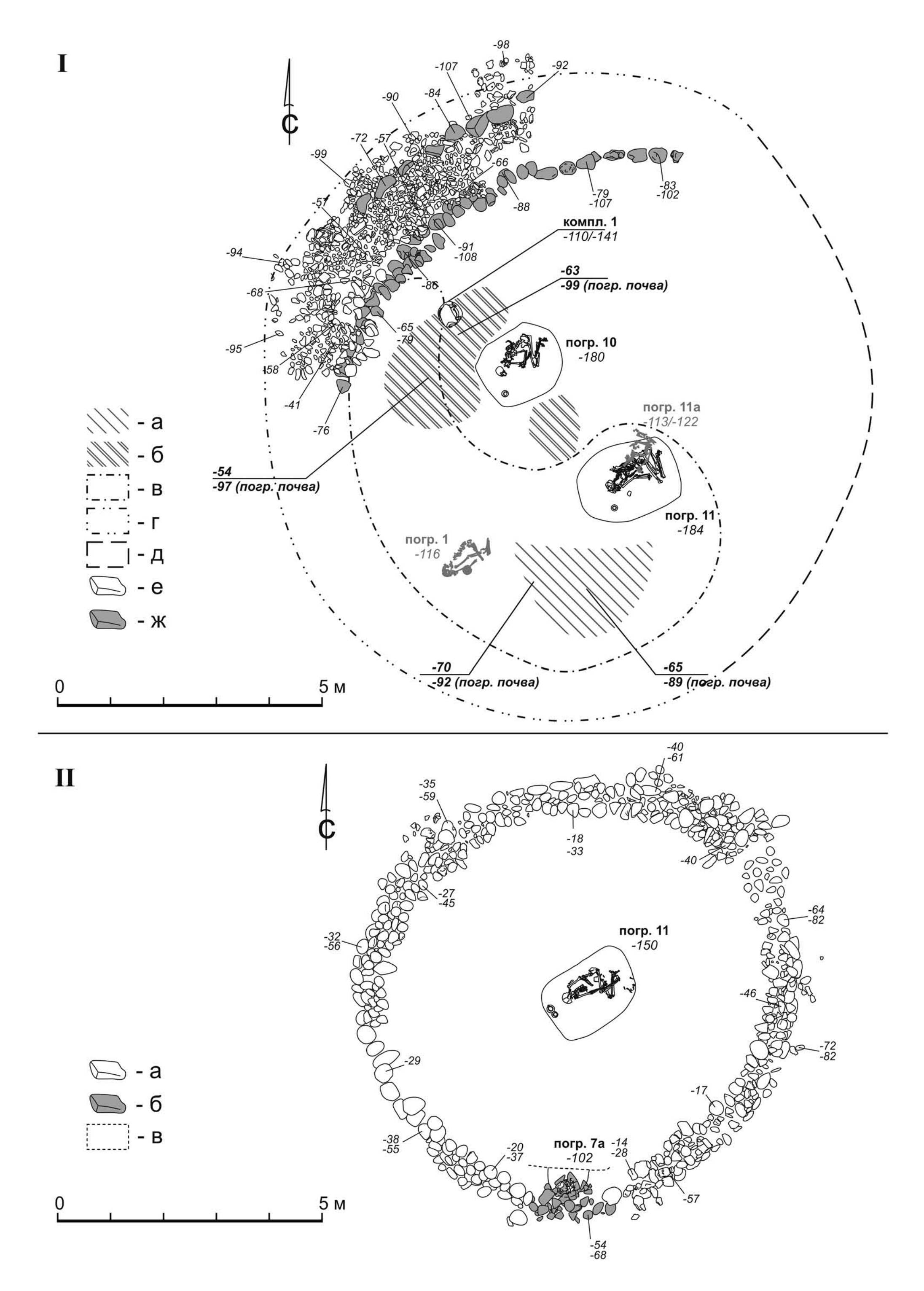

Рис. 1. Планы курганов с комплексами и конструкциями эпохи ранней бронзы курганной группы «Кёнделенская I»

I – Курган № 422: *а* – материковый выкид из основного погребения № 11; *б* – материковый выкид из впускного погребения № 12; *в* – зафиксированные границы насыпи № 1; *г* – зафиксированные границы насыпи № 2; *д* – реконструируемые границы насыпи № 2; *е* – камни конструкции № 1; *ж* – камни основания конструкции № 1; *II* – Курган № 426: *а* – камни конструкции № 5; *б* – часть каменной конструкции № 5, разрушенная при сооружении погребения № 7а; *в* – границы северокавказского погребения № 7, разрушившего погребение № 7а

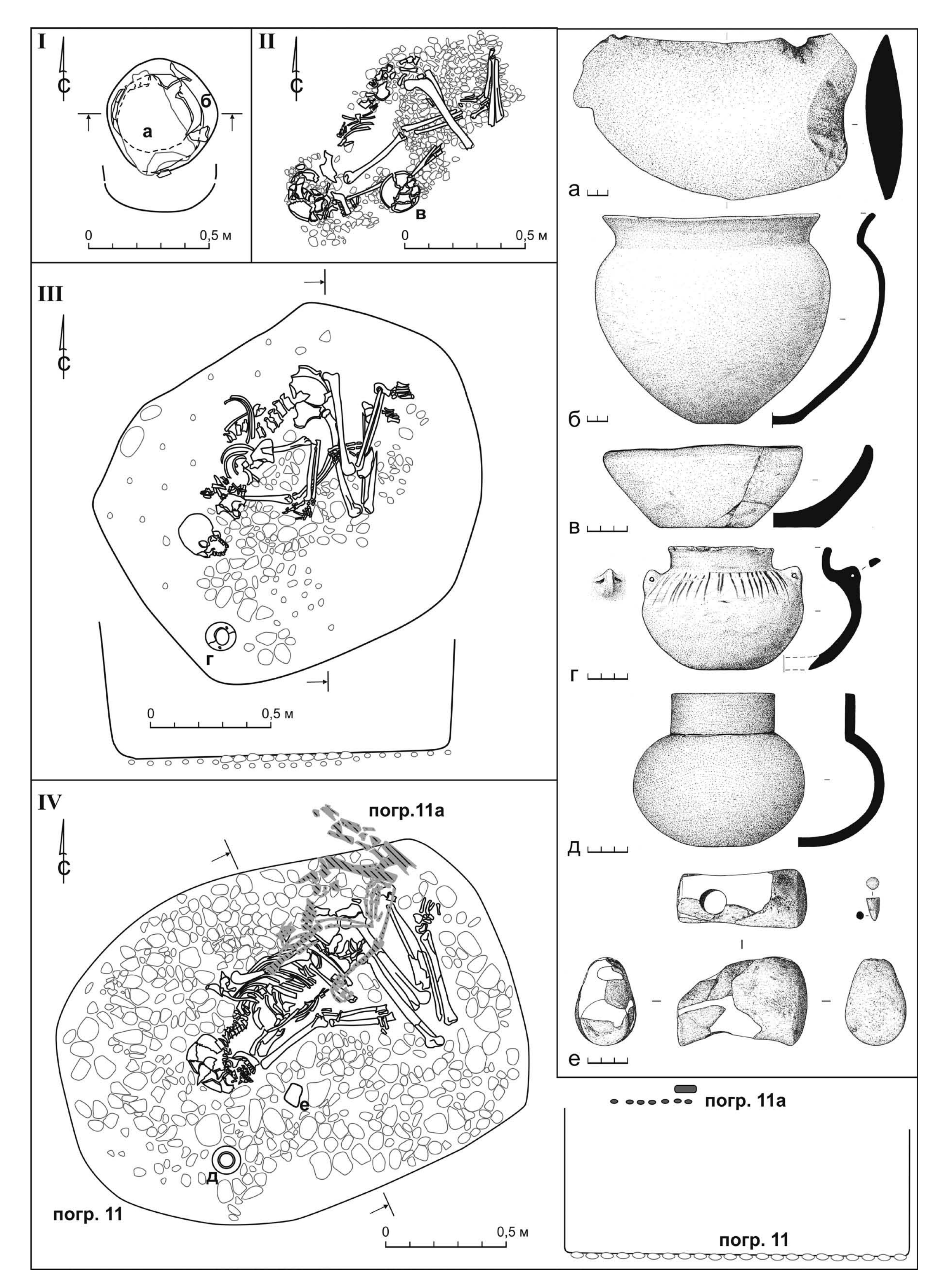

Рис. 2. Комплексы эпохи ранней бронзы из кургана № 422 курганной группы «Кёнделенская I»
I, а, б – комплекс 1; *II, в* – погребение № 1; *III, г* – погребение № 10; IV, *д, е* – погребения № 11 и 11а (*а* – каменная крышка; *б, в, г, д* – керамические сосуды; *е* – костяной молоток)

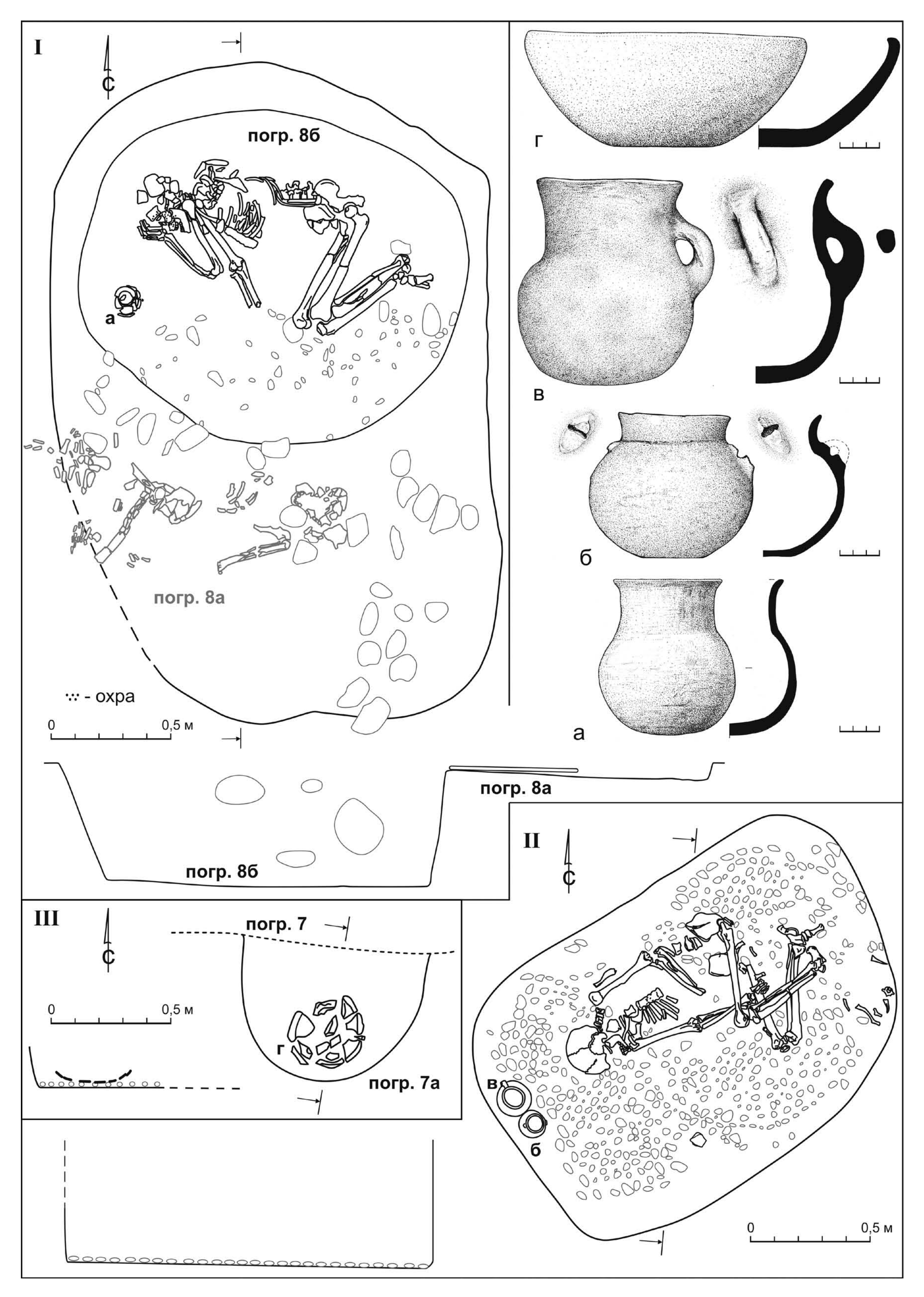

Рис. 3. Комплексы эпохи ранней бронзы из курганов № 425 и 426 курганной группы «Кёнделенская I» *I, а* – курган 425 погребения № 8а и 8б; *II, б, в* – курган 426 погребение № 11; *III, г* – курган 425 погребение № 7а (*а–г* – керамические сосуды)

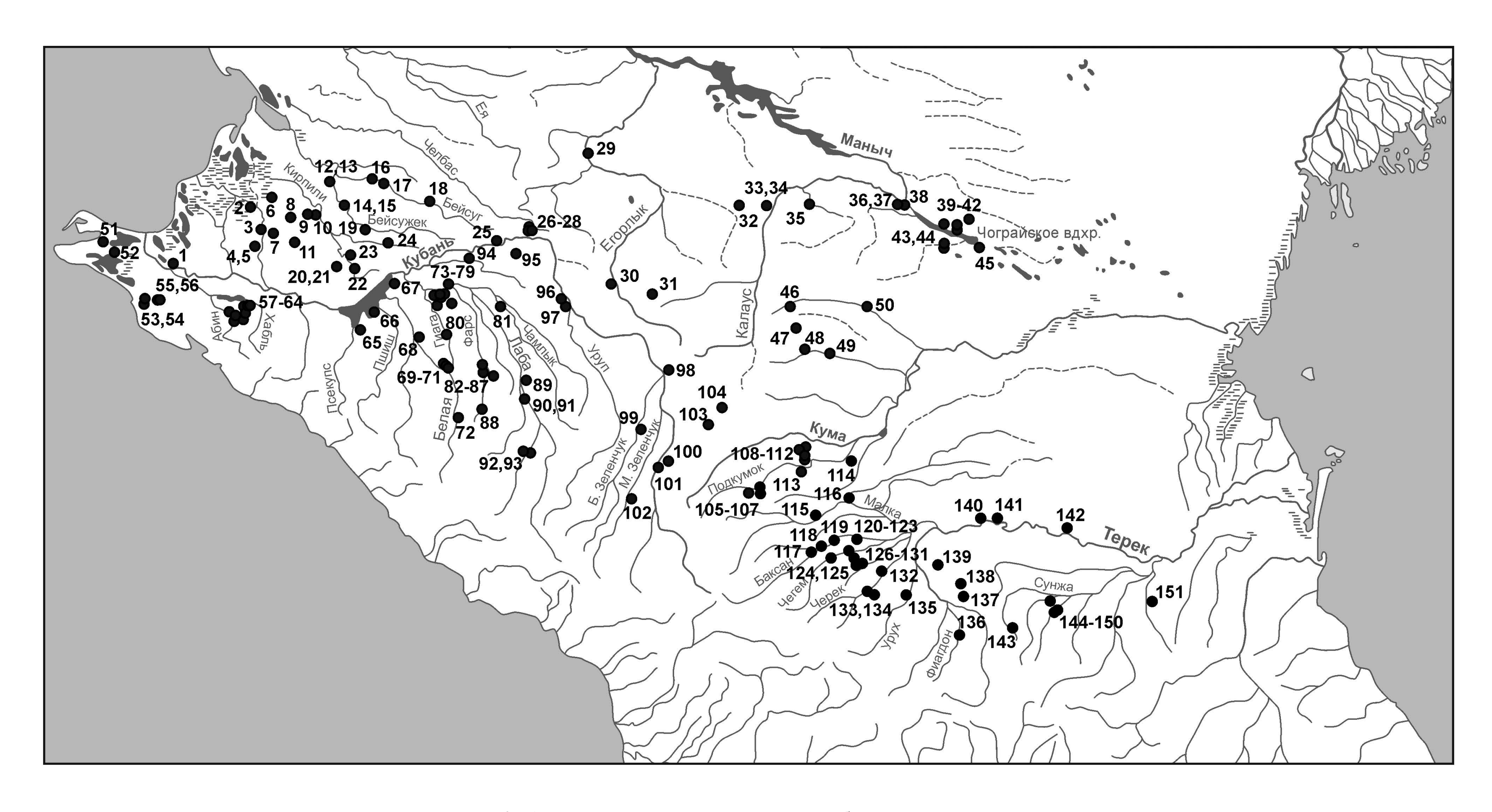

Рис. 4. Карта памятников эпохи ранней бронзы Предкавказья

В скобках указано количество курганов / погребений

Прикубанье: *1* – Коржевский (2/5); *2* – Лебеди IV (3/4); 3 – Крупской (1/1); *4* – Старонижестеблиевская (1986) (2/8); *5* – Старонижестеблиевская (1988) (2/4); *6* – Греки I (1/3); *7* – Павлоград (1/1); *8* – Олений (2/4); *9* – Днепровская I (2/10); *10* – Тимашевский (1/2); *11* – Найдорф (1/1); *12* – Брюховецкая II (1/1); *13* – Брюховецкая (1992) (1/4); *14* – Новокорсунская (1985) (1/7); *15* – Новокорсунская (1990) (1/1); *16* – Батуринский II (1/4); *17* – Анапская (1/1); *18* – Первомайский (1/2); *19* – Пролетарский (1986) (1/1); *20* – Белевцы I (1/1); *21* – Белевцы II (1/2); *22* – Динская (1/2); *23* – Пластуновский I (2/15); *24* – Раздольная (1/2); *25* – Казанская (1/2); *26* – КРОС (166 га) (1/2); *27* – Заветы Ильича (1/1); *28* – Хоперская (1/1);

Северное и Центральное Ставрополье: *29* – Летницкое (1/1); *30* – Левоегорлыкский III (1/2); *31* – Новомарьевский (1/1); *32* – Золотаревка I (1/2); *33* – Б. Ипатовский к. (1/5); *34* – Ипатово V (1/3); *35* – Айгурский II (1/4); *36* – Шарахалсун III (1/1); *37* – Шарахалсун VI (3/6); *38* – Дамба-Калаус I (1/1); *39* – Зунда-Толга I (2/5); *40* – Чограйский VI (1986) (1/1); *41* – Восточный Маныч Левый берег III (3/3); *42* – Маджикины I (1/1); *43* – Чограй I (1/2); *44* – Чограй II (1/2); *45* – Чограйский I (1/1); *46* – Ореховка (1/1); *47* – Калиновский (3/3); *48* – Жуковский II (2/2); *49* – Китаевка (1/1); *50* – Спасское (1/комплекс); Западное Закубанье: *51* – Кепы (1/1); *52* – Старотитаровская (№4960Б) (1/25); *53* – Рассвет (4/5); *54* – Бужор (1/2); *55* – Натухаевский III (2/3); *56* – Натухаевский IV (грунт./12); *57* – Общественный I (2/3); *58* – Общественный I (4/13); *59* – Бугундырь IV (1/1); *60* – Бугундырь VI (2/4); *61* – Пролетарий (1/1); *62* – Мингрельский II (2/2); *63* – Ястребовский (1/1); *64* – Абинский (472 км) (7/7);

Центральное и Восточное Закубанье: *65* – Псекупский (грунт./14); *66* – Тауйхабль (грунт./1); *67* – Красногвардейское (1/8); *68* – Белореченская (разрушенный курган) (1/1); *69* – Синюха (1/3); *70* – Майкопский курган (1/2); *71* – курган близ Майкопа (1/1); *72* – Скала (грунт./1); *73* – Воздвиженская (1/2); *74* – Веселый (2/5); *75* – Мокрый Назаров (1/2); *76* – Уляп (3/10); *77* – Чернышевский I (1/3); *78* – Чернышевский II (1/3); *79* – Уашхиту I (2/9); *80* – Келермесская (6/25); *81* – Михайловский (1/1); *82* – Погуляево I (1/2); *83* – Костромская III (1/1); *84* – Костромская IV (1/3); *85* – Разменный (1/2); *86* – Ярославская (1/1); *87* – Махошевская (1/1); *88* – Новосвободная-Клады (25/96); *89* – Владимирский (3/8); *90* – Мостовская (у АЗС) (1/4); *91* – Андрюковская (1/1); *92* – Псебайская (1/1); *93* – Зиссерманов (1/1); *94* – Венцы Заря (3/5); *95* – Новокубанск (1/1); *96* – Армавир (1/2?); Верхняя Кубань: *97* – Невиномысский VI (1/1), *98* – Ипподромный (2/2), *99* – Беслeней (1/1), *100* – Усть-Джегутинский (19/19), *101* – Кубина (1/1), *102* – Кардоник (1/1)

Кавминводы и прилегающие районы: *103* – Воровсколесская XIV (1/1); *104* – Курсавский III (1/2); *105* – Нежинский II (2/3); *106* – Кисловодск (у АЗС); *107* – Лермонтовская скала; *108* – Бородыновка III (1/1); *109* – Иноземцево I (2/3); *110* – Иноземцево (1976) (1/1); *111* – Бештау (1/1); *112* – Энергетик III (1/1); *113* – Горячеводский I (2/5); *114* – Георгиевская станица (1/1); *115* – Камлюко (1/1); *116* – Марьинская V (1/6);

Долины Баксана, Чегема, Нальчика и Черека: *117* – Кёнделенская I (3/7); *118* – Заюково (1/2); *119* – Кызбурун III (1/1); *120* – Кишпек 1-я группа (4/4); *121* – Кишпек 2-я группа (3/5); *122* – Кишпек 3-я гр. (2/3); *123* – Б. Кишпекский к. (1/9); *124* – Лечинкай (5/10); *125* – Лечинкай (1985) (1/3); *126* – Чегем I (21/23); *127* – Чегем II (11/14); *128* – Чегем II 2-я гр. (4/4); *129* – Нартан (5/6); *130* – Шалушка (1/2); *131* – Нальчикская гробница (1/1); *132* – Псыгансу III (2/41); *133* – Кудахурт (1/2); *134* – Кашхатау (1/комплексы);

Верхний и Средний Терек: *135* – Старый Урух (2/2); *136* – Дзуарикау (2/5); *137* – Брут (1/1); *138* – Заманкул (3/3); *139* – Верхний Акбаш (1/1); *140* – Моздок (1936) (1/1); *141* – Комарово (1/4); *142* – Мекенская (2/2); Бассейн Сунжи: *143* – Сунжа (16/17); *144* – Бамут (18/21); *145* – Бамутские сады 2-я группа (1/1); *146* – Бамутские сады 3-я гр. (1/2); *147* – Бамутский поворот (2/2); *148* – Ассиновская (6/11); *149* – Орджоникидзовский (1/2); *150* – Самашкинский (2/2); *151* – Бачи-Юрт (1/2).

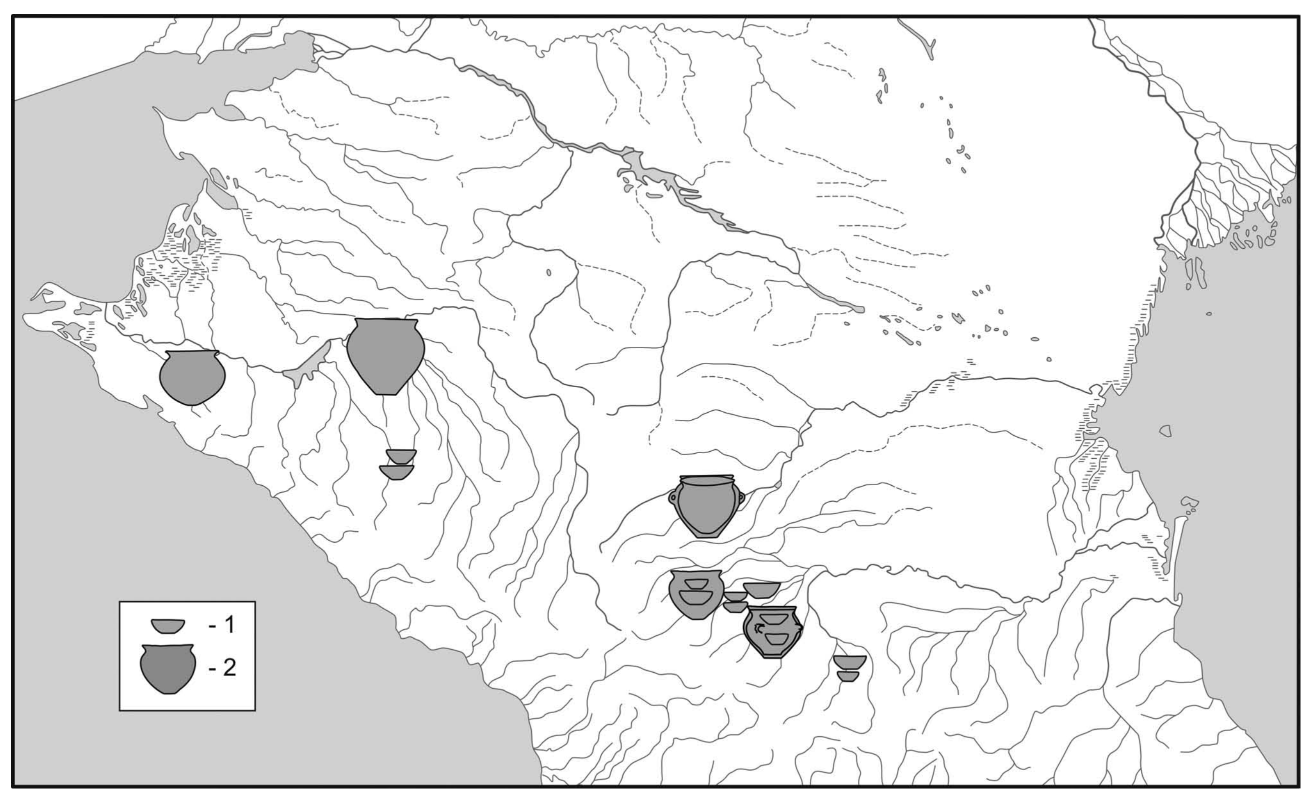

Рис. 5. Ареал аналогий керамическим сосудам из курганной группы «Кёнделенская I»: миски (*1*) и котлы (*2*)

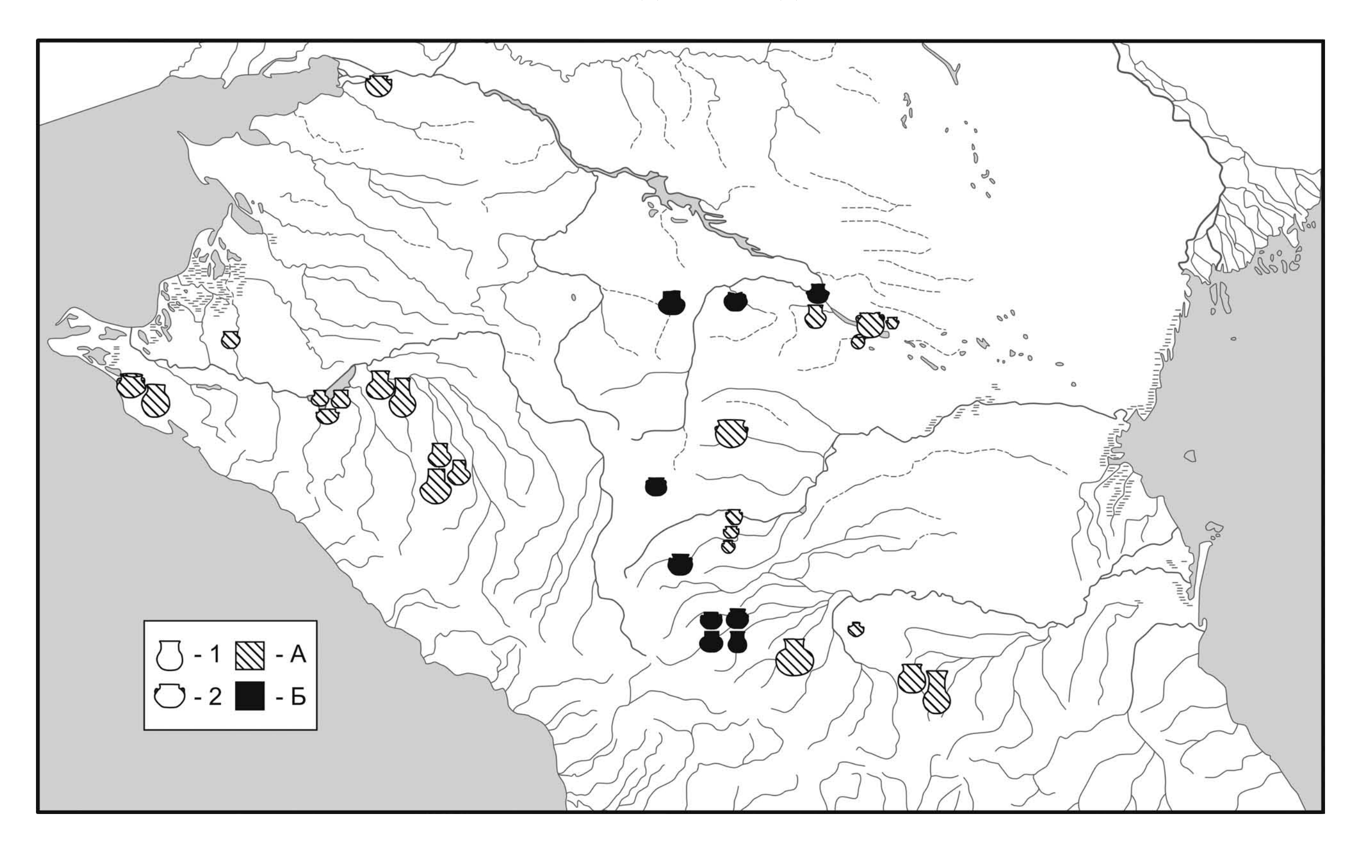

Рис. 6. Ареал аналогий керамическим сосудам из курганной группы «Кёнделенская I»: кубки (*1*) и амфорки (*2*); *А* – неполные аналогии, *Б* – полные аналогии

С.Н. Кореневский, Н.Я. Березина, Я.Б. Березин, Ю. Граски

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПРОТОЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ НА СТАВРОПОЛЬЕ[1]

***Резюме*. С**татья представляет материалы пяти погребений эпохи халколита. Эти материалы выявлены в результате раскопок, проведенных С.Я. Березиным в 2009–2010 гг. могильника Прогресс-2, который расположен в Кировском районе Ставропольского края, исследованиями А.А. Калмыкова в 2010г. могильника Константиновский-1, и раскопками Я. Б. Березина 2013 г. курганного некрополя Константиновский-6 у г. Пятигорска. В работе приводятся описания погребений, включая антропологические определения. Публикуемые материалы датируются второй половиной V тыс. до н.э. В связи с редкой встречаемостью курганов этого времени, данная информация представляет большой интерес для характеристики эпохи начала халколита в Центральном Предкавказье.

Ключевые слова: Центральное Предкавказье; ранний халколит; протоямная культура; антропологические определения.

Проблема изучения древнейших курганов в Предкавказье имеет большой научный интерес для реконструкции историко-культурных процессов на юге Восточной Европы и к северу от Большого Кавказского хребта в период раннего халколита. Возведение древнейших курганов в Предкавказье связано с протоямной культурой Восточной Европы. Эти курганы датируются, в основном – во второй половиной V тыс. до н.э. (Кореневский, 2012. С. 61–68).

Таких комплексов известно мало, однако раскопки даже небольшой серии могут привлечь внимание в качестве материала для пополнения сводки источников, а также для уточнения уже сделанных выводов. В данной статье также приводятся антропологические определения, часть из которых была ранее издана в различных публикациях в отечественной литературе и за рубежом (Gresky, Berezina, 2012; Gresky et al., 2016).

В 2009–2010 гг. археологическим отрядом ГУП «Наследие» под руководством С.Я. Березина[2] проводились раскопки курганного могильника «Прогресс-2» в Кировском районе Ставропольского края. Раскопки носили охранный характер, было исследовано 5 курганов. Могильник расположен у выхода реки Малка, крупнейшего левого притока реки Терек, на плоскость, фактически, на стыке равнинной и предгорной зон. В двух курганах, № 1 и 2, основными погребениями были древнейшие подкурганные захоронения Предкавказья, связанные с культурой степного энеолита.

[1] Антропологические исследования проведены при поддержке РГНФ № проекта 16-21-19000

[2] Авторы приносят искреннюю благодарность С.Я. Березину за возможность публикации материалов из его раскопок.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.155-178

Могильник Прогресс-2[3]

Курган № 1. В кургане удалось зафиксировать три насыпи. Последняя из них уверенно связывается с эпохой средней бронзы. Вторая, скорее всего, относится к этому же периоду. Самая ранняя насыпь была связана с погребением № 37. Ее параметры довольно скромны, высота порядка 0,50 м, диаметр не более 15 м. Она была выполнена из чистой гумусированной супеси. Очень осторожно можно предположить, что вершина насыпи была горизонтальной. В то же время не исключено, что она была просто срезана при сооружении большой каменной конструкции, расположенной в центре кургана и связанной с двойным погребением № 34–35, относящимся к эпохе средней бронзы.

Связь этой насыпи с погребением хорошо видна в восточном профиле западной бровки кургана. Выкид из погребения не зафиксирован, но это объясняется тем, что грунт предматерика (слой между черноземом и материковым гравием) не отличался от грунта первой насыпи. При совершении захоронения могильная яма не углублялась в материковую речную гальку, использованную как дно ямы.

Погребение № 37 (рис. 1). Обнаружено после снятия каменной конструкции и выборки грунта до материка по пятну заполнения. Располагалось в центральной части кургана к западу от оси центральной бровки. Ось западной бровки проходила вплотную к западной стенке ямы на отметке 0,8м Ю. Пятно заполнения овальной формы, вытянуто по оси запад–восток, заполнение – черноземный грунт с примесью гравия.

Погребальная яма овальной формы была выполнена в материковом гравии, стенки вертикальные, длина ямы 1,9 м, ширина 1,46 м, глубина от R 2,45–2,5 м, дно ровное.

Погребение одиночное. Представлено костяком взрослого человека, располагавшегося на спине с поднятыми вверх в согнутых коленях ногами, головой на северо-восток. Костяк плохой сохранности, раздавлен грунтом и частично истлел. Череп раздавлен грунтом, вероятно, располагался на основании. Грудная клетка и кости таза в положении на спине. Руки вытянуты вдоль костяка, кисть левой руки лежала на верхней части левой бедренной кости. Ноги первоначально располагались коленями вверх, впоследствии они завалились налево, но при этом кости стоп непосредственно соприкасаются с дном могильной ямы.

Костяк был довольно густо засыпан красной охрой. У северной стенки выявлено округлое пятно древесных углей, диаметром около 0,3 м, прокала грунта под ним не отмечено (рис. 1).

У кисти правой руки (возможно, первоначально, в сумочке) находились: кремневая ножевидная пластина, кремневое тесло и кремневый отщеп. На середине предплечья левой руки находился кремневый наконечник копья (?).

Кремневая ножевидная пластина светло-коричневого цвета, в сечении трапециевидная. Длина 12,2 см, наибольшая ширина 2,9 см. По краям заметна ретушь (рис. 2, *1*).

Кремневый отщеп светло-серого пятнистого цвета. В сечении подтреугольной формы, концы и грани предмета носят следы использования. Длина 6,7 см, наибольшая ширина 2,3 см, толщина 1,3 см (рис. 2, *2*).

Кремневое тесло, цвет темно-серый со светлыми включениями. В плане подтреугольной формы, одна из граней заточена и отполирована, остальная поверхность обработана крупной ретушью. Длина 7,3 см, ширина 4,3 см, толщина 1,6 см (рис. 2, *3*).

Кремневый наконечник (стрелы? дротика? копья?), в плане подтреугольной формы, края основания слегка опущены, поверхность обработана крупной ретушью и слегка затерта. Острие и один из концов основания обломаны. Длина 5 см, сохранившаяся ширина основания 2,5 см, толщина 0,7 см (рис. 2, *4*).

Погребенный человек – взрослый/пожилой мужчина, рослый, с хорошим развитием мускулатуры. Наличие эмалевой гипоплазии указывает на периоды физиологического стресса в детском возрасте (Бужилова, 1995; Бужилова и др., 1998). Это могли быть как временная нехватка пищевых ресурсов, так и заболевания, которые привели к приостановке формирования эмалевого покрытия коронки зуба в период ее возникновения. Мощное развитие зубного камня может быть следствием употребления вязкой пищи белкового или углеводного состава (рис. 3, *1*). На первых верхних молярах отмечаются травмы эмали, которые, судя по внутреннему расположению крупного скола, образовались скорее за счет укуса чего-либо твердого (например, разгрызания ореха), чем в связи с травмой, полученной в драке (рис. 3, *2*). Интерпроксимальные бороздки на

[3] В статье: Кореневский С. Н. Древнейшие катакомбы и символика орудий ударного действия у племен начала медно-бронзового века понто-предкавказских степей // КСИА. № 245, ч. 1. С. 105–119 допущена опечатка. На стр. 107 в подписи к рис. 1, 11–14, на стр. 109 3-й абзац сверху 8-я строка сверху и на стр. 110 Таблица 2 № 17 вместо комплекс Прогресс-2 к. 4 п. 12 следует читать Прогресс-2 к.1 п. 37. Пользуемся случаем исправить эти недочеты.

зубах, возможно, связаны с применением «зубочисток» для удаления волокон пищи из межзубного пространства.

В течение длительного времени индивид испытывал последствия хронического воспалительного процесса в сагиттальном синусе, лобном и верхнечелюстном синусах черепа.

Состояние суставных поверхностей сохранившихся позвонков позвоночного столба позволяет сделать вывод о высокой физической нагрузке индивида, это подтверждается выраженным рельефом мест прикрепления мышц на костях верхних и нижних конечностей, сосцевидных отростках и выйных линиях черепа. Вероятно, физическая активность носила «мирный характер», так как практически отсутствуют травмы, кроме возможного перелома одного из нижних ребер.

Множественное окостенение связок позвоночника (рис. 3, *3*) и костей конечностей может быть вызвано как патологическими возрастными процессами, так и заболеваниями аутоиммунного ряда, для которых одним из характерных признаков является анкилоз крестцово-подвздошного сустава (рис. 3, *4*).

Курган № 4. Небольшая высота кургана (0,30 м) в сочетании с длительной механизированной распашкой привели, к сожалению, к практически полной утрате стратиграфической информации. Тем не менее, ясно, что курган начинался с погребений № 9 и 12. Они наиболее древние, расположены в центре кургана, практически рядом одно с другим, расстояние между стенками не превышало 0,40 м. Учитывая, что в захоронениях было найдено по фрагменту керамики от одного и того же сосуда, можно быть уверенным, что они были совершены одновременно или через очень небольшой промежуток времени (рис. 4).

Погребение № 9. Располагалось в центральной части кургана, на оси центральной бровки, под репером. Было обнаружено по пятну погребения при расчистке западного профиля центральной бровки. Полностью пятно было оконтурено после сноса участка бровки. Пятно прямоугольной формы, с черноземным заполнением, хорошо выделялось на фоне материкового галечника.

После выборки грунта заполнения выявилась яма прямоугольной формы, со скругленными углами, ориентированная более длинной стороной по линии запад–восток. Стенки ямы на прослеженном участке вертикальные, дно неровное, бугристое. Дно и стенки выполнены в материковом галечнике. Наибольшие размеры: длина 1,84 м, ширина 1,05 м, глубина 1,3 м от R.

Погребение одиночное. Костяк взрослого человека располагался на спине, с поднятыми вверх в согнутых коленях ногами, головой на восток. Череп сильно раздавлен грунтом, располагался на основании. Кости грудной клетки, позвоночника и таза находились в положении «на спине». Позвоночный столб несколько сместился в результате завала ног, что произошло, очевидно, до распада связок (рис. 5). Руки были вытянуты вдоль корпуса, кисть правой руки не сохранилась, кисть левой находилась на тазобедренном суставе левой ноги. Ноги упали коленными сгибами на север, ступни частично разрушены норой.

Практически по всему дну ямы встречалась темно-красная охра. Весь костяк обильно окрашен. Особо обильные пятна на плечевых, локтевых суставах, около середины бедренных костей.

В погребении находилось: у южной стенки ямы – кремневая ножевидная пластина, у костей черепа – фрагмент керамики и под черепом костяная пронизка.

Кремневая ножевидная пластина темно-серого цвета, в сечении трапециевидная. Длина 14 см, ширина 2,1 см. В средней части с одной стороны пластины сделана небольшая выемка, вероятно для удобства использования. По краям заметна грубая ретушь (рис. 5, *2*).

Костяной предмет – пронизка. Выполнен из трубчатой кости. Длина 2,9 см, диаметр одного отверстия 0,9 см, второе отверстие уплощено и немного шире – 1,2 × 0,8 см. На внешней поверхности спиралевидный прорезной орнамент (рис. 5, *3*).

Фрагмент керамического сосуда светло-серого цвета. Размерами 6,3 × 5,5 × 0,6 см. Керамика качественная, плотная, с вкраплениями в тесте мелкозернистого песка со слюдой (?). Данный фрагмент состыковывается с таким же фрагментом сосуда из погребения № 12, т.е. являлись фрагментами одного сосуда (рис. 5, *4*).

Погребенный – молодой мужчина, выше среднего роста, занимавшийся активной физической деятельностью, но не выделявшийся наличием специфических травм и патологий. В детском возрасте, возможно, у него были периоды неполноценного питания, что привело к развитию cribra orbitalia, являющейся одним из комплекса признаков проявления анемии. Эмалевая гипоплазия выражена слабо и отмечается только на третьем моляре, который формируется поздно – в начале подросткового возраста.

Погребение № 12. Находилось в центральной части кургана, на оси центральной бровки. Оно было частично перекрыто погребением № 13. Обна-

ружено во время зачистки западного профиля центральной бровки, по пятну заполнения ямы. Пятно черноземное, хорошо выделялось на фоне материкового галечника.

В процессе выборки выявилась яма прямоугольной формы, со скругленными углами. Яма была ориентирована точно по линии восток–запад, размеры: длина 2 м, ширина 1,34 м, глубина 1,46 м от R. Заполнение ямы черноземное, с большим количеством гравия и галечника. В заполнении встречались довольно крупные фрагменты темно-красной охры. Дно ровное, практически горизонтальное, представляло собой материковый галечник.

Погребение одиночное. Сохранность костей плохая. Через верхнюю часть грудной клетки погребенного прошла хорошо зафиксированная нора животного. Погребенный человек, мужчина, 25–29 лет, лежал на спине, головой на восток (рис. 4, *1*). Ноги были подняты вверх в согнутых коленных суставах. Череп раздавлен, находился на основании. В затылочной части черепа фиксируется хорошо сохранившаяся трепанация (рис. 3, *5–7*).

Грудная клетка, тазовые кости и позвоночник находились в положении «на спине». Кости ног запали коленными суставами на север. Руки были вытянуты вдоль корпуса. Стопы и кости кистей в правильном анатомическом порядке.

Весь костяк был густо засыпан охрой. На правом крыле таза лежал кусок охры неопределенных очертаний (также раздавлен грунтом), примерно 0,15 м в диаметре и 2–4см толщиной. К северо-западу от черепа лежал фрагмент керамического сосуда светло-серого цвета. Черепок плотный с вкраплениями в тесте мелко-зернистого песка со слюдой (?). Данный фрагмент состыковывается с таким же фрагментом сосуда из погребения № 9. То есть два эти фрагмента принадлежали одному сосуду (рис. 6, *4, 5*). Между предплечьем левой руки и ребрами находилась подтреугольная в сечении кремневая ножевидная пластина темно-серого цвета, лежавшая по линии восток–запад. Ее длина 13,6 см, ширина 2,7 см (рис. 6, *3*).

Погребенный – молодой крупный мужчина. Стрессов, перенесенных в детском возрасте, на костном материале не отмечено. Зубной камень очень слабо выражен. К зубным патологиям можно отнести только интерпроксимальную борозду третьего моляра верхней челюсти, возникшую, возможно при употреблении «зубочистки».

Один хорошо заживший перелом левой локтевой кости, вероятнее всего связан с бытовой травмой. Последствия чрезмерно активного использования пояса правой руки привело к стрессу связочного аппарата с этой стороны, и, возможно, связано с травмой левого предплечья.

Наиболее специфическим признаком для этого индивида является наличие хорошо зажившей двойной трепанации черепа (рис. 3, *5*). Операция была проведена задолго до смерти (рис. 3, *6*) и прошла без осложнений, на внутренней (рис. 3, *7*) и внешней компактных пластинках черепа практически не отмечается следов воспалительной реакции. Ни визуальный осмотр, ни исследования с помощью микрофокусных рентгенограмм не выявили следов травмы или перелома черепа. Подробное исследование этого и других синхронных ему и чуть более поздних индивидов эпохи бронзы с территории современных Ставропольского края и Ростовской области, выявили целую группу индивидов со схожими трепанационными отверстиями (Gresky et al., 2016). Эти отверстия были расположены на сагиттальном синусе или в непосредственной близости от него. Эта область и в настоящее время не является предпочтительной для операций, так как одно из возможных осложнений процедуры – кровотечение из проходящих по синусу сосудов очень сложно остановить. Это дает основания предполагать прекрасную квалификацию человека, который производил операцию.

Радиокарбонная дата погребения MAMS 1121 5305±25 4228–4066 BC (68%) (Gresky et al., 2016).

Могильник Константиновское плато

Курган № 6. Этот курган был расположен в участке яблоневого сада. Его поверхность подвергалась распашке и была засажена деревьями. Максимальная высота кургана на момент раскопок составляла 1,75 м, диаметр равнялся 40 м. В центре кургана была выявлена свежая грабительская яма размерами примерно 2 × 2 м, глубиной до 1,5 м. В стенках ямы и на выбросе из нее зафиксировано много крупных каменных плит от внутрикурганных конструкций.

Учитывая размеры грабительской ямы, проводить бровку через центр кургана не имело никакого смысла, так как в пределах грабительского раскопа стратиграфия насыпи была уничтожена. Поэтому по обе стороны от грабительской ямы были размечены две параллельные бровки, оси которых находились на расстоянии 7 м друг от друга, по линии север–юг. За общую точку R всего кургана был принят репер западной бровки, как более высокий. В дальнейшем бровки будут именоваться «Бровка Запад» и «Бровка Восток».

Грунт насыпи – гумусированный чернозем различных оттенков серого цвета, со значительным количеством известнякового гравия, что соответствует современному верхнему слою почвы. Курган имел несколько слоев. Во всех слоях насыпи в той или иной пропорции присутствует известняковый гравий с примесью желтого песка, который составляет материк для всех курганов на этой территории. Ниже мы приводим краткое описание участка насыпей, связанных с сооружением захоронений № 26 и 28, которые датируются эпохой халколита (рис. 7).

«Бровка Запад».

Западный фас. Общая стратиграфия под точкой R:

− Глубина 0–0,25 м. Насыпь III и слой гумуса. Слой пахоты, черноземный грунт с заметной примесью гравия фиксировался на всем протяжении профиля. На краях профиля накопился слой чернозема, вероятно, стянутого с кургана пахотой.

− Глубина 0,25–1,25 м. Слой насыпи II. Мешаный, светло – коричневый грунт с большой примесью гравия и отдельными его прослойками. Она лежала практически горизонтально на насыпи I, ее вершина срезана вспашкой. Максимально зафиксированная мощность насыпи 1,25 м на точке 2 м С.

− Глубина 1,25–1,85 м. Слой насыпи I. Чистый однотонный серо-коричневый грунт с небольшой примесью гравия. Судя по составу слоя, грунт для сооружения насыпи брали с поверхности. Насыпь фиксировалась (по слою погребенного чернозема) приблизительно между отметками 7,50 м С – 6,20 м Ю. Максимальная мощность насыпи составляла 0,60 м на точке R.

− Глубина 1,85–2,10 м. Слой погребённого чернозема. Фиксировался в виде полосы плотного, темно-серого чистого грунта, практически без гравия. Фиксировался между указанными выше отметками.

− Глубина 2,10–2,35 м. Слой предматерика. Светло-серый гумусированный грунт, светлеющий сверху вниз. По мере углубления количество гравия возрастает, с постепенным переходом в материк.

− Глубина 2,35 м и ниже. Материковый грунт. Известняковый гравий с примесью желтого песка. Слой материка залегал практически горизонтально.

Восточный фас этой бровки также отражает отмеченное выше чередование слоев. Насыпь I была видна хуже, чем в западном профиле, но имела примерно такие же параметры и имела меньшую мощность, порядка 0,50 м в точке 2 м С. Это объясняется тем, что, данный профиль был ближе к краю насыпи.

Между отметками 1,5 м Ю и 0,50 м Ю в профиле располагалась яма погребения № 26 с вертикальными стенками и черноземным заполнением (рис. 1, *2*). Яма пробила погребенный чернозем, предматерик и впущена в материк. На краях ямы зафиксированы небольшие фрагменты выкида, представленные материковым гравием. Его максимальная мощность порядка 0,25 м, северный край выкида срезан ямой погребения № 23. Выкид лежит на погребенном черноземе.

«Бровка Восток».

Западный фас этой бровки повторяет стратиграфию прослеженную ранее. Только насыпь I фиксировалась плохо, частично сливаясь с насыпью II (рис. 7, *В*). Длина насыпи по линии профиля составляет около 17 м., ее сохранившаяся максимальная мощность составила 0,50 м. Насыпь II, напротив, была видна хорошо. Она имела в профиле правильную сегментовидную форму. Ее максимальная толщина составляла 1,25 м. Вершина насыпи затронута распашкой. Насыпь III в центре профиля полностью распахана.

В профиле бровки зафиксирована яма погребения № 28 (рис. 7, *В*), которую перекрывали две крупные плиты известняка. Ее заполнение представляло собой мешаный грунт с преобладанием чернозема. Яма фиксировалась с уровня погребенной почвы. С южной стороны ямы был выявлен выкид мощностью 0,30 м, который лежал на слое погребенной почвы. Состав выкида мешаный, нижние слои черноземные, верхний – материковый щебень.

Восточный фас повторяет стратиграфию прослеженную ранее. Насыпь I имеет максимальную толщину 0,70 м. Длина насыпи I составляет 13 м. Насыпь II четко зафиксирована и перекрывает горизонтальную поверхность насыпи I. Ее максимальная толщина составляет 0,95 м. Насыпь III лежала на насыпи II и на слое погребенного чернозема вне ее. Границы насыпи, как и в остальных случаях, не видны. Ее максимальная толщина составляет 1,50 м.

В профиле зафиксирована часть выкида из погребения № 28. Это полоска известнякового щебня сегментовидной формы. Его максимальная толщина 0,15 м. Выкид лежал на слое погребенной почвы.

Подведем некоторые итоги стратиграфических наблюдений. Во-первых, курганная насыпь 1 была сооружена над двумя захоронениями № 26 и 28. Оба захоронения имели выкиды, сохраненные у края могильной ямы. Насыпь 1 имела в высоту до 1 м. Ее диаметр точно не устанавливается, видимо, он был равен около 16–17 м. Насыпь 1 сооружалась из плодородного поверхностного слоя почвы, что отражает особую магию культа плодородия (рис. 7, *Б*, *В*).

Верхняя часть насыпи была выполнена в виде горизонтальной площадки. Эта площадка была при-

сыпана материковым гравием и вероятно, какое-то время использовалась, так как грунт был несколько утрамбован.

После прекращения использования площадки курган был досыпан. Диаметр насыпи особо не увеличился и был равен примерно 16 м. В высоту насыпь выросла до 1,5 м или несколько более. Досыпка кургана не была связана с каким-то погребением, а ее поверхность была укреплена тонким слоем материкового гравия. Трудно сказать, с каким временем можно связать эти действия. Судя по тому, что на поверхности насыпи II образовался слой чернозема, до начала нового этапа использования кургана в эпоху средней бронзы прошло значительное время. Возможно, обе первые насыпи связаны с эпохой энеолита.

Следующий период использования курганной насыпи относится к III тыс. до н.э. Вокруг уже существующего кургана начали совершаться по круговой системе погребения в каменных ящиках и ямах с заплечиками. Тогда же было построено каменное кольцо кромлеха 1, а затем и кольцо кромлеха 2.

Погребение № 26. Это основное погребение для насыпи I и представляло собой грунтовую яму, сильно поврежденную норами животных. Находилось в центральной части кургана, частично под бровкой «Запад» (рис. 7). Верхние границы погребения были зафиксированы в материке на глубине – 2,48–2,56 м от репера.

Пятно ямы имело овальную форму и ориентировано по линии восток–запад. Яма была заполнена коричневым гумусированным грунтом с большим количеством известнякового гравия и имела форму прямоугольника с сильно скругленными углами. Длина ямы 1,64 м, ширина в средней части 1,15 м. Стенки вертикальные (рис. 8, *1*). В заполнении обнаружено несколько фрагментов керамики, принадлежащих одному сосуду. Впоследствии этот сосуд, во фрагментированном виде, был обнаружен на дне могильной ямы. Дно погребения было зафиксировано на глубине – 2,72–2,76 м от репера.

Погребение парное. Оба погребенных – маленькие дети (рис. 8, *1*). Костяк 1 был расположен у северной стенки. Сохранность костей очень плохая, фактически сохранились только фрагменты черепа и частично фрагменты костей рук. Судя по ним, погребенный человек лежал головой на восток. Другие детали положения скелета не восстанавливаются. От костяка 2 сохранились только следы, скорее всего, он располагался так же, как и первый.

Всё дно погребения покрыто светло-коричневым, с сиреневым оттенком, органическим тленом (тростник?). Оба погребенных находились на сплошных пятнах ярко-красной краски (рис. 8, *1*). Кроме того, крошки красной краски встречались по всей площади ямы, однако это, скорее всего, связано с «деятельностью» землеройных животных.

Инвентарь представлен следующими находками:

– Сосуд керамический. Раздавлен, фрагментирован, находился в северо-восточном углу могильной ямы (рис. 9, *7, 8*). Сосуд не реставрируется. Он лепной, довольно грубой лепки. Поверхность сосуда серо-коричевого цвета, с пятнами копоти. На одном из фрагментов орнамент в виде заштрихованных треугольников.

– Медные нашивки 6 шт. (№ 2). Они находились в зоне шеи костяка 1 (рис. 9, *4*). Подобные нашивки известны в литературе как «скорлупки». Изделия сделаны из тонкого бронзового листа, удлиненно-овальной формы, на более узком конце сквозное отверстие. Длина колебалась от 1,1 см до 1,3 см. Все сильно корродированны, металл фактически не сохранился.

– Пластина ножевидная кремневая. Лежала на предплечье правой руки. Пластина сделана из желтовато-коричневого кремня (рис. 8, *4*). Длина 8 см.

– Браслет на медной основе. Он сохранился плохо (рис. 8, *5*; рис. 9, *2, 3*). Скорее всего, браслет имел полтора или два оборота. Браслет был надет на правую руку в районе локтевого сгиба. Он был сделан из прямоугольного в сечении бронзового прутка, концы браслета заострены. Диаметр украшения около 5 см.

– Медные нашивки в районе костяка 1 (14 шт.). Находились в зоне пояса и лежали плотным рядом с севера на юг (рис. 8, 1). Скорее всего, были нашиты на органическое основание.

– Медные нашивки в районе костяка 2. Находились в пятне охры и лежали плотно, двумя рядами с севера на юг (рис. 8, *3*; рис. 9, *5*).

– Цилиндрические пастовые бусины (бисер), белого и серого цвета, находились рядом с костяком 2 вместе с медными нашивками (рис. 9, *6*). Сохранность бисера плохая, практически все бусины рассыпались при выемке.

Погребение № 28. Представляло собой грунтовую яму в центральной части кургана. Уровень фиксации на глубине материкового слоя – 2,42–2,50 м от репера. В профиле бровки яма не фиксировалась. Погребение было обнаружено по выступавшим удлиненным плитам (рис. 7, *В*). Длина плит, соответственно, составляла 1 м и 1,30 м, ширина до 0,40–0,60 м, толщина до 0,30 м. Под плитами была

выявлена часть выкида из погребения, лежавшего поверх погребенной почвы (рис. 7, *В*). Это позволяет рассматривать данное погребение как основное для первой насыпи. Скорее всего, указанные плиты были установлены над ним и служили своего рода указателем его местоположения.

После разборки бровки и зачистки плана было выявлено пятно погребения. Форма пятна не вполне ясна, оно было округло-вытянутым и ориентировано более длинной осью по линии восток–запад.

В процессе выборки заполнения, на уровне дна, выяснилось, что могильная яма имела форму прямоугольника со скругленными углами (рис. 10). Она была ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Длина ямы по оси 2,05 м, ширина в средней части 0,98 м. Стенки вертикальные, за исключением северо-восточной, вероятно, обвалившейся. Заполнение ямы – черноземный серый грунт с большим количеством гравия. Местами выявлялись прослойки чистого гравия, скорее всего, результат обвала стенок ямы. Дно ровное, горизонтальное, было зафиксировано на глубине 3,50–3,53 м от репера.

Погребенный, мужчина 35–45 лет, очень массивного телосложения, лежал на спине, головой на юго-восток, с поднятыми вверх в согнутых коленных суставах ногами (скорченно, на спине). Сохранность костей удовлетворительная. Череп лежал на затылочной части, лицевой частью на север. Кости грудной клетки, позвоночника и таза в положении «на спине». Ноги, первоначально поднятые вверх в коленных суставах, упали на восток, вправо от костяка, коленные сгибы находились значительно выше остальных костей скелета.

Левая рука была вытянута вдоль корпуса, кисть лежала у левого крыла таза, была повернута в лучезапястном суставе под прямым углом к локтевой кости по направлению к паховой области. Правая рука слабо согнута в локте, кисть лежала в области таза.

Весь скелет в разной степени был окрашен красной краской. Формованные куски красной краски (к сожалению, они распались, не сохранив форму) находились в кистях погребенного. Сплошные пятна красной краски находилось под предплечьем правой руки и коленными сгибами. Отдельное пятно красной краски было в юго-восточном углу ямы и у ступней погребенного. Иных тленов или пигментов зафиксировать не удалось.

В погребении были обнаружены следующие находки.

Ножевидная кремневая пластина находилась в правой кисти погребенного (рис. 11, *3*). Она сделана из желтовато-коричневого кремня, длина предмета 8 см.

Фрагмент керамического сосуда обнаружен у черепа погребенного (рис. 11, *5*), который был густо покрыт охрой. Он представлял собой залощенную стенку сосуда коричневого цвета.

Погребенный – взрослый мужчина, развитого телосложения, высокого роста, с признаками хорошо развитой мускулатуры. Множественные интерпроксимальные бороздки на зубах являются последствием привычки использовать «зубочистки» для очищения межзубного пространства от остатков пищи (рис. 12, *2*). Следы развитого зубного камня свидетельствуют о вязкости употребляемой пищи. Большой абсцесс в области третьего правого моляра верхней челюсти может быть следствием или злоупотребления «зубочистками», или хронического воспалительного процесса всех лицевых пазух. Высокая и даже, возможно, чрезмерная физическая активность отражается на костях скелета в виде выраженного рельефа костей, оссификаций связок в месте прикрепления мышц, вследствие микротравм; и артроза суставных поверхностей костей конечностей и позвоночника (рис. 12, *1*).

Могильник Константиновский-1 (Вонючка-1)[4]

Этот курганный некрополь расположен в пригороде г. Пятигорска недалеко от рынка Лира[5]. Курган 1 раскапывался А.А. Калмыковым в 2010 г. Курган имел в высоту около 2 м. Древнейшая насыпь I имела зафиксированную высоту 0,6 м при диаметре около 11 м. Она была сложена из темно-серого, гумусированного грунта.

Погребение № 8 было основным для насыпи 1. По форме могилы оно представляло собой катакомбу. Входная яма катакомбы имела размер 1,75 × 1,5 м. Стенки, сохранившиеся на высоту до 0,5 м, были вертикальные, ко дну плавно скруглялись. Дно входной ямы было ровное, практически горизонтальное. Глубина его -291 ... -298 см от от репера. В заполнении ямы, особенно в северной и центральной частях, было встречено большое коли-

[4] Авторы приносят искреннюю благодарность А.А. Калмыкову за возможность публикации материалов из его раскопок.

[5] Могильник Вонючка-1 назван по имени небольшой речки. Он находится в рамках обширного курганного поля, известного как Константиновское плато под г. Пятигорском. Поэтому мы предлагаем использовать другое название – Константиновский. При более ранних публикациях материалов погребения Константиновский-1 2008 Вонючка-1 к. 1 п. 8 была допущена опечатка (Gresky et al., 2016). Оно было подано как погребение могильника Вонючка-1 к. 1 п. 9.

чество охры. Вдоль северной границы ямы, также в заполнении, на глубине –250... –267 см от репера в ряд располагались три небольших камня-известняка. Видимых следов обработки они не имели, размер большего – 0,2 × 0,13 × 0,11 м.

На дне северной части ямы были обнаружены две кости; фрагмент головки бедренной кости человека и удаленный от него на 0,45 м к западу–юго-западу неопределимый обломок. Дно ямы было густо посыпано охрой, под ней зафиксированы две узкие (0,1 м) полоски органического тлена коричневого цвета, направленные по линии запад–восток. Плотно покрывавший дно ямы слой охры уходил под грунт заполнения погребальной камеры.

Вход в камеру был сделан в центральной части северной стенки ямы. Верх его обрушился, ширина по дну составляла примерно 1 м. Конструктивной особенностью катакомбы являлось приподнятое на 6–7 см над дном ямы дно камеры. Переход имел вид небольшой наклонной ступени (рис. 10).

Погребальная камера в плане была подпрямоугольной, со скошенным юго-восточным углом, формы. Длинной осью ориентирована запад–северо-запад – восток–юго-восток. Размеры камеры 1,84 × 1,0 м. Стенки сохранились на высоту не более 0,17 м. Они были вертикальные, ко дну плавно скруглялись. Дно камеры неровное, у стен приподнято. Глубина дна камеры от -273 до -286 см от репера.

Погребение одиночное (рис. 13). На дне камеры зафиксирован скелет женщины 25–35 лет. (Gresky et al., 2016). Женщина располагалась в скорченном на спине положении головой на восток–юго-восток. Череп разрушен, лежал на затылочной части, с разворотом к левому плечу (лицевой частью на запад). Руки были опущены вдоль туловища, согнуты в локтях и помещены кистями па нижнюю часть живота. Ноги, согнутые в тазобедренных суставах под прямым, в коленных суставах, и под острым углом, были уложены вправо от погребенной, коленями на северо-восток.

Весь скелет и дно погребения, в том числе и под костями, были густо засыпаны темно-красной краской. На скелете ее толщина местами доходила до 2–3 см. Особо следует отметить, что слой охры на дне камеры и входной ямы был единый.

В северо-восточном углу обнаружен раздавленный керамический сосуд (рис. 14, *1*). Сосуд лепной, асимметричный, с выделенным, слегка выпуклым дном со сглаженным переходом к округлому тулову. Венчик отогнут наружу. Сосуд имеет небольшой плавно выделенный носик-слив и небольшую ручку в виде свисающего вниз треугольника. Его поверхность тщательно заглажена, палевого цвета, с темно-серыми пятнами вторичного прокала и гари. Сосуд покрыт охрой. В тесте заметны минеральные искусственные примеси и прослеживаются мелкие кварцевые включения.

В районе кисти руки обнаружена кремневая ножевидная пластина. Она изготовлена из полупрозрачного кремня молочно-серого цвета. Спинка двухскатная, на ней имеется одна грань, края которой образуют два лезвия по краям пластины. Один конец пластины закруглен, второй – косо сколот. Длина 7,6 см, ширина 1,4 см, толщина 0,3 см (рис. 14, *2*).

Около левой стопы, на дне камеры, найдены обсидиановый скребок (рис. 14, *4*) и каменный пест (рис. 14, *3*). Скребок длиной 12 см сделан из полупрозрачного обсидиана, темно-серого цвета. На спинке имеются две грани, брюшко гладкое. Концы скребка закруглены и с помощью ретуши заострены. Длина 3,0 см, ширина 2,1 см, толщина 0,45 см. Пест (рис. 14, *3*) сделан из речной гальки плотной вулканической породы темно-серого цвета длиной 12 см. Имеет сильно вытянутую каплевидную форму. На торце более широкого конца отмечены следы сработанности; боковые грани предмета заполированы. Вероятно, он мог быть использован в качестве небольшого отбойника / песта / молотка.

Погребенная – молодая женщина, с сильно развитым мышечным рельефом и признаками чрезмерной нагрузки плечевого пояса и коленных суставов.

Наличие зубного камня на всех исследованных зубах предполагает преобладание вязкой пищи в диете. Реконструкция зубного ряда позволила утверждать, что зубы присутствовали и на верхней, и на нижней челюсти и должны были равномерно стачиваться, но резцы, клыки и премоляры стерты по всей ширине коронки, а моляры лишь начали стираться, возможно, это результат использования передних зубов в повседневной работе (рис. 12, *3*).

На черепе женщины, в центре сагиттального шва в области обелиона фиксируется сквозное округлое трепанационное отверстие диаметром 34 мм со следами неполного заживления, выполненное в технике прорезания (рис. 12, *4*). При макроскопическом осмотре и рентгенологическом исследовании костного среза заметны островки образования новой костной ткани на месте операции, что свидетельствует о том, что индивид пережил операцию, но умер, спустя относительно непродолжительное время после ее проведения. Хорошо заметны и насечки на костной ткани, оставшиеся от разных этапов проведения операции, что позволяет реконструировать

процедуру. Как и у индивида, погребенного в могильнике Прогресс-2 (курган 4, погребение № 12), операция была выполнена в области сагиттального синуса – места, опасного возможными осложнениями.

Кроме трепанационного отверстия необходимо отметить наличие хронических воспалительных процессов в синусах черепа (фронтальных, сагиттальном и затылочном), что характерно практически для всех исследованных индивидов (рис. 12, *5*).

Радиокарбонная дата погребения MAMS 21337 5314±21 4339–4065 BC (68%) (Gresky et al., 2016).

Выводы

В публикуемой серии из шести захоронений, четыре погребения принадлежат мужчинам, одно женское и одно парное детское. Эта серия погребений отражает традиции, общие для носителей древнейшего курганного обряда протоямной культуры. Сохранившиеся насыпи над захоронениями небольшие до 1 м в высоту. Они сооружались из поверхностного грунта по соображениям культового характера (магии почвы). Примесь материковой земли не использовалась. По данным кургана 6 могильника Константиновский-6 на вершине кургана начали формировать площадку[6].

Захоронения совершались в небольших грунтовых ямах или катакомбах. Причем погребения женщин и детей протоямной культуры и новоданиловской группы, как правило, сооружались в катакомбах (Кореневский, 2016). Погребения были густо покрыты красной краской. Позы покойных: на спине скорченно, стопы стояли на земле. Подобное положение стопы может отражать веру в магию матери-земли, согласно которой душа человека, находящаяся в стопе, касалось своей первородной основы – земли (Кореневский, 2012. С. 93).

Погребальный инвентарь регулярно включает кремневые ножевидные пластины, которые лежат вблизи от кисти человека, т.е. согласно конкретно-орудийной традиции. Она отражает верования о том, что человек, переместившись в страну предков, продолжал заниматься повседневными делами и положенные в могилу орудия были у него прямо под рукой. С другой стороны, набор вещей мог иллюстрировать статус человека при жизни, или некую магию погребального обряда, подчиняясь канонам мужского, женского и детского захоронений (Кореневский, 2012. С. 95).

Таким образом, погребения с каменными теслами у племен протоямной культуры и новоданиловской группы связаны с захоронениями мужчин и являются частью престижных наборов погребального инвентаря. Этот факт подчеркивает особое значение тесла в погребальном обряде и престиж занятия деревообработкой (Кореневский, 2016).

Особая категория инвентаря подвески-скорлупки из меди, фиксируемые в женских погребениях, отражают символику культа матери-богини плодородия. Они являются характерными украшениями костюма погребенных в культурах дунайского халколита и культуры Кукутени-Триполье (Кореневский 2017).

Публикуемая серия захоронений протоямной культуры из района Кавминвод показывает, что эта территория была хорошо освоена племенами протоямной культуры в период, предшествовавший появлению здесь майкопско-новосвободненской общности, и отражала стабильное присутствие в Предкавказье мобильного восточно-европейского компонента населения в V тыс. до н.э. наряду с носителями традиции местной накольчатой жемчужной керамики Предкавказья, известных по находкам на пос. Замок, нижний слой (Кореневский, 1998).

Женское захоронение к. 1 п. 8 отражает появление в наборе погребального инвентаря каменного песта или ручного молотка для различных «домашних» работ. Этот факт примечателен, так как каменный пест или изящно сделанный пест-оселок, будучи связан с мифологией погребального культа, займет в дальнейшем устойчивое место в традициях обрядности майкопско-новосвободненской общности IV тыс. до н.э. и у племен степных культур ямно-катакомбного круга памятников III тыс. до н.э.

Обращает на себя внимание набирающая статистическую устойчивость встречаемость двух одновременных и расположенных рядом захоронений под одной курганной насыпью, как элемент погребальной традиции. Таковы случаи в могильниках Прогресс-2 курган 4 п. 9 и п. 12, Константиновский 6 п. 26 и п. 28. Аналогичный случай был отмечен в могильнике Шляховский к. 3 п. 3 и п. 4 (Клепиков, 1994).

Результаты радиокарбонного анализа датируют исследованные материалы второй половиной V тыс. до н.э., а именно примерно, его третьей четвертью. Это хорошо согласуется с общей хронологией протоямной культуры, и новоданиловской группы (Кореневский, 2012. С. 63, 64).

[6] Впоследствии этот элемент курганного строительства будет воспринят носителями курганных традиций майкопско-новосвободненской общности (Кореневский, Березин, 2016).

Для антропологических исследований из описанных погребений было доступно 5 костяков взрослых индивидов: четыре мужчины и одна женщина. Все индивиды выше среднего роста, с сильно выраженным мышечным рельефом на костях. Признаки эпизодического детского стресса наблюдались только у двух мужчин (могильник Прогресс-2) и в слабовыраженной форме. Почти у всех погребенных был отмечен зубной камень в более или менее выраженной степени, а также следы использования «зубочисток» – интерпроксимальные борозды. Возможно, оба эти признака связаны с особенностями диеты. К особенностям образа жизни, отразившимся на зубочелюстной системе, необходимо отнести отсутствие кариеса. Лишь один случай абсцесса у мужчины (Константиновский-6/6/28) связан, скорее всего, либо со злоупотреблением «зубочистками», либо с хроническим синуситом всех лицевых пазух. Наличие следов хронических воспалительных процессов в синусах лица и/или на внутренней поверхности черепа фиксируется практически у всех индивидов. Необходимо отметить серьезные физические нагрузки, которые были характерны для всех исследованных костяков, что фиксировалось и по степени развития костного рельефа в местах прикрепления мышц, и по оссификациям мягких тканей в области прикрепления мышц, и по степени выраженности артрозных изменений на суставных поверхностях и позвоночнике. В одном случае (Прогресс-2/1/37) оссификация мягких тканей выражена значительно, что, возможно, связано не только с возрастными изменениями, но и с наличием заболевания аутоиммунного спектра. У женщины (Вонючка-1/1/8) к высоким физическим нагрузкам, фиксируемым на костях конечностей, добавляется сильная стертость передних зубов (по сравнению с молярами), что вероятно, свидетельствует об использовании зубов в качестве вспомогательного инструмента.

Еще одной общей особенностью можно назвать практическое отсутствие травм головы и посткраниального скелета. К травматическим повреждениям можно отнести сколы эмали зубов у мужчины (Прогресс-2/1/37), полученные, скорее всего, в результате разгрызания твердых предметов, у этого же мужчины отмечен вероятный перелом одного из нижних ребер. У другого мужчины (Прогресс-2/4/12), обнаруженного в этом же могильнике, отмечен хорошо заживший перелом диафиза левой локтевой кости, который может возникнуть вследствие падения либо защиты от удара.

Изучая такую небольшую выборку, сложно не обратить внимание, что двое из пяти изученных индивидов, в течение жизни, перенесли операцию на черепе – трепанацию. В одном случае у мужчины (Прогресс-2/4/12) – это двойная хорошо зажившая трепанация, в другом – у женщины (Константиновский-1/1/8) это одна перфорация со следами начала заживления. В обоих случаях операция проведена по сагиттальной линии – в месте повышенного риска постоперационных осложнений. В обоих случаях не выявлено следов «медицинских показаний» для хирургического вмешательства, как то травм или следов повышенного черепного давления. Оба индивида благополучно перенесли операцию и жили некоторое время после ее окончания. В процессе изучения похожих случаев синхронных и более поздних по времени, относящихся к эпохе бронзы, было описано 13 индивидов: 5 – с территории Ставропольского края и 8 – из Ростовской области (Gresky et al., 2016). Схожее расположение трепанационных отверстий и отсутствие признаков медицинской необходимости для операционного вмешательства позволило предположить ритуальный мотив процедуры, а высокий процент «пациентов», благополучно перенесших операцию, несмотря на опасное расположение трепанационных отверстий, говорит о высокой квалификации древних хирургов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бужилова А.П., 1995. Древнее население: (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН-РГНФ.

Бужилова А.П., Козловская М.В., Медникова М.Б., 1998. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.

Клепиков В.М., 1994. Погребения позднеэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье // РА. № 3. С. 97–102.

Кореневский С.Н., 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1: Археология. Ставрополь. С. 96–150.

Кореневский С.Н., 2012. Рождение кургана. М.

Кореневский С.Н., 2016. Древнейшие катакомбы и символика орудий ударного действия у племен начала медно-бронзового века понто-предкавказских степей // КСИА. Вып. 245. С. 105–119.

Кореневский С.Н., 2017. Символика скульптур воинов и женского божества в комплексах с оружием у земледельцев Дунайского региона эпохи халколита // КСИА. Вып. 249 ч. 1. С. 142–152.

Кореневский С.Н., Березин Я.Б., 2016. Энеолитические погребения кургана 6 могильника Константиновский-6 // Stratum Plus. № 2: Они сошлись, вода и камень. Кишинев. С. 379–399.

Gresky J., Batieva E., Kitova A., Kalmykov A., Belinskiy, A., Reinhold S., Berezina N., 2016. New Cases of Trepanations, from the 5th to 3rd Millennia BC in Southern Russia in Context of Previous Research: Possible Evidence for a Ritually Motivated Tradition of Cranial Surgery // American Journal of Physical Anthropology. P. 665–682.

Gresky J., Berezina N.Ya., 2012. Two cases of trepanation in Eneolithic burials from Progress 2 and Vonuchka 1 // Новейшие открытия в Археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала. С. 44–46.

S.N. Korenevsky, N.Ya. Berezina, Ya.B. Berezin, Yu. Gresky

NEW BURIALS OF THE PROTO-YAMNAYA CULTURE IN THE STAVROPOL REGION

Abstract. The paper reports on new finds from five burials of the Chalcolithic period discovered in the earliest kurgans of the Progress-2 burial ground in the Kirovsky district, Stavropol region, in the course of the excavations conducted by S.Ya Berezin in 2009–2010; the excavations of the Konstaninvosky-1 burial ground conducted by A.A. Kalmykov in 2010; and excavations of the Konstaninovsky-6 burial ground near Pyatigorsk by Ya.B. Berezin in 2013. Investigated materials are dated to the second half of 5000 BC. The article analyzes both finds and anthropological remains. As the earliest kurgans burials are recorded rarely, this material is of great value for characterization of the early Chalcolithic period in the central Fore-Caucasus region.

Keywords*:* central Fore-Caucasus; Copper-Bronze Age; Proto-Yamnaya culture; anthropological remnants.

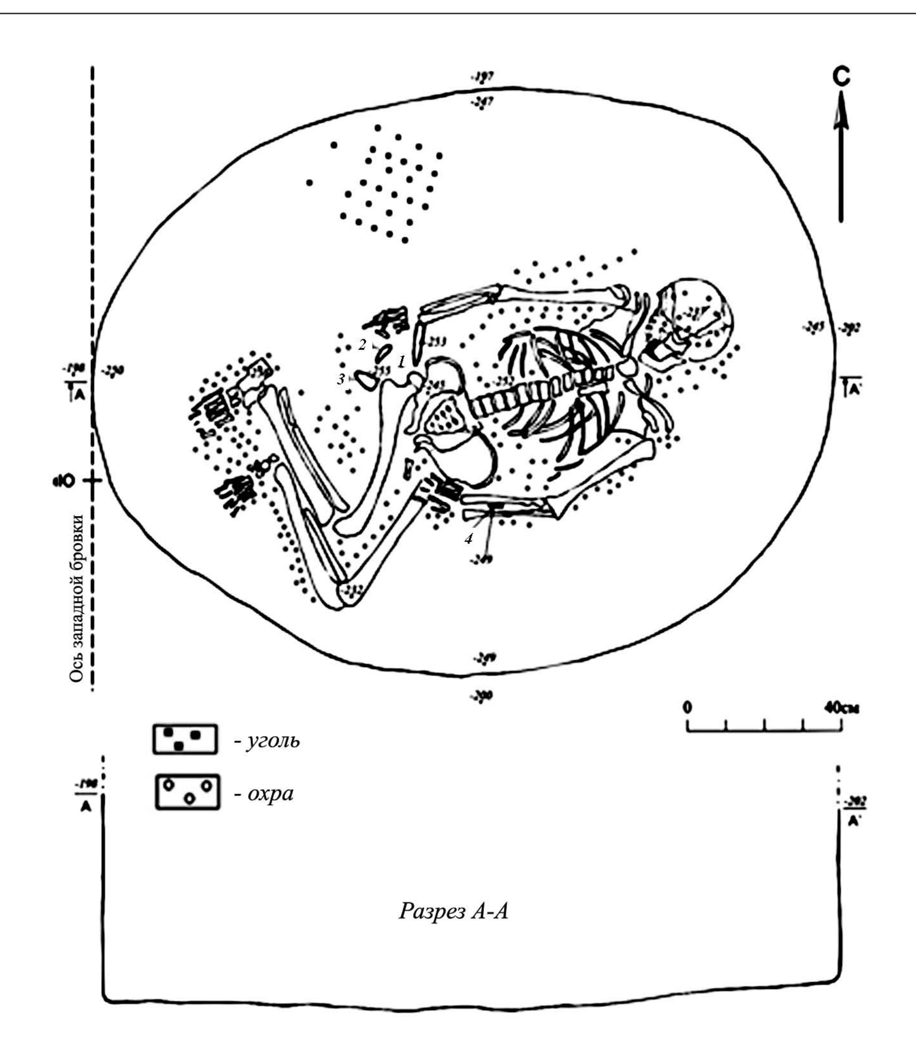

Рис. 1. Могильник Прогресс-2, курган 1 погребение 37:
1 – ножевидная пластина, *2* – кремневый отщеп, *3* – кремневое тесло,
4 – кремневый наконечник

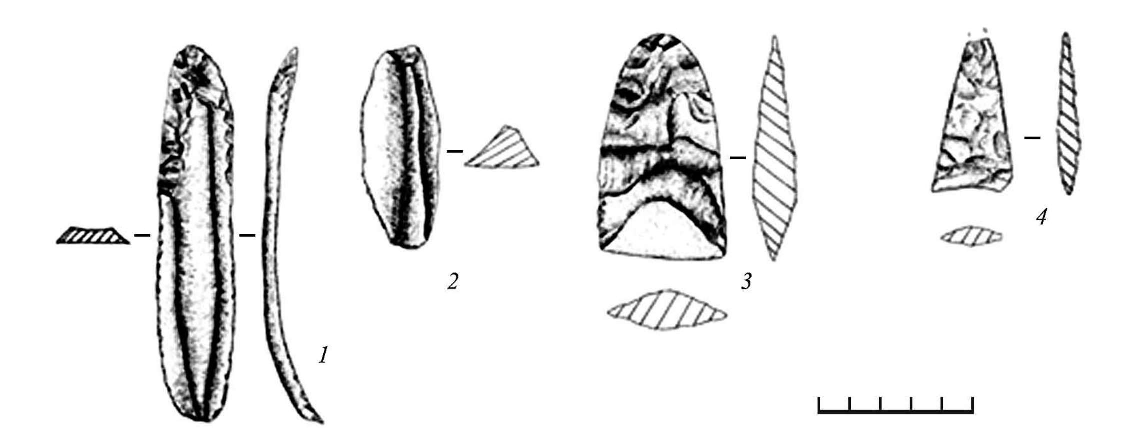

Рис. 2. Инвентарь из кургана 1 погребение 37 могильника Прогресс-2:
1 – ножевидная пластина, *2* – кремневый отщеп, *3* – кремневое тесло, *4* – кремневый наконечник

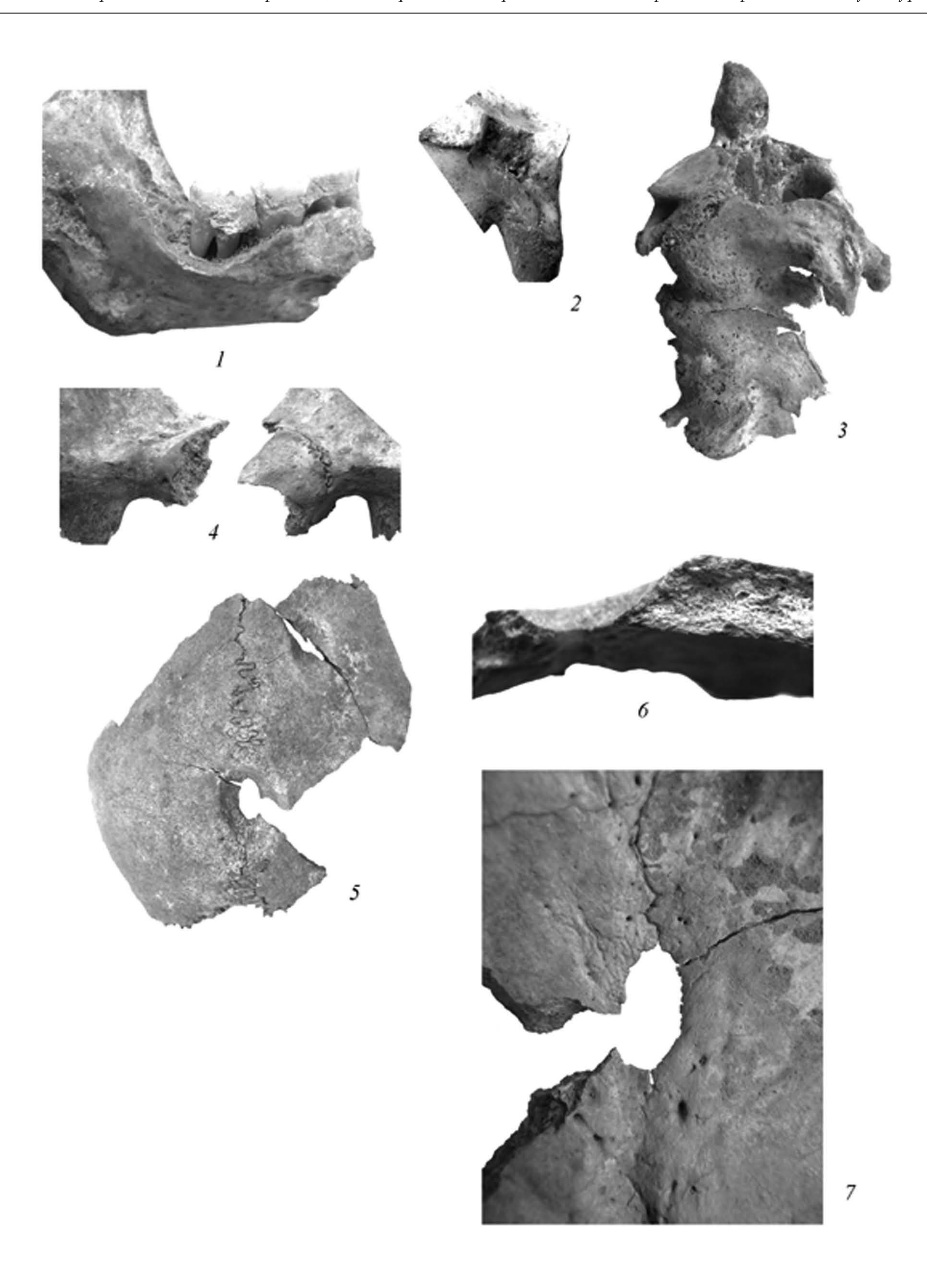

Рис. 3. Антропологические материалы из кургана 1 могильника Прогресс-2:
1–4 – погребение 37, *5–7* – погребение 12

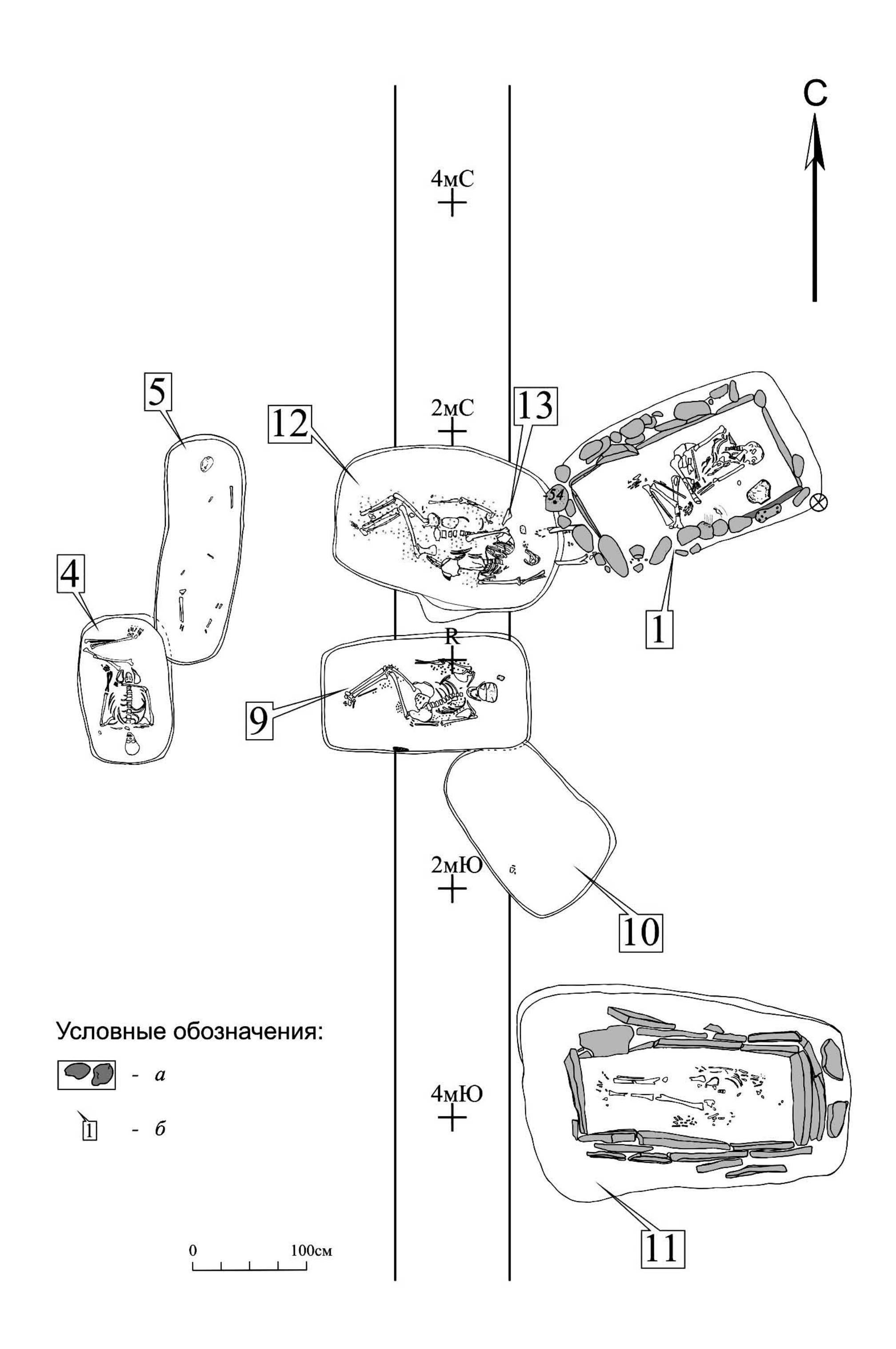

Рис. 4. Могильник Прогресс-2, курган 4. Фрагмент общего плана.
а – камень; *б* – номера погребений

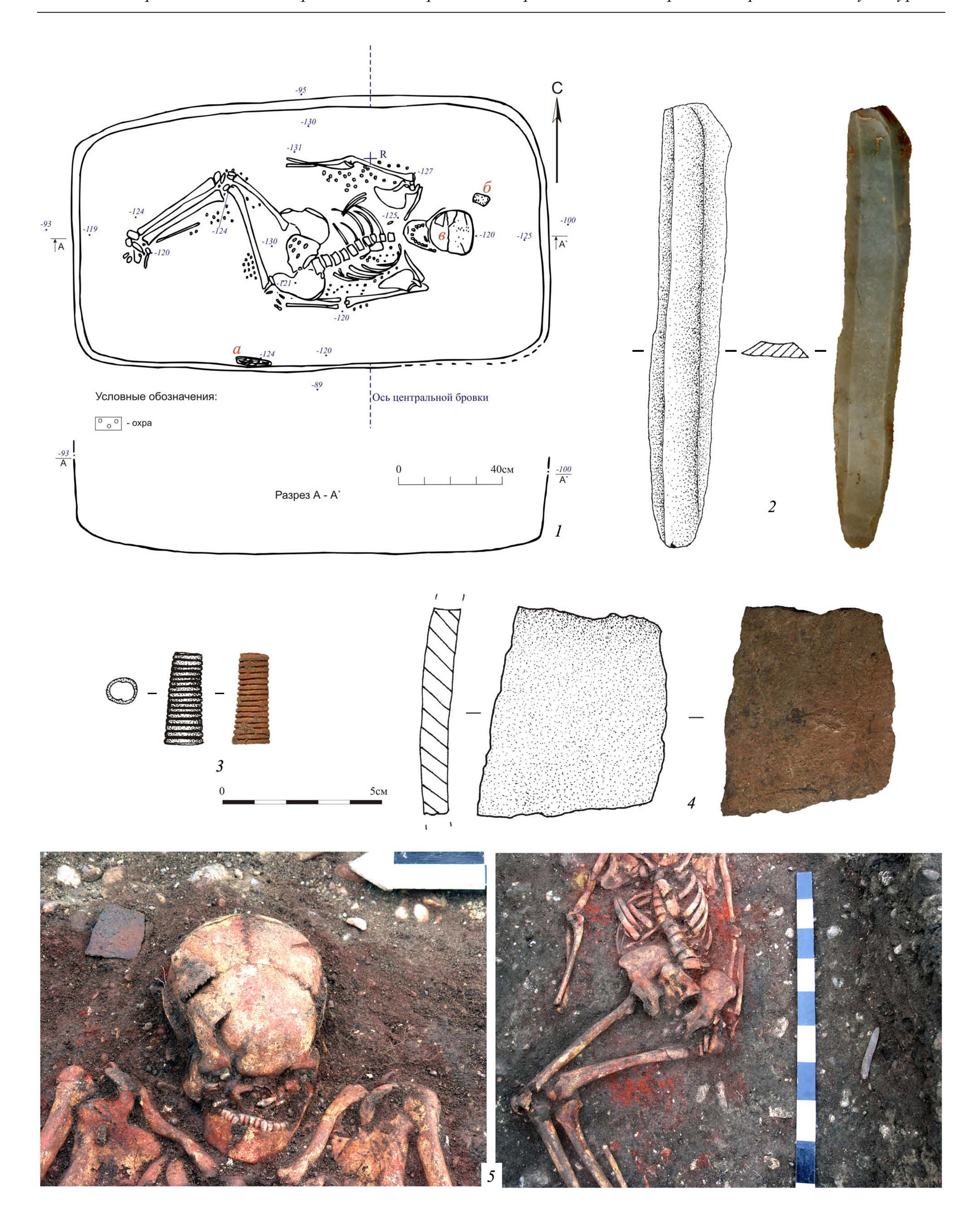

Рис. 5. Могильник Прогресс-2, курган 4 погребение 9: *1* – план погребения (*а* – ножевидная пластинка кремневая; *б* – фрагмент сосуда керамического; *в* – пронизь костяная (под черепом)), *2* – кремневая пластина, *3* – костяная пронизь, *4* – фрагмент керамики; *5* – детали погребения

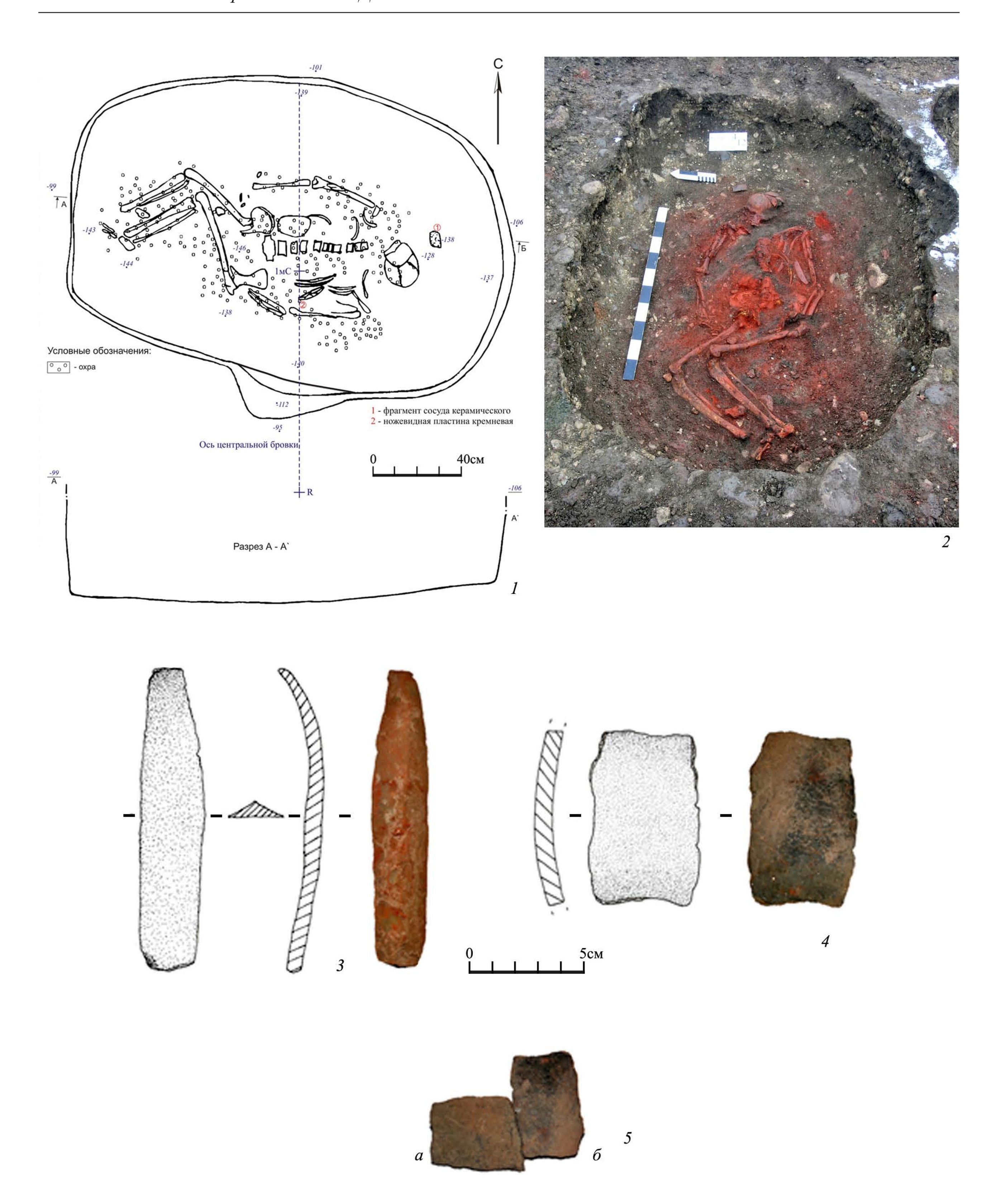
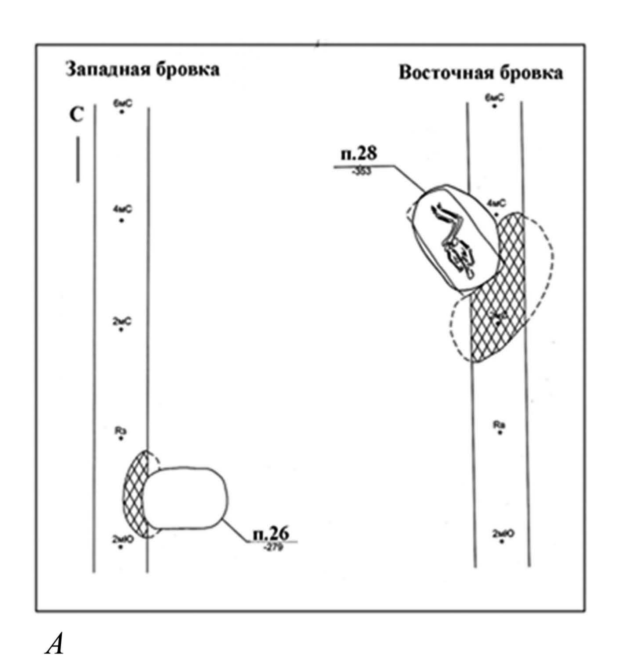

Рис. 6. Могильник Прогресс-2, курган 4, погребение 12:
1 – план погребения; 2 – фото погребения; *3* – кремневая пластина; *4* – фрагмент керамики;
5 – фрагменты керамики от одного сосуда из погребений 9 (*а*) и 12 (*б*)

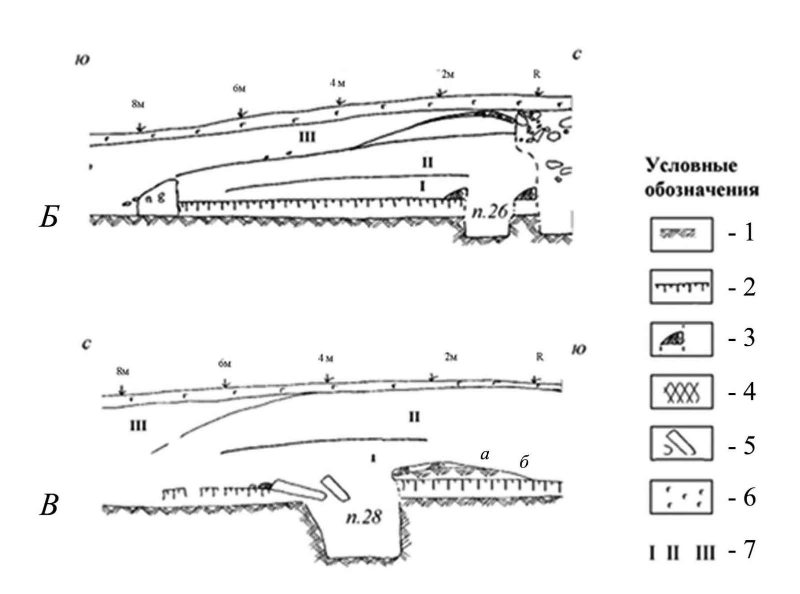

Рис. 7. Могильник Константиновское плато курган 6 погребения 26 и 28.
А – фрагмент общего плана, *Б* – восточный профиль «Бровки Запад»,
В – западный профиль «Бровки Восток».
1 – материк; *2* – погребенная почва; *3* – выкид в профиле; *4* – выкид в плане; *5* – камень; *6* – гумус;
7 – номера насыпей *а* – верхний слой выкида; *б* – нижний слой выкида;

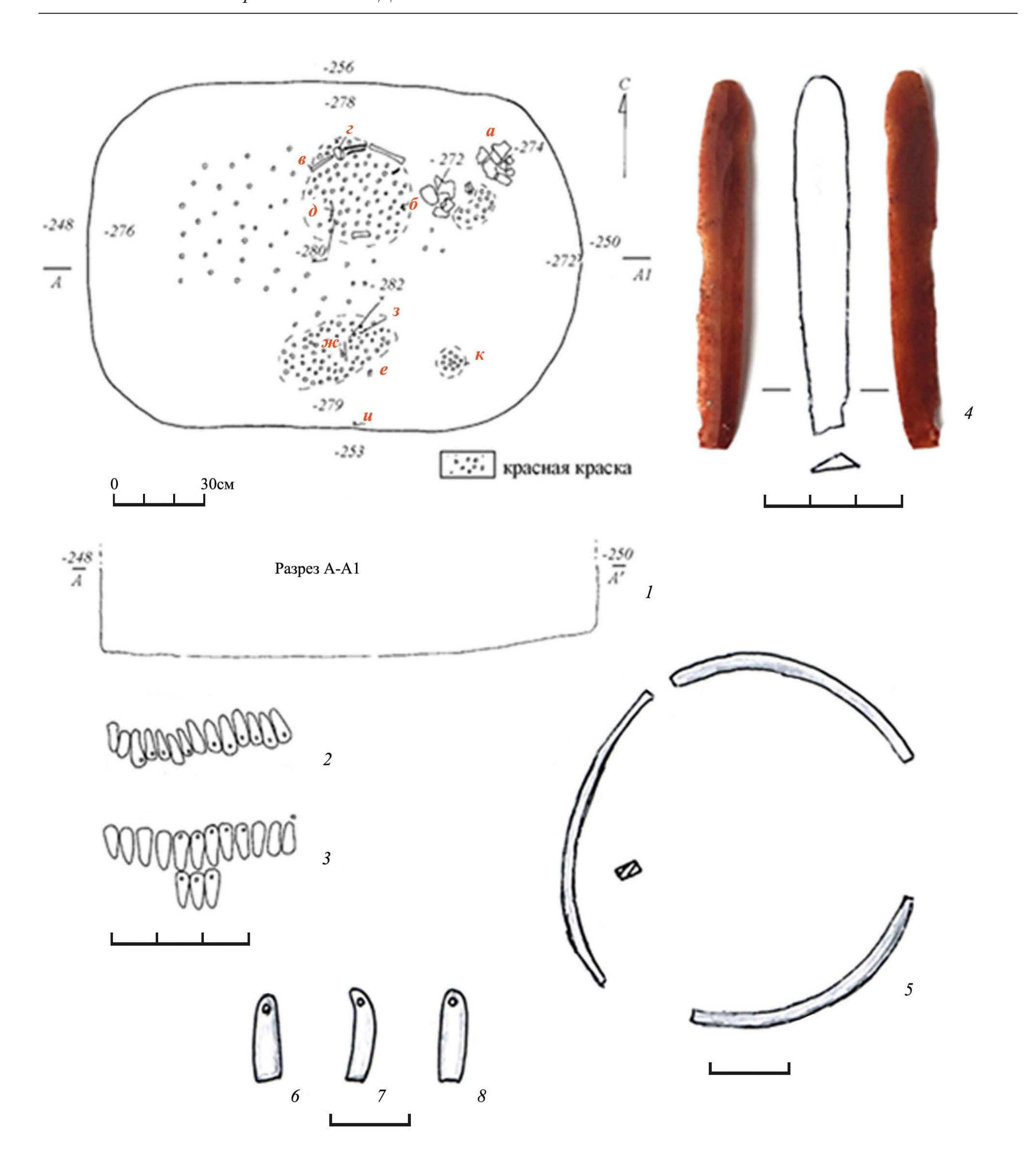

Рис. 8. Могильник Константиновское плато курган 6 погребения 26:
План погребения (1): *а* – фрагменты керамического сосуда; *б* – медные нашивки; *в* – кремневая пластина; *г* – медный браслет; *д–ж* – медные нашивки; *з* – бусы из непрозрачной пасты; *и* – медная скоба; *к* – скопления красного цвета
Находки: *2–3* – медные нашивки, *4* – кремневая пластина, *5* –медный браслет, *6–8* – медные нашивки

Рис. 9. Инвентарь из погребения 26 курган 6 могильника Константиновское плато:
1 – расположение нашивок, *2* – браслет и пластина, *3* – медный браслет, *4* – медные нашивки, *5* – расположение медных нашивок, *6* – бусы из пасты, *7–8* – фрагменты сосуда

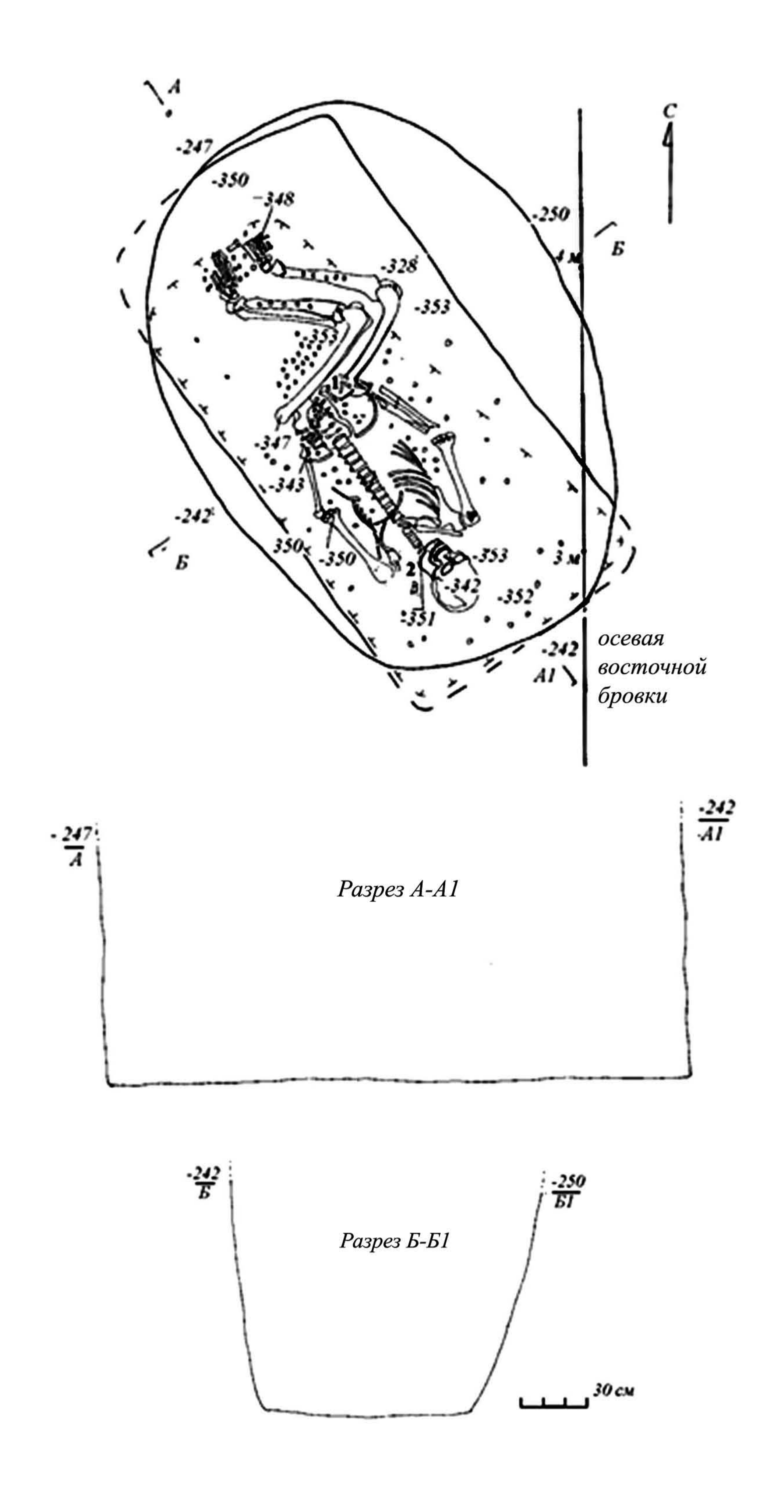

Рис. 10. Могильник Константиновское плато курган 6 погребение 28.
Общий план и разрезы могильной ямы

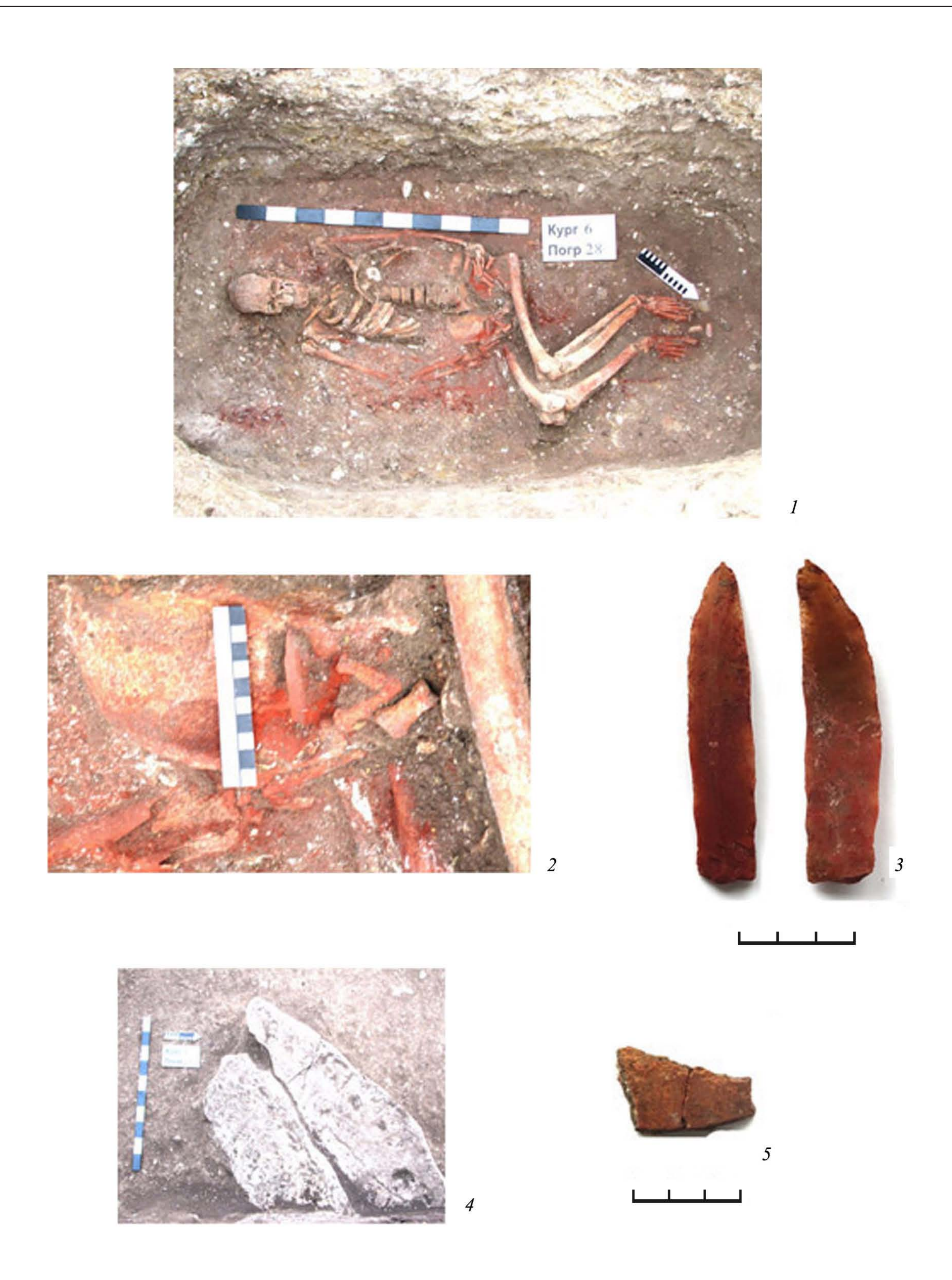

Рис. 11. Инвентарь из погребения 28 курган 6 могильника Константиновское плато:
1 – положение костяка в могильной яме; *2* – расположение кремневой пластины; *3* – кремневая пластина;
4 – каменные плиты у погребения; *5* – фрагменты керамики

Рис. 12. Антропологические материалы из могильника Константиновский-6 и Константиновский-1: *1–2* – Константиновский-6 курган 6 погребение 28, *3–5* – Константиновский-1 курган 1 погребение 8

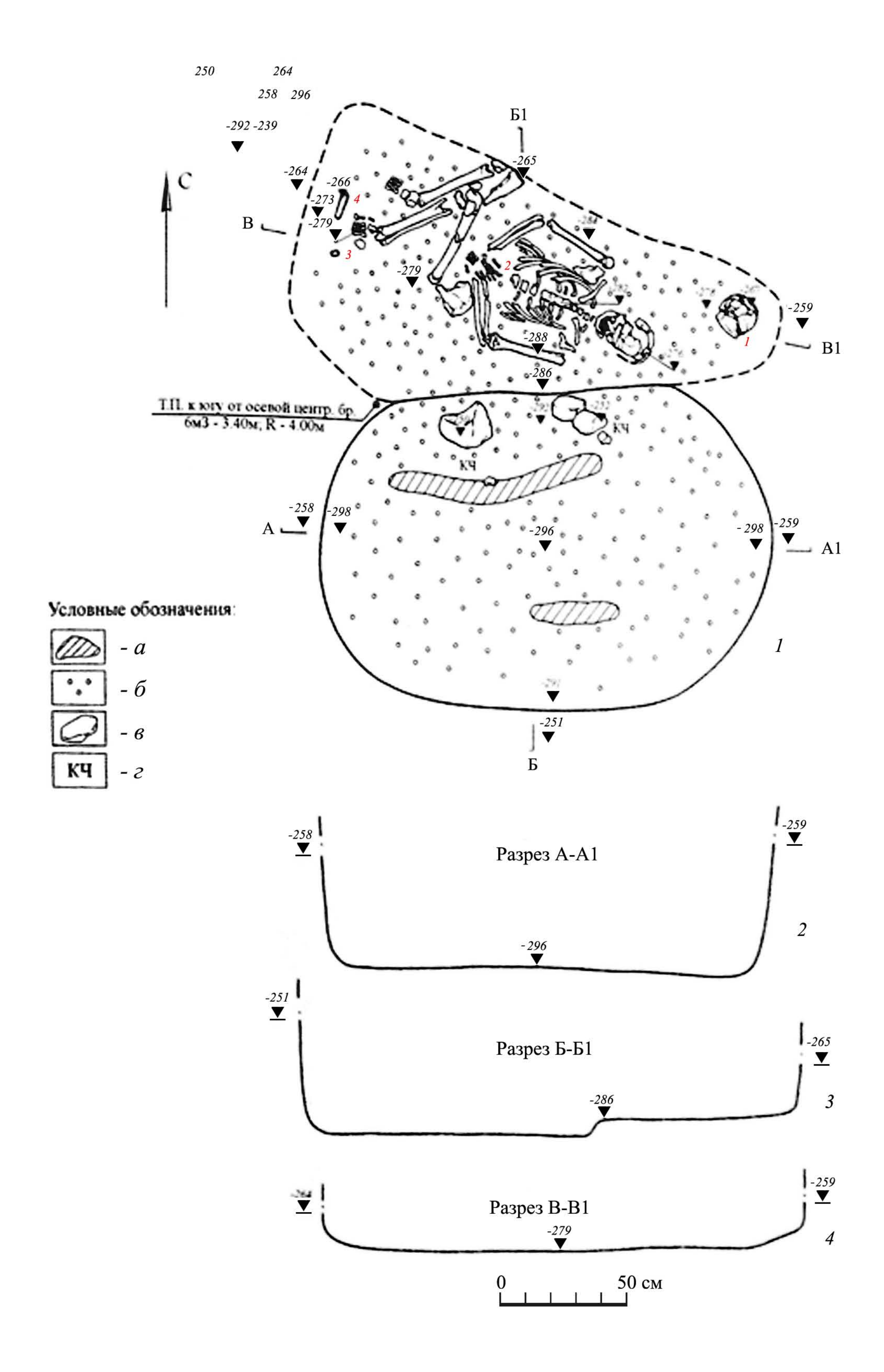

Рис. 13. Могильник Константиновский-1 курган 1 погребение 8. Общий план и разрезы могильной ямы. *1* – сосуд керамический; *2* – пластина ножевидная кремневая; *3* – скребок обсидиановый; *4* – предмет каменный; *а* – органический тлен коричневого цвета; *б* – охра; *в* – камень; *г* – кость человека

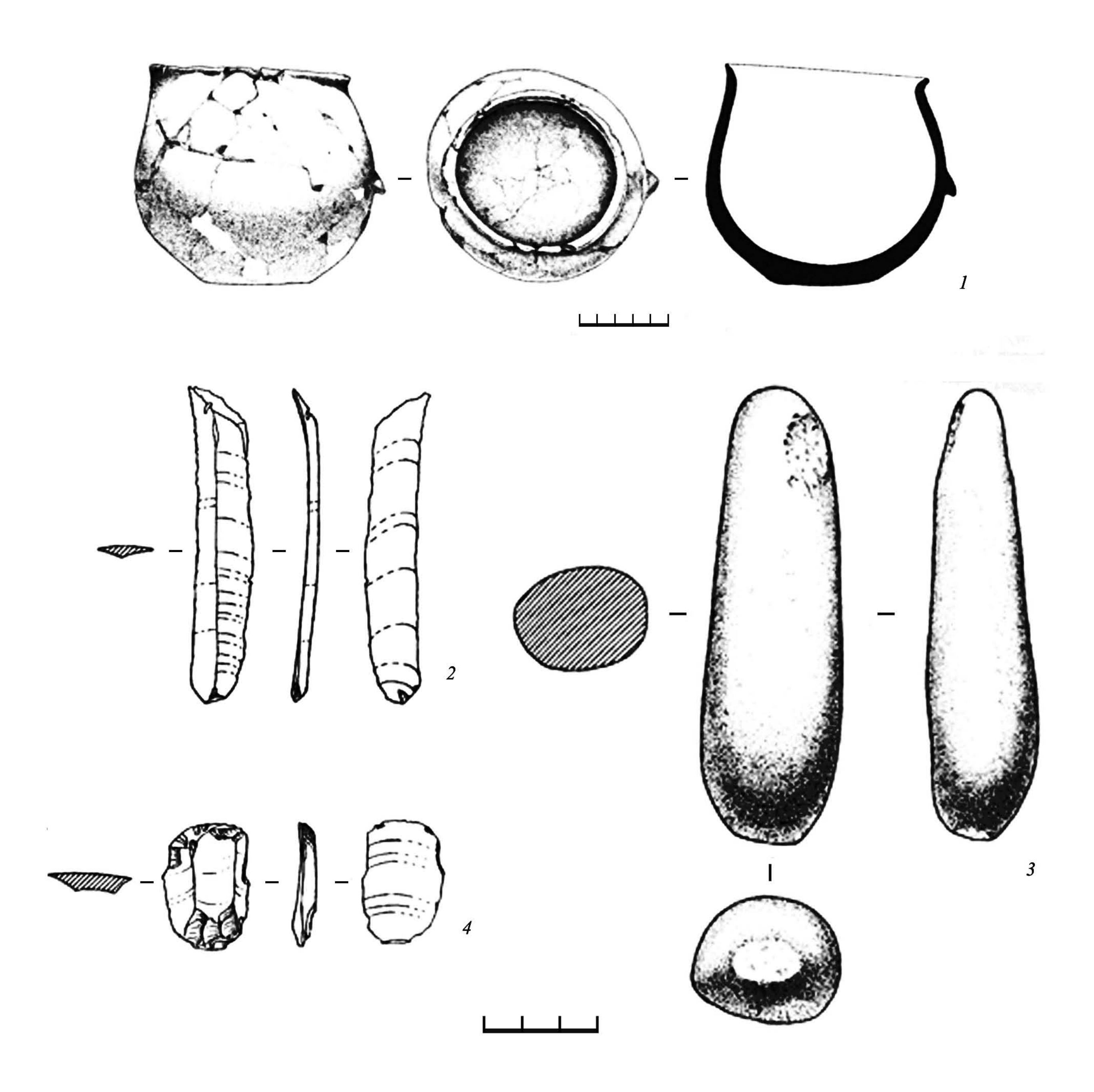

Рис. 14. Инвентарь из погребения 8 курган 1 могильника Константиновский-1:
1 – сосуд, *2* – ножевидная пластина, *3* – каменный пест, *4* – кремневый скребок

Р.Г. Магомедов

АНТРОПОМОРФНАЯ ПЛАСТИКА ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Резюме. В статье впервые дается полная сводка антропоморфной пластики эпохи ранней бронзы, найденной в Дагестане. Всего таких находок на сегодняшний день – 11; большая часть из них (6 экз.) найдена в ходе раскопок Великентского поселения II. Подавляющее большинство статуэток относится к женским изображениям (исключение – 1 мужская фигурка из Великента). Автор на широком сравнительном фоне с антропоморфной пластикой эпохи бронзы Северного Кавказа, Закавказья, Передней Азии, Балкан и Средней Азии показывает уникальные черты дагестанских антропоморфных статуэток эпохи ранней бронзы в составе инвентаря великентской культуры куро-аракской культурно-исторической общности.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ; ранняя бронза; великентская культура; куро-аракская культурно-историческая общность; курган Катарагач-тапа; Великентское поселение II; поселение Кабаз-Кутан I; антропоморфная пластика; глиняная статуэтка.

Рауф Мунчаев, молодой исследователь, только что окончивший очную аспирантуру Института археологии АН СССР, одним из первых дал развернутую культурно-хронологическую оценку уникальной глиняной женской статуэтке из кургана Катарагач-тапа (Мунчаев, 1961. С. 133–135, рис. 46). Он отнес фигурку (рис. 3а) к эпохе «куро-аракского энеолита» и посчитал, что она является «отражением господствовавшего в среде ранних земледельцев и скотоводов культа плодородия».

Курган Катарагач-тапа, располагавшийся недалеко от Дербента (к северу от него), имел сохранившуюся высоту насыпи около 1,5 м и был раскопан А.А. Русовым в 1880 г., накануне проведения V Археологического съезда в Тифлисе. В литературе уже неоднократно отмечалось, что отчет А.А. Русова об этих раскопках отличается большой небрежностью и неполнотой информации (Веселовский, 1910. С. 2; Круглов, 1958. С. 32, 46; Мунчаев, 1961. С. 133), поэтому обстоятельства обнаружения статуэтки не очень ясны, но, скорее всего, она (статуэтка) была связана с плохо сохранившимися костяками, погребенными внутри каменной оградки: «…на глубине 2 арш. 6 вершков, на большом камне, положенном в основании кургана, в углублении, сделанном в нем длиною в 6 вершков совершенно неожиданно найдена слепленная из горшечной глины фигурка женщины или богини» (Русов, 1882. С. 569). Первым статуэтку опубликовал сам автор находки (Русов, 1882, табл. XVI); интересно, что при ее описании подчеркнуто, что нос отломан, «выделен прищепом», а «руки не доделаны» (Русов, 1882. С. 569). Впоследствии на фигурку из кургана Катарагач-тапа неоднократно обращали внимание разные исследователи с воспроизведением одной и той же ее фотографии (Веселовский, 1910. С. 2, рис. 1; ESA. T. II. 1936. C. III; Круглов, 1958. С. 44, рис. 12; Мунчаев, 1961. С. 133–135, рис. 46; Гаджиев М.Г., 1990. С. 13, рис. 1).

Катарагачтапинская глиняная статуэтка в настоящее время (наряду с другими материалами из раскопок А.А. Русова в Дагестане) хранится в фондах (Археологический отдел) Государственного музея Грузии (ныне – Государственный Нацио-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.179-202

нальный музей Грузии – ГНМГ) и в 1999 г. была мною осмотрена и зарисована[1] (рис. 3б). При этом удалось уточнить ее высоту – 12,2 см (ранее во многих публикациях указывалось 13 см). Сохранность статуэтки в целом хорошая; отмечу, что головка и левая ручка были отколоты и заново склеены, а у расширенного основания местами имеются отбитые участки. Статуэтка сделана из глины с заметными добавками органики; обжиг слабый. Поверхность изделия заглажена, имеет серовато-охристый цвет; на изломе черепок отличается черно-коричневым оттенком. Статуэтка представляет собою женскую стоячую фигурку, водруженную на постамент с округлым сечением, расширяющимся у основания (d = 4,8 × 5,2 см). Головка вылеплена в виде округло-уплощенного диска (d = 4,5 см), на котором заметны нос в виде крупного защипа и глазки в виде точек-наколов. Руки переданы в виде широко расставленных конических выступов (ширина разлета «рук» – 9,5 см), между которыми на торсе прилеплены полусферические грудки. Со спины статуэтки (в середине торса) имеется сильно выступающий рельефный налеп (А.А. Русов – «выпуклина»; В.И. Марковин – «выступ, похожий на хвост»; Р.М. Мунчаев – «налепная ручка в виде выступа»), передающий грубоватую форму седалищной части. Детородный орган не указан.

Позже, в 2014 г., в фондах того же Археологического отдела ГНМГ мне удалось сфотографировать (рис. 4а) и зарисовать еще одну глиняную статуэтку (рис. 4б)[2], также найденную А.А. Русовым в 1880 г., но уже в окрестностях сел. Джемикент нынешнего Дербентского района РД (Русов, 1882. С. 598). Эта находка происходит из культурного слоя Джемикентского поселения эпохи ранней бронзы (РБ), хотя и найдена при раскопках кургана № 2. Дело в том, что А.А. Русов в сезоне 1880 г. раскопал три небольших кургана, которые были расположены на территории Джемикентского поселения более раннего времени. К сожалению, в отчетных материалах по раскопкам курганов А.А. Русов четко не различает грунт насыпи самого кургана и культурные напластования нижележащего поселения, что, естественно, приводит к смешению находок разных эпох. Джемикентская статуэтка сохранилась намного хуже по сравнению с предыдущей фигуркой: у нее отсутствуют голова и правая рука-выступ, отбиты груди, не сохранилось также основание статуэтки (рис. 4а). Изделие имеет коричневатую поверхность с серыми и красноватыми оттенками; излом серый, ближе к поверхности кирпично-красный. Сохранившаяся высота статуэтки – 8,2 см. Ввиду существенной поврежденности джемикентской статуэтки и, не имея, по-видимому, под рукой ее графического или фотоизображения, А.П. Круглов предположил, что «данная статуэтка, по всей вероятности, имела тот же облик, как и происходящая из кургана Катарагач-Тапа» (Круглов, 1958. С. 44). Правда, имеются и отличия: у джемикентской фигурки торс и пьедестал имеют подцилиндрическую форму без заметного расширения основания, а вдоль спины идет глубокая врезная линия – желобок. На сохранившейся части спины седалищная зона никак не акцентирована.

По мнению А.П. Круглова, «нижними частями женских статуэток», аналогичных катарагачтапинской, могли быть также «массивные, круглые в сечении столбики из комковатой глины с большой примесью шамота», обнаруженные как А.А. Русовым, так и самым А.П. Кругловым «среди инвентаря жилых комплексов, исследованных на Джемикентском поселении» (Круглов, 1958. С. 44). Однако такую точку зрения на эти «загадочные предметы» опроверг Р.М. Мунчаев, установив, что они, скорее всего, являются фрагментами очажных подставок цилиндрического типа (Мунчаев, 1961. С. 135).

Символично, что третью по счету антропоморфную глиняную статуэтку на памятниках эпохи РБ в Дагестане археологам пришлось ждать почти 100 лет: это лишний раз показывает, что куро-аракская культура (правильнее будет сказать – культурно-историческая общность!) является тем археологическим образованием эпохи раннего земледелия, для которого антропоморфная пластика является не очень характерной и распространенной частью инвентаря (см. об этом: Антонова, Есаян, 1988. С. 232–233). В 1979 г. при раскопках на Великентском комплексе памятников М.Г. Гаджиев обнаружил верхнюю часть глиняной статуэтки, аналогичной катарагачтапинской, а потом в течение следующих 20 лет в Великенте и на некоторых других памятниках Приморского Дагестана эпохи РБ было найдено еще 8 предметов антропоморфной пластики.

Две статуэтки из этого списка я уже охарактеризовал выше. Теперь остановлюсь на остальных 9 образцах. Большая часть (7 экз.) из этих находок приходится на Великентский комплекс памятников, причем все они, за исключением одной, связаны с Великентским поселением II, наиболее ранним па-

[1] Инв. № находки – 3613 18-02/109; на основании фигурки написано: «Русов 15 Дербент». Благодаря любезной помощи археолога Л.И. Глонти, удалось найти статуэтку при самых неблагоприятных условиях работы фондов (в тот день в музее был отключен ток).

[2] Инв. № 3592 18-00/88.

мятником одноименного комплекса. Следует отметить, что до 80-х гг. прошлого столетия поселение эпохи РБ, расположенное на одном из великентских холмов под названием Карасу-тепе, специалистам практически не было известным. Долгое время под названием «Великентское поселение» обычно подразумевали бытовой памятник, связанный с самым большим по площади великентским холмом Земовар-тепе (вариант – Земновар-тепе). Интересно, что сам А.А. Русов, первооткрыватель Великента, именовал местные холмы как «городища» (Русов, 1882. С. 515).

Первая статуэтка из упомянутой серии находок, вернее, ее часть в виде головы и левой руки (рис. 5а, б), была найдена М.Г. Гаджиевым в 1979 г. при разведочной шурфовке (IIА) Великентского поселения II (Гаджиев, 1990. С. 13, рис. 1). Голова статуэтки представляет собой плоский круглый диск. Нос оформлен защипом; верхняя площадка носа отбита. Внешняя поверхность статуэтки залощена и имеет красновато-охристую поверхность. Излом в сердцевине – сероватый, ближе к поверхности – кирпично-красноватый. В тесте видны добавки шамота; обжиг хороший. Нос и глаза статуэтки практически идентичны таковым катарагачтапинской фигурки. Статуэтка выставлена в экспозиции Археолого-Этнографического музея ИИАЭ ДНЦ РАН.

На Великентском поселении II в 1994 г. в заполнении хозяйственной ямы № 2 на Раскопе IIВ найдена головка женской статуэтки (Магомедов, 1995. С. 13, рис. 15, *1–2*). Она представляет собою практически круглый диск (диаметр – около 4 см, максимальная толщина – 2,1 см), плавно, почти без выделенной шейки, переходящий в покатые плечи (рис. 6а, б). Глаза переданы точечными наколами; брови обозначены тонкими штрихами, нанесенными вразлет в виде латинской буквы V от межглазного пространства до края головного диска. Носом служит рельефный выступ, образованный защипом. Остальная часть статуэтки не сохранилась. Первая публикация статуэтки: (Gadzhiev et all., 1995. P. 55. Pl. XXIV, c). Статуэтка хранится в фондах Археолого-Этнографического музея ИИАЭ ДНЦ РАН.

Следующая антропоморфная статуэтка, диаметрально отличающаяся от всех вышеописанных женских фигурок, была обнаружена 1997 г. при раскопках на самом большом по площади раскопе (IIС) Великентского поселения II (кв. 5D, к западу от круглого сырцового строения). От статуэтки сохранились голова, а также верхняя часть тулова с левой рукой – отростком (рис. 7а, б). Общая сохранившаяся высота статуэтки – 5,5 см. Головка статуэтки представляет собой цилиндрический выступ с плоским, косо срезанным верхом и выступающим по бокам и с затылка валиком - «каймой», – возможно, это изображение головного убора (?). Лицевая часть головки одутловатая, нос передан невыразительным защипом; глаза сделаны неаккуратно в виде несоразмерных, оплывших ямок. Конусовидный отросток левой руки отогнут слегка вперед. Прямой торс имеет овальное сечение (1,8 × 2,7 см) и в нижней части не сохранился. Вдоль спины статуэтки нанесена углубленная линия желобка, обрывающаяся на изломе торса. Начиная от плеч статуэтки, слева и справа от рук-отростков имеются две почти сходящиеся на груди заостренные врезные линии. К сожалению, мы не знаем, был ли указан на нижней части основания статуэтки детородный признак, но отсутствие одного из вторичных половых признаков – грудей, а также кардинально отличающийся от бесспорно женских статуэток способ формовки головы фигуры позволяют утверждать, что перед нами очень редкая мужская фигурка. Первая публикация статуэтки: (Gadzhiev et all., 2000. P. 66. Fig. 19). Статуэтка хранится в фондах Археолого-Этнографического музея ИИАЭ ДНЦ РАН.

На том же раскопе IIС Великентского поселения II (кв. 8А, гл. -2,4 м) в 1998 г. была найдена безголовая женская статуэтка, обладающая интересными конструктивными особенностями (рис. 8а). Статуэтка сохранилась на максимальную высоту 10,4 см. Торс статуэтки массивный, в поперечном виде сужается конусовидно. Руки слеплены в виде коротких отростков, имеющих ассиметричные контуры. Груди переданы полусферическими налепами (правая грудь не сохранилась). Данная фигурка – единственная, у которой имеется укрупненная, разбухшая «вульва», слепленная из двух вертикальных дуговидных налепов-валиков (правая, более массивная дужка отвалилась). С задней стороны торса имеется сильно выступающая, округлая в плане седалищная часть, грубо разделенная на неравные ягодицы нижним отростком вертикальной врезной линии; последняя поднимается вдоль покатой спины статуэтки и завершается примерно под «лопатками» фигуры заметным утолщением. Основание статуэтки плоское, сечение почти круглое (5,5 × 5,6 см). Поверхность статуэтки слегка залощена, имеет серовато-коричневый оттенок; в тесте имеются заметные добавки органики и частиц шамота. Излом серый. Первая публикация статуэтки: (Gadzhiev et all., 2000. P. 67. Fig. 20). Статуэтка хранится в фондах Археолого-Этнографического музея ИИАЭ ДНЦ РАН.

В 2000 г. на том же Великентском поселении II (раскоп IID), М.Г. Гаджиев обнаружил фрагмент антропоморфной статуэтки в виде головы отбитой от туловища у шейки (рис. 9а, б). Диск головки имеет утолщенную круглую форму (диаметр – 5,5 см). На лице рельефно выступает большой нос; четко обозначены округлыми вдавлениями глаза. Верхний край головки фигурки отбит, поэтому нельзя полностью исключить наличие или отсутствие бровей. Внешняя поверхность статуэтки гладкая, залощенная, имеет красновато-охристый цвет. В изломе черепок серого цвета, обжиг хорошего качества. На затылке головки имеются следы воздействия огня. Статуэтка хранится в фондах Археолого-Этнографического музея ИИАЭ ДНЦ РАН (инв. № 45/2000).

В 1983 г. мною на территории Великентского катакомбного могильника I, вне погребальных конструкций, врытых в толщу лессового массива останца древнекаспийской террасы, была найдена нижняя часть – основание глиняной статуэтки (№ 8 – рис. 10а, б). Основание круглой формы (диаметр – 4,4 × 4,7 см), сужаясь, переходит в «пьедестальчик» с овальным сечением (2,6 × 4 см). В основании предмета на всю его площадь имеется глубокая выемка конусовидной формы (высота 1,5 см). Максимальная сохранившаяся высота фрагмента фигурки – 2,8 см. Внешняя поверхность предмета – серолощеная, излом черного цвета. В тесте черепка имеются частицы шамота. О том, что мы имеем дело не с основанием – поддоном миниатюрного сосуда и не с частью очажной подставки, свидетельствует, в первую очередь, овальное сечение по линии разлома (в противном случае сечение должно было быть круглым). К сожалению, мы не знаем, какая была верхняя часть у этой статуэтки. Фигурка хранится в Археологических фондах ИИИАЭ ДНЦ РАН.

В 2001 г. М.Г. Гаджиевым на том же Великентском поселении II при расширении в южную сторону старого раскопа IIC (квадраты 6H, 7H и 8H) была найдена «…ручка [от] жаровни, оформленная в виде плоского антропоморфного изображения. На его лице рельефно выступает большой нос, округлыми отверстиями изображены глаза или уши. Округлой вдавленной ямкой под носом изображен рот, врезными линиями – волосы» (Гаджиев, 2002. Л. 27, рис. 98, *1, 8–9*; см. также: Гаджиев М.Г., Гаджиев Ш.М., 2002. С. 259; Магомедов, 2005. С. 71–80). Антропоморфная ручка (инв. № 23) была обнаружена в кв. 7H южной прирезки раскопа при выборке заполнения (серая комковатая земля) из северной половины хозяйственной ямы XVIII, имевшей колоколовидную форму. Она представляет собой своеобразный выступ вертикального бортика глиняной жаровни с боковыми округлыми выемками и слегка округлым венчиком, окаймленным с внутренней стороны резным зигзагообразным узором. Толщина стенки выступа в месте перехода в бортик жаровни равна 2,0 см, край венчика утончается до 0,8 см. Наибольшая ширина выступа – 9,8 см, в средней части округлых боковых выемок ширина равна 7,6 см. Максимальная высота выступа (в средней части) над линией бортика жаровни – около 4,0 см. На концах боковых отростков верхней части выступа имеются небольшие округлые сквозные отверстия (диаметры – 1,5–3,5 мм), а в центре верхней части – массивный округлый налеп-«нос» (диаметр основания – 2,0 см). Непосредственно под «носом» имеется глубокая (до 1,4 см) округлая ямка, которая автором находки интерпретируется как изображение рта. Заканчивая внешнюю характеристику изделия, скажу, что еще в нескольких местах на внутренней его стороне имеются неглубокие ямки, возможно, оставшиеся от выгоревшей органики, а сама поверхность желтовато-коричневого цвета (с пятнами копоти) относительно ровно заглажена; обжиг черепка средний, в тесте имеются обильные примеси шамота и органических добавок. Находка хранится в Археологических фондах ИИАЭ ДНЦ РАН (инв. № 23/2001).

Поблизости от сел Карацан и Карталай Кайтагского района в 1993 г. Б.М. Салиховым в разрушенной в ходе строительных работ погребальной конструкции (каменная гробница) была найдена уникальная женская глиняная статуэтка (Салихов, 1994. С. 23; 1995. С. 25-26). Она (рис. 12а,б) была почти целая, общая высота фигурки – 12,6 см. Головка статуэтки в виде уплощенного круглого диска диаметром 3,5 × 4,0 см; вдоль края нанесены сквозные мелкие отверстия (прослеживаются 17 отверстий), составляющие т.н. «нимб». Нос передан прищепом, глаза – точечными наколами. На шее фигурки имеется точечное изображение двухрядного «ожерелья». Руки представляют собой распростертые в стороны конические выступы (L = 6,8 см). Рельефные груди прилеплены на торсе на уровне низа выступов рук. Подцилиндрический торс имеет расширенное книзу тумбообразное основание, к которому спереди были прилеплены загнутые верх носки ног (обуви?). Вдоль спины и округло-выступающей седалищной части проходит глубоко врезанная линия – желоб. Детородный орган не показан. Статуэтка сделана из глины серо-коричневого цвета, большая часть поверхности покрыта беловатым ангобом; излом – черно-коричневый, в тесте видны частицы шамота;

обжиг слабый. Сохранность статуэтки хорошая, отбит верхний край диска головы и не сохранился «носок» левой ноги. Поза фигурки стоячая. В настоящее время местонахождение карацанской фигурки неизвестно[3]. Первая публикация статуэтки: (Magomedov, 2006. P. 147–148. Fig. 2, *1*).

Наконец, последняя из анализируемых находок – это нижняя часть – основание глиняной статуэтки, найденной в 1997 г. на поселении Кабаз-Кутан I (разведочный шурф; работы Ф.Л. Кола и Р.Г. Магомедова, 1997–1998 гг.). Торс статуэтки конусовидный, основание плоское. Детородный знак отсутствует. На обратной стороне статуэтки имеется аккуратный выступ седалищной части, в плане овальной формы, разделенный на 2 части пополам врезной вертикальной линией, спускающейся сверху вдоль спины. Статуэтка сохранилась на максимальную высоту 5,1 см; основание фигурки круглое в сечении (4,6 × 4,7 см). Сделана статуэтка из глины с примесью частиц шамота и добавок органики. Внешняя поверхность – серо-коричневая, слаболощеная; излом – серый; обжиг слабый, черепок крошится. Первая публикация статуэтки: (Gadzhiev et all., 2000. P. 55. Fig. 7, *9*).

Итак, я охарактеризовал практически все известные на сегодняшний день целые и в обломках глиняные фигурки, найденные на памятниках эпохи РБ в Дагестане. Картографирование показывает, что находки соотносятся с шестью археологическими объектами, расположенными очень близко друг от друга, на территории, примыкающей с севера к Дербенту (рис. 1). Крайней южной точкой зоны обнаружения статуэток является место расположения кургана Катарагач-тапа, северной – Джемикентское поселение; расстояние между этими двумя точками составляет примерно 26,6 км. Великентские памятники (поселение II и могильник I), на которых обнаружена большая часть известных на сегодня статуэток РБ, располагаются поблизости от осевой линии СЗ–ЮВ, соединяющей указанные выше крайние точки обнаружения статуэток (ближе к Джемикенту, в 7,3 км от последнего). Оставшиеся два объекта (поселение Кабаз-Кутан I и Карацанский могильник) расположены к западу в 4,7 км и 19,9 км соответственно от Великентского комплекса памятников, в зоне перехода равнины в предгорные возвышенности. Получается, что почти все точки обнаружения ранних статуэток, за исключением кургана Катарагач-тапа, находятся внутри бассейна реки Уллучай, берущей начало на высоте 2370 м над уровнем моря, и через 111 км впадающей в Каспийское море. Общая площадь территории, заключенной в треугольник, вершинами которого являются места расположения сел Джемикент и Карацан и кургана Катарагач-тапа, составляет около 310,4 км².

Надо сказать, что потенциально в этот «микрорайон» распространения антропоморфных статуэток эпохи РБ мог быть включен и Дербент, так как долгое время считалось, что две антропоморфные фигурки (целая и фрагмент), найденные на территории цитадели Нарын-кала (раскоп XIV; работы А.А. Кудрявцева, 1987 г.), датировались эпохой РБ и относились к разновидности статуэток, характерных для куро-аракской культуры (Кудрявцев, Гаджиев, 1988. С. 8–9; Дербенту – 5000 лет, 1989. С. 16; Кудрявцев, 1994. С. 28). В настоящее время дербентские «мадонны» из списка антропоморфных статуэток эпохи РБ исключаются, так как в последнее время их первоначальная датировка в рамках эпохи РБ пересмотрена, и они отнесены к албано-сарматскому времени (Бакушев, Гаджиев, 2014. С. 220–222; Гаджиев, Бакушев, 2016. С. 108–116)[4].

В сводной таблице, приложенной к этой статье, обобщены данные по всем предметам антропоморфной пластики (табл. 1). Для измерения параметров статуэток применены индексы, указанные на шаблонной схеме (рис. 2). Кроме паспортных и размерных данных, в соответствующие графы таблицы введены еще такие признаки, как «глаза», «брови», «рот», «седалищный выступ», «ноги», «выемка в основании», «нимб», «желобок на спине», «ожерелье» и «ворот». В дальнейшем эти данные могут быть дополнены и использованы для составления списка признаков для формализованного описания анализируемых статуэток.

С сожалением приходится отметить, что на сегодняшний день нет общепринятой классификационной схемы такой яркой и значимой категории

---

[3] Б.М. Салихов, которому доставили терракотовую статуэтку местные жители, ставшие свидетелями разрушения каменной гробницы в ходе земляных работ, держал ее в первое время дома, иногда приносил на работу, в институт. По его просьбе я зарисовал фигурку (рис. 12а), а известный фотограф Камиль Чутуев успел сделать фотографию (рис. 12б). После трагической смерти Багавудина Махмудовича в 1998 г. статуэтка пропала бесследно.

[4] Следует отметить, что М.Г. Гаджиев еще в 1990 г. был согласен с датировкой дербентских статуэток эпохой РБ (Гаджиев, 1990. С. 13), но уже в следующем году в своей монографии, в разделе, посвященном идеологическим представлениям и памятникам искусства раннеземледельческих племен, не стал включать их в список анализируемых женских статуэток эпохи РБ (см.: Гаджиев, 1991. С. 219–220).

археологических предметов, как антропоморфная пластика раннеземледельческой эпохи. В зависимости от общего объема обработанных коллекций находок, а также от локальной культурно-хронологической специфики памятников, откуда они исходят, разные исследователи на протяжении уже более ста лет выдвигают свои подходы классификационного членения антропоморфной пластики (перечислю здесь наиболее интересные, на мой взгляд, классификационные схемы, опубликованные на русском языке: Бибиков, 1953. С. 205–206; Массон, Сарианиди, 1973. С. 87–97; Антонова, 1977. С. 117–133; Тодорова, 1980. С. 43–64; Погожева, 1983. С. 20–49 и др.; Соловьева, 2008. С. 14–48; Мунчаев, Амиров, 2016. С. 320–322). Учитывая в целом однотипность большей части дагестанских терракотовых статуэток эпохи РБ, думается, нет особой необходимости прибегать к этим, довольно громоздким схемам классификации при работе с нашим материалом. Другое дело, проверить, найдут ли наши статуэтки свое место в этих, детально проработанных схемах. С этой точки зрения, классификационная схема Е.В. Антоновой, с ее несколькими сотнями выделенных признаков для описания антропоморфной пластики эпох неолита и энеолита Передней и Средней Азии, уходит в сторону. Схемы В.М. Массона и В.И. Сарианиди, а также Н.Ф. Соловьевой тоже можно отвести по схожим причинам. Дагестанские статуэтки РБ стилистически и морфологически также далеки от образцов пластики Телля Хазна I, для которых была разработана схема Р.М. Мунчаева – Ш.Н. Амирова, хотя некоторыми идеями авторов я воспользуюсь, и об этом будет сказано далее.

Наиболее близкими к типологическим особенностям нашей пластики являются схемы, выработанные для классификации трипольской антропоморфной пластики. Сразу же скажу, что большая часть наших статуэток, определяемых как женские, могут быть по классификации А.П. Погожевой обозначены как: вид стоящих (I ступень классификации), группа I – женские изображения (II ст.), класс IB неорнаментированные (III ст.), подтип c_3 – статуэтки на тумбообразных постаментах (V ст.) (см.: Погожева, 1983. С. 21). Как видно, дагестанским статуэткам нет соответствующего гнезда на IV ступени этой схемы, целиком обращенной к статуэткам с выделенными ножками (неважно, спеленатые или раздельные). Методическим упущением данной схемы я считаю, что для статуэток на столпообразных (или по-другому, тумбообразных) основаниях не учтены в полной мере необходимые места на IV–V ступенях предложенной классификации.

Завершая обзор классификационных схем различных авторов, наконец, последуем примеру С.Н. Бибикова и попробуем рассмотреть наш скудный источниковый материал, расчленяя его на целый ряд групп с оппонирующими свойствами артефактов (см.: Бибиков, 1953. С. 205).

Начиная общую и детализированную характеристику дагестанских терракотовых статуэток, следует сразу отметить, что вопросы, связанные с реальной их идентификацией, могут возникнуть, пожалуй, только по отношению к глиняному кольцевому поддону (рис. 10а, б), найденному на поверхности Великентского катакомбного могильника I.

Все исследователи, изучавшие антропоморфную пластику раннеземледельческих племен Старого Света, всегда обращали внимание на чрезвычайную фрагментарность этих культовых предметов. Так, С.Н. Бибиков, говоря в 1953 г. об уникальной коллекции скульптур трипольского поселения Лука-Врублевецкая, состоящей из 283 единиц изображений людей и животных, сетовал, что «подавляющее большинство статуэток найдено разбитыми. … Целых статуэток всего лишь пять, т.е. около 2% от общего количества находок их» (Бибиков, 1953. С. 205). А.П. Погожева, обработавшая для своей книги 110 коллекций с более чем 2 тысячами фигурок и их обломков, также отмечала «большую фрагментарность трипольской пластики. Абсолютно целые статуэтки встречаются довольно редко: 103 экземпляра – около 5% по отношению к общему количеству» (Погожева, 1983. С. 11). На этом фоне процент целых статуэток по отношению к общему количеству выявленных дагестанских терракот (2 из 11, или 18,2%) покажется относительно высоким. Но исходя из критерия сохранности, все же правильнее будет делить статуэтки на три группы: 1-я группа – это статуэтки из Катарагач-тапа (№ 1 – рис. 3а, б) и Карацана (№ 10 – рис. 12а, б); они практически целые с небольшими оговорками (то есть утеря небольших фрагментов от тулова не ставит под сомнение общий облик, составные параметры и пропорции статуэтки – например, у статуэтки из Карацана не сохранилась одна из ножек, но мы по оставшемуся следу точно знаем о первоначальной «двуногости» фигурки). Ко 2-й группе мы относим относительно целые статуэтки – это статуэтки из Джемикента (№ 2 – рис. 4а, б); из раскопа IIС (№ 5 – рис. 5а, б; № 6 – рис. 8а, б) Великентского поселения II и из поселения Кабаз-Кутан I (№ 11 – рис. 13а, б): они утратили некоторые важные де-

тали и элементы, что затрудняет однозначную характеристику той или иной фигурки, но не мешает относительно уверенной идентификации по гендерным признакам или в определении некоторых других конструктивных особенностей. И, наконец, 3-я группа объединяет фрагментированные статуэтки, от которых сохранились отдельные части или элементы, и мы рассуждаем об их первоначальном облике, опираясь на косвенные данные и аналогии – сюда попадают фрагменты статуэток Великентского поселения II (№ 3 – рис. 5а, б; № 4 – рис. 6а, б; № 7 – рис. 9а, б) и Великентского могильника I (№ 8 –рис. 10а, б).

Общеизвестно, что подавляющая часть образцов глиняной антропоморфной пластики эпох неолита, энеолита и РБ на территории Старого Света относится к женским изображениям. Не является исключением в этом и дагестанская пластика: из 11 находок одну статуэтку (№ 5 – Великентское поселение II; рис. 7а, б) уверенно можно определить, как мужскую; еще одну (ручка от глиняной жаровни – № 9; рис. 11а, б) из того же памятника косвенно также можно отнести к мужским. Одну находку в виде нижней части статуэтки с выемкой (полостью) в основании (№ 8 – рис. 10а, б), найденную на территории Великентского катакомбного могильника I, трудно отнести к какому-либо полу. Остальные 8 целых или фрагментированных статуэток, в свою очередь, делятся еще на 2 группы: 1) статуэтки, которые бесспорно можно считать женскими (№ 1 – Катарагач-тапа, рис. 3а, б; № 2 – Джемикент, рис. 4а, б; № 6 – Великент II, рис. 8а, б; № 10 – Карацан, рис. 12а, б; № 11 – Кабаз-Кутан I, рис. 13а, б); и 2) женские статуэтки по косвенным данным и аналогиям (Великент II: № 3 – рис. 5а, б; № 4 – рис. 6а, б; № 7 – рис. 9а, б).

По конструктивной особенности оформления основания статуэтки можно отнести к 4 группам:

1) статуэтки стоячие (столбчатые) на плоском основании: № 1 – Катарагач-тапа (рис. 3а, б), № 2 – Джемикент (рис. 4а, б), № 6 – Великент II (рис. 8а, б) и № 11 – Кабаз-Кутан I (рис. 13а, б);

2) статуэтка с плоским основанием и выступающими «ножками» – единственная такая статуэтка (№ 10 – рис. 12а, б) была найдена в Карацанской гробнице;

3) статуэтка стоячая с выемкой (полостью) в основании – № 8 (Великентский могильник I – рис. 10а, б);

4) антропоморфная ручка от глиняной жаровни (Великент II – № 9, рис. 11а, б;). Не упомянутые тут 4 образца пластики (№ 3–5 и 7 из Великента II), скорее всего, по косвенным признакам также относятся к первой группе статуэток с плоским основанием.

Из-за репрезентативно малого количества найденных в Дагестане на сегодняшний день образцов глиняной пластики эпохи РБ, при классификации материала приходится оперировать зачастую единичными критериями, свойственными исключительно той или иной фигурке. Например, такие признаки, как наличие «вульвы», «бровей», «нимба», «ожерелья», «ворота», «орнамента», «рта» и «ног», зафиксированы единично (см.: табл. 1). Этого не скажешь, правда, о таком признаке конструктивных особенностей статуэток, как наличие вертикальной врезной линии вдоль спины – такое характерно для статуэток № 2 (рис. 4а, б) – Джемикент, № 5 (рис. 7а, б) и № 6 (рис. 8а, б) – Великент II, № 10 (рис. 12а, б) – Карацан и № 11 (рис. 13а, б) – Кабаз-Кутан I. Такого «желобка» посередине спины, спускающегося вниз и делящего, как правило, седалища статуэток на две части, определенно лишены 2 статуэтки: № 1 (рис. 3а, б) – Катарагач-тапа и № 9 (рис. 11а, б) – антропоморфная ручка от жаровни. Оставшиеся 4 статуэтки (№ 3, 4 и 7 – из Великента II; № 8 – Великентский могильник I) теоретически могли иметь такой конструктивный признак.

Обобщая проведенные выше попытки расчленения анализируемого материала на классификационные группы, можно сказать, что абсолютно превалирующим типом в них является женская статуэтка с дисковидной головкой, выделенным носом – «защипом», круглыми наколами в виде глаз, распростертыми горизонтально руками–«отростками», налепными полусферическими грудями, стоящая на цилиндрическом или конусовидном постаменте с плоским, расширяющимся книзу основанием. Как уже говорилось выше, в нашем распоряжении имеются две практически целые статуэтки (курган Катарагач-тапа – № 1, рис. 3а, б; Карацанская каменная гробница – № 11, рис. 13-а, б), которые являются бесспорными воплощениями этого общего канона статуэтки эпохи РБ. Общий облик и стилистические особенности формовки еще 6 фрагментированных образцов, среди которых – 3 дисковидных головок с характерными носами-«защипами» и 3 безголовые статуэтки с женскими половыми обозначениями (вульва, груди; у одной статуэтки из Кабаз-Кутана I с большой вероятностью они подразумеваются), дополняют разными деталями и элементами генерализованный образ сохранившихся целых статуэток.

Для завершения общей характеристики дагестанской пластики эпохи РБ остановлюсь на их раз-

мерах. По существу, для нас принципиально важным здесь является один параметр – общая высота статуэтки (индекс H). По двум наиболее сохранившимся образцам (Катарагач-тапа и Карацан) у нас имеются 12,2 см и 12,6 см соответственно. Опираясь на эти параметры, а также на имеющиеся пропорциональные соотношения между такими частями целых статуэток, как соотношение общей высоты статуэтки (H) к высоте головы и шейки (H1; в отдельных случаях, когда диск головы поврежден у основания или по верхней кромке, можно взять индекс L1), а также соотношение общей высоты статуэтки к высоте по торсу, где заканчивается седалищная часть (его можно обозначить индексом H4), были получены вероятные значения общей высоты еще 7 сильно поврежденных статуэток: № 2 – 11,0 см, № 3 – 17 см, № 4 – 11,1 см, № 5 – 7,5 см, № 6 – 15,9 см, № 7 – 14,7 см и № 11 – 14,1 см. Итак, усредненная высота по 9 идентифицируемым статуэткам, из которых одна является мужской (№ 5), а остальные женскими, равна 12,9 см. При этом самой высокой (H = 17 см) статуэткой из списка была, по всей видимости, фигурка под № 3 (Великентское поселение II; рис. 5а, б), а самой низкой – упомянутая выше мужская статуэтка (№ 5 – рис. 7а, б) из того же памятника (H = 7,5 см).

Для сравнения размеров дагестанских терракот с себе подобными с других территорий, обратимся, например, к трипольским статуэткам: по данным А.П. Погожевой, «размеры их различны – от 3 до 25–27 см. Средний размер около 70% фигурок – 7–14 см. Редкие экземпляры, возможно, достигали 40 и даже 50 см» (Погожева, 1983. С. 11). Как видим, дагестанские статуэтки находятся примерно в той же нише средних размеров, что и подавляющая часть трипольских статуэток, к которым они близки и по ряду других параметров. Но об этом речь пойдет в конце статьи.

Говоря о типолого-морфологических особенностях рассматриваемых терракотовых статуэток, прежде всего, обращается внимание на оформление головы (в том числе личины); форме передачи рук в виде конусовидных, горизонтально направленных выступов-отростков; наличию на спине вертикальной желобчатой линии и специально утолщенной седалищной части, а также тумбообразному постаменту с плоским основанием. Помимо этих общих деталей, характерных для большинства женских статуэток, как целых, так и восстанавливаемых форм, мы на ряде статуэток видим и единично зафиксированные детали, которые также важны для понимания семантики антропоморфной пластики. Речь идет об изображениях на статуэтках, которые могут быть интерпретированы как украшения («ожерелье»), детали костюма и одежды («головной убор», «ворот», «ноги»), а также первичный половой признак («вульва»).

Начнем с головок статуэток. За исключением одной мужской статуэтки из Великентского могильника (№ 5 – рис. 7а, б) и нескольких безголовых статуэток, мы имеем дело с 5 статуэтками, сохранившиеся головки которых имеют стандартную форму в виде уплощенного, более или менее округлого диска диаметром в пределах от 3,9 до 6,3 см. На теменных сторонах дисков-головок во всех случаях зафиксированы плоские гладкие поверхности, на них ничего не нацарапано, не врезано. Личины всех голов почти стандартны: это массивные носы с округлыми по верху «хребтами», сделанные защипом сырой глины; это глаза в виде тонких круглых наколов, по-видимому, нанесенных острыми палочками. Ни разу на дисковидных головках не отмечен рот; брови в виде тонких врезных линий вразлет присутствуют только на одной статуэтке (№ 4 – рис. 6а, б). Также единично зафиксирован на дисковидных головках прием нанесения вдоль ободка диска мелких сквозных отверстий, образуя т.н. «нимб» (статуэтка № 10 из Карацана – рис. 12а, б). Такие «нимбы» неоднократно замечены на статуэтках среднего и позднего периодов трипольской культуры (Погожева, 1983. С. 65, 89, 99 и др., рис. 28, *2*; 30, *4*; 32, *4–7* и др.). Здесь же следует отметить, что дисковидные головки с носами-защипами очень характерны для трипольских статуэток опять же среднего и позднего этапов (на раннем этапе «А» статуэтки, как правило, имели заостренные головки с вытянутыми шейками). Пока нет общепринятого объяснения, для чего нужны были эти мелкие отверстия вдоль края дисковидных головок. Возможно, их использовали для прикрепления особого головного убора или же они предназначались для создания прически. От отверстий, составляющих «нимб», следует различать более крупные отверстия, которыми на личинах трипольских статуэток часто отмечали глаза (порою глаза дублировались такими отверстиями еще раз). Подобных отверстий на дагестанских статуэтках нет, если не считать два сквозных отверстия, нанесенные с двух краев головки на антропоморфной ручке от глиняной жаровни (Великентское поселение II – № 9, рис. 11а, б), здесь они также интерпретируются как «глаза». На Северном Кавказе дагестанские статуэтки с дисковидными головками и носами в виде защипов не одиноки, есть, хотя и редкие, аналогии. Как пример, можно привести

фрагмент статуэтки в виде плоского диска с выступающим носом-защипом, найденный на Дегуакско-Даховском поселении (Ростунов, 1983. С. 87, рис. 1, *17*). Сам же В.Л. Ростунов как аналогию способу оформления головы и носа, в частности, этой находки, указал на две статуэтки, которые были найдены в свое время в слое куро-аракской культуры на Серженьюртовском поселении I (см.: Козенкова, 1966. С. 75–76, рис. 25, *4–5*).

Указанные Серженьюртовские статуэтки близки к дагестанским не только формой головок и характером носа-защепа, но и общим обликом рук-«отростков» (у одной из статуэток) и наличием тумбообразного постамента с плоским основанием (сохранился у второй статуэтки). Следует отметить, что на Серженьюртовских поселениях I–II в ходе широкомасштабных раскопок была обнаружена большая коллекция антропоморфной пластики (70 экз.), датируемая большей частью кобанским временем; они многократно публиковались (Козенкова, 1966. С. 74–78; Kozenkova, 1994. P. 141–146; Козенкова, 2001. С. 38–41, рис. 82). Автор раскопок также обращала внимание на схожесть некоторых типологических черт серженьюртовских статуэток эпохи РБ со статуэткой из Катарагач-тапа[5].

На Агубековском поселении в Кабардино-Балкарии (Кричевский, Круглов, 1941. С. 51–63. рис. 3, *1*) и на поселении «Замок» у г. Кисловодска в Ставрополье (Кореневский, 1998. С. 100–101, рис. 17, *1–9*) были обнаружены в разные годы фрагменты глиняных статуэток, у которых головки имеют типологически близкие схожести с трипольскими статуэтками, что усиливается также таким признаком, как наличие по краю головки цепочки сквозных отверстий («нимб»). Эти статуэтки имеют слишком обобщенную близость к дагестанским статуэткам; их головки имеют вытянуто-овальную форму и сильно отличаются от «канона» дисковидных, круглых головок у дагестанских фигурок. Это различие усиливается и слабой выраженностью рук у центральнокавказских статуэток: у большей части упомянутых столпообразных образцов они или вовсе отсутствуют, или, как у одной статуэтки, переданы в виде небольших выступов-бугорков, на которых фронтально высверлены по одному сквозному отверстия (Кореневский, 1998, рис. 17, *1*). Этот небольшой типологический штрих, совершенно нехарактерный для дагестанской пластики, включает центральнокавказские статуэтки в круг терракотовых статуэток, имеющих близкие параллели в антропоморфной пластике трипольской культуры[6].

Я отметил выше, что наличие сквозных отверстий на невыразительных выступах-отростках, передающих наличие рук на статуэтке из поселения «Замок», очень характерно для антропоморфной пластики Триполья. Долгое время исследователи не могли понять, для чего служат подобные отверстия и дырки на трипольских статуэтках (есть аналогичные отверстия также на руках-выступах множества статуэток из Средиземноморья и других районов, с традиционной антропоморфной пластикой). Одним из первых о функциональном предназначении подобных сквозных отверстий на отростках-руках трипольских и других аналогичных статуэток высказался С.Н. Бибиков. По его остроумной догадке, подобные отверстия являются рудиментами от архаической, широко распространенной традиции в передаче культового жеста женских статуэток-«богинь», которые держали руки на грудях или под грудями (Бибиков, 1953. С. 228–238, рис. 76; см. также: Погожева, 1983. С. 8, 32, 40). При таком «жесте Анахиты или Астарты», как выразился С.Н. Бибиков, подразумевающем сгиб локтевого сустава углом-выступом, абрис рук с течением времени постепенно редуцировался в своеобразные конусовидные отростки, которые столь характерны для антропоморфной пластики самых различных культур эпохи бронзы, в особенности трипольской культуры и культур Средиземноморья (Киклады и др.).

Аналогичные руки в виде горизонтально распростертых выступов-отростков характерны и для анализируемых дагестанских статуэток, правда, здесь нет рудиментных сквозных отверстий на плечах, как бы показывающих просвет между туловом человека и отведенной в сторону его рукой. Исходя из этих соображений, будет неправильно говорить об «обрубленных» или «недоделанных» верхних конечностях персонажей древней пластики в Дагестане, как это часто делалось в археологической литературе.

---

[5] В статье В.И. Козенковой курган назван ошибочно как Катартаг-тапа (Козенкова, 1966. С. 76).

[6] На Северном Кавказе помимо упомянутых чеченских и центральнокавказских, в разное время были обнаружены и опубликованы еще и другие образцы антропоморфной пластики (Веселовский, 1910. С. 1–9; Марковин, 1959. С. 108–111; Формозов, 1963. С. 34–37; Нечитайло, 1978. С. 178–185; Пиотровский, 1984. С. 36–42), но все они еще слабее соотносятся с дагестанской раннебронзовой антропоморфной пластикой. Самое интересное, что и многим из этих статуэток авторы публикаций находят близкие аналогии в пластике Триполья и Средиземноморья, откуда, вероятно, был исходный импульс и для генезиса анализируемых статуэток из Приморского Дагестана.

Здесь же остановлюсь на еще одной детали, характерной для всех, более или менее хорошо сохранившихся дагестанских статуэток. Это своеобразный выступ в нижней части торса, ниже спины (рис. 3а, 8а, 12б, 13), который часто воспринимали за «ручку» или «хвост». Последний вариант в свое время даже натолкнул В.И. Марковина на мысль о том, что катарагачтапинская статуэтка «отдаленно напоминает бронзовые хвостатые фаллические фигурки позднего времени» (Марковин, 1988). Сейчас, после накопления уже серии антропоморфных статуэток в Дагестане и особенно после карацанской находки хорошо сохранившейся женской фигурки (№ 10 – 12а,б), совершенно ясно, что перед нами не просто какой-то выступ и тем более не «ручка» и не «хвост», а варианты передачи древним «скульптором» особенностей женской седалищной части. Общеизвестно, что многие древние статуэтки, изображавшие женскую фигуру, начиная от палеолитических «венер» и кончая «матронами» и «дамами» раннеземледельческих времен вплоть до конца бронзового века, а иногда и в эпоху раннего железа, уделяли этой части женского тела пристальное внимание. Зачастую это приводило к лепке пластических фигур женщин с чрезвычайно массивными ягодицами, что ясно выражало через стеатопигию идею о женщине, матери как о Богине плодородия, природного возрождения.

Выше уже упоминалось, что седалищные части дагестанских статуэток там, где они сохранились, разделены пополам врезными линиями, нанесенными посередине спины. Подобные врезные, а иногда и нарисованные краской линии вдоль спины спорадически наблюдаются и на статуэтках других территорий, например, трипольской культуры (Погожева, 1983. С. 91, рис. 27; Pogoševa, 1985. Abb. 384, 820, 830, 913, 1047, 1047). Обычно подразумевается, что такие линии имитируют длинную косу, спускающуюся с головы до ног, или же допускают, что это какие-то ленты, ниспадающие от головного убора или прически. В качестве предположения выскажу еще один вариант объяснения подобных желобчатых линий вдоль спин статуэток. В этом мне поможет наблюдение, сделанное некоторыми исследователями (Бибиков, 1953. С. 20; Погожева, 1973. С. 28–34; Овчинников, 2014. С. 197) в связи с частыми фактами разлома статуэток не только поперек самых уязвимых мест женских статуэток – по линии соединения торса и ножек, но и вдоль тулова. Оказывается, очень часто антропоморфные статуэтки лепили из двух вертикальных половинок фигур, тщательно маскируя швы, замазывая их слоем глины, ангоба. Но при этом было установлено, что иногда эти швы, линии, по которым состыковывались половинки фигур, наоборот, оставляли, окаймляли каким-либо узором. Очевидно, этот технологический нюанс формовки статуэток был вызван не прямой необходимостью лепки тулова из вертикально стыкуемых кусков, а скорее был результатом соблюдения неких культовых, обрядовых условий и требований, с которыми мастер сталкивался в процессе создания статуэток. Ввиду сказанного, в качестве версии допускаю, что вертикальные линии, спускающиеся с основания затылочной части головок до низа седалищной части дагестанских статуэток, представляют собой специальное акцентирование внимания на швы, по которым соединялись две вертикальные половинки тулов статуэток.

При характеристике 11-ти известных на сегодня в Дагестане статуэток эпохи РБ, данные о которых внесены в сводную таблицу, видно, что они (статуэтки) практически лишены орнаментации, в отличие от фигурок других традиций антропоморфной пластики, особенно трипольской. В качестве исключения можно указать, что на карацанской фигурке (№ 10 – рис. 12а,б) имеется украшение – «ожерелье», переданное двумя дуговидными рядами мелких точек-наколов. На мужской статуэтке, происходящей из раскопа IIС Великентского поселения II (№ 5 – рис. 7а, б), видны две врезные линии, нанесенные на плечи в виде латинской буквы V. Возможно, это попытка показать «ворот» какого-то верхнего одеяния (или же деталь принадлежности костюма типа «портупея»?). Наконец, у фрагмента статуэтки, найденного в 1979 г. в разведочном шурфе на Великентском поселении II (№ 3 – рис. 5а), можно заметить, что в районе шеи имеются нечеткие горизонтальные линии, которые могут быть интерпретированы как разновидность украшения – «ожерелья» или же являются технологическим «браком» процесса соединения головки и шейки к тулову статуэтки.

По трипольской и другим традициям создания антропоморфной пластики мы знаем, как часто женские половые знаки («ромб», «треугольник вершиной вниз» и др.) становятся элементами орнаментальных композиций, покрывающих статуэтку частично, а иногда и полностью. Статистически часты и случаи одиночного нанесения этих гендерных «опознавателей», когда на теле и конечностях фигурок нет других мотивов и знаков. В этом отношении дагестанская терракота эпохи РБ сильно отличается от трипольской, коль так часто приходится обращаться именно к ней. О женском статусе дагестанских статуэток в прямом смысле говорит лишь такой вторичный половой признак, как наличие грудей. Исключением из этого правила является статуэтка № 6 (Великентское

поселение IIC; рис. 8а, б), у которой низ массивного торса в грубоватой форме «увенчан» вертикальными валиками, изображающими «вульву». Обращает внимание то, что знак «вульвы» и с обратной стороны утолщенная седалищная часть расположены примерно друг против друга и приходятся на нижнюю треть общей высоты торса. По-видимому, оставшаяся часть от низа «вульвы» и седалищной части до кромки плоского основания всеми («мастерами», «заказчиками» работы и возможными участниками культово-обрядовых действий с применением статуэток) воспринималась как нижние конечности. Не говорит ли о продуктивности именно такого восприятия тумбообразных постаментов наличие на одной из дагестанских статуэток (№ 10 – Карацан) ножек (обуви?) с загнутыми вверх носками (рис. 12а, б)? В таком случае будет правильным поддержать мнение некоторых исследователей, считающих возможным видеть тумбообразное (столпообразное) основание части статуэток в качестве попытки передать покров свободно ниспадающей широкой одежды. Вот что, например, в этом плане пишет А.П. Погожева: «…о значительном распространении … (на Буге – *Р.М.*) фигурок подтипа типа c_3 с цилиндрическим основанием, очевидно, в ряде случаев передающим важный элемент одежды – длинную юбку. Как правило, эти фигурки устойчивы и приземисты, ноги их часто короче тулова. Обычно такому основанию соответствует и более объемно моделированный торс (подчеркнуто мною – *Р.М.*)» (Погожева, 1983. С. 80–81). Еще один пример: значительная часть коллекции антропоморфной пластики Телль Хазны I (С-В Сирия), недавно опубликованная Р.М. Мунчаевым и Ш.Н. Амировым, относится к женским изображениям. «Нижние конечности (в отличие от рук) на статуэтках Телль Хазны I не моделированы ни разу, – пишут авторы.– Этот факт заставляет предположить, что ноги изображаемых людей закрыты одеянием типа современной арабской рубахи – джалябии. Вероятнее всего, подобное одеяние с минимальными различиями в покрое использовалось в равной степени как женщинами, так и мужчинами» (Мунчаев, Амиров, 2016. С. 310).

Пока не очень ясно, как трактовать наличие полусферической выемки (полости) в основании фрагмента статуэтки, обнаруженного на территории Великентского могильника I (№ 8. рис. 10а, б). Аналогии этой типологической особенности на Кавказе найти не удалось, но они есть за его пределами. Например, среди столпообразных фигурок из Телль Хазны I есть ряд образцов, имеющих подобные выемки в основании (Мунчаев, Амиров, 2016, табл. 1, *681, 683*; 2, *573*); присутствует здесь и безголовая статуэтка с характерно откинутыми по горизонтали ручками-«отростками», покоящаяся на тумбообразном помосте с выемкой в основании (Мунчаев и др., 2001. С. 278, рис. 32, *2*). Среди трипольских статуэток тоже можно найти аналогии великентской статуэтке на тумбообразном постаменте с выемками и пустотами в основании и в тулове (Погожева, 1983. С. 33, рис. 9, *14–17*). А.П. Погожева связывает подобные факты с возможным существованием особого магического ритуала, связанного с производством статуэток и известного только посвященным (Погожева, 1983. С. 120, рис. 9, *14–17*).

Проведенные выше сопоставления дагестанских терракотовых фигурок с образцами антропоморфной пластики дали некоторые хронологические реперы, которые в предварительном порядке позволяют их сближать с материалами среднего (В–С1) и позднего (С2) этапов развития трипольской культуры. Не мешают этому и даты тех археологических комплексов Северного Кавказа, внутри которых находятся глиняные статуэтки, привлеченные для сравнительного анализа (Агубековское поселение; слой эпохи РБ поселения Серженьюрт I и др.). В этом плане заметно поздней выглядит датировка, данная В.Л. Ростуновым для фрагмента (головка) глиняной статуэтки из Дегуакско-Даховского поселения дольменной культуры (Ростунов, 1983. С. 88), но известно, что он часто грешил основательным «омоложением» возраста археологических культур и отдельных артефактов. Любопытно, что В.Л. Ростунов оценил возраст дегуакско-даховской статуэтки концом III тыс. до н.э., опираясь на статуэтку, найденную в слое C_1 поселения Квацхелеби. По обоснованному мнению, авторов раскопок, «уровень С Квацхелеби правильнее было бы отнести к началу и первой половине III-го тысячелетия до н.э., а не ко второй ее половине, на что могло указывать общее сходство с Сачхере, Бешташени и Дзагина», а вышележащий «уровень В к середине III тыс. до н.э.» (Джавахишвили А.И., Глонти, 1962. С. 64–65). Неубедительность датировки дегуакско-даховской статуэтки временем конца III тыс. до н.э. станет также ясно, если учесть, что за время, прошедшее с начала 60-х годов прошлого века (время выхода книги «Урбнисиси. I») по наши дни, хронология памятников куро-аракской культурно-исторической общности изменилась кардинально, однозначно, в сторону удревнения. В настоящее время верхняя дата этой общности не выходит за пределы середины III тыс. до н.э., а нишу второй половины III – начала II тыс. до н.э. плотно заняли памятники алазано-беденской (по-другому – памятники типа Марткопи–Цнори–Бедени) и триалетской культур.

Следует отметить, что в слое C_1 поселения Квацхелеби была найдена не одна статуэтка, о которой говорил В.Л. Ростунов, а целая серия, но все они, хотя внешне и похожи слегка на катарагачтапинскую и другие женские статуэтки из Дагестана (тумбообразное основание, конусовидные руки-отростки, нос прищепом и т.п.), но все же, отличаются от последних формой головы, а главное – они являются мужскими (Джавахишвили А.И., Глонти, 1962. С. 63, табл. IV, 280–282; XXIV).

Мужские статуэтки были найдены и на куро-аракском поселении Хизанаант-гора (Киквидзе, 1972. С. 14–17, 94, рис. 3, *4*), но они, как и фигурки из Квацхелеби, не имеют особой типологической близости к образцам дагестанской антропоморфной пластики эпохи РБ.

В Грузии традиция изготовления антропоморфной пластики имеет глубокие корни, восходят они к временам неолита и энеолита (Глонти, Джавахишвили А., Кигурадзе, 1973; Джавахишвили Г.А., 1984; Урушадзе, 1986; Урушадзе, 1988. С. 8–27, табл. I–IV), но это совершенно другой мир раннеземледельческой пластики, – ничего подобного пока на Северо-Восточном Кавказе не найдено, за исключением целой серии глиняных статуэток архаического облика из энеолитических поселений Тяллинг I–II в Чечне (Кореневский, Тайсумов, 2011, рис. 8, *4*; 20, *1–5*).

На территории Азербайджана находки глиняной антропоморфной пластики как для времени неолит–энеолит (Шому-тепе – Шулавери), так и для эпохи РБ, включая памятники куро-аракской культурно-исторической общности, очень редки (Нариманов, Исмаилов, С. 153–154, рис. 3, *1*; Исмаилов, 1962. С. 95–99, табл. 1; Исмаилов, 1978. С. 56–61, табл. XVIII, 1; Исмаилзаде, 2008. С. 106–112; Алекперов, 1994. С. 17–23, табл. I–II), и среди них очень трудно найти близких аналогий для дагестанской антропоморфной пластики эпохи РБ. Особо отметим глиняную женскую статуэтку, найденную на поселении Беюк-Кесик: она стоячего типа, имеет тумбообразный торс с плоским основанием, хорошо выражена седалищная часть, «половой орган разрушен и представляет аморфную выемку» (Нариманов, Ахундов, Алиев, 2007. С. 53, рис. XXIII, 1. Фото 9-В). К сожалению, верхняя часть данной статуэтки не сохранилась, но и без нее можно сказать, что беюк-кесикская женская фигурка типологически близка к статуэткам из Дагестана, чему не противоречит и дата поселения Беюк-Кесик в рамках последней четверти IV тыс. до н.э. (Нариманов, Ахундов, Алиев, 2007. С. 63). Азербайджанские коллеги относят поселение Беюк-Кесик к лейлатепинской культуре, делая акцент на ее близость к южным убейдско-урукским традициям. В этом отношении обращаю внимание на то, что поселение Великент II, откуда происходит большая часть дагестанских терракот эпохи РБ, хронологически занимает одну из самых ранних позиций в великентской культуре куро-аракской культурно-исторической общности и датируется временем второй половины IV – начала III тыс. до н.э. (Kohl, Magomedov, 2014, p. 97–98, tabl. 1. Fig. 3), т.е. по существу оно синхронно Беюк-Кесику. Для полноты картины еще отметим, что напластования поселения Великент II содержат в массовом количестве высококачественную керамику типа Великент II, технологически и морфологически очень близкую к лейлатепинской глиняной посуде (Kohl, Magomedov, 2014. P. 99–100. Fig. 4, *2*; Мунчаев, Амиров, Магомедов, 2010. С. 316–334).

Рассмотрев наиболее важные сравнительные материалы из сопредельных районов Северного Кавказа и Закавказья (пока без Армении), можно сделать вывод о том, что единая по своим типологическим особенностям и культурно-хронологической интерпретации дагестанская коллекция раннебронзовой антропоморфной пластики в значительной степени отличается от них и куда предметнее и понятнее сопоставляется с образцами трипольской антропоморфной терракоты, отстоящей от нее географически гораздо дальше.

Невозможность сейчас решить вопрос о конкретных путях проникновения компонентов трипольской антропоморфной пластики на Северо-Восточный Кавказ, а также отсутствие в настоящее время местных корней изготовления глиняных статуэток в эпохи неолита и энеолита, заставляет более пристально смотреть на место дагестанских антропоморфных фигурок в общей картине изобразительного искусства куро-аракского круга. Частично это было сделано выше на примерах из археологии Грузии и Азербайджана. Далее, рассмотрев раннебронзовые антропоморфные изображения из Армении, а также других, более южных районов, входящих в ареал распространения памятников куро-аракской культурно-исторической общности, хочется установить, насколько дагестанские статуэтки вписываются в общекуро-аракскую традицию антропоморфной пластики (и есть ли она вообще?), и помогает ли это лучше понять тяготение пластики из Приморского Дагестана к трипольскому культурному миру.

Следует отметить, что антропоморфная пластика с территории Армении раннеземледельческих эпох (неолит–энеолит–РБ) гораздо лучше известна

и целенаправленно изучена по сравнению с другими историческими областями Южного Кавказа. Сошлюсь здесь на две наиболее крупные публикации С.А. Есаян по этой тематике (Есаян, 1980; 1981. С. 5–19), в которых даны всесторонняя характеристика и анализ древней антропоморфной пластики Армении, по материалам, известным к концу 70-х годов XX в. В более поздней ее работе, написанной совместно с Е.В. Антоновой, учтены новые археологические открытия на территории Армении и Армянского нагорья в целом, и мы на примере антропоморфной пластики V–III тыс. до н.э. получаем интересную картину «местной специфики и межрегиональных связей» (Антонова, Есаян, 1988. С. 219–237). В данной статье даны не раз публиковавшиеся ранее рисунки глиняных статуэток куро-аракского времени, найденных на таких памятниках, как Шенгавит, Мохраблур, Арич, Джраовит, при этом обращаешь внимание, что некоторые из них по своему облику и типологическим особенностям относительно близки к дагестанским статуэткам. Например, головка статуэтки из Мохраблура (Антонова, Есаян, 1988, рис. 2, *б*) сделана в виде округлого диска, нос дан в виде характерного защипа, а вот глаза переданы в виде сквозных отверстий, а не тонкими наколами, как это делалось на дагестанских образцах. Присутствуют в Армении и мужские статуэтки на расширяющихся к низу тумбообразных постаментах с плоским основанием, но, к сожалению, у них не сохранились головки или они переданы в виде конусовидного завершения (Антонова, Есаян, 1988, рис. 2, *7, 10*). В целом в пластике эпохи РБ в Армении нет такого внутреннего типологического и стилистического единства в материале, как, например в Дагестане. Здесь гораздо заметнее процент мужских статуэток в общей коллекции находок, хотя и уступают по количеству женским. Сравнивая армянские материалы с аналогичными комплексами ряда близлежащих и дальних регионов Востока, авторы повторили вывод, который раньше был озвучен в работе Е.В. Антоновой: «…На исходе энеолита и в эпоху бронзы, на смену этим (сидячим натуралистичным. – *Р.М.*) фигуркам приходят стоящие, при этом нарастает схематизация и увеличивается число мужских изображений» (Антонова, 1977. С. 106 и далее). Далее возвращаясь неоднократно к проблеме схематизации антропоморфных фигурок «путем редукции их ног и превращения нижней части в цилиндро-коническое основание», авторы делают очень важное и для нас заключение: «Именно широкий хронологический и территориальный диапазон бытования этого признака не позволяет относить его к числу диагностирующих межкультурные связи» (Антонова, Есаян, 1988. С. 231; см. также: Антонова, Есаян, 1988. С. 226, 228–230). Значит, другими словами, на основании эволюции антропоморфной пластики от натуралистических сидячих изображений с раздельными ногами в сторону схематических и стоящих на постаментах с плоским основанием, происшедшей на стыке эпох энеолита и РБ, не удастся проследить пути проникновения в Дагестан той традиции антропоморфных изображений, ярким образцам которой посвящена эта статья. Редукция ног и превращение их в тумбообразную основу – это один из характерных признаков, присущих дагестанским статуэткам. Другой, не менее важный и опознавательный признак – это способ изображения головы человека посредством круглого диска с выступающим носом-защипом и глазами-наколами при полном игнорировании рта. Этот признак, как свидетельствует сравнительный фон Северного и Южного Кавказа, а также прилегающих районов Анатолии, не находит не то что абсолютно тождественных, но и сравнительно близких аналогий, за исключением одного явного случая близости из Дегуакско-Даховского поселения на севере и менее выразительного варианта схожести со статуэткой из Мохраблура на юге.

Таким образом, проблема генезиса внутри куро-аракского культурного единства самобытной и локальной традиции антропоморфной пластики, сложившейся в Приморском Дагестане к концу IV – началу III тыс. до н.э., остается нерешенной. Вопрос о воздействии на эту традицию т.н. «трипольских импульсов» и путях их проникновения в местную среду также сложен и требует нового наращения источниковой базы для исследований.

Я не стал специально останавливаться на вопросах семантики антропоморфных пластических изображений и реконструкции культово-обрядовой стороны их функционирования. При этом исходил, в первую очередь, из того факта, что сейчас слишком мало исходного материала, привязанного к надежному археологическому контексту, «закрытым комплексам», статуэткам in situ. Несмотря на относительно широкие раскопки куро-аракских памятников на территории Дагестана, к сожалению, до сих пор не найден ни один бесспорно культовый объект (типа святилища или храма). Без этих условий, мои реконструкции и умозаключения были бы целиком заимствованы из чужих работ, выводы которых основаны на значительно большей информации (см., например: Бибиков, 1953; Антонова, 1977, 1978, 1984, 1990; Ucko P.J., 1962; Ucko P.J., 1969).

Таблица 1

Сводная таблица находок антропоморфной пластики эпохи ранней бронзы на территории Дагестана

№ п/п	Памятник	Автор и год раскопок	Условия обнаружения	Сохранность	Пол	Размеры (см)		Глаза	Брови	Рот	Седалищный выступ	Желобок на спине	«Ожерелье»	Ворот	«Нимб»	Выемка в основании	Ноги	Позиция в таблицах
1.	Курган Катарагач-тапа	А.А. Русов, 1880	В основании кургана, внутри каменной выкладки	Целая (разбилась в древности, склеена)	Ж (Г)	H = 12,2 H1 = 4,2 H2 = 8	L = 9,5 L1= 4,5 L2 = 5,1	+	–	–	+	–	–	–	–	–	–	Рис. 3а; Рис. 3-б
2.	Джемикентское поселение	А.А. Русов, 1880	При раскопках кургана № 2, в потревоженном культурном слое поселения	Торс и левая рука	Ж (Г)	H ≈ 11,0 Hx = 8,2 H1 = ? H2 = 7,5	L = 8,4? L1 = ? L2 = 2,7x3,7	+?	–	?	–	+	–	–	–	–	–	Рис. 4а; Рис. 4б
3.	Великентское поселение II	М.Г. Гаджиев, 1979	Разведочный шурф IIA	Голова и левая рука	Ж–?	H ≈ 17,0 Hx = 9,2 H1 = 5,9 H2 = ?	L = 11,4? L1 = 6,3 L2 = ?	+	–	–	?	?	?	–	–	?	?	Рис. 5а; Рис. 5б
4.	Великентское поселение II	М.Г. Гаджиев, Ф.Л. Кол, Р.Г. Магомедов, 1994	Раскоп IIB	Голова	Ж–?	H ≈ 11,1 Hx = 4,2 H1 = 4,2 H2 = ?	L = ? L1 = 3,9 L2 = ?	+	+	–	?	?	?	–	–	?	?	Рис. 6а, б
5.	Великентское поселение II	М.Г. Гаджиев, Ф.Л. Кол, Р.Г. Магомедов, 1997	Раскоп IIC	Голова, левая рука, верхняя часть торса	М	H ≈ 7,5 Hx = 5,5 H1 = 1,8 H2 = >3,6	L = 6,5? L1 = 1,7 L2 = 2,7?	+	–	–	–	+	–	+	–	–	?	Рис. 7а, б
6.	Великентское поселение II	М.Г. Гаджиев, Ф.Л. Кол, Р.Г. Магомедов, 1998	Раскоп IIC Кв. 8А, гл. -2,40 м	Торс, руки	Ж (Г+В)	H ≈ 15,9 Hx = 10,4 H1 = ? H2 = 10,4	L = 8,7 L1 = ? L2 = 5,5x5,6	+?	?	?	+	+	–	–	?	–	–	Рис. 8а; Рис. 8б

7.	Великентское поселение II	М.Г. Гаджиев, 2000	Раскоп IID	Голова	Ж-?	H ≈ 14,7 Hx = 4,+ H1 = >4,1 H2 = ?	L = ? L1 = 5,4 L2 = ?	+	?	–	?	?	?	?	–	?	?	Рис. 9а, б
8.	Великентский могильник I	О.М. Давудов, Р.Г. Магомедов, 1983	Поверхностный слой, вне погреб-го комплекса	Основание статуэтки – ? (кольцевой поддон)	?	Hx = 2,8 H1 = ? H2 = >2,8	L = ? L1 = ? L2 = 4,4x4,7	?	?	?	?	?	?	?	?	+	–	Рис. 10а, б
9.	Великентское поселение II	М.Г. Гаджиев, 2001	Раскоп IIC Хозяйственная яма XVIII	Антропоморфная ручка от глиняной сковороды	?	Hx = 6,0 H1 = ≈ 4 H2 = 0	L = 9,6 L1 = 0 L2 = 0	+?	–	+	–	–	–	–	+	–	–	Рис. 11а, б
10.	Карацанская каменная гробница	Б.М. Салихов, 1993	В заполнении разрушенной погребальной конструкции	Целая (не сохранилась левая нога)	Ж (Г)	H ≈ 12,6 H = 12,6 H1 = 4,0 H2 = 8,6	L = 3,9 L1 = 6,8 L2 = 4x3,5	+	–	–	+	+	+	–	+	–	+	Рис. 12а, б
11.	Поселение Кабаз-Кутан I	Ф.Л. Кол, Р.Г. Магомедов, 1997	Разведочный шурф 1	Нижная часть торса	?	H ≈ 14,1 Hx = 5,1 H1 = ? H2 = >5,1	L = ? L1 = ? L2 = 4,6x4,7	+?	?	?	+	+	?	?	?	–	–	Рис. 13а; Рис. 136

Индексы: H – общая высота артефакта; Hx – сохранившаяся высота артефакта; H ≈ реконструируемая высота; H1 – высота головы и шеи статуэтки; H2 – высота торса. L – наибольшая ширина распростертых рук; Lx – сохранившая ширина артефакта; L1 – фронтальная ширина головы; L2 – ширина и толщина основания.

+ – присутствие признака; - отсутствие признака; ? – отсутствие данных; > больше данной величины; ≈ приблизительная величина.

М – мужской пол; Ж – женский пол; Г – груди; В – вульва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алекперов А.И., 1994. Терракоты древнего Азербайджана. Баку.

Антонова Е.В., 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.

Антонова Е.В., 1978. К вопросу о значении поз антропоморфных изображений дописьменной эпохи (Передняя и Средняя Азия) // Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура). М. С. 5–16.

Антонова Е.В., 1984. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии: опыт реконструкции и восприятия. М.

Антонова Е.В., 1990. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.

Антонова Е.В., Есаян С.А., 1988. Антропоморфная скульптура Армянского нагорья V–III тысячелетий до н.э. Местная специфика и межрегиональные связи // Древний Восток: Этнокультурные связи. М. С. 219–237.

Бакушев М.А., Гаджиев М.С., 2014. О датировке некоторых антропоморфных статуэток Дагестана албано-сарматского времени // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XVIII Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 21–25 апр. 2014 г. М. С. 220–22.

Бибиков С.Н., 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре // МИА. № 38.

Веселовский Н.И., 1910. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах южной России // ИАК. Вып. 35.

Гаджиев М.Г., 1990. К изучению искусства ранних земледельцев Дагестана // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала. С. 11–29.

Гаджиев М.Г., 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: эпоха энеолита и ранней бронзы. М.

Гаджиев М.Г., 2002. Отчет о полевых исследованиях на поселениях Великент I и II в 2001 г. Махачкала, 2002 // Архив ИА РАН. Р. I. № 25980, 25981.

Гаджиев М.Г, Гаджиев Ш.М., 2002. Раскопки поселений Великент I и II в Дагестане // АО 2001. М. С. 258–259.

Гаджиев М.С., Бакушев М.А., 2016. Терракотовые антропоморфные статуэтки Южного Дагестана албано-сарматского времени // Вестник Института ИАЭ. № 1. С. 108–116.

Глонти Л., Джавахишвили А., Кигурадзе Т., 1973. Антропоморфные фигурки из Храмис-Дидигора // Дзеглис мегобари. № 33. Тбилиси.

Дербенту – 5000 лет: путеводитель / авт. текста А.А. Кудрявцев; сост. Б.Ш. Нувахов. М. 1989.

Джавахишвили А.И., Глонти Л.И., 1962. Урбниси. Вып. I. Археологические раскопки, проведенные в 1954–1961 гг. на селище Квацхелеби (Твлепиа-кохи). Тбилиси (на груз. яз.).

Джавахишвили Г.А., 1984. Антропоморфная пластика в языческой Грузии. Тбилиси (на груз. яз.).

*Есаян С.*А., 1980. Скульптура древней Армении. Ереван.

Есаян С.А., 1981. Скульптура Армении эпохи ранней бронзы // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье: (история и культура). М. С. 5–19.

Исмаилзаде Г., 2008. Азербайджан в системе раннебронзовой культурной общности Кавказа. Баку.

Исмаилов Г.С., 1962. Глиняные фигурки из поселения Баба-Дервиш близ города Казаха Азербайджанской ССР // Докл. АН Аз. ССР. № 10. С. 95–99.

*Исмаилов Г.*С., 1978. Археологическое исследование древнего поселения Баба-Дервиш (III тысячелетие до н.э.). Баку.

Киквидзе Я.А, 1972. Раннебронзовое поселение Хизанаант-гора. Тбилиси.

Козенкова В.И., 1966. Антропоморфные статуэтки из Серженьюрта // КСИА. Вып. 108. С. 74–78.

Козенкова В.И., 2001. Поселок – убежище кобанской культуры у аула Сержень-юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.

Кореневский С.Н., 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. I. Археология. Ставрополь. С. 96–147.

Кореневский С.Н., Тайсумов Т.А., 2011. Телли «Тяллинги» I и II у с. Курчалой в Чечне // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. М.; Грозный. С. 17–46.

Кричевский Е.Ю., Круглов А.П., 1941. Неолитическое поселение близ г. Нальчика // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. МИА. Вып. 3. М.; Л. С. 51–63.

Круглов А.П., 1958. Северо-Восточный Кавказ в II–I тыс. до н.э. // Древние племена и народности Кавказа. МИА. Вып. 68. М.; Л.

Кудрявцев А.А., 1994. Мусульманский город Дагестана: сложение Дербента в домонгольский период. Махачкала.

Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1988. Дербент в эпоху ранней бронзы // XV «Крупновские чтения

по археологии Северного Кавказа». ТД. Махачкала. С. 8–9.

Магомедов Р.Г., 1995. Отчет об итогах полевых работ Дагестано-Американской экспедиции в Великенте в 1994 г. Махачкала. 1995 // Архив ИА РАН. Ф. Оп. Д № .23031-23033

Магомедов Р.Г., 2005. Антропоморфная ручка от глиняной жаровни из поселения Великент II // Вестник Института ИАЭ. № 1. С. 71–80 .

Марковин В.И., 1959. Глиняная статуэтка из станицы Урупской // КСИА. Вып. 76. С. 108–111.

Марковин В.И., 1986. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М. С. 74–124.

Массон В.М., Сарианиди В.И., 1973. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы: опыт классификации и интерпретации. М.

Мунчаев Р.М., 1961. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. // МИА. Вып. 100. М.

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., 2016. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. Т. 2. М.

Мунчаев Р.М. Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., Цетлин Ю.Б., Магомедов Р.Г., Элиас С., 2001. Раскопки Телль Хазны I в Северной Месопотамии // АО 2000. М. С. 276–278.

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., Магомедов Р.Г., 2010. Восточный Кавказ и проблема кавказско-месопотамских связей в IV–III тыс. до н.э. // Исследования первобытной археологии Евразии: сб. ст. к 60-летию чл.-корр. РАН, проф. Х.А. Амирханова. Махачкала. С. 316–334.

Нариманов И.Г., Исмаилов Г.С., 1962. Акстафачайское поселение близ города Казаха // СА. № 4. С. 149–156.

Нариманов И.Г., Ахундов Т.И., Алиев Н.Г., 2007. Лейлатепе. Поселение, традиция, этап в этно-культурной истории Южного Кавказа. Кн. 1. Баку.

Нечитайло А.Л., 1978. Антропоморфные алебастровые статуэтки в ранних памятниках северокавказской культуры // СА. № 2. С. 178–185.

Овчинников Е.В., 2014. Трипільська культура Канівского Подніпров·я (етапи В II – С I). Київ.

Пиотровский Ю.Ю., 1984. Комплекс антропоморфных изображений Ульского аула и вопросы контактов населения Северного Кавказа в эпоху средней бронзы // АСГЭ. Вып. 25. Л., С. 36–42.

Погожева А.П., 1973. К вопросу о технологии изготовления раннетрипольских статуэток // КСИА. Вып. 134. С. 28–34.

Погожева А.П., 1983. Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск. Наука. Сиб. отд.

Ростунов В.Л., 1983. О куро-аракских элементах в керамике дольменной культуры // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе. С. 86–89.

Русов А.А., 1882. Отчет о летних и осенних археологических работах в Южном Дагестане // V-й Археологический съезд. I: Тр. Предварительных комитетов. М. С. 503–621.

Салихов Б.М., 1994. Новые памятники эпохи ранней бронзы Кайтага (Дагестан) // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Кисловодск.

Салихов Б.М., 1995. Антропоморфная статуэтка из Карацана // Региональная науч. конф. молодых ученых, посвящ. гуманитарным исследованиям: к 50-летию образования ДНЦ РАН. ТД. Махачкала. С. 25–26.

Соловьева Н.Ф., 2008. Антропоморфные изображения Туркменистана поры среднего энеолита: (по материалам поселения Илгынлы-депе). СПб. Фак-т филологии и искусств СПбГУ. 327 с.

Тодорова Х., 1980. Классификация и числовой код пластики неолита, энеолита и ранней бронзовой эпохи Болгарии // Studia Praehistorica. 3. София. С. 43–64.

Урушадзе Н.Е., 1986. Памятники фигуративной пластики древней Грузии // Мацне. № 11. Тбилиси.

Урушадзе Нина, 1988. Древнегрузинское пластическое искусство. Тбилиси.

Формозов А.А., 1963. Новое о южных связях майкопской культуры // КСИА. Вып. 93. С. 34–37.

Gadzhiev M.G. et al., 1995. Gadzhiev M.G., Kohl P.L., Magomedov R.G., Stronach D. The 1994 Excavations of the Daghestan-American Archaeological Expedition to Velikent in Southern Daghestan, Russia // Iran. XXXIII. P. 139–147.

Gadzhiev M.G., Kohl P.L., Magomedov R.G., Stronach D. and Gadzhiev S.M., 2000. Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russia 1997–99, 2000 // Eurasia Antiqua. Bd. 6. P. 47–123.

ESA, 1936. Eurasia Septentrionalis Antiqua. T. II. 1936. C. III.

Kohl P.L., Magomedov R.G., 2014. Early Bronze developments on the West Caspian Coastal Plain // Paleorient. Vol. 40, № 2. P. 93–114.

Kozenkova Valentina I., 1994. Anthropomorphic figurines from the North Caucasus // Antiquity. Vol. 68 (258). P. 141–146.

Magomedov R.G., 2006. The Kura-Araxes “Culture” in the North-Eastern Caucasus: Problems in its Identification and Chronology // Beyond the Steppe and the Sown: Proceedings of the Chicago Conference on Eurasian Archaeology. Leiden; Boston. P. 142–159. (Colloquia Pontica; vol. 13).

Pogoševa A.P., 1985. Die Statuetten der Tripolje-Kultur // Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 7. S. 95–242.

Ucko P.J., 1962. The Interpretation of Prehistoric Anthropomorphic Figurines // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. 92, № 1. P. 38–54.

Ucko P.J., 1969. Ethnography and Archaeological Interpretation of Funerary Remains // WA. Vol. 1 (2). P. 262–280.

R.G. Magomedov

ANTHROPOMORPHIC STATUETTES OF THE EARLY BRONZE AGE FROM THE NORTH-EASTERN CAUCASUS

Abstract. Here, we present the first comprehensive overview of anthropomorphic statuettes of the Early Bronze Age discovered in Daghestan. Presently, the total number of such finds is 11; most statuettes were found during excavations at Velikent II. An overwhelming majority of statuettes represent females (with the exception of one male statuette from Velikent). Comparing these finds with Bronze Age anthropomorphic statuettes within a broader context of the North Caucasus, the Trans-Caucasus, Western Asia, the Balkans and Central Asia, the author demonstrates unique features of the Dagestan anthropomorphic statuettes of the Early Bronze Age that formed part of funerary offerings typical for the Velikent culture of the Kura–Araxes cultural community.

Keywords*:* Northeastern Caucasus; Early Bronze Age; Velikent culture; Kura–Araxes cultural community; Kataragach-tapa kurgan; Velikent II settlement; Kabaz-Kutan I settlement; anthropomorphic statuettes; clay statuette.

Рис. 1. Карта Северо-Восточного Кавказа с указанием мест находок глиняных антропоморфных статуэток эпохи ранней бронзы: *1* – Джемикент, *2* – Великент III, *3* – Великент II, *4* – Кабаз-Кутан I, *5* – Карацан, *6* – Катарагач-тала, *7* – Серженьюрт I

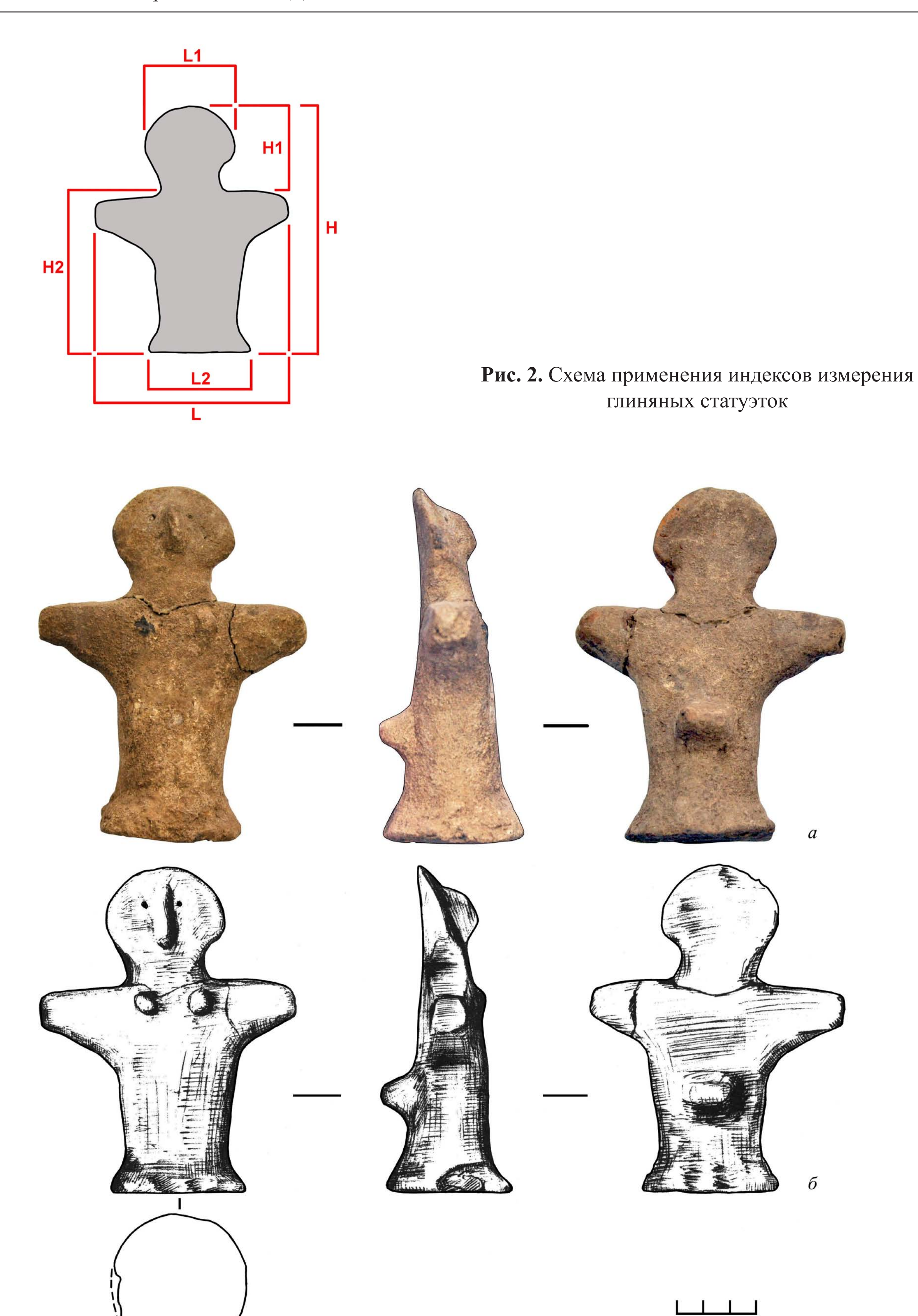

Рис. 2. Схема применения индексов измерения глиняных статуэток

Рис. 3. Статуэтка № 1. Курган Катарагач-тапа

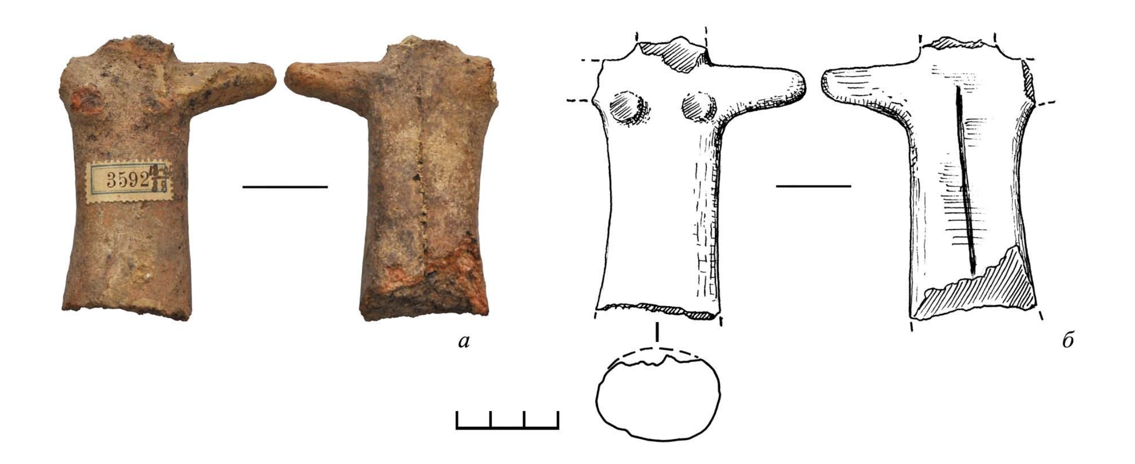

Рис. 4. Статуэтка № 2. Джемикентское поселение (под курганной насыпью)

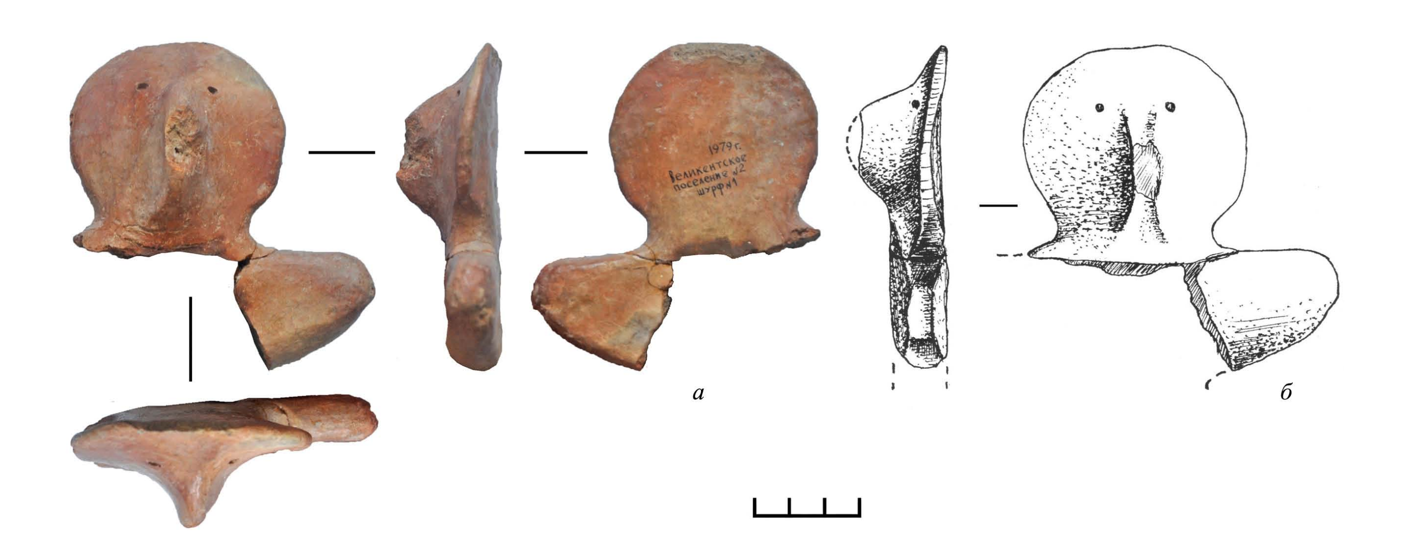

Рис. 5. Статуэтка № 3. Великентское поселение II. Разведочный шурф IIА

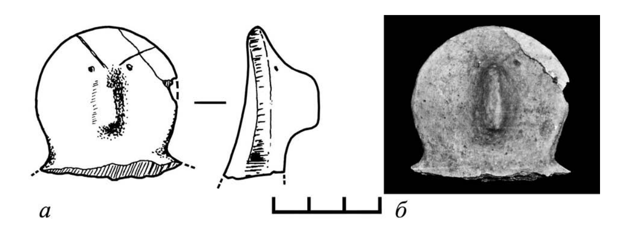

Рис. 6. Статуэтка № 4. Великентское поселение II. Раскоп IIВ

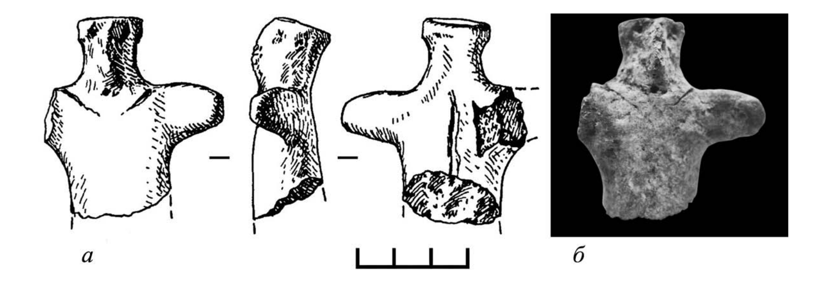

Рис. 7. Статуэтка № 5. Великентское поселение II. Раскоп IIС

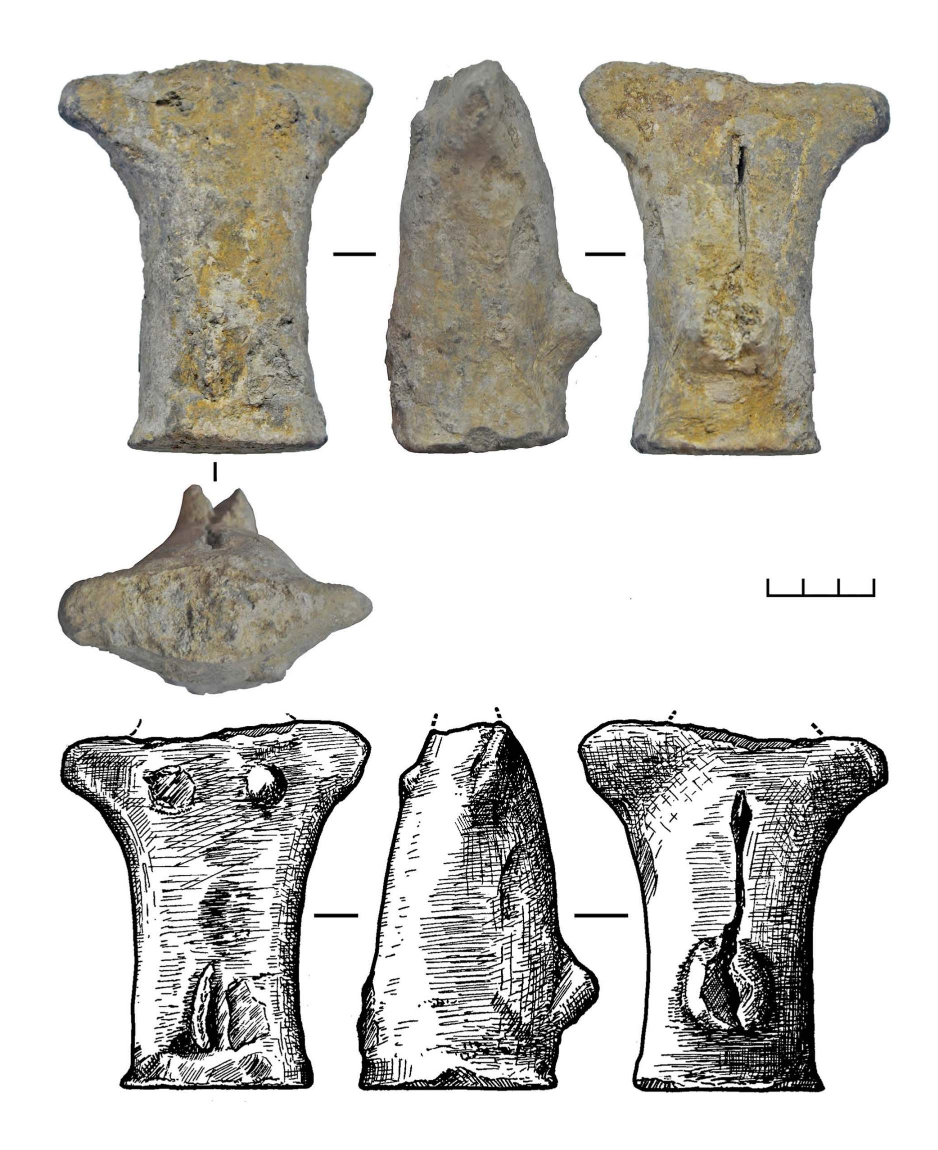

Рис. 8. Статуэтка № 6. Великентское поселение II. Раскоп IIС, кв. 8А, гл. -2,40 м

Рис. 9. Статуэтка № 7. Великентское поселение II. Раскоп IID

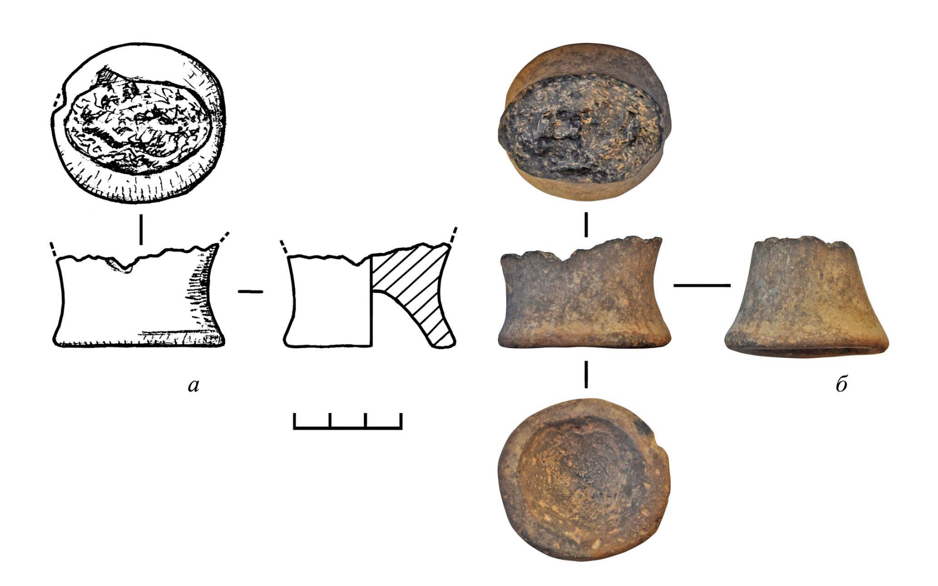

Рис. 10. Статуэтка № 8. Великентский могильник I (вне погребений; верхний слой)

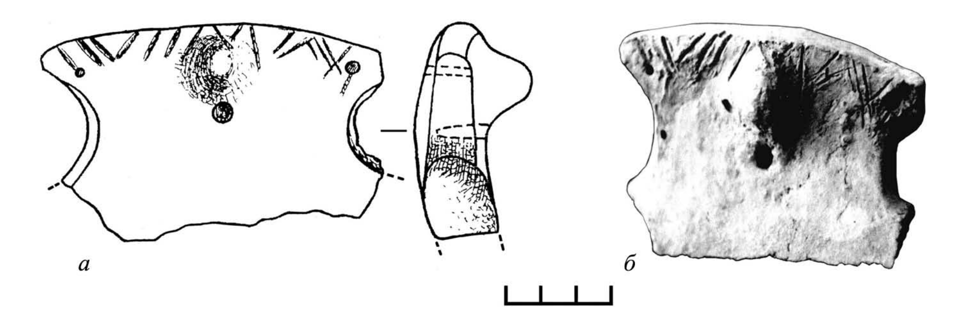

Рис. 11. Статуэтка № 9. Великентское поселение II. Раскоп IIC, хоз. яма XVIII

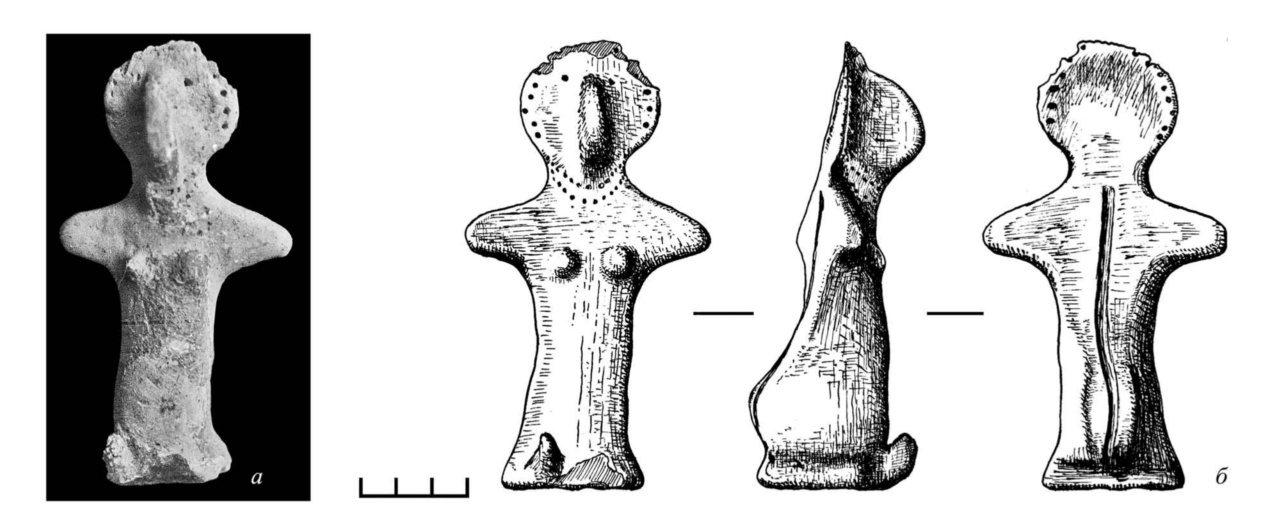

Рис. 12. Статуэтка № 10. Карацанская каменная гробница

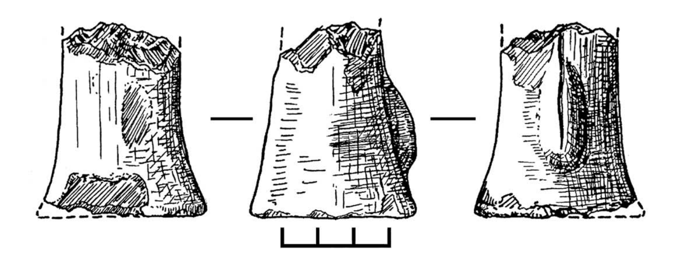

Рис. 13. Статуэтка № 13. Поселение Кабаз-Кутан I

М.В. Андреева

СОСТАВ И СТРУКТУРА НАБОРОВ ИНВЕНТАРЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ ВОСТОЧНОМАНЫЧСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Резюме. Насыщенность погребений предкавказской (манычской) катакомбной культуры вещами позволяет предполагать в наборах погребального инвентаря потенциально важный источник для историко-культурных реконструкций. Статья посвящена обсуждению коэффициентов корреляции, отражающих частоту совместного нахождения артефактов, построению и интерпретации графов взаимосвязи предметов в комплексах. Исследование проведено на материалах базы данных, включившей описания материалов 486 индивидуальных погребений взрослых и детей. В расчет принимался только показатель наличия/отсутствия находки данного вида в погребении. В результате делается вывод об отсутствии в погребениях «базового» или «канонического» набора вещей, присущего значительной части комплексов. Выделяются две основные области связанных между собой предметов. Первая – обширная – содержит весь комплект бронзовых орудий, вторая – существенно более узкая и не представленная массовыми видами находок, – включает только каменные орудия. Общую конфигурацию дополняет полностью свободный от положительных связей предмет, находки которого в то же время наиболее часты, – курильница. При интерпретации данных автор исходит из гипотезы, что в могилах катакомбных и более ранних культур имело место упокоение предметов, широко использовавшихся прежде всего в культовых целях, а сама погребальная практика была полностью включена в состав жертвоприносительного ритуала. В данном случае ритуал, вероятно, был сложносоставным. Судя по отсутствию выраженной положительной корреляции трех групп предметов (бронзовые и каменные орудия и курильницы), связанные с ними обряды могли исполняться как в составе общего ритуала, так и по отдельности, что и отразилось в различных по объему наборах инвентаря в погребениях. Степень сложности ритуала, вероятно, зависела от социального статуса погребенного.

Ключевые слова: бронзовый век; Предкавказье; катакомбная культура; погребальный обряд.

Погребения предкавказской (манычской) катакомбной культуры отличает сравнительное разнообразие находок. Помимо керамической посуды здесь встречаются орудия труда и оружие из различных материалов, кости животных, деревянные повозки, личные украшения. Среди восточноманычских индивидуальных погребений, о которых речь пойдет ниже, лишь пятая часть может считаться «безинвентарными», и то достаточно условно, поскольку из рассмотрения исключаются плохо фиксируемые следы органических подстилок, красок и огня (Андреева, 2014. С. 25). Насыщенность комплексов вещами позволяет предполагать в наборах погребального инвентаря потенциально важный источник для реконструкций социальной организации носителей этой катакомбной традиции. Вместе с тем, визуально достаточно сложно обнаружить закономерности помещения предметов и их сочетаний в могилы: даже наиболее часто встречающаяся разновидность находок – курильница – зафиксирована лишь в четверти погребений. Анализ ситуации предполагает в качестве первого шага вычисление коэффициентов корреляции, отражающих частоту совместного нахождения артефактов, построение и интерпретацию графов взаимосвязи предметов в комплексах.

Расчеты производились на материалах базы данных, включившей описания материалов 486 индивидуальных погребений взрослых и детей из 28 памят-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.203-215

ников (Андреева, 2014. Прил. на компакт-диске). Из рассмотрения нами были исключены недостаточно регулярно зафиксированные в полевых документах следы подстилок и покровов, красок и огня; вещи, представленные менее чем в 1% индивидуальных погребений; керамические сосуды, которые из-за плохой сохранности или пробелов в документации не могли быть отнесены к определенному виду.

Как правило, погребение содержало по одному экземпляру предметов одной категории/вида; исключение составляли прежде всего сосуды, чаще всего кувшины/кружки, представленные иногда несколькими экземплярами (до 5). Однако в расчет принимался только показатель наличия/отсутствия находки данного вида в погребении. Учтены также находки личных украшений, формально не являющихся категориями погребального инвентаря. Это металлические височные кольца и наборные украшения из бус и пронизей, для изготовления которых использовали в основном фаянс, бронзу, кость, сердолик, гагат. В соответствии с количеством материалов, использованных для всех наборных украшений в пределах одного комплекса, были сформированы три условных показателя (украшения из одного, двух, трех и более материалов в одном погребении).

По частоте нахождения в комплексах находки были разделены на группы. Основу инвентарного комплекса составляют 6 видов находок, встреченных в 13–26% погребений (так называемые *массовые* находки); остальные входят в группы *серийные* (7–10% комплексов, 7 видов), *редкие* (2–5%; 16 видов) и *эксклюзивные* (1%, 6 видов) предметы (таблица).

Коэффициент корреляции рассчитывался в пакете STATISTICA.10. Для построения графов эмпирически был найден нижний порог (0.15) значимых положительных связей (рис. 1), позволивший выявить отдельные «узлы» связанных между собой (регулярно встречающихся вместе) предметов. Немногочисленные коэффициенты корреляции демонстрируют отрицательное значение, как правило, очень низкое; некоторые случаи отрицательной корреляции упоминаются ниже.

Рассмотрим построенные графы, последовательно переходя от массовых к более редким находкам.

Из 6 *массовых* находок 3 (бронзовые ножи, стержни-шилья и керамические чугунковидные горшки) образуют выразительный треугольник связей (рис. 2), остальные остаются независимыми друг от друга. *Серийные* находки либо привязываются к массовым (реповидные сосуды, костяные орудия/предметы, кости мелкого рогатого скота (МРС), астрагалы), либо имеют связи с серийными же (украшения из двух видов материалов в комплексе), либо стоят особняком (песты, каменные орудия/предметы) (рис. 3). *Редкие* находки разделяются на группу из 8 предметов (бронзовые крюки, тесла и долота; деревянные посуда и повозки; лопатки МРС; металлические височные кольца; наборные украшения из различных материалов), очень тесно связанных между собой (рис. 4), а также с бронзовыми ножами и стержнями-шильями, реповидными сосудами и предметами/орудиями из кости (рис. 5). К этой же области относятся находки престижного каменного оружия; напротив, каменные ступки/наковальни оказываются прочно завязанными на каменные песты (коэффициент корреляции 0.39) (рис. 6). Особняком стоят жаровни и группа редких видов керамической посуды, либо не имеющих значимых связей с другими, либо связанных только друг с другом. Наконец, особое срединное место на графе занимают редко встречающиеся в погребениях кости крупного рогатого скота (КРС). *Эксклюзивные* находки демонстрируют тяготение либо к нижней области графа, где представлены бронзовые орудия (бронзовые иглы, кости змей и птиц, керамические воронки, кремневые стрелы вне наборов мастеров-изготовителей), либо к верхней области с каменными орудиями/предметами (песчаниковые выпрямители, кремневые заготовки) (рис.6).

В целом, как и ожидалось, можно констатировать отсутствие в индивидуальных восточноманычских погребениях «базового» или «канонического» набора вещей, присущего значительной части комплексов (при том, что керамическую посуду содержало 60% комплексов). Обратим внимание на три пары очень тесно связанных между собой бронзовых орудий: тесло и долото (редкие; коэффициент корреляции 0.77), нож и стержень (массовые; 0.56), крюк и тесло (редкие; 0.45). Отметим как значительные разрывы в значениях коэффициента между этими парами, так и важность для понимания обряда тесной корреляции именно массовых находок – ножа и стержня-шила.

Выделяются две основные области связанных между собой предметов. *Первая* – обширная – содержит *весь комплект бронзовых орудий*, известный в восточноманычских комплексах, и связанные с ними другие предметы, как явно дорогие и престижные – деревянные повозки, металлические височные кольца, полированное оружие из камня, так и те находки, престижность которых обнаруживается именно благодаря тесной связи с бронзовыми ред-

кими орудиями – керамические реповидные сосуды, деревянная посуда, лопатки МРС. С этой же группой тесно связано присутствие в погребениях наборных украшений (ожерелья, пояса, браслеты) из различных (более двух) материалов. В целом можно назвать всю эту область прочно связанных между собой предметов «престижным набором».

Внутри этого набора *наиболее многочисленные положительные связи* из числа массовых предметов имеют нож и стержень, из серийных – реповидные сосуды и костяные орудия/предметы; из редких – бронзовые крюки, тесла, долота, металлические височные кольца, наборные украшения из различных материалов, деревянная посуда, повозки, лопатки МРС.

Большинство сильных положительных связей во всем массиве (интервал значений корреляций 0.35–0.44) также приходится на артефакты «престижного набора».

К этому набору, по-видимому, близки два вида массовых находок – чугунковидные горшки (связаны парой «нож – стержень-шило») и отчасти кости МРС (связаны только с ножами). Несмотря на то, что чугунковидные и реповидные горшки редко встречаются в одном погребении и присутствуют на памятниках в обратно-пропорциональном количестве (Андреева, 2014. С. 207, илл. 33), полностью отрывать «чугунки» и кости МРС от «престижного набора», с предметами которого оба этих вида находок все же встречаются, не представляется возможным. Скорее можно предположить, что «чугунки» и кости МРС маркируют «первую ступень» престижных погребений: обе эти категории вещей хорошо представлены в младших группах (младенцы, дети, подростки), где реповидные сосуды и бронзовые орудия практически отсутствуют (Андреева, 2014. С. 72–74).

Более или менее явно с «престижным набором» связываются редкие находки каменного полированного оружия и три вида эксклюзивных находок – бронзовые иглы, керамические воронки, кремневые стрелы, кости диких животных (в основном, птиц и змей).

Вторая область взаимосвязанных артефактов включает исключительно *каменные орудия*. Ни одно из них не является массовой находкой, к серийным относятся песты и такая сборная категория, как каменные орудия и предметы без определения вида, к редким – ступки/наковальни, к эксклюзивным – выпрямители и кремневые орудия/заготовки. Более или менее очевидно, что песты связаны, с одной стороны, со ступками/наковальнями, образуя устойчивую пару (коэффициент корреляции 0.39), с другой – с выпрямителями и кремневыми орудиями и заготовками. Отметим, что пара (иногда, впрочем, это трио, поскольку в набор входят два песта – большой и маленький) «пест – ступка/наковальня» (как оба этих предмета, так и по отдельности) встречается в погребениях с редкими бронзовыми орудиями (большей частью – в Ергенинском могильнике), в то время как «производственные» наборы каменных орудий (мастеров-изготовителей предметов из металла, кремня и кости), включающие пестообразные каменные орудия, бронзовыми крюками, теслами и долотами не сопровождаются. Заметим, что именно в сочетаниях «пест – ступка/наковальня» встречаются орудия с совершенными формами и заполированной поверхностью, что позволяет относить их к числу престижных предметов. Без специальных исследований, однако, трудно определить, все ли орудия, определяемые археологами как песты, имели одну и ту же функцию. Скорее всего, область каменных орудий включает два не связанных между собой набора: 1) «престижный» – пест/песты и ступка/наковальня и 2) «специализированный» – пест/песты и узкоспециальные орудия и заготовки.

С обеими выделенными областями (с престижными орудиями из бронзы – с одной стороны, со каменными ступками/наковальнями – с другой) связаны редкие в восточноманычских погребениях находки костей КРС.

Общую конфигурацию дополняет полностью свободный от положительных связей предмет, находки которого в то же время наиболее часты (26% погребений), – курильница. Отметим, курильницу же отличает наибольшее число отрицательных связей, в частности, коэффициент корреляции курильниц с жаровнями достигает максимального отрицательного значения в массиве (-0.12). Очевидно, что появление курильницы в комплексе никак не обусловлено наличием/отсутствием других находок, и, следовательно, предполагает какую-то особую мотивацию.

Весьма условное разделение наборных украшений по числу использованных для них материалов в расчете на один комплекс оказалось неожиданно «работающим»: украшения из различных (более двух видов) материалов прочно вписаны в «престижный набор», украшения из одного вида материала нейтральны по отношению к нему, а украшения из двух видов материалов, можно сказать, занимают промежуточное положение – тяготеют к «престижному набору» (простые связи с повозками, височными кольцами, реповидными сосудами).

Связи более скромных украшений из одного-двух видов материалов с астрагалами, равно как и связь кувшинов/кружек с костями МРС, могут быть объяснены составом инвентаря погребений младших групп. Сами по себе кувшины/кружки – самый массовый вид посуды, в отличие от «чугунков» и «реп», не имеют связей с «престижным набором».

Что касается редких видов керамической посуды (высокошейных горшках, двуручных «амфорах», мисках), то сказать что-то определенное о их включенности в систему связей затруднительно. Возможно, речь идет об условности выделения некоторых видов, не отвечающей представлениям носителей восточноманычской культурной традиции. Например, кувшины/кружки с одной ручкой, двуручные «амфоры» и/или высокогорлые горшки без ручки могли рассматриваться как одна форма, а миски и банки – как разные.

В заключение необходимо остановиться на возможной содержательной интерпретации построенных графов. Прежде чем перейти к ней, надо ответить на более общий вопрос о мотивации, лежащей в основе отбора предметов для помещения их в могилу.

Большинство специалистов до сих пор имплицитно видит в погребальном инвентаре, в том числе в бронзовых орудиях, набор бытовых вещей, либо не имеющих отношения к культовым действиям, либо используемых в ритуалах, так сказать, во вторую очередь. Предполагается, что это предметы, использовавшиеся умершим при жизни и необходимые ему в посмертном существовании, не сильно отличающемся от земной жизни. С нашей точки зрения, в могилах катакомбных и более ранних культур имело место упокоение предметов, широко использовавшихся прежде всего в культовых целях, а сама погребальная практика была полностью включена в состав жертвоприносительного ритуала (или ритуалов). О единстве погребальной и общей культовой практики, курганного кладбища и святилища говорит наличие в каждом могильнике во-первых, совместных синхронных погребений, предполагающих практику человеческих жертвоприношений, и, во-вторых, так называемых кенотафов – квазимогильных сооружений без человеческих останков, содержащих аналогичный могильному инвентарь, но в ином наборе, что позволяет заключить, что для изучаемой эпохи «кенотаф» – не символическое погребение отсутствующего по какой-либо причине тела, а особый жертвенный комплекс. Важно помнить и об отсутствии у курганных культур этой эпохи каких-либо иных следов святилищ, не связанных с погребальной практикой.

Рассмотрение орудийного набора в восточноманычских погребениях (Андреева, 2014) позволило сделать следующие выводы:

1. Ограниченный состав помещаемых в погребения и кенотафы орудий и резкое преобладание среди них изделий из бронзы (по сравнению с костяными и каменными) – свидетельство отличия погребального набора от ассортимента орудий, использовавшихся в повседневном быту (даже с учетом трудностей идентификации редко фиксируемых в могилах небольших предметов из органических материалов – дерева и кости, которые условно включены нами в выборку в качестве предметов/орудий).

2. О том же говорит сходство сопровождающего инвентаря в мужских и женских погребениях; отличия носят не качественный, а количественный характер: женские погребения в целом беднее мужских, однако никаких специфических орудий и предметов практически не содержат (эксклюзивные находки престижного каменного оружия – топоров и булав – сосредоточены в мужских погребениях).

3. В совместных синхронных погребениях взрослых людей (по обряду трупоположения), чаще всего парных, число орудий, как правило, не удваивается, следовательно, речь идет об особой знаковой роли этих предметов.

Подчеркивая культовое использование основных бронзовых и каменных орудий, мы в то же время не отрицаем важности их присутствия для определения неординарного социального статуса погребенного[1].

Рассматривая с этих позиций сделанные выше наблюдения над структурой погребального инвентаря, можно заключить, что ритуал, отразившийся в восточноманычских индивидуальных погребениях в виде разнообразных наборов вещей, был *сложносоставным*. Как минимум, он включал три (реально, вероятно, больше) различных аспекта, в одном из которых использовались бронзовые, в другом – каменные орудия, в третьем – курильница. Судя по отсутствию выраженной корреляции этих трех видов предметов между собой, связанные с ними обряды могли исполняться как в составе общего ритуала,

[1] Возможность функционирования большинства этих предметов вне ситуации ритуала невозможно отрицать, однако затруднительно исследовать. Следует помнить, что для эпохи поздней первобытности разделение между сакральным и профанным не характерно: принятие пищи, построение жилища/стойбища, забой скота, изготовление предметов из различных материалов, вооруженные столкновения и пр. – все проявления человеческой активности оформляясь обрядами, включались в сферу культа.

так и по отдельности, что отразилось в различных по объему наборах инвентаря в погребениях.

Обряд, предполагавший использование бронзового стержня-шила и ножа, вероятно, связанный с приношением МРС, мог совершаться как сам по себе (о чем говорит корреляция этой пары орудий с костями МРС и чугунковидным сосудом в индивидуальных погребениях), так и в составе более сложных культовых действий, имеющих отношение к приношению КРС (что отражено в тесной взаимосвязи ножа и шила с реповидным сосудом, другими бронзовыми орудиями и престижными предметами, а также в нахождении костей КРС вместе с бронзовыми крюками, теслами и долотами[2]). Ритуальное использование реповидных и чугунковидных сосудов подчеркивается наличием на «репах» потеков, чаще идущих снизу-вверх (горшок переворачивали), и покрытия пачкающей охрой на «чугунках». Что касается бронзовых тесла и долота, то эти инструменты деревообработки, очевидно, служили не только для изготовления присутствовавших в погребениях деревянных вещей – повозок и посуды, но и для строительства и разметки (с помощью деревянных столбов?) погребально-жертвенной площадки, после проведения обрядов перекрываемой насыпью. Все эти действия также включались в состав ритуала.

Особый обряд представлен сочетанием каменных песта (или двух пестов – большого и малого) и ступки/наковальни. Возможность соотнесения этого набора с обрядом выжимания сомы (Андреева, 2014. С. 106–112) – предмет дальнейших исследований и дискуссий.

Наконец, третий важный аспект ритуала связан с помещением в могилу курильницы – предмета, культовое назначение которого очевидно. По некоторым признакам – приблизительно одинаковое присутствие в погребениях индивидуумов различных возрастных групп и обоих полов, а также в так называемых жертвенниках из голов и ног КРС в насыпях курганов – можно предполагать, что присутствие курильницы может указывать на статус человека в системе вертикального родства, например, первородство. Однако наличие этого предмета в так называемых кенотафах остается необъясненным, поскольку требует не достигнутого пока понимания смысла и предназначения этих жертвоприносительных комплексов. Непонятно также, почему в совместных синхронных погребениях помещалась единственная курильница, хотя наборы посуды, как правило, увеличивались (главным образом, за счет кувшинов/кружек).

Помещение в могилу кувшина/кружки – самого многочисленного вида посуды, который к тому же мог присутствовать в погребениях сразу в нескольких экземплярах, – можно интерпретировать по-разному. Возможно, кувшин/кружка манифестирует обряд, предполагающий возлияние различных жидкостей. Кувшины/кружки абсолютно доминируют над чугунковидными сосудами в посудном наборе детских групп погребений (в то время как реповидные сосуды там практически отсутствуют), а у взрослых количество комплексов с кувшинами/кружками лишь незначительно превосходит таковое с чугунками (рис. 7). Поскольку находки бронзовых и каменных орудий не характерны для погребений младших групп, можно предположить, что найденные в них кувшины/кружки не относятся к числу статусных предметов. С другой стороны, кувшин/кружка мог использоваться для возлияния не только обычного питья, но и особого сакрального напитка (сомы?), и, таким образом, все же иметь статусное значение.

Надо признать, что в целом такой взгляд на специфический вид археологического источника, каковым является погребальный обряд, усложняет процедуру исторических реконструкций. Если погребальный инвентарь включал вещи, использованные в ходе многочастного погребального жертвоприносительного ритуала, то в какой мере два набора орудий (использовавшихся в ритуале и положенных в могилу) соответствовали друг другу? Менялась ли эта мера, и если менялась, то под воздействием каких факторов[3]? Какая роль отводилась в ритуале погребаемому – символической жертвы, жреца или того и другого? Каким образом и в какой степени полно через призму ритуала отражались особенности социальной структуры (точнее, представления о «должном» социальном устройстве) строителей древних курганов?

---

[2] Кости КРС редко встречаются в восточноманычских погребениях и представлены главным образом в так называемых жертвенниках в насыпи, включавших черепа, положенные на кости ног, и сопровождавших неординарные погребения с бронзовыми орудиями (иногда, например, в Ергенинском могильнике, число особей КРС в жертвенниках превышало 10).

[3] Как правило, много разнообразного инвентаря, включая бронзовые орудия, помещалось в больших могильных сооружениях, основных для первичной насыпи или для досыпки. Однако возможны отклонения – в больших основных могилах отсутствуют орудия из бронзы и камня; напротив, в небольших впускных могилах они все же изредка встречаются.

В то же время предлагаемая интерпретация открывает новую перспективу – методически обоснованную возможность сопоставления наших данных не только с погребальными традициями других культур, но и с широким кругом неписьменных материалов, связанных в целом с ритуальными практиками древности или с обрядами, дожившими до нового и новейшего времени, но имеющими очень глубокие исторические корни. Первое место среди сравнительных данных принадлежит ритуалам ведийской традиции и в силу архаичности последней, и поскольку (согласно данным сравнительного исторического языкознания) пространство степной полосы Восточной Европы в IV–III тыс. до н.э. было местом обитания населения, говорившего на языках индоевропейской семьи, а в Доно-Волжском междуречье, возможно, на индоиранской ее ветви.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева М.В., 2014. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.

M.V. Andreeva

GRAVEGOODS' SETS IN THE BURIALS OF THE EAST MANYCH CATACOMB CULTURE: CONTENT AND COMPOSITION

Abstract. Wealth of artifacts in the graves of the Fore-Caucasus (Manych) Catacomb culture suggests that the sets of funerary offerings are, potentially, an important source for historical and cultural reconstruction. The paper reports on the calculation of correlation factors which reflect frequency of co-occurrence of artifacts as well as construction and interpretation of graphs showing relationship between objects found in assemblages. The study relied on the database which includes description of materials from 486 individual burials of adults and children. The study took into account only the indicator of presence/absence of a certain type of find in the burial. Based on this, a conclusion is made on the absence of a 'basic' or 'canonic' set of artifacts typical for a considerable number of assemblages. Two main domains of interrelated items are singled out. The first domain is large and includes the entire set of bronze tools and implements; the second domain is significantly narrower and is not represented by frequent types of finds, it includes only stone tools. The overall configuration is complemented with an item completely devoid of positive relationship, which, nevertheless, is found most frequently—an incense-burner. Interpreting data, the author assumes that artifacts commonly used, first of all, for ritual purposes were placed into the graves attributed to the Manych and earlier cultures, whereas the funerary practice itself was fully incorporated into the sacrifice ritual. In this case, it is likely that the ritual included many components. Given that there is no clear relationship among three groups of items (bronze tools, stone tools and incense-burners), the rituals associated with them could be performed both as a part of the overall ritual and separately; this fact manifests itself in differences in the number of funerary offerings placed in the graves. Ritual complexity was probably dependent on the social status of the deceased.

Keywords: Bronze Age; Fore-Caucasus Catacomb culture; Manych Catacomb culture; funerary rite.

Таблица. Основные виды находок в индивидуальных погребениях

№*	Название предмета	Материал	Группа	Количество погребений (%)
1	Курильница	Керамика	Массовые	26
2	Жаровня	–“–	Редкие	4
3	Реповидный горшок	–“–	Серийные	7
4	Чугунковидный горшок	–“–	Массовые	18
5	Высокошейный горшок	–“–	Редкие	4
6	Кувшин/кружка	–“–	Массовые	23
7	“Амфора” двуручная	–“–	Редкие	3
8	Миска/банка	–“–	Редкие	4
9	Воронка	–“–	Эксклюзивные	1
10	Мелкие фрагменты сосудов	–“–	Редкие	2
11	Посуда	Дерево	Редкие	3
12	Нож	Бронза	Массовые	20
13	Стержень	–“–	Массовые	16
14	Крюк	–“–	Редкие	3
15	Тесло	–“–	Редкие	2
16	Долото	–“–	Редкие	2
17	Игла	–“–	Эксклюзивные	1
18	Оружие (топор/ “модель топора”/ булава/ пращевой камень)	Камень	Редкие	2
19	Наконечник стрелы	Кремень	Эксклюзивные	1
20	Пест	Камень	Серийные	8
21	Ступка/наковальня	–“–	Редкие	3
22	Выпрямитель	–“–	Эксклюзивные	1
23	Предмет/орудие	–“–	Серийные	8
24	Орудие или заготовка	Кремень	Эксклюзивные	1
25	Астрагал	Кость	Серийные	7
26	Лопатка МРС	–“–	Редкие	2
27	Предмет/орудие	–“–	Серийные	7
28	Кости МРС	–“–	Серийные	10
29	Кости КРС	–“–	Редкие	2
30	Кости животных	–“–	Эксклюзивные	1
31	Повозка/деталь	Дерево	Редкие	4
32	Височные кольца	Металл	Редкие	5
33	Бусы: наборные украшения из одного материала	Фаянс/ бронза/ кость/ сердолик/ раковина/ гагат/ др.	Массовые	13
34	Бусы: наборные украшения из двух материалов	–“–	Серийные	7
35	Бусы: наборные украшения из трех-пяти материалов	–“–	Редкие	4

* Соответствует № на графах 1–5

STATISTICA.10

0.05 - 0.14

0.15 - 0.24

0.25 - 0.34

0.35 - 0.44

0.45 - 0.54

0.55 - 0.64

0.65 - 0.74

0.75 - 0.84

Рис. 1. Графическое изображение коэффициентов корреляции

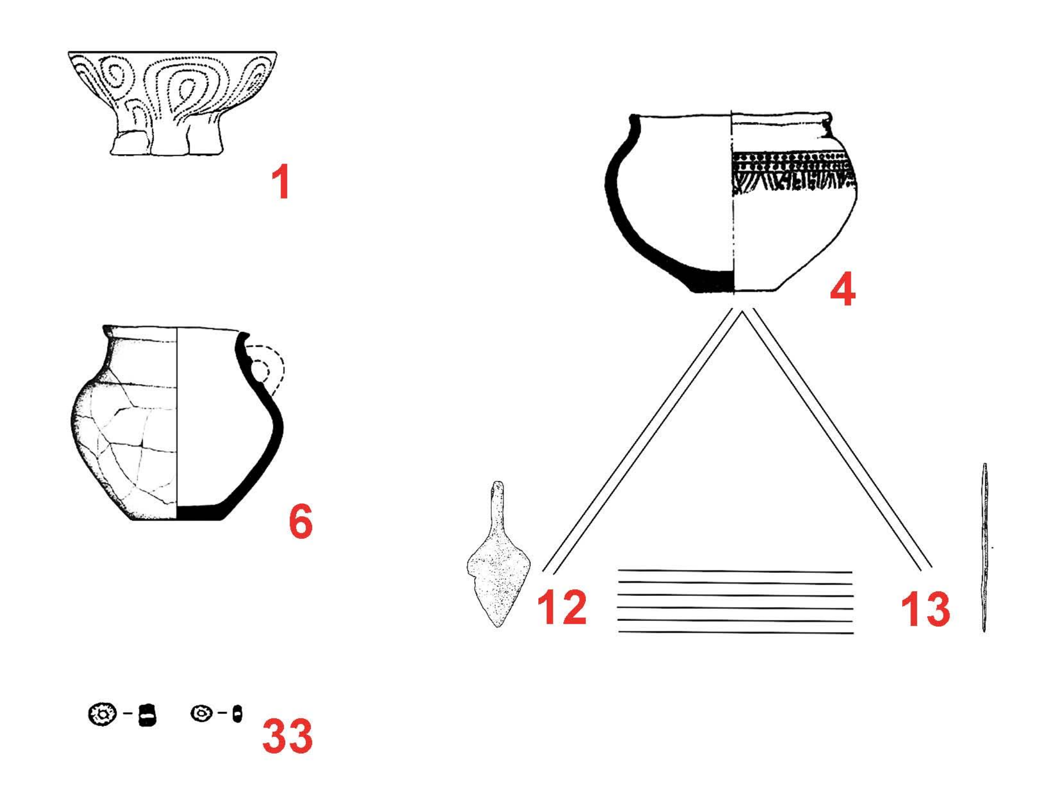

Рис. 2. Граф связей 1. Массовые находки

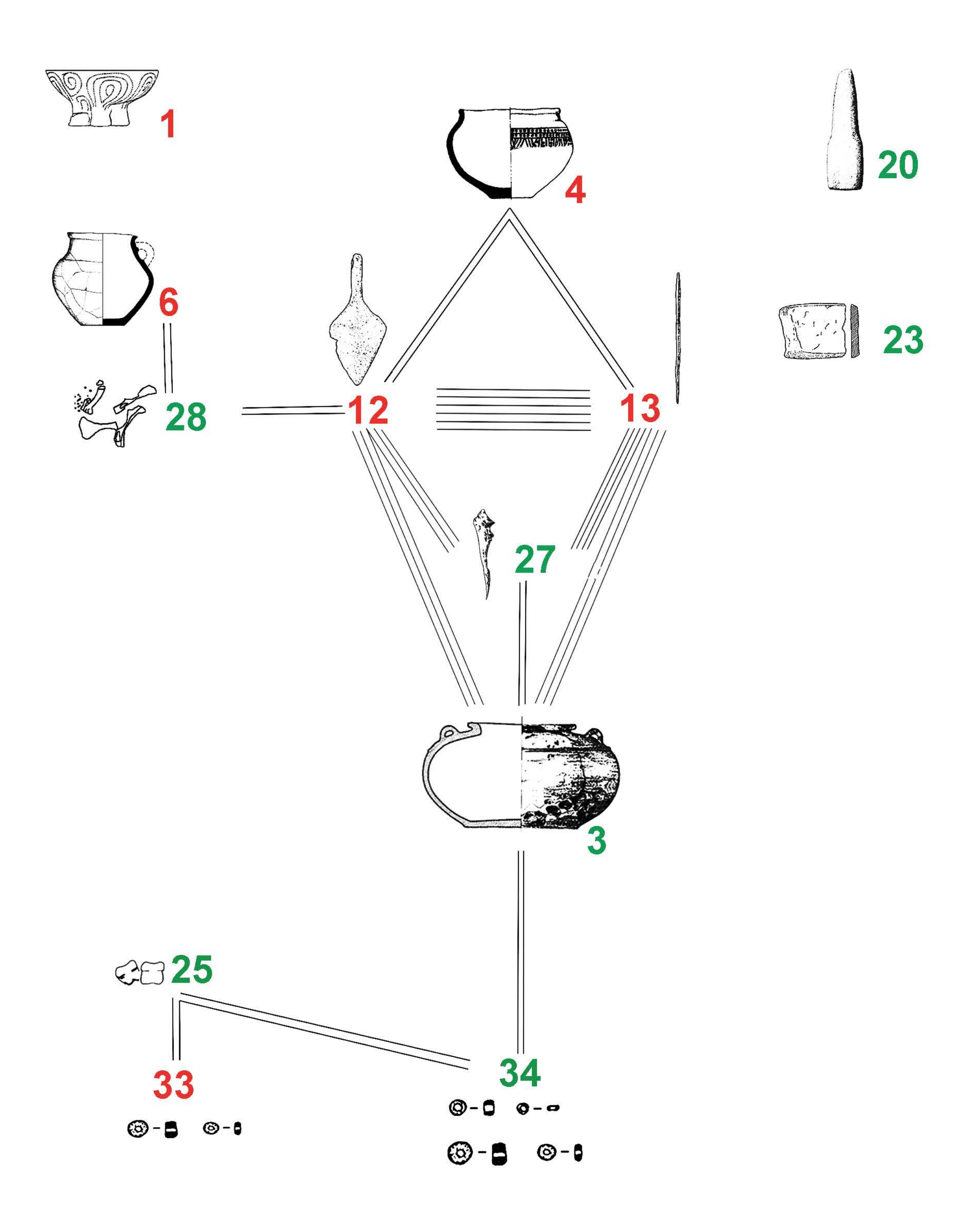

Рис. 3. Граф связей 2. Массовые и серийные находки

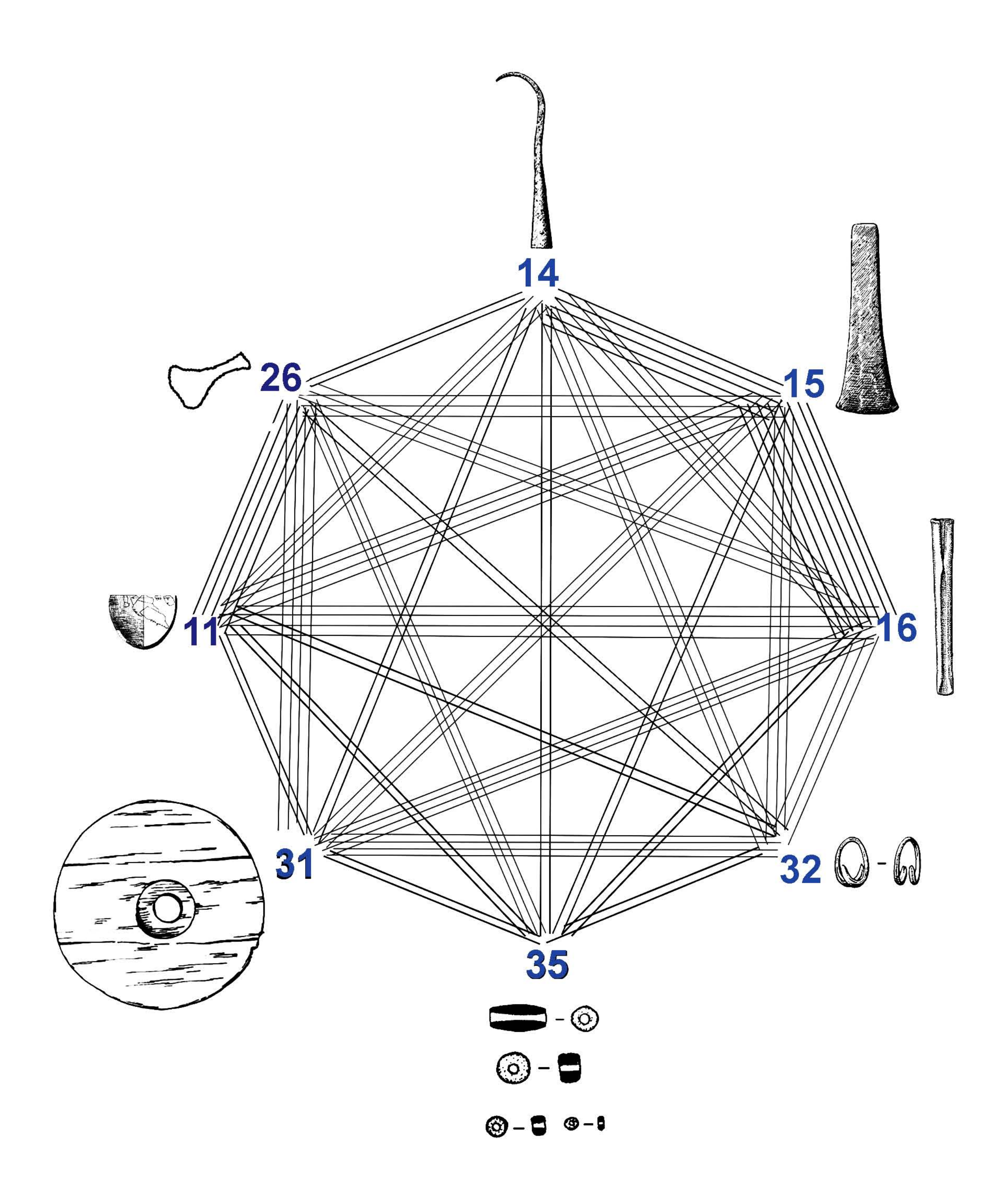

Рис. 4. Граф связей 3. 8 видов редких находок

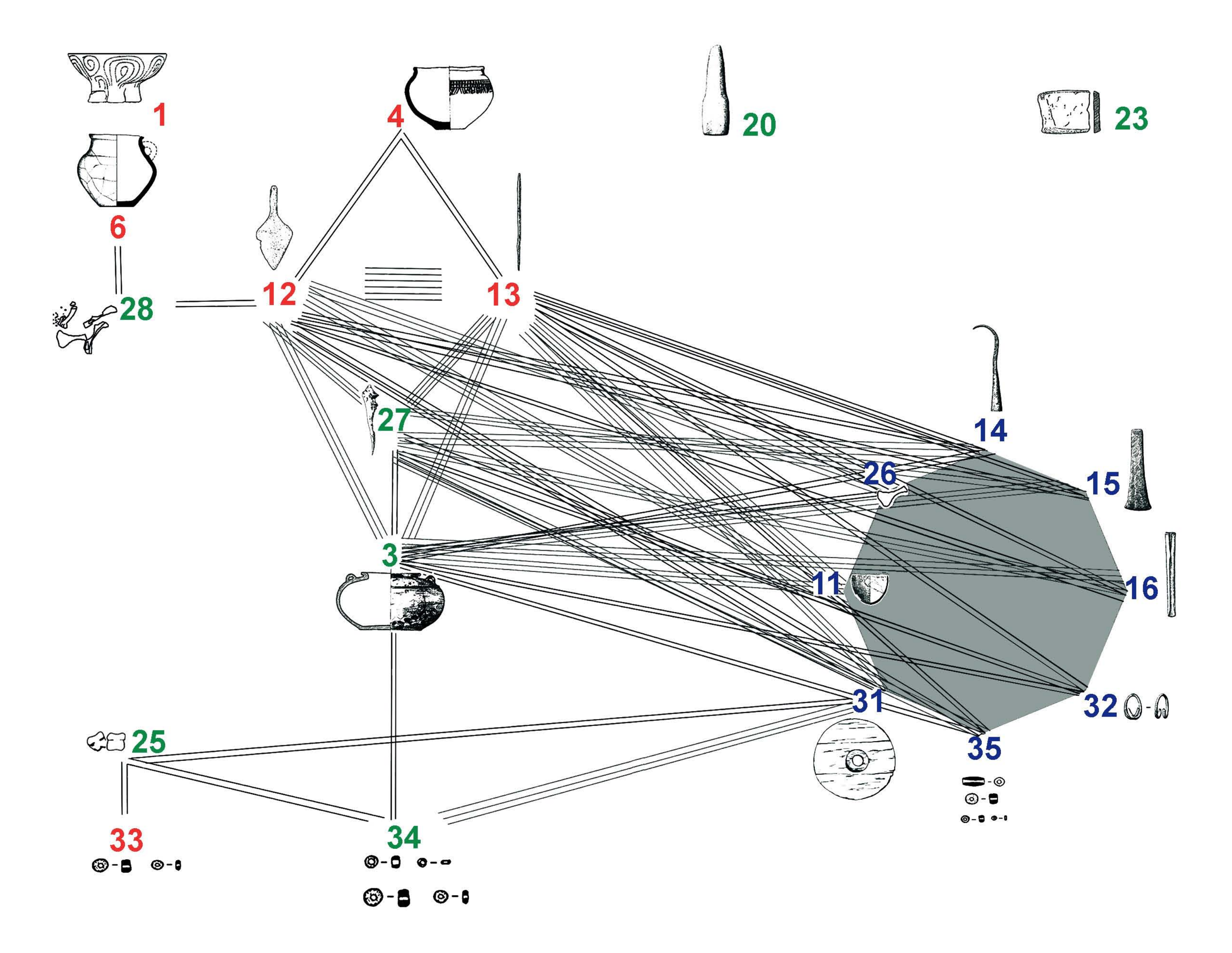

Рис. 5. Граф связей 4. Массовые, серийные и 8 видов редких находок

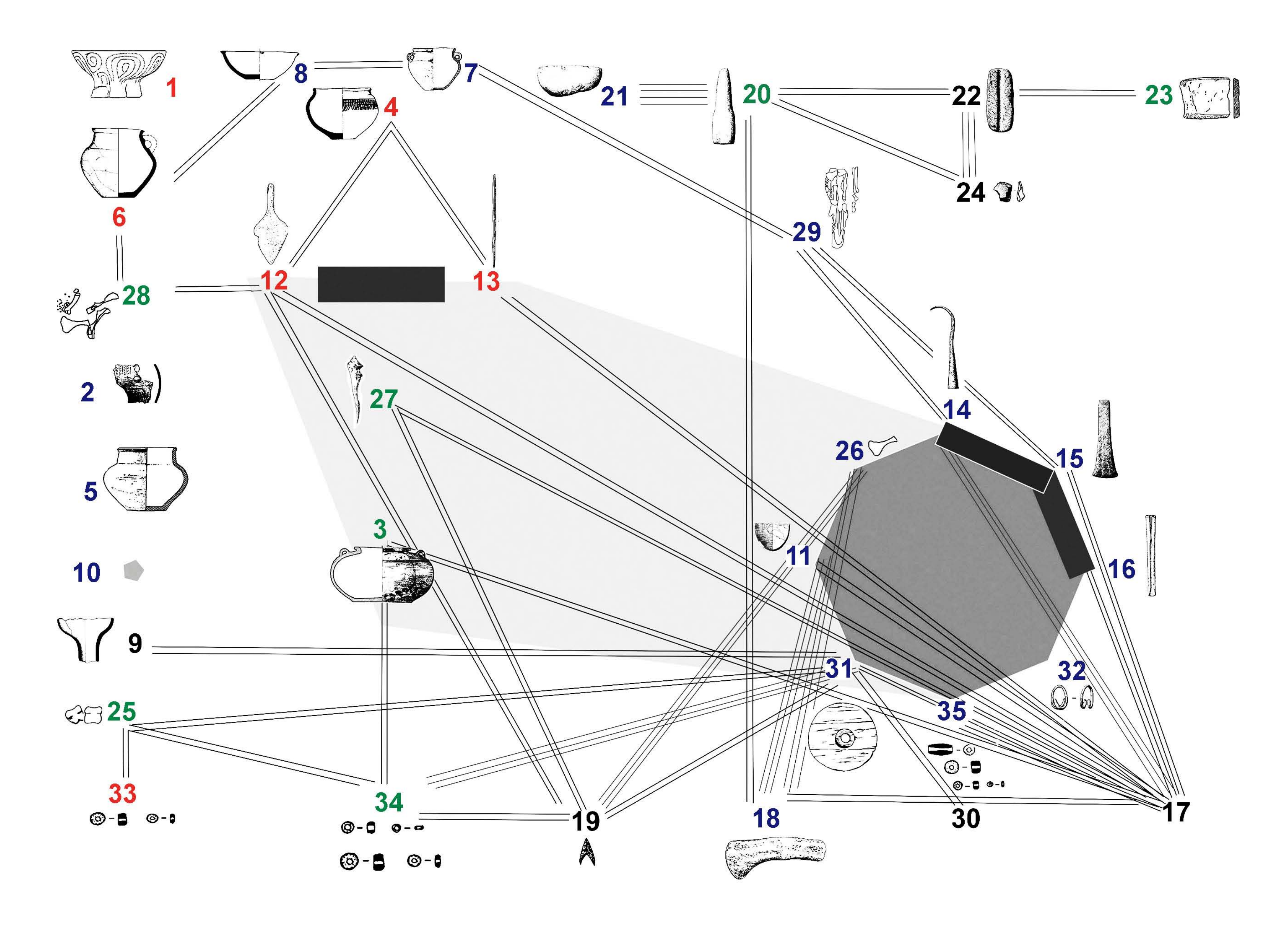

Рис. 6. Граф связей 5. Все виды находок

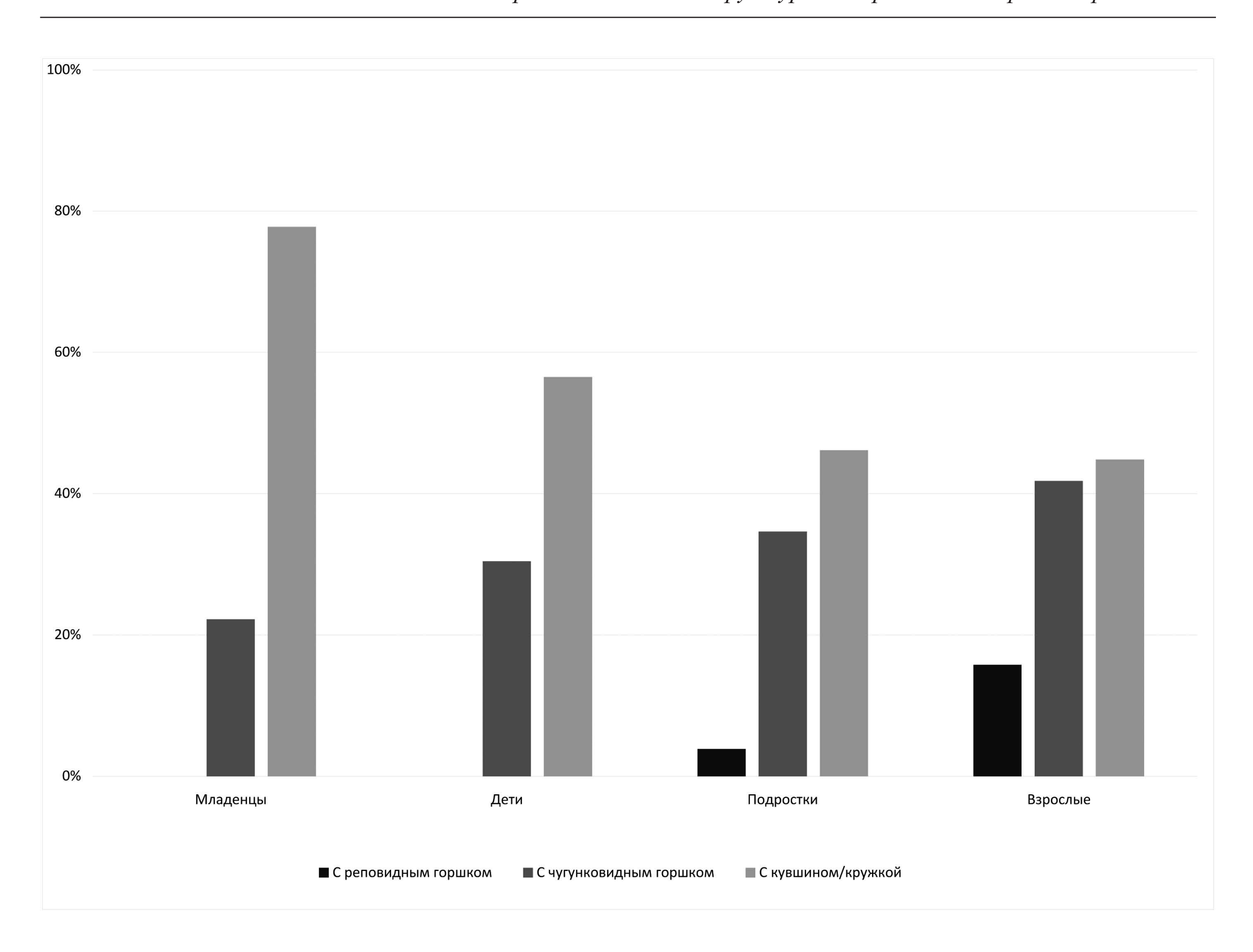
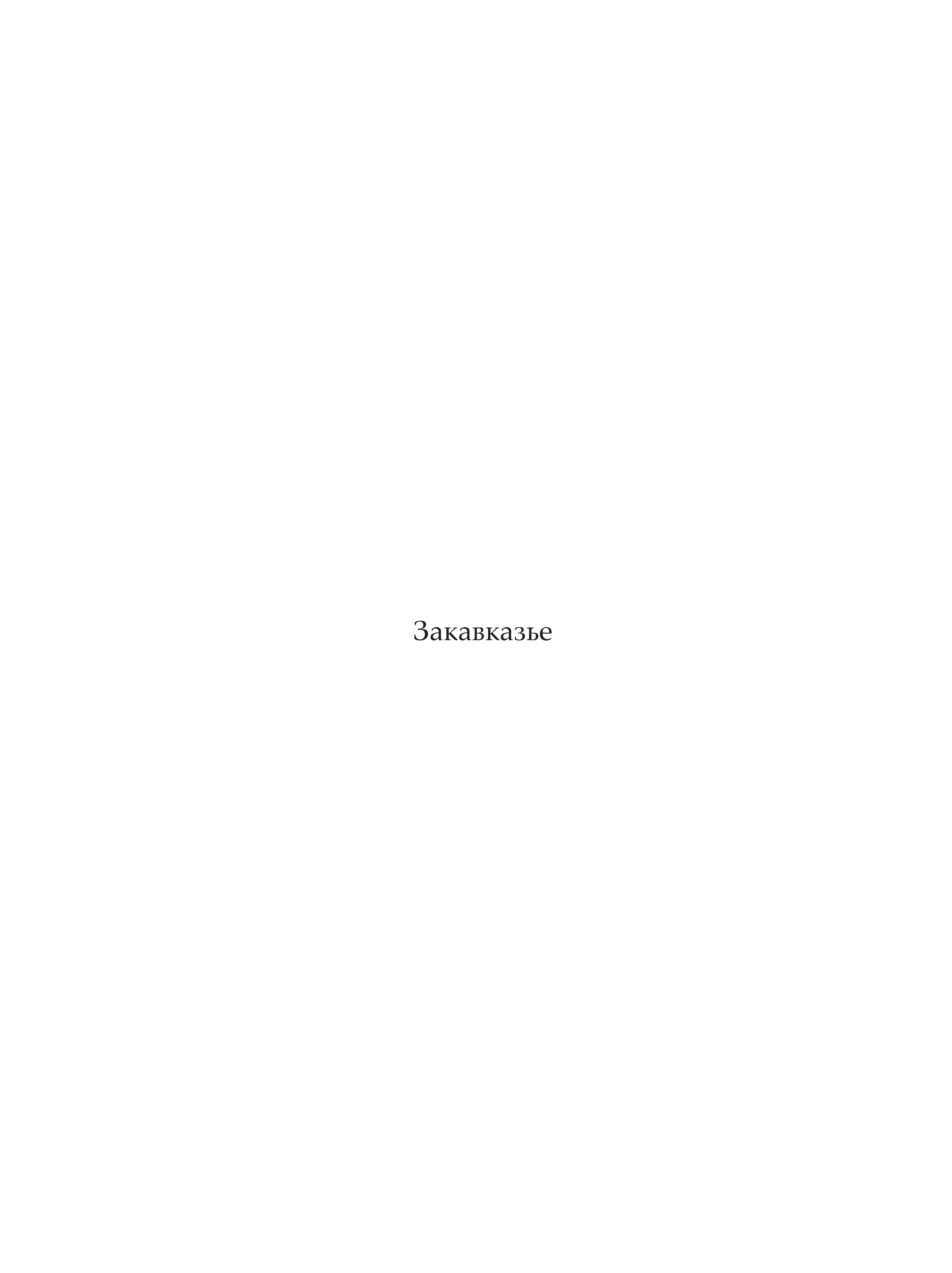

Рис. 7. Представленность трех основных видов сосудов в индивидуальных погребениях разных возрастных групп

Закавказье

Н.А. Мусеибли

ПОСЕЛЕНИЕ ГАЛАЕРИ – ПАМЯТНИК ЛЕЙЛАТЕПИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Резюме. В статье представлены результаты раскопок поселения лейлатепинской культуры Галаери, которое находится на территории Габалинского района Азербайджанской Республики. Корни данной культуры связаны с северомесопотамскими и восточноанатолийскими традициями позднего халколита. Культурный слой поселения Галаери вскрыт на площади 400 м^2. Максимальная мощность слоя на раскопанном участке составила 3,2 м. Выявленные постройки сложены из нестандартных ломтей глины. Выявлены полуземлянки, вкопанные в материковый грунт. Одна из полуземлянок, вероятно, служила святилищем. Обнаружено более 20-ти захоронений детей в керамических сосудах и одна катакомба с захоронением ребенка. Керамика по составу глины делится на 4 группы. Большая часть сосудов изготовлена на гончарном круге и имеет следы растительной примеси в тесте. Каменные изделия представлены зернотерками, пестами, терочниками, а также многочисленными орудиями из обсидиана и кремня. Костяные орудия малочисленны и представлены в основном шильями. Среди предметов, связанных с металлообработкой, следует отметить формы для отливки заготовок и готовых изделий.

***Ключевые слова*:** Передняя Азия; лейлатепинская культура; поздний халколит; захоронения; керамика; металл.

За последние 15 лет были зафиксированы десятки новых археологических памятников лейлатепинской культуры эпохи позднего халколита. Большая их часть, за некоторыми исключениями, была изучена на территории Азербайджана.

Лейлатепинская культура появилась в результате слияния на Южном Кавказе культурных традиций позднего халколита Восточной Анатолии и Северной Месопотамии. Поселения этой культуры расположены группами. Иногда расстояние между ними составляет всего несколько сотен метров. По ареалу распространения эти памятники на территории Азербайджана образуют Карабахскую, Гянджа-Газахскую и Муганскую группы (Мусеибли, 2012. С. 141).

Поселение лейлатепинской культуры Галаери не входит ни в одну из этих групп и находится на относительно удаленном от них расстоянии. Оно было обнаружено в 2011 г. у подножия Больших Кавказских гор, в северной области Азербайджана, во время земляных работ по строительству международного аэропорта на территории Габалинского района. Памятник расположен на равнинной местности, на высоте 342 м над уровнем моря. Его первичные размеры составили около 3 га. Поселение в виде холма возвышается над современным уровнем на высоту 3 м. В средние века холм использовался как мусульманское кладбище, поэтому во многих местах культурный слой разрушен на глубину 1–1,2 м.

С 2012 г. на этом памятнике, под руководством автора, проводятся широкомасштабные археологические раскопки. На участке в 350 м^2 раскопки уже доведены до материка, что позволяет сделать определенные обобщения и предварительные выводы. Максимальная толщина культурного слоя поселения на раскопочном участке составила 2,8 м.

Постройки на поселении Галаери сооружены из глиняных ломтей длиною от 30–40 см до 1,2 м, толщиной 7–8 см. Они каштанового цвета, без какой-либо примеси, а между ломтями имеется скрепляю-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.216-225

щий раствор пепельного цвета толщиной 2,5–3 см. Выявлены остатки конструкций прямоугольного плана. Постройки сложенные из стандартных сырцовых кирпичей здесь пока не обнаружены. Близкие аналоги конструкциям поселения Галаери, сложенным из глиняных ломтей, известны из Арслантепе слой VII (храм «С») (Frangipane, 2009).

На участке, исследованном до основания поселения, были обнаружены хозяйственные ямы и полуземлянки, впущенные в материковый грунт. Следы наземных конструкций, сложенных из ломтей глины, в нижнем слое поселения не обнаружены.

Привлекает внимание самая большая из полуземлянок. Она заглублена в материк на глубину 1 м, имеет овальный план и размеры 3,4 × 2,4 м. В восточной части этой ямы была выкопана еще одна яма размерами 1,9 × 1,45 м, и глубиной 30 см. Предположительно в этой части, с восточной стороны находился вход. В заполнении полуземлянки обнаружены фрагменты керамики, каменные и костяные орудия и многочисленные кости животных. Среди находок следует отметить трубчатый носик и поддон принадлежавшие одному керамическому сосуду. Внутренняя поверхность носика покрыта толстым слоем копоти, что указывает на его связь с открытым огнем. Возможно, предположить его использование в качестве детали светильника. Не исключено, что данная полуземлянка могла использоваться в качестве святилища первых жителей поселения.

На исследованном участке, на разных глубинах обнаружено более 20-ти детских погребений. Захоронения совершены в керамических сосудах. В двух случаях, останки погребенных были накрыты крупными керамическими фрагментами. В отличие от таких памятников, как поселения Лейлатепе, Беюк Кесик, Пойлу и курганой группы Союгбулаг, где погребенные ориентированы подобно северомесопотамской традиции Тепе Гавры по линии северо-запад–юго-восток, в поселении Галаери погребения совершались в разных направлениях, что соответствует погребальной практике Восточной Анатолии (Арслантепе). В то же время следует отметить, что горловины всех погребальных кувшинов (4 погребения), вкопанных в материковый грунт были направлены к востоку.

В квадрате 3F вскрытого участка поселения Галаери, на глубине 2,7 м, была обнаружена катакомба, вырытая в материковом грунте. Входная часть катакомбы имела план подпрямоугольной формы и размеры 1,1 × 1,2 м. Общая глубина погребальной конструкции составила 1,1 м, длина 1,7 м. Ширина погребальной камеры 70–75 см, длина 1,3 м. Катакомба ориентирована по направлению север–юг. В могильной камере на правом боку в сильно скорченном положении, головой на восток был захоронен ребенок примерно 4–5 лет. Под давлением грунта кости скелета раздавлены на мелкие фрагменты. Скелет был окружен кусками черной твердой массы. В заполнении могильной ямы, и непосредственно рядом с погребением никаких археологических материалов не обнаружено.

Примечательно, что в юго-западной части того же квадрата обнаружен крупный кувшин – пифос с захоронением младенца. Это погребение в сосуде № 19 до уровня венчика было заглублено в материк. Над кувшином на высоте 40–50 см был отмечен свод. Вероятно, данное кувшинное погребение также находилось в катакомбе. Однако верхняя и входная части этой катакомбы не сохранились в рыхлом культурном слое.

Катакомба с индивидуальным погребением, выявленная в Галаери, не имеет параллелей в памятниках неолита и халколита Кавказа. Такой тип погребения не характерен для культур Кавказа указанных периодов, и лейлатепинской культуры в том числе.

Несколько катакомбных погребений известны из поселений Ярымтепе I и II в Северной Месопотамии. Исследователи этих памятников, относящие данные погребения к халафской культуре и датирующие их V тыс. до н.э., вполне справедливо отмечают, что полицентризм возникновения погребальных сооружений катакомбного типа на широкой территории Евразии несомненен. Независимое появление катакомб можно предполагать и в различных культурах Ближнего и Среднего Востока (Мерперт, Мунчаев, 1982. С. 31, 46–48).

Основной археологический материал поселения Галаери представлен многочисленными керамическими изделиями. По составу глины и технике производства керамические сосуды можно разделить на четыре группы.

Сосуды первой группы изготовлены из глины с растительной примесью. Типологически это кувшины-пифосы разных размеров (рис. 1), миски (рис. 2, *1–4*) и т.д. Керамика второй группы – чаши (рис. 2, *5–7*) и узкогорлые кувшины маленьких размеров (рис. 2, *8–10*), изготовлены из чистой глины. Сосудов этих двух типов в Галаери обнаружено больше, чем на всех остальных памятниках лейлатепинской культуры вместе взятых. Сосуды первых двух групп условно включены в категорию «качественной керамики». Они формованы на гончарном круге и имеют красный, оранжевый, охристый, розовый, светло-желтые цвета. Сосуды первой и

второй групп круглодонные. Исключения составляют несколько маленьких узкогорлых кувшинов с плоским дном.

Среди сосудов, изготовленных на круге, часто встречаются кувшины, у которых внутренняя часть венчиков оформлена «рифлением» (рис. 1, *5–10*). Такое оформление венчиков характерно для позднего халколита Северной Месопотамии и Восточной Анатолии, и было, в частности отмечено в Арслантепе слой VII (Trufelli, 1997), Амук F (Braidwood, Braidwood, 1960), Ойлум Хеюк 3 (Helwing, 2012), Телль Хамукар 4–5B (Ur, 2010. Fig. B 13. 7–9), и др. Среди керамики майкопской культуры такие сосуды не встречаются. Такие сосуды иногда имеют на поверхности знаки гончаров (рис. 1, *9–10*). Среди всех исследованных памятников лейлатепинской культуры, сосуды со знаками наиболее многочисленны именно на поселении Галаери. Здесь их зафиксировано более 100 экземпляров. Знаки из Галаери отличаются многообразием, они аналогичны знакам на керамике из Арслантепе VII, Амук F (Braidwood, Braidwood, 1960; Trufelli, 1994. P. 245–289; D'Anna, Guarino, 2012), Телля Брак (Oates, 2002. Fig. 7–8), Телля Хаммам ат Туркман (Akkermans, 1988. Pl. 107) и др. поселений Передней Азии и майкопских памятников Северного Кавказа (Мунчаев, Нечитайло, 1966. С. 141; Кореневский, 1999).

Среди керамики этой категории выявлены случаи реставрации сосудов этой категории. На фрагментах реставрированных сосудов сохранились остатки битума. Из черепков «качественной керамики» также изготавливались глиняные пряслица (рис. 3, *7–8*) и скребки (рис. 3, *9*). На двух пряслицах вокруг отверстия были нанесены мелкие точечные углубления.

Третья группа включает сосуды, изготовленные из глины с растительными и неорганическими добавлениями одновременно. Они формованы на круге и вручную. Типологически и по цвету они в основном идентичны сосудам первой группы, но, в отличие от них, более грубые. Кроме того, выявлены чаши типа "Coba bowls" (рис. 2, *11*), вазы, крышки от сосудов (рис. 3, *1–4*) и подставки (рис. 3, *5–6*), которые не встречаются в серии других групп. Вазы и крышки, кроме Галаери, из всех памятников лейлатепинской культуры известны еще только из поселения Беюк Кесик, где они представлены всего несколькими экземплярами.

К четвертой группе – к категории «грубой керамики» относятся сосуды, изготовленные из глины с неорганическими добавлениями, формованные исключительно вручную. Эта категория представлена в основном кувшинами с выпуклым туловом и высокой горловиной бурого, иногда серого цветов. Края венчиков сосудов украшены насечками и вдавлениями, поверхности часто обработаны гребенчатым инструментом (рис. 4, *1–4*). Кроме кувшинов обнаружены и сковородки этой категории. Верхняя часть многих из них с внешней стороны украшена рельефным орнаментом. На стенках сковородок до обжига сделаны сквозные отверстия (рис. 4, *5–8*). По сравнению с другими памятниками лейлатепинской культуры в Галаери сковородки многочисленны.

Вся керамика, особенно сосуды со знаками, в основном связана с культурными традициями позднего халколита Восточной Анатолии (Амук F, Арслантепе VII).

Каменные изделия из поселения Галаери представлены зернотерками, пестами, терочниками, деталями от гончарного круга, а также многочисленными орудиями из обсидиана, кремня и фельзита. На рабочей поверхности некоторых зернотерок сделаны углубления (рис. 5, *1*). Такие зернотерки известны из Беюк Кесик (Мусеибли, 2007), а также из поселения у станицы Натухаевской на Северном Кавказе (Шишлов, Колпакова, 2010).

Интерес представляют также несколько конусообразных орудий из пористого камня, одна сторона которых гладкая, а другая выпуклая с двусторонним и односторонним углублением или отверстием в центре (рис 5, *3–4*). Ближайший аналог таких орудий известен из Беюк Кесик и не исключается, что они являются деталью гончарного круга.

Режущие орудия изготовлены из обсидиана, кремня и фельзита. Они представлены вкладышами серпов, скребками, ножевидными пластинками, стамесками, микролитами и др. Многофункциональные орудия изготовлены в основном из серебристого обсидиана. Из всех памятников лейлатепинской культуры больше всего орудий из серебристого обсидиана обнаружено в Галаери (рис. 5, *5–7*). Выявленные нуклеусы, производственные отходы и ретушеры доказывают, что каменные орудия были изготовлены на месте.

В Галаери, как и на поселениях Лейлатепе и Пойлу II, костяные орудия немногочисленны, в частности, обнаружены несколько шильев и пряслиц. Предмет из трубчатой кости (рис. 5, *2*) имеет параллели в Тепе Гавре. По мнению А. Тоблера, такие предметы являются музыкальными инструментами (Tobler, 1950. P. 215, plates XCIX, CLXXXII).

Выявлено несколько металлических орудий и предметов связанных с металлообработкой. В пер-

вую очередь следует отметить фрагмент двустворчатой керамической формы для отливки втульчатых топоров (рис. 6, *1*) и фрагментов двух форм открытого типа для отливки плоских топоров или клинкообразных орудий (рис. 6, *2–3*). Данная форма и аналогичная ей форма из Беюк Кесик являются единственными и древнейшими находками такого рода для всего позднего халколита IV тыс. до н.э. Передней Азии и Кавказа. Самих топоров, отлитых в таких формах, на памятниках лейлатепинской культуры до сих пор еще не найдено. Однако наличие этих форм указывает на большую вероятность обнаружения топоров такого типа в будущем. Тем более что в памятниках майкопской культуры Северного Кавказа, идентичной лейлатепинской, известны металлические топоры, отлитые в формах, подобных формам из Беюк Кесик и Галаери.

Особенно интересна одна форма для отливки слитков, обнаруженная во время последних раскопок в Галаери (рис. 6, *4*). Эта керамическая форма имеет розовый цвет, она аккуратно изготовлена из глины с растительной примесью в тесте. Размеры полностью сохранившегося предмета составляют 12,5 × 11 × 3 см. На плоской поверхности этого изделия до обжига пальцем выдавлены четыре параллельных, продолговатых углубления для отливки слитков. На памятниках халколита и ранней бронзы Кавказа и Передней Азии были выявлены фрагменты нескольких литейных форм, для одновременной отливки одного-двух слитков, но литейные формы, подобные найденной в Галаери не известны.

Параллели литейным формам открытого типа лейлатепинской культуры известны в Азербайджане на памятниках куро-аракской общности (Исмаилзаде, 2008. С. 257; Мусаев, 2006. С. 145) и из поселения Арисман (Иран) второй половины IV тыс. до н.э. (Helwing, 2011).

Кроме того, выявлены керамические льячки, на дне которых сохранились следы расплавленного металла. На плоской рабочей поверхности одного из каменных орудий, по форме идентичного зернотеркам, сохранился кусок медной руды, который доказывает обработку этого сырья именно на этом поселении.

Металлические изделия Галаери, изготовленные на медной основе, представлены четырехгранными шильями, ножевидными и клинкообразными предметами (рис. 6, *5–9*).

Материалы поселения Галаери и лейлатепинской культуры в целом на основании типологического метода и радиокарбонного анализа датируются первой половиной IV тыс. до н. э. Находки из поселения Галаери, могут быть надежно использованы для построения периодизации лейлатепинской культуры. В числе таких находок в первую очередь следует отметить «гребенчатую» керамику, сосуды с рифленым оформлением внутренней поверхности венчика, керамику со знаками, которые типологически и радиокарбонным методами датируются первой половиной IV тыс. до н.э. Результаты радиокарбонного анализа образцов из Галаери (Beta 330265: Cal BC 3960–3780; Cal BC 3940–3890; Cal BC 3880–3800) указывают на начало IV тыс. до н.э., что полностью соответствует артефактам, обнаруженным на поселении.

Археологический материал, особенно керамика поселения Галаери, идентичен находкам поселений Беюк Кесик I, Пойлу II и Лейлатепе. Он также близок с аналогичными материалами с памятников Передней Азии и с майкопской культурой Северного Кавказа. Как ярко показали раскопки Галаери, это поселение, как и другие памятники лейлатепинской культуры, по своему происхождению связано не с убейдской или урукской культурами, как это предполагалось ранее, а с местным поздним халколитом Восточной Анатолии – Северной Месопотамии начала IV тыс. до н.э.

Исследования поселения Галаери наглядно показали, что территория Азербайджана в период позднего халколита находилось в ареале распространения ближневосточных культурных традиций. Памятник находится непосредственно у подножия Больших Кавказских гор, у входа ущелий, ведущих к высокогорным проходам на Северный Кавказ, где в первой половине IV тыс. до н.э. образовалась майкопская культура. В формировании облика этой культуры, несомненно, определенную роль играли миграции на Северный Кавказ носителей лейлатепинской культуры. Одним из источников этих миграций было и поселение Галаери. И не случайно, что археологическая коллекция, особенно керамика Галаери, очень тесно связана, с одной стороны, с Передней Азией, а с другой, с майкопской культурой. Поэтому Галаери является важным памятником для изучения переднеазиатско-кавказской культурной общности эпохи позднего халколита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исмаилзаде Г., 2008. Азербайджан в системе раннебронзовой культурной общности Кавказа. Баку.

Кореневский С.Н., 1999. Знаковая керамика Кавказа эпохи энеолита и ранней бронзы // Древности Северного Кавказа. М. С. 7–23.

Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., 1982. Погребальный обряд племен халафской культуры // Археология Старого и Нового Света. С. 28–49.

Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л., 1966. Комплексы майкопской культуры в Уст-Джегутинском могильнике // СА. № 3. С. 133–151.

Мусаев Д., 2006. Серкертепе – поселение эпохи ранней бронзы. Баку.

Мусеибли Н.А., 2012. Место лейлатепинской культуры в системе позднеэнеолитических комплексов Кавказа и Ближнего Востока // Раннеземледельческие культуры Кавказа: сб. материалов междунар. науч. конф. Баку. С. 140–148.

Мусеибли Н.А., 2007. Энеолитическое поселение Беюк Кесик. Баку.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., 2010. Поселение Майкопской культуры у станицы Натухаевской в приморской части северо-западного Кавказа: доклад на второй междунар. конгрессе по археологии Евразии, 2010 г., Тире (Турция). С. 13.

Akkermans P.M.M.G., 1988. The period V pottery // Hammam et-Turkman I: Report on the University of Amsterdam's 1981–84 Excavations in Syria / M.N. van Loon (ed.). [İstanbul]: Nederlands Historisch-Archeologisch İnstitut te İstanbul. P. 287–350.

Braidwood R.J., Braidwood L.S., 1960. Excavations in the Plan of Antioch. Chicago: University of Chicago Press. (Oriental Institute Publications; LXI).

D'Anna M.B., Guarino P., 2012. Potteri Production and use at Arslantepe Between periods VII and VI A. Evidence for social and economic change // Origini. Nuova Serie V. XXIV. P. 49–67.

Frangipane M., 2009. Non-Urban Hierarchical Patterns of Territorial and Political Organisation in Northern Regions of Greater Mesopotamia: Tepe Gawra and Arslantepe // Subartu. XXIII: A propos de Tepe Gawra, le monde proto-urban de Mésopotamie. P. 133–146.

Helwing B., 2011. The small finds from Arisman // Early Mining and Metallurgy on the Western Central Iranian Platean / A. Vatandoust, H. Parzinger and B. Helwing (eds.). Mainz am Rhein.

Helwing B., 2012. The Oylum Höyük western terrace post-Ubaid assemblage and its plase within the late Chalcolithic of Western Asia // Varia Anatolica. XXVII: After the Ubaid: interpreting change from the Caucasus to Mesopotamia at the dawn of urban civilization (4500–3500 BC) / C. Marro (ed.). Paris. P. 205–234.

Museibli N., 2014. Metal of Leilatepe culture // Ascension to the crowns of archeology: Collection of materials of "Ancient and medieval states on the territory of Kazakhstan" international scientific conference devoted to the 90th anniversary of K.A. Akishev. Almaty.

Oates J., 2002. Tell Brak: the 4th millennium sequence and its implications // Artefacts of complexity: tracking the Uruk in the Near East / J.N. Postgate (ed.). [S.l.]. P. 111–122. (Iraq archaeological reports; 5).

Trufelli F., 1994. Standardisation, mass production and potter's marks in the late chalcolithic pottery of Arslantepe (Malatya) // Origini. Roma. Vol. XVIII. P. 245–289.

Trufelli F., 1997. Ceramic correlations and cultural relations in IVth millennium Eastern Anatolia and Siro-Mesopotamia // SMEA. 39, 1. P. 5–33.

Tobler A.J., 1950. Excavations at Tepe Gawra. Vol. 2. Philadelphia.

Ur J.A., 2010. The Tell Hamoukar Survey, 1999–2001. Chicago. (Oriental İnstitute publication; vol. 137).

N.A. Museibli

LEYLA-TEPE CULTURE SETTLEMENT OF GALAYERI

Abstract. The paper summarizes results of the excavations at Galayeri, which is a Leyla-Tepe site located in the Qabala District of Azerbaijan. The origin of this archaeological culture is connected to the Upper Mesopotamia-Eastern Anatolia traditions of the Late Chalcolithic. Excavations at Galayeri were completed in the area of 350 m^2. The thickness of the occupation layer in the excavation trench was 2.8 m. Buildings were made from clay layers that did not have a fixed length. Pit-houses (sunken featured buildings) were discovered. In all likelihood, one of these pit-houses was a sanctuary. More than 20 child burials in ceramic vessels and one catacomb with a child grave were uncovered. Ceramics are divided into four groups based on the composition of clay. The wheel-turned vessels made from plant-tempered clay are the most frequent find. Stone artifacts are represented by querns, pestles, grindstones as well as numerous tools made from obsidian and flint. Bone implements are scarce and include spindle whorls and awls. Of interest are items of metalworking such as casting forms used in making axes and ingots.

Keywords: Middle East; Leyla-Tepe culture; Late Chalcolithic; burials; ceramics; metal.

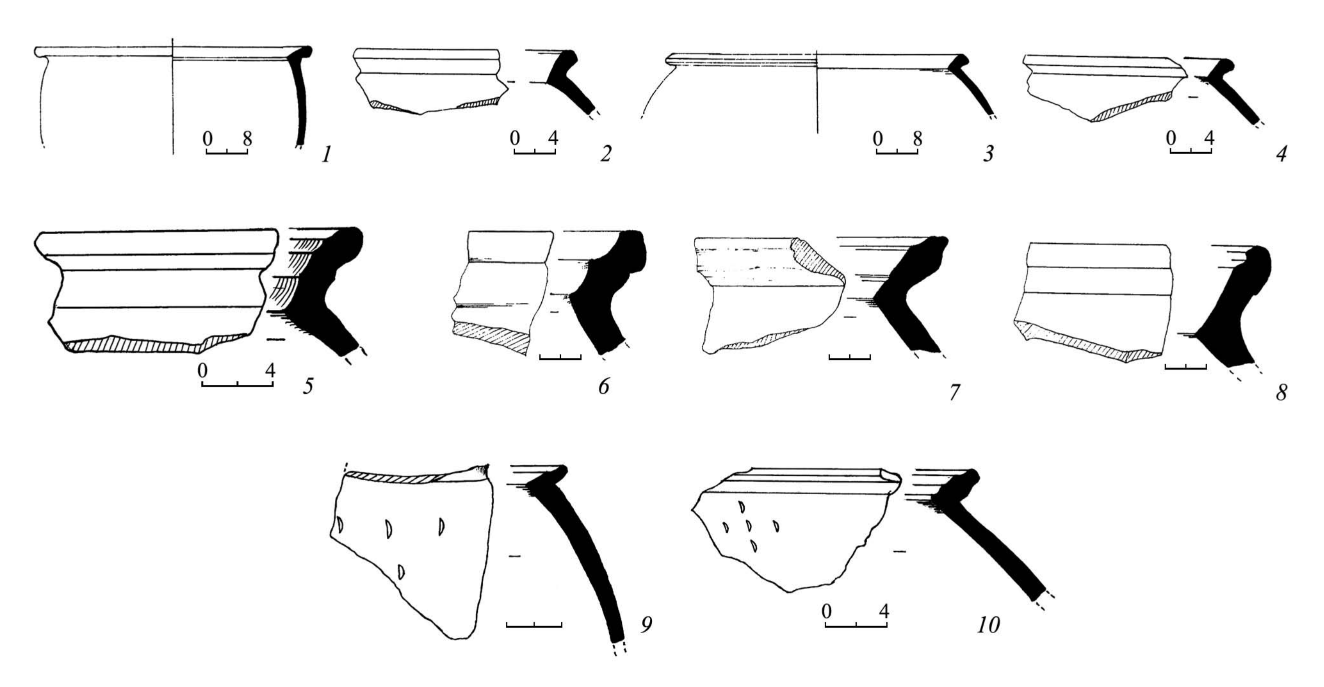

Рис. 1. Поселение Галаери. Керамика первой группы. Кувшины-пифосы

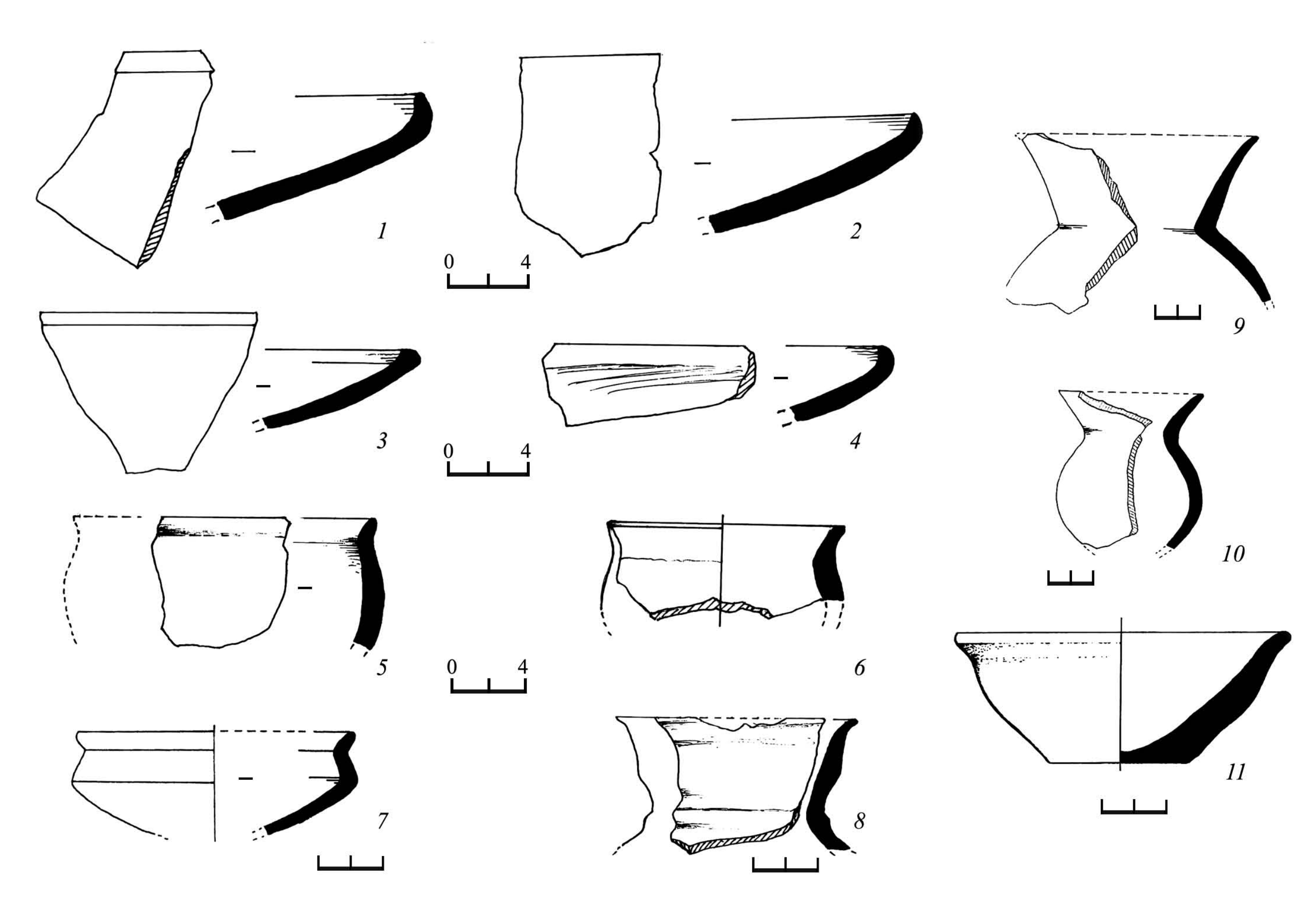

Рис. 2. Поселение Галаери. Керамика первой–третьей групп. *1–4* – миски; *5–7* – чаши; *8–10* – узкогорлые кувшины; *11* – чаша типа “Coba bowls”

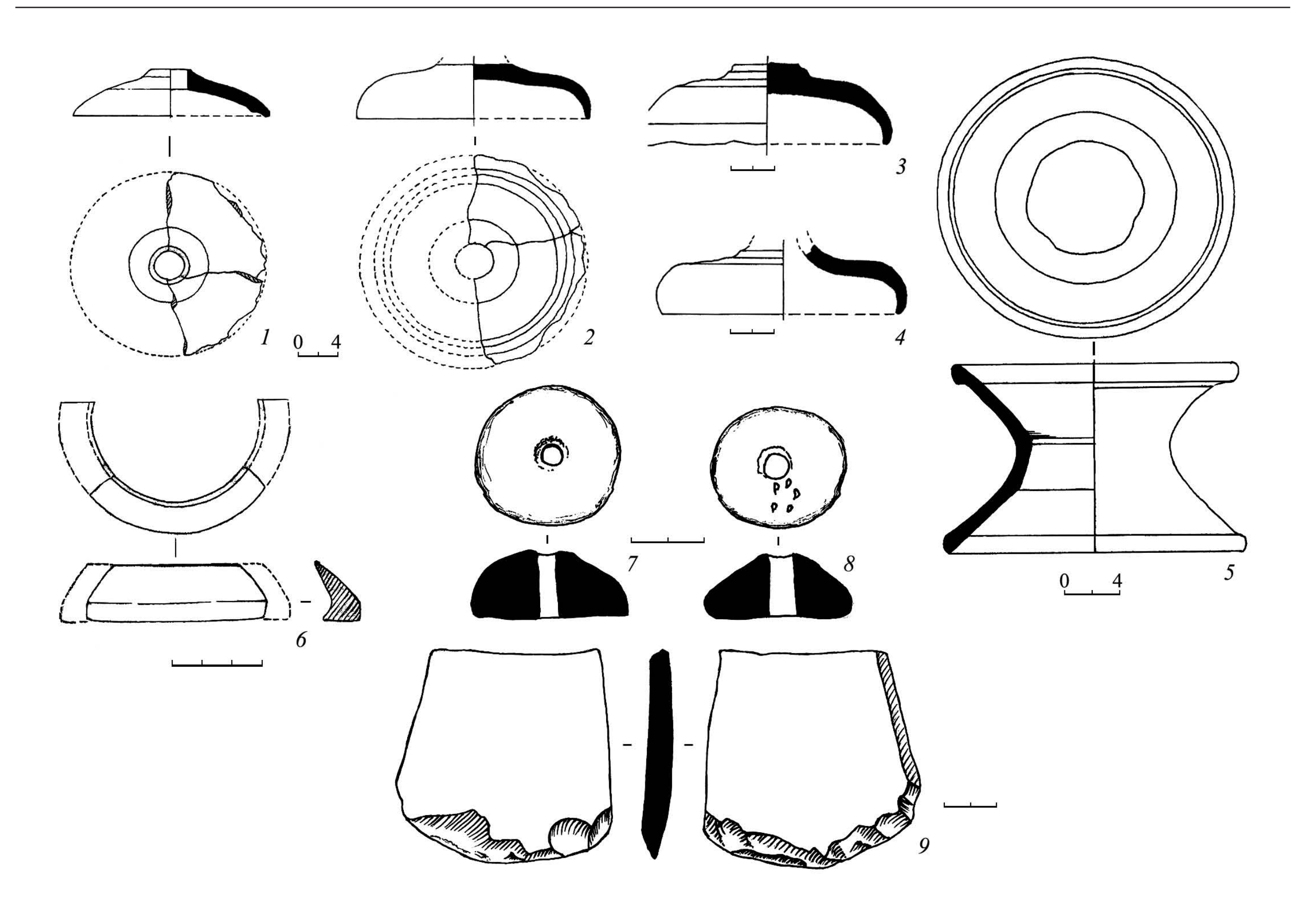

Рис. 3. Поселение Галаери. Керамика. *1–4* – крышки; *5–6* – подставки; *7–8* – пряслица; *9* – скребок

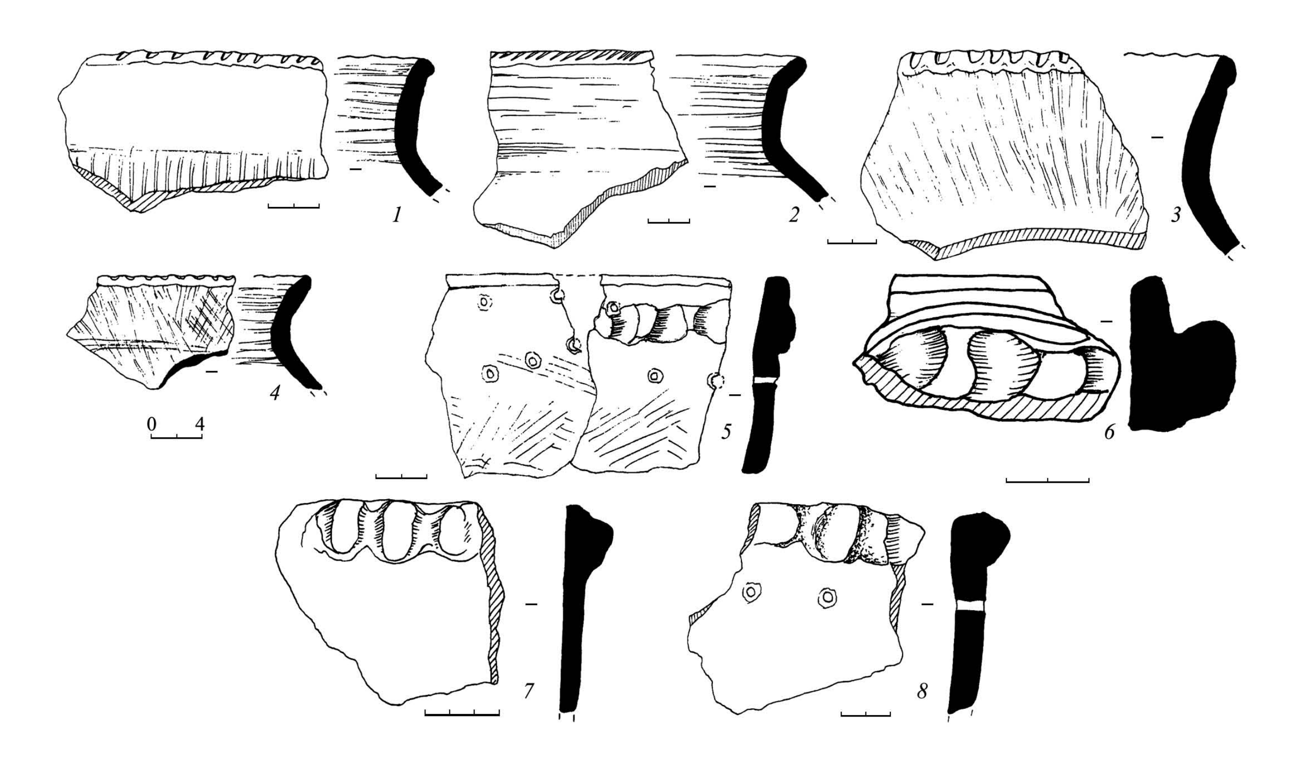

Рис. 4. Поселение Галаери. Керамика четвертой группы. *1–4* – кувшины; *5–8* – сковородки

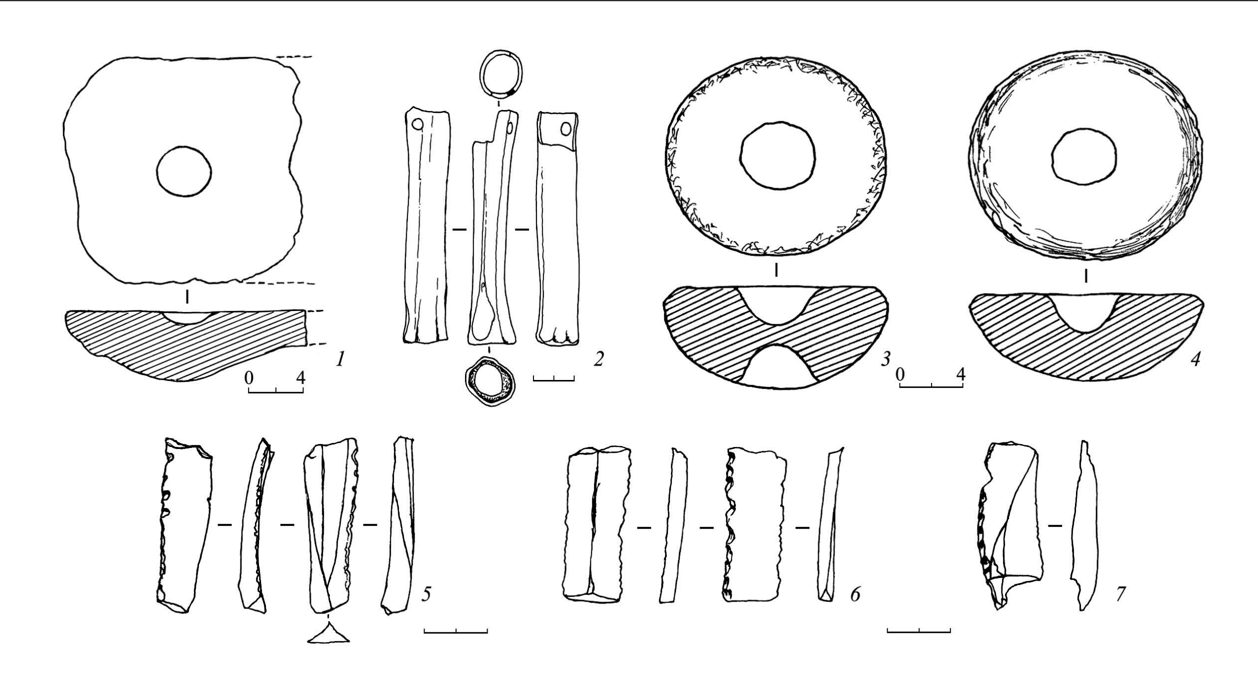

Рис. 5. Поселение Галаери. *1, 3–7* – камень; *2* – кость

Рис. 6. Поселение Галаери. *1–4* – керамические формы; *5–9* – металлические предметы

Kh.I. Almammadov

NEW ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF NEOLITHIC AND LATE CHALCOLITHIC SETTLEMENTS IN LOWLAND GARABAGH

Abstract. The paper reports the results of investigation of Neolithic and Late Chalcolithic cultures conducted in Lowland Garabagh in recent years. Mapping of archaeological sites in 2010–2017 provided an opportunity to record 300 archaeological sites in this area including 156 sites dated to the Neolithic (the Shomutepe-Shulaveri culture) and 32 sites dated to the Late Chalcolithic (the Leylatepe culture). Documentation of new Leylatepe materials increased the number of known sites attributed to this culture in Lowland Garabagh to 50 settlements.

Keywords**:** South Caucasus; Lowland Garabagh; Shomutepe-Shulaveri culture; Leylatepe culture; Ismayilbeytepe Neolithic settlement; Farmantepe Late Chalcolithic settlement.

The Garabagh region of Azerbaijan known for its natural richness has been inhabited since prehistoric times. For centuries, cultures and states superceding one another have left traces of their existence, the sites that produce evidence in all aspects of their activities (Almammadov, 2016. P. 10).

The Neolithic associated with sedentary farming cultures is a turning point in the development of humanity. Favorable natural and geographical conditions of Lowland Garabagh met the needs of sedentary farmers and cattle-breeders in the 6th millennium BC, resulting in their settling in the area, and had a strong impact on economic and cultural life.

The first studies in the issue of settling early cattle-breeder tribes in Garabagh were carried out by the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR and the the Institute of History of the Academy of Sciences of Azerbaijan Republic jointly with the Azerbaijani (Örengala) Archaeological Expedition (Иессен, 1959; 1963). Although the main task of the expedition was to conduct an archaeological investigation of the Mil-Garabagh Plain, in subsequent years, the territories of the Nakhichivan were also included in the research programme.

As a result of the excavations, the settlements of the early sedentary cattle-breeding tribes such as Shahtepe, Dollaktepe, Kamiltepe, and Adsiztepe were discovered in the Mil-Garabagh Plain (Иессен, 1965; Нариманов, 1965; Мунчаев, 1975. С. 82)

In the 1960–90s, the archaeological survey of Neolithic and Late Chalcolithic settlements of Garabagh was conducted by the Mil-Garabagh Archaeological Expedition led by Ideal Narimanov, a prominent Soviet and Azerbaijani archaeologist. As a result of archaeological research conducted at the Mil-Garabagh Plain under his leadership, dozens of new settlements were recorded, and large-scale archaeological excavations were carried out in the İlanlitepe (Нариманов, 1968; 1969; 1971; 1987. С. 48, 49), Chalaghantepe (Нариманов, Азимов, 1985; Нариманов, 1987. С. 50–52) and Leylatepe (Алиев, Нариманов, 1992. С. 10) settlements. Based on the results of the excavations carried out in the Leylatepe settlement it was evident that unearhed archaeological artefacts differ strongly from other South Caucasian Chalcolithic materials. I.H. Narimanov suggested that Leylatepe inhabitants were Ubaidian tribes which arrived from North Mesopotamia. (Нариманов, 1985; Нариманов и др., 1992; 2007. С. 60–64).

Though archaeological investigations in the Garabagh region were suspended due to the outbreak of hostilities, these studies have been resumed in recent years. One of the most important steps towards reviv-

 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.226-239

ing archaeological research in the region is the creation of the Garabagh Neolithic-Eneolitic Expedition in 2010. The main objective of the project was to carry out digital recording of the Neolithic and Late Chalcolithic sites of the region and their archaeological investigation (Алмамедов, 2011).

Archaeological surveys conducted by the expedition in 2010–2011 resulted in identification of 76 sites. The exploration of new sites and the sites that are already known covers the entire occupied territory of Aghdam district and the territories of the neighboring Aghjabadi and Barda districts (Almammadov, 2016. P. 11).

The digital recording and mapping of archaeological sites existing in Lowland Garabagh in 2012–2013 was supported by the Science Development Foundation under the President of the Republic of Azerbaijan aimed at funding research programmes, projects, and other research activities. The project "Digital recording and mapping of archaeological sites of different periods in western regions of Azerbaijan" launched in June 2012 was a winner of the Young Scientists and Professionals Specialists Contest (EIF / GAM-1-2011-2 (4)) for 2011. During a year, 169 archeological sites were recorded electronically on the occupied territories of Aghdam district and the north-west part of Aghjabadi region up to Gargarchay, covering about 990 sq. km, as a result of archaeological survey conducted in the area. A Map of Archaeological sites of Garabagh (Fig. 1) was compiled at 1: 50000 scale. 125 of those recorded sites are the settlements of early farmers and cattle-breeders (Almammadov, 2016. P. 11).

The main purpose of archaeological survey in the territory of Lowland Garabagh is the creation of "The Corpus of Archaeological Sites of Garabagh" and a "Geographical Database of Archaeological Sites of Garabagh".

The united "Geographical Database of Archaeological Sites of Garabagh" is developed with the use of modern high-precision geodetic devices and ArcMap GIS software based on topographic plans and attributive information of the sites. So, in each site, topographic surveys were carried out, the information obtained by means of the Autodesk Map software was developed and topographic plans were compiled. Along with that, the Global Mapper software was used to create 3D views for the north-south and west-east orientation, as well as in north, south, east and west orientation, based on three-dimensional relief data for each site. The topographical plans were used for each site individually, to obtain such data as location, geometric configuration and relief features on those sites and to create an individual information database for each site. The database completed for each site was included in the Uniform Geographical Database (Almammadov, 2016. P. 12).

As a result of the archaeological survey conducted by the Garabagh Neolithic-Eneolithic Expedition in Lowland Garabagh, the 1st volume of "The Corpus of Archaeological Sites of Garabagh" was published in 2016.

In 2010–2017, archaeological survey activities were carried out on the area of about 3600 sq. km, which resulted in over 300 archaeological sites recorded in Lowland Garabagh. It should be noted that 156 of those sites belong to the Neolithic and 32 – to the Leylatepe Late Chalcolithic culture (Алмамедов, 2011; Алмамедов, Гулузаде, 2013; 2015). Before these surveys were completed, information had been known only about approximately 150 early farmer-cattle breeder settlements in the South Caucasus. About two thirds of them were located in the territory of modern Azerbaijan (Нариманов, 1987. С. 4).

The density of the distribution of settlements makes us believe that the territory of Garabagh was among the most populated areas of Transcaucasia during the Neolithic in the 6th–5th millennia BC.

The favorable natural and geographical conditions and presence of necessary resources in the Lowland Garabagh, was the basis for development of a local Neolithic culture there. New research results contribute to studying the issue of early sedentary people's settlement in the Lowland Garabagh in the Neolithic period (Almammadov, 2016. P. 430).

One of the main results of archaeological survey was finding new Neolithic sites of Shomutepe-Shulaveri culture, which prove that Neolithic settlements distribution was not limited to the Khachinchay-Gargarchay basin in Lowland Garabagh. As a result of the survey over 10 Neolithic settlements were recorded in the north of Khachinchay, the Khachinchay-Terterchay basin. Archaeological surveys carried out in the basin are very interesting from the point of view of chronology and cultural contacts of early farmers of Lowland Garabagh.

Thus, the Neolithic settlements of Yastitepe and Piyadalar located in the Khachinchay-Terterchay basin have cultural deposits of no more than 20 cm thick. We believe that those sites functioned as seasonal camps, and could reflect the transition process to a sedentary or semi-sedentary lifestyle.

Environmental conditions and climate fluctuations have had an impact on the distribution of Neolithic settlements (Akhundov, Almamedov, P. 2009; Амиров, 2014). The Neolithic locations have been recorded only in the northern part of the investigated area, and they are absent in the southern regions of Lowland Garabagh.

For the first time archeological study of the Neolithic sites in Lowland Garabagh was carried out by Ideal Narimanov at Ilanlitepe and Chalaghantepe settlements. The results of the excavations have not been published widely and remain in the form of reports. The Garabagh Neolithic-Eneolithic Expedition has been conducting archeological excavations in the Neolithic Ismayilbeytepe settlement since 2012, simultaneosly with the archaeological survey of Lowland Garabagh (Алмамедов, Гулузаде, 2013; 2015)

The Neolithic settlement of Ismayilbeytepe is located 250 m west of Guzanli—Khindiristan highway north-east of Khindiristan village in Aghdam district (N 40^0 08^I 09.2^{II}, E 047^0 07^I 48.8^{II}; elev.-119 m) (Fig. 2). Approximate diameter of the mound is about 100 m and its height is nearly 4 m. According to the results of the excavations, the Ismayilbeytepe Neolithic settlement was built on a small natural hill.

During the 2012 field season, over 200 square meters were excavated on the eastern slope of the tell. In the 2014 season, the excavated area reached as much as 400 square meters. Remains of 15 structures belonging to four building horizons were unearthed there. According to the radiocarbon data, the settlement existed from the 1st to 2nd half of the 6th millennium BC.

A unique feature of the Neolithic settlement of Ismailbeytepe is the presence of a ditch (1–1.5 m deep, 0.5–1 m wide) dug in the virgin soil, and the wall made of unshaped mud bricks (4–4.5 m high) surrounding the settlement. From the outside the wall was reinforced with buttresses (Алмамедов, Гулузаде, 2015). The purpose of this wall is questionable. It could be used as a defensive structure, or as a protection against flood waters. This wall divides the settlement into two parts. On the area inside the wall an adobe platform 50–80 cm thick was found. On the platform, houses belonging to building horizons I and II were built. It should be noted that only round structures were identified within the territory enclosed by the wall, for example, structure № 1 (Fig. 3), while on the outside, only rectangular structures were recorded.

Building remains survived to the height of 50–80 cm. Walls are constructed from bricks made of clay tempered with straw. The bricks are 18–20 cm wide and 38–40 cm long. The sides of the bricks are convex. They are likely to have been made without any mold. From both sides (inside and outside), the structure was covered with clay plaster mixed with straw. The thickness of the plaster varies from 5 to 11 cm. The western part of the building was strengthened with supplemental masonry (Джавахишвили, 1973. С. 21). A rounded hole 28 cm in diameter was opened in the eastern part of the building. The 6–8 cm thick floor was plastered with clay tempered with straw and coloured with ochre. The floor consists of several layers as it was plastered several times. There are no traces of fire usage on the floor.

A variety of big jar without the base but with 4 cm long spout adjacent to its bottom part was found under the floor. Probably it was used for the preparation of dairy or other liquid products. Both surfaces of the vessel were coloured in red.

In addition to the jar buried inside the house, another jar with a capacity of 0.51 cubic meters was buried in the yard. The outer surface of the vessel is coloured in red and decorated with impressions (Алмамедов, Гулузаде, 2013).

The most interesting finds made in the settlement include a burial with cremated human remains survived partly. The grave pit was unearthed immediately under the floor. In addition to burned human bones mixed with the ochre, there were found several beads made of copper, paste and stone.

Among the interesting artifacts found in the settlement, are sling stones that differ by size and shape from those known in other neolithic sites of the Caucasian region. Ismayilbaytepe clay sling stones are round-shaped and have diameters ranging from 8 to 13 cm and weights from 150 to 700 g. It should be pointed out that sling stones have been found inside both circular and rectangular structures. Totally, there have been found over 200 items of this type (Алмамедов, Гулузаде, 2013).

The remains of circular structure № 9 belong to the 2nd building horizon and are located at the border of squares 1A and 2A. The outer diameter of this building amounts to approximately 5.4 m, and the inside diameter is about 4.8 m. The wall thickness varies from 30 to 45 cm and the survived height of the walls is 50–92 cm. The building was made from mud bricks of two sizes: 40 × 19 × 13 cm and 35 × 15 × 12 cm. The entrance was opened in the southwest part of the srtructure. The building was divided by a partition wall, and a part of it was possibly used as a storage premises (Fig. 4).

Inside structure № 9, three floor surfaces have been unearthed. The approximate thickness of the floor pavement is 6–11 cm and it was made of untempered clay without chaff. On the floors, there are no fireplaces or traces of the use of fire. All investigated round buildings of the settlement were used as dwellings. No traces roof supporting posts on the floors have been found yet.

Under the floor, at the entrance into structure № 9, a child's burial was found. The dimensions of the grave pit are 51 × 25 cm. The infant body was buried in an embryo position, the head to the east, the legs to the west, and the face to the south. No burial offerings have been found near the skeleton.

Two remains of rectangular structures (№ 12 and № 15) were found outside the "defense–protective" wall. They belong to the 3rd and 4th building horizons. These strucutres were constructed after the ditch was filled with household and natural wastes. It is likely that they were used for household purposes.

Structure № 12 (Fig. 5) is located in the center of square 2A. This is a 2-roomed building with total square of 5.6 × 5 m. The thickness of its walls varies from 46 cm to 125 cm. The surviving height of the structure walls is between 1.5–2.4 m. Mud bricks without chaff (35 × 13 × 16 cm) were used to erect the walls of the building. Pure clay was used as a binder solution for masonry; the walls were also plastered with untempered clay. Inside the strcuture, two dwelling levels have been identified. The ground floor of the dwelling 7–10 cm thick was made of pure clay. The thickness of the floor of the 2nd level is about 10–16 cm. The floor is made of dark red clay, with probable addition of the ochre (Алмамедов, Гулузаде, 2015). A 135 cm long, 29–57 cm wide and 57 cm deep pit filled with black ash was found in the floor of structure № 12. This pit is similar to the fire chamber of the pottery kiln found in the settlement of Chalagantepe. The black coloured spherical object 48 mm in diameter weighing 218 g was found on the floor next to the hearth (Алмамедов, Гулузаде, 2015). The appearace, weight and material of the object, similar to the "Ismayilbeytepe type sling stone", provoked some debates as to its function. To resolve the debatable issue, samples of the kilns were sent to German Research Laboratory for Archaeology and Materials at the Mining-Museum Bochum. Upon obtaining the results of the analysis, it will possible to conclude more clearly about the composition and features of this item.

Two-room structure № 15 adjacent to the "defense-protective" wall was unearthed in square 2B. This wall survived to the height of 1.4 m. The walls of structure № 15 were erected without foundation. One of the rooms has the area of 12.5 square meters (Fig. 6). Three walls of the room made of mud bricks 40 × 15 × 18 cm in size were reinforced with 55 × 53cm counterforts from the inside. The width of the walls is ranging between 56 to 140 cm. Both sides of the walls are covered with untempered clay. The plaster is 3–12 cm thick depending on the wall thickness. Same as in the first room, the walls of the second one were built without foundation immediately on the virgin soil. The height of the walls of the second room varies from 1.3 to 1.75 m. There was a small window in the wall dividing two rooms of structure № 15 (Fig. 7). No traces of hearth have been found inside the room. The doorway to structure № 15 has not been found, and it can be assumed that the entrance was from the roof.

Among the artifacts collected, fragments of pottery are plentiful. There have been found 4000 fragments and four whole jars. The vessels there had no handles. In whole, the pottery is similar to that found in the synchronous settlements located in the neighboring regions (Guliyev, Nishiaki, 2012; Lyonnet et al., 2012; 2015; Alakbarov, 2015; Helwing et al., 2015). Stone tool finds are very few. Among them there is a grinder, six fragments of vessels made of white stone, obsidian flakes, and small nuclei. One of the most surprising details is the almost complete lack of osteological materials. Only a certain number of samples represented with small bone fragments have been found (Almammadov, 2016. P. 17–32).

In order to determine the absolute dating of the settlement, C14 samples originating from different layers of the cultural deposits were analyzed in Israel (D-REAMS Radiocarbon Laboratory Weizmann Institute of Science) and in Germany (Klaus-Tschira-Archäometrie-Zentrum Am Curt-Engelhorn-Zentrum Archäometrie gGmbH). The results of C14 analysis allow us to conclude that settlement existed in the 2nd half of the 6th millennium BC.

In the present days, investigation of the Late Chalcolithic Leylatepe culture is one of most urgent tasks of Azerbaijan archaeology. Excavations of the settlement of Leylatepe discovered by I. Narimanov in the 1980s led to the identification of a new archaeological culture of the Transcaucasia dated to the 4th millennium BC. This culture is located mainly on the territory of modern Azerbaijan and documents active relations between the Caucasus and Northern Mesopotamia.

As a result of the 2010–2017 field activities, the number of sites belonging to the Leylatepe culture in the Garabagh steppe area has significantly increased and exceeded 50. High density of the Leylatepe settlements in Lowland Garabagh is the result of migration from Northern Mesopotamia to the Transcaucasian region. Lowland Garabagh plain was among the primary centers of the Leylatepe culture location in the Caucasus (Almammadov, 2016. P. 429). There are different points of view on the migration of Mesopotamian culture bearers to the Transcaucasia. (Нариманов, 1985; Нариманов и др., 2007. С. 60–78; Ахундов, 2005; Мунчаев, 2007; Мунчаев, Амиров, 2007; Мусеибли, 2011). In this article, we focus our attention only on the geographical distribution of the Leylatepe settlements without analyzing their size grouping, etc.

As it was mentioned above, the archaeological survey carried out by the Garabagh Neolithic-Eneolithic Expedition resulted in recording 32 settlements of the Leylatepe culture in the region. They look like tells and

topographically can be divided into two groups. (Almammadov, 2013).

The sites of the first group are mainly located in flat areas and there are no signs of any water source around them. The bottom levels of cultural deposits are located below the modern ground level. Such type of settlements was investigated in the sites of Leylatepe, Chaggalitepe, Pashatepe and Soyudlutepe. The settlements of this group belong to the early stage of migration from Mesopotamia to the Caucasus when dry and moderate climate dominating in Lowland Garabagh (Нариманов и др., 2007. С. 69) made it possible to settle in flat areas.

Settlements of the second group were built on the natural hills located near the river beds. In some cases, instead of natural hills, the Neolithic mound-shaped tells were chosen to establish Chalcolithic settlements (for example, Abdalaziztepe, Shamlitepe, etc.). The use of natural and artificial hills for settlement can be associated with abundant rainy climate and protection against flooding. Only one settlement of this group, Farmantepe, has been excavated in the course of our work.

The settlement of Farmantepe is located 1 km east of Ayag Garvand village of Aghdam district, north-west of Sultanbud forest (N 40° 11′ 09.7″; E 047° 06′ 41.3″; elev. -113 m) (Fig. 1, 68; 8). It is a small hill located near an ancient river bed. The diameter of the tell is approximately 170 m and the height over river bed bottom is 6 m (Almammadov, 2015).

As a result of the excavations we found that the thickness of the cultural deposits amounted to 2 m, overlapping natural hill about 2 m high.

In the cultural deposits of the settlement, four construction horizons were identified. The early period of life of the settlement (layers III–IV) is characterized by mud brick structures. The late period (layers I–II) feature the remains of light structures where only the floors smeared with clay tempered with straw have survived. It is possible that those architectural changes may be related to climatic fluctuations.

During the process of excavations nearly 3000 ceramic fragments (Fig. 9, 10), flint and obsidian flakes were found. Among other finds, two jar burials and grindstone fragments should be noted. Pottery is presented with items made both on a potter's wheel and handmade ones. In many cases, the surfaces of the vessels are decorated with a comb. There are also fragments of vessels with marks on the surface.

C14 analysis made in the Tokyo University Laboratory allows us to conclude that the settlement existed in the first half of the 4th millennium BC (Almammadov, 2015).

Settlements of the Leylatepe culture are typically located in the altitude interval from 15 to 200 meters above the sea level. Variation in the area of the Leylatepe culture settlements located in the steppe landscape could be noted according to their location above sea-level. Settlements located between 15–55 m above the sea level are characterized by relatively small size. Their diameter usually reaches 20–45 m and the height is 0.3–1 m. Such settlements were located in saline areas. With the elevation above sea level the area of Leylatepe settlements changes. These settlements reach a diameter of 50–170 m at a height of 1–3 m. This variability of the Leylatepe settlements could be related to climate change. The climate aridization could lead to the resettlement of Leylatepe culture bearers in the eastern direction, towards the Kura river. The settling in the area of salt marshes unsuitable for agriculture led to a change in the economy of the Leylatepe culture bearers, and to transition to a semi-sedentary lifestyle. The smaller size of the settlements in the plains may also be associated with the transition to a semi-sedentary lifestyle.

Archaeological excavations of the Leylatepe culture settlements are of great importance for studying the relationships between Northern Mesopotamia and the Caucasus in the 4th millennium BC. Investigations of the Leylatepe settlements located on the territory of Lowland Garabagh plain, which served as a bridge between Mesopotamia, Anatolia and the Caucasus region, allow us to trace migration process in the Eastern Transcaucasia. (Almammadov, 2013).

The results of new archaeological research conducted on the settlements of Lowland Garabagh suggest that this region was among the centers of the formation of the Neolithic and Chalcolithic cultures in the Caucasus during the 6th–4th millennia BC. On the other hand, during this period, the Garabagh region was the main transit zone for the transfer of foreign cultural traditions, which left their mark on the development of local cultures.

BIBLIOGRAPHY

Ajorloo B., 2013. The Early Neolithic Period in the Urmia Lake Region // jocO quarterly, Vol.1, no.1. Autumn 2013. 31–40.

Akhundov T., Almamedov Kh. I., 2009. South Caucasia in the Neolithic to Early Bronze Age (Central and Eastern Regions) // Azerbaijan-Land between East and West. Transfer of knowledge and technology during the “First Globalization” of the VIth–IVth millennium BC. International Symposium Baku, April 1–3, 2009. P. 35–37.

Alakbarov V. A., 2015. Pottery production at Neolithic Göytepe (West Azerbaijan) // Гілея Науковий вісник збірник наукових праць. Вип. 102 (№ 11), Київ. P. 166–169.

Almammadov Kh. I., 2013. The new monuments of Leylatapa culture discovered in Garabagh Plain // Proceedings of the International Archaeological Symposium Problems of Maykop Culture in the Context of Caucasian-Anatolian Relations. Tbilisi. P. 31–34.

Almammadov Kh. I., 2015. Archaeological excavations in Farmantapa in 2013 // Archaeological researches in Azerbaijan-2013–2014 (in Azerbaijan). Baku. P. 90–95.

Almammadov Kh. I., 2016. The corpus of archaeological monuments of Garabagh. Book I. Baku.

Guliyev F., Nishiaki Y., 2012. The starting point of civilization - early village of Goytepe. Baku.

Helwing B., Aliyev T., D´Anna M.B., Ricci A., 2015. Güneybatı Azerbaycan´da Eski Kura Projesi. Mil Stepleri Kulturel Peyzajı // International Symposium on East Anatolia– South Caucasus Cultures. Proceedings I. P. 377–387.

Lyonnet B., Guliyev F., Bouquet L., Bruley-Chabot G., 2015. Mentesh Tepe, an early settlement of the Shomu-Shulaveri Culture in Azerbaijan. Quaternary International XXX. 1–14.

Lyonnet B., Guliyev F., Helwing B., Aliyev T., Hansen S., Mirtskhulava G., 2012. Ancient Kura (2010–2011). The first two seasons of joint field work in the Southern Caucasus // Archaologische Mitteilungenaus Iran und Turan 44. Berlin.

Özdoğan M., 2010. Transition from the round plan to rectangular – reconsidering the evidence of Çayönü // BAR International Series 2097, vol. 48. Oxford. P. 29–34.

Özdoğan M., 2011. The Dynamics of Cultural Change in Anatolia: A supra-regional Perspective // Anatolian Metal V. Bochum. P. 21–29.

Ахундов Т.И., 2005. Материалы к изучению Переднеазиатской миграции на Кавказ // Международная научная конференция «Археология, Этнология, Фольклористика Кавказа»: материалы конференции. Баку. С. 52–53.

Алиев Н.Г., Нариманов И.Г., 2001. Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку.

Алмамедов Х.И., 2011. Археологические исследования «Гарабагской неолит-энеолитической экспедиции» в 2010 году // Сборник материалов международный научной конференции «Раннеземледельческие культуры Кавказа», посвященной 60-летию открытия памятника Кюльтепе в Азербайджане. Баку. С. 238–247.

Алмамедов Х.И., Гулузаде Н.В., 2015. Археологические исследования «Гарабагской неолит-энеолитической экспедиции» в 2013–2014 году // Археологические исследования в Азербайджане, 2013–2014 Баку. С. 60-74 (азерб. с рез. рус.).

Алмамедов Х.И., Гулузаде Н.В., 2013. Археологических исследований проведенных «Гарабагской неолит-энеолитической экспедицией» в 2012 году // Археологические исследования в Азербайджане 2012. Баку. С. 74–82 (азерб. с рез. рус.).

Амиров Ш.Н., 2014. Месопотамско-кавказские связи в IV–III тысячелетиях до н.э. в свете климатических флуктуаций // КСИА. Вып. 233. С. 3–17.

Амиров Ш.Н., Немировский А.А., 2014. К вопросу о кавказско-переднеазиатских связях в IV–III тыс. до н.э. (о распространении куро-аракской культуры на Переднем Востоке) // Древние культуры юго-восточной Европы и Западной Азии. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. Москва. С. 289–310.

Джавахишвили А.И., 1973. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V–III тыс. до. н.э. Тбилиси.

Иессен А.А., 1959. Азербайджанская (Орен-Калинская) экспедиция // МИА СССР. № 67. С. 5–14.

Иессен А.А., 1963. Кавказ и Древний Восток в IV–III тыс. до. э. // КСИИМК, № 93. С. 3–14.

Иессен А.А., 1965. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // Труды Азербайджанской Археологической Экспедиции Т.2. (МИА СССР, № 125). М; Л. С. 10–15.

Мунчаев Р.М, Амиров Ш.Н., 2007. Урукская культура Месопотамии и Кавказ // Вестник Института археологии и этнографии. Дагесданский Научный Центр РАН. № 4 (11). С. 3–15.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

Мунчаев Р.М., 2007. Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе: сборник кратких сообщений международной научной конференции «Археология, этнология и фольклористика Кавказа». Махачкала. С. 8–9.

Мусеибли Н.А., 2011. Лейлатепенская археологическая культура: переднеазиатские корни и место в Кавказском энеолите // Археология и этнография Азербайджана. Баку. № 2. С. 5–29 (азерб. с рез. рус.).

Нариманов И.Г., 1965. Керамика древнего поселения в близи городища Орен-калы // Труды Азербайджанской Археологической Экспедиции Т. 2. МИА, № 125 М; Л. С. 37–39. .

Нариманов И.Г., 1968. Исследование энеолитических поселений в Азербайджане // АО 1967 года. М. С. 478–480.

Нариманов И.Г., 1969. Раскопки энеолитического поселения Иланлы-тепе // АО 1968 года. М. С. 396–397.

Нариманов И.Г., 1971. К итогам археологических раскопок в Иланлы-тепе // МСПИАЭИ 1970 года в Азербайджане. Баку. С. 5–6.

Нариманов И.Г., 1985. Обейдские племена Месопотамии в Азербайджане // Всесоюзная археологическая конференция. Тезисы докладов. Баку. С. 271–272.

Нариманов И.Г., 1987. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI–IV тыс. до н.э.). Баку.

Нариманов И.Г., Азимов М.С., 1985. Энеолитическое поселение Чалагантепе (Памятники материальной культуры Азербайджана). Баку.

Нариманов И.Г., Ахундов Т.И., Алиев Н.Г., 2007. Лейлатепе. Баку.

Х.И. Алмамедов

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ НЕОЛИТА И ПОЗДНЕГО ХАЛКОЛИТА НА КАРАБАХСКОЙ РАВНИНЕ

Резюме. В статье представлены результаты исследований последних лет на Карабахской равнине. Проведенное здесь в 2010–2017 гг. картографирование археологических объектов, позволило зафиксировать 300 памятников, из которых 156 датируются эпохой неолита (шомутепе-шулаверская культура) и 32 эпохой позднего халколита (лейлатепинская культура). Регистрация новых лейлатепинских памятников увеличило число известных поселений этой культуры на Карабахской равнине до 50.

***Ключевые слова**:* Южный Кавказ, Карабахская равнина; шомутепе-шулаверская культура; лейлатепинская культура; неолитическое поселение Исмаилбейтепе; поселение Фармантепе эпохи позднего халколита.

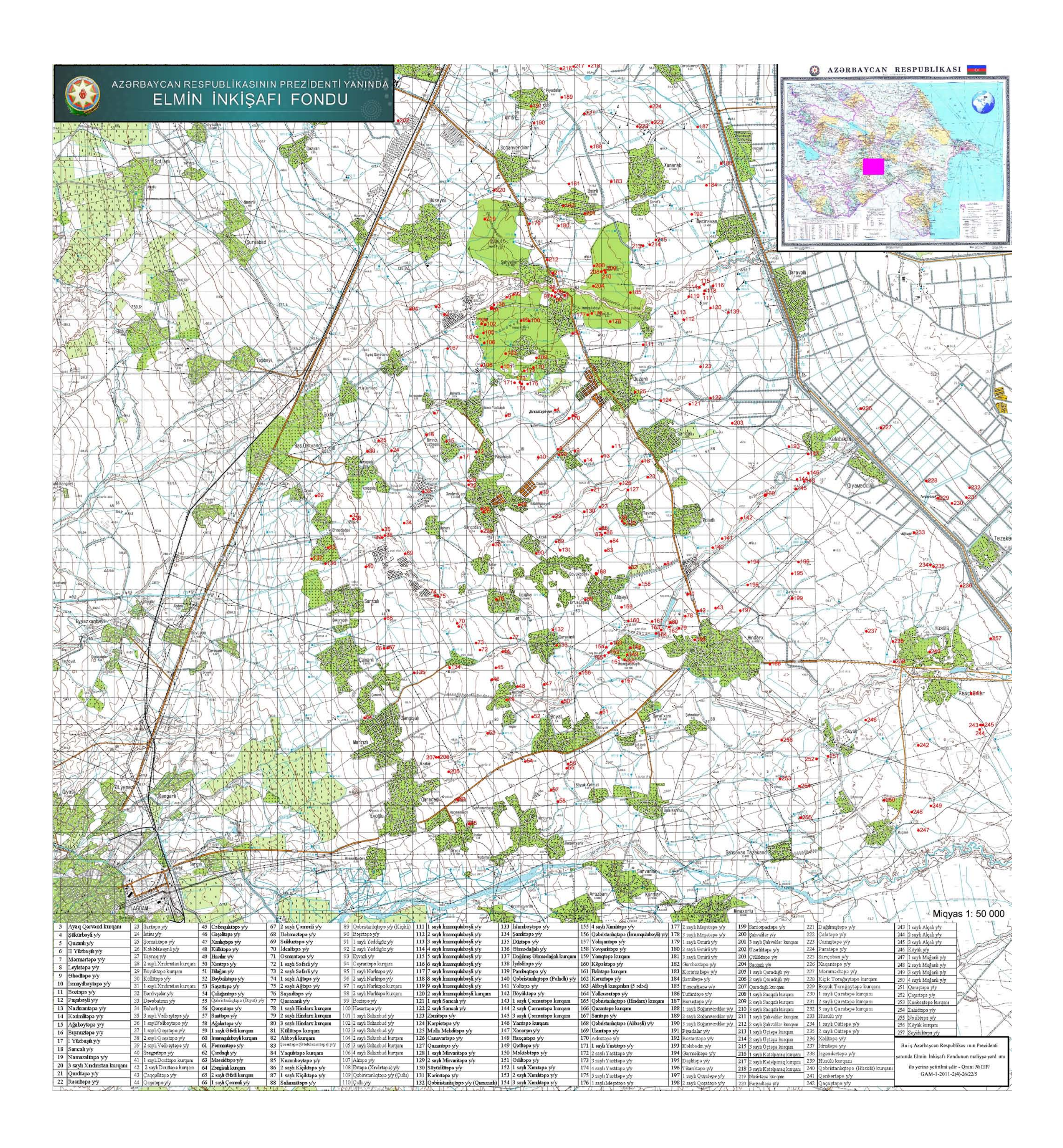
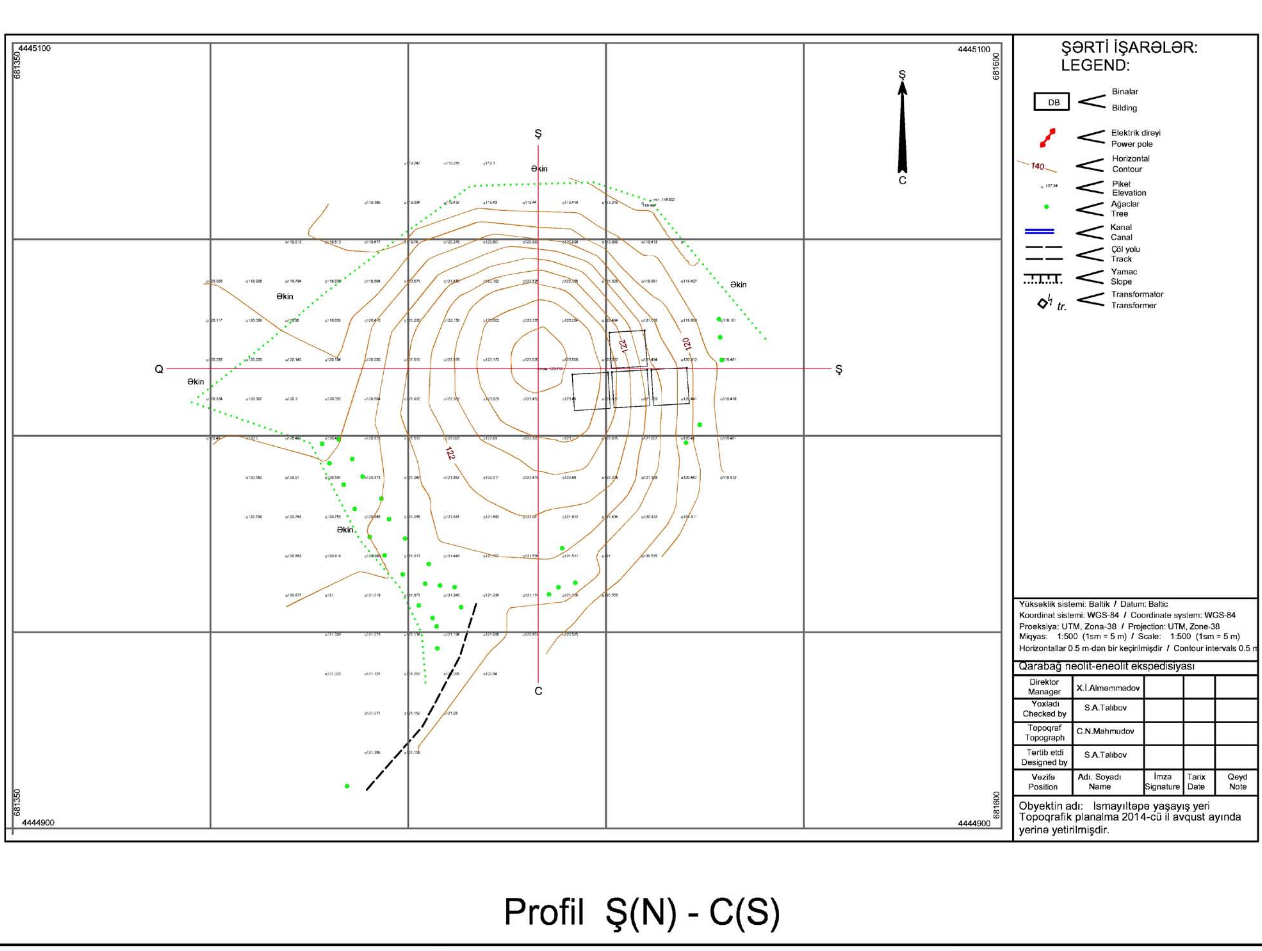
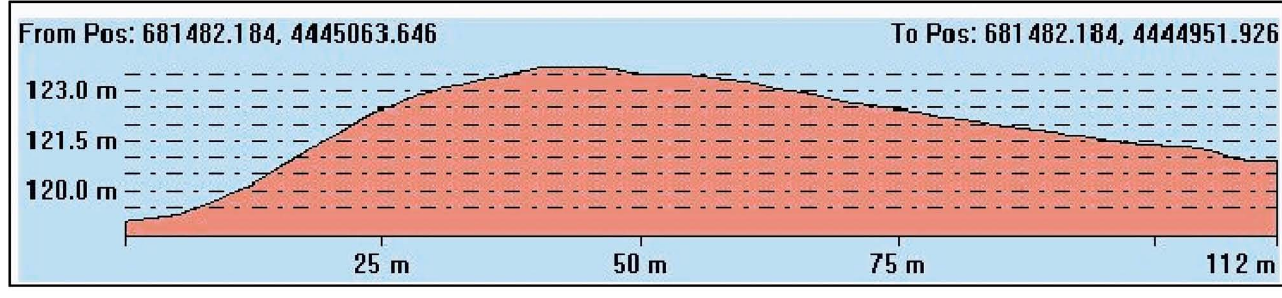

Fig. 1. Map of Archeological sites of Garabagh

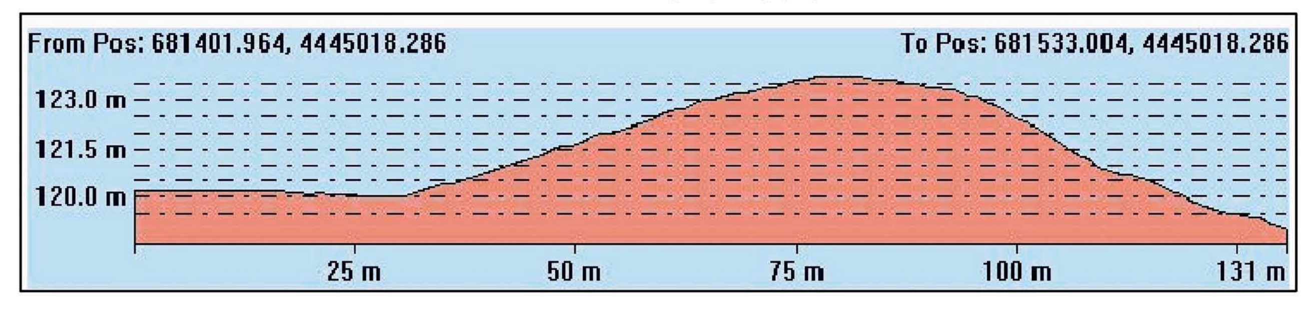

Fig. 2. The plan and profiles Ismayilbeytepe Neolithic settlement

Fig. 3. The remains of building №1, seen from the north

Fig. 4. Jar buried under the floor of the building №9

Fig. 5. General view of the building №12

Fig. 6. General view of the building № 15

Fig. 7. The hole built for communication between rooms in building № 15

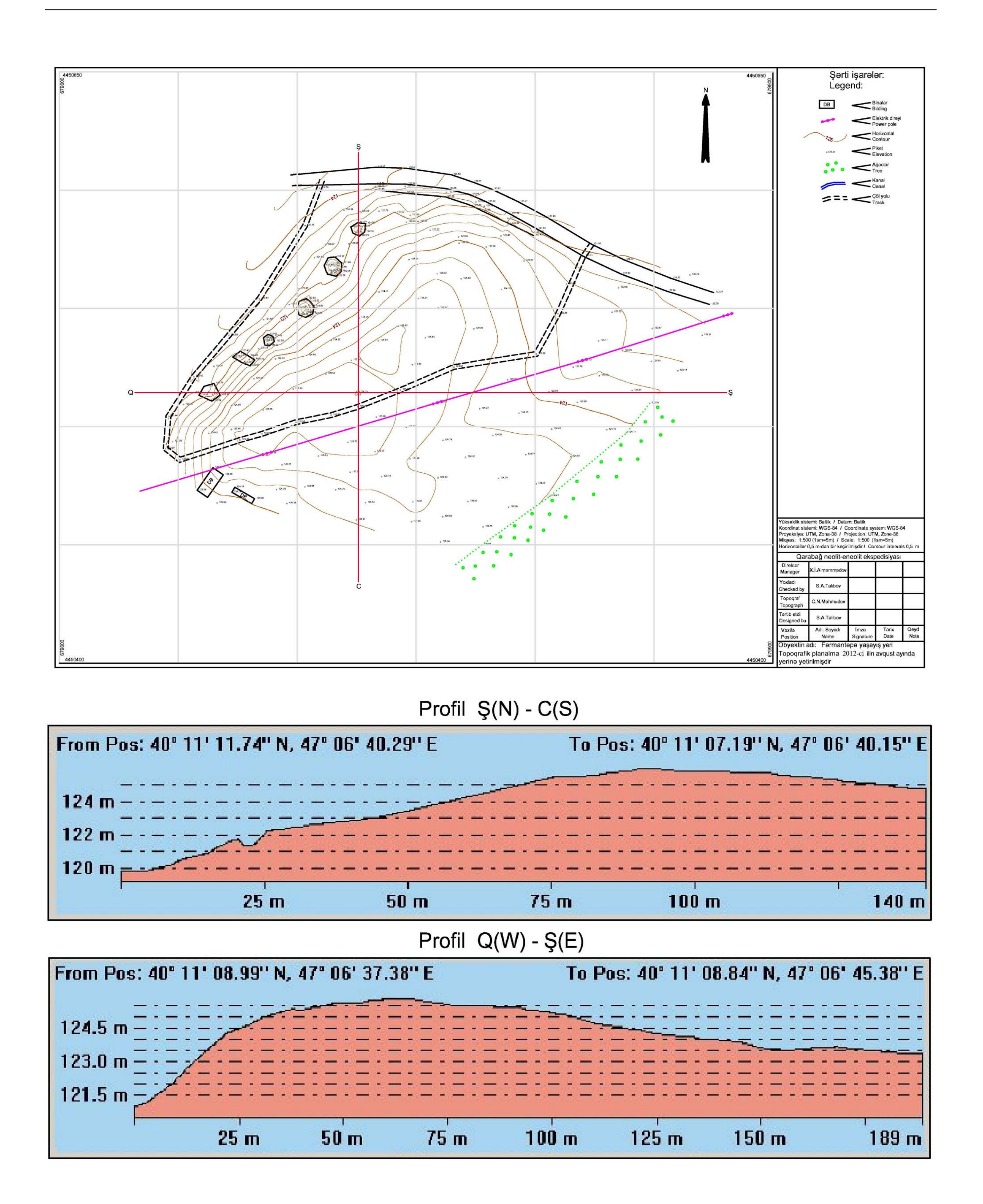

Fig. 8. The plan and profiles of Farmantepe Eneolithic settlement

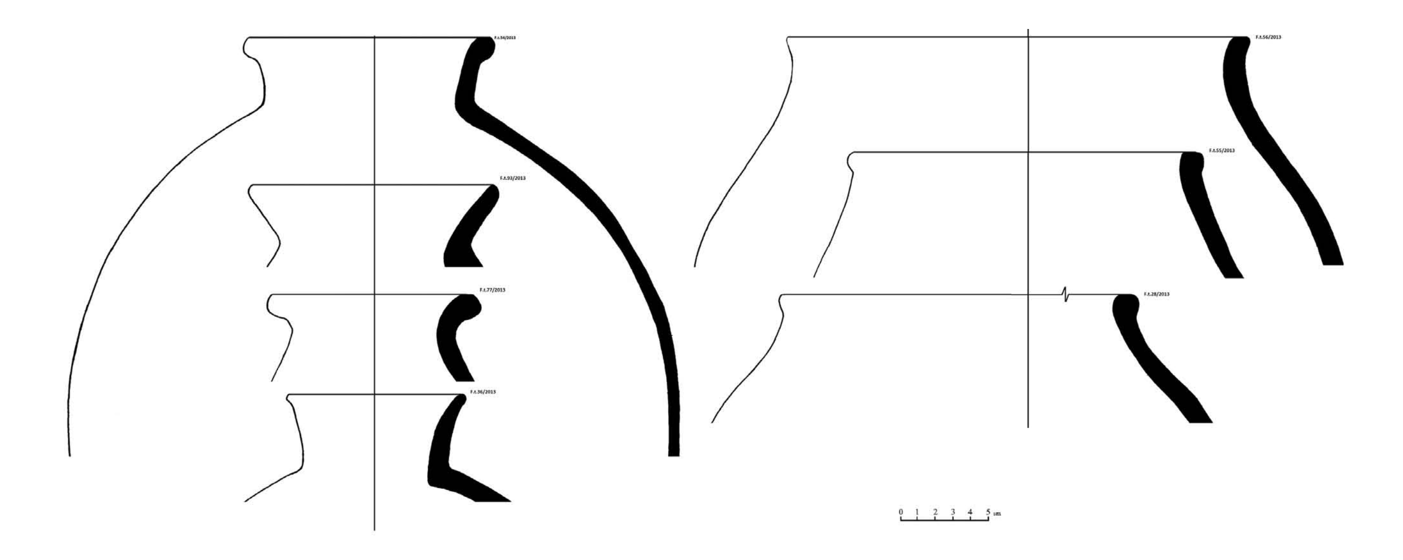

Fig. 9. Drawing of pottery sample at Farmantepe Eneolithic settlement

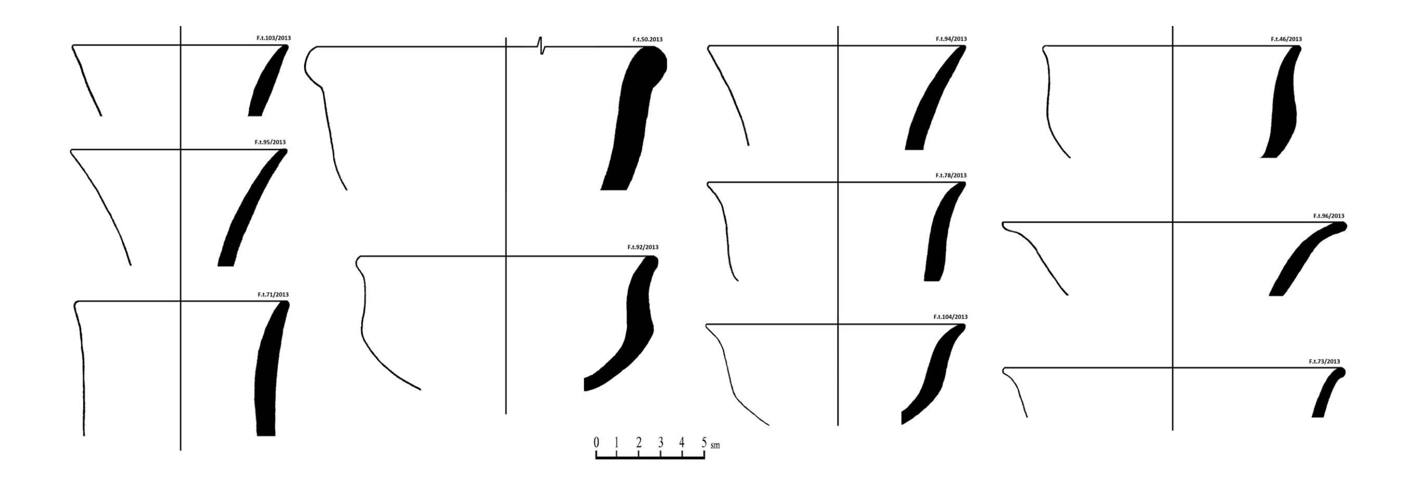

Fig. 10. Drawing of pottery sample at Farmantepe Eneolithic settlement

Г.Ф. Джафаров

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАРАБАХА ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ: ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Резюме. В статье освещаются погребальные памятники эпохи ранней бронзы Карабаха. Памятники Карабаха указанного периода были исследованы, преимущественно, начиная с 30-х годов XX в. Исключением являются курганы Хачинчая, раскопанные Э. Реслером в 90-х годах XIX в. В двух из этих курганов был зафиксирован обряд кремации, а в трех обряд ингумации. В 30-х годах XX в. Я. Гуммелем были обнаружены и исследованы курганы эпохи ранней бронзы в окрестностях гор. Ханкенди. Наибольший интерес среди памятников эпохи ранней бронзы Карабаха представляет грандиозный Учтепинский курган, исследованный в 1957–1960 гг. А.А. Иессеном. В числе погребальных памятников Карабаха эпохи ранней бронзы особое значение имеет Борсунлинский курганный могильник, обнаруженный и исследованный Г. Джафаровым в 80-х годах XX в. Самые ранние раннебронзовые курганы Борсунлинского некрополя, датируются начальным этапом куро-аракской культуры. Остальные датируются развитым этапом эпохи ранней бронзы. Параллели этим курганам были исследованы и в других регионах Азербайджана (Борсунлу, Осман Бозу, Геранбой, Кабала, Шеки и т.д.).

Ключевые слова: Азербайджан; Карабах; курганы; кремация; артефакты.

Известно, что в определенных природно-географических зонах горные и равнинные регионы составляют единую экологическую нишу, которая в совокупности с культурно-историческими традициями составляет «замкнутый круг» и определяет «лицо» данного региона (в целом же такие регионы издревле входили в состав более крупных историко-географических единиц, как неотъемлемая часть последних). На Кавказе в целом и Южном Закавказье, в частности, подобные регионы во множестве, к числу их относится и Карабах.

Археологическими данными установлено, что освоение горного и равнинного Карабаха шло неравномерно и прошло несколько этапов. Первоначально были «освоены» пещеры в горной (Азых и Таглар) и даже высокогорной (пещера Зар в верховьях Тертерчая) зонах. Горные лесные массивы привлекали первобытных людей богатыми дарами природы и разнообразием животного мира, что являлось первоосновой для существования в период т.н. присваивающего хозяйства.

На втором этапе шло освоение равнины Карабаха, по времени соответствующего возникновению и развитию производящего хозяйства. Этот период хорошо интерпретируется тщательно исследованными энеолитическими памятниками Карабаха.

В эпоху энеолита возникают первые межзональные контакты горного и равнинного Карабаха, связанные с добычей обсидиана и кремня в Кельбеджерском высокогорье. Эти контакты носили спорадический характер.

В период ранней бронзы, в силу изменившихся социально-хозяйственных обстоятельств, межзональные сношения приобретают иной смысл. Теперь не только организуются регулярные поездки за сырьем, но и происходит постепенное обживание горных массивов, что соответствует, на наш взгляд, третьему этапу освоения Карабаха с двумя микроэтапами. В начале осваиваются плоскогорья, чуть позже обживаются и высокогорья. На этом этапе жизнь на высокогорье носила скорее сезонный характер, что было предопределено потребностя-

 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.240-255

ми новой формы скотоводства, т.н. отгонного или же яйлажного. Начиная с этого этапа идет сосуществование горного и равнинного Карабаха, которое в последующие периоды приобретает новые черты. В эпоху ранней и средней бронзы все еще доминирует оседлый образ жизни.

Являясь звеньями единой экологической среды, горные и равнинные регионы Карабаха в природно-географическом, хозяйственно-экономическом и историческом плане дополняли друг друга на протяжении всего существования, что документируется археологически, антропологически и этнографически.

Общепринятым является тот факт, что Карабах по насыщенности и разнообразию археологическими памятниками заметно выделяется среди других регионов Азербайджана. Выгодная географическая среда способствовала освоению Карабаха первобытными людьми. Неслучайно Карабах является одним из редчайших очагов земного шара, где выявлены самые ранние следы деятельности человека (палеолитические пещеры Азых, Таглар, Шуша, Зар).

Среди памятников эпохи ранней бронзы Карабаха выделяются Ханкендинские курганы (№ 103, 119, 125, а также безымянный курган) и курганы Хачинчая (№ 1–5).

Хачинчайские курганы – это первые археологически исследованные раннебронзовые погребальные памятники Азербайджана. О принадлежности этих курганов к раннебронзовой эпохе впервые указал академик Б.Б. Пиотровский (Пиотровский, 1949. С. 39). Эти курганы небольшие, округлые по форме, с плоской вершиной, насыпь которой состояла из песка, смешанного с речными камнями. Однако, несмотря на внешнее сходство, некоторые курганы отличались друг от друга по обряду захоронения. Так, в курганах под номерами 1, 2 и 3 наблюдался обряд трупоположения, а в курганах № 4 и № 5 – трупосожжения (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. АК 48/1897. Л.211–216; ОАК за 1897 г., 1900. С. 156–157; VBGAEU, 1899. P. 249–253).

В кургане № 1 среди каменной насыпи были обнаружены четыре скелета в сидячем положении, обращенными головой на восток. В кургане артефакты не обнаружены.

В кургане № 3 могильная камера была вырезана в плотном грунте, на дне которого лежали два человеческих скелета в вытянутом положении. Могила была заполнена песком и камнями (Джафаров, 2000. С. 29).

Из курганов с обрядами трупоположения наибольший интерес представляет курган № 2, где могильная камера квадратной формы находилась в восточной части, вырезанная в твердом песчаном грунте. Могила была заполнена мелким песком, камнями и гравием. Одиночный скелет лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. В состав могильного инвентаря входили: каменная шаровидная булава с цилиндрическим отверстием, цилиндрическое украшение из листового золота со штампованными геометрическими и вдавленными точечными орнаментами в виде свернутого цилиндрика, две обсидиановые пластинки, обломки маленьких сосудов и, наконец, маленький изящный симметричный глиняный одноручный сосуд, украшенный выпуклыми валиками, т.н. «медальоном» (рис. 1, *1–13*) (Джафаров, 2000. С. 29–30).

В курганах № 4 и 5 был зафиксирован обряд трупосожжения. В кургане № 4 под насыпью оказалась вырытая в грунте могила, заполненная золой и остатками обуглившихся костей. Здесь же были найдены зубы быка, клык выдры, неорнаментированные обломки сосудов, грушевидное навершие булавы из туффита (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. АК 48/1897. Л. 215; ОАК за 1897 г. 1900. С. 157; VBGAEU, 1899. С. 253).

Под насыпью кургана № 5, на глубине до 2 м была открыта яма, на дне которой зафиксирован мощный слой золы. Эта зола перемешанна с полуобуглившимися человеческими костями. В погребальной яме находок не обнаружено (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. АК 48/1897. Л. 215; ОАК за 1897 г. 1900. С. 157; VBGAEU, 1899. С. 253; Джафаров, 2000. С. 29–30). Эти курганы относятся к позднему этапу ранней бронзы.

Среди погребальных памятников эпохи ранней бронзы не только Карабаха, но и всего Азербайджана особое место принадлежит Ханкендинским курганам. Курганы расположены на северной окраине Ханкенди, недалеко от шоссейной дороги Агдам-Шуша. Ханкендинские курганы по внешним признакам, а также по погребальному обряду и инвентарю, в основном, однотипны, хотя и имеют особенности, так или иначе отличающие их. Они имели небольшую каменную насыпь. Всего было раскопано четыре кургана (№ 103, 119, 125 и безымянный).

Насыпь курганов была возведена из булыжников и слоя глинистой земли, под которой находилась круглая, диаметром от 15 м до 24 м, могильная камера с входом с восточной стороны. Для этого некорополя характерен коллективный обряд захоронения. Погребальный инвентарь, зафиксированный при раскопках курганов, почти идентичен и состоит, в основном, из разнотипных сосудов, вылепленных

от руки, есть образцы т.н. «мешочной керамики», а также каменных наконечников стрел, ступок и подвесок, булав, архаичных бронзовых кинжалов, золотых украшений и т.д. (Гуммель, 1948. С. 15–21, рис. 6, 7, 8; Гуммель, 1939. С. 82–88, табл. IV, V; С. 91–97; Гуммель, 1940. С. 212–214, рис. 5).

Под насыпью кургана № 103 находилась могильная камера круглой конструкции, диаметром 4,5 м, глубиной до 1,5 м, с примыкающей с востока входной ямой-дромосом, шириной 1,5 м (рис. 2, план и материалы). Вдоль стены камеры и входной ямы очищен узкий желоб-«канал», шириной 0,2 м, глубиной 0,5 м. В могиле было совершено коллективное захоронение (общее число 48). Покойники были погребены в сидячем (12 человек), в скорченном положении (14 – на правом, 15 – на левом боку), уложенными на спине (5 чел.). Поверхность скелетов была полностью замурована массой, состоящей из смеси глиняного слоя и мелких плоских булыжников. Могильные материалы включают керамические сосуды числом до 30-ти, а также орудия из обсидиана (Гуммель, 1939. С. 82–88, табл. V).

В кургане № 119, в отличие от кургана № 103, не было специально выделенной могильной камеры. Покойники были захоронены на аккуратно подровненной «площадке» диаметром 4,5 м. Однако и здесь, как в кургане № 103, края площадки были окаймлены желобом-«канавкой». Входная яма-дромос, примыкающая к камере с востока, была отмечена вертикально закопанной известняковой плитой. Здесь были расчищены останки 36 покойников, зафиксированные в скорченном, сидячем и вытянутом положениях с различной ориентировкой (рис. 3б).

Погребальный инвентарь (рис.3б, *1–15*) представлен образцами керамических сосудов разного типа, характерных для раннего этапа куро-аракской культуры (всего 22 предмета), а также каменной булавой, ступы (2 экз.), наконечниками стрел, изготовленными из кремня и обсидиана (5 экз.), бронзовым кинжалом (1 экз.), золотыми бусинками (3 экз.) (Гуммель, 1948. С. 15–19, рис. 6; Джафаров, 2006. С. 30–31).

Ханкендинский курган № 125, диаметром 9м, был сложен из валунного панциря. В результате разрушения большей части каменной насыпи и могильной камеры не удалось точно определить общее число погребенных. Тем не менее, на основе сохранившихся остатков Я. Гуммель допускал вероятность совершения здесь коллективного захоронения.

Погребальный материал состоял из шаровидной булавы, бронзового наконечника копья, кремниевых, черешковых наконечников стрел (15 экз.), массивной золотой серьги, каменной ступы (рис. 3б, *2, 6, 10*), многочисленных отщепов обсидиана, фрагментов керамических сосудов, имеющих признаки, характерные для эпохи ранней бронзы (напр. т.н. «мешочная керамика») (Гуммель, 1948. С. 19–21, рис. 8, *2, 6*; Джафаров, 2006. С. 31).

Еще один ханкендинский курган, диаметром 10 м, высотой 2 м, с круглой в плане могильной камерой и с дромосом, содержал коллективное захоронение (до 48 покойников). В отличие от других Ханкендинских курганов, здесь был прослежен, как и на Хачинчайских курганах № 4 и № 5, обряд трупосожжения. Инвентарь представлен керамическими сосудами различных типов (свыше 30 экз.), с отпечатками ткани (рис. 4, *1–8*, план) (Ташчян, 1944. С. 91–97).

Наибольший интерес среди погребальных памятников Карабаха представляет грандиозный Учтепинский курган, исследованный в 1957–1960 гг. А.А. Иессеном (Иессен, 1965б. С. 153–193). Курган этот по ряду признаков резко выделяется из числа памятников эпохи ранней бронзы Закавказья (рис. 5, план; рис. 6, *1–6*). Огромные размеры насыпи (150 м в диаметре и высотой 15 м) и могильной камеры (14, 30 × 2, 20–2, 70 × 2, 60 м), не оставляют сомнений в том, что в кургане был захоронен влиятельный племенной вождь. Несомненно, на строительство Учтепинского кургана были привлечены многочисленные людские ресурсы, организация которых требовала определенных социальных предпосылок. Кстати, подсчитано, что объем насыпи кургана был равен 35 000 куб. м, на сооружение которой были потрачены 21 000 человеко-дней (Кушнарева, 1973. С.13).

Установлено, что Учтепинский курган был сооружен в три приема, следующим образом: сначала вырыта грунтовая яма площадью 36 кв. м, после совершения погребения она была перекрыта сотней толстых восьмиметровых арчановых бревен, а сверху была сооружена каменная насыпь объемом 700 куб. м. Поверх каменной насыпи была засыпана земля высотой 13 м, диаметром около 100 м. По мнению А.А. Иессена, древнее захоронение со всем реквизитом было вынесено через специальную штольню, а на его месте оказался похороненный в 30-х годах VII в. знатный хазарский воин (полководец?). Таким образом, как указал А.А. Иессен, к сожалению, содержание древней могилы для науки было навсегда утрачено. Тем не менее, о высокой социальной значимости некогда похороненного здесь лица говорит вся монументальная постройка (Иессен, 1965б. С. 185–190).

На основании керамических материалов и радиоуглеродного анализа (древесина – ЛЕ-305 (1961 г.) – 4500±120 лет / 2539±120 до н.э., уголь ЛЕ-300 (1963 г.) – 4830±230 лет / 2867±230 до н.э.) Учтепинский курган № 3, был отнесен А.А. Иессеном к позднему этапу эпохи ранней бронзы, как он писал – «близкому к концу III тыс. до н.э.» (Иессен, 1965б. С. 185–186).

В числе памятников Карабаха эпохи ранней бронзы особое значение имеет Борсунлинский курганный могильник. Некрополь находится на стыке равнины и предгорья, в среднем течении бассейна реки Инджечай, на месте скрещивания кочевых дорог скотоводов, ведущих к альпийским лугам и на зимние пастбища, у села Борсунлу Тертерского района. Насыпь земляная, каменная или перемешанная. Равнинные земляные курганы отличаются грандиозностью.

Самые ранние курганы датируются началом III тыс. до н.э. Это курганы № 7, 12 и 26. А два других кургана – № 9 и 20 датируются поздним этапом эпохи ранней бронзы.

Курган № 7 по конструкции могильной камеры, так же как по обряду захоронения и по времени, стоит особняком среди других исследованных памятников Борсунлинского некрополя.

Внешне этот курган ничем не отличается от остальных, – такая же каменная насыпь конусообразной формы, невыразительный внешний облик. Однако раскопки четырехугольной в плане могильной камеры, обнаруженной под центральной частью насыпи (диаметр кургана 12 м, высота 1 м), выявили его особый характер. Стенки могильной камеры были облицованы каменными плитами мягкой породы, а края окаймлены крупными булыжниками в два ряда. В погребальной камере выявлено коллективное захоронение, совершенное на трех уровнях. В первом, нижнем слое обнаружены останки десяти покойников в сопровождении восьми глиняных сосудов; во втором слое – восемь захороненных и два сосуда, в верхнем – один покойник и один сосуд. Дно могильной ямы выравнено с большой тщательностью, а каждый слой перекрыт мелкой речной галькой на гажевом растворе (рис. 7, план и материалы). Таким образом, верхняя замурованная часть первого слоя одновременно являлся основанием второго и т.д. (Джафаров, 1985б. С. 79–88, табл. II). Напомним, что в курганах Ханкенди также было прослежено аналогичное трехъярусное захоронение с замуровкой (Гуммель, 1948. С. 15–21; Гуммель, 1939. С. 77–88).

Погребальный инвентарь седьмого кургана состоит только из керамических сосудов-горшков, кувшинов, чаш, мисок. Большинство сосудов снабжено двумя, иногда одной петельчатой ручкой, которые в основном соединяют венчики с плечиками. Керамика выполнена от руки, причем менее тщательно, часто грубовато, в тесте много крупнозернистого песка. Обжиг неравномерный, имеются следы закопчения. Стенки, особенно нижняя часть, довольно толстые, днище плоское и уже, чем венчики. Горловины цилиндрические, с характерными уступами. Переход от шейки к тулову четко выделяется. Туловища в основном округлые, иногда вытянутые. Поверхность сосудов черного, серого, иногда красного цвета (Джафаров, 2000. С. 33, табл. 17, 1–9).

Все перечисленные выше черты характерны для материалов раннего этапа куро-аракской культуры (Мунчаев, 1975. С. 193; Кушнарева, Чубинишвили, 1970. С. 81).

Курган № 12 имел сложную каменно-земляную насыпь (высота 2 м, диаметр у основания 22 м), опоясанную кромлехом из крупных булыжников. Под курганной насыпью, в центре, была обнаружена прямоугольная могильная камера (6 × 5, 5 × 1,5 м). С востока к ней примыкала входная яма-дромос (2,2 × 2 × 1м). На дне могильной камеры, вдоль стены был вырыта узкая канава (ширина 20–25 см, глубина 15–20 см). Она была заполнена мелким галечником. В могильной камере и на дневной поверхности вокруг нее сохранились следы сильного огня.

В могиле были захоронены пять покойников с применением обряда трупосожжения (Джафаров, 2000. С. 34, табл. 18; табл. 19, 3–9). Предположительно, погребенные были кремированы на месте (рис. 8. Могильный инвентарь состоял из горшков, мисок, кувшинов (рис. 10, *3–9*), которые по морфологическим особенностям, напоминают керамические сосуды из курганов Ханкенди (№ 103 и 119) и Борсунлу (№ 7).

Под насыпью кургана № 26, возведенной из булыжников, чернозема и гажи (высота 0,6 м, диаметр 8 м), в центре находилась прямоугольная могильная камера (2,0 × 1,8 × 1,6 м). Стены могилы были укреплены гажевым раствором и «облицованы» плоским речным галечником. Одиночное трупоположение совершено головой на запад, на правом боку, в сильно скорченном положении. Инвентарь состоял из единственного красноглиняного горшка с петельчатой ручкой, характерной для раннего этапа куро-аракской культуры (рис. 11, *1, 2*).

Курганы № 9 и № 20 из Борсунлинского некрополя датируются поздним этапом эпохи ранней бронзы.

Курган № 9 диаметром 14 м, высотой 1 м, в основном был сложен из гажи и булыжника, опоясан кромлехом. Под насыпью, в центре, находилась прямоугольная могильная камера (3 × 2, 6 × 1,4 м), с удлиненным входом-дромосом (3 × 1,4 м). Стена камеры укреплена гажевым раствором, а края камеры оконтурены двумя рядами булыжников. Под насыпью кургана и в могильной камере обнаружены следы красной охры. Погребенный находился на правом боку, в сильно скорченном положении, головой на северо-запад. Инвентарь состоит из двух кувшинов с полушаровидными ручками, а также бронзового кинжала архаичного облика (рис. 9, план; рис. 10, *1–2*) (Джафаров, 2000. С. 34, табл. 19, 1–2).

Под курганной насыпью № 20 высотой 1,5 м, диаметром 18 м, сложенной из булыжников, чернозема и гажи, без могильной камеры, в сильно скорченном положении был захоронен младенец. Инвентарь состоял из единственного чернолощеного кувшина с округлым туловищем, снабженной одной полушаровидной ручкой (рис. 12). После очистки каменного завала, с отклонением от центра на восток, была обнаружена прямоугольная могильная камера (3 × 1, 7 × 1, 4 м). За исключением плохо сохранившегося человеческого скелета, никакие материалы обнаружены не были (Джафаров, 2000. С. 35).

Внимательно анализируя отдельные комплексы и сопоставляя имеющиеся данные, постараемся выявить общие черты и отличительные особенности этих памятников. На наш взгляд, общими для них является то, что все они расположены в долине рек. Все курганы отражают один исторический период – эпоху ранней бронзы.

Одной из общих особенностей курганов представляется наличие красной охры в могильных камерах. Во многих из них прослежен обряд коллективного захоронения (исключение составляет Хачинчайский курган № 2 и Борсунлинские курганы № 9, 20 и 26).

За исключением Хачинчайских, в остальных комплексах выявлены входы в могильную камеру. Как в горных, так и равнинных и предгорных памятниках прослежен обряд трупосожжения, правда, не во всех курганах. Так, обряд кремации встречается в памятниках Ханкенди, Хачинчая (курганы № 4, 5) и Борсунлу (№ 12).

Конструкции погребальных памятников выглядят следующим образом: в Учтепинском – прямоугольная грунтовая яма удлиненной формы, с неглубоким продолжением в юго-западном направлении. В Борсунлинских курганах № 9 и 12 прямоугольные камеры с входной ямой; в курганах Ханкенди подкурганная круглая яма, тоже с входом с востока.

По обряду захоронений курганы отличаются друг от друга. Эти отличия прослеживаются как в рамках одного могильника, и в могильниках, находящихся в различных географических регионах.

Так, в Борсунлинском, Ханкендинском и Хачинчайском могильниках одновременно сосуществовали обряды ингумации и кремации покойников. Это явление, видимо, связано с тем, что кроме известной общности в составе племенных групп существовали отдельные этнические элементы со своими традициями.

За исключением кургана № 9 в Борсунлинском некрополе, так же, как и в Учтепинском кургане, найдены исключительно керамические сосуды различного типа. Фактические данные как будто указывают на то, что в материальном отношении более эффектно выглядят Ханкендинские курганы. Однако надо учесть, что Учтепинский курган по размеру несравненно превосходит своих «собратьев», находящихся в других регионах Карабаха.

В хронологическом плане курганы Ханкенди, Борсунлинские № 7, 12, 26, а также, на наш взгляд, Учтепинский курган отражают ранние этапы куро-аракской культуры, а Хачинчайские и Борсунлинские курганы № 9 и 20 – датируются поздней стадией эпохи ранней бронзы.

Таким образом, анализируя вышесказанное, можно прийти к следующему заключению.

Прежде всего надо отметить, что несмотря на некоторые отличительные черты, курганы по форме насыпи, конструкции могильной камеры, обряду захоронения и вещественным материалам обнаруживают значительную близость. Отражая различные этапы развития, они объединяются в составе единой Кура-Аракской раннебронзовой культурной общности.

Низменный Карабах на протяжении тысячелетий предоставлял прекрасную возможность для зимовки скота. Карабахские горы богаты альпийскими лугами. Предгорные районы служили как бы перевалочным пунктом при перекочевке в горы и обратно. А долины Инчечая, Тертерчая, Хачинчая, Гаргарчая были естественными артериями передвижения для скотоводов. «Воротами» в горы и обратно служили, соответственно, Агдеринский (в долине Тертерчая), Аскеранский (в долине Гаргарчая), Шахбулагский (в долине Хачинчая), Борсунлинский (в долине Инчечая) проходы.

Мы не отрицаем возможности слияния новых этнических элементов с местным населением. Од-

нако основная масса населения на протяжении всего исследуемого периода, оставалась единой, на что указывают перечисленные выше многочисленные данные. Наши выводы опираются на археологические материалы, которые известны на сегодняшний день. Упомянем, что в 80-х годах XX в., а также после длительного перерыва, начиная с 2008 г. на значительной территории Карабаха ведутся интенсивные археологические изыскания, в результате которых наши знания о различных этапах развития жизни населения этого края претерпели существенные изменения. Поэтому мы не сомневаемся, что будущие изыскания позволят нам значительно углубить наши знания об этом вопросе.

Надо отметить, что подобно Карабахским памятникам курганы эпохи ранней бронзы выявлены и других районах Азербайджана. Сюда входят курганы в районе Кабала (Казыев, 1969. С. 42–46), Осман бозу (Джафаров, Кесаманлы, Нариманов, 1982. С. 9–10), Шеки (Дашюз) (Ахундов, 2001. С. 27–32), Геранбой (Джалилов, 2012. С. 146–155).

Аналогии прослеживаются как в плане конструкции подкурганных погребений, так и в обряде захоронений, а также в образцах материальной культуры. Эти факты дают нам основание полагать, что наличие однородного погребального обряда, распространенного одновременно в раннебронзовый период на значительной части Азербайджана, начиная с Гаргарчайского бассейна, включая бассейны рек Инчечая, Гянджачая, Шамкирчая, а также Кабалы и Шеки, указывает на то, что население, жившее в этой широкой зоне, являлось составной частью единого этно-культурного массива (Джафаров, 2000. С. 38).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрович-Насыф Дж., 1927. Перечень и краткая характеристика курганов главного курганного поля около с. Ходжалы // Изв. АКОПОСИП. Баку. Вып. 3. С. 169–174.

Ахундов Т.И., 2001. Северо-западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку.

Вейссенгоф С., 1884. Сведения о Мильской степи // Известия Кавказского общества Истории и Археологии. Тифлис. Т. I, вып. II. С. 64–69.

Гуммель Я.И., 1939. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 году// Изв. Аз. ФАН СССР. Баку. № 4. С. 77–88.

Гуммель Я.И., 1940. Из памятников материальной культуры древнего Азербайджана // ВДИ. № 1. С. 212–214.

Гуммель Я.И., 1948. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана // КСИИМК. Вып. XX. С. 15–21.

Джалилов Б.М., 2012. Об исследованиях Гейгель-Геранбойской археологической экспедиции // Археологические исследования в Азербайджане, 2011 г. Баку. С. 145–155.

Джафаров Г.Ф., Кесаманлы Г.П., Нариманов И.Г., 1982. Археологические раскопки в зоне строительства плотины Шамхорской ГЭС // АЭИА, 1978 г. Баку. С. 9–10.

Джафаров Г.Ф., 1985а. Исследования у села Борсунлу // АО 1983 года. М. С. 485.

Джафаров Г.Ф., 1985б. Раннебронзовый курган Борсунлу // Изв. АН Азерб. ССР Серия «История, философия и права». № 3. С. 79–88. (на азерб. яз.)

Джафаров Г.Ф., 2000. Азербайджан в конце IV – начале I тысячелетия до н.э. Баку. (на азерб. яз.).

Джафаров Г.Ф., 2006. Очерк археологического изучения древнего Карабаха // Археология и Этнография Азербайджана. Баку. № 2. С. 5–16.

Ивановский А.А., 1911. По Закавказью // МАК. Вып. VI. М. С. 143–184.

Иессен А.А., 1965а. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // МИА. Вып. 125. М.; Л. С. 22–30.

Иессен А.А., 1965б. Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе // МИА. Вып. 125. М.;Л. С. 153–193.

Казыев С.М., 1969. Кабалинские курганы с обрядом кремации // Изв. АН Азерб. ССР. № 3. С. 42–46.

Кушнарева К.Х., 1954. Памятники медного века в Нагорном Карабахе // СА. Вып. XX. С. 165–179.

Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н.э.). Л.

Кушнарева К.Х., 1973. К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа // КСИА. Вып. 134. М. С. 11–19.

Мещанинов И.И., 1926. Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край, снаряженной в 1926 г. Обществом Изучения Азербайджана // Сообщ. ГАИМК. Л. № 1. С. 217–240.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.

ОАК за 1897 г. СПб., 1900. С. 156–157.

Пиотровский Б.Б., 1949. Археология Закавказья с древнейших времен до I тыс. до н.э. Л.

Путешественники об Азербайджане. Т. II. 1961 //Архив ИИ НАНА. Д. № 4570/2. С. 61–70.

Ташчян Л.П., 1944. Курган с массовым погребением в окрестностях гор Степанакерта // Изв. Аз. ФАН СССР. № 11. С. 91–97.

Цилосани Н.О., 1987. О раскопках древнего города Берда // Труды Пятого Археологического Съезда в Тифлисе (1881 г.). М. С. XXI.

VBGAEU. Berlin. 1899. P. 249–253.

G.F. Dzhafarov

EARLY BRONZE AGE BURIAL SITES OF GARABAGH: HISTORY OF RESEARCH

Abstract. The paper describes burial sites of Garabagh from the Early Bronze Age. Sites dated to this period in Garabagh were discovered and excavated in the 1930s. The only exception are Khachinchai burial sites excavated by E. Resler in the 1890s. Two of these kurgans (No. 4 and 5) had cremated burials while three kurgans (No. 1, 2, and 3) had inhumated burials. In the 1930s Ya. Gummel discovered and examined Early Bronze kurgans (No. 103, 119, 125 as well as one unnamed kurgan) near Khankendi. The most exciting Early Bronze site in Garabagh is Uchtepa, a monumental kurgan excavated by A.A. Iessen in 1957–1960s. Among Early Bronze burial sites of Garabagh the most important is the Borsunli kurgan burial ground discovered and excavated by G. Dzhafarov in the 1980s. The earliest Early Bronze kurgans of the Borsunli necropolis are dated to the initial period of the Kura-Araxes culture (kurgans No. 7, 12, 26). Two other kurgans (No.9 and 20) are dated to the developed stage of the Early Bronze Age. Analogies to these kurgans were excavated in other regions of Azerbaijan (Borsunlu, Osman Bozu, Geranboi, Kabala, Sheki, etc.).

Keywords: Azerbaijan; Garabagh; kurgans; cremation; artifacts.

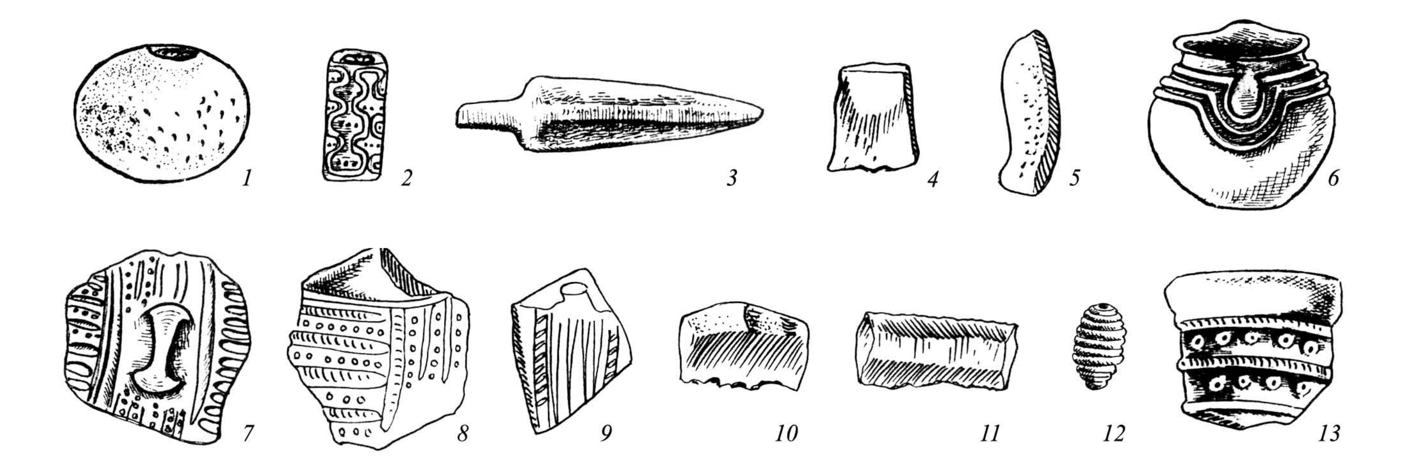

Рис. 1. Хачинчайский курганный могильник. № *1–13* – материалы из кургана № 2 (Э. Реслер)

С Ю
0 1м
С-Ю разрез
N
желоб
A B C D E F
Вход
1
100 см 0 1 2 м
А
2 3 4 5 6 7 8 9 10
Б

Рис. 2. Ханкенди, курган № 103. *А* – план и разрез, *Б (2–10)* – материалы (Я.И. Гуммель)

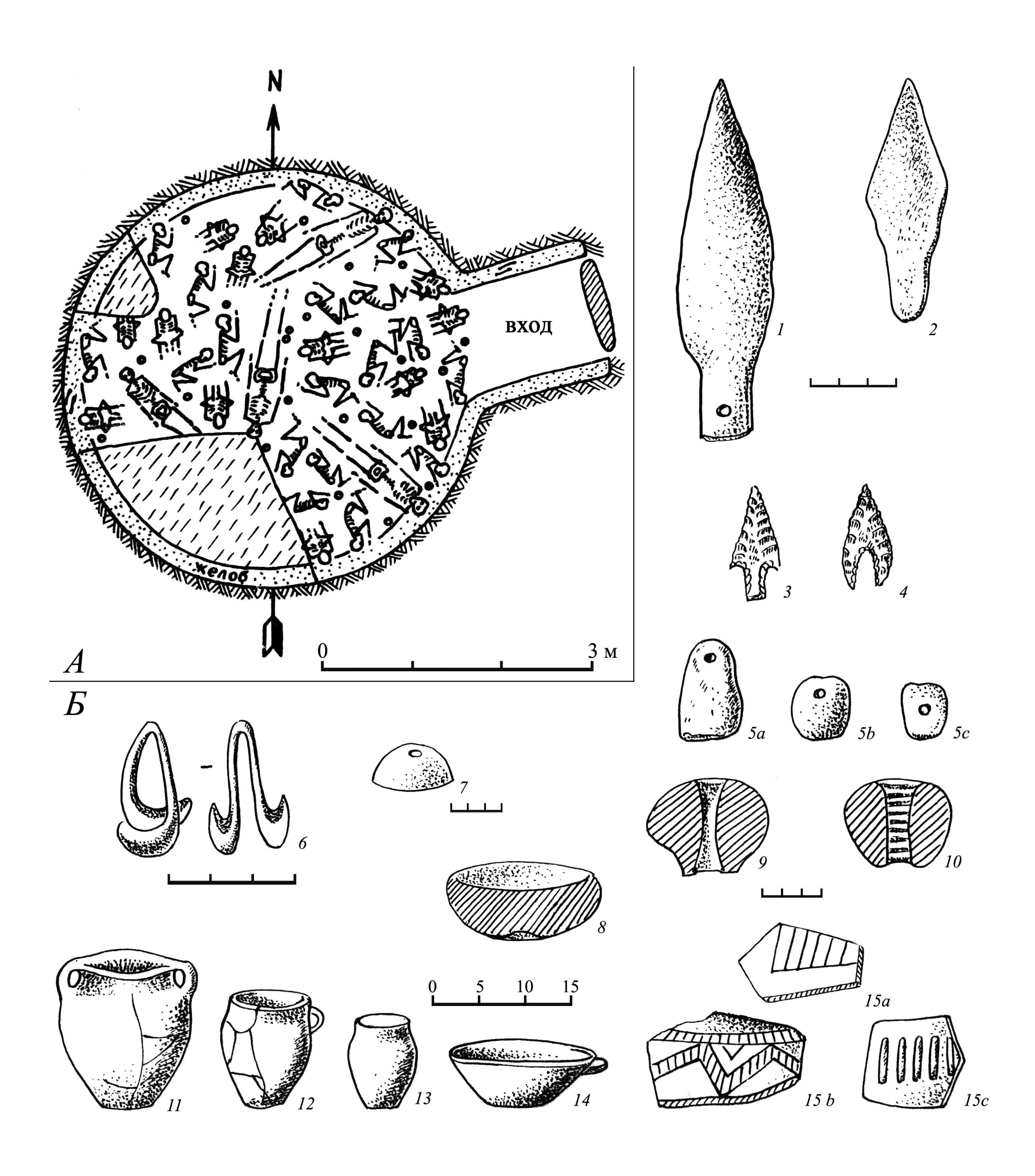

Рис. 3. Ханкенди, курганы № 119 и № 125. *А* – план кургана 119, *Б* – материалы из курганов 119 и 125: *1, 3–5, 7–9, 11–15* – материалы кургана 119; *2, 6, 10* – материалы из кургана № 125 (Я.И. Гуммель)

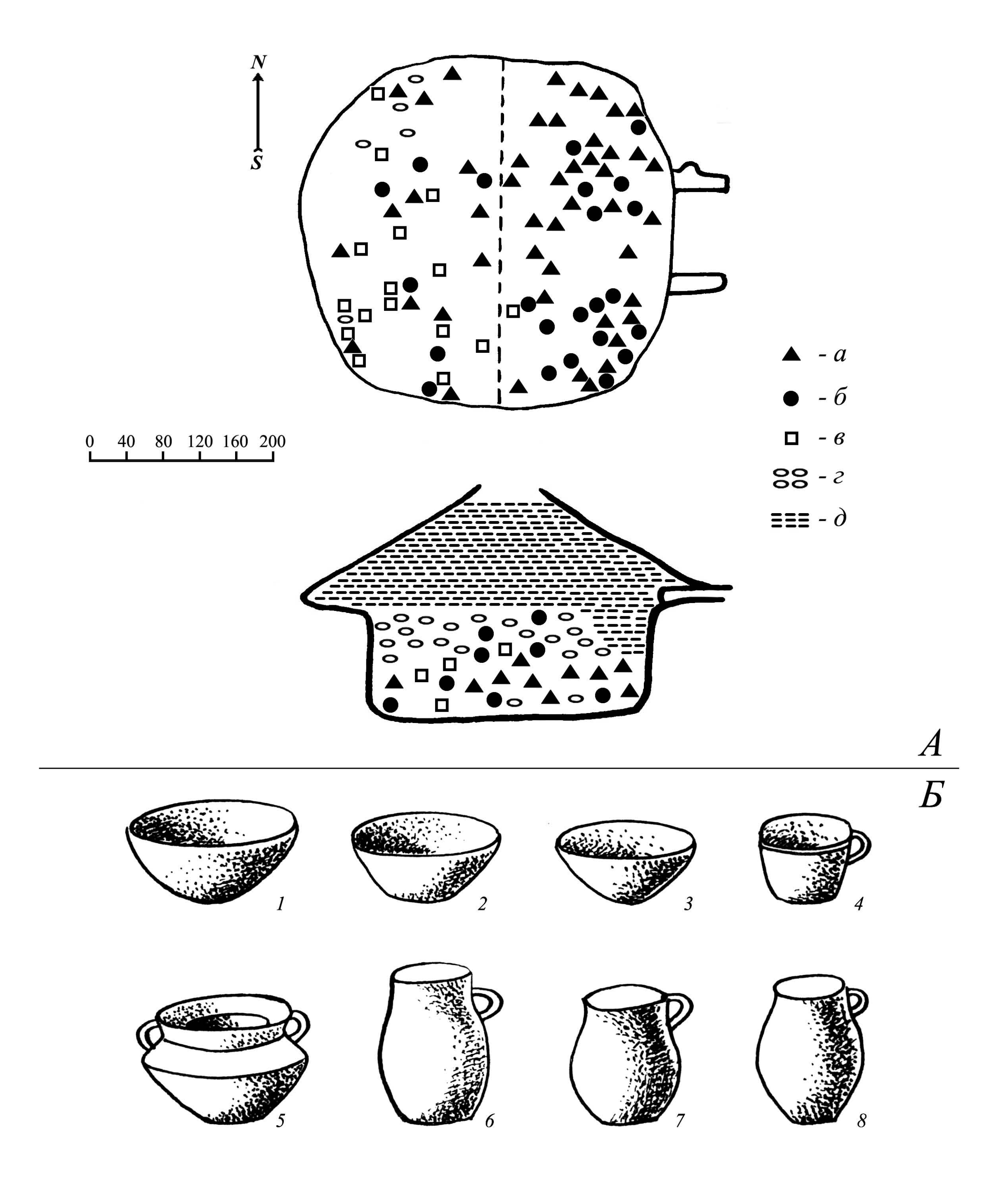

Рис. 4. Ханкенди, курган б/н.
А – план кургана, *а* – костяк, *б* – керамика, *в* – скопление угля, *г* – камень, *д* – глина;
Б – материалы: *1–8* –керамические сосуды (Л.П. Ташчян)

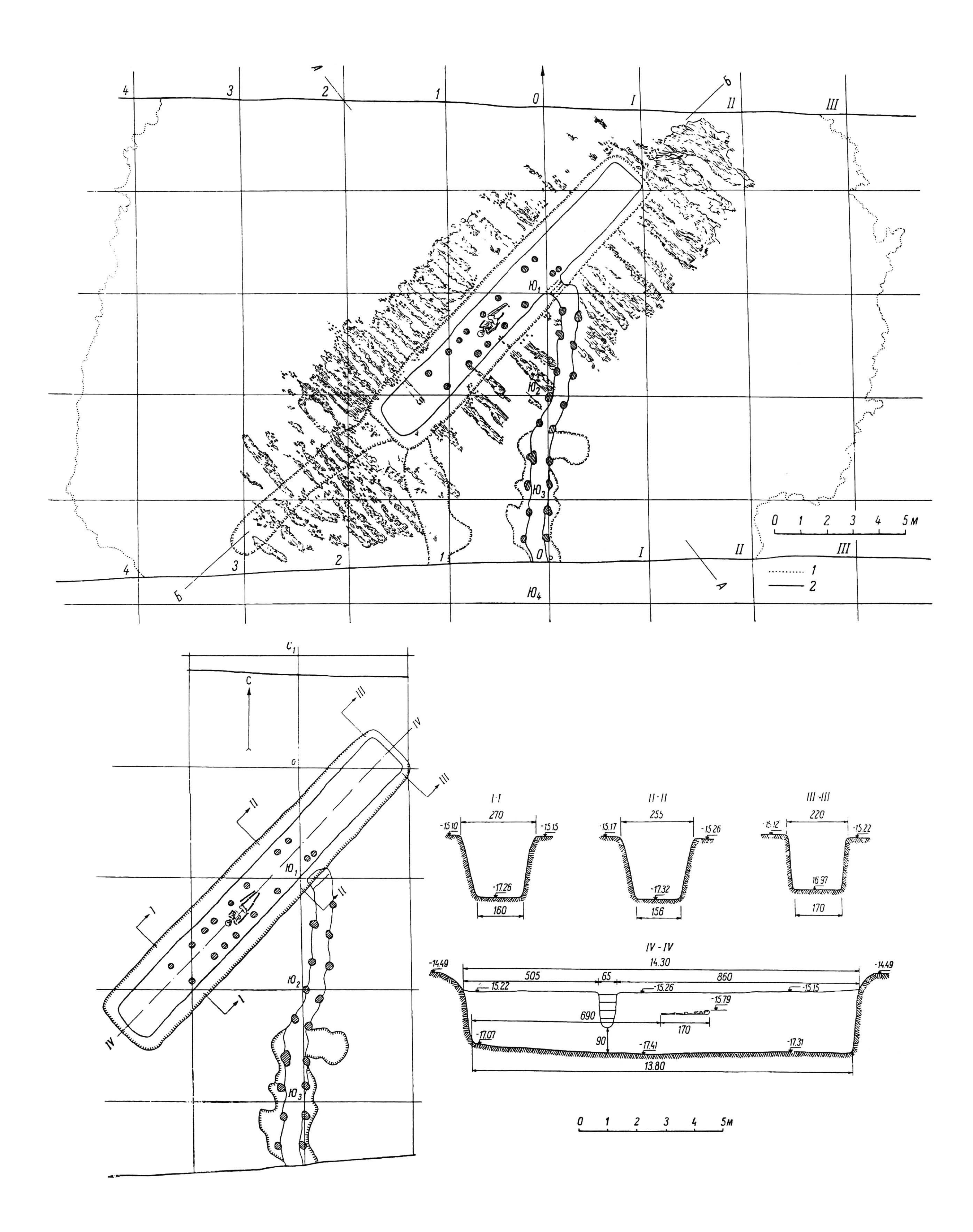

Рис. 5. Учтепе, курган № 3. План и разрез могильной ямы (А.А. Иессен)

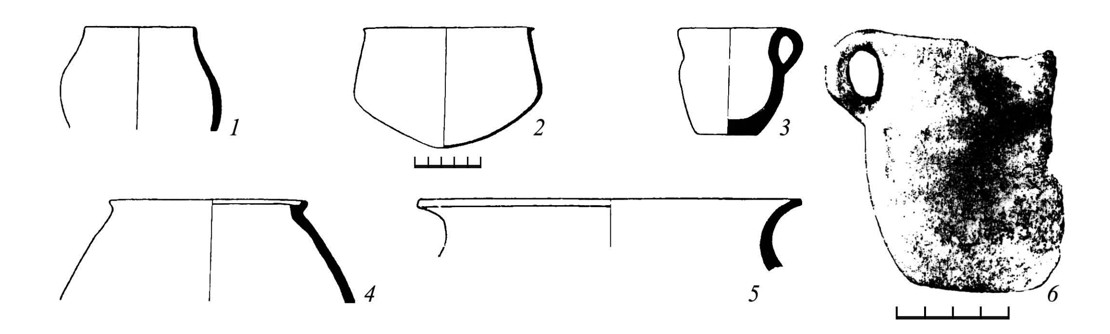

Рис. 6. Учтепе, курган № 3. *1–6* – керамика (А.А. Иессен)

Рис. 7. Борсунлу, курган № 7. *А* – план, *Б* – материалы; *1–9* – керамические сосуды (Г.Ф. Джафаров)

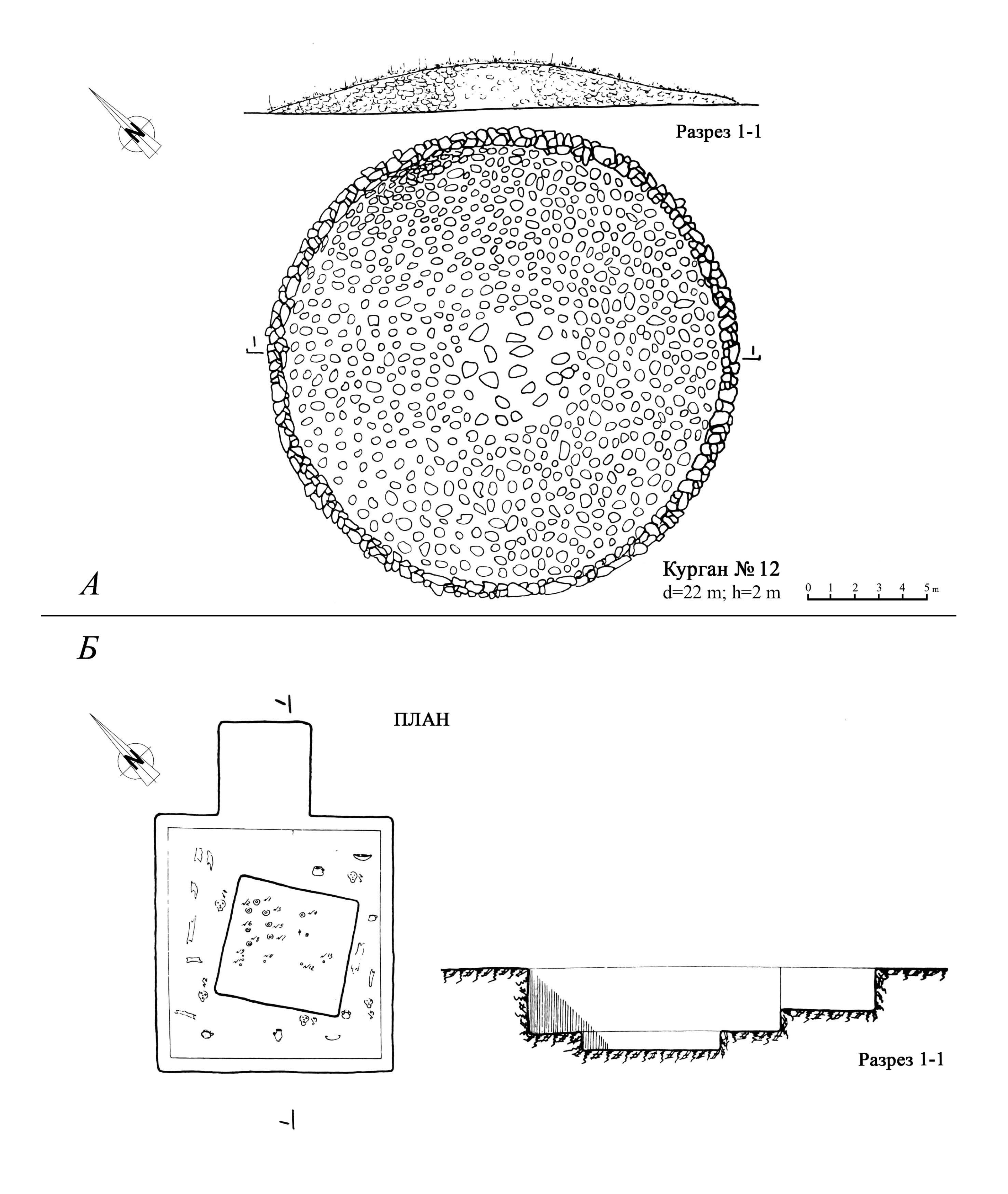

Рис. 8. Борсунлу, курган № 12. *А* – план кургана, *Б* – план и разрез погребальной камеры (Г.Ф. Джафаров)

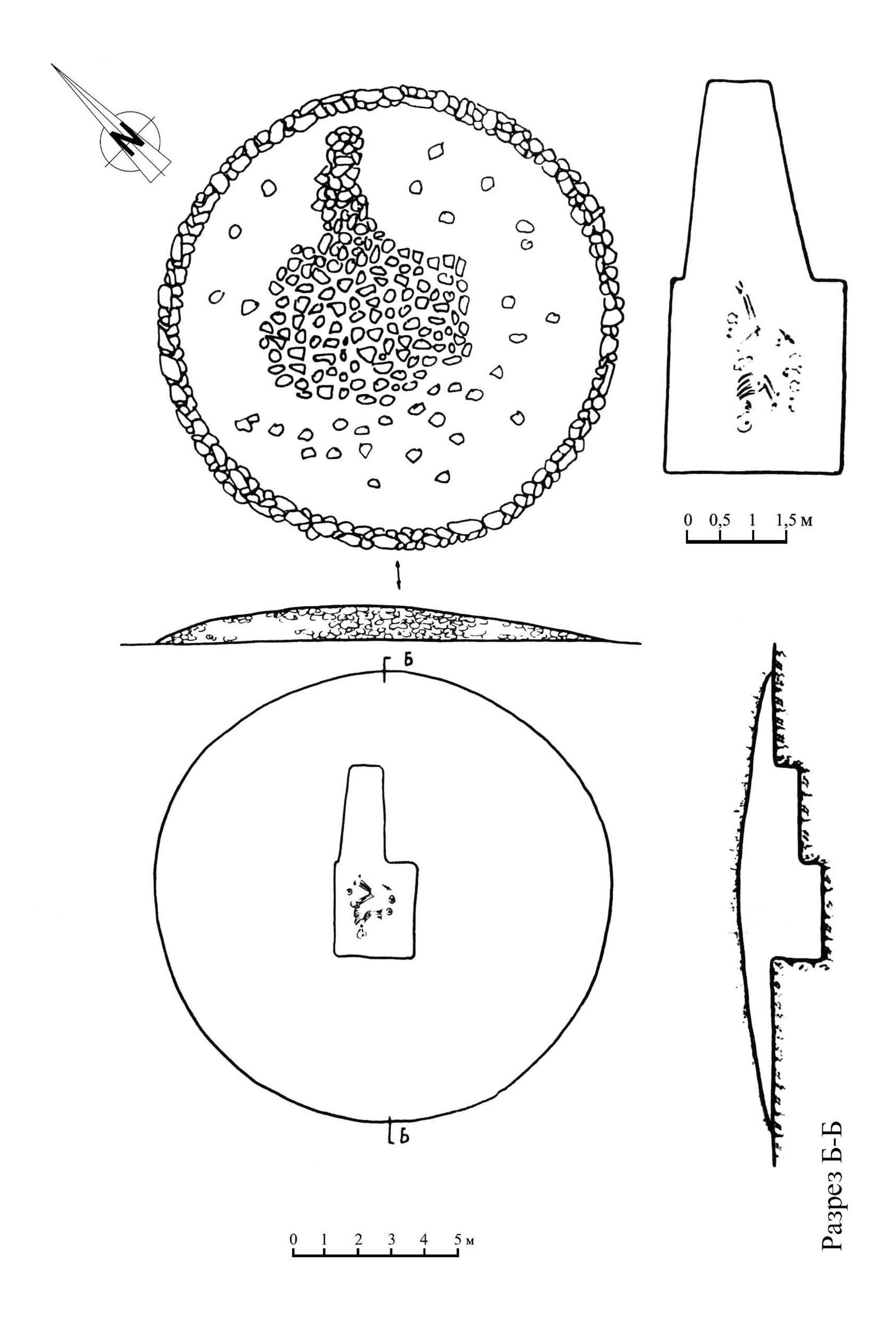

Рис. 9. Борсунлу, курган № 9. План.

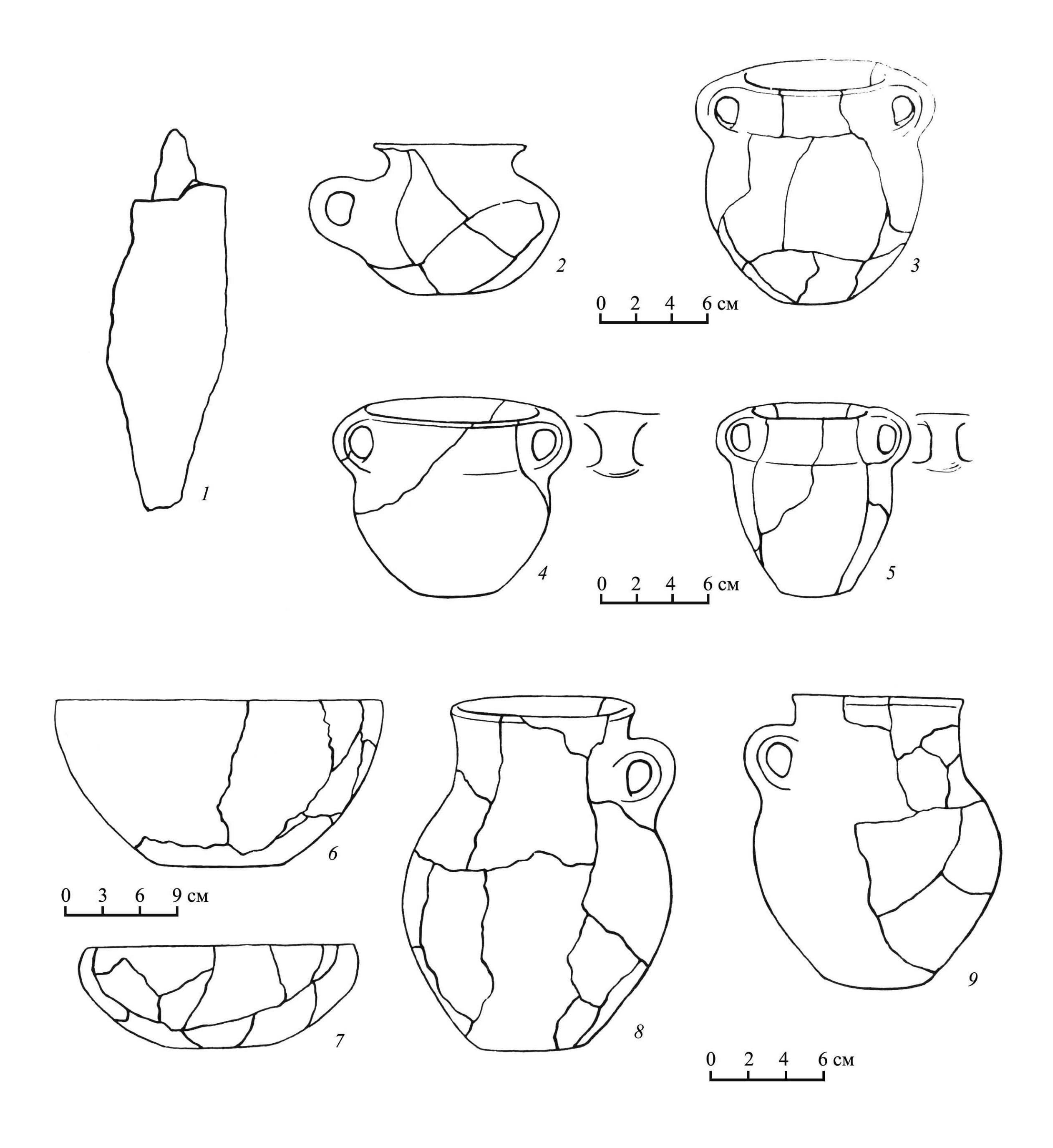

Рис. 10. Борсунлу, курганы № 9 и № 12 (Г.Ф. Джафаров).
1, 2 – кинжал и керамический сосуд из кургана № 9, *3–9* – керамические сосуды из кургана № 12

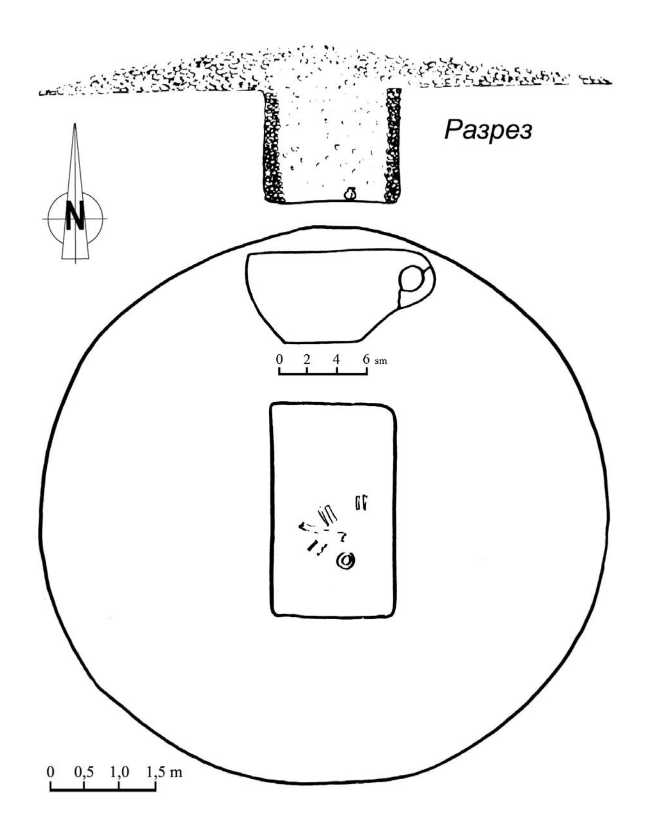

Рис. 11. Борсунлу, курган № 26 (Г.Ф. Джафаров)

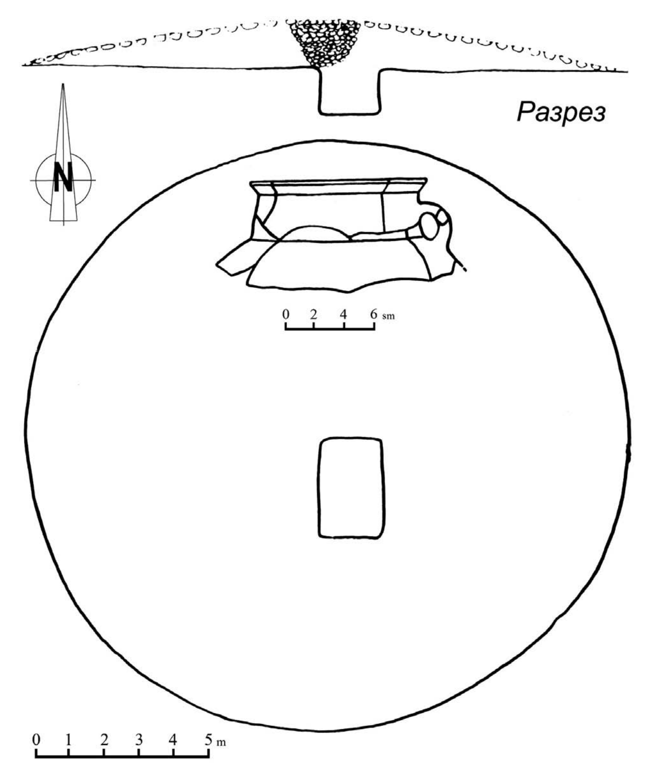

Рис. 12. Борсунлу, курган № 20 (Г.Ф. Джафаров)

З.Э. Махарадзе

ПОГРЕБЕНИЯ С ПОВОЗКАМИ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ГРУЗИИ

Резюме. В середине и второй половине III тыс. до н.э. в центральной части Южного Кавказа, на территории Восточной Грузии появляются богатые захоронения вождей в больших курганах, в том числе, и на повозках. Выделяется две культурные группы, Марткопская и Беденская. На определенном этапе фиксируется сосуществование куро-аракских, марткопских и беденских материалов. Это свидетельствует о значительных инновационных процессах, происходивших на Южном Кавказе в этот период. Раскопки экспедиции Центра археологии Национального музея Грузии, под руководством автора, большого кургана Ананаури № 3, в 2012 г. в Лагодехском районе, на левом берегу реки Алазани, значительно обогатили наши знания о памятниках этого типа. Курган диаметром 100 м, высотой 12 м. Под насыпью, в центре, выявлена площадка из двойного слоя дубовых бревен 25 × 15 м, служившая перекрытием погребальной камеры. Сама камера представляла собой деревянный сруб, впущенный в яму глубиной 2,75 м, внутренний размер камеры 9 × 6,5 м, с тремя опорными столбами и деревянным полом. Несмотря на то, что погребение было ограблено в древности, сохранилось много уникальных артефактов: две четырехколесные повозки; деревянное кресло; орнаментированная керамика и деревянные сосуды; обсидиановые наконечники стрел; украшения из золота и полудрагоценных камней; ожерелье из янтаря и т.д. Благодаря особому микроклимату, в погребении прекрасно сохранились органические материалы: изделия из кожи и текстиля; плетеные корзины; орехи, каштаны и даже лесные ягоды. Курган Ананаури № 3, который датируется первой половиной XXIV в. до н.э., является одним из эталонных памятников данной эпохи.

Ключевые слова: Грузия; Бедени; Марткопи; Алазани; курган Ананаури; повозка; янтарь.

Эпоха ранней бронзы Южного Кавказа датируется второй половиной IV – III тыс. до н.э. и связана с Куро-Аракской археологической культурой. Эта раннеземледельческая культура получила широкое распространение, кроме Кавказа, она известна в Восточной Анатолии, Северо-Западном Иране и Сирии-Палестине (Мунчаев, 1975).

В середине и второй половине III тыс. до н.э. в центральной части Южного Кавказа, на территории Восточной Грузии появляются богатые захоронения вождей в больших курганах. Выделяется две группы, Марткопская и Беденская. Появление курганных захоронений связывают с активизацией кочевых племен евразийских степей (Джапаридзе, 1996).

На Южном Кавказе появление новых элементов вызвало серьезную трансформацию местной культуры, хотя не фиксируется широкомасштабной миграции. Скорее, можно моделировать этот процесс как проникновение небольших групп, доминирующих в военной и политической сфере при сохранении традиций местной материальной культуры.

Такая картина характерна для марткопского круга памятников. Что касается беденских памятников, то их можно выделить в отдельную археологическую культуру. Но сложность состоит в том, что на определенном этапе фиксируется сосуществование куро-аракских, марткопских и беденских материалов. Это свидетельствует о значительных инновационных процессах, происходивших на Южном Кавказе в этот период (Махарадзе, 1996).

 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.256-272

Одним из ярких новшеств является появление подкурганных погребений с четерехколесными повозками, характерными для Беденской культуры.

Эпоха раннебронзовых курганов сравнительно мало изучена. Выделенная еще Б.А. Куфтиным в результате раскопок в Триалети (Куфтин, 1941. С. 25–26, 102–105), поместившем группу курганов между куро-аракской культурой и триалетской культурой эпохи средней бронзы. Наиболее яркие памятники были изучены на Беденском плато (Гобеджишвили, 1981) и в Кахети (Дедабришвили, 1979). Большой вклад внес О.М. Джапаридзе как раскопками курганов в Квемо Картли и Марткопи (Djaparidze, 1993), так и попыткой обобщить памятники этой эпохи, выделив культуру ранних курганов (Джапаридзе, 1998). Хотя объединение курганных памятников эпохи ранней бронзы в одну археологическую культуру кажется преждевременным (Махарадзе, Орджоникидзе, 2007). Эти памятники исследовались в Грузии в 60–80-х годах XX в. и еще требуют осмысления. Поэтому столь важен каждый новый памятник.

Археологические открытия последних лет выявили много интересных памятников разных эпох на территории Грузии. Одним из самых значительных стали раскопки экспедиции Центра археологии Национального музея Грузии, под руководством автора, большого кургана Ананаури № 3, в 2012 г. в Лагодехском районе, на левом берегу реки Алазани.

Насыпь кургана, диаметром 100 м, высотой 12 м, была из глины, покрытая каменным панцирем из булыжников, толщиной 0,5 – 1 м, с включением обсидиановых отщепов (рис. 1). Под насыпью, в центре, на уровне древней дневной поверхности, выявлена площадка 25 × 15 м, из двойного слоя дубовых бревен, покрытая слоем щепок, толщиной 0,2 м и посыпанная охрой (рис. 2). Площадка служила перекрытием погребальной камеры. Сама прямоугольная камера, ориентированная по линии З–В, представляла собой деревянный сруб из дубовых бревен, впущенный в яму глубиной 2,75 м, внутренний размер камеры 9 × 6,5 м, с тремя опорными столбами и деревянным полом. Стены камеры также двойные, наружная из бревен, внутренняя из четырехугольных хорошо обработанных балок. Между двумя слоями бревен перекрития проложена циновка, такая же циновка устилала пол камеры. Перекрытие опиралось на три столба и семь, горизонтально, в длину проложенных бревен (рис. 3).

Перекрытие было нарушено в трех местах. В северо-восточной части камеры, на площади 4 × 2 м, бревна перекрытия были аккуратно выпилены, а затем перекрыты более тонкими балками. Как выяснилось впоследствии, это было сделано для впускного погребения. Также в юго-западной части перекрытия и восточной стене камеры были обнаружены следы грабительских лазов.

Погребение было ограблено дважды, но проникновение произошло после обрушения перекрытия, что частично сохранило погребальный инвентарь.

В погребальной камере обнаружены две четырехколесные повозки. Повозка № 1 в юго-западной части, повозка № 2 в северо-западной части. Повозки ориентированы на восток. Два орнаментированных ярма для быков лежали на полу у восточной стены камеры (рис. 4; таб. I, VI.).

В результате ограбления, все костяки были нарушены и сохранились фрагментально. По остаткам костяков фиксируется присутствие семи индивидов в погребальной камере: повозка № 1 – индивид на повозке, один под повозкой, на полу; повозка № 2 – два индивида (один подросток) на повозке, один под повозкой, на полу. Еще два индивида (один подросток) в северо-восточной части погребальной камеры.

Обе повозки стояли, в свое время. В результате обрушения перекрытия и деформации камеры, правые колеса повозки № 1 и левые колеса повозки № 2 упали на повозки и фактически расплющили их на полу камеры. Соответственно, колеса в центральной части, у западного опорного столба сохранили вертикальное положение.

Конструкция повозок идентичная, с небольшими различиями в деталях: длина – 2,8 м, ширина – 1,1–1,2 м. Кузов повозки представляет собой деревянную раму с дощатым полом, с фигурными деталями в передней и задней части повозки. Боковые борта, высотой 0,35–0,4 м, представляют конструкцию из вертикально укрепленных планок и прутьев. Борта повозки № 1 были покрыты изнутри кожей, снаружи шерстяной тканью, окрашенной в красный цвет; повозка № 2, изнутри покрыта кожей, инкрустированной тонкими деревянными пластинами. Круглые оси колес, расположенных под корпусом повозки, сидели в специальных углублениях, вырезанных в нижней части рам. Колеса повозки № 1 диаметром 1,55 м, повозки № 2 диаметром 1,45 м, имеют трехчастную конструкцию со штифтовым внутренним соединением и вырезанной в центральном сегменте двусторонне выступающей ступицей. В трех случаях на внешней стороне ступиц зафиксированы металлические стержни с дисковидной головкой, служившие чекой для закрепле-

ния осей. Длина стержней – 14 см, диаметр – 3 см, диаметр диска – 11 см, толщина – 0,7 см. Предметы были покрыты патиной зеленого и голубоватого цвета. Анализ одного из стержней показал, что он выточен из халькопирита (табл. VII, VIII).

На обеих повозках сверху лежали дышла, длиной 3,5 м, диаметром 15 см. Видимо, дышла были прислонены к повозкам и при обрушении оказались поверх повозок (рис. 4, 5, 7; табл. I).

Несмотря на то, что погребение было ограблено в древности, благодаря обрушению перекрытия, сохранился довольно богатый инвентарь.

В юго-западной части погребальной камеры, у повозки № 1, после снятия колес (рис. 6), на полу была обнаружена правая сторона деревянного кресла с подлокотником, украшенного орнаментом (табл. IX). Видимо этот фрагмент кресла было помещен в погребение как символ власти – трон. Рядом с ним располагались три деревянных орнаментированных блюда, каждое с тремя фигурными ножками (табл. X). Там же и под повозкой обнаружены плетеные корзины и глиняные миски, рядом с которыми были лесные ягоды (*Physalis alkekengi u Prunus spinosa*), сохранившие форму и цвет (как показал анализ, ягоды хранились в меду). В юго-западном углу была большая груда лесных орехов и каштанов (*Corylus avellana u Castanea vularis*), под ней остатки плетеных корзин и деревянных ручек от корзин. Также у повозки № 1 обнаружены большие куски ткани, бусы из золота и черного оникса.

В северо-западной части погребальной камеры, у повозки № 2, также обнаружены куски ткани, бусы из золота и янтаря. После снятия колес (рис. 8), целая низка янтарных бус разной формы была найдена под левым передним колесом повозки (рис. 9).

Центральную и юго-восточную часть погребальной камеры занимал развал керамических сосудов. Всего в погребении обнаружено около 30 сосудов, часть из которых довольно крупных размеров (до 1 м в высоту). Вся керамика, за одним исключением, чернолощеная, часто украшенная рельефным орнаментом (табл. II–III). Исключение составляет сероглиняный сосуд необычной форы (табл. III, *4*).

Здесь же обнаружено кольцо, выточенное из фиолетового халцедона, и изделие из тонкой кожи с аккуратно вырезанной бахромой.

Северо-восточная часть камеры была сильно нарушена и перемешана во время ограбления. Как уже упоминалось, здесь мы предполагаем впускное погребение, о чем свидетельствует вырезанное, а затем заново покрытое перекрытие. По нашему мнению, это погребение совершено тогда, когда сооружение камеры было завершено, но насыпь еще не соорудили. Скорее всего, покойник был членом семьи погребенных на повозках. Ограбление этого погребения произошло через горизонтальный лаз, проникающий в камеру с восточной стороны. В грабительском лазу, на высоте от пола 0,5–0,7 м был обнаружен череп человека и фрагменты керамики. На полу погребальной камеры наряду с перемешанными остатками костяка были выявлены фрагменты керамики, деревянных деталей, плетеных корзин, матерчатая сумка с деревяной ручкой, куски ткани, бусы из золота и черного оникса, а также пять обсидиановых наконечников стрел и рядом с ними плоская удлиненная пластина из черного камня с четырьмя отверстиями по углам – предположительно, защитная пластина для руки лучника (табл. V).

Лабораторное изучение добытых материалов из кургана Ананаури № 3, благодаря прекрасной сохранности органических материалов, позволяет получить много новых данных о развитие культуры Южного Кавказа в конце эпохи ранней бронзы (Ananauri, 2016).

Археологически комплекс погребения Ананаури № 3 принадлежит к беденской или алазано-беденской археологической культуре. Конструкция деревянной гробницы, повозки, большая часть керамики, золотые украшения, обсидиановые наконечники стрел – все это типично для данной культуры. Хотя есть ряд своеобразных черт. Впервые на Южном Кавказе обнаружено две повозки в одном погребении, в остальных случаях только одна. Часть керамики имеет марткопский облик (табл. II). Золотые украшения (рис. 10; табл. IV) стилистически и по составу идентичны украшениям беденской культуры, но имеются новые формы. Янтарные бусы, одно из самых ранних изделий из этого материала на Южном Кавказе, явно импортного происхождения (рис. 9). Высококачественные изделия из кожи, шерстяные и льняные ткани (табл. XII) свидетельствуют о развитии ремесла.

Интересный аспект погребального обряда то, что в погребальных дарах присутствуют только лесные орехи, каштаны, ягоды, мед. Нет ни костей животных, за исключением пяти овечьих астрагалов, ни культурных растений – пшеницы, ячменя, винограда и т.д., то, что по данным поселений культивировалось в то время.

Использование меда также заслуживает внимания. В меду хранились не только ягоды, следы меда обнаружены на черепе и костях погребенных, медом была пропитана льняная ткань. Возможно, это следы бальзамирования.

Радиокарбонные датировки свидетельствуют, что курган Ананаури № 3, который является одним из эталонных памятников Беденской культуры, был сооружен в первой половине XXIV в. до н.э.

Появление подкурганных погребений с повозками на Южном Кавказе именно на территории Восточной Грузии в середине – второй половине III тыс. до н.э., свидетельствует о серьезной трансформации местной культуры. Естественно, взор обращается в сторону Северного Кавказа и степного Предкавказья, где и курганы, и повозки в погребениях известны в более ранних и синхронных культурах, таких

RTD#	Sample ID	% Eff.	% C	14C Age unCalBP	AMS д13C	Cal ±1σ	Modeled Cal ±1σ
8074	Radius 1 rings 5–6	48	36	3845 ± 23	–27,26	2397BC (4,7%) 2385BC 2346BC (46,2%) 2278BC 2251BC (12,7%) 2229BC 2221BC (4,6%) 2211BC	2440BC (68,2%) 2425BC Agreement 50,3%
8075	Radius 1 rings 15–16	55	39	3840 ± 23	–27,14	2342BC (44,1%) 2277BC 2253BC (16,8%) 2228BC 2223BC (7,3%) 2210BC	2430BC (68,2%) 2415BC Agreement 42,0%
8076-B	Radius 1 rings 25–27	53	57	3930 ± 26	–22,15	2474BC (33,1%) 2436BC 2421BC (13,2%) 2404BC 2379BC (22,0%) 2349BC	2420BC (68,2%) 2405BC Agreement 105,0%
8077	Radius 1 rings 35–37	50	41	3854 ± 24	–26,80	2434BC (5,2%) 2421BC 2404BC (11,7%) 2379BC 2349BC (45,0%) 2283BC 2248BC (6,3%) 2233BC	2410BC (68,2%) 2395BC Agreement 84,6%
8078	Radius 1 rings 45–46	55	39	3854 ± 23	–23,74	2434BC (5,2%) 2421BC 2404BC (11,7%) 2379BC 2349BC (45,5%) 2283BC 2248BC (5,9%) 2234BC	2400BC (68,2%) 2385BC Agreement 99,1%
8079	Radius 1 rings 55–56	52	42	3896 ± 23	–24,79	2461BC (42,4%) 2398BC 2385BC (25,8%) 2347BC	2390BC (68,2%) 2375BC Agreement 105,7%
8080	Radius 1 rings 65–66	50	44	3893 ± 23	–26,08	2459BC (42,3%) 2390BC 2385BC (25,9%) 2346BC	2380BC (68,2%) 2365BC Agreement 115,7%
7520-A	Hazelnut ABA	75	62	3925 ± 40	–22,55	R_Combine date: 3922±15 (uncalBP) 2470BC (26,5%) 2450BC 2420BC (15,5%) 2405BC 2380BC (26,2%) 2350BC	2370BC (68,2%) 2360BC Agreement 88,8%
7520-B-1	Hazelnut Cellulose	41	52	3958 ± 30	–24,54		
7520-B-2				3930 ± 27	–19,89		
7520-B-3				3884 ± 27	–19,88		

как новосвободненская, ямная, новотиторовская, раннекатакомбная и др. Генезис подобного обряда довольно убедительно проанализирован (Гей, 2000. С. 205–209). Кстати, две повозки в одном погребении, как в Ананаури № 3, встречаются только в новотиторовской культуре. Но возможно зафиксировать только отдельные элементы, и как видно, характер инфильтрации культурных импульсов разновременной и разнохарактерный.

Общество, которое создало памятники, подобные Ананаури № 3, а есть курганы и более грандиозных размеров, например, курган Цнори № 1 имел насыпь диаметром 160 м, 11 м высоты, совершенно другого уровня, чем полукочевые племена северных степей. Позднекуроаракские и беденские слои на поселениях продолжают существование. Сами курганы, марткопские и беденские, очень разнообразны по конструкции с наземными и впущенными в ямы деревянными и каменными гробницами.

Работа по обообщению и осмыслению памятников финального этапа эпохи ранней бронзы еще предстоит. Этому мешает, к сожалению, то что как уже отмечалось, большая часть была исследована в 60–80 годы XX в., часть из них не опубликована, часть материалов опубликована не полностью или весьма неудовлетворительно, не позволяя извлечь объективную информацию. По неполным данным, на территории Восточной Грузии раскопано более 130 курганных погребения интересующего нас периода, из них около 30 с повозками. По предварительным данным, в погребениях с повозками фиксируются как марткопские комплексы, так и беденские, а также смешанные. Нужно отметить, что в больших марткопских курганах повозок нет. А в больших беденских курганах почти всегда присутствуют. Если считать повозки в погребениях социально значимым символом, то известны и небольшие курганы с повозками со скромным инвентарем. Возможно, имеет значение величина повозок. В кургане Ананаури № 3 диаметр колес одной из повозок достигал 1,55 м, Беденского кургана № 5 – 1,6 м.

Несмотря на то, что большинство курганов, особенно больших, было ограблено в древности, добытые материалы свидетельствуют о высокой культуре, богатстве и обширных контактах общества эпохи раннебронзовых курганов Восточной Грузии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. М.

Гобеджишвили Г.Ф., 1981. Бедени – культура курганных погребений. Тбилиси. (на груз. яз.).

Дедабришвили Ш.Ш., 1979. Курганы Алазанской долины. (Труды Кахетинской археологической экспедиции; II. Тбилиси.

Джапаридзе О.М., 1996. Культура Ранних Курганов на территории Закавказья // Между Азией и Европой: Кавказ в IV–I тыс. до н.э.: к 100-летию А.А. Иессена. Санкт-Петербург. С. 76–78.

Джапаридзе О.М., 1998. К этнокультурной истории грузинских племен в III тысячелетии до н.э. (Раннекурганная Культура). Тбилиси. (на груз. яз.).

Куфтин Б.А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси.

Куфтин Б.А., 1948. Археологические раскопки 1947 года в Цалкском районе. Тбилиси.

Махарадзе З.Э., 1996. Поселение Цихиагора и проблема периодизации культур эпохи бронзы на территории Грузии // Между Азией и Европой: Кавказ в IV–I тыс. до н.э.: к 100-летию А.А. Иессена. Санкт-Петербург. С. 72–75.

Махарадзе З.Э., Орджоникидзе А.З., 2007. К проблеме изучения так называемой «культуры ранних курганов» в Грузии // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Махачкала. С. 83–84.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.

Ananauri, 2016. Ananauri Big Kurgan N 3, 2016. / Z. Makharadze, N. Kalandadze, B. Murvanidze (eds.). Tbilisi.

Japaridze O., 1993. Über die ethnokulturelle situation in Georgien gegen ende des 3. Jahrtausends v. Chr. // Between the rivers and over the mountains: Archaeologica Anatolica et Mesopotamica / M. Frangipane, H. Hauptmann et al. (eds.) Estratto. Roma. P. 475–491.

Z.E. Makharadze

GRAVES WITH WAGONS OF EARLY BRONZE AGE IN GEORGIA

Abstract. In the middle and second half of III mill. BC rich graves of chieftains, including graves with chieftains lying on wagons, appeared in large kurgans of the central part of the South Caucasus in Eastern Georgia. Two cultural groups, i.e. Martkopi and Bedeni, were singled out. In a certain period the Kura-Araxes, Martkopi and Bedeni materials coexisted. It is an evidence of important innovation processes unfolding in the South Caucasus at that time. Excavations of the large Ananauri 3 kurgan located on the left bank of the Alazani River in the Lagodekhi District, which were carried out by the Center of Archaeology of the Georgian National Museum in 2012 and led by the author, greatly added to our understanding of this type of sites. The kurgan has a diameter of 100 m and is 12 m high. A 25 × 15 m platform made from a double layer of oak logs was uncovered beneath the mound in the center of the kurgan. It served as a roofing of the burial chamber. The grave itself was a timber-made chamber sunk into a pit which was 2,75 m deep; the internal size of the pit is 9 × 6,5 m; it had three posts and wooden floor. Despite the fact that the grave was looted in the antiquity, many unique artifacts survived such as two four-wheeled wagons, a wooden armchair, ornamented ceramics and wooden vessels, obsidian arrowheads, jewelry made from gold and semiprecious stones, an amber necklace, etc. Because of specific microclimate, organic materials such as items made from leather and textile, baskets, nuts, chestnuts and even forest berries were very well preserved. Ananauri 3 dated to the first half of 2400 BC is one of benchmark sites of this period.

Keywords: Georgia; Bedeni; Martkopi; Alazani; Ananauri; kurgan; wagon; chamber.

Рис. 1. Курган Ананаури № 3. Разрез насыпи кургана, вид с юго-востока

Рис. 2. Курган Ананаури № 3. Перекрытие погребальной камеры, вид с запада

Рис. 3. Курган Ананаури № 3. Погребальная камера с частично снятым перекрытием, вид с запада

Рис. 4. Курган Ананаури № 3. Погребальная камера, вид с востока

Рис. 5. Курган Ананаури № 3. Повозка № 1, вид с юга

Рис. 6. Курган Ананаури № 3. Повозка № 1, после снятия колес, вид с юга

Рис. 7. Курган Ананаури № 3. Повозка № 2, вид с севера

Рис. 8. Курган Ананаури № 3. Повозка № 2, после снятия колес, вид с севера

Рис. 9. Курган Ананаури № 3. Ожерелье из янтаря

Рис. 10. Курган Ананаури № 3. Украшения из золота

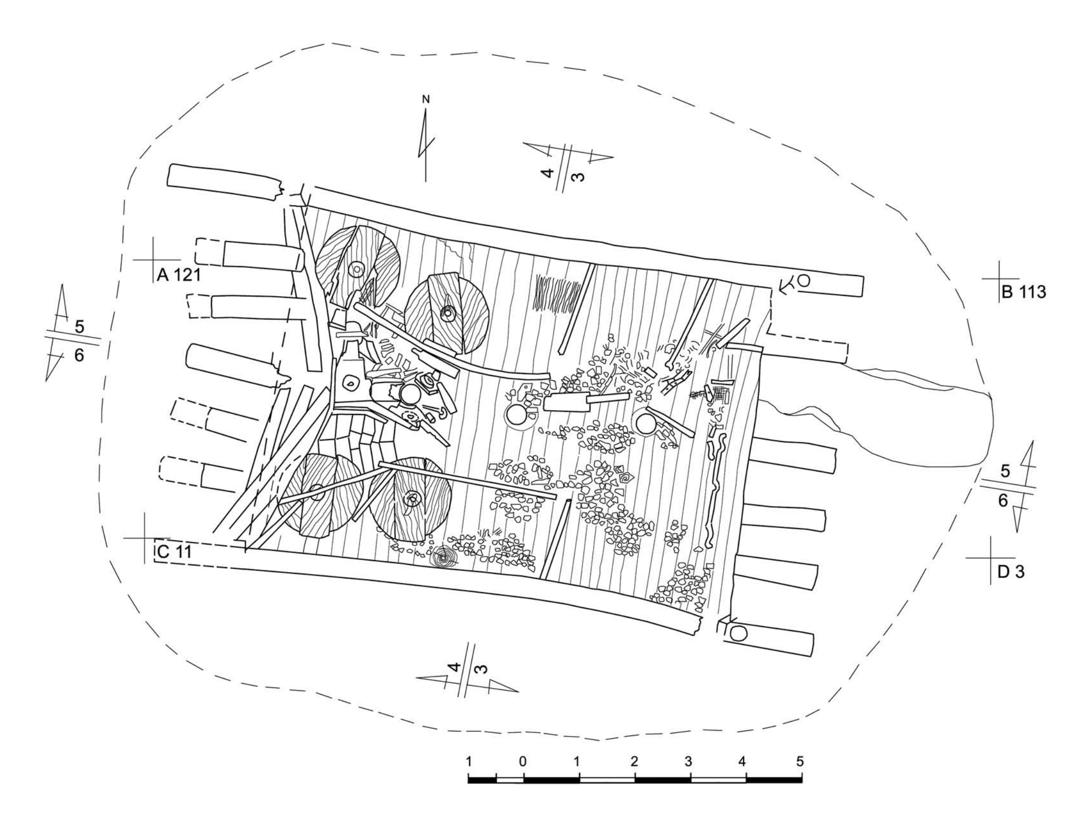

Табл. I. Курган Ананаури № 3. План погребальной камеры

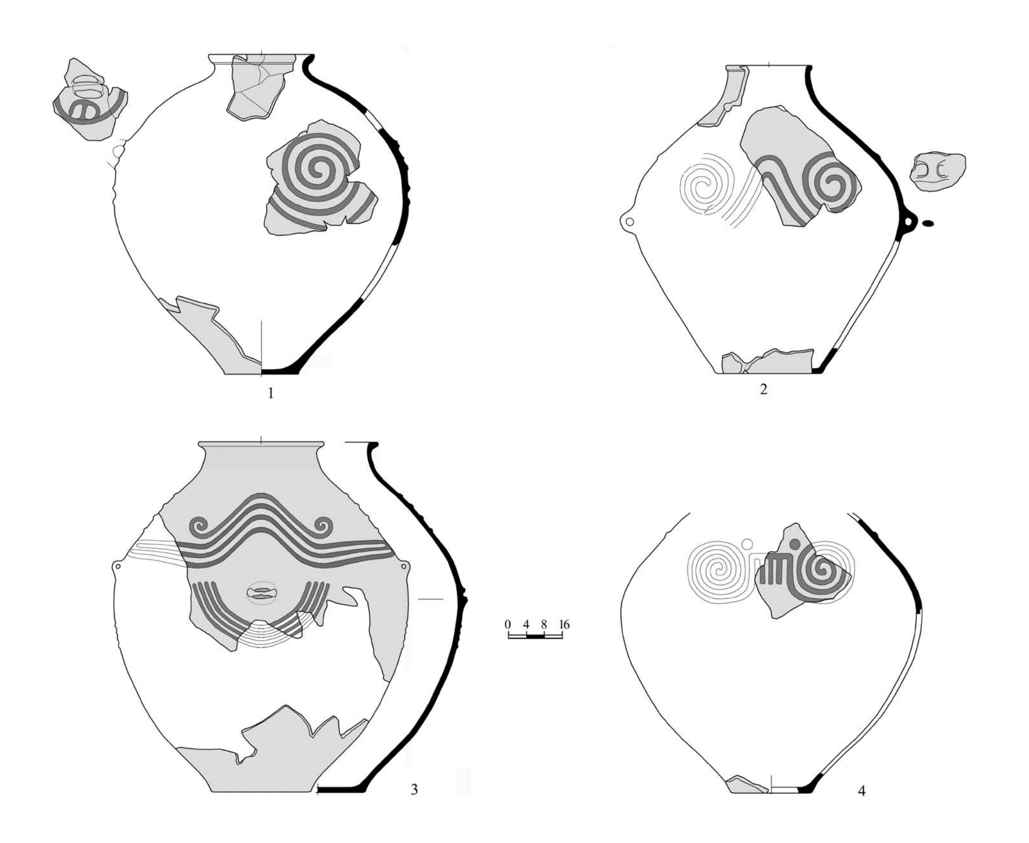

Табл. II. Курган Ананаури № 3. *1–4* – керамические сосуды

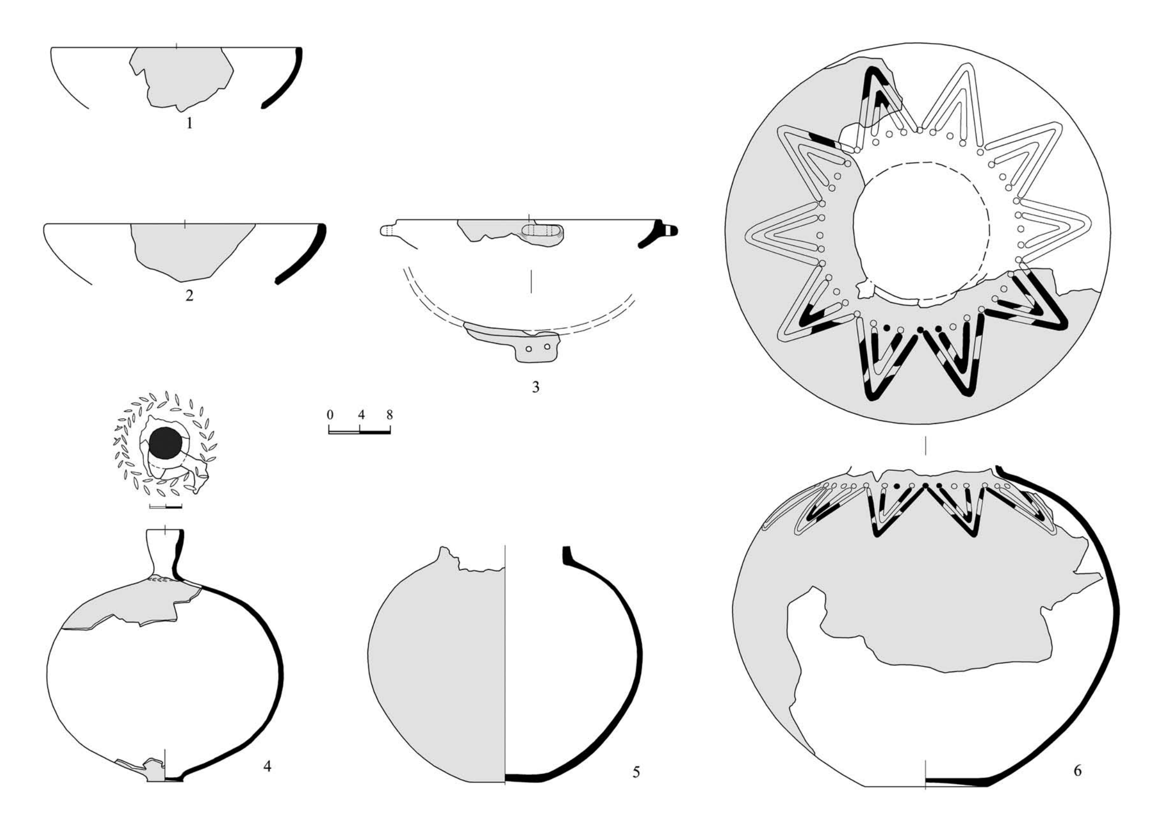

Табл. III. Курган Ананаури № 3. *1–6* – керамические сосуды

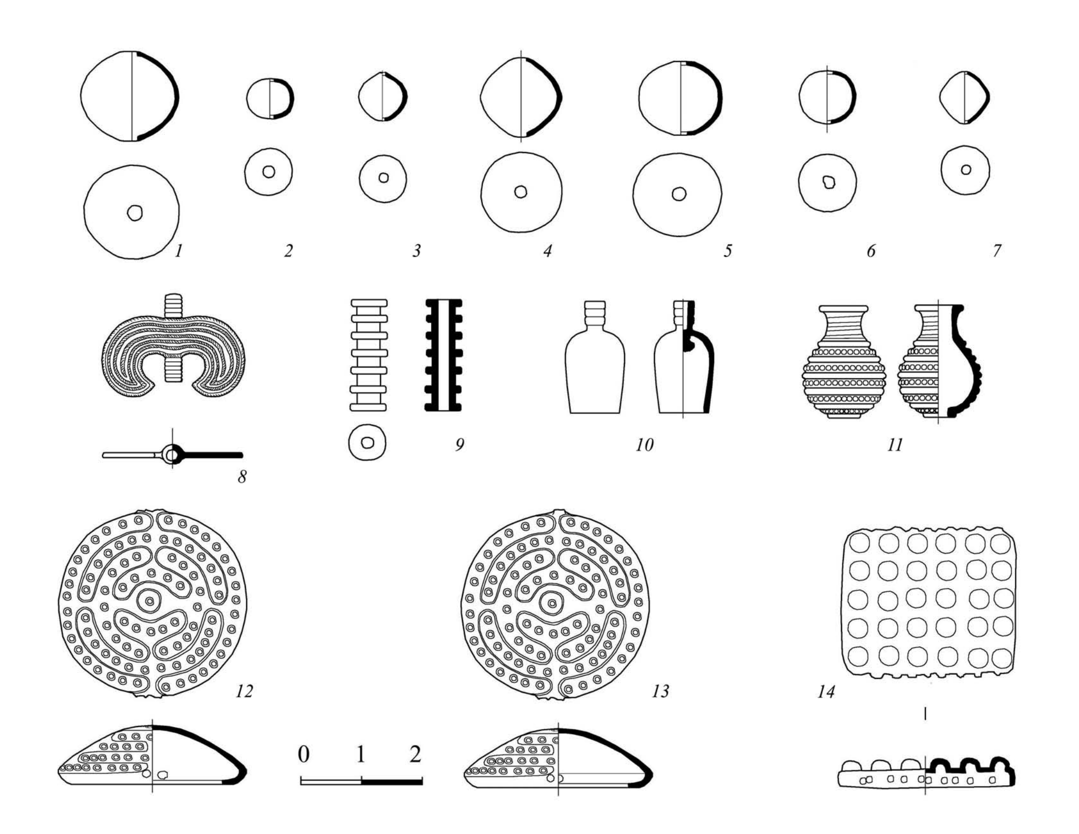

Табл. IV. Курган Ананаури № 3. Изделия из золота

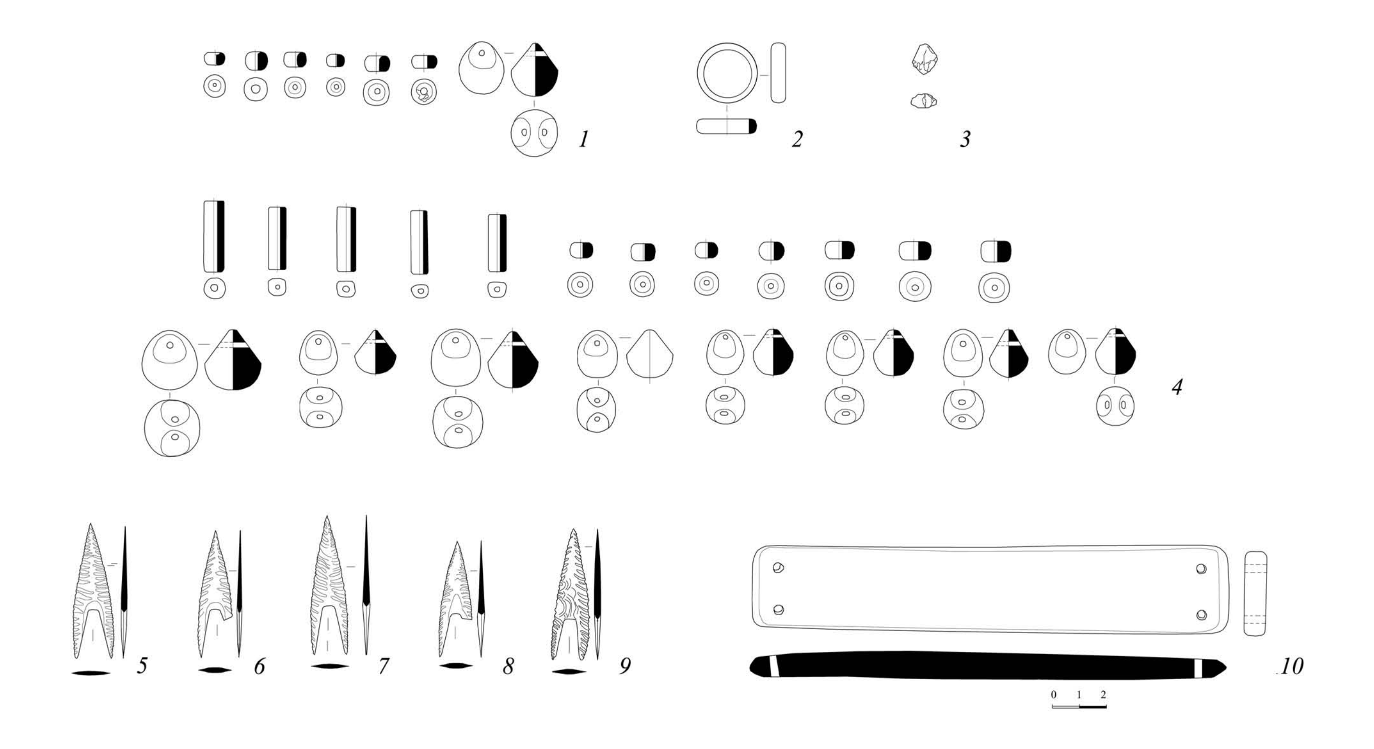

Табл. V. Курган Ананаури № 3. *1* – бусы из черного оникса; *2* – кольцо из фиолетового халцедона; *3* – горный хрусталь; *4* – бусы из янтаря; *5–9* – наконечники стрел из обсидиана; *10* – пластина из черного камня

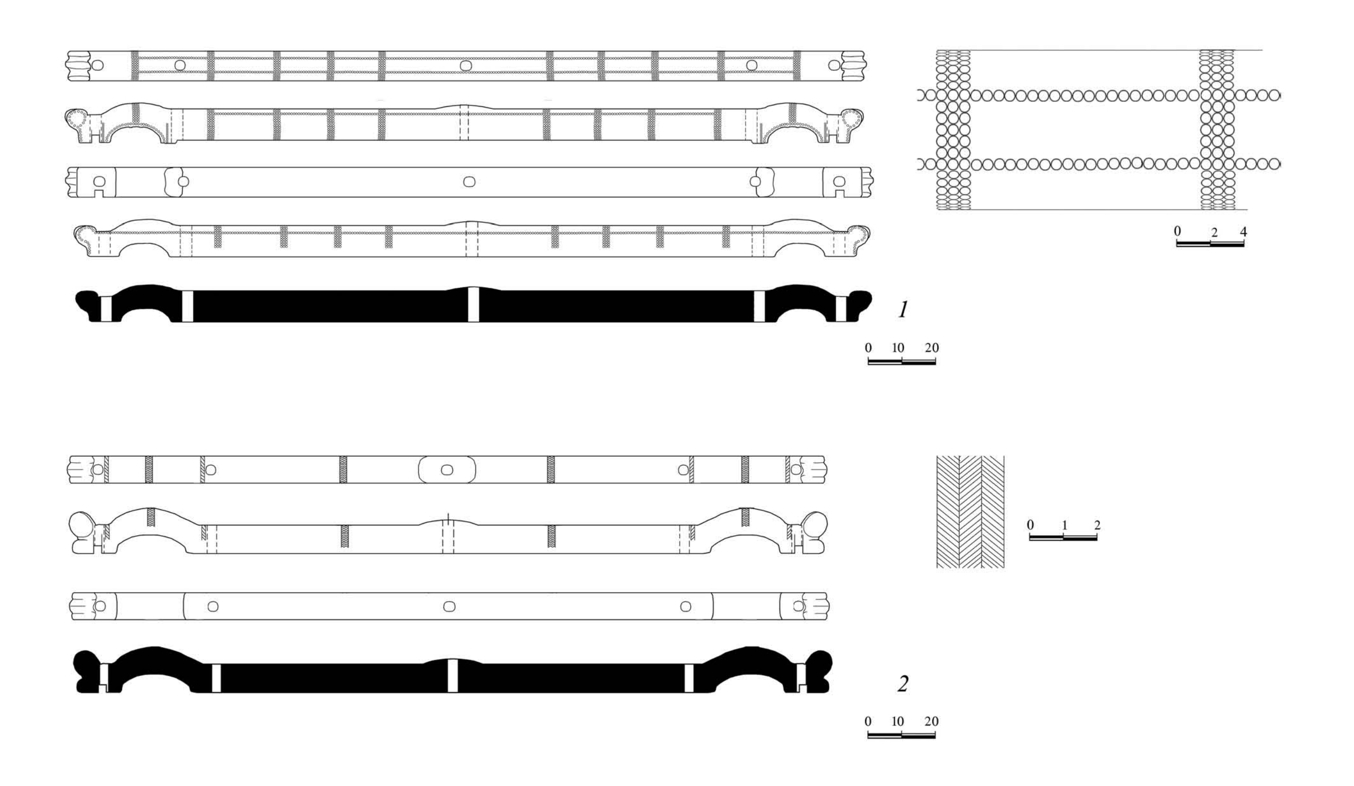

Табл. VI. Курган Ананаури № 3. *1* – ярмо повозки № 1; *2* – ярмо повозки № 2

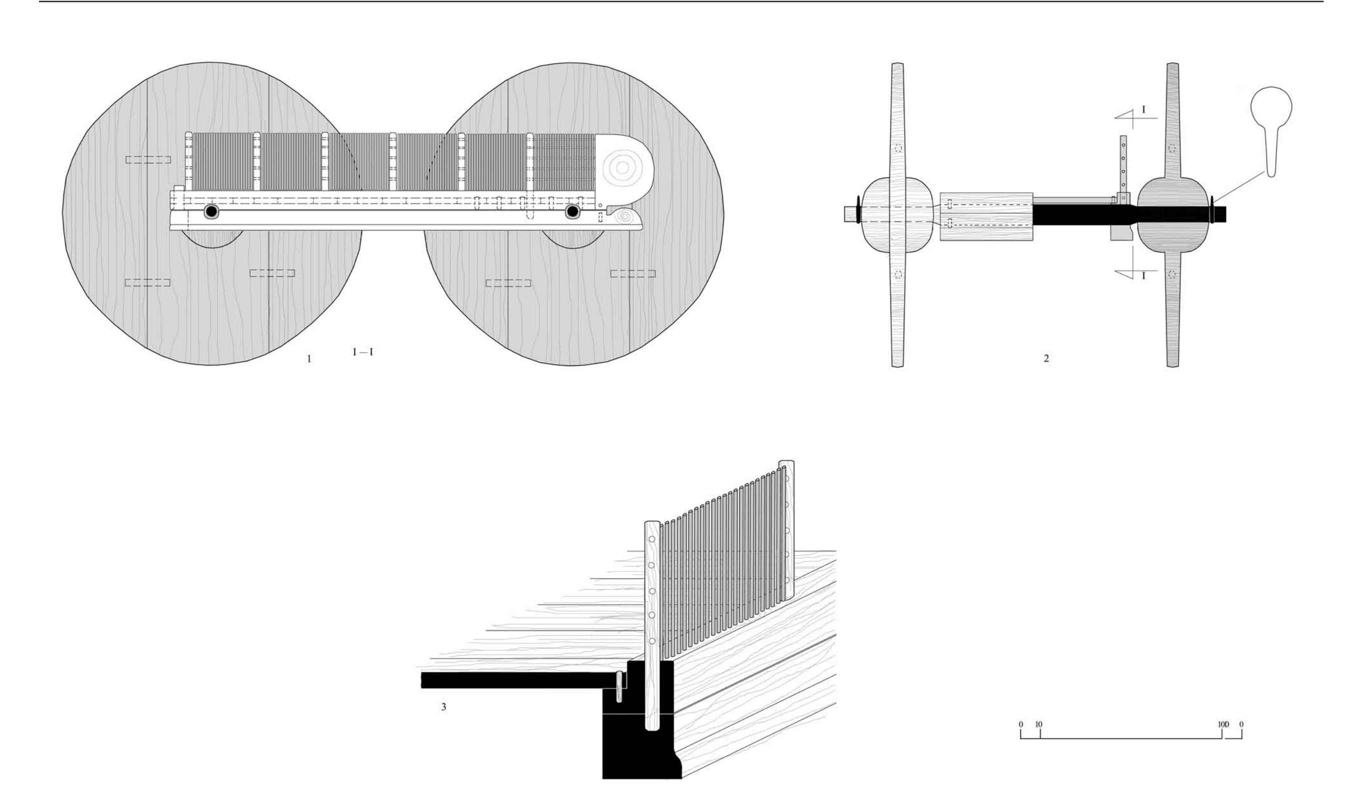

Табл. VII. Курган Ананаури № 3. Повозка № 1. Реконструкция

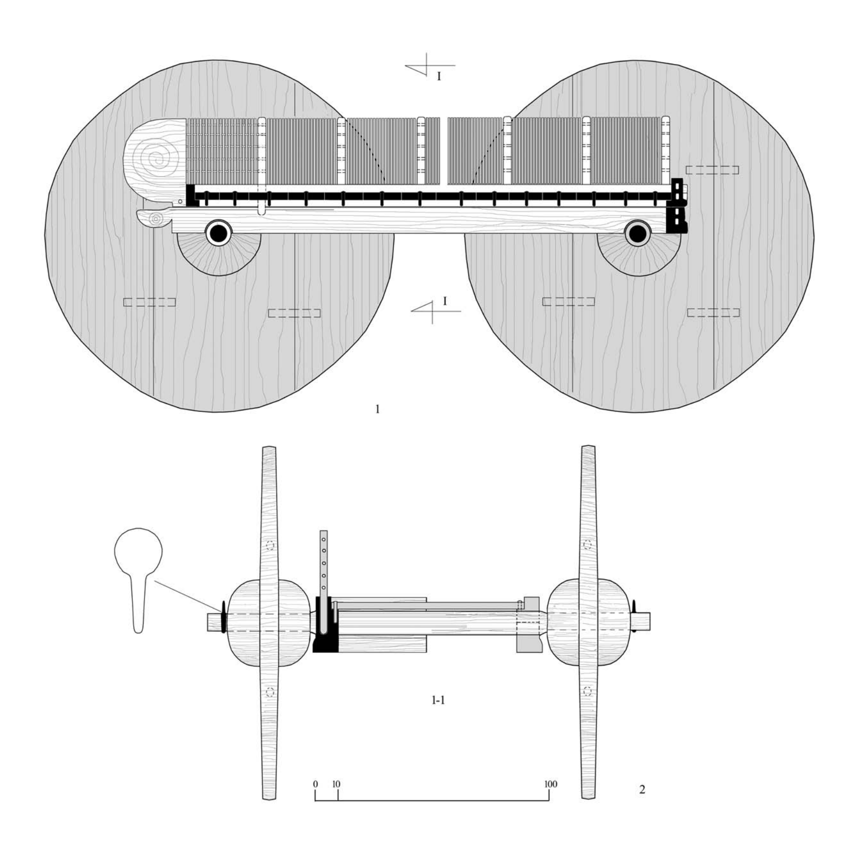

Табл. VIII. Курган Ананаури № 3. Повозка № 2. Реконструкция

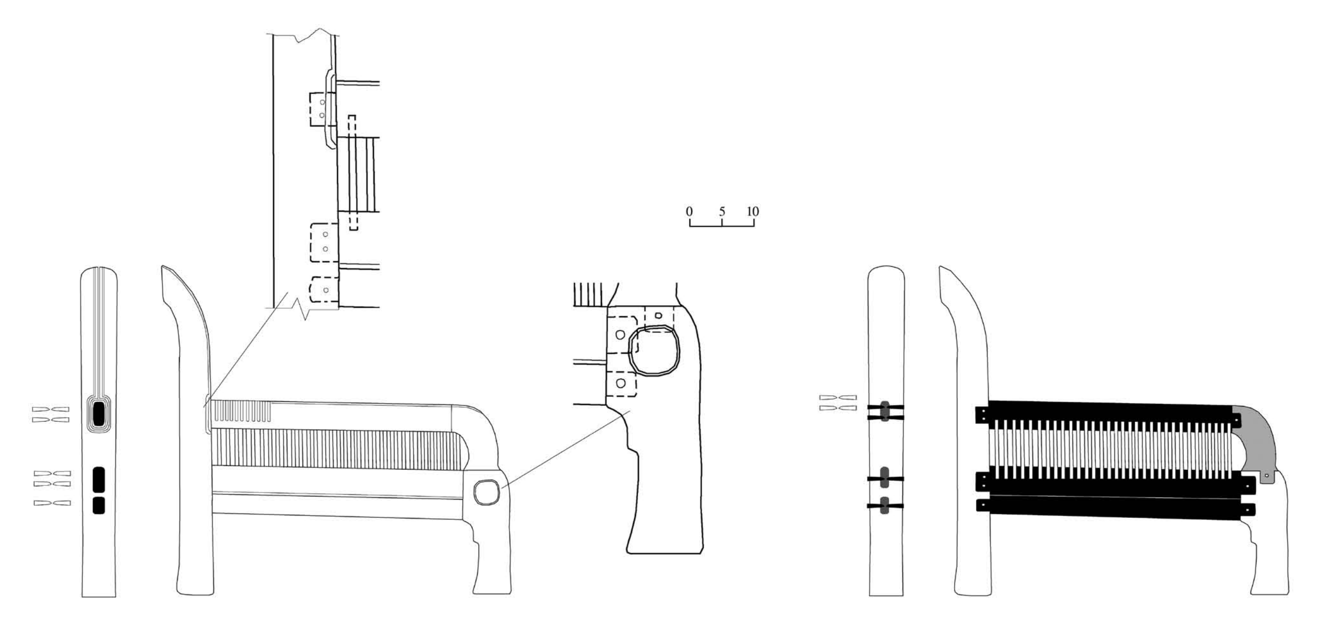

Табл. IX. Курган Ананаури № 3. Кресло-трон

Табл. X. Курган Ананаури № 3. Деревянные сосуды

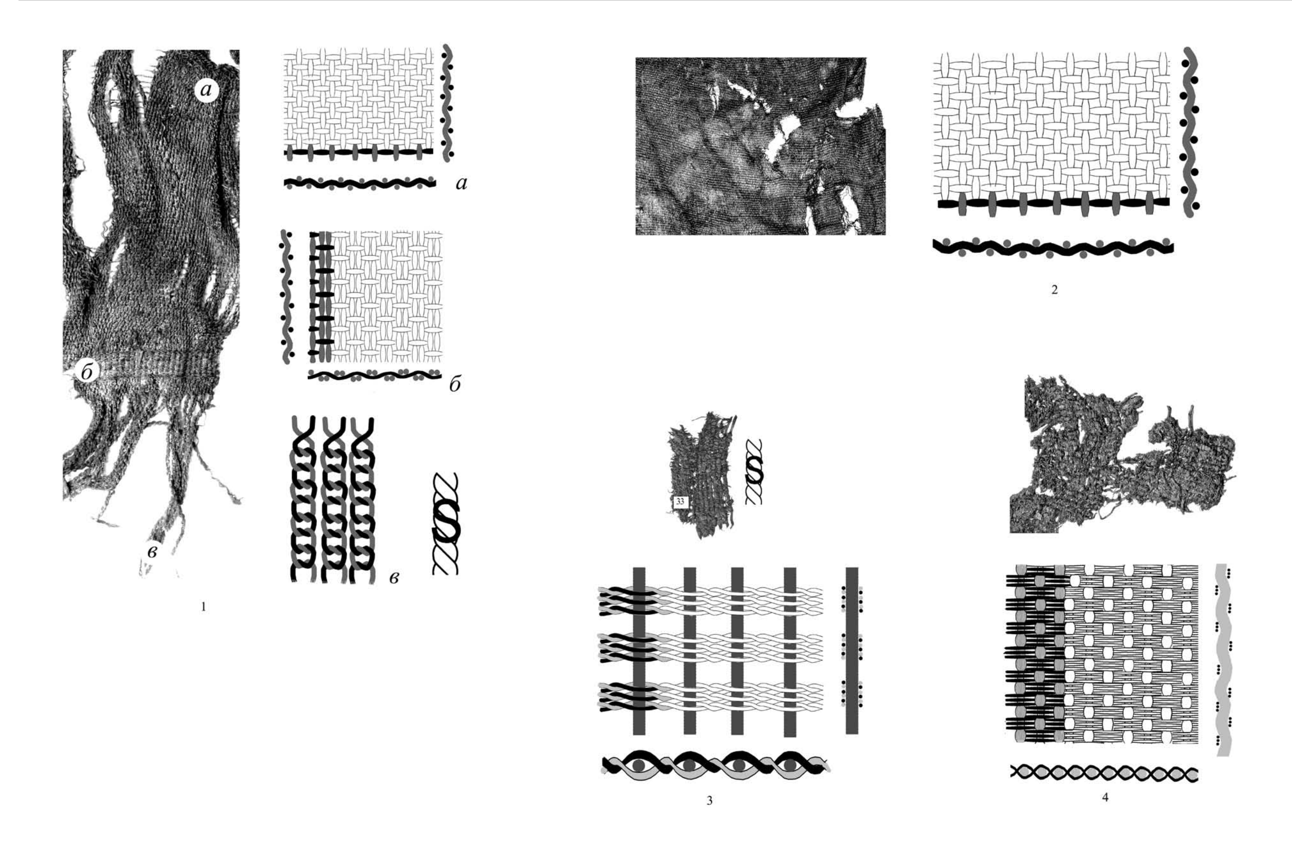

Табл. XI. Курган Ананаури № 3. *1–4* – фрагменты тканей

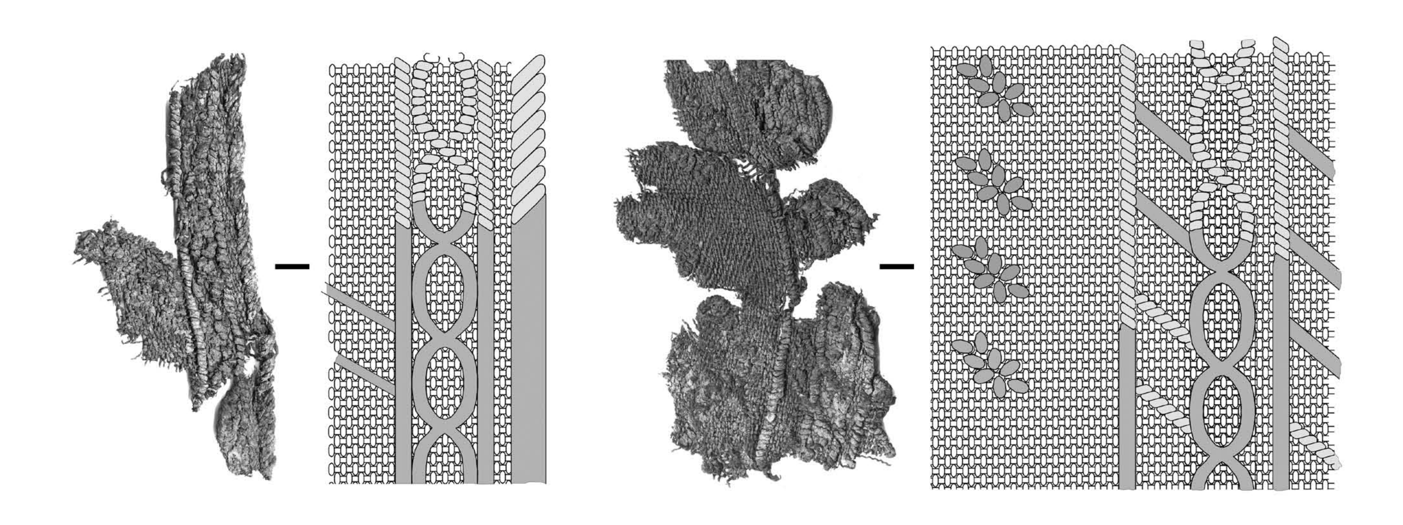

Табл. XII. Курган Ананаури № 3. Фрагменты тканей

А.Е. Симонян

НЕРКИН НАВЕР – КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ ОТ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ДО РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Резюме. Одним из стержневых памятников эпохи среднего бронзового века Армении является недавно исследованный некрополь Неркин Навер. В статье впервые в обобщающем виде представляется комплексное исследование данного памятника, включая: спектральный и химический анализ артефактов, радиокарбонный, антропологический, одонтологический, зоологический, палинологический анализ и т.д., а также блестящая реставрация археологических находок. Полученнные результаты позволяют рассматривать этот некрополь как один из важнейших памятников ранней фазы эпохи средней бронзы Южного Кавказа. Изучение последующих пластов свидетельствует о сохранении традиций индоевропейского погребального обряда в области Арагацотн Республики Армении, без существенных изменений, начиная с XXIV в. до н.э. вплоть до IV в. н.э.

Ключевые слова: курганы эпохи средней бронзы; коневодство; «башни молчания»; храмовый комплекс; эллинистическое погребение; «мегарская чаша».

«Культура ранних курганов» или ранняя фаза эпохи средней бронзы Южного Кавказа является одной из самобытных и ярких культур древнего Переднего Востока. По мнению ряда исследователей, она является преемницей шенгавитской (куро-аракской) археологической культуры (Куфтин, 1941. С. 104, 123–124; Пиотровский, 1949. С. 43; Мартиросян, 1964. С. 48; Джапаридзе, 1969. С. 270; Խանզադյան (Ханзадян), 1969. С. 180; Дедабришвили, 1970. С. 1970; Гогадзе, 1972. С. 97; Гобеджишвили, 1980. С. 136; Кушнарева, 1993. С. 93, 95; Դեվեջյան (Деведжян), 2006. С. 189) и распространилась от бассейна Аракса до южных предгорий Большого Кавказского хребта. Памятники этой культуры известны на территории современной Грузии – бассейн реки Куры: Триалети, Цалка, Бедени, Самцхе, Самтавро, Бериклдееби (Куфтин, 1941. С. 101–105; Джапаридзе, 1969, 1998; Гогадзе, 1972. С. 103–107; Жоржикашвили, Гогадзе, 1974. С. 114; Гобеджишвили, 1981; Глонти и др., 1986. С. 36–44; Кушнарева, 1993. С. 101–106; Нариманашвили, 2009), в долине рек Иори–Алазани: Кахетия, Алазанские курганы, Марткопи, Цнори, Самгори (Путуридзе, 1983; Пицхелаури, 1987. С. 21–24) и на территории Азербайджана (Ахундов, 2001. С. 112–122). По нашему мнению к ранней фазе эпохи средней бронзы относятся также громадные курганы Уч-тепе (Иессен, 1965; Кушнарева, Чубинишвили, 1970. С. 83–84), а также курганы № 119 (средний слой) и № 125, исследованные в окрестностях города Степанакерта в Карабахе (Гуммель, 1948. С. 15; Кушнарева, Чубинишвили, 1970. С. 83).

На территории Республики Армения на сегодняшний день обнаружено около 20 памятников ранней фазы эпохи средней бронзы: курган Ванадзора (бывший Кировакан) (Пиотровский, 1949. С. 46–47; Դեվեջյան (Деведжян), 2006. С. 251–269); большой курган Карашамба (Оганесян, 1988. С. 145–161); курганы Аруча и Маисяна (Арешян, 1979. С. 518; 1987. С. 559); группа ранних курганов Агавнатуна; № 5 курган Арташавана (Газаноц) (Սարգսյան (Саркисян), 1987. С. 19–20); Сисиана II, курган № 1 (Аветисян и др., 2000. С. 3–5); ранние курганы Лори-Берда (Դեվեջյան (Деведжян), 2006. С. 192–196); Одзунские находки (ЗДА, 2007. С. 74–75); в бассейне озера Севан: курганы Лчашена, Неркин Геташена и Канагеха (Մնացականյան (Мнацаканян), 1965. С. 99–100; ЗДА, 2007. С. 74–75); курганы № 1 и 2 Бжни (Ղարիբյան (Гарибян) и др., 2010. С. 72–76), могильные поля Верин Навера и Неркин Навера

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.273-292

(Սիմոնյան (Симонян), 1991. С. 14–15; 2004. С. 126–127; Симонян, 2006. С. 26–30), курган № I Джогаза (Արեշյան և Սիմոնյան (Арешян, Симонян), 1989. С. 5–7) и т.д. (рис. 1).

Группа памятников, обнаруженная нами в 1978 г., под общим названием Неркин Навер расположена в 30 км к северо-западу от столицы Республики Армении Еревана, менее чем в 5 км западней г. Аштарака □ центра области Арагацотн, на стыке земельных угодий сел Парпи, Ошакан и Воскеваз, на плоскогорье левого берега реки Шахверд, на высоте 1050–1100 м над уровнем моря, в 1,5 км юго-западней курганного поля Верин Навер. Свое название могильник получили от распространенного среди местного населения топонима указанной местности. Этимология названия памятника выявляет пласты индоевропейской языковой группы и содержит важные сведения о древнем населении Армении (Симонян, 2011. С. 279–282).

Вероятно, могильник занимал обширную территорию – около 40 га, однако еще при советской власти, вследствие мелиорационных и сельскохозяйственных работ подвергся значительным разрушениям. В нетронутом виде сохранилась лишь окаймленная оросительным водоводом южная часть курганного поля площадью 6 гектаров. На южной оконечности плоского каменистого мыса прослеживаются около 30 каменно-земляных курганов, диаметром от 5 до 30 м и высотой 0,5–1,5 м. На территории некрополя разбросаны характерные каменные орудия мезолита и неолита, фрагменты керамики эпохи средней бронзы и Ванского царства.

С 2002 г. археологическая экспедиция «Научно-исследовательского Центра историко-культурного наследия» Министерства культуры Республики Армении под руководством А.Е. Симоняна начала раскопки и комплексное исследование памятника. В настоящее время раскопано 7 курганов.

Курганы

На восточной окраине курганного поля, с юга на север, в ряд расположены курганы № 1, 2, 3, 4, 5, раскопанные в 2002–2008 гг. Курган № 7 находится в 300 м к северу от основной группы погребений, на окраине поля. Курганы № 9 и № 10 расположены в центре нетронутого участка некрополя. Курган № 11 выявлено на самой северной окраине могильника. Его насыпь была уничтожена в ходе мелиорационных работ. Этот погребальный памятник был обнаружен в 2015 г., при исследовании территории, по которой должна пройти новая магистраль Аштарак-Гюмри, в результате сплошной зачистки дневной поверхности (рис. 2).

Каменно-земляные курганы в основном состоят из скоплений вулканических необработанных камней, покрывающих погребальные ямы, образующие защитный «каменный панцирь» (рис. 3). По окружности курганов № 2, 3, 4, 5А, 7 уложены туфовые (№ 2, 5А) и базальтовые (№ 3, 4, 7) кромлехи. Под курганом № 1 на материковом грунте повсеместно простиралась платформа, выложенная красными туфовыми плитами.

Раскопанные курганы покрывали одиночные усыпальницы, а в 5-м кургане с насыпью в форме неправильного овала обнаружены три погребения. Могилы засыпаны камнями, образующими защитный слой – каменный «панцирь» (курганы № 1, 2, 3, 4, 5А, 5В, 5G, 7). В трех кургана: № 4, 5А и 5G зафиксированы погребения катакомбного типа с нишами в северной части, а в других № 1, 2, 3, 5В и 7 отмечены характерные для территории Армении погребения знати эпохи средней бронзы. Их конструкции представлены прямоугольными в плане погребальными камерами, удлиненными с запада на восток, площадью 12–50 $м^2$ и глубиной 2,2–3 м. С восточной стороны камер обычно имеются ложные входы – дромосы, в виде спускающихся на дно выступов. Они разделяют восточную часть погребальных конструкций на два участка, где, как правило, зафиксированы остатки заупокойной пищи (череп и конечности быков). Шахтовые входы катакомб были заполнены базальтовыми (курганы № 4, 5G) и туфовыми (курган № 5А) камнями, а погребальные камеры – каменно-земляной насыпью. По всей вероятности, этот своеобразный защитный слой насыпался на бревенчатые перекрытия. На основе найденных артефактов можно утверждать, что полы и стены погребальных камер были покрыты дорогими коврами и шкурами животных: лисы, волка, пантеры и льва. В погребениях обнаружены чернолощеные и расписные керамические сосуды, которые, согласно проведенным анализам, в свое время были заполнены разными напитками (пиво, в чернолощёном карасе погребения № 3, вино, в большом карасе погребения № 9) и пищей (каша, приготовленная из пшена или ячменя, с вареными яйцами и раками, а также отварное мясо в топленом масле и др.).

Найдено бронзовое и обсидиановое оружие: «рапира», копье, кинжалы, наконечники стрел, штандарт, каменные орудия, чаши; разновидные и разноцветные бусы и амулеты, изготовленные из золота, серебра, бронзы, агата, гишера, сердолика, горного хрусталя, агальматолита; золотые и сте-

клянные модели колес; золотые пластинки, покрывающие мебель и деревянные предметы; морские ракушки, экспортированные из Персидского залива, и прочее.

В большом количестве сохранился остеологический материал: разнообразные (около 30 видов) домашние и дикие жертвенные животные: конь, бык, корова, муфлон, овца, коза, свинья, собака, а также рыба, рак, птицы и другие.

В гробницу также укладывали изваянных из туфа идолов и скульптурные портреты.

Шикарный, более пышный «царский» ритуал зафиксирован в кургане № 7, имеющий погребальную камеру глубиной в 3 м и площадью 50 м^2. На дне камеры в определенном порядке располагались более 60 керамических сосудов, среди которых более 50-ти сосудов имели роспись с мифологическими и светскими мотивами (рис. 4; 5).

Обработка камня

Из камня изготавливали антропоморфных идолов, скульптурные портреты, различные орудия труда: зернотерки, ступки, терки, пестики, куранты и другие. Особенно впечатляют изваянные из твердого базальта и тщательно отшлифованные ритуальные чаши. В научной литературе они обычно именуются крышками сосудов. В Неркин Навере их укладывали на дно погребений, в тайниках. Несоответствие горловинам керамических сосудов, а также изготовление из твердых пород камня и тщательная полировка исключают интерпретацию их использования в качестве крышек сосудов. По всей вероятности, они были предназначены для питья культовых напитков, возможно, хаомы. Для приготовления священного напитка также были предназначены положенные в гробницы базальтовые терочники (погребения № 2 и 7), куранты и ступки (погребение № 1).

В кургане № 5 G обнаружен антропоморфный, почти в человеческий рост, идол, на груди которого изображен солнечный диск в виде ямок, расположенных по кругу (рис. 6). Аналогичная манера изображения солнечного диска зафиксирована также в кургане № 1, но только на туфовых плитах. В гробницу также клали скульптурные портреты в анфас. В схематических чертах они изображали царских персон с высокой тиарой. На одном из этих портретов видны напоминающие корону зигзагообразные линии.

Оружие

В погребениях обнаружены пращевые камни, обсидиановые наконечники стрел и дротиков, бронзовая рапира, наконечники пики и копья, кинжалы и штандарт (рис. 7), характерные для погребений знати ранней фазы эпохи средней бронзы Южного Кавказа (Куфтин, 1941. С. 78, 83, табл. CVI; Пиотровский, 1949. С. 47; Դեվեջյան (Деведжян), 2006. Цв. табл. IV–VI).

Особенно впечатляет находка «рапиры», которая датируется второй половиной III тыс. до н.э. По нашему мнению, «рапиры» − это местный вид оружия – старейший в профессиональном вооружении, используемый только для военных действий (рис. 7, *1*). Положенная в погребении № 3 «рапира» предварительно была разделена на 7 кусков, что было обусловлено погребальным обрядом.

Ювелирное исскуство

Богат и разнообразен ассортимент золотых украшений, которые изготовлены в виде очень тонких облицовочных пластин. Большее распространение имеют шаровидные и двояковыпуклые бусины; головки фибул, модели колес, сложенные «гармошкой» облицовочные пластины, которые имели полированную или богато украшенную орнаментом поверхность.

При изготовлении золотых изделий был применен большой арсенал технологических навыков: холодная и горячая ковка, литье в восковых моделях, пайка (сварка), шлифовка, чеканка, штамповка, гравировка, полировка и т.д. Также было распространено окрашивание золота красным цветом. Бусины были рельефно декорированы.

Головки фибул украшены горизонтальными поясками и вертикальными штрихами, витыми поясами, колосовидным узором, арками, острыми углами, вписанными друг в друга, а в специально изготовленные лунки были вставлены поделочные камни. Аналогичные изделия обнаружены также в ранних курганах Лори-Берда (Դեվեջյան (Деведжян), 2006. Цв. табл. I–II).

Из серебра изготавливали гвóздики для крепления золотых пластинок на деревянный каркас, спиралевидные трубочки, серьги и разделители бусинок.

Обрабатывались сердолик, агат, гишер и другие полудрагоценные камни. Бусы и амулеты имеют тщательно отполированную поверхность. Разнообразие форм включает шаровидную, цилиндрическую, в виде кизиловой косточки, биконическую, трехгранную, кубическую и др. Эти бусы, по всей вероятности, нашивались на одежду или входили в состав ожерелья (рис. 8).

Стеклоделие

Исключительны сотни разнообразных бусин, изготовленных из кварцевого стекла[1]: синие, голубые, черные, белые, желтые бусы и амулеты «от сглаза». В большинстве они имеют цилиндрическую форму. Есть бусы, похожие на кизиловые косточки – плетенные из нескольких стеклянных нитей, а также «бородавчатые» и другие. Амулеты «от сглаза» с ярко-голубой бусинкой – «оком» (рис. 9. *1*) являются самыми ранними образцами подобных амулетов. Определенные формы бус: цилиндрические, конические, украшенные выступами, похожие на морские мины и другие, характерные для культуры Армянского нагорья (Симонян, 2010. С. 8–9, рис. 1). О факте наличия местного стеклоделия также свидетельствуют несколько стеклянных бусинок, найденных в круглой комнате IV строительного горизонта Шенгавита (Simonyan, 2015. Fig. 29). Поразительное сходство «бородавчатых» пастовых бусин из погребений Северо-Каспийских степей той же поры (Шишлина и др., 2010. С. 639–642, рис. 1, 3, 4) с Неркин Наверскими изделиями из стекла доказывает наличие древнейших связей населения этой территории с зоной Южнороссийких степей на рубеже III–II тыс. до н.э. (рис. 9).

Как известно, температура плавления кварца составляет 1700°. Получение и применение в производстве столь высокой температуры было возможно при условии высокого уровня знаний и владения новыми передовыми технологиями того времени.

Изделия из металла

Со времени куро-аракской культуры Кавказ и в особенности Закавказье становятся одним из крупнейших очагов металлопроизводства Старого Света. Уже тогда здесь был полностью освоен весь цикл металлургического производства, начиная от добычи медной руды и кончая изготовлением разнообразных орудий труда, оружия и украшений из медно-мышьяковистой бронзы (Мунчаев, 1975. С. 160–161).

В Неркин Наверских курганах прослеживается дальнейшее развитие производства медных и бронзовых изделий. Особое значение приобретает изготовление орудий из бронзы, украшений и оружия.

В погребении № 4 Неркин Навер найден кинжал, изготовленный техникой сложения медной пластины с последующей закалкой. На основе проведенных спектральных анализов было выявлено широкое применение олова при выплавке бронзовых изделий на рубеже III–II тыс. до н.э. Среди найденных артефактов особенно выделяется «рапира», изготовленная из бронзы с примесью олова 11%. Это указывает на превосходное качество этого специфического оружия, которое, возможно, является изделием местного производства, что свидетельствует о высоком уровне технологий и навыков металлообработки (рис. 7.).

Керамика

Профессиональные мастера изготавливали чернолощеные и расписные сосуды разного вида и назначения. Обнаружены свидетельства их массового производства – от больших карасов до маленьких «солонок». Все керамические сосуды изготовлялись вручную, без использования гончарного круга (Симонян, 2010. С. 636). Большинство из них орнаментированы в технике гравировки, лощения или росписи.

В Неркин Навер обнаружены выдающиеся образцы расписной керамики эпохи средней бронзы, датированные второй половиной III тыс. до н.э. Великолепно отполированные и ангобированные поверхности воспринимались как своеобразные «холсты». По основному красному фону черной краской наносились узоры, как на предварительно начерченные схемы, так и без предварительного эскиза. Основная тематика расписных сосудов символически иллюстрирует трехступенчатое строение космоса: небо, земля и подземный мир (так называемая «водная схема»).

Особенно впечатляет комплект расписных сосудов из погребения № 7 (рис. 10). На обнаруженных здесь более чем 60-ти расписных сосудах черной краской по красному фону изображены животные (серны), а также птицы семи видов (Манасерян и др., 2011. С. 192–194), свастики, концентрические окружности и прочее.

Расписная тонкостенная одноручная чаша, изготовленная из тщательно отмученной, мелкозернистой глины обнаружена в катакомбе 5А. По всей вероятности, данный предмет был импортирован из Эгейского мира. Неопубликованный аналог этой чаши был обнаружен в одной из гробниц Аручских курганов вместе с богатейшим инвентарем и хранится в фондах ГМА[2]. Еще один экземпляр недавно был обнаружен при раскопках в одной из гробниц Карашамба[3].

В богатом собрании сосудов Неркин Навер особенно выделяются чернолощеные карасы с изображением змея-дракона (?) (погребение № 3) и колес (погребение № 2); гидрия с изображением копытных

[1] Анализы Р. Матевосяна и Р. Израеляна.

[2] Раскопки Г.Е. Арешян.

[3] Раскопки П. Автисян и В. Хечоян.

животных (погребение № 7). А также экспортированный из бассейна восточного Средиземноморья расписной одноручный «кубок» (рис. 11).

Ковроделие

В погребении № 7 под днищами чернолощеной миски и одного из карасов открылись следы, возможно древнейшего коврового изделия, обнаруженного на территории современной Армении. На отпечатке были видны четко очерченные зигзагообразные и прямые линии. Для получения узоров использовали нити, окрашенные красным, белым и желтым цветом (?) (Симонян, 2016. С. 318–329).

Присущий таким коврам орнамент изображен и на карасах из погребения № 7.

В погребении № 1 были найдены остатки циновки с хорошо сохранившимся елочным плетением нитей.

Коневодство

Комплексный анализ находок эпохи среднего бронзового века достоверно свидетельствует, что в Неркин Навер присутствуют признаки разведения и использования лошадей. Так, в каждом из курганов № 1, 3, 5B, 7 были зафиксированы парные конские скелеты.

На чернолощеным *караес* из кургана № 2 символически изображено шесть колес с четырьмя спицами, связанными парами. Возможно, что древний художник на этом карасе изобразил 3 боевых колесницы с легкими колесами.

В кургане № 1, вместе с конскими костями, в нижнем горизонте погребального зала обнаружены экскременты лошади. Анализ экскрементов свидетельствует, что кони содержались в яслях и были принесены в жертву поздней осенью (Овсепян, 2003. С. 68–71). В этом же кургане, в верхнем горизонте погребальной камеры – на глубине 70 см от поверхности, были обнаружены кованые железные удила, спектральный анализ которых, проделанный в Берлинском археологическом институте, свидетельствует, что по химическому составу эти удила похожи на древнейшие железные изделия из Аладжи (a sword from Tomb K at Alaca Hüyük).

Особенно важна находка *караса*, на плечиках которого изображен табун лошадей с остриженными гривами и заплетенными хвостами. На расписной гидрии из кургана № 7 вереница лошадей изображена в движении слева направо, то есть в движении против часовой стрелки – манера изображения характерна мышлению древних арийцев (Резепкин, 1987. С. 26–32; Клейн, 1990. С. 162–175).

Импорты

Найдены различные импортные предметы: морские ракушки (из погребений № 1, 2, 3, 4, 5A, 5B, 5G, 7); расписной кубок из района Восточного Средиземноморья (из погребения № 5A); из Азии бусы из ляпис-лазурита (погребение № 1), из Китая бусы из агальматолита (из погребения № 5B). Все эти импортные предметы свидетельствуют, что в течении второй половины III тыс. до н.э. территория современной Армении была вовлечена в процессы международной торговли (Սիմոնյան (Симонян), 2012. С. 18–37).

«Башни молчания»

У юго-западного подножия мыса, на котором расположен некрополь, из крупных скальных глыб построены округлые в плане замкнутые пространства, где, согласно предварительным обследованиям, обнаружены отдельные фрагменты керамики эпохи средней бронзы и Ванского царства. Нами раскопана одна такая конструкция, где были найдены человеческие кости и обсидиановый нож, который, возможно, использовался во время совершения погребения.

Эти сооружения имеют диаметр 15–30 м «входы» шириной 1–1,5 м, а также «коридоры». Возможно, эти загадочные сооружения использовались для обряда экскарнации умерших, после чего останки предавались земле.

Древнеарийский погребальный ритуал

Как правило, тела умерших представителей верхнего сословия – царей, вождей, жрецов, а также высокопоставленных чиновников сжигали (обряд кремации), а зольные останки рассыпали по катафалку (Пиотровский, 1949. С. 47) или укладывали в могилу обернутыми в рогожу (циновку). В погребении № 1 сохранились обугленные фрагменты циновки, а в погребении № 7 на полу были зафиксированы обгорелые останки особи крупного рогатого скота и лошади. Из этого следует, что в самой могиле разжигали поминальный маленький костер для отпугивания злых духов либо рассыпали горячий древесный уголь из погребального костра. Аналогичная картина засвидетельствована также в погребениях № 60, 61, 74, 77 Лори-Берда (Դեվեջյան (Деведжян), 2006. С. 99). Вместе с кремированными хозяевами также хоронили их приближенных, принесенных в жертву, скелет которых очищался от мягких тканей с помощью специально содержащихся для этих целей собак (в погребении № 1 на костях скелетов сохранились следы зубов крупных собак – определение Х.П. и М. Уерпман). Почти во всех погребениях

Неркин Навер, как в могилах № 74 и № 75 эпохи средней бронзы Лори-Берда (Դևվեջյան (Деведжян), 2006. С. 98) обнаружены только зубы погребенных. В кургане № 1 обнаружено 24 зуба, а в погребении № 3 – 113 зубов и их фрагментов. Зубы из погребения № 1, с большой долей вероятности, принадлежат трем индивидам. Наиболее полные зубные ряды содержат 19 зубов, не имеющих признаков выраженной стертости. В этой связи возраст индивида может быть определен в интервале от 17 до 25 лет. Два других индивида, зубы которых обнаружены в данном погребении, имеют более выраженную стертость (а также признаки эрозии) и принадлежат возрастным категориям 35–45 лет и 45 и более (по Brothwell). Одонтологический материал погребения № 3 отличается не только количеством, но и разнообразием. По предварительным оценкам найденные зубы могут принадлежать от 15-ти до 20-ти индивидам. С полной уверенностью можно отметить, что различен половозрастной состав погребенных индивидов. Есть такие, чей возраст не доходит до 15 лет, что определяется находками клыков с неполностью сформированными корнями. Есть также индивиды, окклюзионные поверхности моляров которых претерпели значительные изменения, характерные для наиболее возрастных персон. В погребении представлены также промежуточные возрастные группы. Необходимо отметить, что в ходе подготовки к проведению исследования одонтологического материала из курганов №№ 1 и 3 Неркин Навер были получены компьютерные трехмерные изображения изучаемых зубов, которые послужат разработке и применению современных методов одонтологических исследований. Изображения получены при поддержке Ассоциаций цифровой стоматологии России и Армении[4]. Обнаруженные зубы и фаланги пальцев большого числа индивидов в разных слоях погребальных камер свидетельствуют о сложном погребальном обряде, который был специально предназначен для представителей высшего сословия эпохи средней бронзы Армении.

В катакомбных могилах трупы укладывались в «позе всадника», на специально оборудованных каменных полках или накрытых тканью камнях. Таким образом, в Неркин Навер зафиксированы все разновидности, характерные для древнеарийского похоронного обряда: кремация, трупоположение, специальное расчленение трупа (декарнация и декапитация) и похороны обглоданных костей, освобожденных от мягких тканей. Во всех случаях сохранен упомянутый в Ведах ритуал: труп не должен был соприкасаться со священной землей, чтобы не осквернять ее (Елизаренкова, 1989. С. 452).

Об индоевропейских верованиях также свидетельствуют зафиксированные в погребениях останки жертвенных коней и быков, амулет, изготовленный из зуба священного для древних арийцев животного – коровы, предусмотренные для приготовления священных напитков (сомы или хаомы) ступки, куранты и пестики, полированные пиалы из базальта для испития.

Заключение

Комплексное исследование находок Неркин Навер выявило высочайшее мастерство металлообработки, ювелирного дела, а также стеклоделия, которые свидетельствуют о наличии профессиональных мастеров. Для такого заключения имеется ряд аргументов. Только профессиональные мастера могли изготавливать столь изящные изделия. Несомненно, драгоценные металлы и поделочные камни, в том числе и импортированные, могли оказаться только в руках представителей элиты. Приведенные данные говорят о том, что во второй половине III тыс. до н.э. на территории современной Армении, формируется элитное военизированное сословие, практикующее похоронный ритуал подобный древнеарийскому. А также, иерархическая система организации общества, близкая к государственному устройству. Абсолютная датировка погребений заверена результатами проведенных в лабораториях Европы (Берлин) и США (Бета Аналитик центр) радиоуглеродных анализов восьми образцов.

Урартские погребения

В эпоху Ванского царства (Урарту), спустя полторы тысячи лет, в погребениях знати эпохи средней бронзы, были совершены впускные захоронения. Погребения урартского периода не повредили нижние слои могил бронзового века. В основном могилы урартского периода были разграблены в средневековье, а наиболее ценные похоронные подношения похищены. Однако сохранившиеся фрагменты свидетельствуют о богатом похоронном обряде. Обнаружены различные керамические сосуды, в том числе оссуарии с просверленными отверстиями, серебряные украшения, железное оружие: мечи, клинки, трехлепестковая стрела, фрагменты режущих инструментов, костяная печать и т.д., свидетельствующие о высоком социальном статусе похороненных здесь людей.

[4] Одонтологический анализ обнаруженных зубов и определение индивидов из курганов № 1 и 3 Неркин Навера проделана А. Габучяном и Н. Суворовой.

Храмовый комплекс

В западной части курганного поля, от одного ущелья до другого, с юго-востока на северо-запад тянется сооруженная из двойного ряда базальтовых камней оборонительная стена, ограждающая построенный на западном крае мыса храмовый комплекс. В завершающей стадии Ванского царства, в VII в. до н.э. на окраине мыса было сооружено прямоугольное в плане, многокомнатное монументальное культовое сооружение площадью около 300 м^2. Оно использовалось длительное время и было перестроено несколько раз. Эта конструкция напоминает урартское строение, которое называется «Ашихуши».

В этом культовом сооружении зафиксировано минимум 4 строительных горизонта. К финальному периоду Ванского царства и ахеменидскому времени относятся: фундамент здания, построенный из массивных камней, покрывающий грунт пол из глиняных обмазок, база цилиндрической колонны и развалы сырцового кирпича.

К эллинистическому периоду относится прямоугольная комната верхнего горизонта с четырьмя плоскими каменными базами, на которые ставились деревянные колонны и, возможно, перекрытие типа *«азарашена»*, с отверстием в центре: *ердыком*-дымоходом.

Эта комната имела глинобитный оштукатуренный пол, а в восточной стороне были рассыпаны куски древесного угля и золы. Внутри монументального строения в раннем средневековье совершались многочисленные захоронения.

Культовые ямы

В восточной стороне от монументального строения, в твердом грунте, состоящем из вулканических и осадочных пород, открылись ямы, заполненные священным пеплом *атрушанов*, разбитыми керамическими сосудами и костями жертвенных животных. На дно ям выкладывали целые части туш жертвенных быков. Эти ритуальные жертвоприношения, возможно, связаны с обрядом почитания культа предков, так как рядом с ямами были найдены захоронения.

Захоронение в Карасе

Между культовыми ямами было открыто погребение женщины в скорченном положении, а рядом с ней захоронение в карасе, в котором были уложены очищенные от мягких тканей части человеческого скелета, а также бронзовые браслеты. Карас в горизонтальном положении был помещен в выкопанную в твердом грунте яму. Для укладки костяка в карас с узкой горловиной пришлось сломать верхнюю стенку сосуда. Останки были покрыты глиняным раствором, поверх которого были положены фрагменты разбитой части караса. Снаружи плечи сосуда украшает небрежно нарисованный красной краской горизонтальный ленточный пояс. Вероятно, это захоронение ахеменидского или эллинистического периода. Очевиден зороастрийский ритуал.

Данные свидетельства наличия элементов древнеарийского погребального ритуала от эпохи средней бронзы до позднеантичного периода, может служить аргументом в пользу непрерывного проживания на этой территории автохтонного населения.

Эллинистическое погребение

Вплотную к северной стене монументальной храмовой конструкции примыкала прямоугольная в плане погребальная камера площадью 18 м^2 со стенами, выложенным маленькими каменными блоками, и оштукатуренным полом, а также дромосом, направленным в сторону запада[5]. В центре сооружения лежал камень, напоминающий базу деревянной колонны. Найденная здесь серебряная монета императора Октавиана Августа, отчеканенная в монетном дворе Лугдуна (современный Лион)[6], свидетельствовала, что могила была сооружена в период между последней третью I в. до н.э. и началом I в. н.э.

В заполнении могильной ямы были обнаружены фрагменты полусферического ритуального сосуда со штампованным орнаментом. Вся поверхность сосуда покрыта рельефным рисунком. От центрального бугорка исходят 10 прямых линий, между которыми помещены шестигранная розетка с изображениями дерева жизни, колосьев, а ниже них – солнечные полусферы с лучами и сетчатая насечка, которая обрамляет основание сосуда (рис. 12). По нашему мнению, это первая «мегарская» чаша, обнаруженная на территории северной Армении, импортированная, по всей вероятности, с острова Делос (Денисов, 1982. С. 310–311).

Раннесредневековые могилы

В раннем средневековье эллинистическая гробница была разграблена, а внутри нее в каменном ящике были захоронены тела двух детей и двух взрослых. Внутри монументального сооружения было также много раннесредневековых могил в

[5] До сих пор нам не известно погребения в Армении с такой конструкцией, когда дромос направлен на запад. В бронзовом веке дромосы обычно строились на восточной или на северной стороне погребального зала.

[6] Определение Р. Варданян.

форме каменных ящиков или просто грунтовые могилы, уложенные каменными плитами.

Наличие средневековых могил в дохристианском храмовом комплексе дает основание полагать, что эта территория с древних времен считалась священной.

Можно предположить, что после принятия христианства храм-капище был разрушен, однако в верованиях аборигенов он сохранил свое сакральное значение, и сюда жители окрестных сел продолжали приносить покойников для похорон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аветисян П., Бадалян Р., Геворкян А., Хнкикян О., 2000. Раскопки могильника Сисян. Цивилазации Армении с древнейших времн до принятия христианства. Ереван. С. 3–5. (на арм. яз.)

Арешян Г.Е., 1979. Курганы Аруча // АО 1978 года. М. С. 518.

Арешян Г.Е., 1987. Маисянские курганы // АО 1985 года. Москва. С. 559.

Арешян Г., Симонян А.,1989. Археологические работы в Джогазе: тез. докл. Ереван. С. 5–7.

Ахундов Т.С., 2001. Северо-западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку.

Гарибян И.Г, Акопян Г.П., Гнуни А.Ц., Хачатрян Г., Вартанесова Т., 2010. Памятники Бджни (результаты раскопок). Т. 6. Ереван. С. 67–82. (на арм. яз.; англ. и рус. резюме)

Глонти Л.Н., Немсадзе Г.М., Джавахишвили А.Н., 1986. Отчет работ, проведенных в месте Бериклдееби р-на Карели в 1979–1981 гг. // Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. VIII. Тбилиси. С. 36–44.

Гобеджишвили Г.Ф., 1980. Бедени – культура курганных погребений. Тбилиси. (на груз. яз.; рус. резюме)

Гогадзе Э.М., 1972. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети, Тбилиси. (на груз. яз.; рус. резюме)

Гуммель Я.И., 1948. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана // КСИИМК. Вып. XX.

Деведжян С.Г., 2006. Лори-Берд II (средняя бронза). Ереван. (на арм. яз.; франц. резюме)

Дедабришвили Ш.Ш., 1979. Курганы Алазанской долины. Тбилиси.

Денисов Е.П., 1982. Первая «мегарская» чаша из Средней Азии: (к вопросу о историко-культурных связей) // Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тез. докл. Ереван. С. 310–311.

Джапаридзе О.М., 1969. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси. (на груз. яз.; англ. и рус. резюме)

Джапаридзе О.М., 1998. К этнокультурной истории грузинских племен в III тыс. до н.э. Тбилиси.

Жоржикашвили Л.Г., Гогадзе Э.М., 1974. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы (раскопки 1936–1940, 1947–1948 гг.): каталог триалетских материалов. Т. II. Тбилиси.

ЗДА, 2007 – Золото древней Армении (III тысячелетие до н.э. – XIV век н.э.), 2007. Ред. Арам Калантарян. Ереван.

Иессен А.А., 1965. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе // МИА СССР, N 125.

Клейн Л.С., 1990. Ранние индоевропейцы на Кавказе и в северопонтийских степях // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей: (сб. докл.). Ереван. С. 162–175.

Кузнецов П.Ф., 2006. О времени появления колесниц эпохи бронзы // Современные проблемы археологии России. Т. I. Новосибирск. С. 408–410.

Кузьмина Е.Е., 2004. Современное состояние проблемы доместикации лошади и происхождения колесниц // У истоков цивилизации. М. С. 129–141.

Куфтин Б.А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. I: Опыт периодизации памятников. Тбилиси.

Кушнарева К.Х., 1993. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. Этапы культурного и социально-экономического развития. СПб.

Кушнарева К.Х., 1997. Ранние комплексные общества Южного Кавказа // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла: (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб. С. 11–43.

Кушнарева К.Х., Рысин М.Б., Бедено-Алазанская группа памятников Кавказа: (к пересмотру

хронологии, периодизации и культурно-экономических связей). Санкт-Петербург. С. 60–109.

Манасерян Н.У., Кадсабян М. Г., Симонян А.Е., 2011. Рисунки с зооморфными мотивами на керамических сосудах из кургана 7 некрополя эпохи средней бронзы (19–18 вв. до н.э.) – Неркин Навер // материалы междунар. науч. конф. Ереван: Биологическое разнообразие и проблемы охраны фауны Кавказа. С. 192–194.

Мартиросян А.А., 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.

Мнацаканян А.О., 1965. Основные этапы развития материальной культуры Лчашена // ИФЖ. № 2. (на арм. яз.; рус. резюме)

Нариманашвили Г., 2009. Новые открытия в триалетской культуре. Tбилиси. (на груз. яз.)

Овсепян Р.А., 2003. Археокарпологический анализ экскрементов травоядного животного из кургана № 1 могильника Неркин Навер // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Ереван. С. 68–71.

Оганесян В.Э., 1988. Серебряный кубок из Карашамба // ИФЖ. № 4. С. 145–161.

Оганесян В.Э., 1990. Культура первой половины II тыс. до н.э. в среднем течении реки Раздан: дис ... канд. ист. наук. Ереван.

Пиотровский Б.Б., 1949. Археология Закавказья с древнейших времен до 1 тысячелетия до н.э. Ленинград.

Пицхелаури К.Н., 1987. Центральное Закавказье в конце III и начале II тыс. до н.э. // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии: материалы симпозиума «Кавказ и юго-восточная Европа в эпоху раннего металла», Телави–Сигнахи, 1983. Тбилиси. С. 21–26.

Путуридзе М.Ш., 1983. Культура эпохи средней бронзы Центрального и Восточного Закавказья и ее локальные варианты (триалетская культура): автореф. дис ... канд. ист. наук. Тбилиси.

Резепкин А.Д., 1987. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободная // КСИА. Вып. 192. М. С. 26–32.

Елизаренкова Т.Л., 1989. Ригведа. Мандалы I–IV. М.

Саркисян Г.М., 1987. Раскопки памятника «Газаноц» // Научная сессия, посвященной итогам полевых археологических работ в 1985–1986 гг. в Арм. ССР. Тезисы докладов. Ереван. С. 19–20. (на арм. яз.)

Симонян А.Е., 1987. Культурный процесс в эпоху средней бронзы Армянского нагорья и Южного Кавказа // Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху: тез. докл. респ. совещания. Ашхабад. С. 69–71.

Симонян А.Е., 2004. «Царское» погребение эпохи средней бронзы из могильника Неркин Навер // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Тбилиси. С. 126–127.

Симонян А.Е., 2006. Верин Навер. Кн. I: Результаты раскопок 1976–1990 гг. Ереван. (на арм. яз.; англ. и рус. резюме)

Симонян А.Е., 2010. Древнеарийские традиции в погребальном ритуале Армении эпохи бронзового века // На пути открытия цивилизации: сб. ст. к 80-летию В.И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3. Санкт-Петербург. С. 621–638.

Симонян А.Е., 2011. К вопросу об этимологии термина «Нав» // «Культура моря – культура человечества в диалоге цивилизаций»: сб. материалов науч. конф. (14–16 мая 2010 г.) посвящ. 25-летию клуба морских исследований «Айас». Ереван. С. 279–282.

Симонян А.Е., 2012. Армения и международная торговля в эпоху ранней бронзы // Цивилизационный вклад Армении в историю шелкового пути: материалы междунар. науч. конф., 21–23 нояб. 2011 г. Ереван. С. 18–37. (Հայաստանը և միջազգային առևտուրը վաղ բրոնզի դարում // Միջազգային գիտաժողով «Հայաստանի քաղաքակրթական ավանդը մետաքսի ճանապարհի պատմության մեջ». Երևան. էջ 18–37).

Симонян А.Е., 2016. Հայ գորգի ակունքները // The sources of the Armenian carpet / The origins of the Armenian carpet-weaving. P. 318–329.

Ханзадян Э.В., 1969. Гарни IV. Ереван. (на арм. яз.; рус. резюме)

Шилов Ю., 1990. Космические тайны курганов. Москва.

Шишлина Н.И., Егорьков А.Н., Шортланд А., 2010. Происхождение и производство фаянсовых бус в северо-западном Прикаспии в бронзовом веке // На пути открытия цивилизации: сб. ст. к 80-летию В.И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3. Санкт-Петербург. С. 639–655.

Simonyan H.E., 2015. Observations of the Armenian-American joint expedition of Shengavit // Fundamental Armenology. No. 2. P. 148–183.

H.Y. Simonyan

NERKIN NAVER – A COMPLEX OF ARCHAEOLOGICAL SITES FROM THE MIDDLE BRONZE AGE TO THE BEGINNING OF MEDIEVAL PERIOD

Abstract. One of the core sites of the Middle Bronze Age in Armenia is the recently excavated Nerkin Naver burial site. The paper presents the first summary of the Nerkin Naver materials. Its comprehensive investigation which included the spectral and chemical analyses of artifacts, the radiocarbon, anthropological, odontological, zoological, spore and pollen analyses as well as restoration of archaeological finds is a crucial key to categorizing this grave site as one of major sites dated to the Middle Bronze early stage in the South Caucasus. The study of subsequent strata demonstrates that traditions of the Indo-European funerary rite in the region of Aragatsotn marz persisted without substantial changes from 2400 BC to 4th century AD.

Keywords: kurgans of the Middle Bronze Age; horse breeding; 'towers of silence'; temple complex; 'megarian cup'.

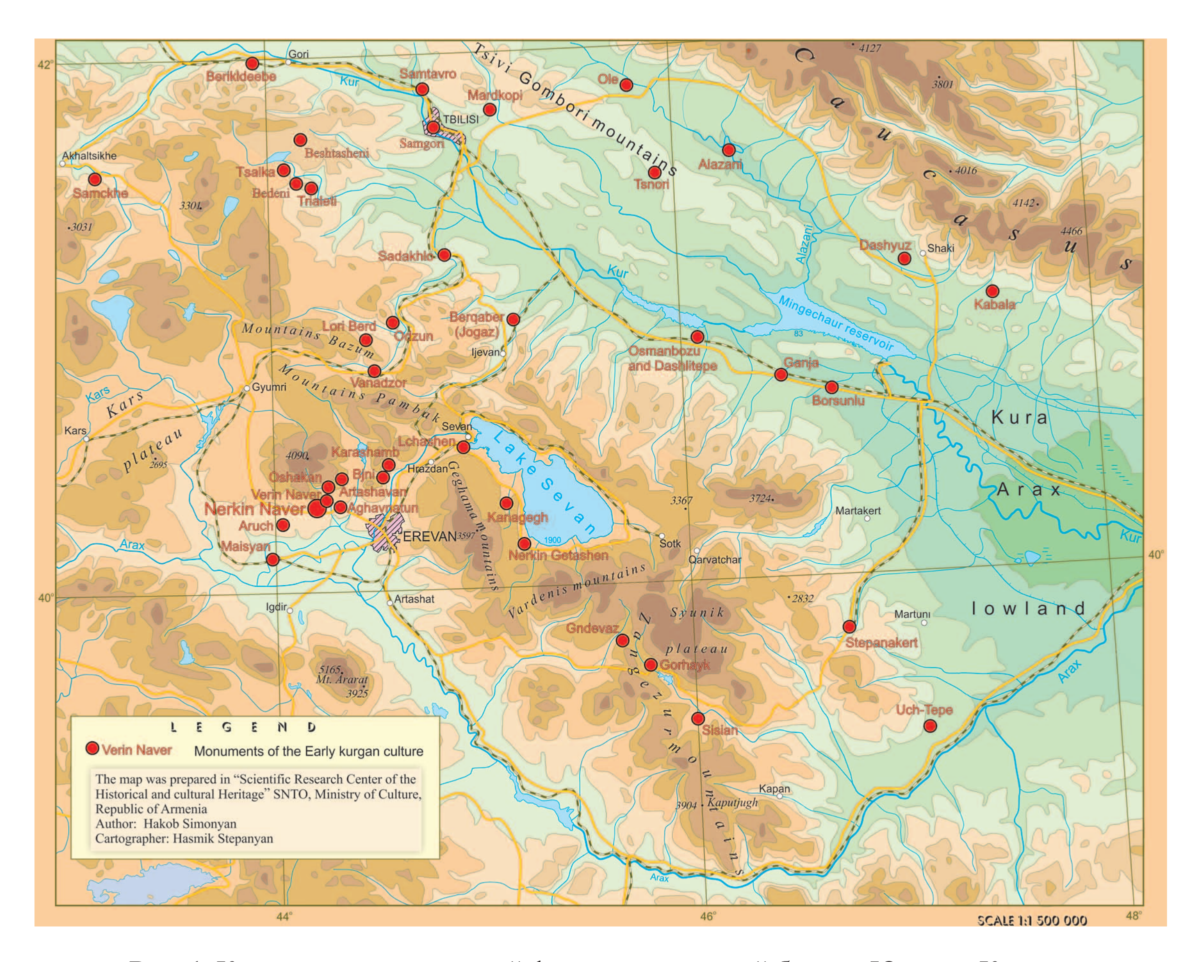

Рис. 1. Карта памятников ранней фазы эпохи средней бронзы Южного Кавказа

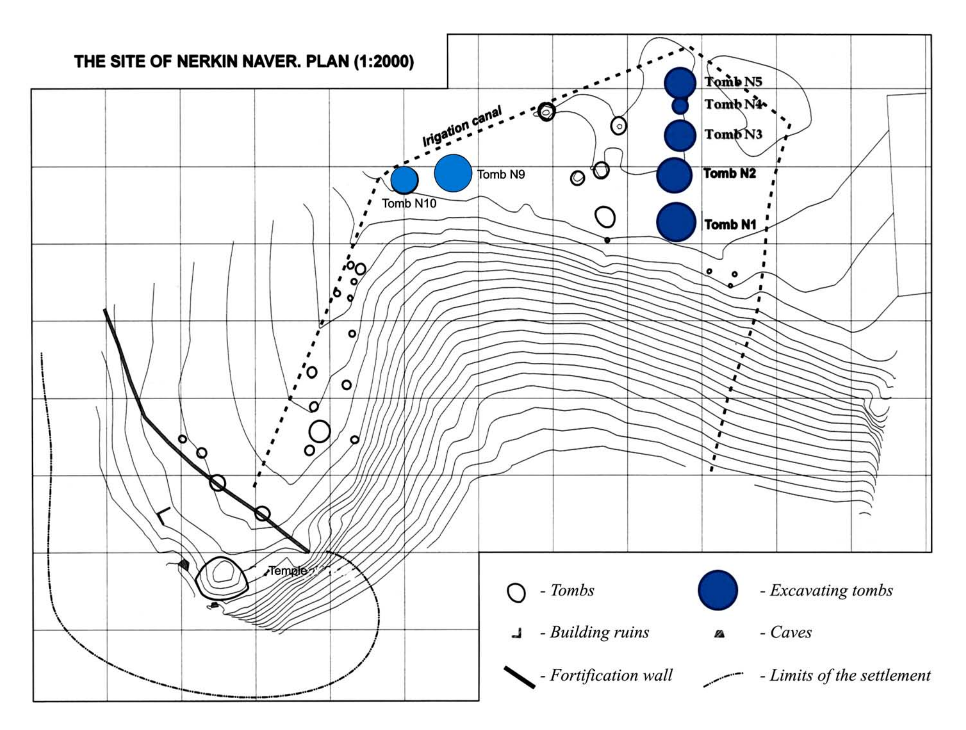

Рис. 2. План могильника Неркин Навер

Рис. 3. Курганы Неркин Навера

Рис. 4. Расписная гидрия из кургана № 7 могильника Неркин Навер с изображением табуна лошадей

Рис. 5. Расписная гидрия из кургана № 7 могильника Неркин Навер
с изображением горных козлов и баранов

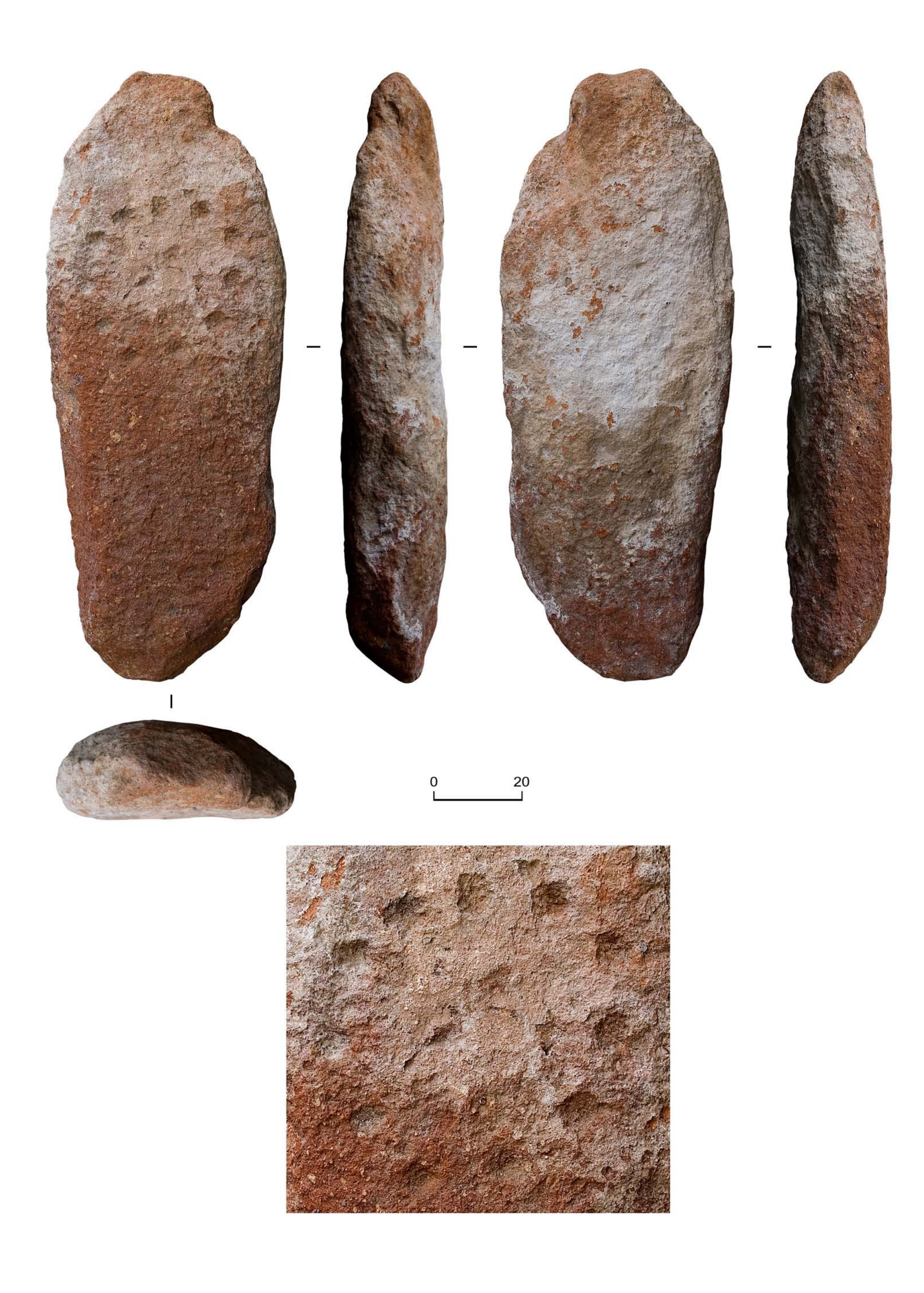

Рис. 6. Антопоморфное изваяние из туфа. Гробница № 5Г могильника Неркин Навер

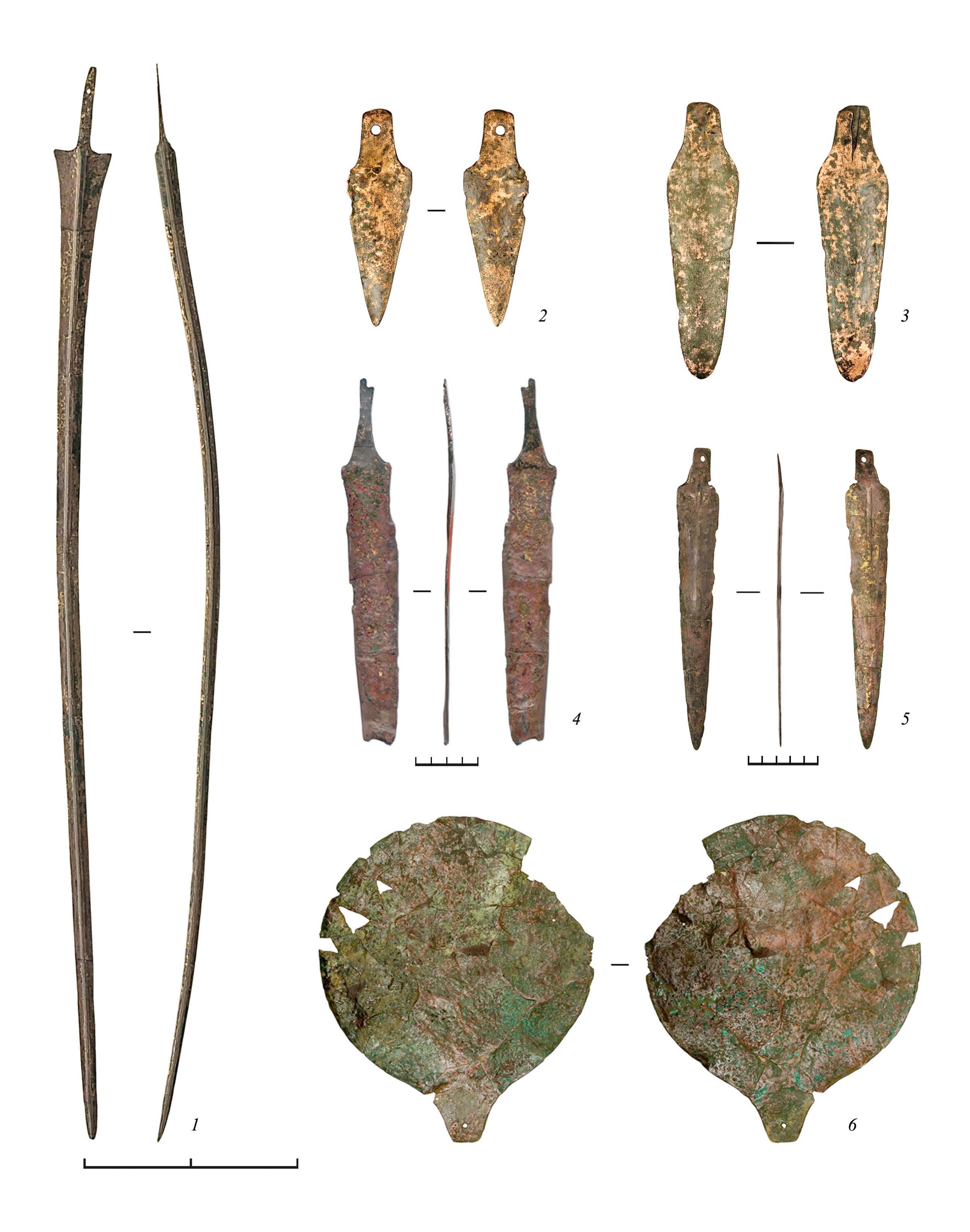

Рис. 7. Бронзовое оружие и штандарт из курганов эпохи средней бронзы могильника Неркин Навер:
1 – рапира, курган № 3; *2* – кинжальчик, курган № 2; *3* – кинжал, курган № 4;
4 – нож с изогнутым черенком, курган № 1; *5* – кинжал, курган № 3; *6* – штандарт, курган № 4

Рис. 8. Ожерелье из золотых бус. Гробница № 1 могильника Неркин Навер

Рис. 9. *1* – стеклянные бородавчатые бусы; *2* – бронзовый стержень булавки;
3–5 – кости рыб из кургана № 3, могильника Неркин Навер

Рис. 10. План гробницы № 1 могильника Неркин Навер

Рис. 11. Расписной кубок из гробницы № 5А могильника Неркин Навер

Рис. 12. «Мегарская» чаша из эллинистической гробницы № 8 вблизи храмового комплекса

Раздел III

МЕСОПОТАМИЯ И АНАТОЛИЯ

M. Le Mière, V. Thirion-Merle

PROTO-HASSUNA POTTERY FROM TELL KHAZNA II REVISITED

***Abstract*.** Since Tell Khazna II was first published, new investigations and new publications have better documented Pottery Neolithic in the Khabur basin and, more largely, in northern Mesopotamia. Hence it seemed worth presenting a detailed study, including chemical analyses, of Tell Khazna II Proto-Hassuna pottery and revisiting it in the light of the new data.

***Keywords*:** Syria; Khabur basin; Neolithic; Proto-Hassuna; pottery; chemical analyses.

Introduction

Tell Khazna II was investigated in 1991 and 1992 by the Expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Russia in Syria, directed by Professor Rauf M. Munchaev (Munchaev et al., 1993). It is situated 25 km north-east of Hassake and 1 km from Tell Khazna I, a large Bronze Age site, which was the main excavation of the expedition, begun in 1988 (Fig. 1). The excavation at Tell Khazna II was limited to a trench 18 m long and 2.5 m wide, enlarged to 5 m wide in 1992. A Proto-Hassuna occupation was identified through comparison with the sites investigated in the seventies by the same Expedition of the Archaeological Institute, directed by Professor R.M. Munchaev – Yarim Tepe I (Munchaev, Merpert, 1981), Tell Sotto and Kültepe (Bader, 1989) – which, being within a few kilometres from each other, together provided a Proto-Hassuna and Hassuna sequence. The Proto-Hassuna levels were 3 m thick and covered by a Halaf level and other later levels. The main finds in the Proto-Hassuna levels were a child burial in a jar, and a significant collection of pottery upon which this contribution is focused.

Since Tell Khazna II was first reported, the Pottery Neolithic in the Khabur basin and more generally in northern Mesopotamia has been better researched by new investigations: surveys in the Jebel Abd el Aziz (Hole, 2001) and around Tell Beydar (Nieuwenhuyse, Wilkinson, 2008), excavations at Tell Boueid II (Suleiman and Nieuwenhuyse, 2002), Tell Seker el-Aheimar (Nishiaki, Le Mière, 2005), Hakemi Use in the Tigris basin (Tekin, 2013) and new publications (Le Mière, 2000). In the light of this available new data it would appear worthwhile to revisit the Proto-Hassuna pottery from Tell Khazna II.

Characterization of the material

Of the 1427 sherds registered in the field (Munchaev et al., 1993), 702 are considered here and studied in detail. The intention of the study was to closely compare the Proto-Hassuna pottery from Tell Khazna II with the material from other Proto-Hassuna sites of the Khabur Basin and from the Sinjar region that had been studied in the same way[1].

This material is not very abundant and quite homogeneous, as shown by a preliminary study, therefore it has been studied as a whole and not according to stratigraphical units.

Three wares already identified at other sites, Dark-Faced Burnished Ware, Grey-Black Ware and Orange Ware, will be described separately from the bulk of the pottery because they are quite unusual in many respects. The remaining material is highly variable and no characteristic or combination of characteristics can be used to define *a priori* wares or categories. For this reason all the pottery not belonging to one of the three wares mentioned above will be studied as one set, in order to

[1] Because of the simple, often uneven and mostly non-standardized nature of the early Neolithic pottery, proper types are difficult to determine; a description sherd by sherd and a quantitative treatment of the data are necessary to provide an accurate account of this material (system of description in Le Mière, Nieuwenhuyse 1996, P. 123–125).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.295-310

characterize it as clearly as possible and to determine categories should they exist. This pottery represents over 90% of the pottery collection and is provisionally called the “bulk” (Table 1).

Fabrics

The “bulk”

This group consists of 654 sherds. About 97% of them contain plant inclusions (Table 2).

It should be mentioned that the number of sherds containing no plant inclusions is so low (19) that it prevents accurate characterization of this group of pottery as well as reliable comparisons with the other groups. Of the plant-tempered pottery, 40% contains small-sized plant inclusions. Mineral inclusions are not visible in more than 90% of the material. The surface colour is mainly pink/reddish (53%) or beige/buff (42%). Up to 62% of the sherds have a grey core, which is usually related to the presence of plant inclusions. The thickness of the walls ranges from 4 to 22 mm (m=10.6). Surface treatments include smoothing (37%), burnishing (24%) and, the most sophisticated, red-slipping (38%). Red-slipped pottery is mostly burnished (94%).

The presence/absence of plant inclusions is usually the main criterion for differentiation of coarse ware from fine ware, but it has already been proved at several sites that fineness cannot be defined only by the absence of plant inclusions (Le Mière, Nieuwenhuyse, 1996. P. 139; Le Mière, 2001. P. 190). At Tell Khazna II the very high percentage of plant-tempered sherds also brings into question the pertinence of this criterion; when other criteria such as the size of plant inclusions as well as thickness and surface treatment are combined, a part of the plant-tempered pottery can be considered “fine”: pottery with small plant inclusions is much more frequently red-slipped (55.9%) than pottery with large inclusions (25.9%), whereas it is the reverse for smoothing (24.1% / 45.5%) when both groups are burnished in roughly the same proportion (20.0% / 25.9%). The average thickness of pottery with small plant inclusions is only 8.7 mm, comparable to the average 8.2 mm thickness of the pottery without plant inclusions, whereas it is 12.1 mm for pottery with large inclusions. It is interesting to observe that decoration, usually a characteristic of fineness, is equally frequent on all plant-tempered pottery whatever the size of the plant inclusions.

Dark-Faced Burnished Ware (DFBW)

First identified and named by R.J. Braidwood for the Amuq Plain material (Braidwood R.J., Braidwood L.S., 1960. P. 49), Dark-Faced Burnished Ware has already been found at many other sites (Le Mière, Picon, 1987; Bader et al., 1994; Le Mière, 2000; Le Mière, 2001). The four Tell Khazna II DFBW sherds present the usual characteristic of this ware: the fabric contains no or only rare plant inclusions but does contain large or very large mineral inclusions (over 1 mm); the fabric and the surface are dark in colour, which is due to the chemical composition of the clay, very low in calcium and very high in iron (see below), and not to any intentional darkening (Le Mière et al., 2017); the surface is burnished, or both red-slipped and burnished in one case, a neck; thickness ranges from 6 to 9 mm.

Grey-Black Ware

Grey-Black Ware is defined by its dark surface, black or grey, but unlike the dark DFBW, it is the result of a deliberate darkening obtained by a reducing atmosphere in the final stage of the firing process (Le Mière et al., 2017). It is also characterised by its fine fabric, which contains no plant inclusions, or, in a few cases, rare and small ones, and non-visible mineral inclusions, the careful burnishing of the surface and the thinness of its walls, ranging from 4 to 9 mm (m=5.9 mm).

Table 1. Amount of the “bulk” and the wares.

	“Bulk”	**Dark-Faced Burnished Ware**	**Grey-Black Ware**	**Orange Ware**	**Total**
Frequency	654	4	22	22	702
Percentage	93.2	0.6	3.1	3.1	100

Table 2. Presence and size of plant inclusions of “the bulk” (Small plant inclusions: diameter cannot be measured by naked eye).

	No plant inclusions	**Large plant inclusions**	**Small plant inclusions**	**Total**
Amount	19	389	240	648
Percentage	2.9	60.0	37.0	

Orange Ware

Orange Ware was first identified at Tell Sabi Abyad (Le Mière, Nieuwenhuyse, 1996). It is technologically variable in all its characteristics: presence or absence of plant inclusions, size, quantity and type of mineral inclusions, surface treatment. Even the colour of the fabric and/or the surface from which the ware takes its name can be variable, and the decoration as well. This ware is difficult to define precisely and is best identified by chemical analysis (see below). However, Tell Khazna II Orange Ware presents the following characteristics: it contains either no plant inclusions or they are small and rare; mineral inclusions are abundant and very large, over 1 mm and in several cases over 5 mm; this ware is mostly burnished but sometimes only smoothed, and red-slipped in one case; the thickness ranges from 6 to 11.5 mm (m=8.5); an orange colour is the most common, as well as red/pink.

***Shape* (Fig. 2 – 6)**

No complete pot or complete profile has been recovered. Proto-Hassuna pottery shapes at Tell Khazna II are characterized by flat bottoms, no predominance of closed, vertical or open shapes, the presence of carination on about 8% of the sherds, a very large proportion of convex walls, concave and straight walls making up only about 10% and 7% respectively; necks are quite common, present in 16% of the sherds; 2 lugs were found. The typical Proto-Hassuna shape, combining carination with concave body shape above and/or below the carination, is represented by only 9 examples. Husking trays are present at Tell Khazna II: 5 sherds with ridged wall and 6 base sherds, 2 of them finger-impressed and 4 ridged.

The three wares do not present particular shapes, except for Grey-Black Ware, which possesses a rather large number of carinations, although this data should be considered with caution, given the small amount of sherds of this ware.

Decoration

The Proto-Hassuna pottery of Tell Khazna II is decorated by painting with three exceptions: two plastic decorations, one a knob and one V-shaped, and a knob decorated with painting only found as traces. The painted sherds (175) represent 25% of the material, the decoration being red or brown. In 40 examples the motif is unknown, because only traces remain, or it is too fragmentary or not clear enough to be identified. All the identified motifs are geometric (Fig. 7): simple bands along the inner and/or outer rim, at the base of the neck or along carination; plain or hatched, sometimes alternating, triangles; chevrons; cross-hatching. The organization of patterns visible on larger sherds presents mostly several superimposed rows of triangles.

No decoration was found either on the few DFBW sherds or on Grey-Black Ware sherds. Painted decoration is extremely frequent on Orange Ware, present on 15 of the 22 samples, one of them combining plastic decoration with painting, as mentioned above. This ware does not present specific motives.

Chemical analyses

The results of the chemical analyses of the Proto Hassuna pottery at Tell Khazna II, briefly mentioned in previous publications (Le Mière, 2000; Le Mière, Picon, 2008), will be presented here in detail.

A sampling of 28 pottery sherds discovered at Tell Khazna II was analysed by X-ray fluorescence spectrometry[2]. It consists of 7 sherds containing large plant inclusions (Coarse Ware), 11 sherds with small plant inclusions (Coarse/Fine Ware), 2 sherds containing no plant inclusions (Fine Ware), 2 Dark-Faced Burnished Ware sherds, 3 Grey-Black Ware sherds and 3 Orange Ware sherds. One clay sample found in the wadi running along the tell was also chemically characterized in order to help identify the local productions.

Classification of Proto-Hassuna pottery at Tell Khazna II

Based on the chemical composition, the classification[3] of the 28 analysed samples from the Tell Khazna II pottery as well as of the clay sample presents 3 groups, called A, B and C (Fig. 8).

---

[2] The analytical method applied was Wavelength Dispersive X-Ray Fluorescence Spectrometry (WD-XRF), according to the standard procedures of the Archaeology and Archaeometry Laboratory (CNRS–University of Lyon). This analysis provides the bulk chemical composition of the pottery (matrix and sandy fraction) and thus the material used in its manufacture (Thirion-Merle, 2014; Picon, Le Mière, 1987). Measurement was carried out on glass tablets of homogenous composition containing 800 mg of powdered sample mixed with fluxes. For each sample, twenty or twenty-four (for the most recently analysed samples) components were determined, 10 of them major (Na_2O, MgO, Al_2O_3, SiO_2, P_2O_5, K_2O, CaO, TiO_2, MnO, Fe_2O_3) and 14 of them traces (V, Cr, Ni, Zn, Rb, Sr, Zr, Ba, La, Ce, Cu, Y, Pb and Th).

[3] The cluster analysis used here is a statistical treatment using Euclidian distances, calculated in this case based on seventeen chemical components (Na, P, La, Y, Th, Pb and Cu have not been used because they are not relevant or because their analysis is below the quantitative limit). The dendrogram produced represents the relative distances between samples, where the most similar samples are the least distant from each other (see: Picon 1984; Baxter 1994). Thus, on the dendrogram there are clusters of individual components of similar composition, all the more similar the lower the line that links them is situated in the figure.

Group A is the largest, containing 24 of the 29 analyzed samples. It is composed of calcareous pottery (Table 3).

All the samples of Coarse Ware, Coarse/Fine Ware, the few Fine Ware samples as well as those of Grey-Black Ware are gathered in this group.

We note that this group can be divided into several sub-groups (based notably on the calcium content). None of the four categories (Coarse Ware, Coarse/Fine Ware, Fine Ware and Grey-Black Ware) constitute any separate groups. The diverse sub-groups very probably represent various local productions since they all include samples of plant-tempered ware, generally considered to be local products, and the clay sample also belongs to one of these sub-groups. Although the composition of the clay does not correspond exactly to that of the pottery (it is isolated on the dendrogram), it presents common characteristics and thus supports the local character of this group. Indeed, the Grey-Black Ware samples are grouped together in the first part of the dendrogram but they possess compositions very similar to those of the other samples of Group A and were probably locally produced as was the entire group.

The two other groups are comprised of pottery with non-calcareous paste, each presenting a very specific composition (Table 3). Each group also includes all samples of a single category of pottery. Group B is composed of 3 Orange Ware samples and Group C of 2 Dark-Faced Burnished Ware (DFBW) samples.

This last group presents a very peculiar chemical composition characterized by high contents of iron and correlated vanadium, very high magnesium content, notably high chromium and nickel contents, which is typical of clays found in ophiolitic areas. This type of clay does not exist in the surroundings of Tell Khazna. We also observe very low concentrations of titanium for these DFBW samples, a very peculiar characteristic for clays from ophiolitic areas, suggesting a rather limited area. These different compositional characteristics have been already observed for DFBW found at numerous other sites, not only in the Khabur valley (Boueid, Raheke, Khashkasok), but also on sites in the Tigris valley (Hakemi Use), in the Balikh valley (Sabi Abyad) and in the Euphrates valley at Bouqras. When DFBW from Tell Khazna II is compared to DFBW from all these sites, the same type of composition is observed, although there is a certain heterogeneity, which suggests that several workshops existed in the same rather restricted ophiolitic area. Such geological environments can be found in northern Syria, along the Mediterranean coast and in southern Turkey along the Taurus. Thus the pottery of this group was imported to Tell Khazna II as it was to many other sites (Picon, Le Mière, 1987; Le Mière, Picon, 1987; Bader et al., 1994).

The compositions of the 3 Orange Ware samples that constitute group B differ from those of group A, particularly in calcium content since they are non-calcareous, but mostly in their high content of titanium, rubidium and low content in magnesium, chromium and nickel (Table 3). This pottery presenting some peculiar characteristics (see p. 300) has been found at numerous sites of the Balikh and Khabur valleys and also, farther south in the Euphrates valley, at Tell Bouqras (Le Mière, 2000; Le Mière, Picon, 2006). The compositions of all the analyzed Orange Ware samples from the various sites are very similar, but they do not form a unique homogenous group. At least 4 groups have been identified that suggest the existence of several workshops or production centres of Orange Ware, but all are located in the same geological region. We have observed that the three samples from Tell Khazna II belong to only one of these 4 groups. They probably come from the same production centre. Furthermore, the compositions of Orange Ware differ from those of the pottery produced in the Balikh, Khabur and Euphrates valleys and also from those produced in the Sinjar. The location of the Orange Ware production centres remains unknown so far (Le Mière, 2000; Le Mière, Picon, 2008).

Discussion

The detailed description presented above is intended first to recognize other categories besides the three wares so far identified. Among the various characteristics, the size of plant inclusions appears to be significant in the distinction between coarser and finer pottery, though it is not an exclusive criterion that would determine a specific ware. The chemical analyses do not present specific chemical compositions related to the size of plant inclusions.

The other intention of this description was to obtain a precise picture of the Proto-Hassuna pottery assemblage at Tell Khazna II, in order to place it within the development of Proto-Hassuna pottery in the Khabur basin and more generally in upper Mesopotamia. Data concerning Neolithic pottery in the Khabur Basin has increased notably since Tell Khazna II was investigated, although excavated sites are still rather few: the discovery of a new type of pottery predating the Proto-Hassuna at Tell Seker al-Aheimar, provisionally named "Pre-Proto-Hassuna" (Nishiaki, Le Mière, 2005), has extended the Neolithic pottery sequence in this region; the occurrence at this site of a continuous sequence covering the late PPNB up to the Proto-Hassuna period has provided data for investigation of the origin and first

Table 3. Mean and standard deviation of the compositional groups A, B of Tell Khazna sampling, and chemical composition of the 2 samples of DFBW (group C) (majors are given in percentage of oxide, traces in parts per million of metal)

Group A (n=24)

	CaO	Fe_2O_3	TiO_2	K_2O	SiO_2	Al_2O_3	MgO	MnO	Na_2O	P_2O_5	Zr	Sr	Rb	Zn	Cr	Ni	La	Ba	V	Ce
	weight %										ppm									
mean	20,44	6,26	0,855	3,05	51,08	12,16	4,61	0,1170	0,95	0,24	219	910	65	96	285	147	nc	351	124	72
s	3,20	0,54	0,102	0,54	1,83	1,01	0,44	0,0091	0,29	0,05	15	569	11	9	42	19	nc	129	13	5
s%	16	9	12	18	4	8	10	8	31	20	7	62	17	9	15	13	nc	37	10	6

nc : not calculated

Group B / Orange Ware (n=3)

	CaO	Fe_2O_3	TiO_2	K_2O	SiO_2	Al_2O_3	MgO	MnO	Na_2O	P_2O_5	Zr	Sr	Rb	Zn	Cr	Ni	La	Ba	V	Ce
	weight %										ppm									
mean	4,08	6,32	1,377	4,18	61,29	20,61	1,49	0,0349	nc	0,35	308	353	151	54	126	73	66	391	159	98
s	1,66	0,70	0,033	0,50	1,14	2,23	0,22	0,0086	nc	0,08	31	36	20	4	12	20	10	75	15	6
s%	41	11	2	12	2	11	15	25	nc	22	10	10	13	8	9	27	15	19	10	6

Group C = DFBW

	CaO	Fe_2O_3	TiO_2	K_2O	SiO_2	Al_2O_3	MgO	MnO	Na_2O	P_2O_5	Zr	Sr	Rb	Zn	Cr	Ni	La	Ba	V	Ce
	weight %										ppm									
KHA 11	4,38	9,46	0,334	2,20	54,47	19,90	8,15	0,1349	0,65	0,19	62	187	28	76	369	227	<l.q.	110	186	26
KHA 29	5,44	10,05	0,328	0,96	53,69	19,34	8,97	0,1480	0,77	0,17	54	144	24	81	488	257	<l.q.	100	183	31

l.q.: quantitative limit

development of the Proto-Hassuna (Le Mière, 2013a). The excavation of Tell Boueid II by A. Suleiman (Suleiman, Nieuwenhuyse, 2002) as well as new research at Tell Chagar Bazar (Cruells, 2006) have brought to light later phases of the Proto-Hassuna and the transition to Halaf.

A short summary of the results provided by these new data will be presented, mainly the results relevant to Tell Khazna II's position. It is observed so far that in the earliest stage (Pre-Proto-Hassuna) the pottery found in the Khabur basin is mineral-tempered, with large or very large and abundant inclusions. It was progressively replaced by plant-tempered pottery in very large quantities (over 90%) associated with a very small group of mineral-tempered pottery with small or medium inclusions, as well as a small amount of Grey-Black Ware. This typical Proto-Hassuna assemblage was later complemented by Dark-Faced Burnished Ware in small quantities: not present at Tell Seker al-Aheimar DFBW is part of Tell Kashkashok assemblage and suggests a later phase of Proto-Hassuna, which is supported by the presence at this site of a few Orange Ware sherds.

As mentioned above, Orange Ware was first identified at Tell Sabi Abyad in the Balikh valley, in the levels of transition from Pre-Halaf to Halaf. The Balikh valley is not included in the Proto-Hassuna region but in the Pre-Halaf region (Le Mière, Picon, 1998). But, after a stage of separate development, the Pre-Halaf and the Proto-Hassuna pottery show the same development in the period of transition to Halaf (Le Mière, 2013b). In the absence of a site with a sequence covering Proto-Hassuna and the transition to Halaf in the Khabur valley, the Tell Sabi Abyad sequence can be used. At this site Orange Ware appears together with other new wares, mainly Standard Fine Ware, also mentioned as Samarra Ware. Both Orange Ware and Samarra Ware were found at the uni-level site of Tell Boueid II, together with plant-tempered pottery (70%) and Dark-Faced Burnished Ware. Because of a rather low percentage of Samarra Ware, the Tell Boueid II assemblage matches that of the earliest transition level at Tell Sabi Abyad. The earliest occupation at Tell Chagar Bazar is a late stage of this transition (or Proto-Halaf) with a pottery assemblage mainly composed of Standard Fine Ware/ Samarra Ware (Cruells, Nieuwenhuyse, 2004).

The characteristic Proto-Hassuna shapes are those with carinations and concave body shapes. These are present in the Pre-Proto-Hassuna wares, proving the local development of Proto-Hassuna in the Khabur basin. A few necks appear at Tell Seker al-Aheimar but only in a second stage of Proto-Hassuna; they are present at Tell Kashkashok but in small quantities. The later development of Proto-Hassuna shapes can be better observed in the Sinjar sequence mentioned above. Carinated vessels progressively disappear as well as concave body shapes and are replaced by necked globular shapes typical of the Hassuna period, particularly those with straight vertical necks.

In the search for the exact place of Tell Khazna II pottery in the Proto-Hassuna sequence some elements are determinant, not only by their presence/absence but also, for some of them, by their proportion in the assemblage. Because of the high percentage of its plant-tempered pottery, the Tell Khazna II assemblage is still Proto-Hassuna, but because of the rather low percentage of carinations and concave body shapes as well as the high frequency of necks it represents a late stage of Proto-Hassuna. The presence of Orange Ware could even suggest that the transition to Halaf is represented at the site, but the absence of Samarra Ware is a matter of discussion. Orange Ware presents a specific picture in the Khabur basin where it appears early since it is already present at Tell Kashkashok II where the pottery does not present the shape characteristics of late Proto-Hassuna, and it is more abundant at Tell Boueid II than at any other site in upper Mesopotamia. Although the chemical analyses have not so far provided proof of its origin in this region, this hypothesis should still be considered.

According to the results of chemical analyses a local production is attested at Tell Khazna II, but the presence of two types of imported material also shows that the site was not isolated and had its place in the well-developed network of connections and pottery exchange in upper Mesopotamia.

Acknowledgements

We are very grateful to Pr. R.M. Munchaev for allowing us to study Tell Khazna II pottery. We would like also to thank the Syrian Directorate of Antiquities and Museum for giving permission to export samples for the chemical analyses.

BIBLIOGRAPHY

Bader, N., Bashilov, V., Le Mière, M., Picon, M., 1994. Productions locales et importations de céramique sur les sites du Djebel Sinjar au VIe millénaire B.C. Paléorient. 20/1. P. 61–68.

Bashilov, V.A., Bolshakov, O.G., Kuza, A.V., 1980. The earliest strata of Yarim Tepe I. Sumer 36, P. 43–64.

Braidwood, R.J., Braidwoood L.S., 1960. Excavations in the Plain of Antioch I. Chicago (O.I.P. 56).

Cruells, W., 2006. La poterie. In Chagar Bazar (Syrie) I: Les sondages préhistoriques (1999–2001) / Ö. Tunca, A. Baghdo and W. Cruells (eds.). Leuwen. P. 25–80.

Cruells, W., Nieuwenhuyse, O., 2004. The Proto-Halaf period in Syria. New sites, new data // Paléorient 30/1. P. 47–68.

Hole, F., 2001. A radiocarbon chronology for the Middle Khabur, Syria // Iraq LXIII. P. 67–98.

Le Mière, M., 2000. L'occupation Proto-Hassuna du Haut-Khabur occidental d'après la céramique / B. Lyonnet (éd.), Prospection archéologique du Haut-Khabur occidental (Syrie du N.E.). Beyrouth. P. 127–149.

Le Mière, M., 2001. The Neolithic pottery from Tell Kosak Shamali / Y. Nishiaki, M. Matsutani (eds,), Tell Kosak Samali, Vol.1. The Archaeological Investigations on the Upper Euphrates, Syria: Oxford. P. 179–211.

Le Mière, M., 2013a. Neolithic pottery from the Khabur basin ; a reassesment in the light of recent discoveries / Y. Nishiaki, K. Kaoru, M. Verhoeven (eds.), Neolithic Archaeology in the Khabur Valley, Upper Mesopotamia and Beyond. Berlin. P. 96–109.

Le Mière, M., 2013b. Uniformity and diversity of the pottery in the Jezirah and the Northern Levant during the early Pottery Neolithic / O.P. Nieuwenhuyse, R. Bernbeck, P.M.M.G. Akkermans, J. Rogash (eds.), Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia. Turnhout. P. 323–330.

Le Mière, M., Nieuwenhuyse O., 1996. The prehistoric pottery. In: Akkerman P.M.M.G., Tell Sabi Abyad, the Late Neolithic Settlement, Vol.1. Istanbul. P. 119–294.

Le Mière, M., Özbaşaran, M., Picon, M., 2017. Dark and light colour in Near Eastern pottery during its initial development / I. Mateiciucová, W. Cruells, O. Nieuwenhuyse (eds.), Painting Pots □ Painting People : Late Neolithic Ceramic in Ancient Mesopotamia. Oxford. P. 30–37.

Le Mière, M., Picon, M., 1987. Productions locales et circulation des céramiques au VIe millénaire au Proche-Orient // Paléorient 13/2. P. 133–147.

Le Mière, M., Picon, M., 1998. Les débuts de la céramique au Proche-Orient // Paléorient 24/2. P. 5–26.

Le Mière, M., Picon, M., 2008. A contribution to the discussion on the origins of the Halaf culture from the analyses of pottery / J. Cordóba, M. Molist, M.C. Pérez, I. Rubio, S. Martinez, Proceedings of the 5h International Congress on the Archaeology of Ancient Near East, Madrid, April 3–8, 2006. Madrid. P. 729–734.

Matsutani, T. (ed.), 1991. Tell Kashkashok, the Excavations at Tell No. II. Tokyo.

Munchaev, R.M., Merpert N.I., 1981. Early Agricultural Settlements in Northern Mesopotamia. Moscow (in Russian).

Munchaev R.M., Merpert, N.I., Bader, N.O., Amirov, Sh.N., 1993. Tell Khazna II. An early agricultural settlement in North-Eastern Syria (in Russian) // Rossiyskaya Arkheologiya, 1993 (4). P. 25–42.

Nieuwenhuyse, O.P., Wilkinson, T.J., 2008. Late Neolithic settlement in the Area of Tell Beydar (NE Syria) / M. Lebeau, A. Suleiman (eds.), Beydar Studies 1 – (Subartu XXI). Turnhout. P. 267–304.

Nishiaki, Y., Le Mière, M., 2005. The oldest Pottery Neolithic of Upper Mesopotamia: new evidence from Tell Seker al-Aheimar, the Upper Khabur, northeast Syria // Paléorient 31(2). P. 55–68.

Picon M,. 1984. Le traitement des données d'analyses // Datation-caractérisation des céramiques anciennes / T. Hackens and M. Schvoerer (eds.). Paris. P. 379–99 (PACT 10).

Picon, M., Le Mière, M., 1987. Géochimie des céramiques / J.-C. Miskovsky (éd.), Géologie de la préhistoire. Paris. P. 883–901.

Suleiman, A., Nieuwenhuyse, O., 2002. A Late Neolithic Village on the Middle Khabur (Syria). Turnhout. (Subartu XI).

Tekin, H., 2013. The contribution of Hakemi Use to the prehistory of Upper Mesopotamia / O.P. Nieuwenhuyse, R. Bernbeck, P.M.M.G. Akkermans, J. Rogash (eds.), Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia. Turnhout. P. 493–502 (PALMA 9).

Thirion-Merle, V., 2014. Spectrométrie de fluorescence X / P. Dillmann et L. Bellot-Gurlet (eds.), Circulation et provenance des matériaux dans les sociétés anciennes. Paris. P. 291–297.

Tunca, Ö., Baghdo, A., Cruells, W., (eds.) 2006. Chagar Bazar (Syrie) I. Les sondages préhistoriques 1999–2001. Leuven. (APHO 6).

М. Ле Мьер, В. Тирион-Мерль

ЕЩЕ РАЗ О ПРОТО-ХАССУНСКОЙ КЕРАМИКЕ ИЗ ТЕЛЛЯ ХАЗНА II

Резюме. После публикации первых материалов, обнаруженных на Телль Хазне II, новые исследования позволили более подробно представить керамический неолит в долине Хабура и, в целом, в Северной Месопотамии. В статье представлены новые результаты детального изучения прото-хассунской керамики из Телль Хазны II, включая химический анализ.

***Ключевые слова*:** Сирия; бассейн р. Хабур; неолит; прото-хассуна; керамика; химический анализ.

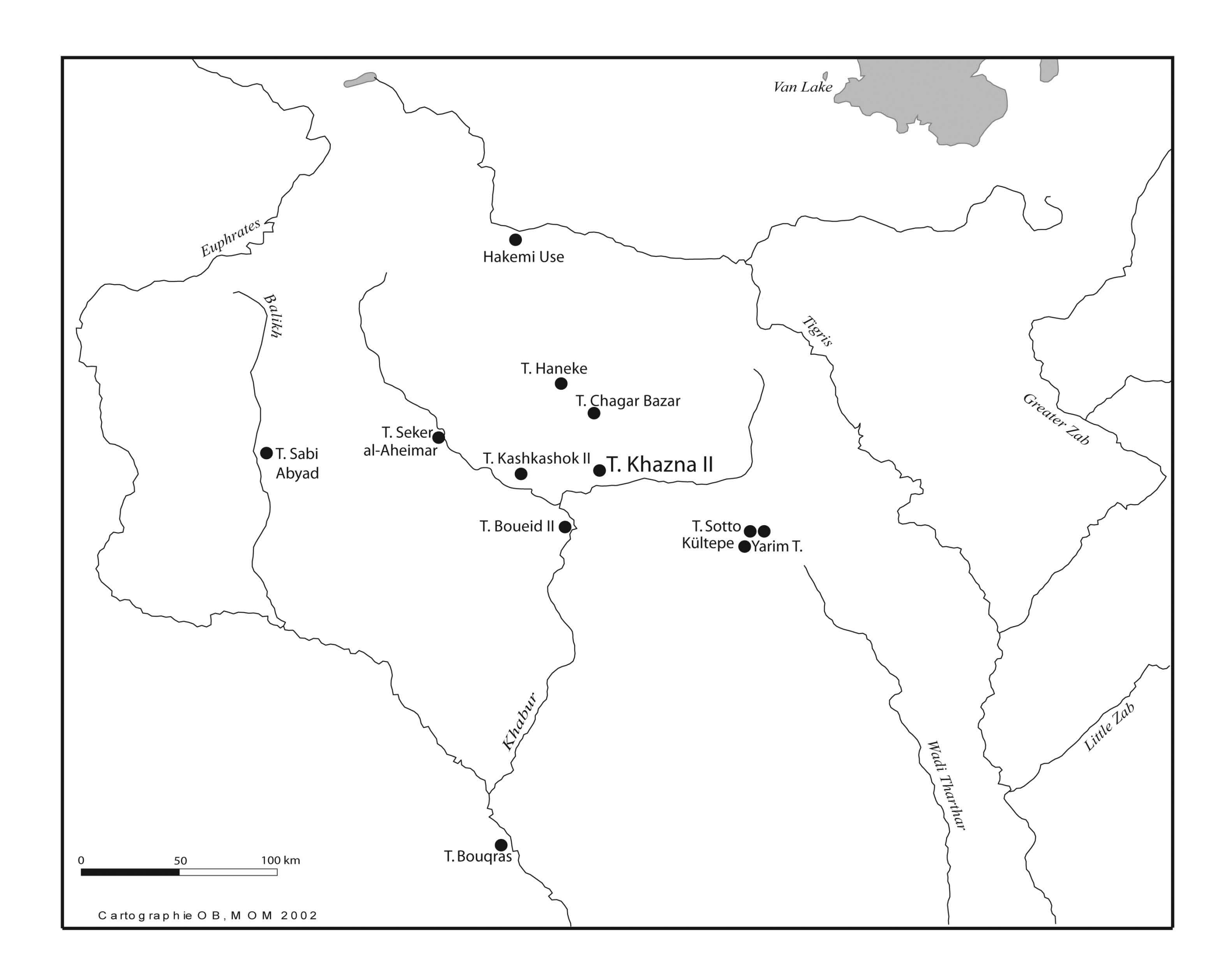

Fig. 1. Map showing the sites mentioned in the text

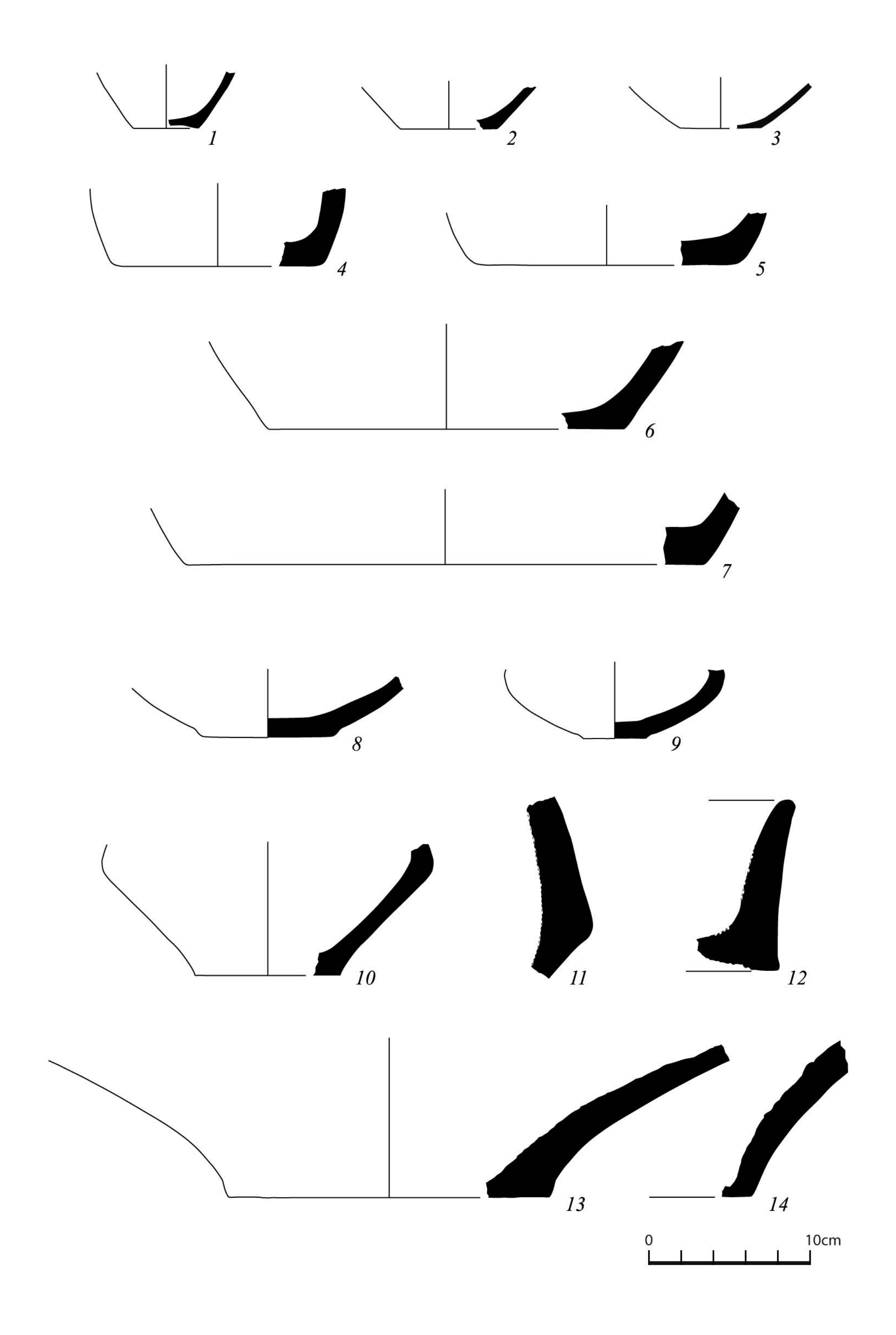

Fig. 2. Tell Khazna II Proto-Hassuna pottery - bottom shapes (n°1-3 Grey-Black Ware)

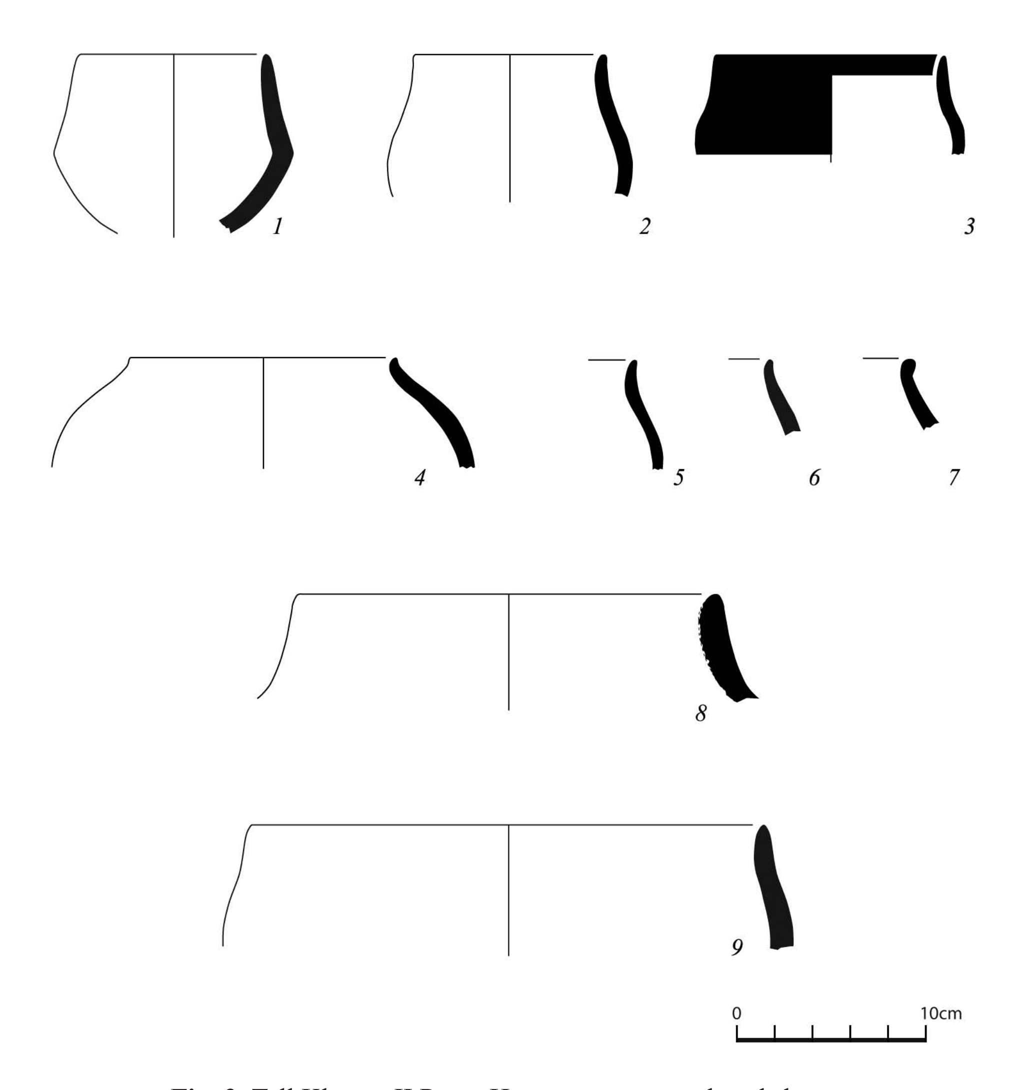

Fig. 3. Tell Khazna II Proto-Hassuna pottery - closed shapes

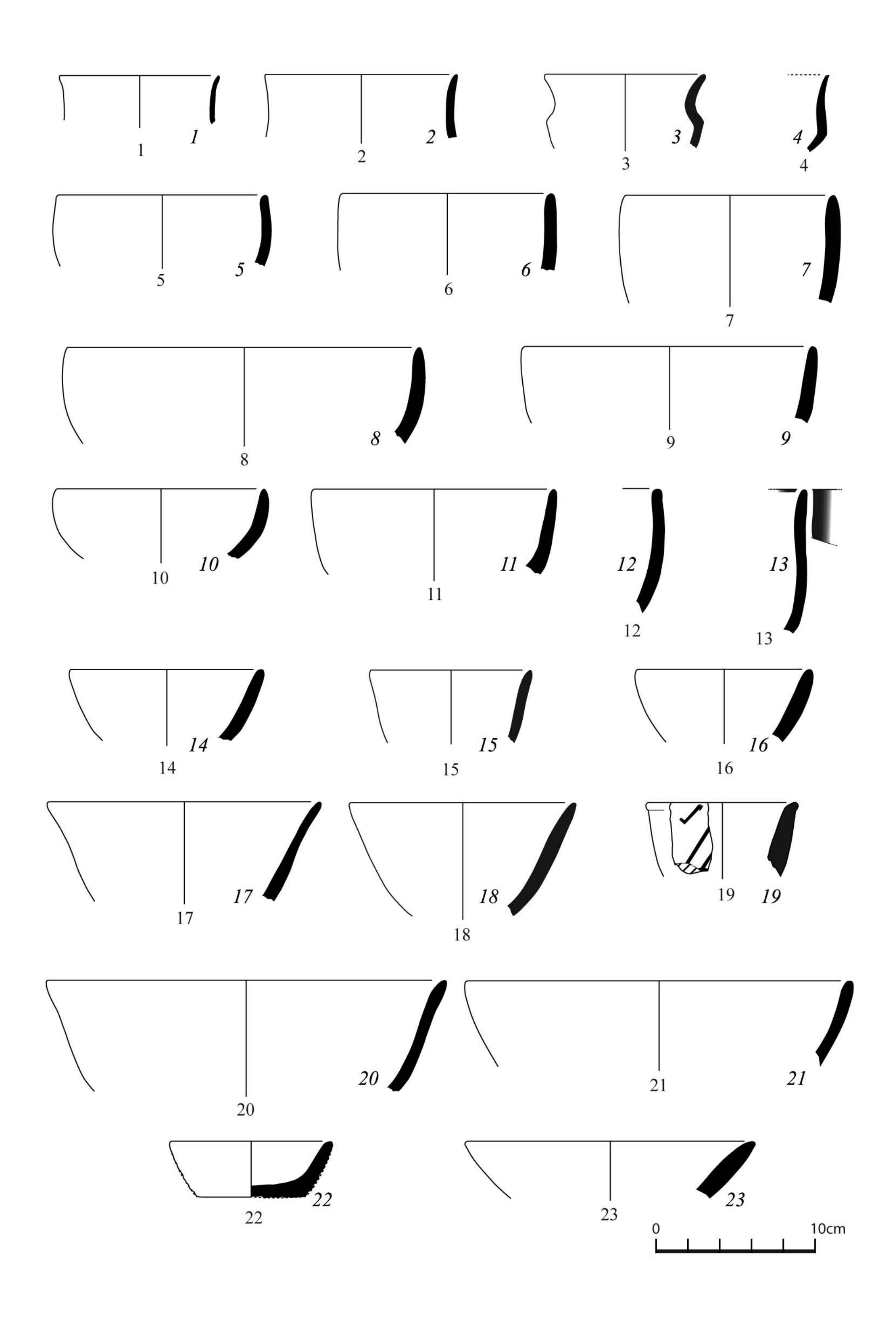

Fig. 4. Tell Khazna II Proto-Hassuna pottery – vertical and open shapes (n°1, 2, 4, 23 Grey-BlackWare)

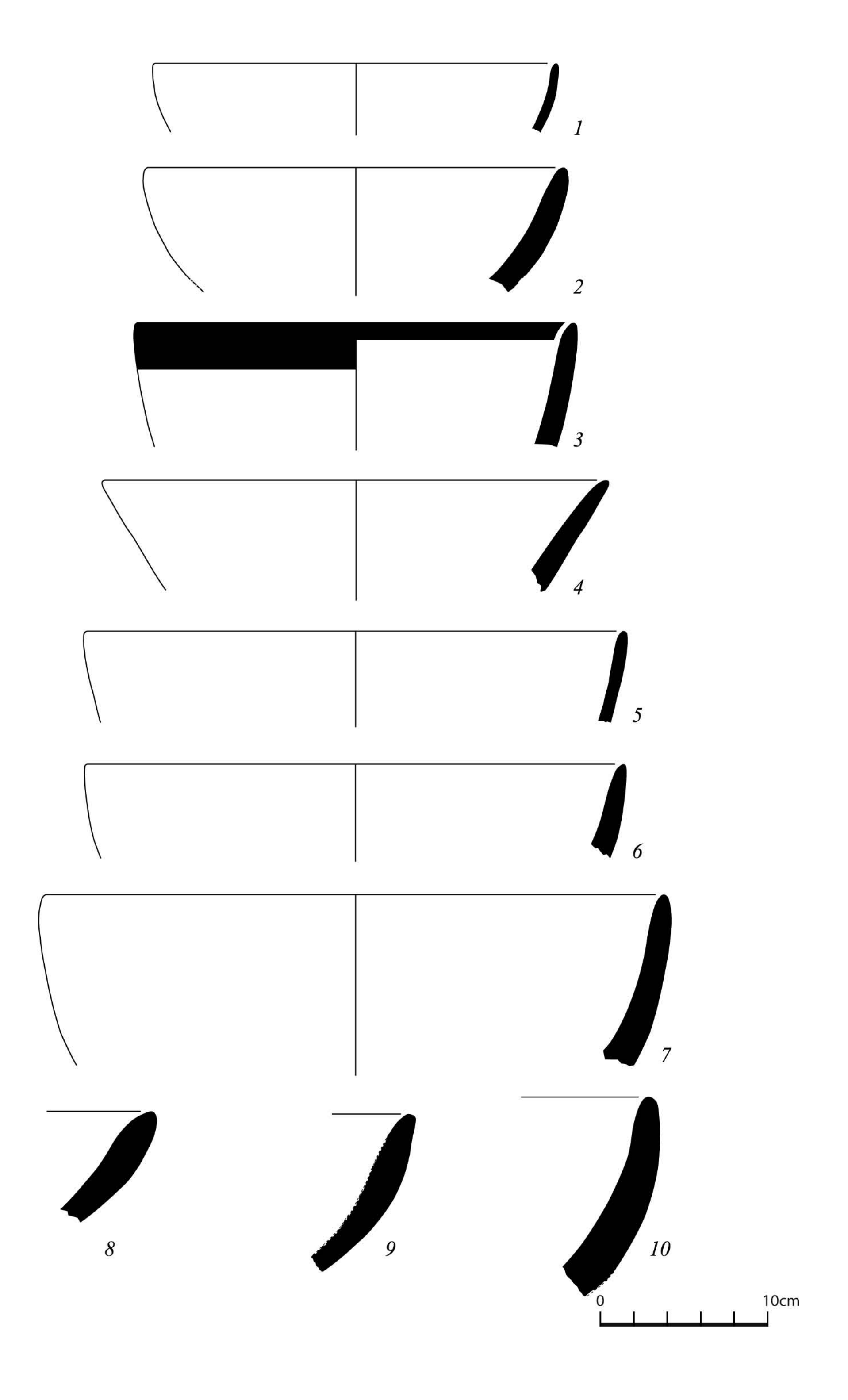

Fig. 5. Tell Khazna II Proto-Hassuna pottery –vertical and open shapes

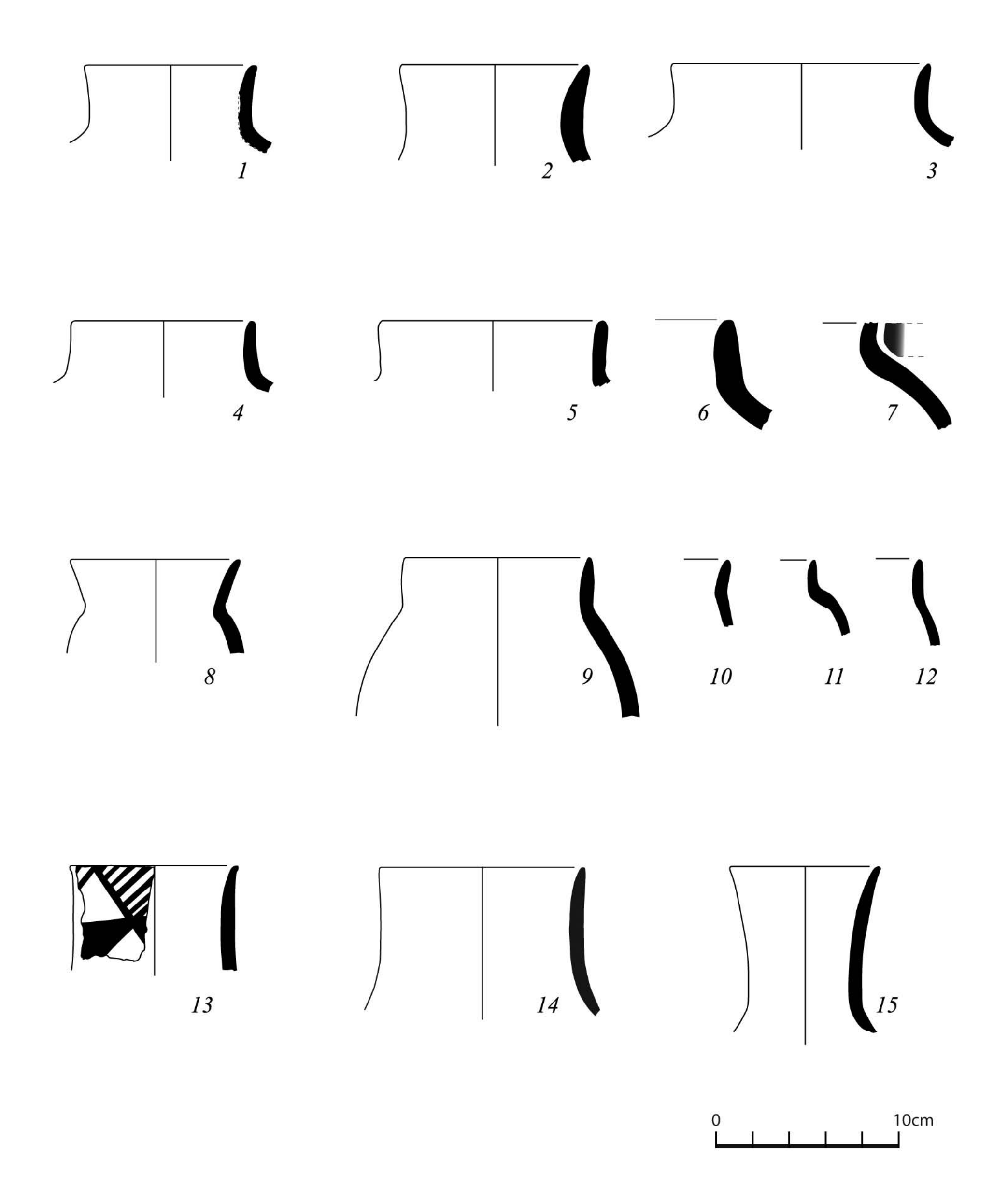

Fig. 6. Tell Khazna II Proto-Hassuna pottery – collared shapes
(n°13 Orange Ware; n°15 Dark-Faced Burnished Ware)

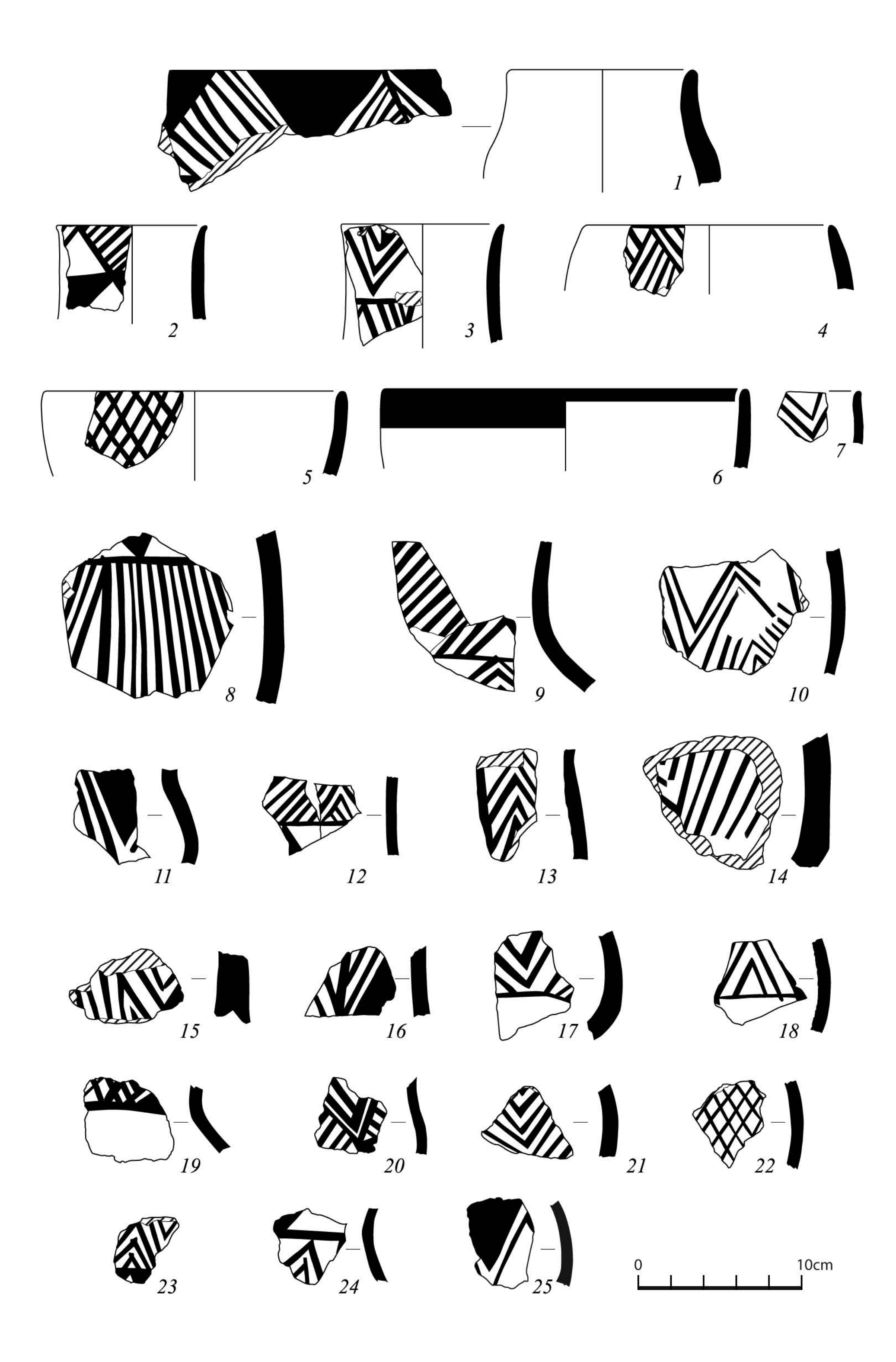

Fig. 7. Tell Khazna II Proto-Hassuna pottery – painted decorations

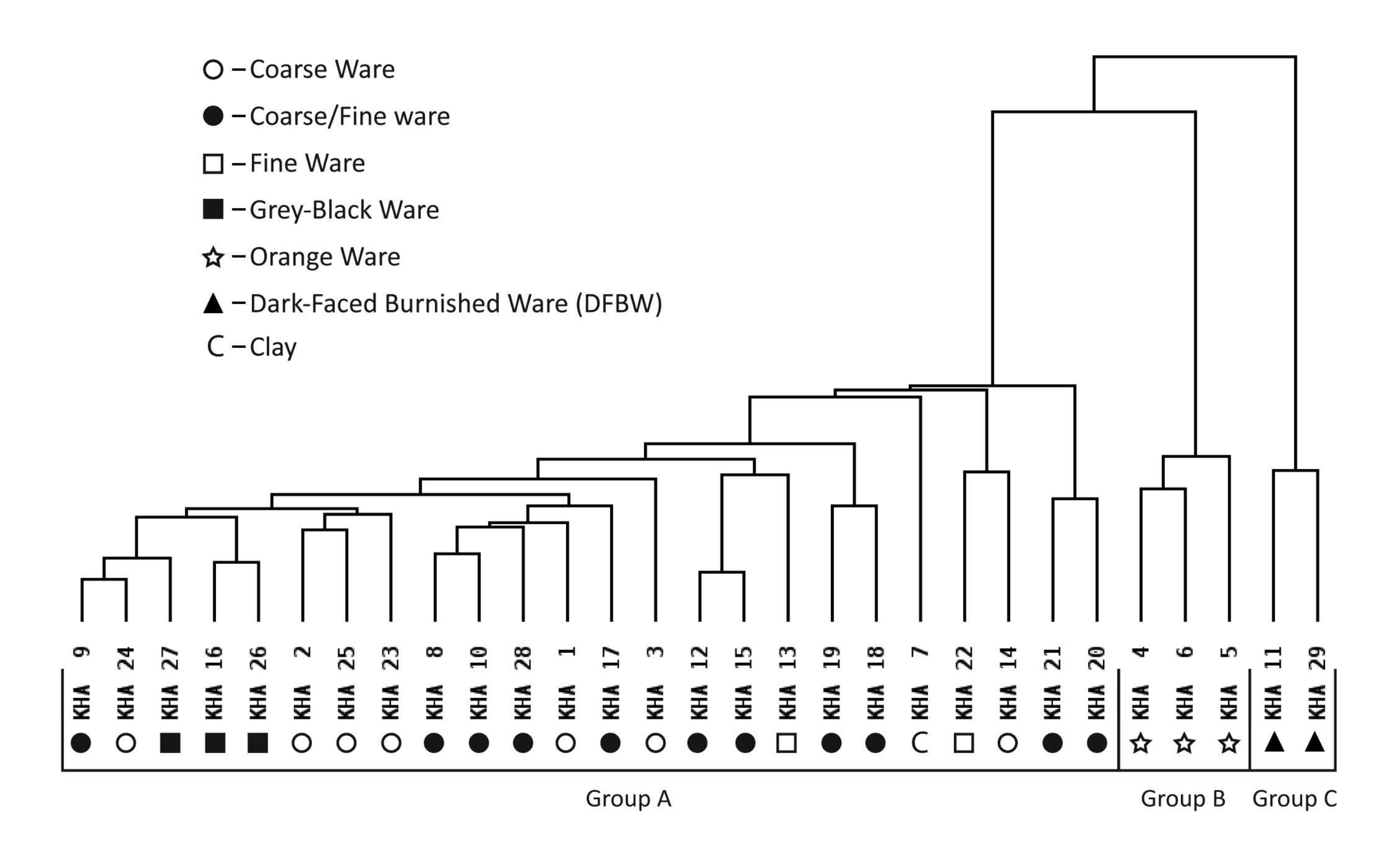

Fig. 8. Dendrogram of cluster analysis of 29 samples of Tell Khazna, calculated on 17 chemical components

J. Becker

SOME NOTES ON RITUAL PRACTICES IN THE LATE NEOLITHIC OF UPPER MESOPOTAMIA

Abstract. Ritual deposits are a small set of archaeological contexts in which different objects were deliberately destroyed and burned by fire. For the Late Neolithic of Upper Mesopotamia, i.e. the Halaf period (c. 6100–5300 cal. B.C.) such contexts are known from only a few sites, yet they nevertheless, offer some insights into ritual activities. In the following contribution a survey on ritual deposits and comparable contexts will be given and discussed against the background of their cultural setting. Many of such ritual deposits can be connected with human burials and can be seen as part of closing ceremonies, but also as foundation deposits, executed before the building of houses, are attested. It can be assumed that such rituals mainly took place on a private, family level, as indicated by the small size for most of the settlements, which were seldom larger than 1 ha, and by the lack of cultic buildings, both well known from the earlier Neolithic periods. So, they are part of important differences in the social organization and level of ritual activities contrasting Early and Late Neolithic communities in Early Mesopotamia.

Keywords**:** Neolithic ritual; ritual deposits; Halaf period; Late Neolithic; Upper Mesopotamia.

Introduction

Evidence for ritual practices in the Late Neolithic of Upper Mesopotamia, i.e. the Halaf culture, is restricted and comes mainly from three sets in the archaeological record:

1) through a small number of graves with their diversity of simple pit inhumations, mass interments, pot burials, skull sepultures, and cremations (Akkermans, 1993. P. 306–318; cf.: Akkermans, Schwartz 2003. P. 145–149);

2) through figurines which are usually interpreted as 'mother goddess' or 'magna mater' and associated with aspects of fertility (Mallowan, Rose 1935. P. 79–90; Mallowan, 1936. P. 11; Tobler, 1950. P. 163; Munchaev, Merpert, 1971. P. 31; Davidson, Watkins, 1981. P. 10); and

3) through ritual deposits or comparable archaeological contexts which provide evidence for different ritual activities, often associated with the deliberate destruction of significant objects. All these records are also well known from the large-scale excavations at Yarimtepe I–III, a group of six adjacent prehistoric settlement sites in the Sinjar region of northern Iraq (Fig. 1). The Russian investigations at Yarimtepe I–III in general increased our knowledge enormously, especially for the development of the cultures of Hassuna, Halaf and Ubaid. For older stages of the Early Neolithic they were enriched through investigations at other sites in their vicinity. The excavations at Yarimtepe I–III were conducted under the head of R.M. Munchaev and N.Y. Merpert during 1969–1980. In this short contribution, dedicated to R.M. Munchaev, I will give a survey for ritual deposits and comparable contexts, discussing it in its cultural setting.

Cultural Setting

The Late Neolithic of Upper Mesopotamia is represented by the Halaf culture, spanning the time from ca. 6100–5300 cal. B.C. Geographically its core region covers the northern *Fertile Crescent*, reaching from the Zagros mountains in the East, and extending over northern Iraq, northern Syria and southeastern Turkey nearly to the Mediterranean Sea in the West. Situated in the rain-fed zone of agriculture, the subsistence was based on agriculture and animal husbandry of rural village communities, at some sites augmented by hunting. The Halaf culture evolved out of older stages of the Pottery Neolithic and represents the first widely distributed ceramic horizon of Upper Mesopotamia. Characteristic for the Halaf culture is a handmade, mainly monochrome

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.311-321

pottery, later also with the addition of a small number of polychrome vessels, illustrating a culmination of prehistoric painted pottery. Round buildings, some with a rectangular antechamber, i.e. with keyhole-shaped plan, are typical for that period, in addition to rectangular working and storage buildings, including variations on an inter-site and an intra-site level. Besides the intensive use of amulet-seals and stamp seals to identify ownership, also terracotta figurines, especially those of females, belong to the typical features of that culture[1]. The settlement system is characterised by small villages (1–2 ha), hamlets (< 0.5 ha) and seasonal stations, without any evidence for special ritual buildings. Such small populations may have been organised in kinship related groups. Based on nuclear families, assumedly parts of the population were mobile at least on a seasonal level. Whereas larger villages often were occupied for many centuries, the lifetime of smaller hamlets often seems to have been more restricted. Architecture, burial customs as well as the spectrum and distribution of finds do not provide any evidence for greater social differences; instead, we can observe more egalitarian structures[2].

Ritual deposits and burial practices

Ritual deposits have long been known, especially from Yarimtepe II (see below) (Merpert, Munchaev, 1987. P. 27). They were discussed in a broader context as part of a long lasting tradition, whose rules lie in ritual deposits of the Pre Pottery Neolithic (PPNB) (Garfinkel, 1994). Indeed, during the two last decades evidence for ritual practices in the context of the Halaf culture has increased through new excavations, but also through new interpretations of special contexts from long recognised sites; they will be discussed briefly in the following section. As shown in Figure 1, evidence derives from several sites, and here I shall start with Arpachiyah in the northern Tigris region.

Arpachiyah

At Arpachiyah in the northern Tigris region the so called 'burnt house' of the youngest Halaf level (TT 6; Halaf IIb) has long been known and helped to define this cultural stage in northern Iraq. Through elaborate polychrome plates and saucers as well as other finds found therein, this structure was interpreted by the excavator as the combined workshop of a potter and a stoneworker that was the property of one of the headmen of the village (Mallowan, Rose, 1935. P. 16 f., 104–122, figs. 54–60 Pls. XIII–XVIII; cf.: Campbell, 1992. P. 185 f.; or Matthews, 2000. P. 86).

A recent re-examination made clear that the objects were concentrated in two rooms of the burnt house. Besides the aforementioned elaborate polychrome plates and saucers, also fine painted monochrome pottery and some stone vessels – one made of obsidian – were found. In contrast to other parts of the site, the jewellery in the 'burnt house' is rich in quantity and once again contains elaborate pieces in the form of ducks, double axes or butterflies. The materials used display a great variety: besides local stones also imports like lapis lazuli, obsidian, steatite and cowrie shell was used. Other finds include several stone axes, amulet seals and stamp seals as well as more than two dozen sealings. Of more domestic nature are thousands of chipped stone fragments of flint and obsidian, as well as some spindle whorls and pierced objects. Some of the finest plates appear to have been deliberately smashed and scattered to the extent that pieces were found at opposite ends of the long room prior to its burning. In general, it was concluded that some of these objects were brought into the house for a special ritual, in which at first some objects were intentionally smashed and then the house was set on fire (Campbell, 1992. P. 184-204; and Campbell, 2000).

Yarimtepe II

At Yarimtepe II in the Sinjar valley several shallow ritual pits were uncovered just in the early levels. It was noted that evidence for ritual ceremonies were found in the same area of the settlement as the remains of inhumations (Merpert, Munchaev, 1993a. P. 145).

One pit (ca. 60 × 50 × 20 cm) in Square 19-a contained the remains of fire, burnt bones of animals and intentionally broken vessels. Most important is the elaborate, finely made flacon, about 25 cm high, which shows a long-haired female in fine painting and a flat pedestal base (Fig. 3, *5*). The vessel was found together with a broken alabaster plate, a quadrangular stone seal with a carved design and an eyelet on the back for suspension, and the fragments of a simple clay bowl (Merpert, Munchaev, Bader, 1981. P. 26, fig. X–XI; XII, 2; XV, 6; Munchaev, Merpert, 1981. Fig. 98; Merpert, Munchaev, 1993a. P. 144, fig. 8.13; cf. Garfinkel, 1994. P. 172, fig. 5, left).

Another similar pit in Square 28-a (ca. 80 × 50 × 7 cm) contained fragments of several vessels, including a completely painted zoomorphic vessel that resembles a pig (Fig. 3, *6*), and a painted ceramic bowl together with an alabaster bowl (Merpert, Munchaev, Bader, 1981. P. 26,

[1] For synopses of the Halaf culture see e.g.: Mellaart, 1975. P. 156–170; Watson, 1983; Huot, 1994. P. 132–152; Matthews, 2000. P. 85–111; Akkermans, Schwarz, 2003. P. 115–153.

[2] For the social organisation of the Halaf communities see: Campbell, 1992. P. 218-223; Akkermans, 1993. P. 288–298; Akkermans, Schwartz, 2003. P. 149–153; Frangipane, 2007. P. 154–164.

fig. V, 5 = VI, 3; VII–VIII; IX, 2; Merpert, Munchaev, 1993a. P. 145, figs. 8.14, 8.15; cf.: Garfinkel, 1994. P. 173, fig. 5, right).

A third cache was found in Level 8 (Square 28-c) and contained several intentionally broken clay vessels, including two painted examples. Similar to the other ritual pits it was filled with a mixture of earth, ash and charcoal (Merpert, Munchaev, Bader, 1981. P. 26, fig. V, 2).

And finally, a cache could be uncovered under the floor level of tholos LXVII, which was built upon a special 'platform'. Found in the southern part of this substructure were several objects buried in a small pit (30 × 40 × 6–7 cm). That cache held the fragment of a clay figurine, a unique triangular copper seal pendant, the fragment of a painted vessel with corrugated surface, three obsidian micro-blades ('trapezes' or transverse arrowheads), covered with ash of fire. In addition, five clay and two stone spindle whorls, a pendant of grey stone with a circular ornament, and finally a pierced flat stone pendant, as well as animal bones were found in this pit. It is assumed by the excavators that all of the items had been buried in this pit before the house was built, and that they had some ritual significance (Merpert, Munchaev, Bader, 1981. P. 26, fig. III, 4; Merpert, Munchaev, 1987. P. 22, fig. 11; Merpert, Munchaev, 1993a. P. 139, fig. 8.10, 1–7; cf.: Garfinkel, 1994. P. 173 f), perhaps as a foundation deposit.

In nearly each case one principal 'cult item' – an anthropomorphic vessel, a zoomorphic vessel or a clay figurine – had been deliberately broken and intentionally buried in these pits. The cult items were accompanied by a variety of valuable objects, e.g. painted bowls, seals, alabaster vessels, obsidian artefacts. These valuables perhaps served as offerings, associated with the 'cult item' during its lifetime and were buried with it when it went out of use. These small caches represent ritual burials on an individual or family level (Garfinkel, 1994. P. 174).

The deliberate destruction of vessels is also known in the context of some burials: a white alabaster bowl broken into fragments was found in inhumation burial 59. Also, some cremations yielded evidence for ritual ceremonies during which intentionally broken vessels were thrown into the fire, while the inhumations, cremations and skull interments are indicative of a wide range of burial practices at Yarimtepe II during the Halaf period (Merpert, Munchaev, Bader, 1981. P. 40 f., fig. XII, 7 = XV, 2; Merpert, Munchaev, 1987. P. 25–27; Merpert, Munchaev, 1993b; cf.: Akkermans, 1993. P. 309–311 for the burials at Yarimtepe II, and on pp. 306–318 with a survey about Halafian mortuary practices).

Tell Tawila

The Halafian village of Tell Tawila is located about 12 km north of Tell Chuera directly west of the Wadi Hamar in northeastern Syria. In the youngest Halaf level B 2 dated to the stage Halaf IIa (ca. 5600 cal. B.C.) an ashy pit was uncovered. The most important stone tool of this pit was an elaborately decorated macehead, found together with an array of lithic artefacts. These tools belong to several transverse flint arrowheads and simple trapezes, i.e. trapezoidal projectile points, made of flint and obsidian, and finally a long blade from flint and several blade fragments of obsidian. The pit's purpose as a profane waste disposal or utilitarian hoarding of equipment can be ruled out; concerned here is a ritual cache, in which the macehead and the longer flint blade had been broken and all flint artefacts seem to have been affected by fire. Numerous tiny fragments of the long flint blade and the macehead indicate that the process of destruction took place either inside the pit or in its immediate vicinity. Based on the large group of arrowheads as part of hunting equipment, the cache was perhaps once in the ownership of a hunter/warrior, while the macehead was probably a prestige object. Although human bones are not found in the pit, it is assumed that after the death of the owner, the objects in the cache were intentionally destroyed and carefully buried (Becker, Helms, 2013; Becker, 2015. P. 459– 462 Abb. 200).

Tell Sabi Abyad I

Tell Sabi Abyad I in the Balikh valley gives some important clues on complex ritual practices: In the northern part of Tell Sabi Abyad I (operation II, ca. 6200–6100 cal. B.C.) one room of a four-roomed, T-shaped house was used as a burial place in its latest phase. Therein, an adult human had been placed on its left side in a crouched position. The right hand rested upon half of a stone macehead, maybe a grave good. Not only was the house wholly filled with ashes, burnt wall fragments, charred wood, etc., additionally its walls were burnt throughout. This must have been achieved by filling the building entirely with fuel and deliberately setting fire to it. The burning appears to have been strictly controlled and confined to this building only; it did not affect the surrounding structures which remained in use (Akkermans, 2008. P. 628–630, fig. 9).

A comparable situation could be reconstructed from the context in the 'burnt village' in the southeast of Tell Sabi Abyad I, dated to ca. 6100–5950 cal. B.C. (Proto-Halaf): Most of the buildings ended in a conflagration, which has been explained as being ritual and intentional, not accidental. Within the framework of a complex ritual two adult persons, one male and one female (both

older than 30 years), originally must have been placed upon the roof of storage building V. It seems that both individuals were already dead at the time of the building's destruction. They lay in flexed position on the flat roof, surrounded by eleven enigmatic clay 'torsos' (up to 62 cm in length), and provided with parts of skulls and horn cores of wild sheep and the limbs and ribs of cattle. This arrangement had fallen together into the rooms below when the roof collapsed. It seems that we are dealing here with a distinct and complex mortuary practise, which combined the death of two people with the abandonment and final destruction of the building containing the deceased. Ritually prepared on the roof for their final journey, the dead were laid to rest by intentionally setting the storehouse (and the village as a whole) on fire and deserting the former area of habitation (Akkermans, Verhoeven, 1995. P. 16, fig. 7–8; Spoor, Collet, 1996. P. 443, fig. 8.6 – 8.8; Verhoeven, 2000; Akkermans, Schwartz, 2003. P. 145; Akkermans, 2008. P. 627 f.; Verhoeven, 2008. P. 773).

Khirbet esh-Shenef

In the small hamlet of Khirbet esh-Shenef in the Balikh valley (Halaf IIb), M. Verhoeven mentions pottery vessels that were used in the context of a foundation deposit (Verhoeven. 2008. P. 777; cf.: Akkermans, Schwartz, 2003. P. 142).

Tell Zaidan

At Tell Zaidan in the lower Balikh valley, close to the modern town of ar-Raqqa, the deep sounding in Operation 1 brought to light a secondary Halaf burial with a broken polished macehead made of hematite (Stein, 2010, P. 107, fig. 5). It is assumed that this macehead was intentionally broken, just like the macehead in Tell Tawila and the broken maceheads in the 'death pit' of Domuztepe (see below).

Çavi Tarlası

At Çavi Tarlası on the Euphrates river in southeastern Turkey one hint for a special, perhaps cultic meaning comes from a child's burial. The grave (grave 11) belong to the youngest level 1 directly under the plough horizon and therefore was heavily disturbed. As most of the other graves too, its floor was plastered with mortar and the burial was covered with river pebbles and pottery sherds. The grave goods confirm flint fragments and one shell. Most important are some teeth of (domesticated) cattle and two horn core fragments of cattle. Although the grave was destroyed, it is certain that each of the cattle horn core fragments was found on both sides of the child's head. Therefore, it can be assumed that this arrangement had a special, perhaps a cultic meaning (Von Wickede, Herbordt, 1988m P. 18).

Domuztepe

At the large site of Domuztepe in the Kahramanmaraş plain of southeastern Turkey the most important information about ritual activities comes from a unique context, the so called 'death pit', a mass burial with thousands of animal and human bones dated to ca. 5600 cal. B.C. (Campbell et al., 1999. P. 402–404, fig. 9; Carter, Campbell, Gauld, 2003. P. 120–128, fig. 10–11; Campbell, 2004. P. 4.)[3]. In a huge, oval pit (ca. 5 × 4 m, and at maximum 1 m deep) the first deposits were comprised of animal bones, mainly cattle, sheep/goat, some pig and a few dogs. Then, after a brief period of silt accumulation, large quantities of disarticulated and heavily processed human bones and skulls were placed in the pit, along with further animal bones. Represented in the human remains are about 35–40 individuals of both sexes; the individuals mainly died between the ages of ten and forty years. All skulls seem to have been severed from the body. The great pit was filled with grey to black ash from a large fire; however, the burning did not take place in the pit itself. Slightly later in time, a number of smaller pits were installed around the great pit. One of them contained a human skull, a pig skull, a horn core and a largely complete pot. The number of artefacts associated with the so called 'death pit' deposits is very limited, although a number of coarse ware jars apparently lay just above the pit. At least two finely painted vessels were discovered smashed with the sherds scattered amongst the bones. Bone tools and other pieces of worked bones were found amongst the human bones. Several stone seals were found in and close to the death pit and may have been deliberately deposited there. Some broken maceheads were uncovered as well. A headless figurine was found, and several other stylized figurines of females without a head too. It is assumed that the 'death pit' was created and filled within a short period, certainly within weeks' time or possibly even a few days. The pit was cut into a terrace ('red terrace'), which might have had some ritual function. Perhaps some hundreds of people were involved in the activities for the creation of the mass burial. As the 'death pit' has not been published in detail yet, a lot of questions remains unsolved. The preliminary analysis of the bone data (animal and human) indicates that living animal herds were killed, while the human assemblage appears

[3] For the dating see Campbell, 2007. P. 115–117, tab. 2, fig. 5. For the signs of cannibalism see: Kansa et al., 2009; for the role of the death pit cf. also: Verhoeven, 2008. P. 781. – For the broken maceheads see Campbell, Healey, 2011. P. 341, fig. 15, 3.

to display a single event mortality profile. The animal remains represent at least 11 cattle, 21 sheep/goats, 8 pigs and 6 dogs. While cattle, sheep/goat and pigs were slaughtered for food consumption ('feasting'), the dogs, mainly skull fragments, were found close to the highest concentration of human bones. This leads to the proposed association that they were buried close to the humans in view of the importance of dogs as protectors, companions, and hunting aides to humans. In the first reports it was assumed that the 'death pit' should be seen as the establishing of a relationship with ancestors and the negotiation of group identities within societies. Later, the fact that the human bones – like the animal bones – were broken up after death and displayed fresh fractures, cutmarks and other trauma, as evidenced to a lesser extend also for the human skulls, led the excavators to discuss the possibility of (ritualized) cannibalism at Domuztepe.

In that background fragmented pieces of a jar, labelled as 'death pot', were found in a ditch not far away from the death pit. Together the fragments show a complex narrative scene (Carter, Campbell, 2006. P. 314 f., fig. 5–6; cf.: Campbell, 2010. P. 153 f.): the depiction of a clothed, upright human person on the right and the splayed naked and headless bodies to the left, surrounded by a series of birds. It was discussed as a possible link to burial practises, or as a possible depiction of warfare. In the first case, the representations of headless human bodies, are also known on other sherds in Domuztepe, found mainly in the same area, indicating that such a narrative was repeated on similar vessels again, and that it held a very significant meaning. For the connection of birds and headless humans we may also think – first of all – of the well known wall-paintings in Çatalhöyük, especially in the so called 'sanctuary of vultures', in which vultures with spread wings are depicted flying above headless human beings, i.e. dead persons (Mellaart, 1967. Abb. 47, pls. 45–48; Hodder, 2006. P. 49, fig. 22; 57).

Tell Ain el-Kerkh

At Tell Ain el-Kerkh, in the Rouj basin of northwestern Syria, evidence for ritual practices came to light in Square E310 in several pits around some burials of children. The elaborate pottery vessels are mainly pedestal bowls, cream bowls and cylindrical necked jars, which were intentionally broken and carefully placed in these pits close to the burials. They were probably buried in some kind of funeral ceremonies. As pedestal bowls were found in quite limited number in the excavations, the excavators assumed that they were made originally for ritual purposes. These contexts at Tell Ain el-Kerkh are dated to the Rouj 2d stage. ca. 6100–5800 cal. B.C., indicating some similarities with Halafian sites in the East, like Yarimtepe II. However, it must be noted here that the site belongs to another cultural setting (Tsuneki, 2013. P. 199, fig. 21–22; cf.: Verhoeven, 2008. P. 777).

Discussion

Ritual deposits and comparable contexts as discussed above are known from just a few sites, and like burials and cemeteries[4], they are known in just a restricted number. However, they enable important insights into ritual activities as part of the social practices that took place in the communities. Figure 3 show ritual activities ordered according to their context. Common to all examples is that objects, including at least one principal object which may have had a special function (e.g. maceheads, special vessel types, figurines, or seals), were deliberately destroyed ('killed'). In most cases fire played a major role as one of the last activities, in which fire was seen as purifying agent as well as a 'transformer' from life to death, or as some kind of 'ordeal by fire' (Campbell, 1992. P. 202–204; and especially: Charvát, 1993. P. 112 f.).

In a wider context, such activities are part of transforming rituals ('rites de passage'), such as birth, puberty, marriage or death, which were observed by small communities of the Halaf period through different kinds of ritual practices that accompanied these transforming stages. For that matter, the social arrangement of communities could be reinforced or manipulated and adapted to new and modified relationships. It is not surprising that in most cases such ritual practices are found in the context of burial practices, whereby the arrangement could vary in regional terms, but also in terms of the role that the deceased person once played in the community.

Viewed against this background, extraordinary cases for the burning down of houses or greater parts of the settlement are at best indicated for Tell Sabi Abyad I, which was interpreted by the excavator as part of an 'extended death ritual' and perhaps may be connected with the role that the deceased persons once played at the site and for the small community. Such practices are also part of 'closing ceremonies' and are often connected with the abandonment of parts of the settlement (Akkermans, 1993. P. 629 f.). The burnt house at Arpachiyah can likewise be explained as part of such closing ceremonies, albeit a human burial is not attested there. The ritual deposit at Tell Tawila also fits well with such a closing ceremony, which seem to have taken place after the death of its former owner, and therefore the components were destroyed and burned. It seems not surpris-

[4] For a synopsis of the Halafian burial records see Akkermans, 1993. P. 306–318.

ing that this deposit belongs to the youngest Halafian layer at the site, followed by several centuries of abandonment. Yet, unlike Tell Sabi Abyad I and Arpachiyah, the ritual activities at Tell Tawila reached only a modest scale. And finally, the majority of ritual deposits at Yarimtepe II were connected by the excavators with the adjacent human inhumations.

Further, in some cases foundation deposits are also attested (Yarimtepe II and Khirbet esh-Shenef), which were found below some houses before their construction and might contain once again some precious items (e.g. a copper seal pendant, which also had some symbolic value as an amulet) (Merpert, Munchaev, 1987. P. 23; cf.: Akkermans, Schwartz, 2003. P. 142).

Oppositely, the interpretation of the 'death pit' at Domuztepe is still not sufficiently clarified, as no final publication for that unique context has been published, and the interpretation of the pit varies between a ritual burial of ancestors and enemies. However, it is interesting that at Domuztepe and Çavi Tarlası horn cores are attested. While at Domuztepe the animal species is not specified, the horn cores of cattle at Çavi Tarlası may reflect the special role that cattle played in Neolithic societies, which is well attested for the Halaf culture, e.g. in numerous depictions and variations of the 'bucrania motif' on painted Halafian ceramics.

Finally, mention should be made here of some comparisons for anthropomorphic or zoomorphic vessels. Such vessels are special types of figural representations, which were only found in absolutely restricted numbers. In contrast to anthropomorphic and zoomorphic vessels found in ritual deposits at Yarimtepe II, fragments of comparable pieces are known in other sites mainly from rubbish deposits. Similar fragments of anthropomorphic vessels are known, for example, from Arpachiyah (Mallowan, Rose, 1935: P. 81, fig. 45, 10–12 (three upper parts of female-shaped vessels, one of them with a painted Maltese cross on the right shoulder)[5] (Fig. 3, *1–3*) in the northern Tigris region, and from Tell Tawila (Becker et al., 2007. P. 244; Becker, 2015. P. 173; and 175 Abb. 88, 9; and 89, 7) (Fig. 3, *4*) in the vicinity of Tell Chuera in northeastern Syria. A slightly different type of such anthropomorphic vessels was uncovered at Domuztepe (Campbell, 2004. (title page); Carter, Campbell 2006. P. 315 f., fig. 10–11: the context of the Domuztepe vessel is at yet not described in detail). The vessel is ca. 20 high; the legs were formed separately and then joined to the upper body. Painting on different parts may represent clothing, adornment, body painting or tattoos. Net bands encircle the ankles, knees and hips. The pubic area is also indicated. The neck of the vessel is damaged, but a single eye is preserved. Simple bands around the neck and between the breasts might represent a necklace. In comparison with the Yarimtepe II vessel in the shape of a female, it is assumed that also the vessel from Domuztepe may have been part of ceremonies in ritual pits.

Zoomorphic vessels also comprise a small group, in which frequently bulls seem to be depicted, but also other species occur sometimes, too. Fragments of bull-shaped vessels are known from Tell Halaf (Becker, 2012. P. 23, and 26 Abb. 18, 1–3; Becker, 2015. P. 308; and 341 f., Abb. 145, 1–3), Tell Tawila (Becker, 2010. P. 8, Abb. 3, 1–2; Becker, 2015. P. 173, Abb. 88, 7–8; 89, 3–4) and Fıstıklı Höyük (Bernbeck et al., 2002. P. 35, fig. 8d; Bernbeck, Pollock, 2003: P. 60, fig. 37d: painted bull's head of a vessel). In these examples mainly the bull's head – often painted – is preserved, and from the open mouth a liquid could be poured out originally Another fragment of an ungulate, perhaps once again a bull-shaped vessel (?), comes from Tell Umm Qseir (Tsuneki, Miyake, 1998. P. 70, fig. 32, 7–10, Pl. 12, 5–8). A long-known zoomorphic vessel from Arpachiyah (Mallowan, Rose, 1935. P. 88 Pl. Va/b; cf.: Hijara, 1997. P. 76 f.), ascribed as a 'hedgehog', was found in the latest Halaf level (TT 6) adjoining the 'burnt house'. Another figurine represents a bird and was allotted to the older Halaf levels. The fragment of a similar bird-shaped vessel is known from the old Oppenheim excavations at Tell Halaf and was assigned to the Late Neolithic layers ('Buntkeramikschicht'), found in the prehistoric levels in deep soundings close to the Iron Age graves northwest of the Western Palace. Only the upper part of the bird's body is preserved, including a round hole on the top for filling it with a liquid (Schmidt, 1943. P. 95, Abb. 136). And finally, besides the completely painted 'pig' from a ritual deposit at Yarimtepe II (Fig. 3, *6*), fragments of a zoomorphic vessel are known from the nearby site of Yarimtepe III, but as of yet are unpublished (Bader, Merpert, Munchaev, 1981. P. 56; here with zoomorphic fragments, possibly from late Halaf levels, i.e. Halaf IIb (?)).

Conclusions

Ritual deposits and related features of the Late Neolithic Halaf period are known only from a limited number of examples (Fig. 2). However, they offer some insights into ritual activities and social practices. Frequently they are connected with human burials and can be seen as closing ceremonies, often combined with abandonment; while foundation deposits are also at-

[5] Another anthropomorphic vessel fragment is published by Hijara, 1997. P. 75, f., fig. 20: on that painted fragment only the breasts and forearms are preserved.

tested; in a few cases the exact reasons for such deposits remains unclear. In all cases some objects were deliberately destroyed, whereby at least one item held some symbolic value. Fire as purifying agent and transformer at the end of such rituals played a major role. In connection with human burials we can observe variations in the set of actions involved in such rituals, which may have mainly depended on the role that the deceased persons once played in their community. However, we should keep in mind that only parts of the material record might have survived and that during such rituals magic sayings or other actions took place, which perhaps were of even greater importance than the surviving items themselves.

Viewed against the background of the characteristic small scaled communities, with sites seldom larger than 1 ha in size, and with the absence of cultic buildings, it seems that Late Neolithic rituals mainly took place at a private, intimate level, i.e. within individual households, rather than at the public level, which is well attested for the Early Neolithic stages in Early Mesopotamia (Akkermans, Schwartz, 2003. P. 141–145).

Acknowledgements

I thank my colleague, Dr. Emily Schalk (Berlin – Prehistoric Archaeology) for the grammatical and stylistic corrections of my manuscript.

BIBLIOGRAPHY

Akkermans, P.M.M.G., 1993. Villages in the Steppe. Later Neolithic Settlement and Subsistence in the Balikh Valley, Northern Syria. (International Monographs in Prehistory. Archaeological Series).

Akkermans, P.M.M.G., 2008. Burying the Dead in Late Neolithic Syria / J. Córdoba, M. Molist, C. Pérez, I. Rubio, S. Martínez (eds.) 2008. Vol. III. P. 621–645.

Akkermans, P.M.M.G., Schwartz, G.M., 2003. The Archaeology of Syria. From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies (ca. 16,000 – 300 BC). Cambridge.

Akkermans, P.M.M.G., Verhoeven, M., 1995. An Image of Complexity: The Burnt Village at Late Neolithic Sabi Abyad, Syria // American Journal of Archaeology. Vol. 99. P. 5–32.

Bader, N.O., Merpert, N.Y., Munchaev, R.M., 1981. Soviet Expedition's Surveys in the Sinjar Valley // Sumer. Vol. 37. P. 55–95.

Becker, J., 2010. Anthropomorphe und zoomorphe Terrakotten der Halaf-Zeit aus Tell Tawila // Kulturlandschaft Syrien. Zentrum und Peripherie. Festschrift für Jan-Waalke Meyer. (AOAT. Vol. 371). Münster. P. 1–24.

Becker, J., 2012. Die Ausgrabungen in den prähistorischen Schichten // Ausgrabungen am Tell Halaf 2008 bis 2010, Vorbericht über die dritte bis fünfte syrisch-deutsche Grabungskampagne auf dem Tell Halaf (Teil II), Vorderasiatische Forschungen der Max Freiherr von Oppenheim-Stiftung. Band 3, II, Wiesbaden. P. 11–46.

Becker, J., 2015. Tell Tawila, Tell Halaf und Wadi Hamar: Halaf- und 'Obed-Zeit in Nordost-Syrien – Regionale Entwicklungen, Gemeinsamkeiten und Unterschiede (Vol. I – II). Biliotheca neolithica Asiae meridionalis et occidentalis. Berlin.

Becker, J., Helms, T., Posselt, M., Vila, E., 2007. Ausgrabungen in Tell Tawila, Nordost-Syrien. Bericht über zwei Grabungskampagnen 2005 und 2006 (unter Mitarbeit von P. Aytaç, J. Eckardt, J. Malo) // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. Vol 139. P. 213–268.

Becker, J., Helms, T., 2013. A Halafian Ritual Deposit from Tell Tawila // Neo-Lithics. Vol. 1/13. P. 24–35.

Bernbeck, R., Pollock, S., 2003. The Biography of an Early Halaf Village: Fıstıklı Höyük 1999–2000 // Istanbuler Mitteilungen. Vol. 53. P. 9–77.

Bernbeck, R., Pollock, S., Castro Gessner, A.G., Costello, R., Kielt-Costello, S., Foree, M., Gleba, M., Goodwin, M., Horan, P., Kepinski, S., Nakamura, C., Niebuhr, S., Shoocongdej, R., 2002. Preliminary Report on the 2000 Season at Fıstıklı Höyük // Salvage Project of the Archaeological Heritage of the Ilisu and Carchemish Dam Reservoirs, Activities in 2000 / N. Tuna, J. Velibeyoğlu (eds.). Ankara. P. 26–39.

Campbell, S., 1992. Culture, Chronology and Change in the Later Neolithic of North Mesopotamia (unpubl. Ph.D.-Thesis, Edinburgh).

Campbell, S., 2000. The Burnt House at Arpachiyah: A Reexamination. Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Vol. 318. P. 1–40.

Campbell, S., 2004. Domuztepe 2004 Excavation Season // Anatolian Archaeology. Vol. 10. P. 4–6.

Campbell, S., 2007. Rethinking Halaf Chronologies // Paléorient. Vol. 33/1. P. 103–136.

Campbell, S., 2010. Understanding Symbols: Putting Meaning into the Painted Pottery of Prehistoric Northern Mesopotamia // The Development of Pre-State Communities in the Ancient Near East. Studies in Honour of Edgar Peltenburg. Themes from the Ancient Near East / D. Bolger, L.C. McGuire (eds.). (BANEA Publication Series. Vol. 2). Oxford and Oaksville. P. 147–155.

Campbell, S., Carter, E., Healey, E., Anderson, S., Kennedy, A., Whitcher, S., 1999. Emerging Complexity on the Kahramanmaraş Plain, Turkey: The Domuztepe Project, 1995–1997 // American Journal of Archaeology. Vol. 103. P. 395–418.

Campbell, S., Healey, E., 2011. Stones of the Living and Bones of the Dead? Contextualising the Lithics in the Death Pit at Domuztepe // The State of the Stone: Terminologies, Continuities and Contexts in Near Eastern Lithics. Studies in the Early Near Eastern Production, Subsistence, and Environment 13 / E. Healey, S. Campbell, O. Maeda (eds.). Berlin. P. 327–342.

Carter, E., Campbell, S., 2006: Report on the 2004 Excavation Season at Domuztepe // Kazı Sonuçları Toplantası. Vol. 27. P. 313–324.

Carter, E., Campbell, S., Gauld, S., 2003. Elusive Complexity: New Data from Late Halaf Domuztepe in South Central Turkey // Paléorient. Vol. 29/2. P. 117–133.

Charvát, P., 1993. Ancient Mesopotamia. Humankind's Long Journey into Civilization. Prag. (Dissertationes orientales N. 47).

Córdoba, J., Molist, M., Pérez, C., Rubio, I., Martínez, S. (eds.), 2008. Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (3–8 April 2006), Madrid. Vol. I–III.

Davidson, T.E., Watkins, T., 1981. Two Seasons of Excavations at Tell Aqab in the Jezirah, N.E. Syria // Iraq. Vol. 43. P. 1–18.

Frangipane, M., 2007. Different Types of Egalitarian Societies and the Development of Inequality in Early Mesopotamia // World Archaeology. Vol. 39/2. P. 151–176.

Garfinkel, Y., 1994. Ritual Burial of Cultic Objects: The Earliest Evidence // Cambridge Archaeological Journal. Vol. 4/2. P. 159–188.

Hijara, I., 1997. The Halaf Period in Northern Mesopotamia (Edubba: Vol. 6.). London.

Hodder, I., 2006. The Leopard's Tale: Revealing the Mysteries of Çatalhöyük. London.

Huot, J.-L., 1994. Les premiers villageois de Mésopotamie: Du village à la ville.

Kansa, S.W., Gauld, S.C., Campbell, S., Carter, E., 2009. Whose Bones are those? Preliminary Comparative Analysis of Fragmented Human and Animal Bones in the "Death Pit" at Domuztepe, a Late Neolithic Settlement in Southeastern Turkey // Anthropozoologica. Vol. 44(1). P. 159–172.

Mallowan, M.E.L., 1936. The Excavations at Tall Chagar Bazar, and an Archaeological Survey of the Khabur Region, 1934-5. Iraq. Vol. 3. P. 1–86.

Mallowan, M.E.L., Rose, J.C., 1935. Excavations at Tall Arpachiyah, 1933 // Iraq. Vol. 2. P. 1–178.

Matthews, R., 2000. The Early Prehistory of Mesopotamia. 500,000 to 4,500 BC. Subartu V. Turnhout.

Mellaart, J., 1967. Çatalhöyük. Stadt aus der Steinzeit. Neue Entdeckungen der Archäologie. Bergisch-Gladbach.

Mellaart, J., 1975. The Neolithic of the Near East. London.

Merpert, N.Y., Munchaev, R.M., 1987. The Earliest Levels at Yarim Tepe I and Yarim Tepe II in Northern Iraq // Iraq. Vol. 49. P. 1–36.

Merpert, N.Y, Munchaev, R.M., 1993a. Yarim Tepe II: The Halaf Levels / N. Yoffee, J.J. Clark (eds.). P. 129–162.

Merpert, N.Y., Munchaev, R.M., 1993b. Burial Practices of the Halaf Culture // Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq / N. Yoffee, J.J. Clark (eds.). P. 207–223.

Merpert, N.Y., Munchaev, R.M., Bader, N.O., 1981. Investigations of the Soviet Expedition in Northern Iraq, 1976 // Sumer. Vol. 37. P. 22–54.

Munchaev, R.M., Merpert, N.Y., 1971. The Archaeological Research in the Sinjar valley (1971) // Sumer. Vol. 27. P. 23–32.

Munchaev, R.M., Merpert, N.Y., 1981. Rannezemledel'cheskie Posleniya Severnoj Mesopotamii (= Earliest Agricultural Settlements of Northern Mesopotamia) (in Russian with English Summary). Moscow.

Schmidt, H., 1943. Max Freiherr von Oppenheim, Tell Halaf I: Die prähistorischen Funde. Berlin.

Spoor, R.H., Collet, P., 1996. The Other Small Finds // Tell Sabi Abyad. The Late Neolithic Settlement. Report on the Excavations of the University of Amsterdam (1988) and the National Museum of Antiquities Leiden (1991–1993) in Syria (Vol. II) / P.M.M.G. Akkermans (ed.). Leiden-Istanbul. P. 439–473.

Stein, G., 2010. Tell Zeidan. 2009–2010. Annual Report of the Oriental Institute of Chicago, University of Chicago. P. 105–118.

Tobler, A., 1950. Excavations at Tepe Gawra, Vol. II. Philadelphia.

Tsuneki, A., 2013. Another Image of Complexity: The Case of Tell el-Kerkh // Neolithic Archaeology in the Khabur Valley, Upper Mesopotamia and Beyond,

Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence, and Environment 15 / Y. Nishiaki, K. Kashima, M. Verhoeven (eds.). Berlin. P. 188–204.

Tsuneki, A., Miyake, Y. (eds.), 1998. Excavations at Tell Umm Qseir in Middle Khabur Valley, North Syria. Report of the 1996 Season. Al-Shark 1. Tsukuba.

Verhoeven, M., 2000. Death, Fire and Abandonment. Archaeological Dialogues. Vol. 7 (1). P. 46–65.

Verhoeven, M., 2008. Neolithic Ritual in Transition // Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East / J. Córdoba, M. Molist, C. Pérez, I. Rubio, S. Martínez (eds.), Vol. III. P. 769–787.

Von Wickede, A., Herbordt, S., 1988. Çavi Tarlası. Bericht über die Ausgrabungskampagnen 1983–1984. Istanbuler Mitteilungen. Vol. 38. P. 5–35.

Watson, P.J., 1983. The Halafian Culture: A Review and Synthesis, // The Hilly Flanks and Beyond. Essays on the Prehistory of Southwestern Asia Presented to Robert. J. Braidwood, November 15, 1982 / T.C. Young, P.E.L. Smith, P. Mortensen (eds.). (SAOC 36). Chicago. P. 231–249.

Й. Беккер

ЗАМЕТКИ О РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА

Резюме. Ритуальные приношения представляют собой археологические комплексы, предметы которых намеренно уничтожались или сжигались. В Северной Месопотамии эпохи позднего неолита, т.е. халафского периода (около 6100–5300 cal. B.C.), такие комплексы обнаружены всего лишь на нескольких памятниках; тем не менее, их анализ позволяет составить представление о ритуальных действиях. В статье представлен обзор халафских ритуальных комплексов и их контекста на фоне особенностей этой культуры. Во многих случаях, ритуальные комплексы связаны с погребениями людей, поэтому их можно рассматривать как один из элементов завершающей их погребальных церемонии. Однако в некоторых случаях ритуальные комплексы обнаруженны под полами возводившихся зданий. Можно сделать вывод, что такие ритуальные действия совершались, в основном, в домовладениях. Этот факт подтверждается небольшим размером большинства халафских поселений – не более одного гектара, а также отсутствием в них культовых зданий, хотя поселения курпных размеров и культовые конструкции хорошо известны для более ранних периодов неолита. Таким образом, анализ ритуальных комплексов выявляет существенные различия в социальной организации и значение ритуальной практики у населения эпохи раннего и позднего неолита.

Ключевые слова: неолитический ритуал; ритуальные комплексы; халафский период; поздний неолит; Северная Месопотамия.

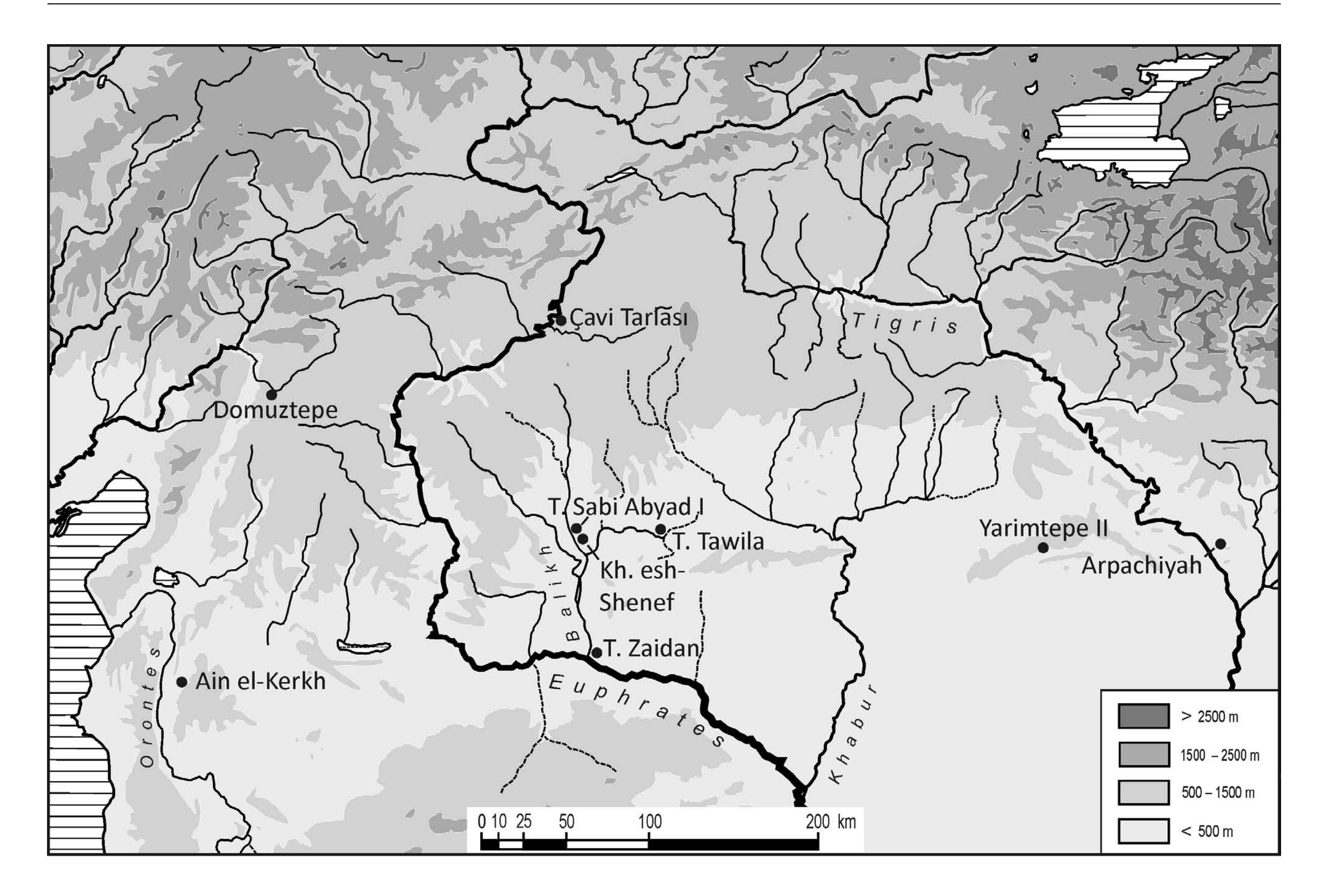

Fig. 1. Map of Late Neolithic sites in Upper Mesopotamia with evidence for ritual deposits and comparable practices

Sites	Ritual deposit	Foundation deposit	House destruction		Burial
			without burial	with burial	
Arpachiyah			☐		
Yarimtepe II	☐	☐			☐
Tell Tawila	☐				
Tell Sabi Abyad I				☐	
Khirbet esh-Shenef		☐			
Tell Zaidan					☐
Çavi Tarlasi					☐
Domuztepe					☐
Tell Ain el-Kerkh					☐

Fig. 2. Context of ritual activities at archaeological sites during the Late Neolithic of Upper Mesopotamia

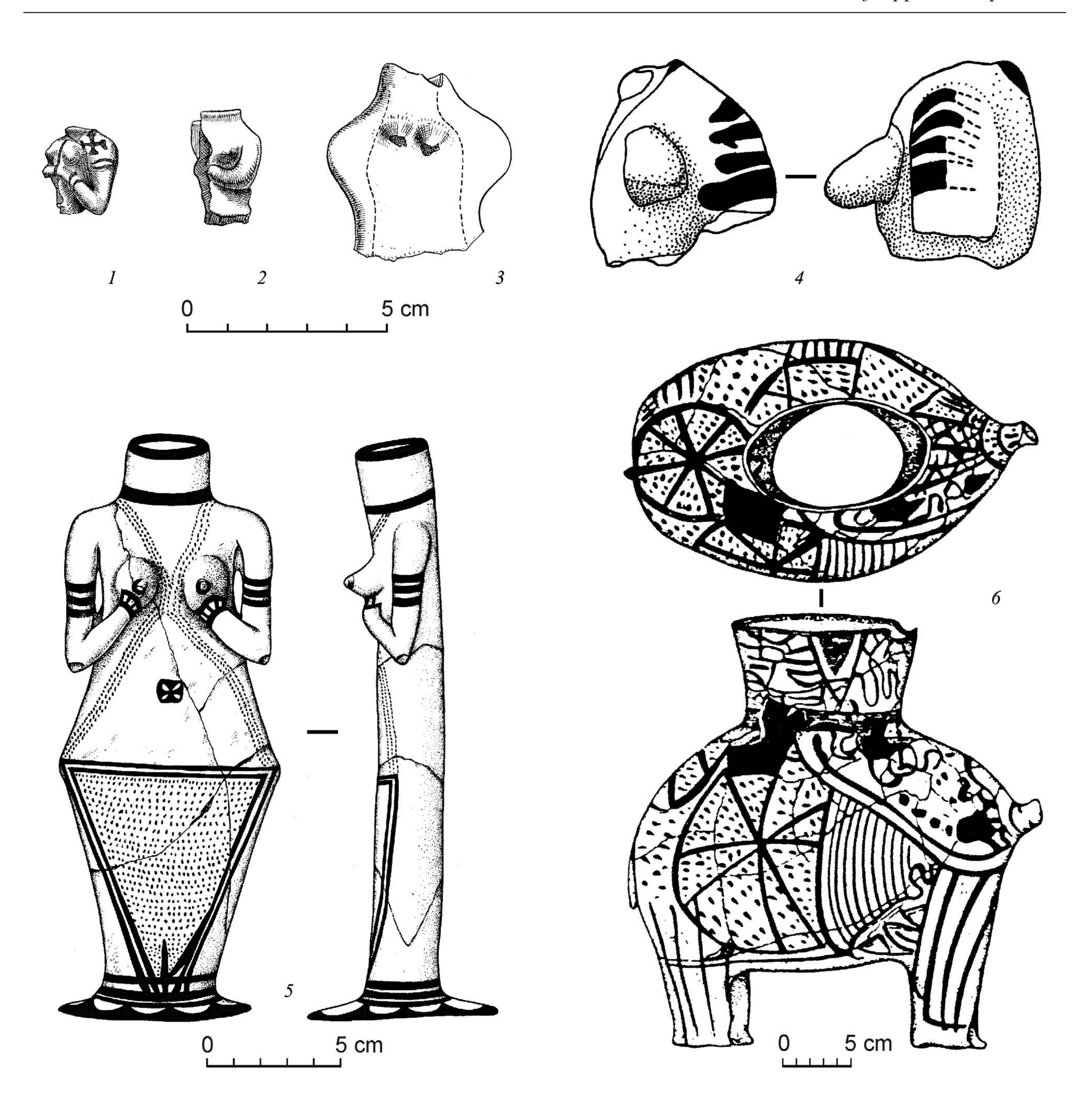

Fig. 3. Anthropomorphic vessels from Arpachiyah (no. 1–3), Tell Tawila (no. 4), Yarimtepe II (no. 5); no. 6 shows an zoomorphic vessel from Yarimtepe II (after: Mallowan, Rose, 1935. Fig. 45, 10–12; Merpert, Munchaev, Bader, 1981. Figs. VIII and XI; Becker, 2015. Abb. 88, 9)

С.В. Юцис-Акимова, И. Галле, Ш.Н. Амиров

НОВЫЕ ДАННЫЕ АРХЕОНАПРЯЖЕННОСТИ, ПОЛУЧЕННЫЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ХАЛАФСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЯРЫМ ТЕПЕ 2 (Северный Ирак)

Резюме. Статья посвящена исследованию быстрых вариаций напряженности геомагнитного поля в течение VI тыс. до н.э. на Ближнем Востоке. Представлены новые результаты археоинтенсивности, полученные из керамических фрагментов, собранных советскими археологами на поздненеолитическом многослойном поселении Ярым Тепе 2 в Северном Ираке. Новые данные археонапряженности были получены с помощью метода Телье-Телье, основанного на возможности магнитных минералов, входящих в состав глиняной массы, из которой был изготовлен археологический артефакт, «записывать» в процессе остывания ниже температуры Кюри параметры окружающего магнитного поля. Было отобрано 30 групп фрагментов (от 3 до 10 фрагментов в каждой группе) из различных слоев Ярым Тепе 2. Достаточная археоинтенсивность была получена от 23 групп фрагментов. От 3 фрагментов костей из разных слоев Ярым Тепе 2 были получены радиокарбонные даты. Новые результаты продемонстрировали явный тренд уменьшения интенсивности магнитного поля в течение VI тыс. до н.э. при наличии пика напряженности в районе 5500 лет до н.э.

Ключевые слова: археомагнетизм; халафский период; VI тысячелетие до н.э.; Северная Месопотамия; многослойное поселение; напряженность геомагнитного поля; быстрые вариации напряженности.

Введение

Возможность существования очень значительных быстрых вариаций напряженности геомагнитного поля активно обсуждается в геомагнитном и палеомагнитном сообществах. Доказательство существования таких вариаций и определение их характеристик имело бы большое значение для понимания процессов, происходящих в земном ядре (Olson, 2015; Holme, 2015; Gallet et al., 2014; Gallet et al., 2015; Livermore, 2014). Главная проблема при этом состоит в том, что надежно зафиксировать и детально охарактеризовать эпизоды быстрого изменения напряженности в геомагнитной летописи прошедших эпох весьма сложно. Эти задачи решаются в ходе археомагнитных исследований.

Среди короткопериодичных вариаций геомагнитного поля, которые наблюдались вплоть до настоящего времени, присутствуют ясные пики напряженности, которые, в зависимости от порядка значений, могут свидетельствовать либо о т.н. археомагнитных «джерках» (Gallet et al., 2003), либо о геомагнитных «спайках» (Ben-Yosef et al., 2009). Археомагнитные «джерки» были впервые выявлены Галле с соавторами (2003) в археомагнитной летописи Западной Европы и характеризуются весьма быстрыми (первые сотни лет) вариациями напряженности и направления геомагнитного поля. Геомагнитные «спайки» были открыты Беном-Йозефом с соавторами (2009) при изучении археомагнитной кривой Леванта. Они представляют собой рывки напряженности геомагнитного поля, характеризующиеся скоростью вариаций напряженности, превышающей современную более чем в 40 раз (~ 4–5 μT в год; Livermore et al., 2014; Ben-Yosef et al., 2009; Shaar et al., 2011). Наше современное представление о процессах, участвующих в механизме геодинамо,

 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.322-332

в частности скорости потоков на границе жидкого внешнего ядра и мантии (Holme, 2015) не сопоставимо с идеей существования геомагнитных «спайков» (Livermore et al., 2014). Максимальная скорость и амплитуда изменения напряженности, рассчитанная для современного поля (последние несколько веков, с начала обсерваторских наблюдений) составляет порядка 0,10 μT в год (Livermore et al., 2014). Несмотря на то, что археомагнитные «джерки» более согласуются с нашим пониманием геодинамо, они также нуждаются в проверке и доказательстве. Галле с соавторами (2009) сделали предположение о связи этих геомагнитных событий с сильной полушарной асимметрией дипольной составляющей магнитного поля Земли.

Менее экстремальные эпизоды быстрых вариаций напряженности геомагнитного поля были зафиксированы Галле с соавторами (2006; 2014) в археомагнитной летописи Ближнего Востока. Они выражаются в серии пиков напряженности, продолжительностью примерно 100–200 лет, наблюдаемых около 2600 лет до н.э.,~2300 лет до н.э., а также около 1500 лет до н.э.

Настоящее исследование посвящено изучению короткопериодичных вариаций напряженности геомагнитного поля на территории Ближнего Востока в VI тыс. до н.э. Мы представляем новые данные археонапряженности, полученные при изучении поселения халафской культуры Ярым Тепе 2. (Мунчаев, Мерперт, 1981). Мы провели измерения 30 групп фрагментов, отобранных из коллекции памятника, в настоящее время находящейся в хранилище Института археологии РАН в Москве. Новые данные выявили явный тренд к снижению значений археонапряженности на протяжении VI тыс. до н.э., с наличием четкой ступенчатой эволюцией поля в интервале ~5600–5400 лет до н.э. Резкое падение напряженности геомагнитного поля сопровождалось узким пиком (продолжительностью предположительно менее одного столетия) около 5500 лет до н.э.

Археологический контекст и археомагнитный отбор образцов

Ярым Тепе 2 ($\lambda = 36^{o}20'21''$ N, $\varphi = 42^{o}20'58''$ E) представляет собой многослойное поселение, которое расположено в Северном Ираке, в 50-ти километрах к западу от г. Мосул (рис. 1). Исторически данная область называлась Джезирой или Северной (Верхней) Месопотамией (Мунчаев, Мерперт, 1981; Akkermans, Schwartz, 2003; Nishiaki, Le Mière, 2005; Nieuwenhuyse et al., 2010; Bernbeck, Nieuwenhuyse, 2013).

Памятник исследовался советской экспедицией под руководством Р.М. Мунчаева с 1969 по 1976 г. (Мунчаев, Мерперт, 1981; Merpert, Munchaev, 1987). Археологами была открыта группа из шести холмов на берегу пересыхающего ручья Джубара-Дяряси. На поверхности трех из них (названных Ярым Тепе 1, 2 и 3) были заложены раскопы. Было установлено, что керамический материал, собранный при изучении данных памятников, принадлежит к трем последовательно существовавшим на данной территории поздненеолитическим культурам: хассунской, халафской и убейдской, соответственно. Археологический памятник Ярым Тепе 2 представлен в виде холма вытянутой формы, в связи с тем, что половина холма была размыта водным потоком (Ярым Тепе в переводе с турецкого означает «половина холма»). Размер холма во время раскопок составлял 100–120 м в длину, 50–60 м в ширину и 7 м в высоту. Раскоп был заложен на площади ~600 $м^2$ и был разделен на серию квадратов со стороной 10 м для удобства стратиграфического описания разреза (Merpert, Munchaev, 1987). Культурные отложения памятника были разделены археологическими методами на 9 строительных горизонтов. Целостность верхнего горизонта была нарушена ямами и могилами, заложенными в более поздние периоды. Собранный из верхних горизонтов керамический материал был отнесен к переходному периоду от халафской к убейдской культуре. Материк был достигнут на площади около 500 м кв.. Изучение формы керамических сосудов, найденных в отложениях памятника (в частности, соотношения «открытых» и «закрытых» форм), наряду с новыми данными радиоуглеродного анализа (представленными в данной статье в разделе «результаты») показали, что поселение было основано в течение среднего периода раннего этапа халафской культуры. (Амиров 1994; Amirov, Deopeak 1997. P. 69–85; Amirov 2018. P. 15–23).

Коллекция, насчитывающая несколько тысяч керамических фрагментов, наряду с образцами костей и других объектов, в настоящее время находится на хранении в Институте археологии РАН в Москве, Из этой коллекции был произведен отбор материалов для данного археомагнитного исследования. Всего было отобрано 30 групп фрагментов из последовательных стратиграфических уровней, мощностью в среднем приблизительно по 20 см. Каждая группа керамических фрагментов состоит минимально из 3-х, максимально из 13-ти экземпляров.

Методика археомагнитного исследования

Получение данных археонапряженности

Новые данные археонапряженности были получены с помощью метода Телье-Телье (Thellier E., Thellier O., 1959), основанного на возможности магнитных минералов, входящих в состав глиняной массы, из которой был изготовлен археологический артефакт, «записывать» в процессе остывания ниже температуры Кюри параметры окружающего магнитного поля (Храмов, 1982; Tauxe, 2002). Принцип метода состоит в замещении естественной остаточной намагниченности (NRM), приобретенной керамическим фрагментом в процессе обжига изделия, новой термоостаточной намагниченностью (TRM), приобретаемой изделием в лабораторно контролируемом магнитном поле (H_{lab}; Thellier E., Thellier O., 1959). Далее, напряженность древнего магнитного поля определяется, как отношение NRM к TRM, умноженное на напряженность лабораторного поля:

$$Hanc = \frac{NRM}{TRM} * Hlab \qquad (1)$$

Измерения проводились при помощи протокола, разработанного М. Ле Гоффом и И. Галле (Le Goff, Gallet, 2004) для трехосного вибрационного магнитометра Триакс. Данный магнитометр позволяет проводить измерения небольших образцов цилиндрической формы (<1см^3), нагревая их непрерывно до высоких температур (до 700° С), в магнитном поле вплоть до ~200 µT. В нашем случае, температурный интервал измерения (T1–T2) был выбран таким образом, чтобы, с одной стороны, размагнитить максимальное количество магнитной фракции для получения удовлетворительной записи, с другой стороны – максимально избежать изменений минерального состава в высокотемпературном интервале. Температура T1 начала измерения, как правило, составляет 150° С, в то время как верхний предел температурного интервала в основном составляет 500–520° С. Процедура измерения на Триаксе состоит из пяти последовательных циклов нагрева/охлаждения образца внутри данного температурного интервала (кроме первого цикла: он включает в себя нагрев от комнатной температуры до T1; измерения при этом начинаются с последней). Подробное описание процедуры измерения можно найти в: Le Goff, Gallet, 2004. В данной статье мы только кратко отметим, что процедура состоит из размагничивания NRM путем нагревания образца до T2 в нулевом поле; следующие два цикла (охлаждение и нагрев в нулевом поле) призваны проследить эволюцию спонтанной намагниченности фракции, не размагниченной вплоть до температуры T2; следующий цикл заключается в придании образцу новой TRM путем охлаждения его от T2 до T1 в заданном поле; последний шаг – размагничивание TRM путем нагрева образца до T2; далее образец остывает в нулевом поле до комнатной температуры. Значение напряженности (R’(T_i)), полученное для каждого температурного шага (T_i,~5° С) между T1 и T2, высчитывается по формуле (1). Таким образом, конечное значение напряженности для каждого образца является усредненным по всему температурному интервалу значением R’(T_i). Протокол автоматически делает поправку на анизотропию термоостаточной намагниченности, а также эффект «скорости охлаждения», который возникает в связи с разной скоростью остывания объекта ниже температуры Кюри в естественных и лабораторных условиях (Genevey et al., 2009). Продолжительность всего эксперимента составляет примерно 2 часа на один образец. Нами измерялись, как правило, по три цилиндрических образца из каждого керамического фрагмента (описание критериев отбора данных приведено ниже).

При вычислении напряженности древнего поля, первоначальной задачей является выделение характеристической компоненты NRM. Часто низкотемпературный интервал на кривых размагничивания отражает направление вязкой остаточной намагниченности (VRM), которая, как правило, размагничивается при температурах ниже 200° С. В случае керамических фрагментов, также весьма часто встречается вторичная компонента NRM, приобретенная во время повторного использования данного изделия (например, в процессе готовки). Таким образом, температура T1 при вычислении конечного значения напряженности может быть увеличена.

Проверка данных, магнитная минералогия

Для повышения надежности результатов археомагнитных исследований был разработан набор критериев отбора данных (Gallet et al., 2006; Genevey et al., 2009, 2016; Hartmann et al., 2010). Эти критерии могут быть применены на трех уровнях: на уровне образца, фрагмента и группы фрагментов.

Согласно настоящим критериям, для каждого образца эволюция кривой значений R(T_i) должна быть незначительной (градиент не более 10%) на всем температурном интервале. Кроме того, магнитная фракция, размагниченная при температуре ниже T2, должна составлять не менее 50% от общего числа магнитных зерен. Значения напряженности

для каждого фрагмента являются усредненными значениями по всем образцам из данного фрагмента. Таким образом, значение является достоверным только в случае, когда не менее двух образцов из фрагмента дали удовлетворительный результат (в большинстве случаев значения напряженности для каждого фрагмента получены по трем образцам). При этом среднеквадратичное отклонение (или среднеквадратичная ошибка, в случае не более двух образцов) должно быть не более 5% от среднего значения напряженности фрагмента. На уровне группы фрагментов, среднее значение высчитывается по значениям не менее трех фрагментов, среднеквадратичное отклонение при этом должно составлять не более 5 μT.

Помимо вышеприведенных критериев, нами был применен дополнительный тест (3σ тест) для определения фрагментов, чьи значения напряженности резко отличаются от значений других фрагментов в данной группе. Такие фрагменты встречены во многих группах по разрезу памятника, что может говорить о том, что степень пертурбации отложений внутри археологических уровней многослойного поселения весьма велика.

Для определения минералогического состава магнитной фракции нами был проведен ряд дополнительных анализов. Были получены кривые изотермальной остаточной намагниченности (IRM), приобретаемой образцами в поле до 1T, петли гистерезиса, а также получены кривые зависимости магнитной восприимчивости от температуры. Результаты данных анализов показали, что основными носителями магнитного сигнала в образцах являются минералы группы титаномагнетита. Кроме того, кривые зависимости магнитной восприимчивости от температуры показали, что при нагреве образцов до высоких температур (~580°C) не происходит химического изменения минерального состава образца.

Результаты

Новые данные археонапряженности

Нами был измерен в общей сложности 181 фрагмент (561 образец). Среди них данные, удовлетворяющие критериям отбора, были получены по 114 фрагментам (321 образец). Таким образом, показатель эффективности составляет примерно 63%. Предыдущие археомагнитные исследования Халафских поселений в Сирии, проведенные Галле с соавторами (2015), имели схожий высокий показатель эффективности, что говорит в пользу Халафской керамики как объекта археомагнитных исследований.

Новые данные археонапряженности показаны на рис. 2. График показывает средние значения напряженности для каждой группы фрагментов относительно их стратиграфического положения в разрезе многослойного поселения. Несколько групп были исключены из конечного результата, так как их значения не соответствовали критериям отбора данных. Так, группа YT12 была исключена, так как ни один из фрагментов не дал удовлетворительных значений напряженности; группы YT02, YT09, YT08 и YT18 – так как значения были получены менее чем по трем фрагментам; группы YT05 и YT13 были исключены, так как дисперсия значений внутри группы составляет более 5 μT. Таким образом, кривая вариаций археонапряженности для Ярым Тепе 2 была получена по 23 группам фрагментов из 30 отобранных.

Кривая вариаций напряженности, показанная на рис. 2, имеет отчетливо ступенчатый характер эволюции, с явным трендом падения напряженности на ~12 μT на стратиграфическом уровне примерно 5 м. При этом на фоне общего резкого падения археонапряженности выше указанного уровня, на графике виден резкий пик напряженности, наблюдаемый в узком стратиграфическом интервале ~4,60–4,70 м (VII строительный горизонт). Нужно отметить, что наибольшая дисперсия данных была отмечена в группах (не прошедших отбор по критериям), отобранных из стратиграфических уровней, «окружающих» наблюдаемый в районе 4,6 м пик напряженности. Это может свидетельствовать о том, что в данном интервале вариации напряженности геомагнитного поля были более значительными и быстрыми. Таким образом, фрагменты, чьи значения не вошли в конечные результаты как выброс данных и, как следствие, были интерпретированы нами, как принадлежащие к другим стратиграфическим уровням, могли на самом деле принадлежать к данной группе и отображать вышеуказанные быстрые вариации. Однако довольно большая дисперсия также наблюдается в группах из верхних строительных горизонтов (YT01 и YT03), которые были нарушены могилами и ямами, что говорит в пользу версии о нарушении возрастной гомогенности внутри группы. Тем не менее, стоит отметить, что после использования 3σ теста наблюдается высокая консистентность данных внутри групп по разрезу.

Датирование разреза

Основываясь на керамическом материале, поселение Ярым Тепе 2 было датировано Халафским периодом позднего Неолита, с присутствием в верхней части разреза керамики переходного, от халаф-

ской к убейдской культуре, периода (Мунчаев, Мерперт, 1981; Merpert, Munchaev, 1987; Бадер, 1989; Амиров, 1994; Akkermans, Schwartz, 2003; Bernbeck, Nieuwenhuyse, 2013). Также отмечалось, что культурный слой Ярым-Тепе 2, не имеет отложений самого раннего этапа развития халафской культуры (Амиров 1994; Amirov, Deopeak 1997. P. 69–85; Amirov 2018. P. 15–23). Для того, чтобы проверить данное утверждение, нами был проведен радиоуглеродный анализ образцов костей, отобранных из разреза. Датирование было произведено в лаборатории Beta Analytics (Майами). Было отобрано по одному образцу кости из трех стратиграфических уровней разреза. Полученные радиоуглеродные возраста были калиброваны при помощи программы OxCal с использованием калибровочной базы данных INTCAL13 (Reimer et al., 2013). Ниже приведены полученные откалиброванные возраста (вероятность 95%) с соответствующими стратиграфическими уровенями:

– уровень 3,80–4,30 м: 5621–5492 лет до н.э.
– уровень 5,60–5,80 м: 5736–5643 лет до н.э.
– уровень 6,26–6,50 м: 5718–5564 лет до н.э.

Границы халафских подразделений, согласно предлагаемой некоторыми исследователями схеме, имеют следующие абсолютные даты: ранний/средний Халаф – ~5750 лет до н.э.; средний/поздний Халаф – ~5550 лет до н.э.; переходный от Халафского к Убейдскому период охватывает интервал от ~5300 до 5000 лет до н.э. (Campbell, 2007; Bernbeck, Nieuwenhuyse, 2013; Molist et al., 2013). Таким образом, полученные данные радиоуглеродного анализа, как будто подтверждают отсутствие в разрезе памятника отложений самого раннего этапа халафской культуры. Далее, говоря о границах внутри халафских подразделений, мы придерживаемся вышеуказанных абсолютных датировок.

Для построения кривой вариаций напряженности геомагнитного поля, полученной по разрезу отложений памятника Ярым Тепе 2, как функции времени, нами была построена временная модель по технике «бутстрэп» – статистический метод распределения вероятностей путем генерации выборок методом Монте-Карло. В основе данной процедуры лежат несколько точек привязки из археологического разреза. Таковыми являются полученные нами три радиоуглеродных возраста, а также три границы халафских подразделений, с соответствующими им стратиграфическими уровнями: вторая половина раннего/начало среднего Халафа в основании разреза (~7 м), средний/поздний Халаф – на уровне ~4,80 м и граница позднего Халафа и переходного Халаф-Убейдского периода – на уровне ~2,20 м. Для построение временной модели части разреза, датированной переходным Халаф-Убейдским периодом, мы использовали технику грубой аппроксимации значений на основе постоянной скорости накопления культурных отложений, рассчитанной для другой части разреза (0,94 см/год). Результаты данной модели показаны на рис. 3.

Вариации напряженности в VI тыс. до н.э.

Мы провели сравнение новых данных археонапряженности, полученных нами при изучении Ярым Тепе 2, с двумя основными наборами данных, доступных для VI тыс. до н.э., полученных при изучении археологических объектов Сирии (Gallet et al., 2015) и относительно близко расположенного региона Болгарии (Kovacheva et al., 2014).

Первоначально сравнение данных Ярым Тепе 2 с данными, полученными по теллям Халула и Мазаикх в Сирии, было несколько проблематично. В обеих археомагнитных записях наблюдается общий тренд в поведении геомагнитного поля на протяжении изучаемого интервала, с наличием узкого пика напряженности в позднем Халафе, а также снижения напряженности на протяжении Халаф-Убейдского переходного периода. При этом временной интервал, в котором наблюдаются данные явления, несколько отличается. Однако стоит заметить, что возраста групп фрагментов из телля Халула, были смоделированы Галле с соавторами (см. дискуссию в: Gallet et al., 2015) с использованием техники грубой аппроксимации на основе постоянной скорости накопления культурных отложений на всем протяжении существования поселения. При этом весьма вероятно, что датирование разреза телля Халула может быть откалибровано таким образом, что девять групп фрагментов из верхних стратиграфических уровней, равномерно распределенных авторами на всем протяжении позднего Халафа, на самом деле принадлежат к более ранней его части. Далее, телль Халула, возможно, не был оккупирован в течении более поздней части позднего Халафа. На рис.4 представлен вариант откалиброванной кривой для телля Халула. При таком варианте, который хорошо согласуется с археологическими свидетельствами, в обеих записях пик напряженности геомагнитного поля приходится примерно на 5500 лет до н.э.

Сравнение данных Северной Месопотамии с данными, полученными по Болгарии (Kovacheva et al., 2014), подтверждает наличие узкого пика напряженности в районе 5500 лет до н.э., а также падение значений напряженности в интервале ~5600–5400 лет до н.э. (рис. 4). Второй пик напряженности,

в районе 5800 лет до н.э., выявленный в болгарской археомагнитной записи, не может быть подтвержден в настоящее время за неимением данных археонапряженности для данного временного интервала. Сравнение археомагнитных кривых Северной Месопотамии и Болгарии в промежутке, отнесенном к переходному Халаф-Убейдскому периоду, в настоящее время также весьма проблематично. В болгарской археомагнитной записи наблюдается явный тренд к увеличению значений археонапряженности на протяжении указанного периода вплоть до ~50 μT, в то время как в археомагнитной записи Северной Месопотамии значения напряженности остаются на уровне ~ 30–33 μT. Однако важно заметить, что абсолютное датирование данного археологического периода в настоящее время весьма спорно, и последний не имеет четких временных рамок (см. дискуссию в: Campbell, 2007; Campbell, Fletcher, 2010). Так, если граница позднего Халафа и переходного Халаф-Убейдского периода будет датирована примерно на столетие раньше (в районе 5400 лет до н.э.), то согласие данных археонапряженности Верхней Месопотамии и Болгарии будет идеальным. Такой вариант в будущем может быть подтвержден новыми данными, полученными по теллю Бегум, расположенному в Иракском Курдистане, в настоящий момент исследуемому археологической экспедицией под руководством O. Nieuwenhuyse.

Мы рассчитали интенсивность вариаций напряженности во время резкого снижения значений, а также во время пика напряженности в районе 5500 лет до н.э. Нами были получены следующие значения: во время падения напряженности в интервале ~5600–5500 лет до н.э. интенсивность вариаций составляла ~0.14 μT/год; во время пика напряженности в районе ~5500 – примерно 0,23 μT/год и 0,19 μT/год для восходящей и нисходящей ветви археомагнитной кривой, соответственно. Таким образом, общая интенсивность вариаций на протяжении указанного периода составляла ~0,15–0,25 μT/год, что несколько выше таковой, рассчитанной для современного магнитного поля (Livermore et al., 2014). Данные значения сопоставимы со значениями, полученными для более молодых периодов на территории Западной Европы: около 700 лет до н.э. (Hervé et al., 2017) и в течение X в. н.э. (Genevey et al., 2009; Genevey et al., 2016). При этом эти значения значительно ниже таковых, рассчитанных для периодов геомагнитных «спайков» (Ben-Yosef et al., 2009; Shaar et al., 2011; Shaar et al., 2016) и археомагнитных «джерков» (Gallet et al., 2003; Gallet et al., 2014).

Заключение

В качестве заключения мы бы хотели еще раз подчеркнуть особенность многослойных поселений, как для археологических, так и для археомагнитных исследований. В особенности это касается поселений Халафского периода. Настоящее исследование, наряду с предыдущими исследованиями археологических памятников Сирии и Болгарии, показало, что VI тыс. до н.э. было периодом весьма значительных и быстрых вариаций напряженности геомагнитного поля. Данный интервал является одним из наиболее интересных для получения новых данных археонапряженности в масштабах десятков и первых сотен лет. Кроме того, новые данные археонапряженности, полученные по образцам из Ярым Тепе 2, показали, что археомагнетизм, в свою очередь, может быть использован как инструмент археологических исследований, для калибровки и датирования культурных отложений.

Благодарности

Это исследование было финансировано грантом N 14.Z50.31.0017 Министерства Образования и Науки РФ. Мы выражаем благодарность Olivier Nieuwenhuyse, Pascal Butterlin, Beatrice Robert, Maxime Le Goff, Agnes Genevey и др. за активные и интересные дискуссии, которые помогли при подготовке данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амиров Ш.Н., 1994. Морфология керамики халафской культуры Северной Месопотамии (по материалам поселения Ярым-Тепе 2). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.

Бадер Н.О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии: Исследования советской археологической экспедиции в Ираке на поселениях Телль Магзалийа, Телль Сотто, и Кюль Тепе. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования Советской экспедиции в Ираке. М.

Храмов А.Н., 1982. Палеомагнитология. Ленинград.

Akkermans P.M.M.G., Schwartz G.M., 2003. The Archaeology of Syria. From Complex Hunter-gatherers to Early Urban Societies (ca. 16,000–300 BC). New York (Cambridge World Archaeology).

Amirov Sh.N., 2018. The Morphology of Halafian Painted Pottery from Yarim Tepe II, and the process of Ubaidian Acculturation // II Workshop on Late Neolithic Ceramics in Ancient Mesopotamia: pottery in context, Monografies del MAC 1 / A. Gómez-Bach, J. Becker and Molist M. (eds). Barcelona. P. 15–23.

Amirov Sh.N., Deopeak D.V. 1997. Morphology of Halafian Painted pottery from Yarim Tepe 2, (using computerized shape analysis) // Baghdader Mitteilungen. Band 28. P. 69–85.

Bar-Yosef O., 1998. The Natufian Culture in the Levant, Threshold to the Origins of Agriculture // Evolutionary Anthropology. 6. P. 159–177.

Ben-Yosef E., Tauxe L., Levy T.E., Shaar R., Ron H., Najjar M., 2009. Geomagnetic intensity spike recorded in high resolution slag deposit in southern Jordan, 2009 // Earth Planet. Sci. Lett. 287, 3–4. P. 529–539.

Bernbeck R., Nieuwenhuyse O.P., 2013. Established paradigms, current disputes and emerging themes: the state of research on the Late Neolithic in Upper Mesopotamia (PALMA). // Interpreting the Late Neolithic of Upper. Turnhout. P. 17–37.

Campbell S., 2007. Rethinking Halaf chronology // Paleorient,1. 33. P. 103–136.

Campbell S., Fletcher A., 2010. Questioning the Halaf-Ubaid transition // Beyond the Ubaid: Transformation and Integration in the Late Prehistoric Societies of the Middle East / R.A. Carter, G. Philip (eds.). SAOC, 63. Chicago. P. 69–83.

Campbell S., Fletcher A., 2013. Scale and integration in Northern Mesopotamia in the early 6th Millennium cal.BC // Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia / O.P. Nievenhuyse, R. Bernbeck, P.M.M.G. Akkermans, J. Rogasch (eds.). Turnhout. P. 39–50.

Gallet Y., Genevey A., Courtillot V., 2003. On the possible occurrence of ‘archaeomagnetic jerks’ in the geomagnetic field over the past three millennia // Earth Planet Sci. Lett. 214. P. 237–242.

Gallet Y., Genevey A., Le Goff M., Fluteau F., Eshraghi S.A., 2006. Possible impact of the Earth’s magnetic field on the history of ancient civilizations // Earth and Planetary Science Letters. 246. P. 17–26.

Gallet Y., D’Andrea M., Genevey A., Pinnock F., Le Goff M., Matthiae P., 2014. Archaeomagnetism at Ebla (Tell Mardikh, Syria). New data on geomagnetic field intensity variations in the Near East during the Bronze Age // Journal of Archaeological Science 42. P. 295–304.

Gallet Y., Molist M., Genevey A., Clop Garcia X., Thébault E. Gómez Bach A., Le Goff M. Robert B., Nachasova I., 2015. New Late Neolithic (c. 7000–5000 BC) archeointensity data from Syria. Reconstructing 9000 years of archeomagnetic field intensity variations in the Middle East // Physics of the Earth and Planetary Interiors. 238. P. 89–103.

Genevey A., Gallet Y., Rosen J., Le Goff M., 2009. Evidence for rapid geomagnetic field intensity variations in Western Europe over the past 800 years from new archeointensity French data // Earth and Planetary Science Letters. 284. P. 132–143.

Genevey A., Gallet Y., Jesset S., Thébault E., Bouillon J., Lefèvre A., Le Goff M., 2016. New archeointensity data from French Early Medieval pottery production (6th–10th century AD): Tracing 1500 years of geomagnetic field intensity variations in Western Europe // Earth and Planetary Science Letters. 257. P. 205–219.

Hartmann G., Genevey A., Gallet Y., Trindade R., Etchevarne C., Le Goff M., Afonso, M., 2010. Archeointensity in Northeast Brazil over the past five centuries // Earth and Planetary Science Letters. 296. P. 340–352.

Hervé G., Fassbinder J., Gilder S., Metzner-Nebelsick C., Gallet Y., Genevey A., Schnepp E., Geisweid L., Pütz A., Reub S., Wittenborn F., Flontas A., Linke R., Riedel G., Walter F., Westhausen I., 2017. Fast geomagnetic field intensity variations between 1400 and 400 BCE : new archaeointensity data from Germany // Phys. Earth Planet. Inter. 270. P. 143–156.

Holme R., 2015. Large-scale flow in the core. Treatise on Geophysics. [Электронный ресурс]. Second Edition (2015). P. 91–110. URL: http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-444-53802-4.00138-X

Kovacheva M., Kostadinova-Avramova M., Jordanova N., Lanos P., Boyadziev Y., 2014. Extended and revised archaeomagnetic database and secular variation curves from Bulgaria for the last eight millennia // Phys. Earth Planet. Inter. 236. P. 79–94.

Le Goff M., Gallet Y., 2004. A new three-axis vibrating sample magnetometer for continuous high-temperature magnetization measurements: applications to paleo- and archeo-intensity determinations // Earth Planet. Sci. Lett. 229. P. 31–43.

Livermore P.W., Fournier A., Gallet Y., 2014. Core-flow constraints on extreme archeomagnetic intensity changes // Earth Planet. Sci. Lett. 387. P. 145–156.

Molist M., Anfruns J., Bofill M., Borrell F., Buxy R., Clop X., Cruells W., Faura J.M., Ferrer A., Gómez A., Guerrero E., Saca M., Tornero C., Vicente O., 2013. Tell Halula (Euphrates Valley, Syria): New approach to VII and VI millennia cal. B.C. in Northern Levant framework // Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia (PALMA). Turnhout. P. 443–455.

Merpert N.J., Munchaev R.M., 1987. The Earliest Levels at Yarim Tepe I and Yarim Tepe II in Northern Iraq // Iraq 49. P. 1–36.

Nieuwenhuyse O., Akkermans P., van der Plicht J., 2010. Not so coarse, nor always plain-the earliest pottery of Syria // Antiquity. 84 (323). P. 71–85.

Nishiaki Y., Le Mière M., 2005. The oldest pottery Neolithic of upper Mesopotamia: new evidence from tell Seker al-Aheimar, the Khabur, northeast Syria // Paléorient. 31,2. P. 55–68.

Olson P., 2015. Core dynamics [Электронный ресурс]: an introduction and overview // Treatise on Geophysics. 2nd ed. Vol. 8. P. 1–23. URL: http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-444-53802-4.00138-X

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Warren J.B., Blackwell P., Ramsey C.B., Buck K., Cheng H., Edwards L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S., Van der Plicht J., 2013. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon. 55, 4. P. 1869–1887.

Robert B., 2010. Développement et disparition de la production céramique halafienne: implications techniques et sociales à partir d'études de cas: PhD thesis.

Shaar et al., 2011. Geomagnetic field intensity: how high can it get? How fast can it change? Constraints from iron-age copper-slag, 2011 // Earth Planet Sci. Lett. 301. P. 297–306.

Shaar R., Ben-Yosef E., Ron H., Tauxe L., Agnon A., Kessel R., 2016. Large geomagnetic field anomalies revealed in Bronze to Iron Age archeomagnetic data from Tel Megiddo and Tel Hazor, Israel // Earth Planet Sci. Lett. 442. P. 173–185.

Tauxe L., 2002. Paleomagnetic principles and practice. Dordrecht.

Thellier E., Thellier O., 1959. Sur l'intensité du champ magnétique tesrrestre dans le passé historique et géologique // Ann. Géophys. 15. P. 285–376.

S.V. Yutsis-Akimova, Y. Gallet, Sh.N. Amirov

NEW DATA ON ARCHAEOINTENSITIES OBTAINED FROM INVESTIGATION OF HALAFIAN SETTLEMENT OF YARIM TEPE 2 (NORTHERN IRAQ)

Abstract. This study is devoted to the investigation of the rapid geomagnetic field intensity fluctuations during the 6th millennium BC in the middle East. We present the new archeointensity results, obtained from pottery fragments, collected by Soviet Archeologists from the Late Neolithic multilayered settlement Yarim Tepe II, situated in Northern Iraq. The site comprises 7-m thick sequence of cultural deposits, divided into 9 archeological levels. Archeointensity determinations were obtained using the protocol, derived from the classical Thellier-Thellier method. This protocol was developed for the three-axes vibrating sample magnetometer Triaxe, making it possible to heat samples directly up to high temperatures. Archeointensity measurements were complemented by the rock-magnetic analyses in order to test the properties of the magnetic carriers, as well as to avoid as much as possible the probable alterations of the mineralogy during the heating. In addition, we performed the 3σ test in order to detect the potential outliers within the groups of fragments and, by rejecting them, increase the reliability of the obtained data.

We collected 30 groups of fragments from superposed stratigraphic levels of approximately 20 cm thick in average, covering the entire archeological sequence of the Yarim Tepe II site. Each group consists of minimum 3 (up to 10) fragments. The sufficient archeointensity determinations were obtained from 23 groups of fragments. We carried out the radiocarbon dating of the three bone-samples, collected from three different archeological levels. The new ages show, that the settlement probably was not occupied before the beginning of the Middle Halaf period. In order to present the new archeointensity results as a function of time we constructed the age model using a bootstrap procedure with several tie-points within the archeological sequence.

The new results show the clear trend of the magnetic field intensity decrease during the 6th millennium BC, with the occurrence of the step-like evolution during the ~5400–5600 BC time interval. The intensity values dropped drastically by ~12 μT. This drop of intensity was accompanied by the narrow (perhaps, less than one century) intensity peak around ~5500 BC. The variation rates associated with the peak are ~0,15–0,25 μT/year, which is lower, than the variation rates proposed for the periods of the geomagnetic spikes, but appear similar to those observed in Western Europe around 700 BC and during the 1st millennium AD.

Keywords: archaeomagnetism; Halaf period; Upper Mesopotamia; multilayered settlement; VI Millennium BC; geomagnetic field intensity; rapid geomagnetic field variations.

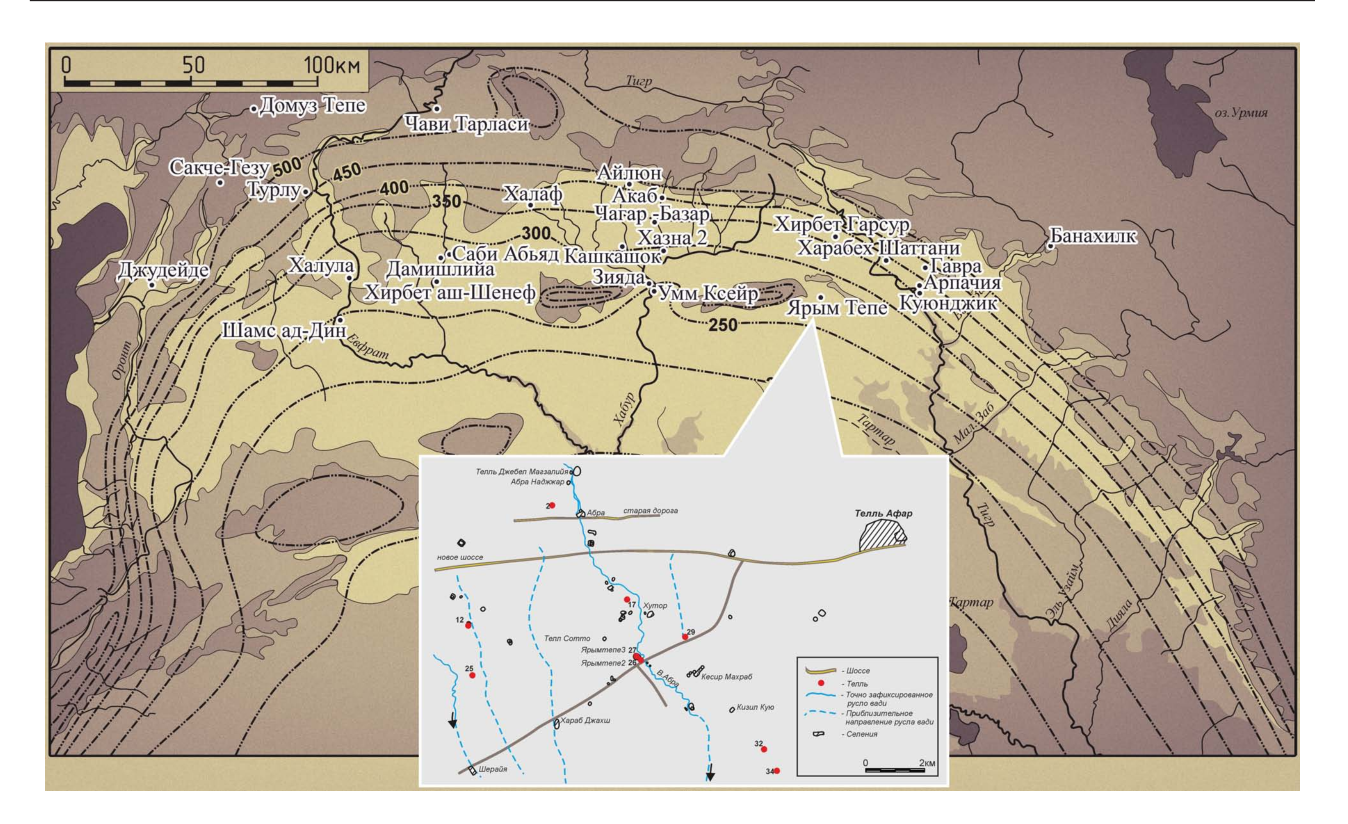

Рис. 1. Халафские памятники на территории Северной Месопотамии.
В выноске, халафские памятники в районе Ярым Тепе II

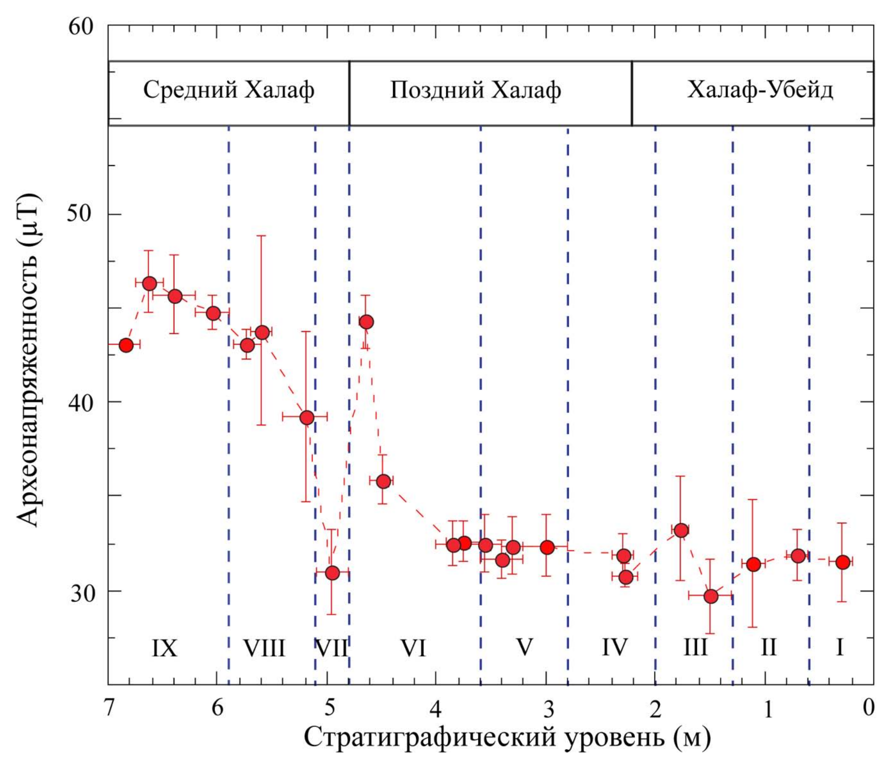

Рис. 2. Результаты археонапряженности, полученные по Ярым Тепе II, представленные в виде средних значений напряженности по группе фрагментов относительно их стратиграфической позиции в разрезе памятника. I–IX: строительные горизонты, выделенные в разрезе (Мунчаев, Мерперт, 1981)

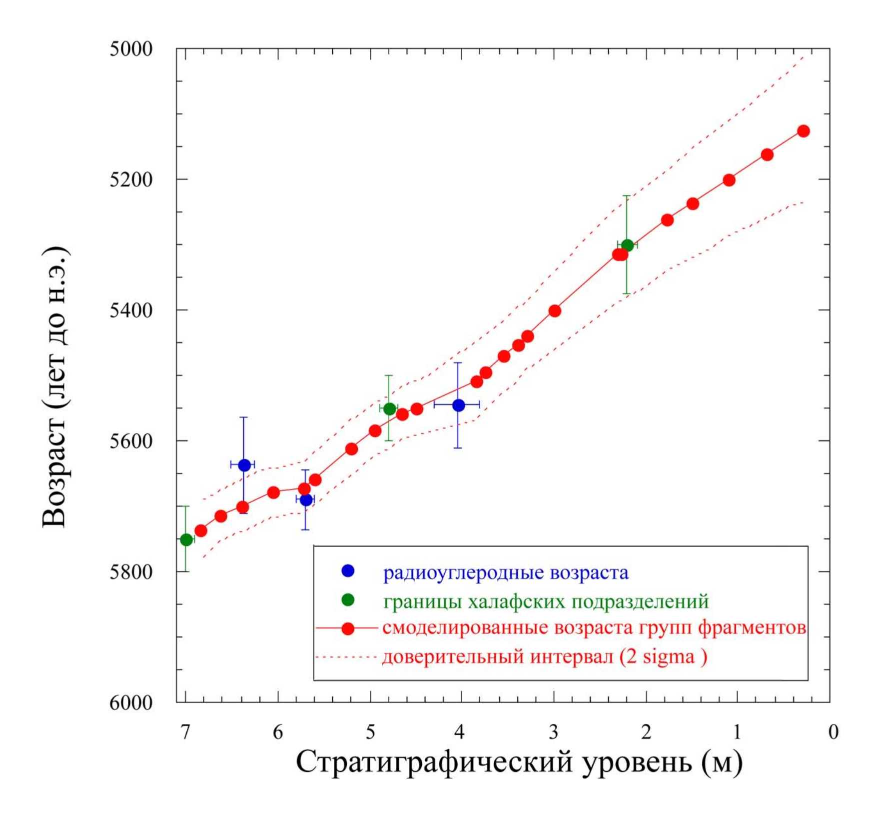

Рис. 3. Смоделированные возраста групп фрагментов, по которым были получены удовлетворительные данные археонапряженности, показанные относительно их стратиграфической позиции

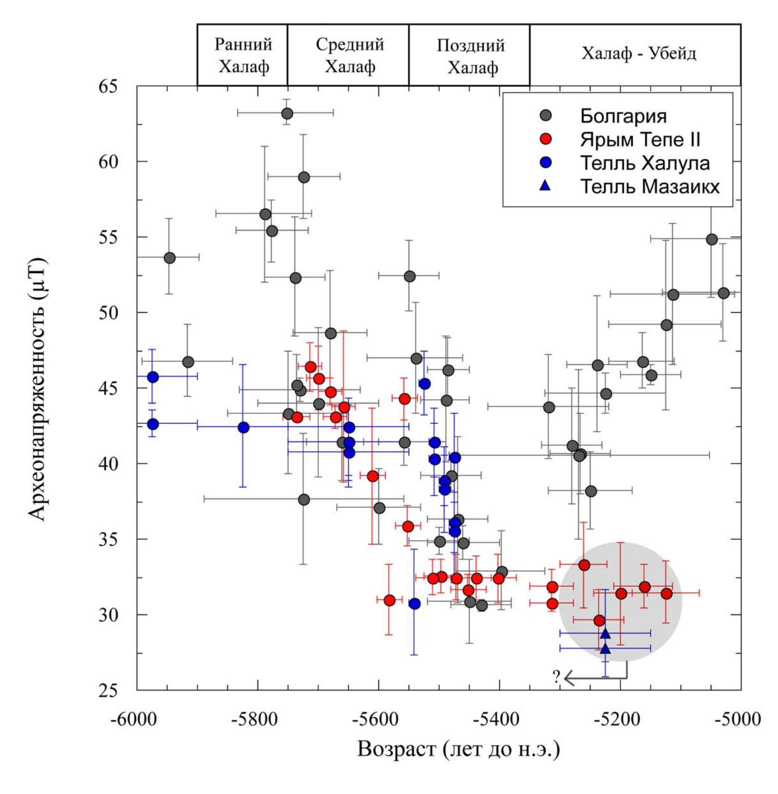

Рис. 4. Сравнение данных археонапряженности, полученных при изучении археологических памятников Ближнего Востока и Болгарии: красные круги - данные, полученные по Ярым Тепе II; синие круги – по Теллю Халула; синие треугольники – по Теллю Мазаикх; серые круги – болгарские данные

C. Breniquet

ERIDU, CITY OF THE MAGICIAN

Abstract. Each of us knows how difficult it is to excavate mud-bricks' architectures and how even much more difficult it is to reconstitute such architecture. We will discuss here an apparent paradox. Seton Lloyd was a British architect involved in Near Eastern field archaeology shortly after his years in training, in the 1930s. After a brief stay in Egypt where he met Henri Frankfort, part of his career was devoted to the establishment of a modern-day archaeology in Iraq and Turkey. Among other experiences, he collaborated with Fuad Safar on two major sites, Tell Hassuna and Eridu where they established the stratigraphic sequence of Mesopotamia's Late Prehistory. As an architect, Lloyd made several reconstructions of the buildings he contributed to excavate. His Tell Hassuna's house is famous despite the badly preserved architectural remains. But in Eridu, where the Ubaidian tripartite buildings were impressive and easy to rebuild virtually, Lloyd chose to illustrate them with another model, taken in the Mesoamerican world. We will try to find an explanation to this choice.

***Keywords*:** Lloyd; Eridu; Ubaid; Uruk; temple; Uxmal; Pyramid of the Magician.

It is an honor for me to contribute to the volume dedicated to Professor Rauf Munchaev whom I met several years ago. As an archaeologist who works on the Late Prehistory of Mesopotamia, I feel indebted to the Soviet Expedition in Iraq for field collaboration, and especially to Prof. Munchaev for his generosity in sharing his scientific results. As a testimony of respect for his impressive excavations in Yarim Tepe and his contribution to the understanding of the Late Neolithic period, I am happy to offer him this short note concerning a recalcitrant point he probably pondered: architecture's restitution.

Beyond his name belonging to one of the most famous British families from the bank and insurance world (Collon, 1995–1996. P. 334), Seton Lloyd is known to have been a pioneer architect involved in Near Eastern archaeology. His career started in 1927 when he qualified as architect. First, he joined for one year the Gray's Inn office of Mrs Gillian Harrisson, and then shortly after he became junior assistant at Sir Edwin Lutyens' Bureau in London. Such training experiences should have driven him to become a young architect in vogue. Life decided for him otherwise. He jumped at the chance to replace E.B. Rorke, a colleague of his, as the architect for the Egypt Exploration Society at Tell el-Amarnah. What could have been an exotic interlude in his training period was in fact the beginning of a new life (Lloyd, 1982; Lloyd, 1986. P. 11–16, 26–30). There he met Henri Frankfort and a solid relation built on mutual friendship and professional respect developed between them. Frankfort appreciated Lloyd's ability to make rigorous field plans and reconstructions that were quite uncommon in the archaeological reports of the 1930s, especially in the context of mud brick architecture. The collaboration with Frankfort was probably the turning point of Lloyd's career. He integrated the Oriental Institute of Chicago's expedition in Iraq to Khorsabad, Jerwan and to the newly excavated sites of the Diyala region. There, mud bricks became the new specialty of a young architect trained for a quite different building field. His contribution to Mesopotamian archaeology is immeasurable.

The first Iraqi experiences gave Lloyd the opportunity to meet some persons of note from the Meso-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.333-339

potamian archaeological circle, such as T. Jacobsen, M. Mallowan and F. Safar. If part of his career also took place in Turkey as director of the British Archaeological Institute at Ankara with the excavations of some major sites such as Beycesultan, Lloyd made a significant contribution to the Late Neolithic period of Mesopotamia. More precisely, he took part in the excavations of two major stratified sites: Tell Hassuna and Eridu, both in collaboration with F. Safar. Both sites set up the stratigraphy of prehistoric Mesopotamia.

Since the very end of the XIXth century, and mostly under the influence of Schlieman, Flinders Petrie and of course Koldewey, stratigraphic excavations were the way of exploring the Near Eastern tells. Deep soundings or slope trenches (often connected with the Wheeler's method) were supposed to be the right way to fix the occupational sequence. In Tell Hassuna, Lloyd and Safar filled the gap between the first Neolithic farmers' settlements and the painted pottery cultures (Lloyd, Safar, 1945). In Eridu, they offered a prehistory to the southern part of the alluvial Mesopotamia with the impressive excavations of the Hut and Temple Soundings (Safar, Ali Mustafa, Lloyd, 1981).

Despite the huge size of both tells and beyond their stratigraphic choices, Lloyd and Safar tried also to enlarge excavations in order to illustrate the its architecture and its development.

In the case of Tell Hassuna, the architecture was badly damaged and despite Lloyd's efforts to train the workmen, nothing really clear appeared through the process of excavations. Lloyd chose the level IV with its orthogonal group of walls to evoke tentatively "the" Neolithic farm of the prehistoric Iraq (Lloyd, Safar, 1945. Fig. 36). This desperate attempt, as the architecture is hard to understand, thus gave birth to a lovely L-shaped cottage known to every student of Near Eastern archaeology as an unavoidable reconstruction whose cumulative steps are explained: excavations' plan, axonometric view, then 3D drawing. Paradoxically, this reconstruction has been criticized for being too imaginative (Margueron, 1983) but remained impossible to surpass for the lack of immediate parallels, despite the discovery of a variety of contemporary houses!

In Eridu, the results of the excavations did not lead to any reconstruction attempts. This fact is astonishing as most of the archaeological levels reached at least in the stratigraphic Temple Sounding were well preserved (Lloyd, 1974). This is not the place to comment on the prehistoric sequence in itself. We just/only want to highlight the most stunning conclusion. From level XI to level VI at least, a monumental tripartite building supported by a huge solid and artificial platform, both in mud bricks, occupied the center of the settlement. Unfortunately, the settlement itself is not known, but we can postulate the existence of characterized tripartite houses of the Ubaid period. The monumental building has been rebuilt level after level at the same place, but larger and higher. These buildings were not fully excavated as they were partially covered by the late third millennium ziggurat (Fig. 1). This fact led to the idea that these prehistoric buildings were temples (despite the presence of some huge gaps in the stratigraphic sequence (Forest, 1987. P. 387))

Tripartite architecture is a common feature of the Ubaidian culture and shows a great diversity in size and in shape. However, it remains poorly known in the southern part of Mesopotamia. Despite the discovery of the oldest tripartite houses in Tell el'Oueili for the Ubaid 0, not a single house is known in the rest of the Ubaidian sequence in the South.

Domestic tripartite Ubaidian houses have been discovered in the Hamrin area by rescue archaeology in the 1980s but not in Ur or Eridu. The only architecture attested is the tripartite buildings on the terrace of Eridu (For an overview, see Huot, 1994. P. 160–167). Similar buildings are attested elsewhere but on a smaller scale and in a bad state of preservation (in most cases, the erosion of the building itself). These monumental buildings have drawn the attention of most scholars since the time of their discovery. The most common interpretation transforms them into temples for their stratigraphic position under the ziggurat suggesting continuity. Well before the discovery of Göbekli Tepe, these buildings were interpreted as the first sanctuaries in the Near Eastern context. Their tripartite shape would have confirmed they were the dwelling of a god, a possible prehistoric Ea-Enki, Sumerian Lord of the Sweet Waters, whose podium would have been positioned at an extremity, while his altar with burnt fish remains would have been at the opposite end. This interpretation remains controversial and has been vigorously criticized by scholars who preferred a secular reading of the archaeological remains (Forest, 1987. Huot, 1990). They highlighted the fact that these buildings have nothing to do with a house.

They have benches, and their access is not in the room's corner as in the domestic architecture but in the middle of the lateral side of the building, through a monumental staircase. Despite their complex plan, they are organized as a reception hall with one major room and tiny lateral rooms, unsuitable for dwelling. For some others, a comparison with the actual *muddhifs* of the Marsh Arabs brings confirmation that they were made for a "chief" (whoever he was) who congregated his

kin (real or fictional) through feasts (Aurenche, 1981. P. 224–225).

Another variant sees in this building the community hall (Forest, 1996. P. 105–108). The increasing size of the building shows that the group becomes more and more numerous through time. Meanwhile, the benches located on both sides suggest that people sat on predetermined hierarchized places. These last deductions seem to be in agreement with the surface survey which shows a/the reduction in the number of settlements to the benefit of bigger sites. This general process was interpreted as the emergence of conical clans during the Ubaid period, after 5000 BCE, introducing a new step in the evolution of Mesopotamia towards an urban organization and the emergence of the State (Adams, 1966. P. 88).

Whether this reading of archaeological "evidence" is satisfying or not is not the point here. Rather the main point of discussion concerns the monumentality of these prehistoric buildings. Several ways could have been followed by Lloyd. The first would have been to find the inspiration in the restitution of the White Temple in Uruk done by the German excavators. Both buildings were close in shape and the visualization of their dominant position in the settlement would have been easy to evoke (Fig. 2). Surprisingly, Lloyd did not follow that route, probably because the model was already taken.

In order to illustrate what one of the prehistoric "temples" of Eridu could have looked like, Lloyd chose the Temple I, the latest of the series which belongs to the beginning of the Early Uruk period. However, the building was entirely eroded and even the platform was badly damaged at the time of the excavations, but its delineation appears oval. Its level of preservation appears too on the same axonometric section. Due to the bad preservation of the building, Lloyd chose to publish a drawing (Safar, Ali Mustafa, Lloyd, 1981. Chapter 3: Architecture. P. 51, fig. 2). Although the drawing is published as a full page, no caption is available in the publication, nor footnote in the text. The drawing is also printed back to front, inverted right/left), which seems to have no immediate connection with the Ubaidian or Urukian world (Fig. 3). The line drawing shows a huge building, seen from a low angle view that increases its monumentality. It appears to be enclosed in a circular or oval wall with buttresses. A compact pedestal with pyramidal slopes supports the building itself. This pedestal is embellished with a gallery on its front side, semi- columns and mud brick designs in its upper part for light and shade play with the sun. The top building, hardly shown on the drawing, appears to be rectangular and supported by a smaller pedestal.

It is not easy to know when this drawing was first published. It does not appear in the preliminary reports published in *Sumer* (For complete references, see Lloyd, 1974. P. 138), nor in Lloyd's retrospective of Eridu's excavations (Lloyd, 1974). We know that the final publication of Eridu was delayed but Lloyd gave an account of his own work in this last paper. Objectively, Lloyd added this reconstruction after or it was in preparation at the time of the paper. In the end, Eridu's excavations were published under the auspices of the State Organization of Antiquities and Heritage in Baghdad in 1981, well after the field work (Lloyd, 1986. P. 117). The famous drawing appears there. More or less at the same time, it was in use two major books or widely disseminated chapters written by Lloyd himself in 1978 and 1980.

What is represented in this drawing has little to do with Mesopotamia or the Ubaid world. If Lloyd 'source of inspiration remains unknown as of yet, the building is easy to identify. It is the Pyramid of the Magician in Uxmal, in the Yucatan Peninsula, Mexico (Fig. 4)! Strangely, Lloyd never gave a clear caption of this illustration. In his *Archaeology of Mesopotamia*, the drawing is said to be "based on […] the appearance of temples elsewhere" (Lloyd, 1978. P. 39, fig. 8). In his chapter on Mesopotamian architecture in the seminal *Architecture de l'Antiquité*, the caption is simply: "reconstitution du temple I" (Müller, Lloyd, Martin, 1980. Fig. 23).

The Pyramid of the Magician at Uxmal is the highest building of the Mayan city occupying the centre of the settlement and has been dated as having been built between 700 and 100 AD. Its size and height are still points of debate. The most commonly accepted dimensions are approximately 35 m for the height, with a 69 by 49 m rectangular base with round corners. Access to the upper gallery is from a frontal monumental steep staircase (Andrews, 1975. P. 40). As with most Mayan buildings, it has many superimposed construction phases. Five have been recognized. The discovery of the ruins were famously related by John Lloyd Stevens, a homonym, and illustrated by Frederick Catherwood in the middle of the XIXth century, whose joint published work remains the foundations of Mesoamerican archaeology.

When Lloyd was preparing his Eridu's publication, in the 1970^{s}, a major conservation project of the Pyramid of the Magician took place under the auspices of the Mexican National Institute of Anthropology and History, and the impressive building became a central site of tours and a worldwide curiosity. But if this fact is a possible impulse, it is probably not the only one. It is impossible to know if Robert McC. Adams' comparative approach to analyse the Mesoamerican social evolution and the Mesopotamian one could have been

a source of inspiration. His *Evolution of Urban Society* was first published in 1966. He emphasized the structural similarity between these two early and pristine forms of state. He also pointed out the role of kinship in their process of emergence. Finally, he suggested that monumental buildings (poorly illustrated in his book) were a necessity for these communities to express their power, whether it was or not connected to the religious sphere. As an architect, Seton Lloyd was aware of the complexity of these early monumental structures. But, if Adams' perspective was social and ethno-historic, Lloyd's was more traditional. Despite the fact that Lloyd never communicated about his choice which may have simply been that of an educated architect, the Pyramid of the Magician offered him both an evocation of the prehistoric ceremonial centres of Eridu as well as a perfect evolutionist model.

Apparently the drawing is made from a photograph in the "beautiful and elegant style" (Hawkins, 1998. P. 374) which characterized Lloyd's work. But looking at the actual condition of the pyramid, it is evident that some details were added: a higher enclosure wall, its outside buttresses, and maybe the building behind the oval outer wall, while the front staircase was apparently removed to stay close to the Mesopotamian original. These "signatures" show clearly that the model was adapted in order to make it appear more in conformity with the current knowledge of Mesopotamian religious architecture. More precisely, this reconstruction seems to be/fall somewhere between the Ubaidian tripartite buildings on their terraces and the oval Temple at Khafadjah with its double enclosure and its dwelling-house in between, especially as seen in the reconstruction made by the Oriental Institute of Chicago (Delougaz, 1940. Frontispice by H. D. Darby in 1934) (Fig. 5).

And this position fits perfectly the supposed architectural evolution, as seen from the stratigraphy. Lloyd himself expressed this common point of view. In 1978, presenting the Eridu evidence (Lloyd, 1978. P. 19), he wrote: "the succession of temples did not of course end with the Ubaid period. A further five rebuildings correspond to the Uruk period [level I for instance (Our brackets in the complete quotation)] but of these little remained [...] then, the whole of these ruins at Eridu has been enclosed in a stone retaining wall and paved over to create a raise temenos on which the temple [= the ziggurat] could finally be reconstructed. But of these little remains […], then all of these ruins at Eridu were enclosed by a stone retainer wall and paved over ".

In another publication about Mesopotamian architecture, once again after talking about the tripartite buildings of Eridu and the buildings of Uruk (both the White Temple and the Eanna's so-called Temples) (Lloyd, 1980. P. 15) he wrote: "…Les temples [protodynastiques] dérivent directement de la période protodynastique". The Pyramid of the Magician fills the gap between the prehistoric tripartite building on its monumental platform interpreted as temple and the ziggurat. The intermediate steps are the White Temple of Uruk, the unclear (when Lloyd was writing) Eanna's buildings with their tripartite parts (entertaining ambiguity about their nature) and the oval temples identified at Khafadjeh and Al-Ubaid (For a more up-to-date reading, see: Forest, 1999).

Our perception of prehistoric temples is often too ethnocentric (Becker, 1979; Huot, 1990). Every monumental structure from Antiquity or Prehistory is seen as both sacred and secular since the two categories did not exist separately. The moral of this story is probably that a disputable reading of the archaeological facts can be illustrated by an appropriate drawing! The Pyramid of Uxmal is the perfect example to illustrate and reconcile both points of view. With this essay, Lloyd remains definitely the unwitting magician of Eridu.

Probably, Professor Munchaev also experienced these difficulties when finding the round halafian structures of Yarim Tepe which have little to do with the round huts of the beginnings (Munchaev, Merpert, 1981). But in this case, this beautiful site, which was widely excavated with more modern methods, as well as more solid paradigms permitted by advances in research, gave him all the keys necessary for its understanding without having to fall into such major scientific pitfalls as evolutionary perspective, immediate perception of discoveries, unrepresentative nature of the archaeological "facts", or the temptation to identify temples on material criteria...

BIBLIOGRAPHY

Adams, R. McC., 1966. The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehistoric Mexico. Chicago.

Andrews,G. F., 1975. Maya Cities. Placemaking and Urbanization. Norman.

Aurenche, O., 1981. La maison orientale. Paris.

Becker, M. J., 1979. Priests, Peasants and Ceremonial Centers: the Intellectual History of a Modell // Maya Archaeology and Ethno-history / N. Hammond and G. Willey (eds.). Austin. P. 3–20.

Collon, D., 1995–1996. Seton Howard Frederick Lloyd (1902–1996) // Archiv für Orientforschung. Bd 42/43. P. 334–335.

Delougaz, P. (with a chapter by Thorkild Jacobsen), 1940. The Temple Oval at Khafajah. Chicago (OIP 53).

Forest, J.-D., 1987. La grande architecture obeidienne. Sa forme et sa fonction. In J.-L. Huot (dir.) Préhistoire de la Mésopotamie: la Mésopotamie préhistorique et l'exploration récente du Djebel Hamrin. Paris. P. 385–423

Forest J.-D., 1996., Mésopotamie, l'apparition de l'Etat, VIIe–IIIe millénaires. Paris.

Forest, J.-D., 1999. Les premiers temples de Mésopotamie (4e et 3e millénaires). Oxford.

Hawkins, J.D., 1998. Seton Howard Frederick Lloyd (1902–1996) // Proceedings of the British Academy. Vol. 97. P. 359–377.

Huot, J.-L., 1990. Des sanctuaires orientaux. A propos de quelques idées reçues // Mélanges P. Lévèque. Volume 4:"Religion" / M. Mactoux, et E. Geny, (éds.). Paris. P. 209–219.

Huot, J.-L., 1994. Les premiers villageois de Mésopotamie. Du village à la ville. Paris.

Lloyd, S., 1978. The Archaeology of Mesopotamia. From the Old Stone Age to the Persian Conquest. London.

Lloyd, S., 1974. Abu Shahrein. A Memorandum // Iraq. Vol. 36. P. 129–138.

Lloyd, S., 1982. Archaeological Retrospect // Antiquity. Vol. 56. P. 181–188.

Lloyd, S., 1986. The Interval. A Life in Near Eastern Archaeology. Oxon.

Lloyd, S. and Safar, F., 1945. Tell Hassuna: Excavations by the Iraq Government Directorate General of Antiquities in 1943 and 1944 // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 4. P. 255–289.

Margueron, J., 1983. Notes d'archéologie et d'architecture orientales // Syria. Vol. 60 1–2. P. 1–24.

Müller, H. W., Lloyd, S. et Martin, R. 1980. Architecture de l'Antiquité. Mésopotamie, Egypte, Crète et Grèce. Paris.

Munchaev, R. M. and Merpert, N. J., 1981. Earliest Agricultural Settlements of Northen Mesopotamia. The Investigations of Soviet Expedition in Iraq. Moscow (in Russian).

Safar, F., Ali Mustafa, M., Lloyd, S., 1981. Eridu. Baghdad.

К. Бренике

ЭРИДУ – ГОРОД ВОЛШЕБНИКА

Резюме. Как известно, трудно проводить раскопки архитектуры из сырцового кирпича, еще сложнее её реконструировать. Статья посвящена обсуждению видимого парадокса. В 1930-х годах вскоре после получения образования архитектора, англичанин Сетон Ллойд занялся археологией на Ближнем Востоке. Сначала Ллойд какое-то время работал в Египте, где он познакомился с Генри Франкфортом; потом принял участие в создании современной археологии Ирака и Турции. Кроме того, вместе с Фуадом Сафаром он руководил раскопками двух значимых памятников – Телля Хассуна и Эриду. На этих памятниках Ллойд и Сафар выделили стратиграфические горизонты древнейшей истории Месопотамии. Архитектор по образованию, Ллойд выполнил несколько реконструкций зданий, в раскопках которых он участвовал. Известна его реконструкция дома в Телле Хассуна, хотя здание практически не сохранилось. Однако для реконструкции монументальных убейдских сооружений Эриду, каждое из которых состояло из трех частей и могло быть легко реконструировано виртуально, Ллойд принял решение использовать иную модель, позаимствованную из мезоамериканского мира. Автор попытался объяснить, чем был продиктован такой выбор.

***Ключевые слова*:** Ллойд; Эриду; Убейд; Урук; храм; Ушмаль; Пирамида Волшебника.

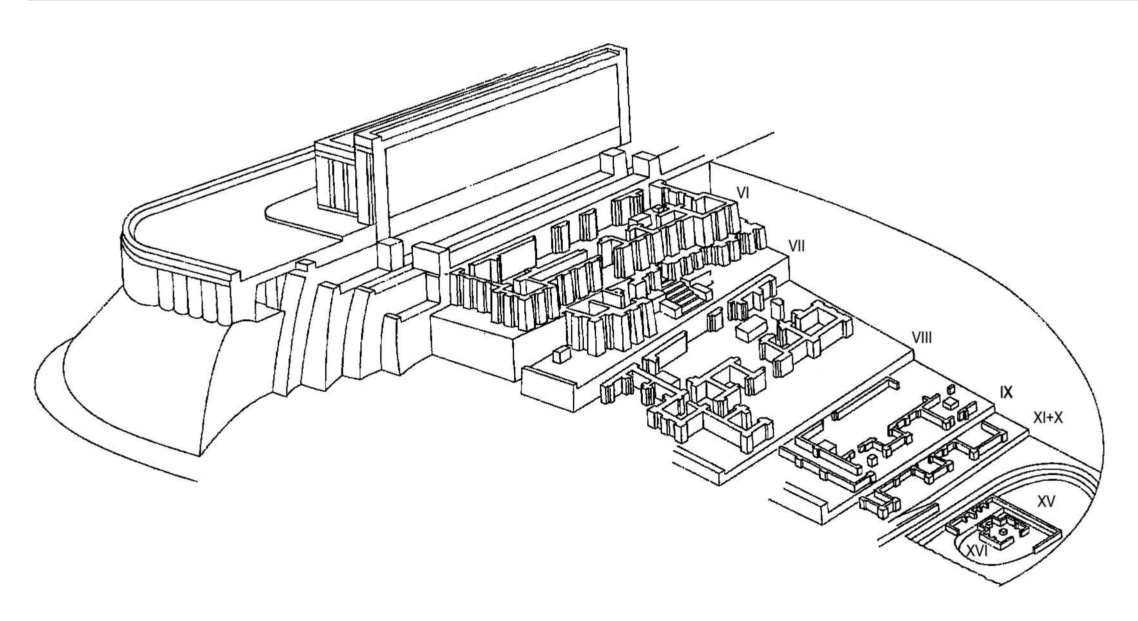

Fig. 1. The stratigraphic sequence in Eridu.
Redrawn from Safar, Ali Mustafa and Lloyd, 1981. Fig. 3. P. 52

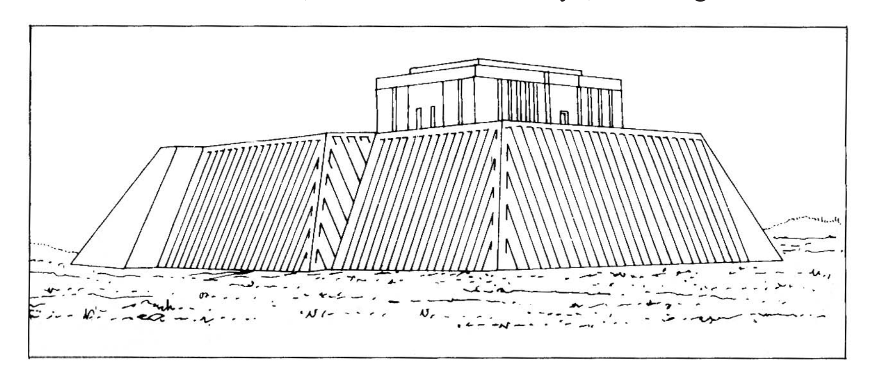

Fig. 2. The White Temple at Uruk. Redrawn from Müller, Martin, Lloyd, 1980. Fig. 17. P. 14

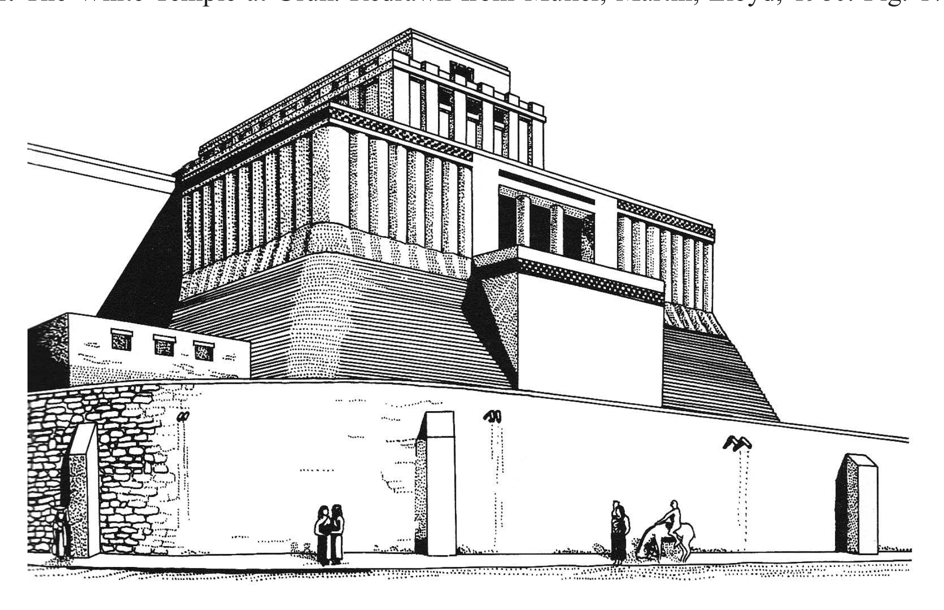

Fig. 3. Reconstitution of the prehistoric temple of level I in Eridu by M E. Weaver (after Lloyd).
From Lloyd, 1978. Fig. 8, p. 15 with the authorization of Thames and Hudson, publisher

Fig. 4. The Pyramid of the Magician, Uxmal, Mexico (© A. Coury)

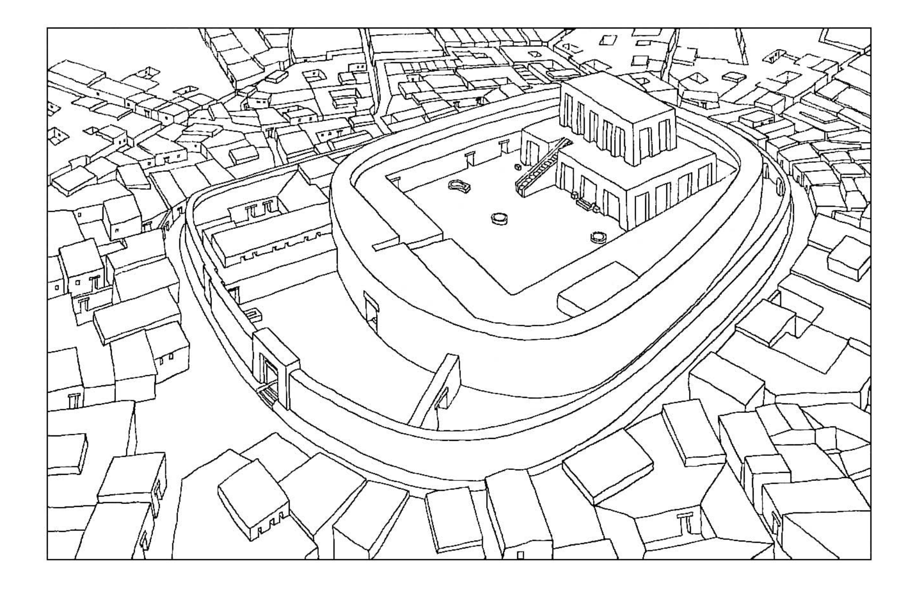

Fig. 5. The Oval Temple at Khafadjah. Redrawn from Delougaz, 1940, frontispiece

G. Buccellati

PERSISTENCE OF TRADITION AT URKESH. THE TEMPLE TERRACE FROM PROTOLITERATE TO MITTANI

Abstract. The Temple Terrace of Urkesh had an extremely long history, spanning over more than two millennia. This is surprising because the structure, while monumental in scope, presents several features that are relatively ephemeral in nature, and could have been preserved only through special care and maintenance. The article outlines the configuration of the Temple Terrace, highlighting its structural make-up and coherence, which allowed for incidental changes in its component parts – until the moment, in its final century, when the structure itself was affected by a more radical change. Possible reasons are suggested that may explain this cultural phenomenon.

Keywords: Urkesh; Hurrians; Temple; Mesopotamian architecture; ziggurat; Protoliterate; Late Chalcholithic; Early Bronze Syro-Mesopotamia; longue durée; structural analysis; perceptual analysis.

The season of excavations we had planned for 2011 was intended to fully excavate a building of which we had only uncovered the southwest corner and which seemed certain to be a much earlier version of the great ED III temple at the top of the tell. This corner of a building was one of the most surprising finds we had ever made in Mozan. The reason for the uniqueness was that it predated by a millennium the ED III temple, even though it was immediately below the level of the glacis that led up to the later temple. In other words, this structure, dating to about 3500 B.C., stood at a height of some 25 meters above the ancient plain level, and only half a meter below the glacis dating to about 2600 B.C.

The beginning of the war that engulfed Syria in March 2011 prevented us from returning to the site, and, while from year to year we were hoping that we might be able to resume excavations, the sad circumstances we all know too well made it impossible. Looking back at it now, from the distance of the long time the war has lasted, it seems useful to offer an overall review of the history of the Temple Terrace. This is all the more timely as the last few seasons of excavation had yielded the most unexpected results at the two ends of the chronological spectrum. Besides the evidence for a mid fourth millennium stratum so high in the stratigraphy of the mound, we had also exposed a more complex sequence than we had imagined for the last two centuries of occupation (1500–1300 B.C.). The structural configuration of the complex, as best known from the third millennium, emerged with a much clearer definition at both ends of the spectrum, documenting a dominant asymmetry that was just as surprising.

To offer this to Rauf Munchaev holds a special meaning. We were close in the field, as we exchanged many a visit between Tell Khazna and Tell Mozan. And we remained close after the beginning of the war, with a memorable visit to Moscow and to his Institute. Rauf Munchaev and his staff would invariably share with us all the insights they had developed over the years, as they would share the conviviality of their expedition house and of their Institute. It is in this spirit that I share with him now these thoughts on the great Urkesh Temple Terrace.

This article has been long in the making, and I have referred to it already in some papers that have appeared in the meantime, where I have developed from a different point of view the basic concept I am taking up here. In 2009 we published a first outline of the overall structural layout of the Temple Terrace (Buccellati, Kelly-Buccellati, 2009. P. 33–69), and suggested the lions of Tish-atal may have been part of the foundation deposit of the Temple. In 2010 (Buccellati G. , 2010. P. 87–121; see also: Buccellati F., 2010. P. 71–85) I considered the relationship between function and perception, focusing on how a reconstruction based on perceptual and distributional analysis (Buc-

 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.340-354

cellati G., 2017. P. 275–77, 325–26, 330–32) can yield an insight into the function of an architectural structure such as our temple complex. Also in 2010 M. Kelly-Buccellati presented the ceramic and glyptic evidence for the dating of the Temple Terrace in LC3, with a beginning at least in LC2 (Kelly-Buccellati, 2010. P. 262–290). In 2012 I applied the notion of structural coherence to what I had called the monumental urban complex of Urkesh, looking at how different components of the urban built environment can interrelate in a very organic manner over a vast space and over a long period of time (Buccellati G, 2012. P. 21–33). In 2014 M. Kelly-Buccellati and I emphasized the distinctiveness of the Urkesh tradition vis-à-vis Mari, stressing the continuity even in the face of what we called the "virtual monumentality" (p. 445) of its later and much more modest incarnation (Buccellati G., Kelly-Buccellati, 2014. P. 441–461). Finally, in 2016, I wrote about the analogical correlation between the Urkesh Temple Terrace and the mountains (Buccellati G., 2016. P. 117–135), claiming for this a special Hurrian distinctiveness, while M. Kelly Buccellati showed how the extraordinarily long continuity of the Temple Terrace can in part be explained with reference to the long traditions of the Kura-Araxes culture in the extreme north (Kelly-Buccellati, 2016. P. 97–115).

In this article, I will give an overview of the historical development, with the aim to highlight the significance of the long chronological spectrum which was first brought to light as a result of the 2006-7 seasons and which documents an astonishing persistence of a religious tradition with important implications for cultural history (one will find the essential documentation in the articles just cited). The goal is to highlight the fully organic dimension of a development where continuity and change blend together, affirming at the same time the lasting identity of a coherent system on the one hand and, on the other, the strong vitality that allows for it to undergo modifications without altering its inner nature. It is in this sense that we can see in this persistence of tradition a paradigmatic application of the concept of *longue durée*: not the long duration of a fossilized entity, but the long life of an organism that changes while remaining itself.

1. A case of *longue durée*

The 2006 excavations first made us aware of the astounding and unsuspected continuity of the Temple complex, and the subsequent excavations of 2008, 2009 and 2010 further confirmed it, pointing to a surprising phenomenon of persistence. And yet, there was nothing frozen about it. For we can see, in the coherence of the process, a subtle sequence of morphological changes which can be interpreted as re-organizational moments of the built environment, resulting in the adaptation of deeply rooted institutions to new realities. It is, as we understand it, a classical example of *longue durée,* the long history of the Temple Terrace of Urkesh, from Protoliterate[1] to Mittani[2] seen as a test case of structural continuity and change at the same time.

The situation presents some extraordinary aspects. It is not only the longevity of the structural complex and not only its excellent state of preservation, but also the evidence of how the open space of the Plaza remained privileged and unsullied for the full time span of over two millennia – except for a few occasional episodes when its base level rose quickly by several meters in a short period of time, especially at the end. Only a few transformational moments affect this longevity, giving evidence of a relatively minor evolution of forms within the persistence of single focal points.

The structural elements that serve as guideposts to continuity are as follows (see Fig. 7).

It is likely that the organization of the urban space in function of the Temple Terrace continued further down slope and even outside the urban context, as at Chuera, but we have for now no indication of this at Mozan.

This organization of the space resulted in a stage-like orientation that privileged the approach from south to north with the mountains in the background (rather than privileging an isolated centrality). This is especially evident because of the difference between the southern part of the temenos wall represented by the revetment wall, and the rest of the temenos, which does not mark any difference in elevation between the inside and the outside space.

The variations have to do with the way in which these elements interact with each other, i.e., the syntax, so to speak, of these structural components of the complex seen as an organic whole. This alternation in the organization of the constituent factors is the result of both the general growth of the settlement and the changes in fortune of Urkesh as a religious center. We will look at these major transformational moments in the over two millennia of history of the structure (2–5), and will then conclude with some general methodological considerations (6–8).

[1] I revert to a term now in disuse, because I find it useful to avoid the geographical associations inherent in the more current "Uruk" terminology.

[2] To speak of a "Nuzi" period seems less appropriate, since it refers to the accident of discovery rather than to the by now well known political configuration.

The SUMMIT: temple and other structures	1. The core is a high central rise with the temple at its summit; 2. Other buildings flank the temple at the summit of the rise: the summit was not, therefore, a cusp on which the temple sat in isolation, but rather a wide area, where activities, presumably related to the cult, would take place
The INCLUSION: an open area contained by a perimetral wall[3]	3. A sharp definition of the southern edge of the rise[4], by means of a stone revetment wall, present only on the southern side of the rise, serving as a proscenium for the top part of the terrace; 4. A low temenos wall along the eastern, northern and western sides of the rise, with a minimal difference in elevation, if any, vis-à-vis the space outside; 5. A glacis that is unencumbered by other structures and slopes up gently towards the temple at the top;
The FRONT: an open area fronting the rise to the south	6. The plaza, i.e., a large reserved open space to the south of this revetment wall, which emphasized, through its open space, the frontal dimension of the central rise with its revetment wall;
The ASCENT: access across the hinge of the perimetral wall and of the glacis	7. A monumental staircase that provided a link across the revetment wall seen as a barrier; together, staircase and wall are like an ideological hinge, that can close and open the passage to the higher ground of the divine world; 8. Intermediate structures along the ascent on the glacis from the staircase to the temple (this element is found at Chuera; at Urkesh, it may be evidenced by the LC3 niched building, 2.1, and by other unsubstantial remains from the ED III period).

2. At the wellsprings of urbanization: 3500–3300 B.C.

We have only a fragmented view of the fourth millennium situation at Urkesh, in the LC3 period. But two factors make these “fragments” particularly important: first, they cohere over a considerable distance in space within the tell, and, second, their great elevation has significant implications for the early history of the site.

2.1 The structural elements

The individual elements that emerge like the tip of an iceberg from under the massive evidence of the third millennium complex can be seen as organically linked in ways that remain operative in the later architectural realization. This means that there was already in place, at this extremely early date, a vast monumental complex, with essentially the same structural elements that define the later system. The elements or “fragments” are as follows.

2.1.1. Intermediate structure (or Temple). – The corner of a structure has been exposed just below the third millennium glacis, and dates firmly in the LC3 period (Fig. 1), while material found next to it points already in the LC2 period (Kelly-Buccellati, 2010. P. 267, 275). It is a niched, mud brick structure, resting on a mud brick platform, and because of its layout and location it may be assumed to have been an intermediate structure on the way to a temple located further up, in the general location of the ED III temple (a situation such as we have in Chuera). It is less likely that this may be the temple itself, because in this case there would be no room for a glacis leading up to it.

2.1.2. Staircase. – If we project the perimeter of the building as shown in Fig. 2, we see that its alignment matches that of the ED III staircase. Given the disaxiality of the alignment in the third millennium complex between the staircase and the revetment wall (Buccellati G., Kelly-Buccellati, 2014. P. 444), we may reasonably argue that this curious incongruity may depend on the earlier alignment of the presumed LC3 staircase. Lurking underneath the ED III staircase there is, in effect,

[3] The clear presence of occupational levels at the same elevation as the Temple and to its immediate north and east (service structures in excavation units B3 and B5), makes it impossible to accept a reconstruction of a “Temple Oval” and a ziggurat as suggested by P. Pfälzner, “Das Tempel Oval von Urkeš. Betrachtungen zur Typologie und Entwicklungsgechichte der mesopotamishcen Ziqqurrat in 3. Jt. v. Chr.”, *Zeitschrift für Orient-Archäologie*, 1 (2008) 396–433; Alice Bianchi, Heike Dohmann-Pfälzner, Eva Geith, Peter Pfälzner, Anne Wissing, *Die Architektur und Stratigraphie der zentralen Oberstadt von Tall Mozan/Urkeš*. Studien zur Urbanisierung Nordmesopotamiens, Vol A1, Wiesbaden: Harrassowitz, 2014. From at least the third millennium on, the Temple Terrace was simply not a free standing, ziggurat-like, structure.

[4] The 2008–2009 excavations have brought into even sharper focus the structural elements of this edge, to the southwest and the southeast corners respectively. My 2010 article in the Meyer Festschrift (Buccellati, 2010. P. 87–121) develops in detail the structural and ideological aspects. Here the emphasis is on the element of substantive continuity within the formal variations.

an earlier stone structure (Fig. 3): it cannot be dated yet because we have not reached its base, but it could very likely be the beginning of the LC3 staircase.

2.1.3. Revetment wall. – At the base of the higher slope of the terrace there was already an antecedent of the revetment wall (Fig. 4): it had collapsed in antiquity, possibly because, conceived as a retaining wall, it had not been sufficiently reinforced for the lateral push from within the core. Placed just a little over a meter in front of the later ED III wall, the LC3 wall is closely aligned with the later one, and would have abutted the staircase at the same distance from where the ED III wall meets the ED III staircase.

2.1.4. The plaza. – The space that we have exposed in front of the revetment wall (Figs. 4 and 5), however small in size, is suggestive of the wide open space that characterized the complex in the third millennium. The import of the revetment wall seems sufficient to indicate that it served already then as the northern limit of a space that would have mirrored the one of the ED III period we know so well.

It must be noted that there is, in the fourth millennium, no evidence as yet for five of the eight elements that I have listed in section 1 as characteristic of the Temple Terrace complex: (1) a temple if we interpret the niched building as an intermediate structure; (2) a glacis leading up to the temple and (3) the low temenos wall; (4) the presence of other structures flanking the temple outside the temenos wall, and (5) what shape this central rise would have taken on the back side, i.e., in the north, and more generally at the top. But given the overall configuration of the structural elements as I have described them, it seems likely that the situation would have been very similar.

2.2. The elevation of the niched building

The high elevation of these LC3 levels (some 23 meters above the plain level) means especially two things. First, there must already have been by the early fourth millennium an impressive stratigraphic build-up on which the Temple complex could rest, as was the case in the third millennium. Second, the massive construction project that this would have entailed was clearly indicative of a fully organized urban infrastructure, back at the very beginning of the urbanization process of which we know well its southern counterpart. Fig. 6 gives a conjectural projection of the possible extent (east-west) of the settlement in the LC3 period: purpose of this image is only to emphasize the assumption that such a structure required a large settlement to support it.

We know from the small sounding S2 (Buccellati G., Kelly-Buccellati, 1995; Buccellati G., Kelly-Buccellati, 1997. P. 60; Buccellati G., 1998. P. 12, 15, 19), which reached virgin soil near the center of the High Mound, that there were, at this particular location, occupational strata all the way down to the original plain level, about 2 meters below the current plain level. Hence the rise which we must suppose beneath the third millennium Terrace was not, even in the fourth millennium, due to a pre-existent natural hill. In other words, the height of the earlier mound would then have been, already in the fourth millennium, some 23 meters above the ancient plain level, and completely artificial. This was the core on which the fourth millennium Temple complex already stood. It was a “terrace” because it had platform-like effect with a flat surface at the top, while the term “glacis” refers properly to the slope surface.

2.3. An early distinctiveness

From the point of view of our considerations about the *longue durée*, it would appear that there is already at this early stage a clear definition of the sacred space organized along the lines of what we see later. Because of its very monumentality, the cohering of the individual elements into a unitary whole is all the more impressive. Instead of a small structure that grew into a larger complex, we seem to witness, from at least the middle of the fourth millennium, a grandiose and fully articulate conception of the Temple Terrace, along the same lines that apply for the third millennium configuration, the one we know best because it is almost fully exposed.

Given the great height of the mound, it seems likely that this early date is not the one of the beginning of the construction. In other words, it is plausible to assume that the lower levels must contain an even earlier version of the same complex. The small size of the third millennium revetment wall, and the total lack of foundations, imply that the wall did not serve the purpose of containing a massive fill, set in place in the third millennium specifically in order to create the core of the rise on top of which a new temple would be erected. We may rather infer that that there was already a compact and solid mass, i.e., an earlier glacis, on top of which the third millennium glacis directly rested, at the base of which an earlier revetment wall would presumably have been built as well.

It is true that the niched building has its close counterpart with the southern temples, as in Eridu. But the overall architectural formula (i.e., the very high elevation and the shape of the supporting terrace) is quite at variance with that of the Sumerian south, besides being earlier, and it is this formula that remains true to itself throughout the centuries, in fact the two millennia, that follow. Its originality is striking, especially in view of the great influence that the southern formula did otherwise have throughout history. As already mentioned

(section 1, under point 2), the Urkesh Temple Terrace is not conceived as a free-standing centralized structure with a narrow cusp: this is the southern formula, where there was no mountainous backdrop to the ziggurat. In Urkesh, the Temple Terrace is construed with such a backdrop very much in mind. The landscape plays a major role in the articulation of space, resulting in a perfect blend between built and natural environment.

3. The maximal expansion: 2600–2000 B.C.

3.1. The classical formulation

We have, at this point, minimal evidence for the intervening periods with regard to the Temple Terrace, but there can be no doubt that the complex remained in use: we can safely assume that the reason for the relative lack of evidence is to be found on the one hand in the stability of the structural elements at play, and on the other on the careful maintenance through which the open spaces were kept clean. The close correlation in space between the structural elements we have described for the fourth millennium and their equivalent in the third speaks to this effect. In any case, the organization as we have it for the third millennium, illustrated in Figure 7, represents the most complete configuration we have to date for the Temple Terrace complex.

The only element for which we have no clear evidence is that of intermediate structures along the glacis (number 8 in figure 7), a function that the niched mud brick building may have served in the LC3 period (2.1). There are so far only possible but unsubstantial traces in the form of extensive mud brick debris to the left of the top of the staircase (see Figure 8), and unclear structural elements in a small sounding in unit B7.

It must also be noted that, while the fourth millennium Temple complex seems to have closely anticipated, in scale and in the articulation of its constitutive details, the third millennium complex, the same is not true of the urban infrastructure. From all indications, the city underwent a major expansion in ED III times, which culminated in the construction of the Outer City wall. That, in spite of the major change in the urban landscape, the Temple Terrace should have remained very close, in its main characteristics, to its immediate precursor is indicative of the great importance the structural and ideological configuration had achieved. It could not be changed – at a time when everything else seems to have been changing (it was certainly growing).

One change that took place with the construction of the ED III complex was the placing of a high escarpment along the revetment wall, and possibly the construction of the western flank wall of the monumental staircase. Both hide part of the revetment wall, and may have become necessary for reasons of stability. This long life of the complex must have required a great deal of care, not only active in terms of maintenance and cleaning (though we do not see traces of repairs), but also passive in the sense that nothing was undertaken that would have intruded in the integrity of the system.

3.2. Remarks regarding the revetment wall

The proscenium function of the revetment wall is emphasized by the presence of a triangular pattern that runs across the face of the revetment wall (Fig.9, see also Fig. 8.1) (Buccellati G., 1998; Buccellati G., 2009. P. 23–29). Curiously, the escarpment in front of the wall covers the lower portion of the wall, to a height of 1.5 meters, thus hiding a good portion of this subtle decorative motif. The same is true of the wall that flanks the monumental staircase in J2. Both can be dated to within a century of the construction of the wall, which made us puzzle as to the why. The answer came in 2009 when it emerged that a lower escarpment, contemporary with the original construction of the wall, had failed in its protective function against floodwaters. The new, higher escarpment was then deemed necessary enough to justify hiding a good portion of the revetment wall. This is the only change that affected the structural makeup of the Temple Terrace (as we know it so far) in the twelve centuries of its existence.

A remarkable fact is that we have the *original top* of the revetment wall that encircled the Temple Terrace. This conclusion rests on two considerations. (1) The glacis that slopes up towards the temple clearly dates to the same time period as the floors at the base of the wall; now, the lower part of this glacis is aligned with the extant top of the wall, and given the narrow size of the wall and its function as a revetment wall we cannot assume that it would have been higher when first constructed. (2) The integrity of the triangular motif along the face of the wall shows that there were no additions or alterations made to the original wall.

The care that went into maintaining this wall over some twelve centuries is a good reason for assuming that great significance was attributed to it in antiquity. This is remarkable for two reasons. First, the wall is not particularly well built and, in fact, one may assume that it was intentionally so constructed as to emulate the rough appearance of the mountain landscape to the north and more specifically of animal enclosures built by piling rocks instead of laying them in even rows. This construction style is in contrast with the more polished look of the stone work of the Temple staircase or of the Tupkish Palace walls. Second, the revetment wall did not serve a structural function in the sense of retaining the lateral thrust of a massive fill behind it. It is too

thin for this, it has no foundations, it is not built as a solid counterfort wall, and, most importantly, there is clear evidence for the existence of an earlier solid mass behind it (an earlier terrace), which did not need containment. Hence the wall serves, as it were, a decorative purpose in architectural terms and a symbolic function in ideological terms.

This function can be interpreted in terms of it serving as an ideal hinge. It is a vertical barrier that arrests the access to the Terrace and, in the measure in which one approaches it, even the view of the Temple at the top. But it is also a link between the lower ground of the Plaza and the upslope of the glacis. In this sense, it is a hinge that acts as both a dividing line and a suture between the visual planes, level and oblique, and between the two domains of the divine at the top and the human at the bottom. The persistence of this hinge, in the form of what I have called "memory stones" (see below, 5.3), is one of the most interesting aspects of this persistence of key structural elements (Buccellati F., 2010. P. 71–85).

4. Urban retrenchment: 1800–1400 B.C.

4.1. From plaza to basin

For the Akkadian, Ur III and early Old Babylonian periods we do not have at present evidence of occupation in the Temple Terrace area – a situation that mirrors that of the period between 3300 and 2600 B.C., and which must be explained with the same reasons: not interruption, but continuation of use with very effective maintenance.

What we know about the site as a whole has great importance for an understanding of the development of the Temple Plaza, even though the argument is primarily inferential in nature. The lower city was abandoned and there was, from the beginning of the second millennium, a retrenchment of the settlement to the High Mound. The main evidence for this is the total lack of second millennium material in the Outer City and the density of such material in the hilltops surrounding the Temple Terrace.

The very significant inference that can be drawn for the Temple complex is that the new constructions to the south of the Plaza eventually formed a barrier that overlooked the Plaza at its southern end and blocked the flow of water and detritus towards the lower plain. This marked the beginning of the filling in process of the Plaza which thus became a large hollow set at a lower elevation than the surrounding settlement, turning from a Plaza to a basin. This new situation eventually caused the resulting basin to be irremediably filled in, in the last century of its history (Fig. 10, and see below, section 5.2).

4.2. Evidence of occupation

There is limited evidence of occupation in the Temple Terrace in the middle to late Old Babylonian periods. In J4 a large bin (a2, f93) can be dated to this period. It marks a distinct use area in the service wing to the east of the monumental staircase, and may have served a similar purpose to that of the similarly shaped bins attached to the ED III Temple BA.

While there is no indication of structural changes dating to this period, we have evidence for its use in the form of accumulations in the Plaza (especially in unit J1), with both Khabur and early Mittani sherds. These accumulations overlay directly third millennium strata.

The Khabur levels in J1 are lower than those in J4, and this is significant because it supports my general understanding of the sacral use of the area. In the east (J4) we envision a service area that had built up even before the ED III Temple Terrace (the one currently visible) had come into existence, and at a faster rate. In the west (J1), on the other hand, the Plaza was kept clean throughout the third millennium, and only started to build up beginning precisely with the Khabur period.

A very small fragment of a cuneiform tablet (Z1.544) was found on the surface in the general area where the western temenos would have been located. In spite of its diminutive size, it is worth mentioning because it is our first epigraphic find that can be attributed to the Old Babylonian period.[5]

5. Between two capitals: 1400–1300 B.C.

5.1. A structural change

The first and only set of structural changes took place at the very end of this time period, during the last century of the use of the complex. By repositioning its elements, they in effect reconfigured the system.

There remains, as it were, a muted monumentality that we still witness in this final incarnation of the sacral complex. The adaptation is still not piecemeal and anecdotal, because the Temple Terrace maintains its function as a single complex. There is still a sense of almost grandeur, because the greatness of the classical formulation has not imploded on itself and caused the complex to shrink into a small village shrine, translated into a vernacular form of architecture.

I attribute this to the continued role of the Urkesh high temple in the service of a political function that

[5] This fragment is being published by Massimo Maiocchi in a forthcoming article and within the framework of the Urkesh Global Record. The Urkesh letters addressed to Zimri-Lim by his governors in Urkesh, Terru and Haziran (Kupper, 1998), were of course found in Mari and do not seem to have been sent from Urkesh.

transcended the greatly limited scope to which the settlement had been reduced by then (Buccellati G., Kelly-Buccellati, 2005. P. 27–59). It continued to serve as a "national" sanctuary, placed as it was between the two major political centers of Mittani, i.e., Wasshukanni in the west and Ta'idu in the east (assuming the identification of, respectively, Tell Fakahariya and Tell Hamidiya with these two ancient cities). I also attribute to this very marked Mittani (in fact, Hurrian) trait of its physiognomy the for us fortunate lack of interest on the part of the Assyrians to settle at the site,[6] leaving it in its abandoned state for us to explore, with no intervening intrusions, more than three millennia later.

The major new addition is a new staircase (Fig. 11), which no longer served to bridge the barrier of a high vertical wall, but simply marked the transition from the outside to the interior of the temenos: this I have described already in an earlier publication (Buccellati G., 2010). Here I will mention a few other details that are pertinent to our argument.

5.2. The loss of the original monumental access

What we had originally considered to be a secondary apron of the Temple Terrace entryway, we can now better understand as a structure serving a very different purpose, and conceived *after* the staircase and the revetment wall were no longer visible, hence independent of them (Fig. 12). The evidence is as follows.

The wide band of stones which at first appears as a wing connected to the monumental staircase is in fact separated by a gap (Fig. 13), both to the east and to the south. The triangular effect (with the acute angle to the west), which seemed to support the interpretation as a wing or secondary apron, may be explained instead as a frame element that marks the eastern end of the surviving glacis, defining closure rather than access (see also below, 7.1).

In fact, the top steps of the old staircase were removed and access was blocked by a mud brick wall that marked the new, very superficial, perimeter of the temenos (Fig. 14). Such blocking would have redirected any access to the temenos towards the new western staircase of the Temple Terrace, now at the level of the outside spaces.

5.3. The "memory stones"

When the sediments above the Plaza reached the top of the revetment wall, there was no attempt at raising the wall itself. It should be noted that while the level of the Plaza had risen to the top of the wall, the glacis behind the wall had not similarly risen. Under these circumstances, raising the wall would have either changed its nature (it would no longer have served for revetment, but would have been a freestanding structure that would have blocked the view of the glacis), or caused the erection of a new glacis, at great costs.

Instead, once the flat surface of the Plaza came to coincide with the base of the slope of the glacis, individual stones were placed in a loose row just within the perimeter of the revetment wall (Fig. 15). They marked the boundary between the flat area and the slope, continuing to serve as a symbolic hinge that retained the ideological, if not the structural, valence of the boundary between the two spheres that had obtained in the third millennium. These I have called "memory stones," referring to the memory of the ancient revetment wall.

Eventually, even the memory stones were covered by the sedimentation generated by wind and rains, and the tell assumed a shape not very dissimilar from the modern one. The hinge between the ancient Plaza and Terrace was now represented simply by the difference between the sloping and the flat area. The Terrace was now simply the topmost hill on the tell, and there was no longer any sacred meaning attached to it. But – for our good fortune – the situation that followed was such that no intrusion ever took place. The whole site was simply abandoned, and abandonment did for the site after 1300 what sacrality had done for it before that date.

6. The persistence of tradition

The continuity of the Temple Terrace over two millennia is very significant not only on account of its long duration, but also because of the nature of the physical elements which we have found in the ground: the whole complex was relatively fragile from an architectural point of view. It was not built to last like, say, the Giza pyramids. It was physically ephemeral. But not ideologically. It was in this respect that it was meant to last – and last it did, through the care and maintenance that it required. We may say that this ephemeral architecture survived over such a long period of time not because of absence or inertia on the part of the users, but because its continuous use kept the whole coherent for over two millennia.

This is all the more remarkable as the rest of the city changed dramatically in those two millennia, including the areas in the immediate vicinity of the Temple Terrace (Buccellati G., 1998. P. 11–34). Only the history of the *abi* is potentially analogous: as excavated, it dates from ED III to Mittani, but the stratigraphic situation is such that a beginning in the Protoliterate period seems quite plausible. The one structural change that took

[6] There is an early Middle Assyrian presence at Urkesh, but it is limited, and does not intrude into the earlier levels.

place was the introduction of a roofed cover in the time of Naram-Sin, abandoned again in later times. But the persistence of tradition is here remarkably the same as with the Temple Terrace complex.

What is, then, the inner motor that made it possible for the outer form to retain such structural coherence intact? We should revisit the concept of *longue durée* (above, section 1) as an organic developmental history not just of a building, but of an institution that maintained its identity while undergoing formal changes.

7. The outer form

7.1. Structural coherence

The continuity is structural in the specific sense that, while rebuilding activities took place, they affected only the individual pieces, not their systemic interconnection.

At its core, then, the structure remained unchanged for the full duration of the life of the city – except for the very last century. Only then is the structural integrity of the whole lost, in the following manner. (1) The frontality of the rise, so strongly marked by the revetment wall and the monumental staircase, disappears. (2) The high wall becomes a tenuous string of stones that extends to the south the function of the superficial temenos wall found on the other three sides. (3) Access is moved to one side, where one loses the sight of the mountains in the background, until then the ultimate stage to which the Temple Terrace itself served like a proscenium.

It is interesting to see how the elements continue as such, while being deconstructed to the point of losing the meaning they received from their correlation. It is in fact a new correlation, one that proposes a different structural integrity, not only much more modest in its claim to monumentality, but also endowed with a different sense of the orientation of the whole. The transfer of the staircase to the west is in function of the reduction of the urban environment, with the abandonment of the city quarters in the east and the filling in of the plaza in the south. The perimetral wall continues where the revetment wall had been, but it is now only, through the "memory stones", the marker of a boundary, not a barrier to be seen from below (5.3).

What I have called a "secondary apron," i.e., the Mittani period scatter of stones next to the top of the monumental staircase of the ED III period (5.2), may be seen, in this light, as another attempt to retain the memory of a preexisting intermediate structure, as suggested on the basis of the LC3 niched building (2.1) and possible traces in ED III (3.1). The scatter served a similar function as the memory stones: they marked a special place where a building no longer stood.

These modest survivals of an earlier monumentality, i.e., the memory stones and the secondary apron, confirm, at the very moment that they suggest continuity, that this continuity is no longer there. The structural coherence of the Temple Terrace had been altered, after more than two millennia, and its very modest successor lasted for only about a century.

7.2. Topology

Using a linguistic concept, we might say that the deep structure remains unaltered through the more than two millennia during which the Temple Terrace stood in its original form, even while accepting, at set intervals, notable variations in the surface structure. The deep structure rests on the functional correlation of essential components, while the surface structure consists of the adaptive variations that arise in response to specific situations, but always faithfully respecting the essential correlation that exists among the same components.

We may describe this phenomenon in terms of topology, using the concept evocatively, in a purely analogical fashion. The key nodes of the system remain invariant in their functional properties all the while they undergo a transformational pull in their outward appearance. It is especially the fixed correlation among these nodes that defines the continuity of the system *qua* system, regardless of the partial differentiation of the morphology of each individual component. This would seem to be a most apposite description of one of the best possible examples of a *longue durée* state of affairs.

The situation is similar to the one that obtains for a language. I have made the case (Buccellati G., 1996) for the validity of dealing with Babylonian as a single structural whole over a period of about one and half millennium: in this case, too, it is the structural integrity of the system that retains its coherence, in spite of formal changes that affect single aspects of the language as a living structural whole.

This image can also help us in defining the limits and merits of a comparison of the Urkesh Temple Terrace with that of Chuera. In spite of the differences (in particular, the size and shape of the *temenos*), the correlation of the elements and the asymmetry of the whole, besides of course the nature of the building material, are strikingly similar, highlighting again the "deep structure" correlation between the two.

8. The inner motor

8.1. Ideology: the mountains as a symbol

Given the essentially ephemeral nature of the architectural components, the question arises as to what made the persistence of tradition possible (section 6).

One factor was religious ideology, in our particular case the ideology of the mountains.

I have discussed the triangular pattern of the revetment wall (see Buccellati G., 2009) has having the double effect of recalling an actual feature found in the perimetral walls of the animal pens in the northern highlands on the one hand, and, on the other, to offer a symbolic rendering, what I have called an "architectural logogram," that framed the larger urban space within which the Temple Terrace was found (3.2). This framing is all the more significant in that the triangular frieze, as it were, mirrors that of the actual Tur-Abdin mountains seen in the background: the revetment wall frames both the rise of the Temple Terrace and the rise of the landscape in the distance.

The concept of "framing" has been aptly developed by M.G. Micale (Micale 2019; see also Alexander 1970), who applies it specifically to the element of crenellation as documented in iconography and (more sparsely) in the architectural record. Particularly relevant are three example from Mari (pp. 425–27), where an angular and a rounded motif appear together as symbols for the mountains. The mace fragment shown here in Figure 16 is very significant. The deities of rivers and mountains are framed by a rectangular motif at the top and, in Alexander's reconstruction, by a wavy motif at the bottom. The ovoid element on the skirt of one deity and the pointed rectangular motif in the top frieze refer to the mountain, just as the wavy lines refer to the rivers.

What is significant for us is not so much the presence of the mountain motif, in ovoid and rectangular form in analogy with the triangular motif of our revetment wall, but the very fact of framing. The idealized sketch in Figure 6 gives us an idea of the perceptual response that a view of the Urkesh Temple Terrace would have had when approaching it from the south: a single central rise with at its base a stone frieze (the revetment wall) that mirrored the actual mountains in the background. The growth of the settlement around the Temple Terrace in the second millennium progressively reduced the impact of this ideological landscape, until it eliminated it altogether (as it is still the case for us today). We can only picture it. And the effect would be similar to that represented in the Mari mace, or, in a different setting, by the Urkesh sealing (Fig. 17) which represents a deity walking in the mountains (whom we assume to stand for Kumarbi, according to the Hurrian myth). The millennial care of the Temple Terrace was intended to preserve in its pristine state this grand ideological framing of nature and architecture. If so, Micale's thesis, that the "materiality of real architecture" followed the initial symbolic framing (p. 432), is strengthened by the role that the natural environment would have played in defining this framing.

8.2. Ethnicity: Hurrians and the highlands

Working with the assumption that the Hurrians came from the highlands to the north of Urkesh, and that Urkesh was one of their major centers in what I have called the Hurrian urban ledge where the Taurus meets the plain, I propose that the ethnic identity was another major factor for the persistence of tradition which I have highlighted.

I wish to propose as a working hypothesis that the fourth millennium complex lurking below the third millennium Temple Terrace reflects the earliest known testimony of Hurrian history. The rungs on the inferential ladder are many, and they must be seen for just what they are. But it seems worthwhile considering them seriously. I list them below in decreasing order of verisimilitude, including data from outside the Temple Terrace.

1) The Palace of Tupkish can safely be associated with Hurrian ethnic identity, for reasons that have been detailed elsewhere. This dates early in Naram-Sin's reign or slightly before.

2) The underground structure next to the Palace (*abi*) may also be closely linked with Hurrian cultic practices as known from later texts. It dates to before the Palace. How much earlier, we cannot say (because excavations inside it have not been completed), but it is quite possible that the structure may descend to virgin soil, and that its cultic use may have remained the same for many centuries before the period of Tupkish. The uniqeness of the ritual suggests that its very nature is rooted back in these earlier periods – in other words, that the Hurrian nature of the later ritual reflects an early Hurrian nature of the same.

3) The Temple Terrace of the third millennium is incorporated within a coherent urban landscape that includes the Plaza, the Palace and the *abi*. As such, it seems inevitable to assume that the whole complex, and in particular the Temple at the top, were also well integrated in a larger Hurrian perspective, coherently with the Hurrian nature of the Palace and the *abi*. My further assumption, that the lions of Tish-atal belong with this Temple and speak of the god Kumarbi (Buccellati G., Kelly-Buccellati, 2005. P. 58–63), are in line with this inferential argument.

4) The history of the sacral use of the Temple Terrace in later times suggests that Urkesh was a religious center of such a specifically Hurrian character that the Temple Terrace and the Plaza remained highly privileged (hence untouched) until the very end. The newcomers in the area, the Assyrians, did not take over the shrine because it was (as I understand it) too incompatible with their religious customs.

5) A number of architectural features link stylistically the Urkesh Temple Terrace with sites that do not belong to the classic Mesopotamian tradition of the south, from Tell Chuera to Haji Nebi and all the way to Mokhra Blur. This suggests a functional and ideological distinctiveness which may well reflect ethnic identity across this large area.

If the hypothesis built on these inferences proves to be correct, it would have a remarkable impact on our understanding of early Near Eastern history, because (a) it would push back the beginning of Hurrian history to the early part of the fourth millennium, (b) it would give evidence of a well-established Hurrian sacral center at such an early date, (c) it would give evidence for a full grown urban settlement capable of supporting such a shrine, and consequently for (d) an alternative model of early urbanism to that of the Sumerians in the south.

The persistence of tradition in the case of the plaza in front of the Urkesh Temple Terrace has been forcefully brought to light by M. Kelly-Buccellati, who speaks of the "enigma of the Temple Plaza," which she describes as follows:

"What comes to mind, when looking at this extraordinary stratigraphic situation, is Derrida's "sous rature", under erasure. The situation is different from what he meant, but, this idea goes to the heart of the matter. What is here erased, in the Urkesh Plaza, is almost a millennium of human activity, not erased because it was first there and then obliterated, or because it defies definition. It is rather that the constant and never interrupted human presence in the Plaza kept erasing itself at the very moment that it was happening. Through a prodigious display of discretion, century upon century of human presence carefully avoided leaving a trace of its passing. And yet the trace is there. Under erasure!"(Kelly-Buccellati, 2016).

Her solution of this "enigma" adds one final argument in the search for an explanation of this phenomenon. She identifies another trend for a long living tradition in the Kura-Araxes culture, of which Urkesh can be understood to have been in some way the heir. And this, too, speaks to the impact that the potential correlation in ethnic identity would have had on the remarkable persistence of tradition we witness in Urkesh.

BIBLIOGRAPHY

Alexander R.L., 1970. Une masse d'armes à figures de l'époque du Palais de Mari // Syria, 47. P. 37–49.

Bianchi A., Dohmann-Pfälzner H., Geith E, Pfälzner P., Wissing A., 2014. Die Architektur und Stratigraphie der zentralen Oberstadt von Tall Mozan/ Urkeš. Studien zur Urbanisierung Nordmesopotamiens, Vol A1, Wiesbaden.

Buccellati F., 2010. The Monumental Temple Terrace at Urkesh and its Setting // Kulturlandschaft Syrien – Zentrum und Peripherie – Festschrift für Jan-Waalke Meyer / J. Becker, R. Hempelmann, and E. Rehm (eds.). AOAT, 371. Münster. P. 71–85.

Buccellati G., 1996. A Structural Grammar of Babylonian. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, section 0.6.

Buccellati G., 1998. Urkesh as Tell Mozan. Profiles of the Ancient City // Urkesh and the Hurrians. Studies in Honor of Lloyd Cotsen, UMS 3 / G. Buccellati and M. Kelly-Buccellati (eds.). Malibu.

Buccellati G., 2009. An Architectural «Logogram» at Urkesh? // Dallo Stirone al Tigri. Dal Tevere all'Eufrate. Studi in onore di Claudio Saporetti / P. Negri Scafa and S. Viaggio (eds.). Roma.

Buccellati G., 2010. The Urkesh Temple Terrace: Function and Perception // Kulturlandschaft Syrien – Zentrum und Peripherie – Festschrift für Jan-Waalke Meyer / J. Becker, R. Hempelmann, and E. Rehm (eds.). AOAT, 371. Münster. P. 87–121.

Buccellati G., 2012. The Floodwaters of Urkesh and the Structural Coherence of the Urkesh Temple Complex // L'Heure immobile" Entre Ciel et Terre: Mélanges en l'honneur d'Antoine Souleiman / P. Quenet and M. al-Maqdissi (eds.). Subartu, 31. P. 21–33.

Buccellati G., 2016. Urkesh: For a Semiotics of the Hurrian Sacred // Ebla e la Siria dall'età del Bronzo all'età del Ferro. Accademia Nazionale dei Lincei: Atti dei convegni Lincei, 304 / P. Matthiae and M. D□Andrea (eds.). Roma. P. 117–135.

Buccellati G., 2017. Critique of Archaeological Reason. Structural, Digital and Philosophical Aspect of the Excavated Record. Cambridge.

Buccellati G., Kelly-Buccellati M., 1995. Mozan, Tall // Reallexikon der Assyriologie, 8 (5/6). P. 386–393.

Buccellati G., Kelly-Buccellati M., 1997. Mozan, Tell // Encyclopedia of Archaeology in the Near East, New York. Vol. 4. P. 60.

Buccellati G., Kelly-Buccellati M., 2005. The Great Temple Terrace at Urkesh and the Lions of Tish-atal // Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians, Volume 18: General Studies and Excavations

at Nuzi 11/2 in Honor of David I / G. Wilhelm (ed.). Owen. Bethesda (MD): CDL. P. 33–69.

Buccellati G., Kelly-Buccellati M., 2009. Urkesh as a Hurrian Religious Center // SMEA. Vol . 47. P. 27–59

Buccellati G., Kelly-Buccellati M., 2014. ... Nor North: The Urkesh Temple Terrace // Mari, ni Est, ni Ouest / P. Butterlin (ed.). Beirut. P. 441–461.

Kelly-Buccellati M., 2010. Mozan/Urkesh in the Late Chalcolithic Period // Kulturlandschaft Syrie: Zentrum und Peripherie / J. Becker, R. Hempelmann, E. Rehm (eds.). . P. 262–290.

Kelly-Buccellati M., 2016. Urkesh: The Morphology and Cultural Landscape of the Hurrian Sacred // Ebla e la Siria dall’età del Bronzo all’età del Ferro. Accademia Nazionale dei Lincei: Atti dei convegni Lincei, 304 / P. Matthiae and M. D□Andrea (eds.). Roma.

Kupper J.-R., 1998. Lettres royales du temps de Zimri-Lim. Paris: Éditions Recherches sur les Civilisations. (Archives Royales de Mari 28).

Micale M.G., 2019. Framing the Space: on the Use of Crenellation from Architecture to the Definition of Pictorial Spaces, // Pearls of the Past / M. D’Andrea, M.G. Micale, D. Nadali, S. Pizzimenti and A. Vacca (eds). Muenster. P. 601–631.

Pfälzner P., 2008. Das Tempel Oval von Urkeš. Betrachtungen zur Typologie und Entwicklungsgechichte der mesopotamishcen Ziqqurrat in 3. Jt. v. Chr., // Zeitschrift für Orient-Archäologie, 1. P. 396–433.

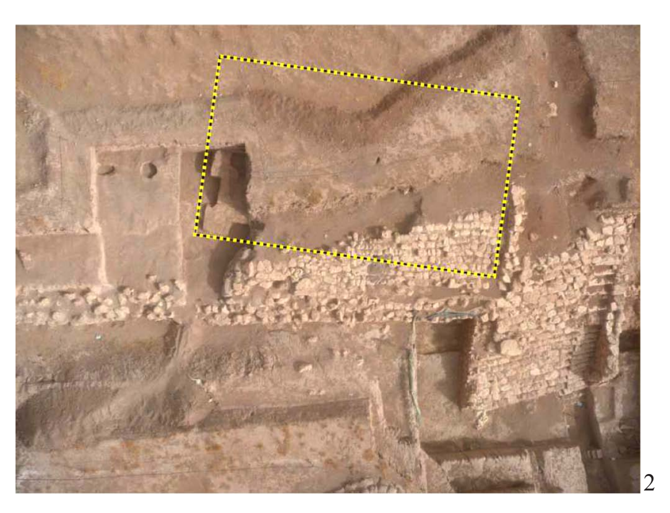
Дж. Буччеллати

ПОСТОЯНСТВО ТРАДИЦИИ В УРКЕШЕ.
ХРАМОВАЯ ТЕРРАСА: ОТ ПРОТОПИСЬМЕННОГО ПЕРИОДА ДО МИТТАНИ

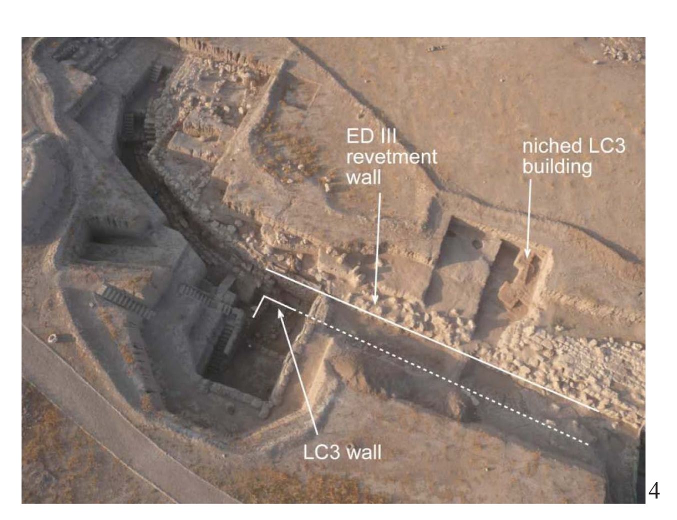
Резюме. Храмовая терраса Уркеш имеет чрезвычайно длинную историю – более двух тысяч лет. Факт поразительный, поскольку ряд относительно эфемерных конструктивных элементов этого монументального здания можно было сохранить, только обеспечив особый уход и защиту. В статье описывается конфигурация храмовой террасы, в частности, особенности структуры и взаимосвязи всех ее элементов, которые позволяли периодически проводить замену ее составных частей. Так продолжалось до тех пор, пока в последнее столетие своего существования сама терраса не изменилась радикальным образом. В статье предпринимается попытка объяснить этот культурный феномен.

Ключевые слова: Уркеш; хурриты; храм; архитектура Месопотамии; зиккурат; протописьменный период; поздний халколит; Сиро-Месопотамия раннего бронзового века; длительный период (*longue durée*); структурный анализ; анализ восприятия.

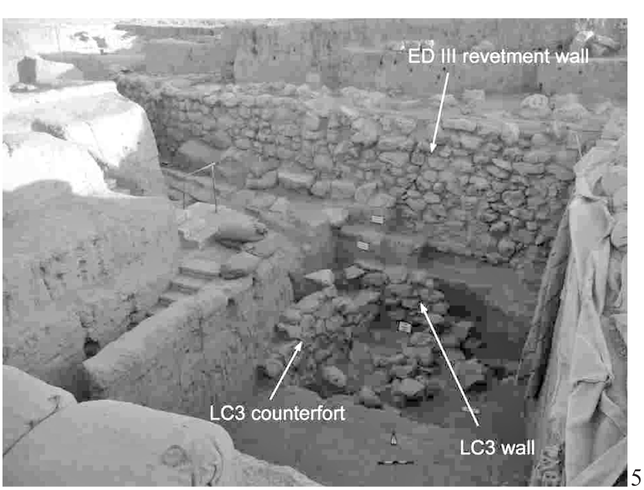

1

2

3

4

5

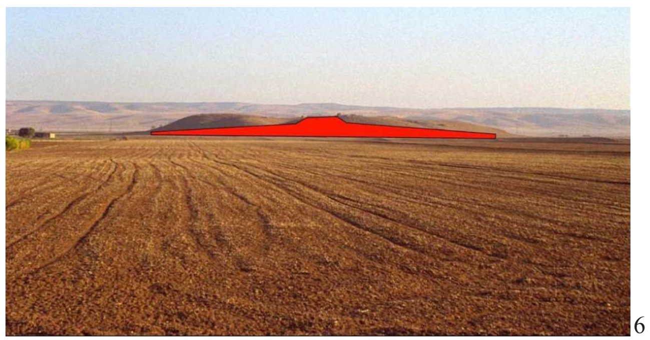

6

Fig. 1. The corner of a niched mud brick building, dating to the LC3 period and located immediately below the ED III glacis

Fig. 2. Projection of the possible extent of the niched building, understood as a an intermediate structure, aligned with the ED III staircase which presumably mirrors an earlier LC3 staircase

Fig. 3. The lower steps of the presumed LC3 staircase immediately below the ED III staircase

Fig. 4. The collapse of an LC3 wall in front of the ED III revetment wall. The remnants of the cross wall show what may have been either a turn in the wall or a large buttress or counterfort

Fig. 5. Relationship between the LC3 revetment wall and the LC3 mud brick building, presumed to be an intermediate structure. The alignment of the LC3 revetment wall maybe slightly askew vis-à-vis that of the ED III wall, and parallel to the southern wall of the niched building

Fig. 6. Projection of possible extension of LC3 settlement

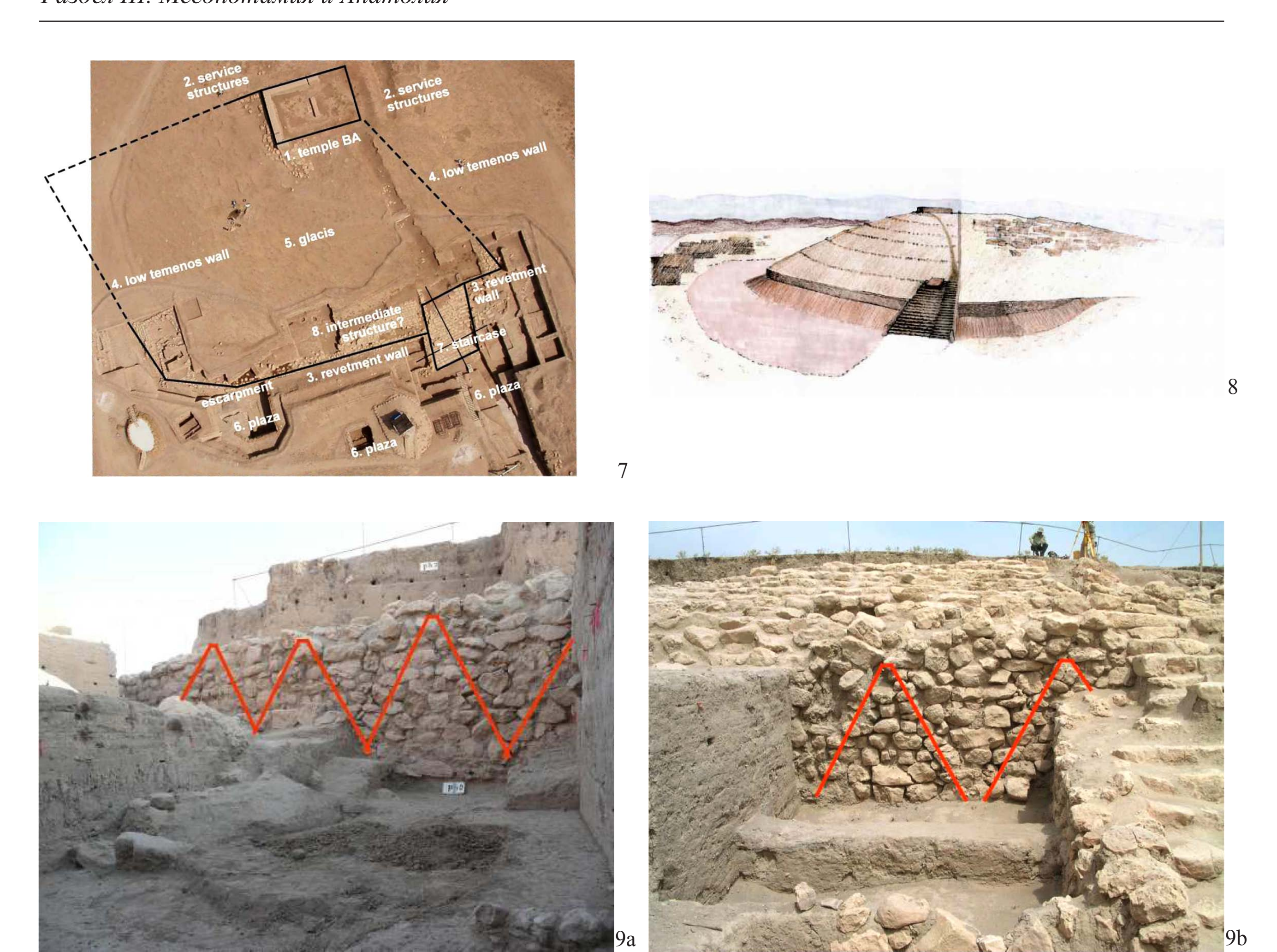

Fig. 7. The organization of space in the ED III period. The numbers correspond to those given in section 1 of the article as the major structural elements of the complex

Fig 8. An early reconstruction (Paola Pesaresi) with a suggested structure at the upper left of the staircase

Fig. 9a. The revetment wall in unit J1, with the triangular pattern (notice the lack of foundations and the escarpment that covers the lower part of the revetment wall)

Fig. 9b. The revetment wall in unit J2, with the triangular pattern (notice that it is covered at its extreme right hand by the subsequent flanking wall of the staircase)`

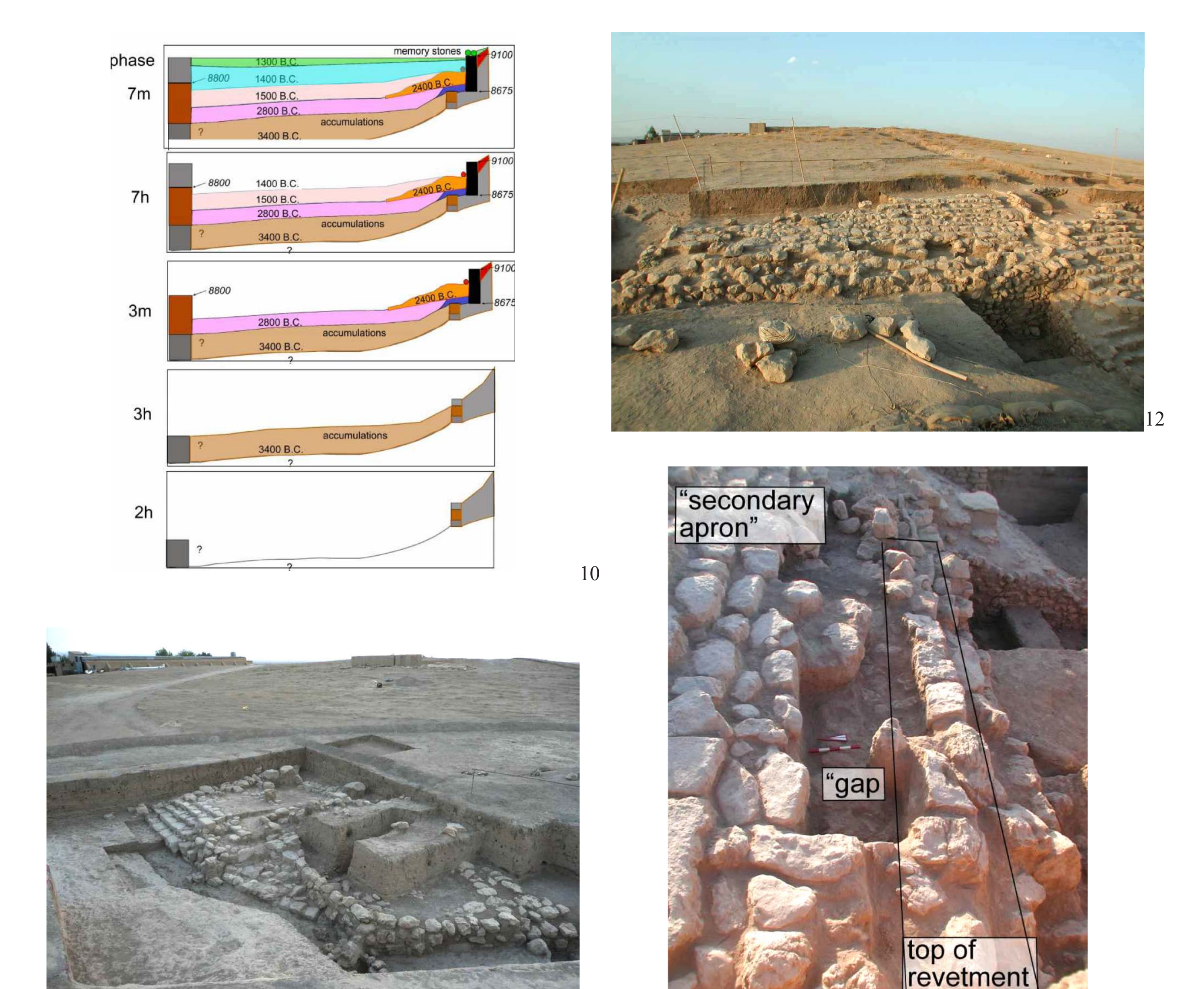

Fig. 10. From Plaza to basin: sketch of Plaza depositional history as seen in J1 (looking west). (First published in G. Buccellati 2010 "Perception and Function" as Fig. 8.)

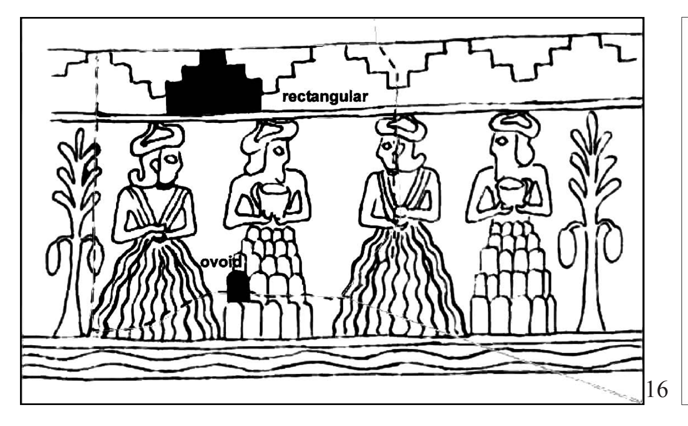
Fig. 11. The Mittani period staircase to the west

Fig. 12. The "secondary apron": possibly a memory marker of an earlier structure that would have been operational in the early periods as an intermediate station between the lower and the upper parts of the Temple Terrace

Fig. 13. The gap shows the surface of the original (third millennium) glacis, which was covered by the sloping stone surface in the Mittani period. This occurred when the revetment wall was no longer visible because of the accumulations filling in the basin that had formed above the Plaza

14

15

16

17

Fig. 14. Removal of the top steps of the early monumental staircase and superficial wall blocking access to the inside of the temenos

Fig. 15. "Memory stones" in J3 along the top of the revetment wall

Fig. 16. Mari mace, in which the deities are framed at the top by a rectangular pattern representing the mountains, which is echoed in the ovoid pattern on the skirt of a deity

Fig. 17. Urkesh sealing (AKc21) showing a deity walking in the mountains

M. Kelly-Buccellati

EMULATION AS A STRATEGY OF URKESH POTTERS AND ITS LONG TERM CONSEQUENCES

Abstract. The purpose of this article is the examination of the ceramics from Urkesh Phase 4 (dated to ca 2100–1900 B.C.) from the point of view of a fundamental aspect of the ceramic production in this time period, emulation and experimentation. This research leads to broader conclusions regarding the development of painted pottery first within the later part of Phase 4 and then continuing to emerge as the most important type of ceramic decoration throughout much of the second millennium. In other words I am reconstructing a situation within which the reemergence of painted ceramic decoration began in Phase 4b with an emulation of ceramics produced by ancient potters. This emulation conditioned the sensitivity of local potters and set the stage for them to take up the idea of painted ceramic decoration when it was reintroduced (Oguchi, 2001. P. 71–87).[1]

Keywords**:** Urkesh; Halaf ceramics; Yarim Tepe; community of practice; emulation processes; ethnic identity; Khabur painted ceramics.

1 Early painted ceramics in the Khabur Region[*] In the sixth millennium the Khabur region was a focus of settlement connected with the Halaf culture as part of a larger settlement zone in the Syro-Iraqi Jezireh with more than forty sites identified (Akkermans, Schwartz, 2003. P. 118). From the site of Mozan/Urkesh we have discovered Halaf sherds on the surface and scattered in later contexts (Buccellati, Kelly-Buccellati, 1988. Fig. 20:1–3, p. 45). In the near neighborhood of Tell Mozan/Urkesh several sites have a significant amount of Halaf painted pottery on the surface. Well known Halaf sites in the area include the type site of Tell Halaf, Chagar Bazar, and Umm Qseir. It is in this period that we find not only mass produced pottery but see that much of that pottery was painted in elaborate geometric designs with fewer examples of naturalistic designs. Early investigations of the widespread production and use of this type of ceramics were conducted by Merpert and Munchaev (Merpert, Munchaev, 1987. P. 1–37; Merpert, Munchaev, 1993. P. 129–162). More recently Munchaev and Amirov have proposed that cultural influences coming from

[*] Much of our knowledge of the Khabur region and the Iraqi Jezireh during the prehistoric periods is based on the seminal work of Rauf M. Munchaev. It was always a privilege to be able to discuss with him common archaeological problems as his experience and insights were deep and willingly shared. Now it is with sincere admiration for the man and his scientific work that I offer this article on the Urkesh potters and their attachment to their long tradition.

[1] H. Oguchi, 2001 "The Origins of Khabur Ware: A Tentative Note" *al-Rafidan* XXII, 2001. pp. 71–87 gives a comprehensive and detailed account of the various theories as to the origin of Khabur painted decoration. For a discussion of Khabur ware, its emergence and development, see X. Faivre and C. Nicolle, 2007 "La Jezireh au Bronze moyen et la ceramique du Khabur," in M. Al-Maqdissi, V. Matoi'an, and C. Nicolle, eds *Ceramique de L'Age du Bronze en Syrie IIL'Euphrate et la region de Jezireh,* pp. 179–229. More recently Rafal Kolinski has reviewed in-depth the various opinions relating to the beginning of Khabur ware, 2014 "20th Century BC in the Khabur Triangle Region and the Advent of the Old Assyrian Trade with Anatolia," in D. Bonatz, ed. *The Archaeology of Political Spaces: The Upper Mesopotamian Piedmont in the Second Millennium BCE*. Berlin pp. 9–34. The late third-early second millennium material I am considering here pre-dates the Khabur period, and is very prominently present in all of sector A in Tell Mozan/Urkesh. Phase 4 as used in the text refers to the AAC sequence; it corresponds to phase 5 of the overall Mozan sequence MZA, see urkesh.org/MZ-mainframe for details.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.355-361

the Transcaucasian area influenced the development of the Halaf culture in Syro-Mesopotamia (Мунчаев, Амиров, 2009. С. 45). Much newly excavated material from the Caucasus is leading to new conclusions about the relationships of this area to Syro-Mesopotamia (Lyonnet 2007, 2012).

The widespread adoption of the Halaf painted pottery must have had a deep impact on the populations using these vessels as in mid sixth millennium sites about 75% of the ceramics were painted. The attraction of these vessels came from the fact that they were unique, usually made in a fine, mineral tempered fabric, highly fired, thin walled and included a large number of complex shape types. The red or black painted design types were spread over the entire vessel in most cases and included simple parallel bands, cross-hatching, triangles, zigzags. Both the positive and negative space was considered in the designs as in most cases the unpainted portion of the design is as prominent as the painted part. The widespread use of this pottery must express a pride in both the craft producers and their customers, reflecting solidarity among potters, be they domestic producers making ceramics for themselves or, as we see in the later part of the Halaf period, potters who may have been full-time producers. The consumers too must have appreciated the vessels since there was such a widespread distribution in all types contexts including domestic and what we can reconstruct as more public buildings. The basic continuity of this craft tradition must have imbued the society with a sense of cohesion with their past and pride in their cultural achievements.

The strength of this painted ceramic tradition diminished during the following periods. A waning interest in painted designs began in the Ubaid period when we see bold geometric designs, usually decorating bowls, gradually being replaced by undecorated vessels. Subsequently the percentage of painted pottery is much less in the early Ninevite 5 period and is replaced eventually in the later part of the period by incised decoration. In the following Early Dynastic periods some painting persisted in a few areas (for example, the so-called Scarlet ware in southern Mesopotamia and the related painted stands in Syro-Mesopotamia (Kelly-Buccellati in Milano, 1991. Fig. 8). The pattern we see here is that the influence of a craft tradition in the material culture emphasizing ceramics decorated with painted designs gradually disappeared as it was being replaced by other stronger variables in the culture.

2. Early Phase 4 Emulation Processes [2]

One of the most striking aspects of Phase 4 ceramics in all areas that we have excavated in Mozan/Urkesh is the desire on the part of Urkesh potters to imitate ceramics from an earlier stage of the Urkesh "community of practice" as seen by them through the ancient ceramics distributed throughout the site. They would have had the opportunity to observed these earlier ceramics not only on the surface of the tell but also when digging on the site within the normal course of their lives, e. g., wells, pits for storage, to obtain mud for making mud bricks etc. The Urkesh potters could imitate either earlier wares or earlier types of decoration (Kelly-Buccellati, 2012. P. 203–223). The ware most imitated is Metallic ware and this is also imitated in Phase 3 (ca 2200 B.C.) although the imitation of this ware increased in Phase 4 (Fig. 1). This is also the case for imitations of Bi-Color ware[3] again starting in Phase 3 but becoming more prominent statistically in Phase 4 (Fig. 2) (Kelly-Buccellati, 2012. P. 214–17). It is important to note that in all of these cases there is not an attempt to imitate the fabric, but to reproduce the surface texture and coloration of the earlier ceramics: it is, as it were, a shortcut to obtain a semblance of the ancient but without using all the technical components of the process that had made it possible.

Also striking are the instances of an emulation of the decoration techniques and designs of past generations of the same community of practice. At first this applies only to incised decoration. While we have a few examples of these imitations in late Phase 3, in Phase 4a (ca 2100 B.C.) these emulations become more frequent in the form of incised designs just below the rim of bowls or on the upper body of jars (Fig. 3) (Kelly-Buccellati, 2003. Abb. 16:5). If we examine the sections of the Phase 4 imitations we can see that the potters were interested in reproducing the designs but not the fabrics and not the shapes. Often the impulse for these imitations of incised decoration techniques and designs came from the finer incised patterns produced on early Ninevite 5 small vessels and were translated onto small vessels also in Phase 4a. We have as well instances of the larger and heavier incised designs of late Ninevite 5 being imitated as incised decorations of larger vessels in Phase 4a[4]. In another example the incisions are placed in groups on top of a wide rim, a rim type that is characteristic for Phase 4 but not earlier (Fig. 4). In none of these cases did the potter intend to reproduce the ware recipes.

[2] See: Archaeology…, 2012; Rice, 1987. P. 455–456.

[3] Also called by the awkward name Dark Rim Orange Bowls.

[4] In the case of the Phase 4 example the imitated pattern is placed on the neck.

3. Late Phase 4 Emulation Processes

In the latter part of Phase 4 we see the beginning of a different interest on the part of local potters because at this point in time they began to use painting as a type of decoration. This was more difficult technically since the traditional recipes for the production of paint seem to have been lost. Therefore in Phase 4b potters began to experiment with the application of painted designs with a bitumen based paint. The use of bitumen for a variety of purposes had in fact not been lost as evidenced by its continuous employment as a waterproofing substance and as a mastic not only on pottery but occasionally on bricks and clay objects. Bitumen based paint never was very popular in this period as a decorative technique for ceramics in Urkesh and was a transitional stage between experimenting with incised decoration and the later painted designs based on different paint recipes and for the most part different decorative designs (see below). Bitumen is difficult to use for ceramic painted designs and because of this was limited in late Phase 4 even though bitumen is locally available in the Mozan area. One indication of the difficulty of the application of this paint is shown by the poor quality of the paint application with edges uneven and blurred, dots painted in an almost haphazard manner (Fig. 5). However, bitumen paint as a technique was widespread geographically as seen through its utilization in Terqa and even as far south as Uruk (Kelly-Buccellati, Shelby, 1977. P. 1–56; Kelly-Buccellati, Shelby, 2007. P. 120–151). In the case of Terqa we now know from the Late Old Babylonian tablets from Tell Taban that the Khana kingdom included part at least of the Khabur region. Because of this interest in the Khabur region, earlier connections between Terqa and the Khabur should not come as a surprise (Shibata, Yamada, 2009. P. 87–109).[5]

In the Khabur period in Urkesh new decorative forms consonant with older traditions emerged from this interest. We can see this in a number of simple but telling examples. For instance some painted Khabur period designs emulate incised designs from Phase 4a. These include the Phase 4a running incised triangles on the shoulder of jars (Kelly-Buccellati, 2012. Fig 10.4 b,c) which subsequently can be seen painted on the shoulders of Khabur jars, but now combined with a series of wide horizontal bands. Groups of incised combed lines on the top of a wide rim in Phase 4a (see Fig. 5 became transformed in Phase 5 (the Khabur period) into discrete groups of parallel lines on the tops of bowl rims (Fig. 6). In the bitumen painted vessels jars often have solidly painted necks often continued on the rim; this type of jar decoration survived into the Khabur period. More specifically in Phase 4b we see that large dots can be placed near the base of jar necks. Dots can also be placed on Khabur vessels although this is not a popular type of decoration (Fig. 7); it should be remembered that small dots in various designs were important in the Halaf period.

In conclusion we can see that in a period of transition the reaffirmation of the past had profound long term consequences for the continuity of the craft as painting was reintroduced in late Phase 4, changed character in Phase 5 and continued over a wide area through the Mittani period. The evidence for this emulation strategy also shows us another characteristic of the Urkesh potters community of practice. They appreciated their *ownership* of the technical knowledge base of long standing and could utilize its depth to expand their own craft products.

4. The cultural setting

The impetus to take up traditional practices and to expand the contemporary knowledge base through observation and experimentation comes probably from many sources. I will mention two in particular.

The community of practice. – The knowledge transfer from a long-ago portion of the community of practice to contemporary potters could only come from a new interest in observation and analysis of previous decorative techniques. Clearly the Phase 4 potters were participating in a long standing community of practice that had started in the early Ninevite 5 period, if not before. A community of practice may be defined as a group of craft producers, with no organizational structure, but held together horizontally across space and vertically across time by shared technical and stylistic expertise. We know that Urkesh potters belonged to such a community because we see only gradual changes through time in the ceramic recipes and firing techniques employed by the Urkesh potters[6]. Also we can see from the seal iconography of Phase 3 (ca 2200 B.C.) that ceramics are a very important element in the seal designs that even contained a scene of a potter's workshop on a seal belonging to king Tupkish (Kelly-Buccellati, 1998. P. 35–50) (Fig. 8). The affirmation of the importance of the potter's production (perhaps even reflecting a higher social status of some craft producers) could have been

[5] I would like to thank Alexander Ahrens for the references to these very important texts from Tell Taban.

[6] The examples in Fig 8 from temple BA date to Phase 1 ca 2400 B.C. and from Phase 5 to ca 1800 B.C. We have presently a large study on the changes in potters' recipes for clay and inclusions a short description of which can be found in Frahm, Nikolaidou, Kelly-Buccellati, 2008. Pp 8–12.

an impulse for later potters to examine and then emulate earlier production techniques. While Phase 4 is a time of transition in the Khabur region, in Urkesh the city continued to be occupied and the city retained a sustained interest in those ritual practices so important in earlier periods as evidenced, for instance, by an uninterrupted use of the *ābi*.[7] The emulation of earlier practices signifies an interest in and appreciation for the work of ancient members of the same community; their work still existed in the city in the form of their products easily on view anywhere on the site. It is not a community of practice struggling once more for expression through emulation of its "betters" from the past. What we see here are potters willing to look at the past and incorporate it into the present. In my opinion, it is this new sensitivity for ancient customs that led to a renewed interest in past painted traditions and resulted in the reemergence of painted designs in the Khabur period. In other words the painting of ceramics was reinvented because of a renewed connection with the past on the part of Phase 4 potters. This revitalization of a craft tradition is the direct result of emulation processes that began with appreciation and was achieved through experimentation. It is for this reason that I speak of emulation rather than imitation: I do not see this phenomenon as one of a casual lifting of motifs from fossils found in the ground, but as a confrontation with the makers of the earlier products, potters to potters, as it were, across the ages.

Awareness of ethnic identity. – Emulation processes are not restricted in Urkesh to potters. We see this also in andirons and their decoration. For instance a large decorated andiron was found in situ in a Khabur period context (Kelly-Buccellati, 2004. P. 67–89) (Fig. 9). After this discovery more decorated andirons have been excavated, but none as well preserved. In addition we have excavated in a Phase 4 context a small, portable andiron with a similar type of decoration (Fig. 10). While portable decorated andirons had been found previously at the site, this example is the only one with a well dated context. One of the possible reasons for the continued production in Urkesh of both permanent and portable andirons with decorations similar to those found in the Early Trans-Caucasian culture to the north could be that emulation strategies are being employed in a period of transition to link the Hurrian population of Urkesh with their past as part of a strengthening and consolidation effort to withstand the social and economic changes sweeping the region. Foregrounding traditions connected with a shared past would generate benefits of social cohesion and clarity of ethnic identification. The production and use of decorated andirons I would see as a strategy through which craft traditions are employed to reinforce social and cultural identity. In this light the reemergence of painted ceramics in late Phase 4 made the reception of painted decoration techniques easier in the following Khabur period when the paint recipes had been reinvented with a paint that was much easier to employ. In this reconstruction the community of practice would have viewed ceramics with a painted decoration as a continuity with ancient craft traditions.

It is in this double sense that we can speak of "ownership of knowledge". On the one hand the potters *qua* craftsmen develop a bond that associates them not only with each other at a given point in time, but also with their forebears whose products they come to appreciate through observation: they "own" the knowledge because they, and they alone, can put it into practice, precisely as a community of practice. On the other hand the potters, by leaning back onto the past (even without a clear awareness of how remote this might have been), come to affirm a uniqueness of style that sets them apart *qua* members of a larger social group: they "own" the knowledge because it defines them within the framework of larger historical categories.

BIBLIOGRAPHY

Akkermans P.M.M.G., Schwartz G.M., 2003. The Archaeology of Syria: From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies (c.16,000–300 BC). Cambridge University Press.

Wendrich W., 2012. Archaeology and apprenticeship: body knowledge, identity, and communities of practice. Tucson.

Buccellati G., Kelly-Buccellati M, 1988. Mozan 1. Soundings of the First Two Seasons. Bibliotheca Mesopotamica. Malibu.

Faivre X., Nicolle C., 2007. La Jézireh au Bronze moyen et la céramique du Khabur // Céramique de L'Age du Bronze en Syrie II, L'Euphrate et la région de Jézireh (BAH 180) / M. Al-Maqdissi, V. Matoi'an, C. Nicolle (eds). Beyrouth. P. 179–229.

Frahm E., Nikolaidou N., Kelly-Buccellati M., 2008. Using Image Analysis Software to Correlate

[7] The *ābi* ceramics are published in Kelly-Buccellati 2003. Abb. 16–18.

Sherd Scans in the Field and X-Ray Element Maps in the Laboratory // SAS Bulletin. Vol. 31,2. P. 8–12.

Kelly-Buccellati M., 2003. Ein Hurritischer Gang in die Unterwelt // MDOG. Vol. 133.

Kelly-Buccellati M., 2004. Andirons at Urkesh: New Evidence for the Hurrian Identity of Early Transcaucasian Culture // A View from the Highlands: Archaeological Studies in Honour of Charles Burney Peeters / A. Sagona, (ed.) Leuven.

Kelly-Buccellati M., 2012. Apprenticeship and Learning from the Ancestors, The Case of Ancient Urkesh" // Archaelogy and apprenticeship / W. Wendrich (ed.) Tucson. P. 203–223.

Kelly-Buccellati M., Shelby W.R., 1977. Terqa Preliminary Report, No. 4: A Typology of Ceramic Vessels of the Third and Second Millennia from the First Two Seasons // Syro-Mesopotamian Studies 1/6. P. 1–56.

Kelly-Buccellati M., Shelby W.R., 2007. Middle Euphrates Ceramics in the Third and Second Millennia: A View from Terqa // Céramique de L'Âge du Bronze en Syrie II L'Euphrate et la région de Jézireh (BAH 180) / M. Al-Maqdissi, V. Matoïan, and C. Nicolle, (eds.) P. 120–51.

Kelly-Buccellati M., 1998. The Workshops of Urkesh // Urkesh and the Hurrians: Studies in Honor of Lloyd Cotsen (UMS 3) / G. Buccellati and M. Kelly-Buccellati (eds.). Malibu.

Kolinski R., 2014. "20th Century BC in the Khabur Triangle Region and the Advent of the Old Assyrian Trade with Anatolia // Archaeology of Political Spaces: The Upper Mesopotamian Piedmont in the Second Millennium BCE / D. Bonatz (ed.). Berlin. P. 9–34.

Lyonnet B. (ed.), 2007. Les cultures du Caucase (VIe – IIIe millénaires avant notre e'ra. Leurs relations avec le Proche Orient. Paris.

Lyonnet B. (ed.), 2012. Ancient Kura 2010–2011: the first two seasons of joint field work in the southern Caucasus // Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 44. P. 1–190.

Merpert, N.I., Munchaev R.M., 1987. The Earliest Levels at Yarim Tepe I and Yarim Tepe II in Northern Iraq // Iraq. Vol. 49. P. 1–37.

Merpert, N.I., Munchaev R.M., 1993. Yarim Tepe II (The Halaf Levels) // Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq / N. Yoffee and J.J. Clark (eds.) Tucson. P. 129–162.

Milano L., 1991. The Epigraphic Finds of the Sixth Season // Syro-Mesopotamian Studies. Vol. 5,1.

Oguchi H., 2001. The Origins of Khabur Ware: A Tentative Note // al-Rafidan. Vol. XXII. P. 71–87.

Rice P.M., 1987. Pottery Analysis: A Source Book. Chicago.

Shibata D. Yamada S., 2009. The Cuneiform Texts from the 2007 Excavations at Tell Taban: A Preliminary Report // Excavations at Tell Taban, Hassake, Syria Preliminary Report on the 2007 Season of Excavations and the Study of Cuneiform Texts / H. Numoto (ed.). Tokio.

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., 2009. Взаимосвязи Кавказа и Месопотамии в VI–IV тыс. до н.э. // Кавказ: Археология и Этнология. Материалы междунар. науч. конф. Баку. С. 41–52.

М. Келли-Буччелати

ИМИТАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ГОНЧАРОВ УРКЕША И ЕЕ ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ СЛЕДСТВИЯ

Резюме. Статья посвящена изучению керамики Телля Мюзан (Уркеш) фазы 4 (примерно 2100–1900 до н.э.) с точки зрения важнейшего аспекта ее производства в этот период – имитации и экспериментирования. Проведенное исследование позволяет дополнить выводы о развитии расписной керамики с конца фазы 4 и далее в последующий период, когда на протяжении практически всего II тыс.до н.э. расписная керамика становится самым распространенным типом посуды. Автор статьи реконструирует ситуацию, когда на этапе фазы 4b расписная керамика вновь становится популярной, и гончары начинают имитировать керамические изделия древних мастеров. Такая имитация показывает уровень адаптации традиции керамической росписи после ее повторного появления на Телле Мюзан.

Ключевые слова: Уркеш; халафская керамика; Ярым-Тепе; профессиональное сообщество; процессы имитации; этническая идентичность; хабурская расписная керамика.

Fig. 1. Comparison between Metallic ware (left) and Imitation Metallic ware (right)
Fig. 2. Comparison between Bi-color ware (above) and Imitation Bi-color ware (below)
Fig. 3. Ninevite 5 incised decoration above and Phase 4 jar with incised decoration on shoulder
Fig. 4. Incised decoration on a Phase 4a rim

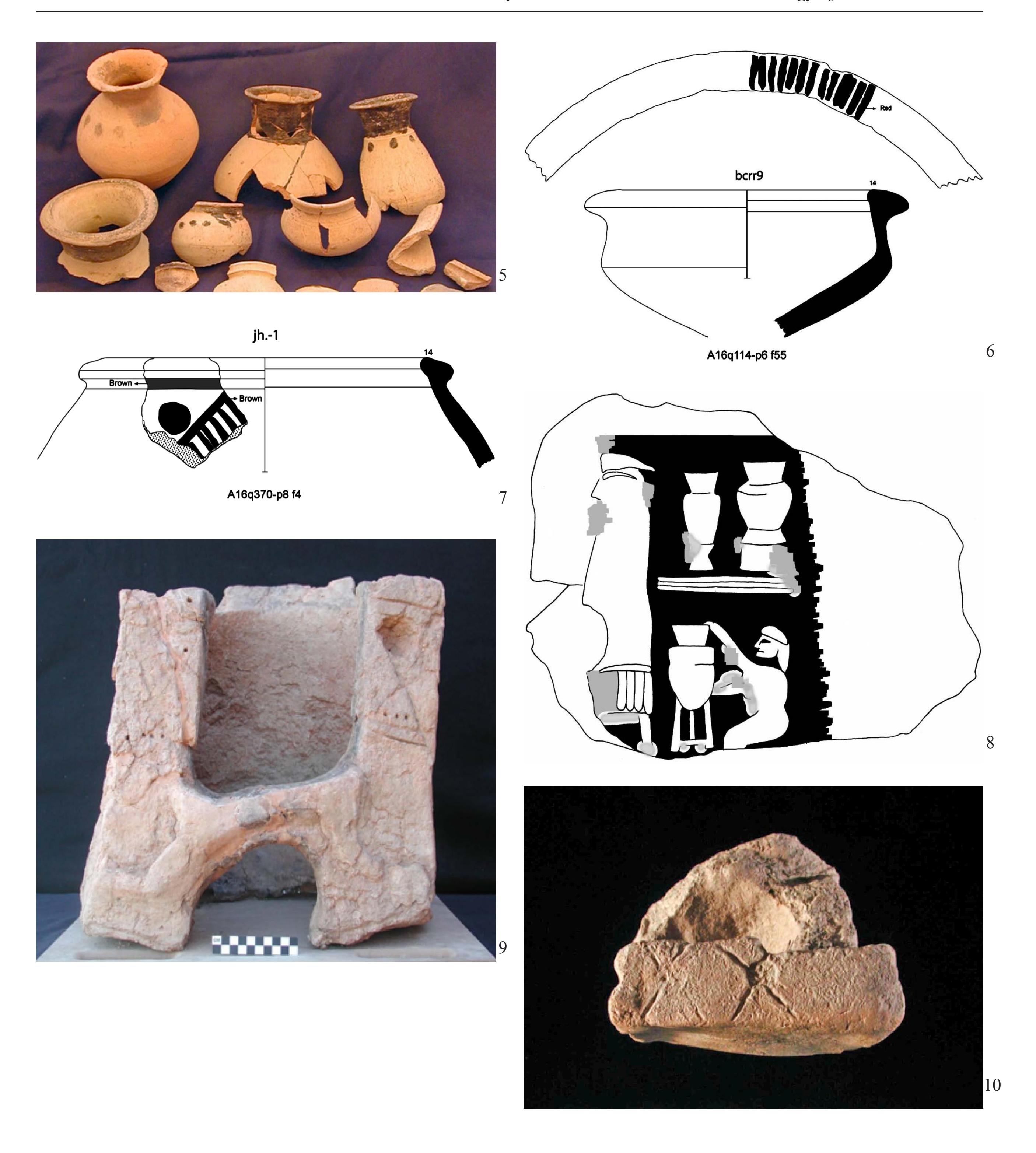

Fig. 5. Phase 4b bitumen painted ceramics
Fig. 6. Painted lines on top of a Phase 5 (Khabur period) rim
Fig. 7. Phase 5 Khabur painted dot design
Fig. 8. A potter's workshop on a seal of the Urkesh king, Tupkish
Fig. 9. Permanently installed Phase 5 (Khabur period) andiron with decoration
Fig. 10. Portable decorated andiron from a Phase 4 context

P. Bieliński

THE RAIN IN CHALCOLITHIC KUWAIT

Abstract. Article is devoted to investigation of constructions that were built as protection against the water flows on the settlement Bahra 1, placed in the As-Sabiyah desert of Northern Kuwait. Based on the Ubaid 2/3 phase pottery imports, settlement is dated to the Early Chalcolithic period. Seminomadic inhabitants of the Bahra 1settlement have realized close contacts with South Mesopotamian sedentary population, which based their economy on the irrigation agriculture. It seems, however, that the water engineering in this case is typical of inhabitants of the desert regions, such as the semi-nomadic community living in the Bahra 1settlement.

Keywords: North Kuwait; As-Sabiyah desert; Bahra 1 settlement; Ubaid 2/3 phase pottery; Water engineering.

To the people living in the temperate climate zone rainfall in the desert may seem more like a blessing than a serious threat. Modern examples show, however, that when an unwary traveller gets surprised by violent rains in a low lying, undulating part of the desert, it can have tragic consequences, even resulting in him drowning. The force of water rushing due to gravity towards lower terrain knocks over and carries away cars, washes away tents and transforms dried-up *wadis* into fast-flowing rivers. In the desert countries of the Gulf, there are several casualties every year due to such severe rains. They posed a threat to the inhabitants of the desert also in distant antiquity. Traces left by these phenomena have been found by the Kuwaiti–Polish archaeological mission studying a Chalcolithic settlement in the As-Sabbiya desert in Kuwait.

Since 2009, the mission has been uncovering the remains of a Chalcolithic settlement from the second half of the 6th millennium BC, discovered in the As-Sabbiya desert in northern Kuwait by Kuwaiti archaeologists.[1] The settlement was under strong influence of the Ubaid culture of southern Mesopotamia, as evidenced by its material culture. Imported Ubaid vessels–mainly luxury painted pottery, although common ware is also present–constitute the majority of the ceramic material found in the settlement. This imported pottery has been dated to the Ubaid 2/3 phase. Locally produced pottery of the Arabian Red Coarse Ware type has also been found (Smogorzewska, 2016).

The site, which lies ca 7 km from the present-day coast of the Kuwait Bay, was given the name Bahra 1. It is situated at the foot of one of the rocky ridges forming the foothills of the Jal al-Zour ridge, which rises in this area to about 35 m above the coastal plain. During the rainy season, numerous periodic rivers flow down the southern slopes of this ridge into the plain. The average height of the part of the ridge at the foot of which Bahra 1 is located is ca 14 m. The site lies on a terrace on the south-eastern side of sandstone rocks, which rise 2 m above it and form a sandy higher terrace with single rocks jutting out of it (Fig. 1). The settlement is at least 180 m long and ca 60 m wide and consists of a dozen houses–for the most part made up of rectangular rooms, which should be associated with the influence of the Ubaid building tradition–and curvilinear structures, which appear in its eastern part mainly in the later phases of its existence (Bieliński, 2017). The latter are thought to be connected with local tradition. The walls

[1] Discovery of the site we owe to surveys carried out on As-Sabbiya desert by Dr. Sultan Duweish then Superintendent for Antiquities of Northern Kuwait and at present Director of the Department of Antiquities and Museums of Kuwait.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.362-369

of the houses were constructed of unworked slabs of local sandstone without the use of mortar. In the best preserved cases, for example in the so-called House 1, they have been preserved to the height of ca 1 m. The lowest parts of walls were generally constructed of slabs up to 30 cm wide embedded vertically in the sand; higher layers were built of smaller stones laid horizontally. The resulting structure was quite stable. We do not know how high the original walls of the houses were, but there is no evidence in the existing research to suggest that the parts built of stone could have been higher than 1.25 m, assuming that they reached that height at all. We do not know whether there was any superstructure above the stone part but if there was, it must have been made of some light material, just like the covering (roof).

At least one of the architectural units uncovered so far in Bahra 1 was destroyed in antiquity when the settlement was still inhabited. It is the so-called Unit 9 built at the eastern end of the central part of the settlement. Although there is no direct evidence for this, it is probable that the neighbouring house called Unit 10 suffered the same fate at the same time. Both units were explored in 2012 and 2013 and have not yet been completely uncovered. The excavated fragment of the first one, measuring ca 8 × 7,5 m, comprised at least three rooms, and maybe four (Bieliński, 2015. P. 24). The walls of this house have been badly preserved; they do not even form straight lines, as if their fragments have been moved (Fig. 2). There is no doubt, however, that the rooms were rectangular. One of them became almost zigzag in shape as a result of the shifting of the walls (Locus 62). The walls of Unit 10, which adjoins Unit 9 from the west, are in an even worse state. Similarly as in the previous case, fragments of only three rooms have been preserved, but we can assume there were more (Bieliński, 2015. P. 28). The bad state of preservation of both houses did not seem to be the result of natural erosion occurring in abandoned buildings, but the real reason for it was discovered only after a sudden storm had swept the As-Sabbiya desert at the end of the second decade of November 2013, accompanied by lengthy rainfall. Damage in the trenches caused by rushing water showed where it had flowed down from the rocks above, creating small *wadis* and bringing down with it piles of sand from the top of the slope (Fig. 3). In the area of Unit 9, traces of three almost parallel *wadis* leading straight to the destroyed house have been noted. The modern trail of destruction corresponded in this case with the older one. The house was never rebuilt after its destruction, which is evidenced by the fact that a cluster of domestic installations, labelled as Unit 13, was located later in its northern part. These were mostly fireplaces and their potential destruction would not have been a big problem (Bieliński, 2015. P. 25).

The analysis of the destruction of the surface of the site conducted after the above-mentioned torrential rains indicated that Unit 5, a multi-roomed house located at the western end of the settlement, could also have been destroyed or seriously damaged in this way, though not necessarily at the same time. Severe damage to Unit 12 could have likewise been caused by violent flooding. Both these architectural units are located in the western part of the site. This hypothesis is supported not only by the state of preservation of the remains but also by the terrain, in which a difference of a few centimetres in elevation determines the direction of the water flow. Shallow gullies are indeed visible near both these structures (Fig. 4).

If the terrain where the settlement was located–and existed for a long time, it seems–was threatened by violent destruction, a question arises: why was it so consistently inhabited? Why was the settlement not established on the higher terrace? We can only suppose that it was the wish to protect the settlement–or rather its inhabitants–from the troublesome north-western wind which blows there during most of the year. Although violent rains causing floods occurred much more rarely than the winds, structures discovered above the settlement near its eastern sector which extends to the rocks indicate that the former threat was appreciated.

These structures are two curved walls located on the other side of the rocky ridge. They were built next to each other and adjoin at one end, while their outer edges lie near the rocks jutting out of the ground. Their curved projections protrude in the opposite direction from these rocks (Fig. 5). The first of these walls, dubbed as ctx 212, is 7,2 m long and runs roughly along the E–W axis with the projection oriented to the north (Fig. 6). The second, labelled as ctx 201, is shorter; it is only 4.3 m long and runs along the N–S axis with the projection oriented to the east (Fig. 7). Both consist of a single row of medium-sized slabs laid on the sand and are ca 0.4 m wide, just like average walls of houses in Bahra 1. Judging by the amount and scatter of fallen blocks found on the inner side of wall ctx 212, it must have been originally built of at least two layers of stones, which would make it ca 0,3 m high. In the case of the shorter wall, the remains of the upper layer of stones are more modest, but it can be assumed that initially both walls were of the same height.

At first glance, it seems we are dealing with two separate enclosures in the shape of a sector of a circle, resting against the rocks and possibly having some domestic function. After a more careful analysis of the walls' loca-

tion and shape, however, their real function becomes apparent. They are actually two small dams situated at the funnel-shaped entrances to rocky gullies, thus preventing rainwater from flowing into them. The projection of the wall, oriented in the direction from which the rainwater is flowing, increases the structure's resistance and at the same time causes the stream of water to diverge to the sides. Both gullies slope to the south. The eastern one, which is blocked by wall ctx 212, tapers to the south to form a narrow rift and then starts to widen again at the rift's southern end. In this area between the rocks, the inhabitants of the settlement built one of the smaller houses, the so-called Unit 14 (Fig. 7). A small cubicle, or maybe a kind of storage bin, at the northern end of this three-roomed house is shaped so as to fit into the mouth of the gully (Fig. 8). Building this house would have made no sense unless it was protected from the rainwater flowing down the gully by the dam constructed at its entrance above. The effectiveness of even such small dams was proven after we had protected the trenches with a low earth and stone wall in order to avoid in the future damages similar to the ones caused by the storm.

The described examples of structures used in water management fall outside the scope of the discussion about the above-mentioned origins of building traditions represented at Bahra 1. The inhabitants of southern Mesopotamia in the Ubaid period must have had some practical knowledge about water engineering due to the fact that their economy was based on irrigation agriculture and that their land was threatened by river flooding. It seems, however, that the water engineering in this case is typical of inhabitants of the desert regions, such as the semi-nomadic community living in the Bahra 1 settlement.

Although no other examples of such measures against flooding have been found at Bahra 1 to date, it is possible that there were more of them. It is also hard to tell whether the inhabitants of the settlement came up with the idea of building anti-flooding dams before or after the catastrophic destruction of the above-mentioned Units 9 and 10. There seems to be no doubt, however, that violent rains affected chiefly the western end of the settlement, and that is where we will be looking for traces of similar structures in the future.

BIBLIOGRAPHY

Bieliński P., 2015. Excavations in Units 3, 6, 9–12 // Bahra 1. Excavations 2013. Preliminary Report on the Fifth Season of Kuwaiti-Polish Archaeological Explorations / P. Bieliński, A. Szymczak (eds.). Kuwait-Warsaw.

Bieliński P., 2017. Architecture of Bahra 1, an Ubaid Culture-Related Settlement in Kuwait // Ash-sharq, Bulletin of the Ancient Near East 1. P. 104–111.

Smogorzewska A., 2016. Local and imported pottery in the Neolithic Gulf: a new perspective from the site of Bahra 1 in Kuwait // Polish Archaeology in the Mediterranean XXV. P. 595–617.

П. Белинский

ДОЖДЬ В КУВЕЙТЕ ПЕРИОДА ХАЛКОЛИТА

Резюме. Статья посвящена исследованию конструкций, построенных для отвода потоков воды, на поселении Бахра 1 в пустыне Аз-Сабиях в Северном Кувейте. Анализ импортной керамики убейдской фазы 2/3 позволяет отнести поселение к периоду раннего халколита. Полукочевые жители поселения Бахра 1 поддерживали тесные контакты с оседлым населением Южной Месопотамии, экономика которого была основана на орошаемом земледелии. Однако в рассматриваемом случае гидротехническое строительство – результат деятельности жителей пустыни, полукочевников, проживавших на поселении Бахра 1.

Ключевые слова: Северный Кувейт; пустыня Аз-Сабиях; поселение Бахра 1; убейдская керамика этапа 2/3; гидротехника.

Fig. 1. General view of the uncovered remains of Bahra 1 settlement and the dominating rocky hills. Photo by A. Oleksiak

Fig. 2. Plan of Unit 9. Drawing P. Zakrzewski

Fig. 3. Unit 9 after torrential rains in 2013. Photo by A. Oleksiak

Bahra 1: technical plan 2014–2015

bedrock visible on surface

excavated area

contour line

wall

installation

"wadi"

0

30 m

Fig. 4. Plan of Bahra 1 settlement with marked positions of *wadi* beds. Plan by P. Zakrzewski

Fig. 5. Walls ctx 201 and ctx 212. Photo by A. Oleksiak

Fig. 6. Wall ctx 212. Photo by M. Makowski

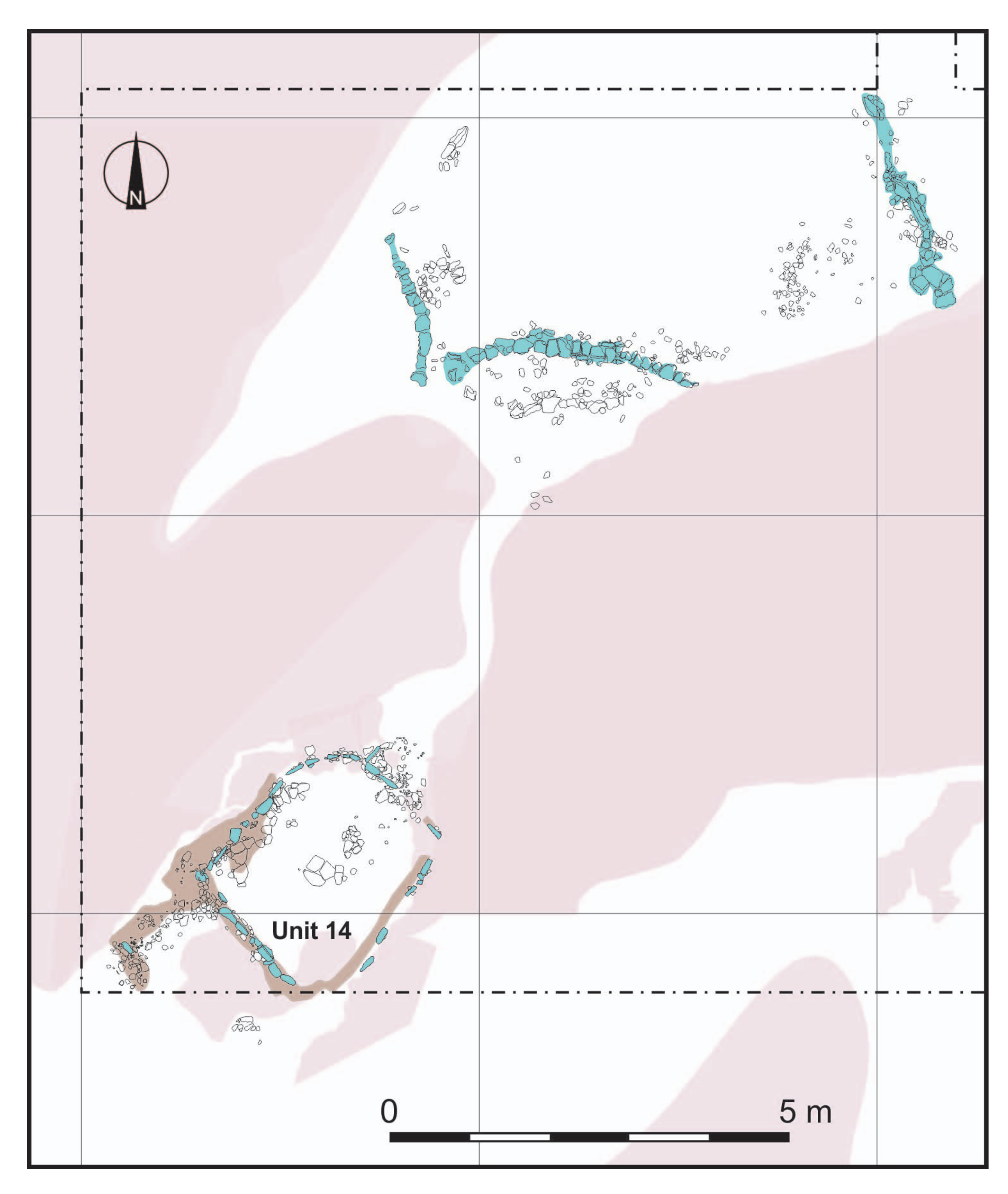

Fig. 7. Northeastern part of the SBH 35 sector with Unit 14 and both curved walls.
Plan by M. Makowski and P. Zakrzewski

Fig. 8. Northern cubicle of Unit 14 blocking the southern end of the gully.
Photo by Ł. Rutkowski

S. Valentini

EMBODYING IDENTITY: BURIAL PRACTICES IN THE SACRED AREA OF TELL BARRI IN THE EARLY JEZIRAH 2–3A PERIOD

Abstract. The discovery of burials in the Sacred Area of Tell Barri (northeast Syria), dated back to the Early Jezirah 2–3a (2750–2500 BC), reveals a ritualization of the funerary practices that the elite manipulated in order to legitimate their own identity through the use of a specialized pottery production and prestige items as 'Status Symbols'; together with the custom to bury the dead *intra-muros* inside the sacred spaces that appears as a mobilization of social memory to claim a link to the revered ancestors.

Keywords**:** Tell Barri; burial practices; ritualization; cultural identity.

Archaeological Data

Stratigraphy

The Sacred Area of Tell Barri is one of the more complex example of religious architecture in the Jezirah of the EJZ 2-3a (2750–2500 BC) (Fig. 1).[1] Between 2002 and 2005, during the excavation of this area were found 12 burials belonging to the different phases of life of the buildings (Pecorella, Pierobon, 2005. P. 14–55; Pecorella, Pierobon, 2008a. P. 12–47; Pecorella, Pierobon, 2008b. P. 7–51)[2]. In the *stratum* 44 (Fig. 2) the Sacred Area, planned *ex novo* directly above the virgin soil, was made up of two buildings interpreted as shrines, a large open space (a *temenos*) and a storage building composed by two *siloi*. The Single-Room Shrine 1297 was a rectangular room with bent-axis arrangement built isolated inside the *temenos,* above a mud-bricks platform filled with pure soil. The room was accessible by a low ramp where the entrance to a small kitchen with a fireplace was also located. On the short side, it had a box altar, and in front of it, a small bench with an oval fireplace. Under the beaten floor, inside a small pit (Burial 1648), three incomplete skeletons of one foetus and two newborns were buried. The Shrine 1548 was a Multi-Room Complex. The *cella* was accessible from a court in which a kitchen and two small storage rooms were located. As in the other shrine, the short side had a box altar, and in front of it there is a small bench with a semi-circular fireplace. Under the beaten floor, seven incomplete skeletons of foetus and new-borns were buried inside four small pits (Burials 1710, 1711, 1719, 1720). After the reconstruction of the *stratum* 43[3], in the *stratum* 42 (Fig. 3) the north side of the *temenos* is bounded with a wall and the Shrine 1548 was abandoned and replaced with a big open space with two couple of rooms overlook the court. Below the floor of the reconstructed Shrine 1297 another burial, with a foetus and a new-born was excavated (Burial 1647). In the *stratum* 41 (Fig. 4) the western part of the complex was partially abandoned and transformed in a big open space, were two adults (Burial 1526 and Burial 1554) and one child (Burial 1527) were buried in pits. After the *stratum* 40[4], that attests the last phase of life of the Sacred Area, in the *stratum* 39 (Fig. 5), that dates back

[1] The existence of religious building in Syrian Jezirah, during the second quarter of the 3rd millennium BC, was first demonstrated by the Schwartz, 2000 and Matthews, 2002 studies. For a more recent study on this topic, with details on the Sacred Area of Barri (see: Valentini, 2015).

[2] All the data concerning these burials are provided by the anthropologist Arkadiusz So□tysiak who I sincerely thank. For a preliminary report see So□tysiak, 2008.

[3] Inside the *temenos*, a *chicane* route was created (see: Pecorella, Pierobon, 2008b. P. 12).

[4] Inside the old room of the Shrine 1297 the walls were tiled and covered with new walls, and after the deliberate filling with pure soil of the residual space, a new building, with the same plan, was built on top. The old altar was reutilized as a pit and a

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.370-393

to the EJZ 3a, the Shrine 1297 was abandoned, but the open space corresponding to the old *temenos* was not reoccupied with other building. Around it, two large buildings (I and II) were excavated. A cist-tomb in mud-bricks (Burial 1307) and two shaft tombs (Burial 1302 and Burial 1515) were excavated outside these buildings.

Catalogue of Burials

Foetus and newborns pit-burials (Strata 44 and 42)

12 skeletons were excavated inside six small pits: two (Burial 1647 and 1648) beneath the beaten floors of the Shrine 1297 and four (Burials 1710, 1711, 1719 and 1720) beneath the beaten floor of the Shrine 1548.

– Burial 1647[5] (Fig. 6): inside the pit the skeleton of one foetus in anatomical contracted position (1647/1) and others bones of a second individual, probably a newborn (1647/2) were found.

– Burial 1648[6] (Fig. 6): inside the pit the skeleton of one newborn in anatomical contracted position (1648/1) and others bones of a second newborn (1648/2) and a third individual, probably a foetus (1648/3) were found.

– Burials 1710[7] (Fig. 7–8): inside the pit the incomplete skeletons of two newborns (1710/1 and 1710/2) were found.

– Burials 1711[8] (Fig. 7–8): inside the pit the skeleton of one newborn (1711/1) and others bones of a second newborn (1711/2) were found.

– Burials 1719[9] (Fig. 8): inside the pit a complete skeleton of a newborn in anatomical contracted position (1720/1; lower individual) and the bones of another newborn (1719/1; upper individual) were found.

– Burials 1720[10] (Fig. 8): inside the pit the incomplete skeleton of a newborn was found.

Pit Burials (Stratum 41)

– Burials 1526[11] (Fig. 9): inside the pit the complete skeleton of an adult female without grave goods. The body was in a supine position with arms extended and hands on basin was found.

– Burials 1527[12] (Fig. 9): inside the pit the complete skeleton of a child (indeterminate sex) without grave goods was found. The body was lying one the right side, in a contracted position, with bent arms.

– Burials 1554[13] (Fig. 10): inside the pit the complete skeleton of an adult female without grave goods was found. The body was lying on the left side, in a contracted position, with bent arms and legs.

Cist and shaft tombs (Stratum 39)

– Burials 1302[14] (Fig. 11–12): it is composed by a vertical rectangular shaft, filled and covered by fragmented mud-bricks, and a niche/chamber dug on the right side of it at the floor level, which contained the skeleton of an adult female. The body was in a supine position with arms crossed on the chest and legs slightly bent. The personal ornaments were constituted by (Fig. 13): two metal curved toggle-pins and two simple toggle pin found near the shoulders that may have closed the robe; a small metal bead in shape of a plaque found near the right forearm, that together with a shell ring and a group of beads – in different shapes (cylindrical, corrugated tubolar, biconical, ring, barrel, spherical, ovoid), and made from different materials (frit, semi-precious stones and metal) – belonged to a necklace. A group of vessels that constituted the equipment accompanying the dead was found in the filling of the shaft, on the side of the head. It was composed by (Fig. 14): two deep hemispherical bowls in Fine Ware, two large jars in Metallic Ware originally placed on the top of two Jezirah Bichrome Ware stands, two small jars, two bowls, two beakers, a spouted vessel also in Metallic Ware, and a small globular jar in Jezirah Burnished Ware.[15]

– Burials 1307[16] (Fig. 15–16): it was a cist-tomb covered and built with horizontally placed mud-bricks, which contained the skeleton of an adult male. The body was lying one the right side in a contracted position, with legs strongly bent. The dead held on his right hand a basalt mace with a vanished handle, and on the left hand a Fine Ware low bowl with traces of animal bones (food offerings?). Close to the bowl was found a metal razor. Two Jezirah Grey Ware small jars were found in front of the head, while another of these jars, closed with an undecorated fragmentary *cretula*, was found behind his back.

– Burials 1515[17] (Fig. 17–18): it is composed by a vertical rectangular shaft and a burial chamber dug

new fireplace was placed in the SE corner (see: Pecorella, Pierobon, 2008a. P. 18–19).

[5] Dimensions: 0,30 × 0,20 m; depth 0,20 m.

[6] Dimensions: 0,30 × 0,20 m; depth 0,10 m.

[7] Dimensions: 0,30 × 0,20 m; depth 0,35 m.

[8] Dimensions: 0,30 × 0,20 m; depth 0,35 m.

[9] Dimensions: 0,30 × 0,20 m; depth 0,20 m. Burials 1719 and 1720 were (micro-)excavated, during the 2005 season, by the anthropologist Arkadiusz So□tysiak (see footnote 2).

[10] Dimensions: 0,30 × 0,20 m; depth 0,05 m.

[11] Dimensions: 1,60 × 0,60 m; depth 0,60 m.

[12] Dimensions: 1,20 × 0,50 m; depth 0,65 m.

[13] Dimensions: 1 × 0,55 m; depth 0,75 m.

[14] Dimensions: 1,45 × 0,90 m (shaft); 1,20 × 0,50 (niche/chamber); depth 0,70 m.

[15] For a very close parallel in term of equipment, see the Burial 32 at Tell Hazna (Munchaev, Amirov, 2016. P. 229–233).

[16] Dimensions: 1,75 × 1,10 m (cist); 1,25 × 0,70 (pit); depth 0,75 m.

[17] Dimensions: 1,80 × 1,60 m (shaft); 1,80 × 0,70 m (chamber); depth 2,10 m.

on the right side of it at the floor level. The chamber was separated from the shaft by a partition wall of mud-bricks set horizontally, and contained the skeleton of an adult male. The body was lying on the left side, in a contracted position, with bent arms and legs. The equipment of the dead, found inside the chamber near the head, was constituted by a metal spearhead (Fig. 19) and a group of vessels composed by (Fig. 20): two beakers and two small jars in Metallic Ware and three small jars in Fine Ware. Other four Fine Ware jars were originally placed on the top of four stands, one of which was fenestrated.

Types of Burials

In we consider the archaeological data, we can underline at list two significant aspects, which differ from the standard features of the burial typology of this period in Jezirah (Valentini, 2011). The first one is the presence a Tell Barri of shaft tombs (Burial 1302 and 1515), a particular funerary structure that arose in the Middle Tigris valley in the EJZ 1 period and then spread throughout the Jezirah in the EJZ 2–3a period[18]. As demonstrated by the examples of Tell Mohammed Arab, where more chambers are present beside the shaft, this type of structure was probably built to house more individuals and the entrance-shaft could be re-opened each time a person was to be buried. Therefore, we are in the presence of multiple and progressive burials[19]. This peculiarity seems to characterize also the foetus and newborns pit-burials. In fact, all of them (except the single Burial 1720) unlike what documented in Jezirah in the same period, where the tombs for these age range are normally single inhumation, hosted more than one individual. The second anomaly of these Barri burials is strengthened by another element: they are pit burials, while most of the newborns and foetus burials in this period are in pottery vessels (Valentini, 2011).

Grave goods and equipment

Since the newborns and foetus burials and the tombs of the *stratum* 41 (Burials 1526, 1527 and 1554) are without objects[20], the discussion about the grave goods is limited to the tombs of the *stratum* 39. The equipment of these tombs shows clearly the presence of particular metal objects, which seems to attests the social status of the dead. This is the case of the pins in the female Burial 1302 (Fig. 13), and of the razor (Fig. 16) and the spearhead (Fig. 19) respectively in the male Burials 1307 and 1515[21]. But even more significant is the presence in the tombs of distinctive -in term of decoration, colour, treatment surface, forms- types of pottery made by specialists and clearly less frequent in any other context of the settlement, except the Sacred Area. This is the case of the Metallic Ware[22] vessels attested in the Burials 1302 e 1515 (Fig. 14, 20), the Jezirah Burnished Ware[23], attested by the small jar of the Burial 1302 (Fig. 14), the three Jezirah Grey Ware (Valentini, forthcoming; Falb, Porter, Pruß, 2014) small jars founded in the Burial 1307 (Fig. 16), and the two Jezirah Bichrome Ware (Lebeau, 2003; Valentini, 2003) stands of the Burial 1302 (Fig. 14).

Burial Context

Analysing the localisation of the burials, the starting point is that we are in presence of *intra-moenia/intra muros* tombs.[24] So, all the burials were located inside the settlement and inside the buildings. But the specific contexts are different. Regarding the abnormal frequency of the newborns and foeti burials, it is unlikely that such pattern is linked childhood mortality. It most likely reflects a burial custom, which is made even more enigmatic by the fact that these pits are placed in a sacred context, inside shrines. The only parallel is that of the poorly documented burial excavated at Chagar Bazar in the Room 3 of the Pit M (level 3) interpreted as a small domestic shrine (Mallowan, 1936). Also, the context of the pit-Burials 1526, 1527 and 1554 of the *stratum* 41 presents some interesting element of discussion (Fig. 4). They were excavated inside the Court 1480, during a partial defunctionalisation of the area outside the *temenos* of the Shrine 1297. In fact, the Shrine 1548 had already been abandoned in the *Stratum* 43, when it was covered by a large building in turn abandoned in the *stratum* 42. Definitely the tombs are not within the proper sacred area, but are still located in an inhabited area. Anyway, these show clear intention of a formal inhumation, as demonstrated by the fact that the three burials have the same orientation and were excavated taking into account the presence of other buildings, in particular the small bench and the curvet thin wall that

[18] The shaft tombs excavated in Jezirah at Khuera, Leilan, Raqa'i, Chagar Bazar and Beydar are later than those excavated in the Middle Tigris valley at Mohammed Arab and Thuwaij (see: Valentini, 2011. P. 269).

[19] In spite of this, there are no elements to suggest the presence of secondary burial practices.

[20] For the low frequency of grave goods in non-adult graves of the same period in Jezirah, see Valentini, 2011. P. 273.

[21] For a general overview of the metal objects found in the tombs excavated in Jezirah during the 3rd millennium (see Valentini, 2011. P. 275–277).

[22] For more details about the Metallic Ware (see: Falb, Porter and Pruß, 2014).

[23] For a first definition and framing of the Jezirah Burnished Ware (see: Valentini, 2008a; Smogorzewska, 2012).

[24] For an analysis of the funerary context in Jezirah during the 3rd millennium see Valentini, 2011. P. 270–272.

delimit the area surrounding the Burials 1526 and 1527. Although the practice of burying dead within inhabited areas is not exceptional for this period, usually these tombs had grave-goods (Valentini, 2011. P. 273–277). Therefore the evidence that these bodies were not accompanied by objects could be explained tentatively with the sex of the deceased (two are females) and their age (one is a child). Regarding the tombs of the *stratum* 39 (Burials 1302, 1307 and 1515), in terms of spatial localization these burials do not destroy the relationship with the previous phase of the *temenos* (cf. Fig. 4 and 5). In particular Burials 1302 and 1307, which housed a couple of adults -respectively a female and a male- were excavated inside the Court 1256, a big open space that coincides with the perimeter of the old *temenos*. Considering the continuity in the material culture as a whole, especially in the ceramic horizon (Valentini, forthcoming), and the partial reuse of some walls, we can suggest that between the abandonment of the *temenos* (*stratum* 40) and the reoccupation of the area (*stratum* 39), a very short period of time passed. It is very likely that those who excavated the tombs knew the exact position of the old buildings, which for this reason were not damaged by the excavation of the burial pits .[25]

Discussion

Assuming that "not only good archaeological context needs to be generated, but also profitable interpretative context" (Verhoeven, 2011. P. 127), the case study presented in this contribution brings out some critical issues, due to the insufficient elements to accurately determine the funerary rituals in use in the Sacred Area of Tell Barri during the EJZ 2–3a period. However, without having the claim to be definitely consistent, we can start a critical discussion of the archaeological data with a general overview of the context. The Sacred Area of Tell Barri, where the burials were excavated, is one of the most interesting examples of religious architecture of this period in Jezirah, where the materialization of a new ideology, through the escalation and reorganization of ritual activities, can be observed.[26] The Sacred Area attests a successful attempt to create a structured symbolic environment characterized by: a formal architecture (*temenos*, single shrine, multi-roomed shrine to which the access is restricted); the use of ritual objects and paraphernalia in performances and ritual activities inside the ceremonial places; the practice of sealing impression with figurative motifs. We can reasonably assume that also the *intra-muros* burial practices, with annexes rituals, belonged to this symbolic environment. But rather than trying to classify the single evidences of funerary rituals into a typology overcoming the approach based on checklists of universal markers for ritual we should rather look, in a holistic approach, at what ritual does, by means at the concept of ritualization (Bell, 1997)[27]. In particular, analysing the Burial 1302, 1307 and 1515 of the *stratum* 39 we can try to investigate the nature and the reasons of funerary practices ritualization. Through their grave-goods and stratigraphic context we should try to outline the relationship between this ritualization process and the identity of the community that put it into practice. Well aware that material culture does not simply reflect cultural identity; in particular, in the funerary context, where archaeologist recover the remains of media that people manipulated in the process by which they negotiated their identities within specific contexts depending on social, political and cultural relationship (Casella, Fowler, 2010. P. 355). If we come back to the pottery found in the tombs, we stated that most of the vessels belong to special wares: Metallic Ware, Jezirah Burnished Ware, Jezirah Grey Ware and Jezirah Bichrome Ware. In particular, the small reddish jar in Jezirah Burnished Ware of the Burial 1302 (Fig. 21) let us to infer more general consideration about this pottery, attested also previously in the Sacred Area, where probably was used during the ceremonial activity (Valentini, 2008a; 2008b).[28] It must be stressed that the small jars in question represent the unique example of a closed shape of this pottery, except for the three fragmentary small jars in Jezirah Grey Ware of the Burial 1307 (Fig. 22), Although these can be compared with specific types of Metallic Ware, seem rather a sub-type of the Jezirah Burnished Ware, they with which they have in common the fabric, the firing and the treatment surface.[29] For the rest, in the Sacred

[25] Although we do not have enough planimetric elements, we can suggest a similar situation for the Burial 1515, excavated inside the Court 1283, on the north-western limit of the excavation.

[26] The means of materialization of ideology may have taken several forms in terms of the audience to which they were directed, and the way in which they were produced and manipulated. According to Earle, 1997. P. 143–158, it is useful to consider three main forms in which ideology can be manifested: symbolic objects, public ceremonial events and monuments (see also: DeMarrais, Castillo, Earle, 1996). For more details about the case study of the Sacred Area of Barri (see: Valentini, 2015).

[27] Ritualization can be described as the process in which different forms of behaviour are modified and combined to form a ritual (Verhoeven, 2011. P. 123). The term has surfaced within 'Practice Approach' (Bourdieu, 1977).

[28] Otherwise at Arbid most of the Jezirah Burnished Ware vessels come from a residential quarter (Area D) (see: Smogorzewska, 2012. P. 130).

[29] Probably the only parallels with this shape come from Tell Arbid, where they are grouped in the Dark Grey Burnished jars

Area, this pottery was attested only in bowls. This attention in choosing the shape well suited with the peculiarity of the funerary context. For the Jezirah Burnished Ware a connection with the Anatolian Red-Black Burnished Ware was hypothesized on the basis of the same surface treatment and the shape typology, although the Red-Black Burnished Ware was strictly handmade while the Jezirah Burnished Ware was well shaped, confirming that it is a local production[30]. Following A. Smogorzewska this pottery tradition may have been the result of cross-cultural connection or resulted from the presence in the central Khabur region of a group of people who used the local clay to manufacture vessels according to their own tradition and technique (Smogorzewska, 2012. P. 130). At Tell Barri, the presence of Jezirah Burnished Ware only in religious and funerary context, seems suggest that a similar production may have been evaluated differently at the two ends of the exchange, because the original models which derived from the Anatolian highlands, were made primarily for utilitarian and domestic use[31]. Even more significant is the case of the two painted stands of the Burial 1302 (Fig. 23), that belong to the Jezirah Bichrome Ware, a local production documented predominantly in the central Khabur area[32] and dated back to the EJZ 2 – 3a period. This pottery is attested only in one shape, that one of the stands painted in red and black with triangular and chessboard patterns.[33] But much important here is that the Jezirah Bichrome Ware, except few sporadic fragments, seems documented exclusively in tombs, often associated with vessels of Metallic and/or Late Ninevite 5 Wares[34]. Therefore, we can assume a very specialized production for funerary uses, confirmed not only by the shape but also by the decoration technique[35]. In fact, stands were painted with a *fugitive* pigment (applied after firing) that would not have resisted to a daily use and normal manipulation[36]. In view of the above and despite the limited number of vessels which we referred, we can ascribe them to the category of prestige items used in a funerary context, where the aesthetic sense and the symbolic value prevailed over the practical function. In the ritualization of funerary practices, demonstrated by the custom to bury the dead *intra-muros*, the use of Jezirah Burnished and Bichrome Wares vessels was probably related to their strong ostentatious value. They were used by the elite, during the (public?) rituals, as a 'medium of information' and constituted a factor of consolidation inside a process of identity affiliation (Kuijt, Chesson, 2007; Recchia, Capat, 2004)[37]. As 'Status Symbols', these vessels could have communicated standardized messages and coded information to different groups of people simultaneously. To maintain their symbolic value and exclusive associations with these potteries, elite might have limited the access to these, by controlling their specialized production or distribution[38]. The above-mentioned process of identity affiliation

---

(see: Smogorzewska, 2012. P. 133).

[30] Laboratory tests performed on the Jezirah Burnished Ware from Tell Arbid proved that the vessels had been made of local marly clay (see: Smogorzewska, 2012).

[31] The same process can be considered to better understand the presence in the Sacred Area at Tell Barri of small portable hearths with the shape of horseshoe, "snout," or cylinder with two horns. In fact, this kind of object are quite common in Anatolia, where originally they were usually attested in domestic context, and associated with the Red-Black Burnished Ware (see: Valentini, 2008b).

[32] Except three examples excavated at Tell Bi'a, Chuera e Girnavaz. Archeometric analysis conducted on some fragments from Tell Brak, have confirmed the local production of this pottery (see: Valentini, 2003. P. 74–75).

[33] For this reason, M. Lebeau (2000. P. 5) used at first the definition "Jezirah Bichrome Stands". For more details about the decoration patterns see: Lebeau, 2003; Valentini, 2003.

[34] The sporadic sherds found outside tombs comes from: Tell Barri, Tell Bderi, Tell Brak and Tell Chuera. For these fragments, we can suggest a secondary deposition due to the violation or damage of the primary funerary context. In addition to the Burial 1302 of Tell Barri, stands in Jezirah Bichrome Ware are attested with Metallic Ware and/or Ninevite 5 in the Tomb Ob1 at Tell Mozan, in some tombs at Tell Beydar (see: Valentini, 2003; Valentini, forthcoming) and in the Burial 32 at Tell Hazna (see: Munchaev, Amirov, 2016. P. 229–233).

[35] With the disappearance of the painted Ninevite 5 Ware, at the end of EJZ I, the production of the painted pottery in the central Khabur area seems to be characterized by a chronological succession of two local types, the "Karababa-like" pottery (EJZ 1 – (2) and Jezirah Bichrome Ware (Late EJZ 2–3a). Also the "Karababa-like" pottery, as the Jezirah Bichrome Ware, it is known exclusively in one shape, that one of the small globular jar, and attested mainly in funerary context (see: Valentini, forthcoming; Rova, 2011. P. 52; Sconzo, 2015. P. 118; Munchaev, Merpert, Amirov, 2004. P. 272–277).

[36] Comparing the decoration technique (*fugitive* pigment) some scholars have suggested a possible connection between the Jezirah Bichrome Ware and the Scarlet Ware (see: Valentini, 2003. P. 77). As an interesting parallel, also for the Scarlet Ware (attested mainly in a single shape, at least in the Diyala region) funerary and public contexts are prevalent (see: Del Bravo, 2014).

[37] For a similar argument about the Ninevite 5 pottery (see: Forest, 1996).

[38] For a different hypothesis regards the Jezirah Burnished Ware, specific analysis did on the fragments of Tell Arbid, demonstrated that there was no standardized or centralized production of Jezirah Burnished Ware vessels. Rather that they were manufactured to satisfy the individual needs of a small group of the site's inhabitants. There was no standard procedure for the preparation of pottery paste or firing conditions and also the raw material used was not standardized (clay from six different sources) (see: Smogorzewska, 2012. P. 137).

could be also the frame of the practice to bury newborns and foeti inside the shrines of the Sacred Area. Even though, in this case, we be dealing with the bodies of not-adults, those who conducted the burial have been adults. Thus the treatment of these bones invariably involved the agency of the living and a cultural intervention that provides insights in relation to how adults came to terms with such premature deaths. Unfortunately, there is no textual evidence[39] which may support any explanation of the peculiarities (type, modalities and context of inhumation) of the Barri examples. However, it is evident that it was a local funerary practice, perhaps related to belief in special status of children who were born dead or died soon after the birth. Generally, in the studies dealing with burials of children (Murphy, Le Roy, 2017), the coexistence of the living and the dead can be interpreted in two opposite manners – it may be an expression of absolute oblivion in which the burial is inaccessible and obliterated by the activities of daily life, or, conversely, it may represent a profound form of commemoration in which the dead infant continues to share the living space and experiences of its family. But, considering the specific "ritual" context, we should exclude this domestic child identity. Furthermore, a stratigraphic detail cannot be omitted: we can observe that these burials were excavated always before the floor laying of the shrines.[40] It is important to underline also that, in terms of construction technique, all the floors covered a filling layer that sealed the foundation, and that, in the case of the Shrine 1297, the filling layers were consisted of pure clay. As a consequence, we cannot exclude a connection of such burial with foundation rituals (Moses, 2008). But the examination of the burial type also enables us, as an alternative, to identify these newborn and foetus burials as what is defined by E. Murphy and M. Le Roy as 'political childe' (Murphy, Le Roy, 2017. P. 8). Assuming that the individuals were grouped together in multiple and progressive burials not on the basis of the biological relatedness[41], or a direct association with the places of domicile, but rather for practical kinship purposes that would help forge intergroup alliance. So, we can suggest that in this case, age is not fundamental, but other social roles or identities could be materialised in death.

Conclusion

Burial practices documented in the Sacred Area of Tell Barri are framed in a cultural scenario in which Jezirah, after the collapse of the Uruk System and the diffused ruralisation characterized by a subsistence economy based on small-scale farming (EJZ 0- Early 2), experienced the first signs of the regeneration process of a 'complex' society (Weiss, 1990; Schwartz, 1994). A phenomenon that culminates at the middle of the 3rd millennium, with the advent of the Second Urban Revolution (Akkerman, Schwartz, 2003. P. 234–235; Sallaberger, 2011. P. 327-328; Lebeau, 2011. P. 368-370). In Jezirah, the disintegration of the old traditional socio-political and ideological structures seems part of a continuous process of reconstruction, in which new opportunities for social mobility and individual agency may emerge (Schwartz, Nichols, 2006). During the second quarter of the third millennium BC (EJZ Late 2-3a), we can imagine Tell Barri, as a small community in which the elite controlled a local economic system based on the exploitation of surplus products by agricultural and breeding activities[42]. In the reorganization of this subsistence economy these elites could have increased their power also through benefits derived from the intermediate role of gateway in a new system of long-distance trade between southern Mesopotamia (especially with the Diyala region) and the Anatolian highlands (Marro, Helwing, 1995; Lebeau 1990, P. 259–266, 286; Smogorzewska, 2012. P. 139; Valentini, 2008a). The revitalization of these trades acted a stimulus of contacts between the Jezirah and these regions, as demonstrated by some aspects of the material culture (pottery production, sealing impressions, architecture) (Valentini, 2015). These elites, through competition, and investing the surplus derived from the political economy, may find new avenues for embodying their socio-cultural identity: on one side through the con-

[39] In the Sumerian text *Gilgameš, Enkidu and the netherworld* we may read the dialogue between Gilgameš and his dead servant who among others reported also the following rule of the netherworld: " 'Did you see my little stillborn children who never knew existence?' 'I saw them.' 'How do they fare?' 'They play at a table of gold and silver, laden with honey and ghee' ". It is possible then that Early Jezirah inhabitants of Tell Barri also believed in a special status of children "who never knew existence" and buried them in a special way in pits beneath the floors of shrines. Arkadiusz So□tysiak, Personal communication, which refers to: Black, Cunningham, Robson, Zólyomi, 1998: version A 286–292.

[40] Burials 1710, 1711, 1719 and 1720 under the floor 1672 of the Shrine 1548; Burial 1648 under the floor 1516 (*stratum* 44) of the shrines 1297 and the Burial 1647 under the floor 1492, belonging to the reconstruction of the Shrine 1297 in the *stratum* 42.

[41] To have a confirmation of this, further analysis to understand the biological link would be necessary.

[42] Despite the size of some sites, as for example Brak and Leilan, more in general in Jezirah we observe an heterarchical web of settlements characterized by a dispersed arrangement of political, economic, and religious authority (see: Wilkinson, Tucker, 1995).

struction of shrines and sacred areas, on the other with the ritualization of the burial practices. Two faces of the same medal that demonstrates an increase in ceremonial ostentation, in order to elaborate an intricate ideological system, to set up a new identity and reinforce a new social order, in which the accumulated inequalities had to be constantly defused.

Under this magnifying glass, we can grasp the meaning of the formal deposition of some members of the elite (the couple of the tombs 1302 and 1307) in physical continuity with the oldest sacred area (*strata* 44-40) before the reconstruction of the new settlement (*stratum* 39) (cf. Fig. 4 and 5). It was a deliberate and conscious choice to claim a link to the revered ancestors. A case of 'stimulus regeneration', within an incipient creolization process[43], in which the mobilization of social memory by the community was used to legitimate their own identity, together with the structures of hierarchy, in order to maintain a continuity of power.[44]

[43] For the use of this term in archaeology (see: Ferguson, 1992).

[44] For a parallel (see: Palumbi, 2004).

BIBLIOGRAPHY

Akkermans M.M.G., Schwartz G.M, 2003. The Archaeology of Syria. From Complex Hunter-gatherers to Early Urban Societies (c. 16,000–300 BC). Cambridge.

Anastasio S., Lebeau M., Sauvage M., 2004. Atlas of Preclassical Upper Mesopotamia // Subartu, XIII. Turnhout.

Bell C., 1997. Ritual: Perspectives and Dimensions – Revised Edition. New York; Oxford.

Black J., Cunningham G., Robson E., Zólyomi G., 1998. The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature. Oxford. URL: http://www-etcsl.orient.ox.ac.uk/

Bourdieu P., 1977. Outline of a Theory of Practice. Cambridge.

Casella E.C., Fowler C., 2004. Beyond identification: An introduction. // The Archaeology of Plural and Changing Identities: beyond identification / E.C. Casella, C. Fowler (eds.). New York. P. 1–8.

DeMarrais E., Castillo L.J., Earle, T., 1996. Ideology, materialization and power strategies // Current Anthropology, Vol. 3. P. 15–31.

Del Bravo F., 2014. "Scarlet Ware": Origins, Chronology and Developments // ARCANE Interregional Vol. I. / M. Lebeau (ed.).Turnhout. P. 131–148.

Earle T., 1997. How Chiefs Come to Power. The Political Economy in Prehistory. Stanford.

Falb C., Porter A., Pruß A., 2014. North-Mesopotamian Metallic Ware, Jezirah Stone Ware, North-Mesopotamian Grey Ware and Euphrates Banded Wares // Ceramics. ARCANE Interregional Vol. I / M. Lebeau (ed.). Turnhout. P. 171–199.

Ferguson L., 2012. Uncommon ground: archaeology and early African America, 1650–1800. Washington DC.

Forest J.–D., 1996. Mésopotamie. L'apparition de l'Etat VIIe–IIIe Millénaires. Paris.

Fowler C., 2010. From identity and material culture to personhood and materiality // The Oxford Handbook of the Archaeology of Ritual and Religion / T. Insoll (ed.). New York. P. 352–385.

Kuijt I., Chesson M.S., 2007. Imagery and Social Relationships: Shifting Identity and Ambiguity in the Neolithic // Image and Imagination. A Global Prehistory of Figurative Representation / C. Renfrew, I. Morley (eds.). Cambridge. P. 215–230.

Lebeau M., 1990. Esquisse d'une histoire de la Haute Mésopotamie au début de l'Age du Bronze // Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie. Vol. 80, 1–2. P. 241–296.

Lebeau M., 2000. Stratified Archaeological Evidence and Compared Periodizations in the Syrian Jezirah during the Third Millenniun BC // From the Euphrates to the Caucasus: Chronologies for the IVth – IIIrd Millennium BC / C. Marro, H. Hauptmann (eds.). Paris. P. 1–40.

Lebeau M., 2003. Aperçu de la Jezirah Bichrome Ware découverte à Tell Beydar (chantier H) // Tell Beydar, the 1995–1999 Seasons of Excavations, a Preliminary Report / M. Lebeau, A. Suleiman (eds.). Subartu, X. Turnhout. P. 309–316.

Lebeau M., 2011. Conclusion // Jezirah. ARCANE Vol. I / M. Lebeau with contribution by A. Bianchi, K.A. Franke, A.P. McCarthy, J.–W. Meyer, P. Pfälzner, A. Pruß, Ph. Quenet, L. Ristvet, E. Rova, W. Sallaberger, J. Thomalsky, S. Valentini (eds.). Turnhout. P. 343–380.

Marro C., Helwing B., 1995. Vers une chronologie des cultures du Haut-Euphrate au troisieme millénaire. Untersuchungen zur bemalten keramik des 3. Jt. am oberen und mittleren Euphrat // Beiträge zur Kulturgeschichte Vorderasiens, Festschrift für Rainer Michael Boehmer / U. Finkbeiner et al. (eds.) Mainz. P. 341–385.

Mallowan M.E.L., 1936. The Excavations at Tall Chagar Bazar, and an archaeological survey of the Habur region 1934–35 // Iraq. Vol. 3. P. 1–86.

Matthews R.J., 2002. Seven Shrines of Subartu // Of Pots and Plans: Papers on the Archaeology and History of Mesopotamia and Syria presented to David Oates / L. Al-Gailani Werr, J. Curtis, H. Martin, A. McMahon, J. Oates, J. Reade (eds.). London. P. 186–190.

Moses S., 2008. Çatalhöyük's Foundation Burials: Ritual child sacrifice or convenient deaths // Babies Reborn: Infant/Child Burials in Pre-and Protohistory / K. Bacvarov (ed.). Oxford. P. 45–52.

Munchaev R.M., Merpert N.Ya., Amirov Sh.N., 2004. Tell Hazna I. Religious and Administrative Center of IV – III millennium B.C. in North-East Syria. Vol. 1. Moscow.

Munchaev R.M., Amirov Sh.N., 2016. Tell Hazna I. Religious and Administrative Center of IV–III millennium BC in North-East Syria. Vol. 2. Moscow.

Murphy E., Le Roy M., 2017. Introduction: Archaeological Children, Death, Burial // Children, Death and Burial: Archaeological Discourses / E. Murphy, M. Le Roy (eds.). Oxford. P. 1–18.

Palumbi G., 2004. La più antica 'Tomba Reale'. Dati archeologici e costruzione delle ipotesi // Alle origini del potere. Arslantepe, la collina dei leoni / M. Frangipane (ed.). Milano. P. 115–119.

Pecorella P.E., Pierobon R., 2005. Tell Barri /Kahat. La campagna del 2002. Firenze.

Pecorella P.E., Pierobon R., 2008a. Tell Barri/Kahat. La campagna del 2003. Firenze.

Pecorella P.E., Pierobon R., 2008b. Tell Barri/Kahat. La campagna del 2004. Firenze.

Recchia G., Capat V., 2004. Variazioni sul tema: modelli collettivi e interpretazioni individuali nei vasi di alcuni contesti funerari dell'età del Bronzo // Origini. Vol. 26. P. 225–261.

Rova E., 2011. Ceramic // Jezirah ARCANE Vol. I./ M. Lebeau with contribution by A. Bianchi, K.A. Franke, A.P. McCarthy, J.–W. Meyer, P. Pfälzner, A. Pruß, Ph. Quenet, L. Ristvet, E. Rova, W. Sallaberger, J. Thomalsky, S. Valentini (eds.). Turnhout. P. 49–128.

Sallaberger W., 2011. History and Philology // Jezirah. ARCANE Vol. I / M. Lebeau with contribution by A. Bianchi, K.A. Franke, A.P. McCarthy, J.–W. Meyer, P. Pfälzner, A. Pruß, Ph. Quenet, L. Ristvet, E. Rova, W. Sallaberger, J. Thomalsky, S. Valentini (eds.). Turnhout. P. 327–342.

Schwartz G.M., 1994. Rural Economic Specialization and Early Urbanization in the Khabur Valley, Syria"// Archaeological Views from the Countryside: village communities in early complex societies / G.M. Schwartz, S.E. Falconer (eds.). Washington. P. 19–36.

Schwartz G.M., 2000. Perspectives on Rural Ideologies: the Tell Raqa'i 'Temple'// La Djéziré et l'Euphrate Syriens de la Protohistoire à la Fin du Iière millénaire av. J.-C. / O. Rouault, M. Wäfler (eds.). Subartu, VII. Turnhout. P. 163–182.

Schwartz G.M., Nichols J.J., 2006. After Collapse. The Regeneration of Complex Societies. Tucson.

Sconzo P., 2015. Ceramic // Middle Euphrates. ARCANE Vol. IV. / U. Finkbeiner, M. Novák, F. Sakal, P. Sconzo (eds.). Turnhout. P. 85–202.

Smogorzewska A., 2012. Jazirah Burnished Ware from Tell Arbid and its Northern Affiliations // Anatolica. Vol. 38. P. 129–147.

Sołtysiak A., 2008. Short Fieldwork Report: Tell Barri (Syria), seasons 1980–2006 // Bioarchaeology of the Near East. Vol. 2. P. 67–71.

Valentini S., 2003. Alcune note sui sostegni bicromi rinvenuti nella Giazira // Orient-Express. Vol. 3/Eté. P. 74–79.

Valentini S., 2008a. The Jezirah Burnished Ware // Antiguo Oriente. Vol. 6. P. 25–38.

Valentini S., 2008b. Ritual Objects in the 'rural shrines' at Tell Barri, in the Khabur region, during the Ninevite 5 period // Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (Madrid, 3–8 Aprile 2006) / J.M. Córdoba, M. Molist, M. Carmen Pérez, I. Rubio, S. Martìnez. (eds.). Madrid. P. 345–357.

Valentini S., 2011. Burials and funerary practices // Jezirah. ARCANE Vol. I / M. Lebeau with contribution by A. Bianchi, K.A. Franke, A.P. McCarthy, J.–W. Meyer, P. Pfälzner, A. Pruß, Ph. Quenet, L. Ristvet, E. Rova, W. Sallaberger, J. Thomalsky, S. Valentini (eds.). Turnhout. P. 261–275.

Valentini S., 2015. Communal places of worship: ritual activities and ritualised ideology during the Early Bronze Age Jezirah // Defining the Sacred: Approaches to the Archaeology of Religion in the Near East / N. Laneri (ed.). Oxford; Philadelphia. P. 102–117.

Valentini S., Forthcoming. La ceramica del Protodinastico // Tell Barri/Kahat 3. Relazione sulle campagne 1993–2005 a Tell Barri/Kahat, nel bacino del Habur (Siria) / P. E. Pecorella (ed.). Firenze.

Verhoeven M., 2011. The many dimensions of ritual // The Oxford Handbook of the Archaeology of Ritual and Religion / T. Insoll (ed.). New York. P. 115–132.

Weiss H., 1990. 'Civilizing' the Habur Plains: Mid-Third Millennium State Formation at Tell Leilan // Resurrecting the Past: a joint tribute to Adnan Bounni / van M. Loon, P. Matthiae (eds.). Istanbul. P. 387–407.

Wilkinson T. J., Tucker, D. J., 1995. Settlement Development in the North Jazira, Iraq // Iraq Archaeological Reports 3. London.

С. Валентини

ВОПЛОЩЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В ОБРЯДЕ: ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРАКТИКА В СВЯТИЛИЩЕ ТЕЛЛЬ БАРРИ ПЕРИОДА РАННЯЯ ДЖЕЗИРА 2–3А

Резюме. Обнаружение захоронений в святилище поселения Телль Барри (северо-восточная Сирия), датируемых периодом Ранняя Джезира 2–3а (2750–2500 BC), свидетельствует о ритуализации погребальной практики, которая применялась элитой поселения, чтобы узаконить свое общественное положение. Для этого использовались «символы статуса», такие как специализированная керамика и другие престижные предметы. Также и обычай хоронить умерших внутри священных участков (*intra-muros*), служил средством воздействия на коллективную память, что позволяло представителям элиты претендовать на связь с почитаемыми предками.

Ключевые слова*:* Телль Барри; погребальная практика; ритуализация; культурная идентификация.

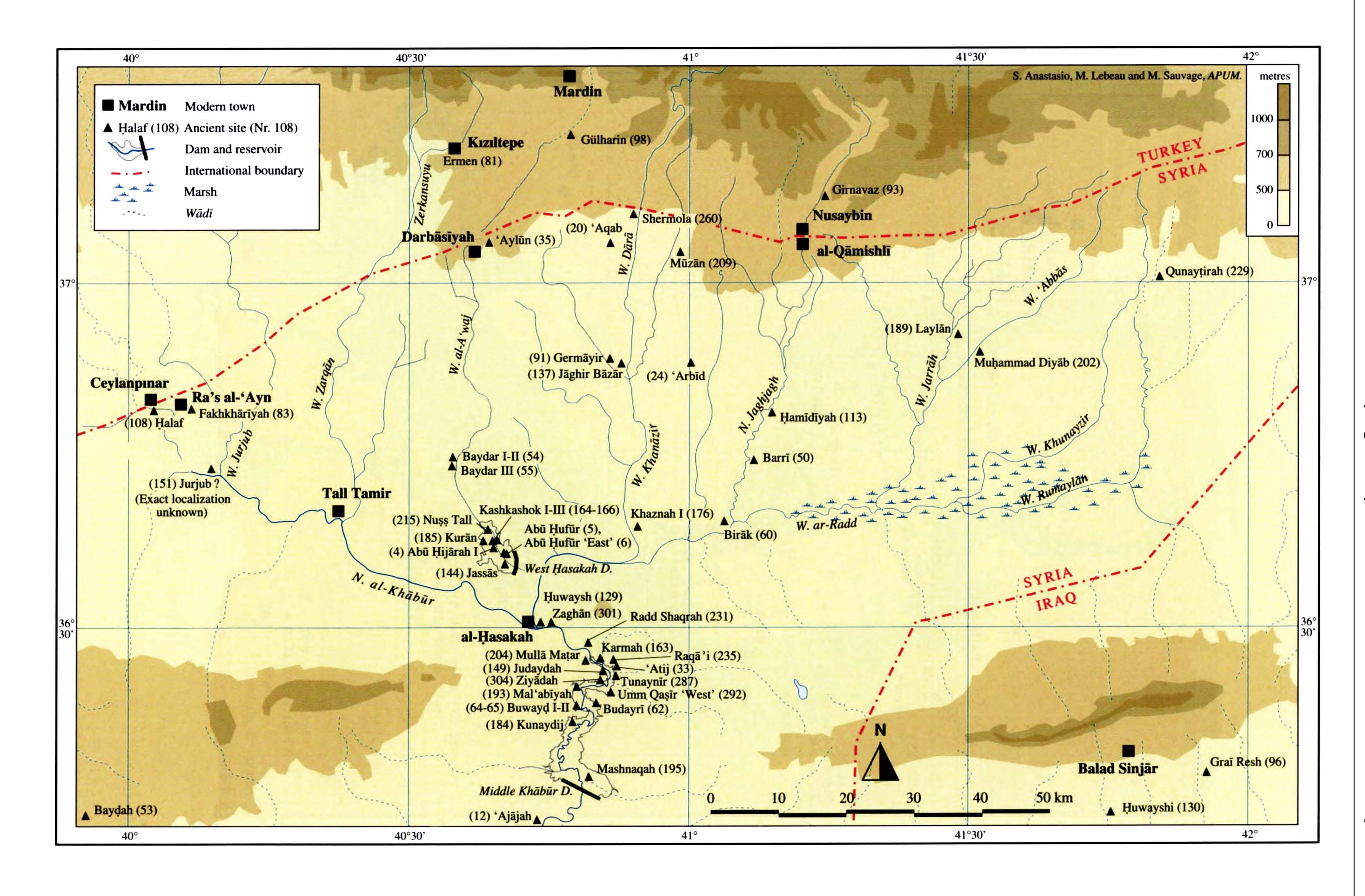

Fig. 1. Map of Upper Khabur Basin (after Anastasio, Lebeau, Sauvage, 2004)

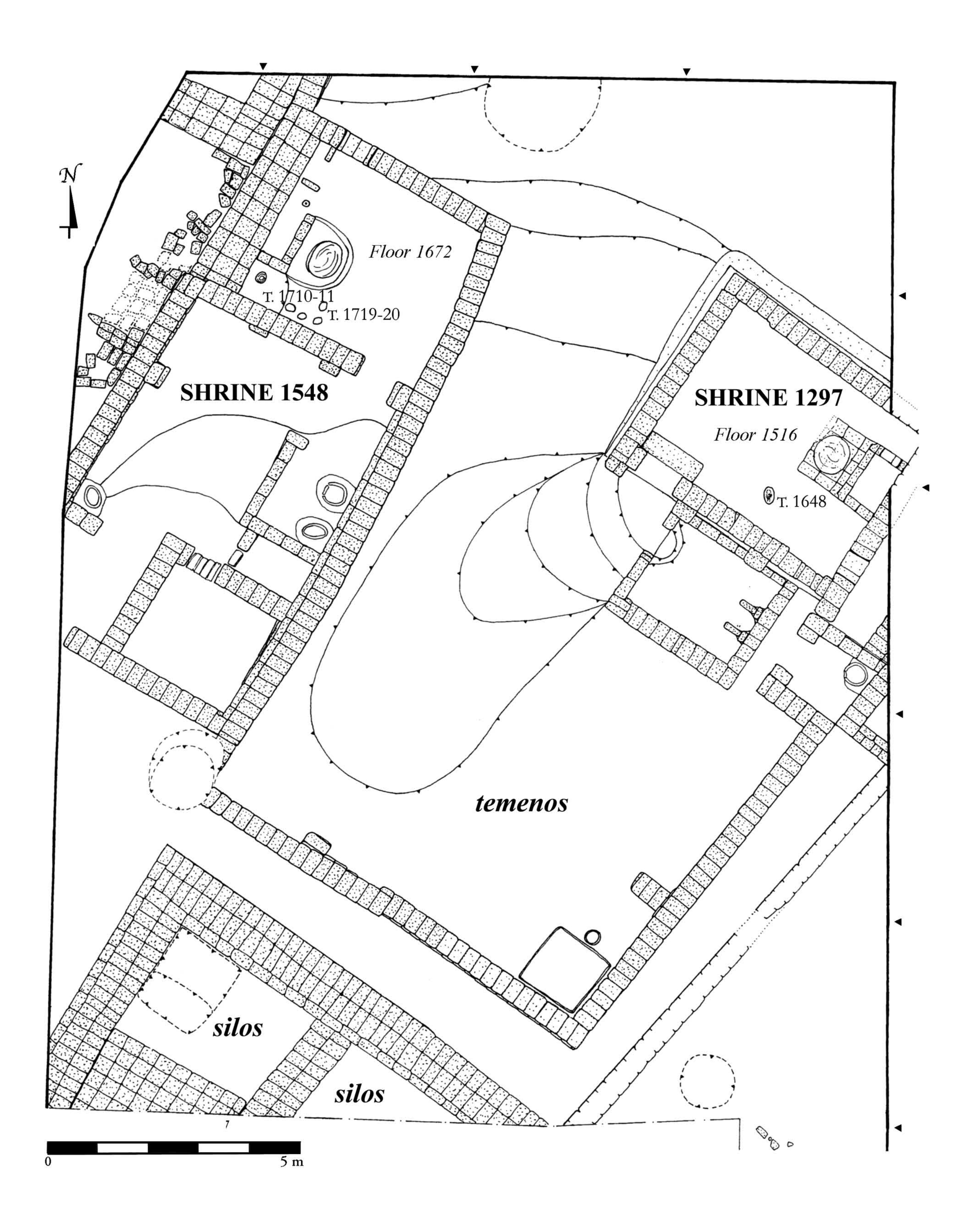

Fig. 2. Tell Barri Sacred Area, *stratum* 44 (Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

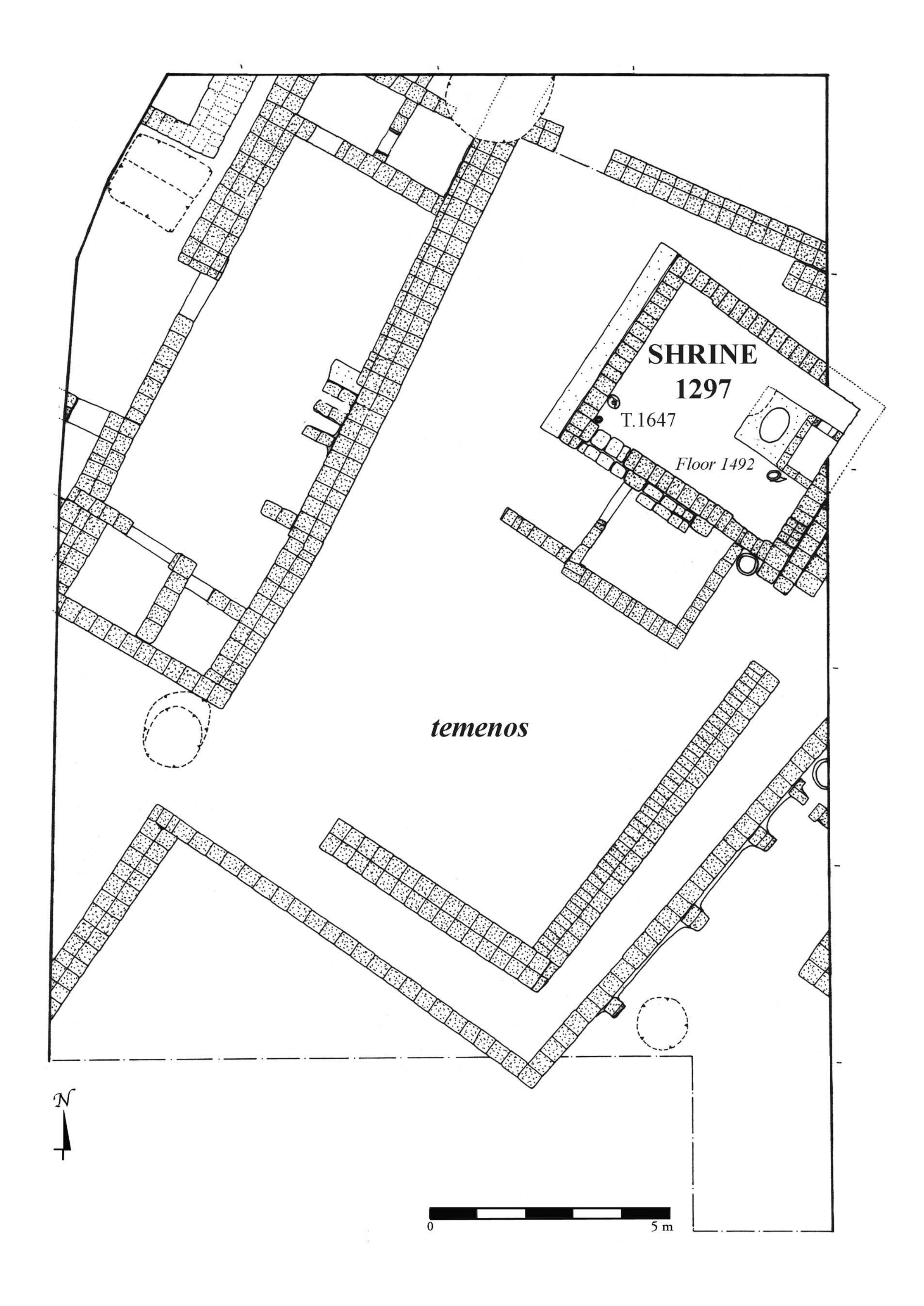

Fig. 3. Tell Barri Sacred Area, *stratum* 42 (Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

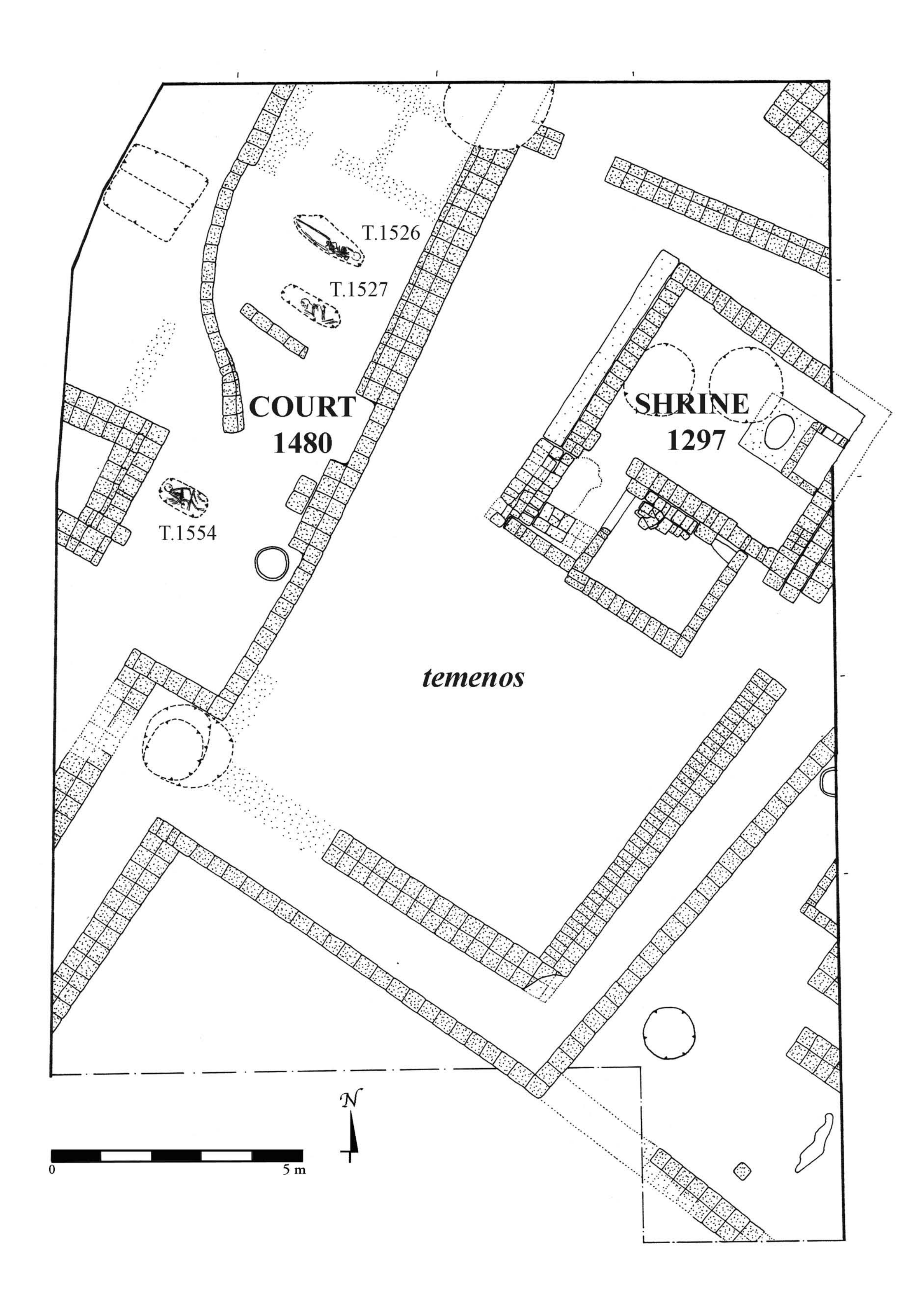

Fig. 4. Tell Barri Sacred Area, *stratum* 41 (Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

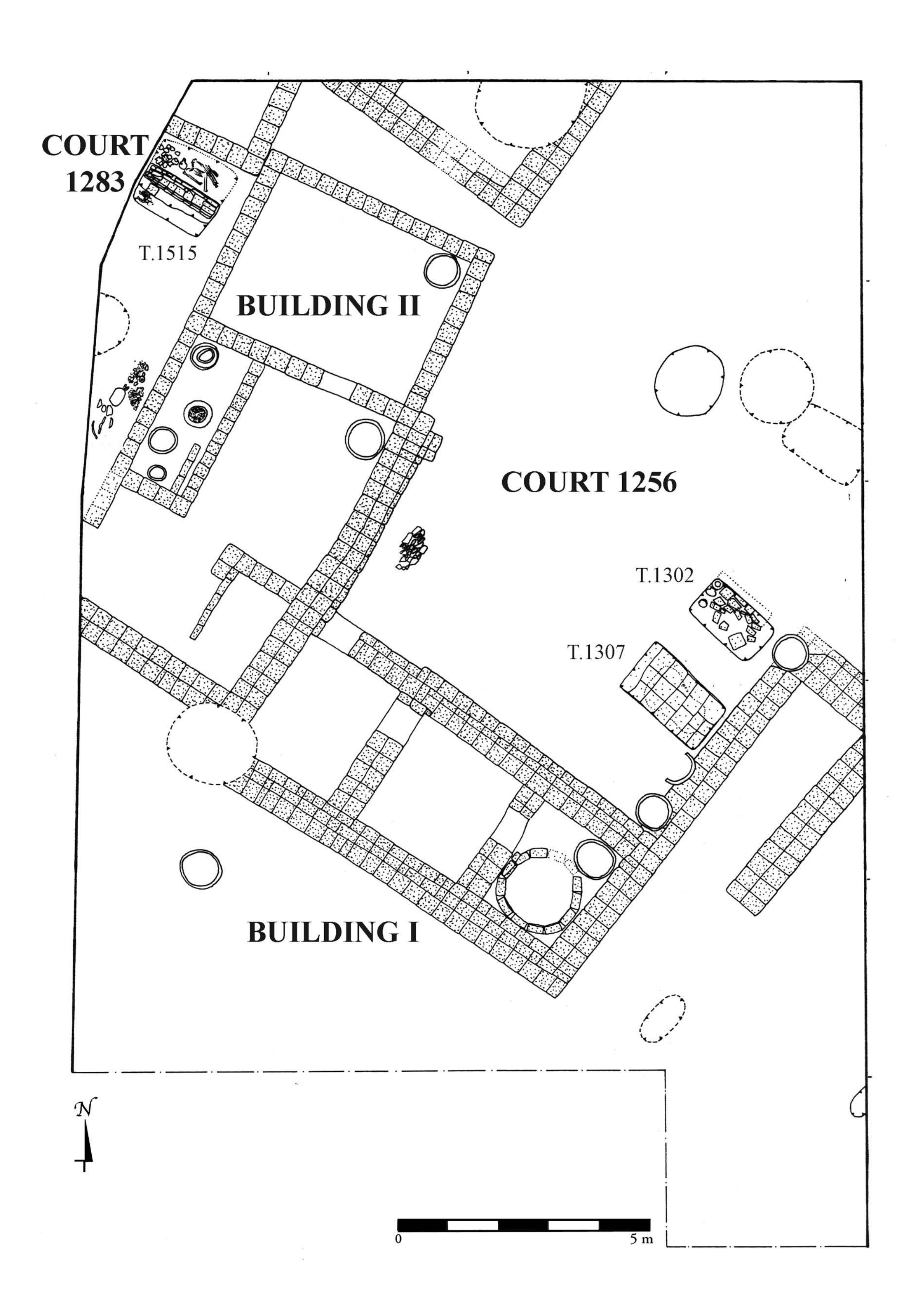

Fig. 5. Tell Barri, *stratum* 39 (Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

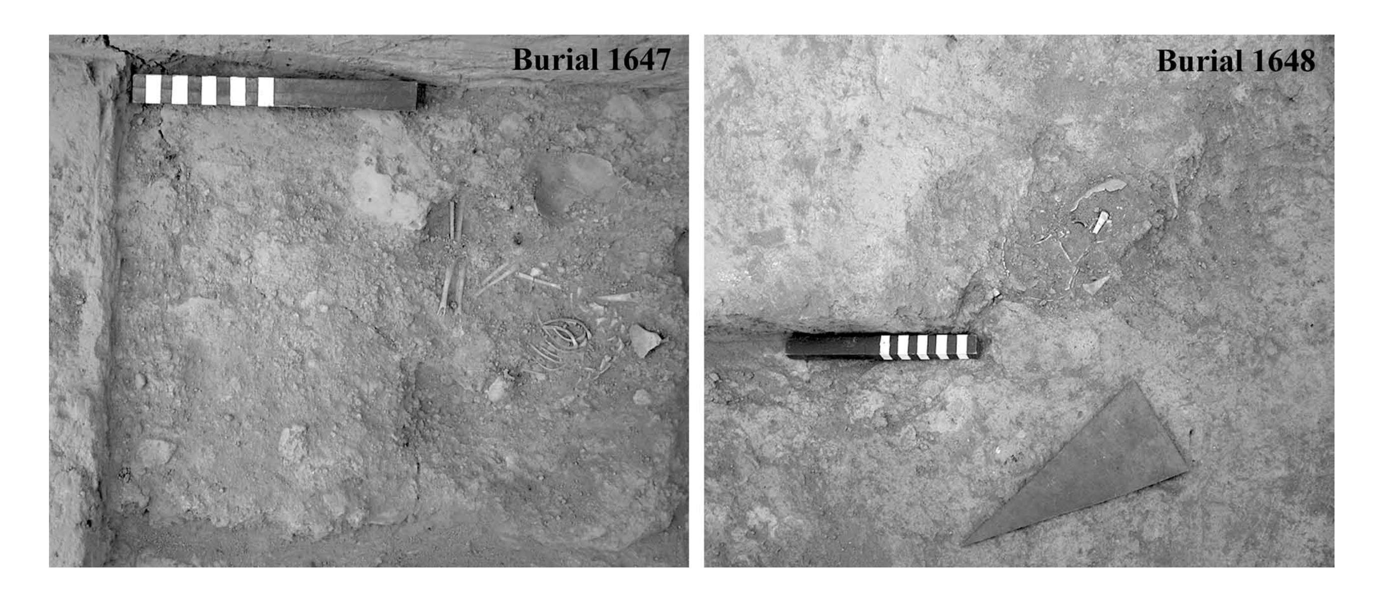

Fig. 6. Tell Barri, Shrine 1297, Burial 1647 & Burial 1648 (Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

Fig. 7. Tell Barri, Shrine 1548, Burial 1710 & Burial 1711 (Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

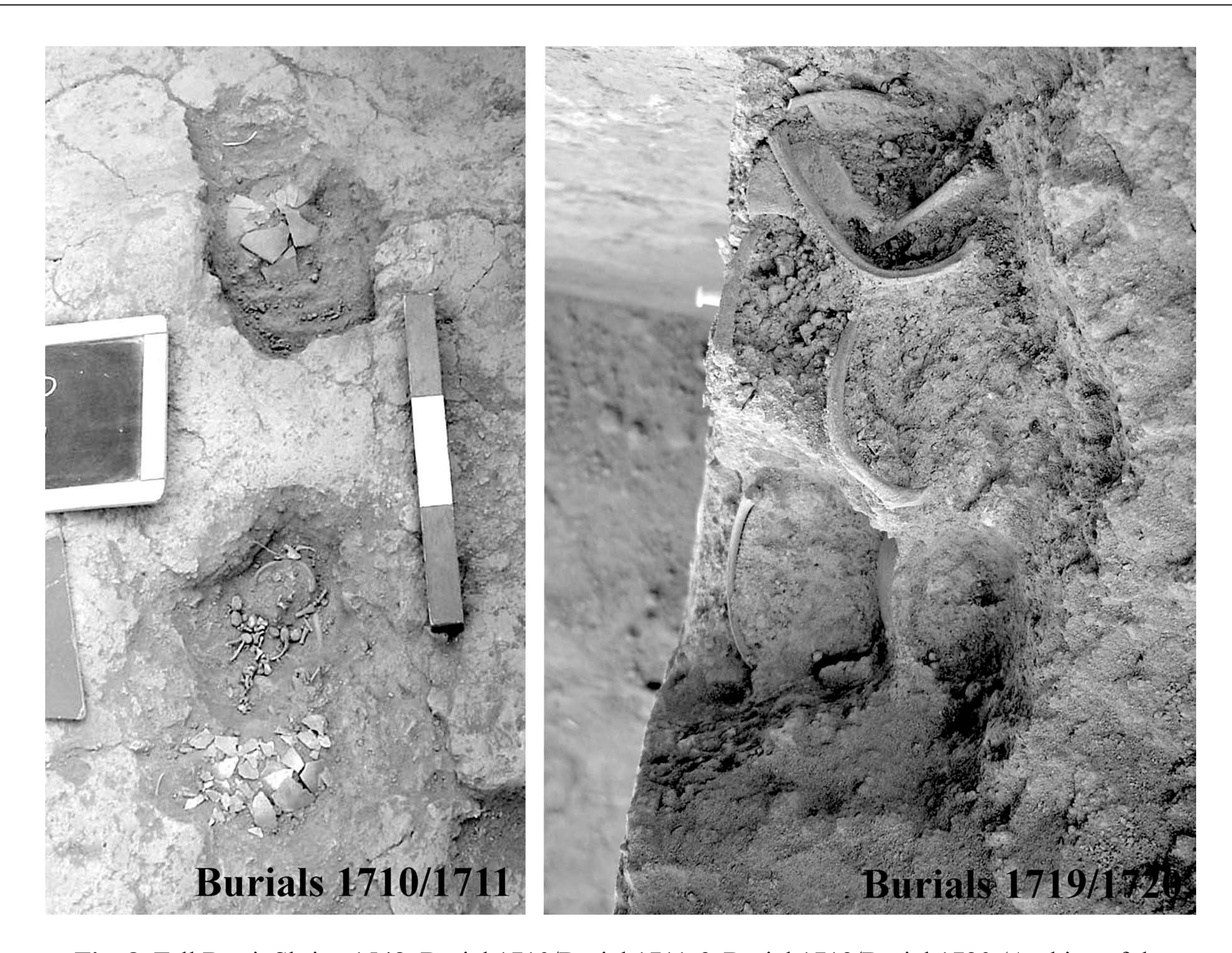

Fig. 8. Tell Barri, Shrine 1548, Burial 1710/Burial 1711 & Burial 1719/Burial 1720 (Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

Fig. 9. Tell Barri, *stratum* 41, Burial 1526 & Burial 1527 (Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

Fig. 10. Tell Barri, *stratum* 41, Burial 1554
(Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

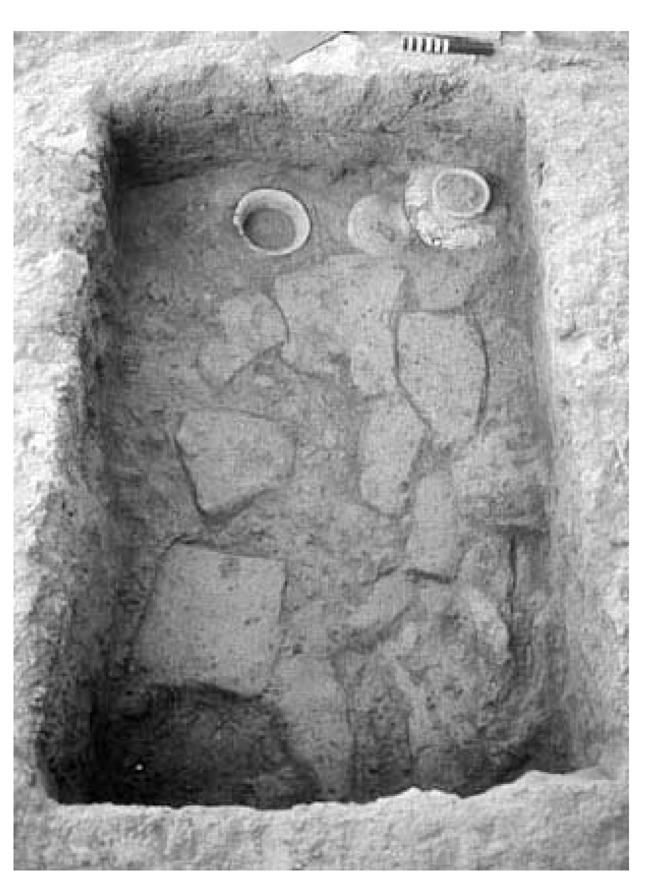

Fig. 11. Tell Barri, *stratum* 39, Burial 1302
during the excavation
(Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

Fig. 12. Tell Barri, *stratum* 39, Burial 1302 after the excavation
(Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

Fig. 13. Tell Barri, *stratum* 39,
Burial 1302, Grave-goods
(Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

Fig. 15. Tell Barri, *stratum* 39, Burial 1307.
(Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

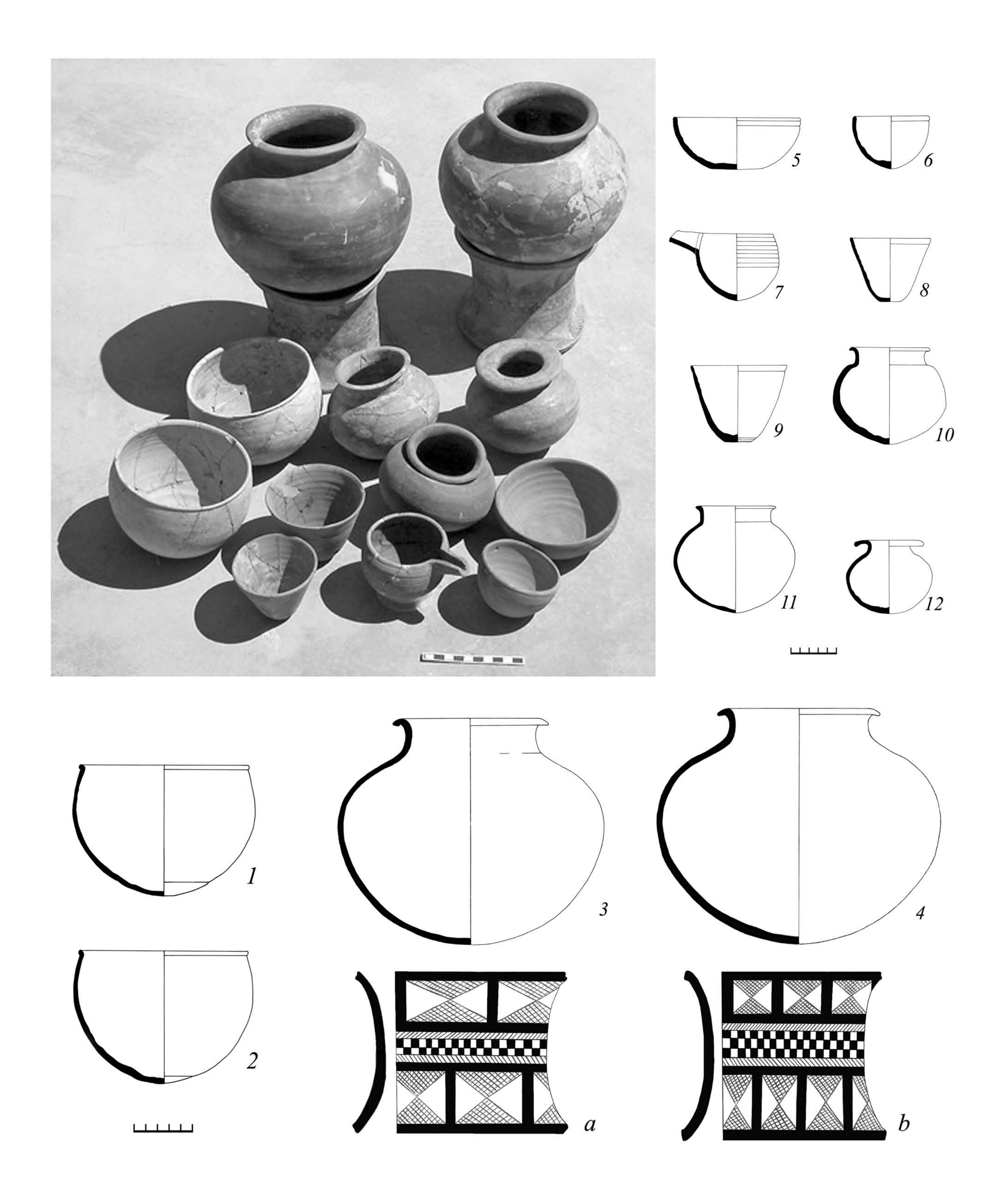

Fig. 14. Tell Barri, *stratum* 39, Burial 1302 (photo and drawing of grave-goods):
1–2 – Fine Ware; *3–11* – Metallic Ware; *12* – Jezirah Burnished Ware; *a–b:* Jezirah Bichrome Ware.
(Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

Fig. 16. Tell Barri, *stratum* 39, Burial 1307 (photo and drawing of grave-goods):
1 – Fine Ware; *2–4* – Jezirah Grey Ware.
(Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

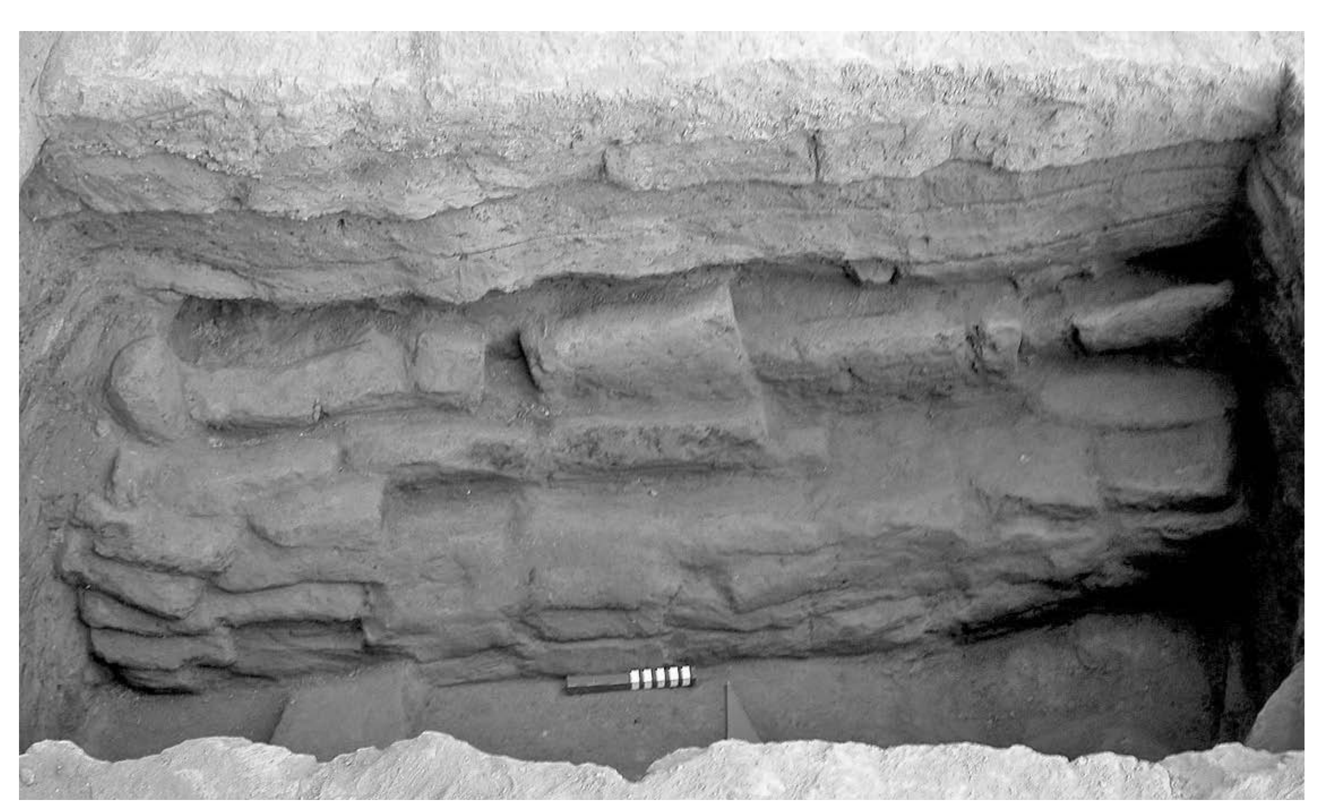

Fig. 17. Tell Barri, *stratum* 39, Burial 1515 during the excavation
(Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

Fig. 18. Tell Barri, *stratum* 39, Burial 1515 after the excavation
(Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

Fig. 19. Tell Barri, *stratum* 39, Burial 1515, metal spearhead (Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

Fig. 20. Tell Barri, *stratum* 39, Burial 1307. a–d: Metallic Ware, e–g: Fine Ware, 1–8: Fine Ware (Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

Fig. 21. Tell Barri, *stratum* 39, Burial 1302.
Jezirah Burnished Ware
(Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

Fig. 22. Tell Barri, *stratum* 39, Burial 1307.
Jezirah Grey Ware
(Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

Fig. 23. Tell Barri, *stratum* 39, Burial 1307. Jezirah Bichrome Ware
(Archive of the Archaeological Mission at Tell Barri)

Fig. 24. Tell Hanza, 2004. Visit of the Barri archaeological expedition.
In the middle R.M. Munchaev and P.E. Pecorella (Archive of the Author)

Л.И. Авилова

ЕЩЕ РАЗ О БРОНЗОВЫХ ТОПОРАХ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ТЕЛЛЬ ЮНАЦИТЕ

Резюме. Статья посвящена исследованию двух втульчатых бронзовых топоров из многослойного поселения Телль Юнаците, расположенного в западной части Фракийской долины на территории Болгарии. Материалы поселения важны для решения ряда проблем археологии балканского региона, а также культурно-исторических связей с соседними и более отдаленными территориями. Топор из горизонта VI датируется по радиоуглероду периодом РБВ III, топор из горизонта II имеет более позднюю стратиграфическую позицию. Представленные аналогии двум бронзовым топорам из Телля Юнаците подтверждают существование историко-культурных и производственных связей между Западной Фракией и Северной Грецией, Западной и далее Центральной Анатолией в период РБВ III.

Ключевые слова: бронзовый век; Балканы; поселение Телль Юнаците; бронзовые втульчатые топоры; стратиграфия; хронология; культурные и производственные связи.

В 2014 г. была опубликована статья, посвященная введению в научный оборот коллекции металлических находок из многослойного поселения Телль Юнаците (Авилова, Мишина, 2014), в частности, двух бронзовых втульчатых топоров. Поселение (известное в литературе также как Плоская могила) расположено на территории Болгарии в западной части Фракийской долины. На памятнике представлены слои от раннего энеолита до римского времени и Средневековья. Материалы поселения важны для решения ряда проблем археологии Болгарии и всего балканского региона, в частности, вопросов культурно-исторических связей с соседними и более отдаленными регионами.

Полученная с тех пор информация дает основания вернуться к этой теме в применении к двум наиболее значимым находкам – бронзовым втульчатым топорам.

Топор-молот № 13/3758 с удлиненной пяткой втулки и шестигранным поперечным сечением клина был найден в горизонте VI (рис. 1, *1*). Он относится к типу Т-18 по Е.Н. Черных (Черных, 1978. С. 150, табл. III. 6.), иначе – к типу Веселиново II (Parzinger, 1993. Taf. 208; Лещаков, 2000. С. 60). Исходя из керамического контекста (остродонные кубки типа Юнаците), было предложено датировать находку эпохой средней бронзы (Катинчаров, Мацанова, 1993. С. 170, рис. 18, *7*). В соответствии с принятой в настоящее время периодизацией топор датируется Раннеэлладским II–III, т.е. второй половиной III тыс. до н.э. (Лещаков, 2000. С. 60), или периодом РБВ III во Фракии (Leshtakov, 2000. P. 244–245). Это в целом не противоречит датировке, предложенной Р. Катинчаровым и В. Мацановой. Детально разработанная стратиграфия Юнаците (Мерперт и др., 2007. С. 125–144) позволяет определить место рассматриваемых находок в системе относительной и абсолютной хронологии поселения. Горизонт VI относится к РБВ III, четыре абсолютные даты, полученные из этого горизонта, дают промежуток 2860–2360 гг. до н.э. (Авилова, Мишина, 2014. Табл. 1). При первой публикации в качестве датирующей аналогии из Эгейского мира нами был указан топор из клада Вано на Лесбосе, датируемый периодом «красный» Полиохни, что соответствует времени Трои II (Renfrew, 1972. Pl. 18, 2), т.е. 2600–2300 гг. до н.э. (Yakar, 2011).

 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.394-398

Нам удалось найти территориально более близкую аналогию находке из Юнаците на территории материковой Северной Греции (рис. 1, *3, 4*). Это три втульчатых топора из клада Петралона (Maran, 2001. Abb. 1, *1, 3, 4*). Комплекс датируется первой половиной III тыс. до н.э., что хорошо согласуется с радиоуглеродной датировкой горизонта VI. Интересен факт своего рода перекрестной проверки наблюдений: в качестве аналогии топорам из Петралоны Й. Маран приводит описанный выше топор из Юнаците (Maran, 2001. Abb. 1, *11*).

Топор-молот № 253 (рис. 1, *2*) был обнаружен в горизонте II, сильно нарушенном постройками римского времени. Наиболее характерные черты этого топора – восьмигранный в сечении обух и рельефное обрамление вокруг нижней поверхности втулки. Сечение клина также восьмигранное. Топоров такого типа нет в классической работе Е.Н. Черных по древней металлургии Болгарии (Черных, 1978). Очевидно, данный тип не характерен для территории Болгарии эпохи бронзы. Горизонт II – один из позднейших в свите слоев РБВ III. К сожалению, из этого горизонта радиоуглеродных дат получить не удалось, но предшествующий горизонт III дал три даты, которые в сумме покрывают время 2290–2040 гг. до н.э. (Авилова, Мишина, 2014. Табл. 1). Тем самым определяется *terminus post quem* для интересующей нас находки, и мы можем утверждать, что топор № 253 относится к последней трети III тыс. до н.э.

При первой публикации топора была указана единственная аналогия – случайная находка из частного собрания Садберк Ханим музей в Стамбуле (Anlağan, Bilgi, 1989. P. 76, № 41) (рис. 1, *5;* 2).

Продолжение поисков датированных аналогий этому топору принесло результаты. Это топоры из могильников Бакла Тепе, Йортан, Ресулоглу, Демирчихююк-Сарикет.

Приведу конкретные сведения по этим находкам.

Бакла Тепе – многослойный памятник в Западной Анатолии, расположенный на равнине Мендерес (район Измира). Представлены слои от позднего халколита до конца РБВ. В 1994–2001 гг. здесь проводились раскопки силами Археологического музея в Измире при участии университета Анкары. В настоящее время памятник находится на дне водохранилища Тахтали. В слое III Бакла Тепе (конец РБВ II – начало РБВ III) исследован богатый некрополь. В работе Л. Кескина, посвященной изучению металлопроизводства в регионе Измира (Keskin, in print)[1], большое внимание уделяется коллекции металлических изделий из этого памятника.

Среди них – два втульчатых топора. Один (56018/3) – сильно коррозированный миниатюрный топорик, изготовленный из свинца, обнаружен в плохо сохранившемся детском погребении. Его размеры, материал, а также факт нахождения в погребении младенца указывают на символическую функцию изделия, причем морфологически это топор-молот с массивным обушком (Keskin, in print. Fig. 4, b–c).

В связи с находками из Юнаците нас интересует в основном второй топор (65018/3), бронзовый, массивный, хорошей сохранности (Keskin, 2004. Fig. 5; Keskin, in print. Fig. 4, a). Наиболее характерные морфологические черты изделия – расширенное лезвие, восьмигранный в сечении обух и плоский фланец вокруг проушины на верхней и нижней поверхностях изделия (рис. 1, *7*).

Могильник Йортан также расположен в Западной Турции (р-н Балыкешир). Эпонимный памятник культуры Йортан сильно пострадал от грабителей и непрофессиональных раскопок начала XX в. В настоящее время материалы памятника монографически изданы, в том числе металлические находки. Среди них имеется втульчатый топор-молот (рис. 1, *6*), к сожалению, его археологический контекст неизвестен. Данный топор Д. Стронах отнес к типу 1 своей классификации (Stronach, 1957. Fig. 10, 3). К сожалению, на этом рисунке топор был изображен неточно: не показана такая характерная деталь, как шестигранная форма обушковой части. В монографии Т. Камила имеется более качественно выполненный рисунок топора с разрезом обуха. Топор морфологически близок к находкам из Юнаците и Бакла Тепе: у него расширенное лезвие, шестигранный обух и уплощенный фланец, обрамляющий втулку. Т. Камил датирует находку концом РБВ II и возможно, началом РБВ III (Kâmil, 1982. P. 22. Fig. 88, 336).

Еще один топор интересующего нас типа найден в могильнике Ресулоглу в Центральной Анатолии (район Чорум). Раскопки памятника ведутся с 2003 г. (Yildirim, 2011). Исследовано свыше 270 погребений в сосудах, каменных ящиках и ямах. В погребениях обнаружен богатый инвентарь, в том числе парадное оружие. Металлические изделия изготовлены из сплавов на медной основе, в том числе

[1] Автор пользуется случаем выразить искреннюю благодарность Л. Кескину за ценную информацию по находкам топоров данного типа.

оловянной и мышьяковой бронзы, имеются находки из драгоценных металлов – золота, серебра, электра. Для нашей темы особый интерес представляет тот факт, что из могильника происходит серия бронзовых боевых топоров разнообразных форм. Т. Йилдирим предложил их классификацию, выделив 6 типов. В соответствии с ней топор-молот 07/33 с восьмигранным сечением обуха и рельефным валиком вокруг втулки относится к типу 4 (Yildirim, 2011. Tab. 1, Res. 4, a–c). Лезвийная часть топора обломана (рис. 1, *8*), поэтому судить о форме и сечении клина не представляется возможным.

Интересно, что в могильнике Ресулоглу найден обломок топора (лезвийная часть: рис. 1, *9*) (Yildirim, 2011. Tab. 1, 6), который автор публикации выделяет в тип 6 и сближает с кавказскими материалами, приводя еще две находки полностью сохранившихся таких топоров из Центральной Анатолии. Действительно, два последних топора (Yildirim, 2011. P. 462, Tab. 1, 23, 24) представляют собой изделия типично кавказских форм, аналогии им можно указать в материалах куро-аракской культуры (Кушнарева, Чубинишвили, 1970. Рис. 41, *14–16*), которые синхронизируются с эпохой Трои II–V (Черных и др., 2002. Рис. 3). Таким образом, Центральная Анатолия выступает как перекресток дальних культурных контактов – от Балкан на западе до Кавказа на востоке.

К сожалению, нам не удалось найти качественную иллюстрацию топора из могильника Демирчихююк-Сарикет. Он проиллюстрирован в статье Т. Йилдирима в мелком масштабе (Yildirim, 2011. Tab. 1, 21), но безусловно принадлежит к тому же типу.

Заключение

Что касается морфологии рассматриваемого типа топоров, подчеркнем, что его устойчивыми характеристиками следует считать наличие кольцевидного оформления втулки (в виде рельефного валика или плоского фланца), шести- или восьмигранное сечение обуха и расширенное лезвие.

В целом втульчатые топоры как категория оружия более характерны для Центральной Анатолии. Так, Ресулоглу относится к группе элитарных могильников северной части Центральной Анатолии, неслучайно руководитель раскопок Т. Йилдирим отмечает его связь с такими памятниками, как Хороztепе, Аладжахююк, Эскияпар, и датирует его РБВ II – началом РБВ III (Yildirim, 2011. P. 458).

Авторы использованных нами публикаций оперируют единым кругом аналогий, которые в основном связаны с Западной и Северо-западной Анатолией. Л. Кескин указывает для топора-молота из Бакла Тепе аналогии в могильниках Йортан (Kâmil, 1982) и Демирчихююк-Сарикет (Seeher, 2000. P. 54). Те же памятники привлекает и Т. Йилдирим, подчеркивая, что топор типа 4 зафиксирован в Центральной Анатолии (Ресулоглу) впервые, тогда как аналогии ему происходят в основном из Западной и Северо-западной Анатолии. В этом плане чрезвычайно интересно предположение Л. Кескина о возможной генетической связи бронзовых топоров-молотов данного типа с несколько более ранними каменными парадными топорами из клада L Трои II (Keskin, in print).

Все перечисленные памятники относятся к концу РБВ II – началу РБВ III, в абсолютных цифрах 2300–2000 гг. до н.э., что полностью соответствует датировке топора-молота № 253 из горизонта II Юнаците, основанной на радиоуглеродной хронологии предшествующего горизонта III.

Таким образом, представленные аналогии двум бронзовым топорам из Телля Юнаците подтверждают существование историко-культурных и производственных связей между Западной Фракией и Северной Грецией, Западной и далее Центральной Анатолией в рамках периода РБВ III.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авилова Л.И., Мишина Т.Н., 2014. Металлические изделия Телля Юнаците. Эпоха ранней бронзы // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. М. С. 181–191.

Катинчаров Р., Мацанова В., 1993. Разкопки на селищната могила при с. Юнаците, Пазарджишко // Праисторически находки и изследования: сборник в памет на проф. Георги Ил. Георгиев / Ред. В. Николов. София.

Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Л.

Лещаков К., 2000. Изследвания върху бронзовата епоха в Тракия // Годишник на Софийския Университет «Климент Охридски». Исторически ф-т. Т. 84–85. София. С. 21–85.

Мерперт Н.Я., Мацанова В, Балабина В.И., Мишина Т.Н., 2007. Стратиграфия горизонтов раннего бронзового века // Телль Юнаците. Эпоха бронзы. Т. II, ч. 1. М. С. 14–147.

Черных Е.Н., 1978. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б., 2002. Древняя металлургия в Циркумпонтийском регионе: от единства к распаду // РА. № 1. С. 5–23.

Anlağan Ç., Bilgi Ö., 1989. Sadberk Hanım Müzesi: Protohistorik Çağ Silahları. İstanbul.

Kâmil T., 1982. Yortan Cemetery in the Early Bronze Age of Western Anatolia. Oxford. (BAR International Series; 145).

Keskin L., 2004. M.Ö. III. Binyıl Sonuna Kadar İzmir Bölgesi Maden Işçiliği // Anadolu = Anatolia. Supplement series. No. 1. Ankara. P. 141–155.

Keskin L., in print. Early Bronze Age Metalworking in the Izmir Region: New Evidence for Chronology and Interaction // The Aegean Early Bronze Age: New Evidence: International Conference, Athens, April 11th –14th 2008 / Chr. G. Doumas, A. Giannikouri, Ou. Kouka (eds.).

Leshtakov K., 2000. The pottery from Maltepe near Ognyanovo: (Characteristics, chronology and interrelations) // Technology, Style and Society: Contributions to the Innovations between the Alps and the Black Sea in Prehistory / L. Nikolova (ed.). Oxford. P. 241–271. (BAR International Series; 854).

Maran J., 2001. Der Depotfund von Petralona (Nordgriechenland) und der Symbolgehalt von Waffen in der ersten Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. zwischen Karpatenbecken und Ägäis // Lux Orientis. Archäeologie zwischen Asien und Europa. Festschrift für Harald Hauptmann. R.M. Boehmer, J. Maran (Hrsg.).Rahden; Westf. P. 275–284.

Parzinger H., 1993. Studien zur Chronologie und Kulturgeschichte der Jungsteinzeit–Kupfer und Frühbronzezeit zwischen Karpaten und mittlerem Taurus. Meinz am Rein. (Römisch-Germanische Forschung; 52).

Renfrew C., 1972. The emergence of civilization: The Cyclades and the Aegean in the third millennium B.C. London.

Seeher J., 2000. Die Bronzezeitliche Nekropole von Demirci Hüyük-Sarıket. Ausgrabungen des Deutschen Archaeologischen Instituts In Zusammenarbeit mit dem Museum Bursa, 1990–1991. Tübingen (Istanbuler Forschungen; Bd. 44).

Stronach D.B., 1957. The development and diffusion of metal types in Early Bronze Age Anatolia // Anatolian Studies. Vol. 7. P. 89–125.

Yakar J., 2011. Anatolian chronology and terminology // The Oxford handbook of Ancient Anatolia (10.000–323 BCE) / G. McMahon, Sh. Steadman (eds.). Oxford. P. 56–93.

Yildirim T., 2011. Resuloğlu mezarliğinda ele geçen bir grup sap delikli balta // Knowledge Production from the Black Sea to the Euprathes: Studies Presented in honour of Önder Bilgi / A. Öztan, Ş. Dönmez (eds.). Ankara. P. 457–470.

L.I. Avilova

REVISITING TWO BRONZE SHAFT-HOLE AXES FROM THE SETTLEMENT TELL YUNATSITE

Abstract. The paper reports on the study of two bronze shaft-hole axes from the multilayered Tell Yunatsite site located in the western part of the Thracian valley in Bulgaria. Artifacts from the settlement are valuable for addressing a number of issues regarding Balkans archaeology as well as cultural and historical contacts with neighboring regions and more remote areas. The radiocarbon dates indicate that the axe from horizon VI dates from the Early Bronze Age III, the axe from horizon II is dated to a later stratigraphic layer. Described analogies to these bronze axes from Tell Yunatsite confirm historical and cultural as well as production links between Western Thrace and Northern Greece, Western and Central Anatolia in Early Bronze Age III.

Keywords: Bronze Age; Balkans; settlement Tell Yunatsite; bronze shaft-hole axes; stratigraphy; chronology; cultural and production connections.

Рис. 1. Бронзовые топоры из Телля Юнаците и их аналогии.
1 – Телль Юнаците, горизонт VI; *2* – Телль Юнаците, горизонт II; *3, 4* – клад Петралона (по: Maran, 2001); *5* – Садберк Ханим музей, Стамбул (по: Anlağan, Bilgi, 1989); *6* – могильник Йортан (по: Kâmil, 1982); *7* – могильник Бакла Тепе (по: Keskin, 2004); *8, 9* – могильник Ресулоглу (по: Yildirim, 2011).

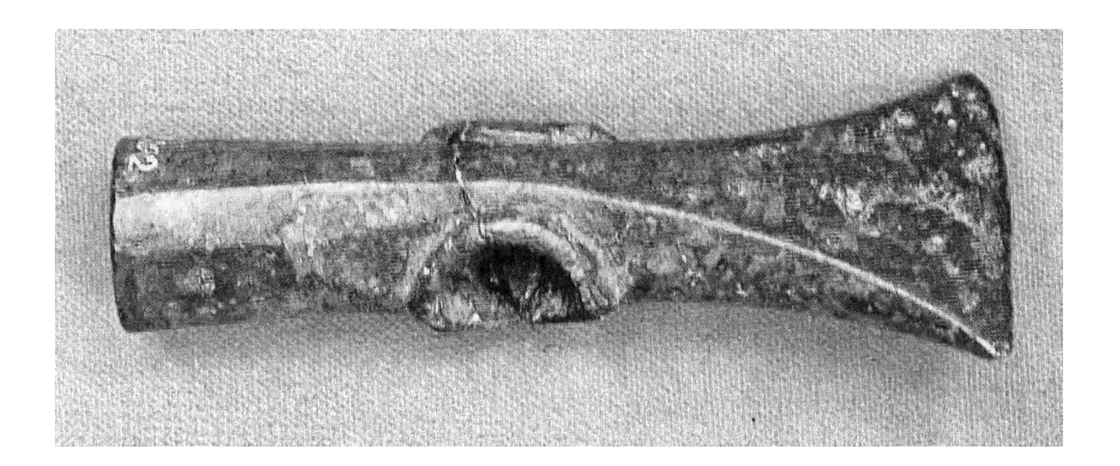

Рис. 2. Фото бронзового топора из собрания Садберк Ханим музей, Стамбул (по: Anlağan, Bilgi, 1989).

Т.В. Корниенко, Д.А. Сонмез

К ВОПРОСУ О РАННИХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ТЕКСТИЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В АНАТОЛИИ

Резюме. В статье дается обзор материалов, свидетельствующих о начале развития текстильного и ткацкого производства в Анатолии. Этот вопрос исследуется в контексте других изменений эпохи «неолитической революции», таких как возникновение оседлого образа жизни, производящих форм хозяйства и усложнения общественной организации.

***Ключевые слова*:** Анатолия; Ближний Восток; текстильное производство; ткачество; неолит; халколит; бронзовый век.

Введение

Несмотря на значительное количество полученных к настоящему времени археологических свидетельств, определение местных доисторических культур Анатолии до сих пор, главным образом, рассматривается как некий «мост» между Азией и Европой[1]. Если запад Анатолии тесно связан с культурами Балканского полуострова и Эгейского мира, то юго-восток в свете исследования проблем «неолитической революции», долгое время воспринимался как периферия Плодородного полумесяца. Ситуация изменилась после ряда археологических исследований, проведенных в турецкой части Верхней Месопотамии. В результате этих работ, отмеченная область была включена в зону «холмистых флангов» Плодородного полумесяца (Braidwood L., Braidwood R., 1949. P. 665; Young et al., 1983. P. 3).

На сегодняшний день Юго-Восточная Турция считается одним из первичных очагов становления неолитического образа жизни (Willcox, 2013; и др.), где произошли процессы, трансформировавшие структуру общества и изменившие стратегию взаимодействия населения с окружающей средой, что привело к возникновению и развитию производящего хозяйства. Раскопки на этой территории таких эпипалеолитических и неолитических памятников, как Чайоню Тепеси, Халлан Чеми, Демиркёй, Невали Чори, Гёбекли Тепе, а также неолитических поселений Центральной Анатолии – Ашиклы Хююк, Чатал-Хююк, Хаджилар и ряда других, меняют отношение исследователей к Анатолии. Становится очевидным, что влияние культур было взаимопроникающим. В разные периоды предыстории и ранней истории население Анатолийского полуострова, безусловно, испытывало воздействие со стороны соседей из Месопотамии, Леванта, Кавказа и Эгейского мира, но в то же время здесь развивались самобытные местные культуры, в свою очередь оказывавшие влияние на близлежащие регионы.

Своими коврами и тканями Турция славится в течение многих веков. Есть основания полагать, что истоки этих традиций с технологической, иконографической и семантической точек зрения стоит относить к эпохе неолита (Mellaart et al., 1989). Тем не менее, проблема зарождения и ранних этапов становления текстильного производства на Ближнем Востоке пока остается одним из точечно проясняе-

[1] Такое определение в контексте изучения предыстории было предложено В.Г. Чайлдом на основании сопоставления им материалов Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы (Childe, 1950. P. 41). Из-за недостатка археологических свидетельств с территории собственно Анатолии эта интерпретация в середине XX в. имела гипотетический характер, но позже во многом была подтверждена полевыми исследованиями.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.399-412

мых и активно обсуждаемых сейчас вопросов анатолийской археологии (Vogelsang-Eastwood, 1993; Frangipane et al., 2009; Breniquet, 2013, Breniquet, 2014; Schoop, 2014; Skals et al., 2015; Lassen, 2015; Boyd, 2017; и др.). Пробелы главным образом связаны с плохой сохранностью органических (помимо остеологических) остатков, а также с неравномерностью исследований отдельных периодов и регионов на территории Турции, где раскопки доисторических памятников систематически начали осуществляться лишь с 60-х годов XX в. Современные методы полевых работ, фиксации и анализа данных позволяют расширить круг источников по отмеченной проблематике (рис. 1).

Цель настоящей статьи – дать предварительный обзор разрозненных на сегодняшний день различного вида свидетельств начальных периодов развития текстильного и становления ткацкого производства в Анатолии с рассмотрением этих материалов в контексте утверждения оседлого образа жизни, производящих форм хозяйства и усложнения социальных структур до эпохи бронзового века включительно.

Под текстилем понимаются изделия из гибких волокон, в случае с культурами древних народов растительного и животного происхождения, которые производили посредством ткачества, а также вязания, плетения или валяния. «Текстильное производство» – собирательный термин, обозначающий получение изделий из волокна: плетение, изготовление нитей, тканей, изготовление из них различных предметов (Кожин, Мартин, 1989. С. 178).

В истории человечества изготовление плетеных изделий и текстиля – одно из древнейших широко распространенных занятий. Согласно этнографическим источникам в традиционных хозяйствах в числе различных емкостей из органических материалов животного и растительного происхождения широко распространены разнообразные плетеные контейнеры. Изучение хозяйства и культуры народов, находившихся на ранних стадиях развития, позволяет предполагать, что уже в эпоху палеолита в обществе охотников, собирателей и рыболовов были известны простейшие приемы плетения корзин, матов, сетей. Этнография также дает представление о технике и технологии производства текстиля, об основных орудиях и приспособлениях, с помощью которых его выделывали (Гарковик, 2006. С. 48).

Как археологический источник текстиль является большой удачей из-за своей хрупкости и, соответственно, редкости находок. Особенно это очевидно для таких отдаленных в хронологическом отношении периодов, как каменный, медный и бронзовый века. Довольно редко археологу выпадает счастье засвидетельствовать остатки текстиля напрямую – в виде фрагментов древних изделий. Чаще всего это или их отпечатки на глине, обмазке из гипса, битуме и керамических сосудах или же предметы и орудия, использовавшиеся для изготовления текстиля, – глиняные, каменные или костяные пряслица, части ткацкого станка. Важные сведения дает трасологический анализ орудий. Кроме того, косвенные данные о текстиле иногда можно получить по орнаменту, рисункам и другим деталям оформления керамики, поверхности стен помещений и каменных изделий – чаш, стел, печатей и других объектов.

Обзор источников

Документальные свидетельства использования технологии плетения в верхнем палеолите известны по материалам ряда восточноевропейских памятников. В Дольни Вестонице, Павлов 1 (Чехия), Костёнках 1 (Россия) найдены фрагменты обожженных глиняных изделий с сохранившимися оттисками плетения, возраст находок 22–27 тыс. лет (Vandiver et al., 1989; Праслов, 1992. С. 29, рис. 2.2; Adovasio et al., 1996; Гарковик, 2006. С. 49), здесь и далее даты калиброванные.

Трасологический анализ свыше 4000 каменных орудий федермессерсской и свидерской культур из коллекции стоянки № 10 в Любрзе (Польша) выявил на многих из них следы специфической затертости и заполировки, остающиеся после долгой работы с растениями. По заключению экспертов, орудия были использованы для обрубки, расщепления, выскабливания или зачистки (снятия верхнего слоя) растительного материала. Эта деятельность включала в себя выделение растительных волокон – технология, которая позже будет развита сельскохозяйственными сообществами неолита (Sobkowiak-Tabaka 2017).

Крайне редкие прямые свидетельства текстильного производства эпохи верхнего палеолита происходят с территории Передней Азии. В пещере Дзудзуана (Западная Грузия) собраны фрагменты скрученных и окрашенных (серый и зеленый цвета) волосков шерсти тура, а также зафиксированные в разных участках раскопа фрагменты волокон дикого льна, в том числе скрученных и окрашенных (желтый, красный, синий, фиолетовый, черный, коричневый, зеленый цвета). Авторы раскопок отмечают, что для верхнепалеолитических обитателей пещеры был доступен широкий спектр натуральных пигментов флоры Кавказа, где зарегистрировано 224 вида растений, пригодных к использованию

в качестве источников получения естественных красителей для пряжи и других текстильных волокон (Kvavadze et al., 2009; Bar-Yosef et al., 2011. P. 344, fig. 8). Фрагменты шкур и микроостатки насекомых, паразитирующих в льняных и меховых вещах, а также обнаруженные в образцах льна споры гриба *Chaetomium*, вызывающего порчу одежды и текстильной продукции, являются косвенными свидетельствами обработки кож и дикого льна, изготовления из этих материалов изделий обитателями пещеры Дзудзуана. Определяемый возраст культурных отложений с выявленными скрученными волокнами дикого льна от 34.000 до 13.000 лет (Bar-Yosef et al., 2011. Tabl. 1). В Южном Леванте на стоянке Охало II (Израиль) среди остатков сожженной хижины обнаружены три фрагмента обгоревших скрученных волокон растения, вид которого из-за крошечных размеров находок не определен. По предположению авторов раскопок, это, возможно, остатки веревки или сети, использовавшихся в рыболовном хозяйстве (Nadal et al., 1994). Возраст культурных отложений Охало II определяется 23.500–22.500 лет (Snir et al., 2015. P. 61).

Таким образом, уже по имеющимся данным можно с большой долей уверенности предполагать, что, по крайней мере, часть коллективов переднеазиатских охотников и собирателей эпохи верхнего палеолита изготавливали веревки/бечевки/нити, применявшиеся для разных целей, например, плетения корзин, сетей, пошива изделий, скрепления частей орудий и прочего. Некоторые простые навыки работы с шерстью животных и растительными волокнами должны были быть известны людям палеолита и мезолита, чье существование зависело от взаимодействия с окружающей средой, своевременной адаптации к ее изменениям и использования для своих нужд имевшихся ресурсов.

В материалах позднего эпипалеолита в районе распространения натуфийской культуры фиксируются остатки использования переплетения нитей (Breniquet, 2013. P. 2, fig. 1.1). Анализ скелетных останков из ряда левантийских захоронений натуфийского времени показал, что погребаемых обвязывали или заворачивали в «мягкую материю», возможно, обматывали чем-то наподобие веревок (Boyd, 2017. P. 6–7).

Весьма интересны свидетельства эпохи докерамического неолита А (PPNA) из Кёртик Тепе (Юго-Восточная Турция), где в одном из захоронений на каменных топорах, положенных в могилу, а также на костях погребенных зафиксированы остатки текстиля грубого плетения (Özkaya et al., 2015. P. 9; Erdal, 2015. P. 9, fig. 2, 3). Искусно сделанные каменные сосуды из этого же поселения в ряде случаев выразительно украшены выгравированными рисунками, напоминающими плетение (рис. 2).

С раннего неолита на территории Юго-Восточной и Центральной Анатолии фиксируются прямые остатки использования льняных волокон в текстильном производстве. В частности, на поселении Чайоню позднего докерамического неолита Б (LPPNB) в слое, для которого типичны т.н. «клеточные в плане строения» (Cell Plan Buildings), была обнаружена сделанная из рога оленя рукоятка серпа, на которой выявлены минерализовавшиеся остатки текстиля из органических, предположительно льняных, волокон (Çambel et al., 1990. P. 68; Vogelsang-Eastwood, 1993. P. 4–7). На разных участках Восточного Чатал-Хююка в слоях времени докерамического неолита обнаружено около 100 обугленных фрагментов простого полотняного переплетения (уточные нити и нити основы чередуются в шахматном порядке) предположительно из растительных волокон[2] (Helbaek, 1963. P. 39–46). Один из фрагментов такого текстильного полотна, окрашенного в красный цвет, и кусочек скрученной веревки извлечены из детского захоронения (Helbaek, 1963. P. 42-43). В 2013 г. в Восточном Чатал-Хююке, в захоронении младенца, которое датируется временем докерамического неолита, был обнаружен обугленный фрагмент льняной ткани. Погребенный, как предполагают, был обернут в этот материал (Tung, 2013. P. 4; Hodder, Özdöl, 2014. P. 254, 260–261).

Из косвенных свидетельств текстильного производства можно отметить выявленный в поздненеолитических слоях на южноанатолийском поселении Мерсин-Юмуктепе в одном из захоронений отпечаток плетения из крупных волокон (Garstang, 1953. P. 33). Большое количество отпечатков циновок разного вида плетения, а также несколько отпечатков текстильных фрагментов, сохранившихся на основаниях керамических сосудов V тыс. до н.э., найдено на халколитическом поселении Гюльпынар в Западной Турции (Özdemir, 2012. P. 139–153).

Лён входит в коллекцию первых доместицированных растений в зоне Плодородного полумесяца. Большинство исследователей главной причиной начала возделывания этой культуры считают семена,

---

[2] Вопрос о животном или растительном происхождении текстильных волокон, которые были найдены экспедицией Меллаарта в 1960-х годах, до сих пор остается открытым. С большей долей вероятности установлено, что это были волокна растительного происхождения (Vogelsang-Eastwood, 1987).

обладающие масленичными свойствами. Одомашнивание, судя по имеющимся данным, происходило в X и IX тыс. до н.э., то есть в периоды среднего и позднего PPNA. В течение этого времени, путем целенаправленного сельскохозяйственного возделывания, формируется культурная разновидность льна (*Linum usitatissimum)*, которая, скорее всего, связана своим происхождением, с дикой разновидностью льна (*Linum bienne)* (Zohary et al., 2012. P. 100–101). В слоях PPNA поселения Мурейбит (Северный Левант) найдены семена дикого льна, что говорит о его использовании уже на этапе перехода к неолиту. На территории Юго-Восточной Анатолии семена дикого льна выявлены в слоях PPNB на Чайоню Тепеси. Древнейшие свидетельства использования одомашненного льна на Ближнем Востоке относятся к средней фазе PPNB – это семена, найденные при раскопках Иерихона (Zohary et al., 2012. P. 102–103).

В Центральной и Западной Анатолии самые ранние свидетельства культивации льна прослеживается значительно позже – с конца неолита и в халколите (VI – IV тыс. до н.э.). В частности, об этом говорят материалы таких поселений, как Ылыпынар, Кумтепе, Чукуричи-Хююк, Куручай, Чадыр-Хююк, Чамлыбель-Тарласы, Икизтепе (Schoop, 2014. P. 427). Очевидно, со временем лён стали возделывать не только для получения масла, но также специально в качестве сырья для текстильного производства из-за волокон. Например, маленький размер семян доместицированных растений этого вида из поселения Ылыпынар говорит в пользу того, что здесь волокна были важнее (Schoop, 2014. P. 426).

Все датируемые неолитическим и более ранним временем фрагменты тканей, которые обнаружены в Анатолии, были выполнены из растительных, в том числе лубяных волокон. При этом известно, что дикий баран или муфлон (*Ovis orientalis*) был впервые одомашнен в предгорьях Тавра и Загроса в эпоху PPNB, уже во второй половине IX тыс. до н.э. (Arbuckle, 2012b. P. 203). Коза (*Capra hircus*) на Ближнем Востоке также была одомашнена в эпоху PPNB. На основании генетических данных, зоологи выделяют два основных очага первичной доместикации коз. В качестве этих очагов, называют центр Иранского нагорья и восток Анатолии (Naderi et al., 2008. P. 17759–17764).

Несмотря на то, что животные, шерсть которых используется для изготовления текстиля, были доместицированы в столь раннее время, археологические свидетельства использования шерстяных волокон для изготовления текстильных изделий уверенно определяются лишь с конца халколита – в эпоху бронзы, с редкими находками текстиля в начале этого периода и возрастающим количеством таких данных на его протяжении. В ближневосточных памятниках эпохи бронзы (Арслантепе, Ур, Кхания, Амарна, Тимна) определяется текстиль из волокон овечьей и козьей шерсти (Skals et al., 2015. P. 66).

В Центральной Анатолии разведение коз и овец начинает развиваться с позднего неолита и к бронзовому веку становится одной из стратегически важных хозяйственных практик. Козы и овцы, в отличие от крупного рогатого скота и свиней, легко адаптируются к засушливым и не всегда благоприятным для выпаса территориям, их выпас не столь сложно контролировать. Овцеводство и в меньшей степени козоводство практиковались в халколите на таких поселениях Центральной Анатолии, как Кёшк-Хююк, Гюверджинкаясы, Чадыр-Хююк, Богазкёй, ЧамлыбельТарласы, Орман-Фиданлыгы, Афродисиас-Пекмез, Багбашы, а также поселениях Западной Анатолии – Улуджак, Ментеше, Ылыпынар и Барчин. По анализу костных останков установлено, что в VI тыс. до н.э. (позднем неолите – раннем халколите) овцы и козы использовались, в первую очередь, в качестве источника мяса, и, вероятно, шкур, поскольку кости принадлежат в основном самцам, которые редко достигали зрелого возраста (Arbuckle et al., 2009. P. 132, 150). В слоях среднего халколита (V тыс. до н.э.) значительно возрастает количество костей животных, достигших зрелого возраста, в частности заметно увеличивается объем остеологических свидетельств содержания самок овец. Очевидно, к тому времени большое значение приобрели продукты, получаемые от живых животных, – молоко, шерсть (Schoop, 2014. P. 427–429). Анализ костных останков с поселения Чадыр-Хююк (поздний халколит) показал, что большинство костей овец принадлежало самцам зрелого возраста. По замечанию Б. Эрбакле, этот факт предполагает практику их разведения не столько для получения пищевых продуктов, сколько именно для производства шерсти (Arbuckle, 2012a. P. 309).

В эпоху халколита – ранней бронзы в Восточной Анатолии овцеводство и козоводство также активизируется, постепенно увеличиваясь в объемах и становясь важным направлением экономического развития (Vignola et al., 2014. P. 28). В Арслантепе в слое VIB1, который датируется 3000–2750 лет до н.э., выявлен наиболее ранний хорошо определяемый археологический текстиль Анатолии из волокон животного происхождения. Начало эпохи бронзы в Арслантепе связано с заселением Восточной Ана-

толии полукочевыми куро-аракскими племенами[3]. Они принесли с собой новые традиции архитектурного строительства, изготовления керамики, металлических изделий и текстиля. Эти инновации повлияли на последующее развитие данного поселения и региона в целом (Palumbi, 2015). Среди текстильных фрагментов, обнаруженных в т.н. «царской гробнице» Арслантепе в слое VIB1, особое место занимает минерализованный кусочек ткани, сохранившийся на металлическом сосуде. Многократное увеличение волокон на электронном микроскопе позволило выяснить, что это остаток материи, сотканной из волокон животного происхождения, с большой долей уверенности, из волокон козьей шерсти (Frangipane et al., 2009. P. 19–20).

Технология текстильного производства

Подробнее остановимся на технологии текстильного производства рассматриваемых эпох и ее проявляющихся в материалах Анатолии особенностях. Для изготовления текстиля необходимо иметь ряд простых инструментов и сырье. Сначала из растительных или животных волокон методом скручивания или простого сучения делается нить. Причем для ее изготовления не обязательно пользоваться какими-либо инструментами. После сбора и определенной обработки (чистка, рыхление, трепание, чесание) льняные или любые другие длинные волокна растительного происхождения (крапивы, конопли, джута), как и шерсть животных, можно превратить в нити простым сучением, соединив концы волокон скручиванием между ладонями. При соединении волокон друг с другом изготавливается нить нужного размера. Более распространенный вид изготовления нитей – прядение. Для этого из рыхлого клубка волокон (кудели) путем скручивания пальцами одной руки выделяется нить, которую наматывают на веретено (чаще всего деревянную палочку, заостренную с двух концов и имеющую утолщение посередине), держа ее в другой руке. Прядение возможно и без веретена, методом простого сучения нити из волокон. Однако опытным путем установлено, что прядение с веретеном увеличивает скорость этого процесса в два раза (Strand, 2015. P. 45). Процесс сбора, подготовки сырья и прядения происходит при наличии простых орудий, которые можно изготовить из дерева, этот материал редко сохраняется как археологический источник.

[3] Об очаге и областях распространения, основных характеристиках куро-аракской культуры подробнее см.: Мунчаев, 1975. С. 149–196; Palumbi, Chataigner, 2014.

Важным этапом эволюции прядения является изобретение пряслиц – чаще всего керамических, костяных или каменных грузиков конической или дисковидной формы. Они насаживаются на веретено, утяжеляя его и тем самым способствуя более плавному и устойчивому его кручению. Ввиду своей технологической особенности пряслица не обладают большим спектром вариативности – они могут быть конической, цилиндрической или дисковидной формы. Однако материал, особенности формы, размер и возможный орнамент в совокупности отличаются в разных традициях и могут служить одним из опознавательных признаков конкретных культур (рис. 3). Вес пряслица имеет значение при определении толщины нити, которая на нем прядется. Чем тяжелее пряслице, тем толще и грубее нить; чем пряслице легче, тем нить тоньше (Strand, 2015. P. 48). В каждом конкретном случае характеристики пряслиц дают возможность предполагать качество и особенности тканей, которые могут быть сотканы из соответствующих нитей.

Первые свидетельства использования пряслиц в Анатолии относятся к развитому неолиту: одно пряслице найдено в Чатал-Хююке в слоях, датируемых концом VII тыс. до н.э. (Mellaart, 1967. P. 211; Schoop, 2014. P. 430). Многочисленные пряслица из камня и обожженной глины обнаружены в слоях с хассунскими и самаррскими материалами во время раскопок поселения Хакеми-Усе (керамический неолит, конец VII – начало VI тыс. до н.э.), расположенного в Юго-Восточной Анатолии на берегу реки Тигр (Tekin, 2010. P. 688). Пряслица встречены в раннехалколических слоях таких поселений Центральной Анатолии, как Хаджилар, Куручай, Хёюджек, Джанхасан, Дживелек; в Западной Анатолии – в Улуджаки Айо Гало; на юго-восточном побережье Средиземного моря – в Мерсин-Юмуктепе (Schoop, 2014. P. 430). В среднем халколите пряслица появляются и на поселениях Северной Анатолии (Икизтепе, Кушсарай, Бюкгюллюджек), а также на западном побережье (Гюльпынар) и прилегающих к нему островах (поселения Эмпорио, Тигани). В позднем халколите наблюдается значительный всплеск в использовании пряслиц: почти все поселения этого периода в своем арсенале имеют пряслица (Schoop, 2014. P. 432).

После того, как нить спрядена, можно приступать непосредственно к ткачеству. Для этих целей, судя по материалам Джармо (Северный Ирак, VII тыс. до н.э.), еще в эпоху неолита было изобретено специальное приспособление – ткацкий станок. Использование ткацкого станка определено по отпе-

чаткам фрагментов текстиля на глиняных предметах из этого поселения (Adovasio, 1983. P. 425–426).

В отличие от более древних техник переплетения волокон – плетения и витья, ткацкий станок предполагает наличие двух перпендикулярно переплетающихся рядов нитей, а также ремизки – планки, к которой за галева привязываются основные нити, что способствует механическому чередованию зева. Зев – пространство между поднятыми и опущенными нитями основы, в которое протягиваются нити утќа (Цветкова, 2014. С. 13). Примитивный ткацкий станок представляет собой раму из четырех реек. За верхнюю и нижнюю рейки, в случае вертикального станка, прикрепляются нити основы, которая остается неподвижной. Через эти нити пропускается нить утќа, которая скользит справа налево и в обратную сторону через нити основы, образуя переплетение, которое в итоге формирует ткань. Существует два основных вида переплетения: полотняное и саржевое. Полотняное переплетение древнее. Все ранние текстильные находки Восточного Средиземноморья выполнены в такой технике (Strand, 2015. P. 49). При этом переплетении нити основы чередуются с нитями утќа в шахматном порядке. Одной из разновидностей полотняного переплетения является рогожка: в данном случае две нити основы чередуются с двумя нитями утќа. Ткани данного переплетения получаются более прочными и грубыми. Саржевое переплетение делается путем переплетения 2/2 или 2/1 – нить утќа заходит за 2 (или 1) нити основы, потом пропускается перед двумя (или одной) нитями основы, затем снова заходит за 2 (1) нити основы и т.д. При этом в каждом ряду происходит смещение нитей основы на одну. При таком способе переплетения отчетливо выделяется диагональный рисунок нитей, а ткань получается более прочной и мягкой (Цветкова, 2014. С. 92). Изготовление саржи более сложный процесс, поскольку на станке необходимо взаимодействовать с более чем двумя основами. Наиболее ранний пример анатолийского текстиля в саржевом переплетении относится к концу халколита (конец IV тыс. до н.э.) и происходит из погребения на поселении Алишар (Osten der von, 1937. P. 44, 50, fig. 60; Breniquet, 2010. P. 57).

Ткацкий станок также может быть горизонтальным, когда нити основы располагаются в горизонтальной плоскости. Древнейшие станки такого типа засвидетельствованы в среднем бронзовом веке в Египте (Strand, 2015. P. 59). Материальные свидетельства доисторических времен использования горизонтального станка в Анатолии пока не выявлены.

По характеру тканого материала не всегда представляется возможным выяснить, на каком типе станка он был изготовлен. Так же как и отдельные элементы данного устройства не всегда могут дать представление о его типе. Наиболее понятным в этом отношении является вертикальный станок с грузами. По своему устройству он похож на обычный вертикальный станок, с тем отличием, что сверху нити основы привязывались к верхней перекладине, а снизу к ним прикреплялись грузы, которые натягивали нити. Такой станок позволял плести ткани бóльшей длины. Грузами могли служить различные предметы, которые утяжеляли и натягивали нить (например, сходные по размеру камни). Поскольку нити должны натягиваться равномерно, чтобы ткань получалась ровной, со временем в виде грузов стали использовать керамические перфорированные грузила обычно дисковидной или трапециевидной формы (рис. 4, *1*). Такие грузила хорошо сохраняются. В Анатолии древнейшие текстильные керамические и костяные грузила обнаружены в слоях керамического неолита (хассунская и самаррская культуры) поселения Хакеми-Усе (Tekin, 2008. P. 275). Керамические грузила выявлены также и в ранне-халколитических слоях поселения Улуджак (Schoop, 2014. P. 430). В среднем халколите количество поселений, где найдены грузила, возрастает. В позднем халколите, как и в случае с пряслицами, они уже фиксируются на большинстве анатолийских поселений. Текстильные грузила, как и пряслица, не слишком разнятся по форме (они могут быть дисковидными или в форме округлой трапеции), однако их размер и вес тоже имеют значение. Легкие и широкие грузила используются для создания неплотной легкой материи; в то время как легкие и узкие грузила подходят для создания плотного полотна из тонкой пряжи. Тяжелые и широкие грузила используются для создания неплотных тканей из тугих нитей; тяжелые, но узкие грузила подходят для создания плотной, тугой материи (Frangipane et al., 2009. P. 8). Таким образом, зная тип обнаруженных на поселении грузил, можно делать определенные выводы о характере производимой там материи.

Из Анатолии особенно интересны в этом отношении грузила раннего и среднего бронзового века. Эти объекты специфичны по своей форме – они серповидны и имеют два перфорированных отверстия на закругленных окончаниях (рис. 4, *2*). Столь нетипичная форма поначалу не вызвала ассоциаций с грузилами и текстилем. Однако после того, как в слоях ранней бронзы на поселении Демирджи-Хююк серповидные грузила были найдены в контексте

с обычными текстильными грузилами трапециевидной формы, исследователи задумались о такой возможной их интерпретации (Lassen, 2015. P. 127). Был проведен ряд экспериментов по ткачеству, в которых задействовались реплики подобных грузил. В результате было установлено, что серповидные грузила особенно удобны при работе с саржевыми переплетениями. При плетении саржи основа может состоять из трех и более рядов нитей. То, что два ряда нитей основы закреплены в каждом из отверстий на кончиках «серпов», позволяет лучше контролировать натяжение нитей и избегать их перекрещивания (Lassen, 2015. P. 136). Серповидные грузила получили распространение в эпоху бронзы на территории Западной, Центральной и Северной Анатолии (Lassen, 2015. P. 127). Это свидетельствует об увеличении изготовления материй саржевого переплетения и имевшихся связях между сообществами отмеченных регионов Малой Азии на данном этапе. Кроме того, подобные объекты встречаются на многих поселениях Центральной и Южной Европы конца неолита и более поздних (Gleba, 2008. P. 177–178; Grömer, 2015. P. 14). Хронологически они сопоставимы с анатолийскими памятниками бронзового века. Вопрос о первоначальном очаге (или очагах) использования серповидных грузил и путях распространения данной инновации – одно из перспективных направлений для дальнейших исследований.

Текстиль как знак престижа и атрибут ритуальных практик

Многие из известных образцов текстиля, обнаруженных в Анатолии, в том числе наиболее ранние, судя по контексту, являлись элементами погребального ритуала. К ним относятся минерализованные остатки плетеной материи из погребения в Кёртик Тепе (Erdal, 2015. P. 9, fig. 2, 3), остатки тканой материи, которыми были обернуты костные останки умерших в середине VII тыс. до н.э. из Чатал-Хююка; остатки ткани, которой был обернут погребенный в керамическом сосуде ребенок из позднехалколитического поселения Куручай (Schoop, 2014. P. 426); фрагменты ткани из захоронения позднего халколита поселения Алишар (Oten der von, 1937. P. 44, 50, fig. 60); остатки, а также минерализованные фрагменты льняных и шерстяных тканей из захоронения конца халколита – начала эпохи бронзы Арслантепе. В «царской гробнице» Арслантепе (слой VIB1) наравне с изделиями из металла, украшениями и керамикой найдено большое количество фрагментов текстиля. В ткань были завернуты или ею покрыты , как тело погребенного, так и положенные в гробницу предметы (Frangipane et al., 2009. P. 5–29).

Минерализованный фрагмент текстиля выявлен на статуэтке из обожженной глины в поселении Улуджак, которое датировано концом VII тыс. до н.э. (Çilingiroglu, 2009 P. 15–17). Похоже, что статуэтка была обернута в ткань.

Приведенные примеры говорят о том, что в анатолийских сообществах эпохи поздней первобытности – ранней цивилизации, ткань, вероятно, имела не только бытовое, но также ритуальное значение.

Плохая сохранность, как правило, не позволяет получить представление об особенностях раскраски древних тканей. Однако, по наблюдениям Дж. Меллаарта, У. Хирша и Б. Балпынар, сохранившиеся мотивы настенных росписей в домах, равно как и рисунки печатей-штампов Чатал-Хююка, росписи керамики Хаджилара во многих случаях перекликаются с орнаментами и композиционными сюжетами тканей, а также ковров килим на территории Анатолии более поздних эпох, вплоть до современности (Mellaart et al., 1989. Vol. I–II). Такая устойчивая традиция косвенно подтверждает высокую семантическую нагрузку текстильного производства Анатолии, которая в древнейшие времена, очевидно, была наполнена сакральным смыслом.

В эпоху позднего халколита – ранней бронзы Верхняя Месопотамия, Восточная Анатолия, ряд других соседних территорий оказались в зоне влияния носителей убейдской и урукской культур (Rothman, 2011; Амиров, 2010. С. 75–86; Мунчаев, Амиров, 2012. С. 37–38; и др.). Подобно Южной Месопотамии, в Анатолии прослежены процессы социальной стратификации общества, выделения правящих классов и создания централизованной экономической и политической системы. Местные элиты таких поселений, как Арслантепе, Норшунтепе, Тепеджик, Хаджинеби, Зейтинли Бахче, подобно управленческой структуре урукских колоний, начинают контролировать региональные центры, оказавшиеся в зоне влияния южномесопотамской культуры.

В эпоху ранней бронзы шерсть становится одним из основных продуктов экономического обмена на Ближнем Востоке. По замечанию К. Бренике, она была в ходу почти что наравне с серебром и ячменем, т.е. являлась своеобразной «преисторической валютой» (Breniquet, 2014. P. 56). Шерсть многократно фиксируется в документации храмовых хозяйств

Двуречья и соседних территорий. Из письменных источников известны разные виды и сорта шерсти, а также шерстяные ткани различного качества. Из более поздних записей эпохи бронзы, а именно найденных в архивах Эблы, известно о функционировании при дворце «Дома шерсти» (E-siki) и «Дома текстильных изделий» (E-TI), очевидно, в качестве складских помещений для этих дорогих товаров. Отмечается, что со временем значение понятия «e siki» изменилось. Судя по контексту, это понятие стало использоваться для обозначения хранилища драгоценных металлов. Другими словами этим термином стали называть настоящую сокровищницу (Peyronel, Vacca, 2013. P. 438). Данные факты подтверждают восприятие шерсти в эпоху ранней бронзы как очень ценного продукта.

Материальные, письменные, а также изобразительные источники дополняют друг друга, сообщая, что шерсть и ткани различного состава имели особое социальное значение как продукты обмена и знаки престижа. Дошедшие до нас изображения на цилиндрических печатях и других объектах (штандарт из Ура, Урукская ваза) позволяют утверждать, что одежда использовалась не только для защиты тела от неблагоприятных природных условий, но также играла роль статусного атрибута. Как правило, на изображениях одежда присутствует только у лиц, социально более значимых: богов, царей-жрецов, знатных воинов. И.М. Дьяконов отмечает, что на печатях Месопотамии рубежа IV и III тыс. до н.э. боги и знатные воины показаны одетыми в полотнище-юбку на голое тело, с повязкой на голове, а вождь или правитель-жрец – в особой, торчащей вперед, словно накрахмаленной, полупрозрачной, как бы клетчатой юбке (Дьяконов, 1983. С. 121). Остальные персонажи – будь то рядовые воины и охотники, храмовые служители, подносящие дары, или же пленники – обычно изображены нагими. Длина одежды, по мнению Е.В. Антоновой, признак неучастия в действиях, требовавших большой свободы движений. Недаром в сценах сражений персонаж, имеющий высокий социальный статус, носит укороченную юбку. Подчеркнутая «одетость» лидера и особенности его облачения многозначительны; длинная юбка отличает его от других участников действий (Антонова, 1998. С. 12). Крайне любопытно, что уже с раннего этапа Протописьменного периода (рубеж IV и III тыс. до н.э.) и далее, в том числе в классической шумерской клинописи, для обозначения лиц высокого общественного положения использовалась идеограмма, означающая «ткань» (Дьяконов, 1983. С. 120–121).

К. Бренике обращает внимание на изображения из Ура и Мари (середина III тыс. до н.э.), где воины-завоеватели срывают одежду с побежденных врагов и забирают себе. По мнению исследовательницы, на том этапе одежда могла ассоциироваться непосредственно с тем, кто ее носит. Месопотамская практика *sissikum*, когда человек прикладывал к соглашению, написанному на глиняной табличке, край своей одежды, оставляя на ней отпечаток, тоже в значительной мере свидетельствует об отождествлении одежды с тем, кто ее носит, и определении высокого общественного положения этого человека (Breniquet, 2013. P. 8–15).

По поводу значения текстиля для населения Анатолии эпохи позднего халколита – ранней бронзы, сходное мнение высказывает У.-Д. Шуп (Schoop, 2014. P. 421–446). Текстильный «бум» отмеченного периода в данном регионе он связывает со структурными изменениями общественной организации, когда начался переход от эгалитарного уклада к обществу с более выраженным социальным статусом отдельных индивидов.

Выводы

Представленные в данном обзоре имеющиеся к настоящему времени свидетельства с территории Анатолии и соседних областей позволяют говорить о первых шагах текстильного производства на Ближнем Востоке с эпохи верхнего палеолита и эпипалеолита. Древнейший текстиль делали из растительных волокон диких растений, в частности льна. Судя по материалам из Дзудзуаны, возможно, также имели место и ранние опыты с шерстью животных.

Как отмечалось, Юго-Восточная Анатолия, будучи одним из районов «Плодородного полумесяца», была одним из первичных очагов процесса становления производящей экономики. Здесь, в частности фиксируется производство текстиля из волокон доместицированных на этапе PPNB растений и животных. Культивация льна, как технической культуры для текстильного производства, происходила, очевидно, уже после начавшегося разведения этого растения с целью получения масла. Предгорья Тавра восточной Анатолии, становятся одним из двух основных очагов одомашнивания коз и овец. Остеологические данные и материальные свидетельства, связанные с текстильным производством, показывают отсроченное использование животных, как поставщиков шерсти, по сравнению с мясо-молочной продукцией. В целом можно отметить, что к концу неолита – началу халколита текстильное

производство утверждается в комплексе основных стратегий неолитического образа жизни на территории Юго-Восточной и Южной части Центральной Анатолии. Оно представляло собой сложный многоэтапный процесс, имеющий свою сырьевую, а также технологическую базу, вероятно, оказывая влияние не только на бытовую, но и на сакральную сферу жизни населения.

Достижения «неолитической революции», включая навыки текстильного производства, распространяются из Юго-Восточной и Центральной Анатолии в северную и западную части Анатолийского полуострова с задержкой примерно в 2000 лет (Brami, 2015). В эпоху халколита широкое распространение получили изобретенные еще в конце неолита важные технологические инновации в изготовлении тканей, а именно – использование пряслиц и ткацких станков, в том числе с грузилами.

Для оказавшихся в зоне влияния убейдской, урукской и куро-аракской культур областей Восточной Анатолии конца халколита – начала эпохи бронзы фиксируются заметные изменения в комплексе материальных свидетельств. В том числе архитектура и поселенческая структура, погребальный обряд, специализации производств дают представление о новой системе управления и усиливавшейся стратификации общества в этом регионе. К началу бронзового века относятся первые, уверенно определяемые прямые свидетельства текстиля из волокон животного происхождения (Арслантепе, слой VIB1) на территории Анатолийского полуострова..

Материалы позднего неолита, халколита, бронзового века Западной и Северной Анатолии отличаются заметным своеобразием, во многих случаях перекликаясь с хронологически сопоставимыми европейскими свидетельствами средиземноморского круга. В текстильном производстве такие тенденции в частности проявились в распространении на отмеченных территориях особых грузил серповидной формы.

Шерсть, стада коз и овец с конца халколита становятся одним из важнейших продуктов экономического обмена, и, вероятно, одним из значимых показателей статуса и богатства. Кроме того, материальные, письменные и изобразительные источники эпохи бронзы дают основания полагать, что контроль над текстильной продукцией, ношение особого вида одежды, «одетость» индивида являлись своеобразным маркером в обозначении людей высокого статуса.

Благодарности

Авторы выражают признательность Евгению Александровичу Черленку (СПбГУ) за ценное замечание к данной работе и Девриму Сонмез (Стамбульское отделение Германского археологического института) за помощь в подготовке карты.

Отметим также, что нам крайне приятно принимать участие в сборнике, посвященном славному юбилею одного из ведущих советских и российских археологов. Мы желаем Рауфу Магомедовичу крепкого здоровья, реализации всех начинаний и хорошего настроения!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амиров Ш.Н., 2010. Хабурская степь Северной Месопотамии в IV – первой половине III тыс. до н.э. М.

Антонова Е.В., 1998. Признаки высокого социального статуса в Месопотамии V – IV тыс. до н. э. // ВДИ. № 3. С. 3–15.

Гарковик А.В., 2006. Древний текстиль Поморья: (по данным археологии) // Россия и АТР. № 3. С. 48–61.

Дьяконов И.М., 1983. Протописьменный период в Двуречье // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1: Месопотамия. М. С. 107–161.

Кожин П.М., Мартин П., 1989. Текстильное производство // Материальная культура. Вып. 3. М. С. 178–183.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., 2012. Еще раз о месопотамско-кавказских связях в IV–III тыс. до н.э. // РА. № 4. С. 37–46.

Праслов Н.Д., 1992. О керамике эпохи верхнего палеолита в Северной Евразии // Археологические вести. № 1. С. 28–39.

Цветкова Н.Н., 2014. Искусство ручного ткачества. СПб.

Adovasio J.M., 1983. Notes on the Textile and Basketry Impressions from Jarmo // Prehistoric Archaeology along the Zagros Flanks / L. Braidwood, R. Braiswood, B. Howe, Ch. Reed, P. Watson (eds.). Chicago. P. 425–426.

Adovasio et al., 1996, Upper Palaeolithic fibre technology: interlaced woven finds from Pavlov I, Czech Republic // Antiquity. Vol. 70. P. 526–534.

Arbucle B., 2012a. Animals and inequality in Chalcolithic central Anatolia // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 31. P. 302–313.

Arbuckle B., 2012b. Animals in the Ancient World // A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East. Vol. 1 / D.T. Potts (ed.). Malden. P. 201–219.

Arbuckle et al., 2009. The evolution of sheep and goat husbandry in central Anatolia // Anthropozoologica. Vol. 44, 1. P. 129–157.

Balossi F., Siracusano G., 2003, Hayvancilik. Son Kalkolitik ve Ilk Tunç Çağı = (Animal Husbandry. Late Chalcolithic and Early Bronze Age) // Atlas, volume tematico sul Calcolitico e il Bronzo Antico nell'Anatolia Orientale / N. Karul (ed.). Istanbul. P. 144–145.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Mesheviliani T., Jakeli N, Bar-Oz G., Boaretto E., Goldberg P., Kvavadze E., Matskevich Z., 2001. Dzudzuana: an Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // Antiquity. Vol. 85. P. 331–349.

Boyd B., 2017. Ecologies of fiber-work: Animal technologies and invisible craft practices in prehistoric Southwest Asia // Quaternary International. URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2017.06.050

Braidwood L., Braidwood R. J., 1949. On the treatment of the prehistoric Near Eastern materials in Steward's "Cultural Causality and Law" // American Anthropologist. Vol. 51. P. 665–669.

Brami M.N., 2015. A Graphical Simulation of the 2,000-Year Lag in Neolithic Occupation between Central Anatolia and the Aegean Basin // Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 7, 3. P. 319–327.

Breniquet C., 2010. Weaving in Mesopotamia during the Bronze Age: Archaeology, techniques, iconography // Textile Terminologies in the Ancient Near East and Mediterranean from the Third to the First Millennia BC / C. Michel, M.-L. Nosch (eds.). Oxford; Philadelphia. P. 52–66.

Breniquet C., 2013. Functions and Uses of Textiles in the Ancient Near East Summary and Perspectives // Textile Production and Consumption in the Ancient Near East: archaeology, epigraphy, iconography / M.-L. Nosch, H. Koefoed, E.A. Strand (eds.). Oxford; Philadelphia. P. 1–25.

Breniquet C., 2014. The Archaeology of Wool in Early Mesopotamia: Sources, Methods, Perspectives // Wool Economy in the Ancient Near East and the Aegean: From the Beginnings of Sheep Husbandry to Institutional Textile Industry / C. Breniquet, C. Michel (eds.). Oxford; Philadelphia. P. 52–78.

Çambel H., Braidwood R.J., Özdoğan M., Schirmer W., 1990. 1988 Yılı Çayönü Kazısı // Kazı Sonuçları Toplantısı. 11, 1. S. 59–79.

Childe V.G., 1950. Prehistoric Migrations in Europe. Oslo.

Çilingiroğlu Ç., 2009. Of stamps, loom weights and spindle whorls: Contextual evidence on the function(s) of stamps from Ulucak, Izmir, Turkey // Journal of Mediterranean Archaeology. Vol. 22, 1. P. 3–27.

Erdal S.Y., 2015. Bone or Flesh: Defleshing and Post-Depositional Treatments at Körtik Tepe (Southeastern Anatolia, PPNA Period) // European Journal of Archaeology. Vol. 18, 1. P. 4–32.

Frangipane M., Andersson Strand E., Laurito R., Möller-Wiering S., Nosch M.-L., Rast-Eicher A., Wisti Lassen A., 2009. Arslantepe, Malatya (Turkey): Textiles, Tools and Imprints of Fabrics from the 4th to the 2nd Millenium BCE, 2009 // Paléorient. Vol. 35, 1. P. 5–29.

Garstang J., 1953. Prehistoric Mersin, Yümük Tepe in Southern Turkey. The Neilson Expedition in Cilicia. London.

Gleba M., 2008. Textile Production in Pre-Roman Italy. Oxford.

Grömer K., 2015. Experiments with Neolithic weaving tools (lunular or crescent shaped loomweights) // First Textiles. The Beginnings of Textile Manufacture in Europe and the Mediterranean, 7th–8th May 2015: Abstracts. Copenhagen: The Danish National Research Foundation's Centre for Textile Research, National Museum of Denmark. P. 14–15.

Helbaek H., 1963. Textiles from Çatal Hüyük // Archaeology. Vol. 16, 1. P. 39–46.

Hodder I., Özdöl S., 2014. 2013 Çatalhöyük kazıları // Kazı Sonuçları toplantısı. 36, 2. P. 253–264.

Kvavadze E., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Boaretto E., Jakeli N., Matskevich Z., Meshveliani T., 2009. 30000-year-old wild flax fibers // Science. Vol. 325 (5946). P. 1359.

Lassen W.A., 2015. Weaving with Crescent Shaped Loom Weights: An investigation of a special kind of loom weight // Tools, Textiles and Contexts: Textile Production in the Aegean and Eastern Mediterranean Bronze Age / E.A. Strand, M.-L Nosch. (eds.). Oxford; Philadelphia. P. 127–137.

Mellaart J., 1967. Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. London.

Mellaart J., Hirsch U., Balpınar B., 1989. The Goddess from Anatolia. Milano. Vol. I–IV.

Nadal D., Danin A., Werker E., Schick T., Kislev M.E., Stewart K., 1994. 19,000 year-old twisted fibers from Ohalo II, 1994 // Current Anthropology. Vol. 35, 4. P. 451–458.

Naderi S., Rezaei H.-R., Pompanon F., Blum M.G. B., Negrini R., Naghash H.-R., Balkız Ö., Mashkour M., Gaggiotti O.E., Ajmone-Marsan P., Kence A., Vigne J.-D., Taberlet P., 2008. The goat domestication process inferred from large-scale mitochondrial DNA analysis of wild and domestic individuals // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS). Vol. 105, 46. P. 17659–17664.

Özdemir A., 2012. Kalkolitik Smintheion (Gülpınar)'da Dokumacılık ve Hasırcılık – Weaving and Mat Making at Chalcolithic Smintheion (Gülpınar) // Anatolia. No. 38. P. 139–153.

Özkaya V., Coşkun A., 2011. Körtik Tepe // The Neolithic in Turkey. Vol. 1. / M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm (eds.). Istanbul. P. 89–127.

Özkaya V., Şahin F.S., Erdal Y.S., Benz M., 2015. Körtik Tepe 2014 Kazısı // Kazı Sonuçları Toplantısı. 37,1. S. 1–23.

Palumbi G., 2015. The Role of Pastoral Communities of the Upper Euphrates Region in the Expansion of the Kura-Araxes Culture // International Symposium on East Anatolia – South Caucasus Cultures. Proceedings II / M. Işıklı, B. Can (eds.). Newcastle. P. 78–88.

Palumbi G., Chataigner C., 2014. The Kura-Araxes Culture from the Caucasus to Iran, Anatolia and the Levant: Between unity and diversity. A Synthesis // Paléorient. Vol. 40.2. P. 247–260.

Peyronel L., Vacca A., 2013. Natural Resources, Technology and Manufacture Processes at Ebla: A preliminary Assessment // Ebla and its Landscape: Early State Formation in the Ancient Near East / P. Matthiae, N. Marchetti (eds.). Walnut Creek. P. 431–449.

Rothman M., 2011. Interaction of Uruk and Northern late Chalcolithic Societies in Anatolia 10,000–323 B.C.E. // The Oxford Handbook of Ancient Anatolia / Sh. Steadman, G. McMahon (eds.). Oxford. P. 813–835.

Schoop U.-D., 2014. Weaving Society in Late Chalcolithic Anatolia: Textile Production and Social Strategies in the 4th Millenium BC // Western Anatolia Before Troy Proto-Urbanization in the 4th Millenium BC: Proceedings of the International Symposium held at the Kunshistorisches Musem Wien, 21–24 November, 2012 / B. Horejs, M. Mehofer (eds.). Vienna. P. 421–446.

Skals I., Moller-Wiering S., Nosch M.-L., 2015. Survey of archaeological textile remains from the Aegean and Eastern Mediterranean area // Tools, Textiles and Contexts: Textile Production in the Aegean and Eastern Mediterranean Bronze Age / E.A. Strand, M.-L. Nosch (eds.). Oxford; Philadelphia. P. 61–74.

Snir A., Nadel D., Weiss E., 2015. Plant-food preparation on two consecutive floors at Upper Paleolithic Ohalo II, Israel // Journal of Archaeological Science. Vol. 53. P. 61–71.

Sobkowiak-Tabaka I., 2017. Fibre production – a skill from the Paleolithic age? // Building Bridges: Abstract book of the 23rd Annual Meeting of the European Association of Archaeologists, Maastricht 2017 / J. Bazelmans, K. Group (eds.). Voerendaal. P. 34.

Strand E.A., 2015. The basics of textile tools and textile technology – from fibre to fabric // Tools, Textiles and Contexts: Textile Production in the Aegean and Eastern Mediterranean Bronze Age / E.A. Strand, M.-L. Nosch (eds.). Oxford; Philadelphia. P. 39–60.

Tekin H., 2008. Hakemi Use: A newly established site dating to the Hassuna/Samarra period in Southeastern Anatolia // Proceeding of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Vol. III. / J.M. Cordoba , M. Molist, M.C. Perez, I. Rubio, S. Martinez (eds.). Madrid. CSIC. P. 271–283.

Tekin H., 2010. New Discoveries on a Hassuna/Samarran Site on the Upper Tigris Region: Hakemi Use // Proceeding of the 6 ICAANE. Vol. 2 / P. Matthiae , Pinnock F., L. Nigro, N. Marchetti (eds.). Wiesbaden. P. 685–695.

Tung B., 2013. 2013 Excavation Overview. North Area // Çatal Newsletter. Issue 20. P. 4–5.

Vandiver P., Soffer O., Clima B., Svoboda J., 1989. The Origin of Ceramic Technology at Dolni Vestonice, Czechslovakia. // Science. No. 246. P. 1002–1008.

Vignola C., Balossi Restelli F., Masi A., Sadori L., Siracusano G., 2014. Investigating domestic economy at the beginning of the late chalcolithic in Eastern Anatolia: the case of Arslantepe period VIII // Origini. No. 36. P. 7–36.

Vogelsang-Eastwood G.M., 1987. A Reexaming of the Fibres from the Çatal Hüyük Textiles // Oriental Carpet and Textile Studies III. Pt. I. / R. Pinner, W.S. Denny (eds.). London. P. 15–19.

Vogelsang-Eastwood G.M., 1993. One of the oldest textiles in the world? The Çayönü textile // Archaeological textiles newsletter. No. 16. P. 4–7.

Osten H.H. von der, 1937. The Chalcolithic Age // The Alishar Hüyük. Seasons of 1930–1932. Pt. I / J.A. Wilson, T.G. Allen (eds.). Chicago. P. 28–100.

Willcox G., 2013. The Roots of Cultivation in Southwestern Asia // Science. Vol. 341. P. 39–40.

Young T.C., Jr., Smith P.E.L., Mortensen P., 1983. Introduction // The Hilly Flanks and Beyond: Essays in the Prehistory of Southwestern Asia: Presented to Robert J. Braidwood / Studies in Ancient Oriental Civilization; no. 36 / T.C. Jr. Young, P.E.L. Smith, P.Mortensen (eds.). Chicago. P. 1–6.

Zohary D., Hopf M., Weiss E., 2012. Domestication of Plants in the Old World. Oxford.

T.V. Kornienko, D.A. Sonmez

TO THE ISSUE OF EARLY STAGES OF TEXTILE PRODUCTION DEVELOPMENT IN ANATOLIA

Abstract. This article reviews the scattered evidence from the initial periods of the textile production and the emergence of the weaving skills in Anatolia. Subject of investigation is studied in the context of other changes of the "Neolithic revolution" epoch, such as the emergence of a sedentary lifestyle, producing economy and the complexity of social organization.

Keywords: Anatolia; Near East; textile; weaving; Neolithic; Chalcolithic; Bronze age.

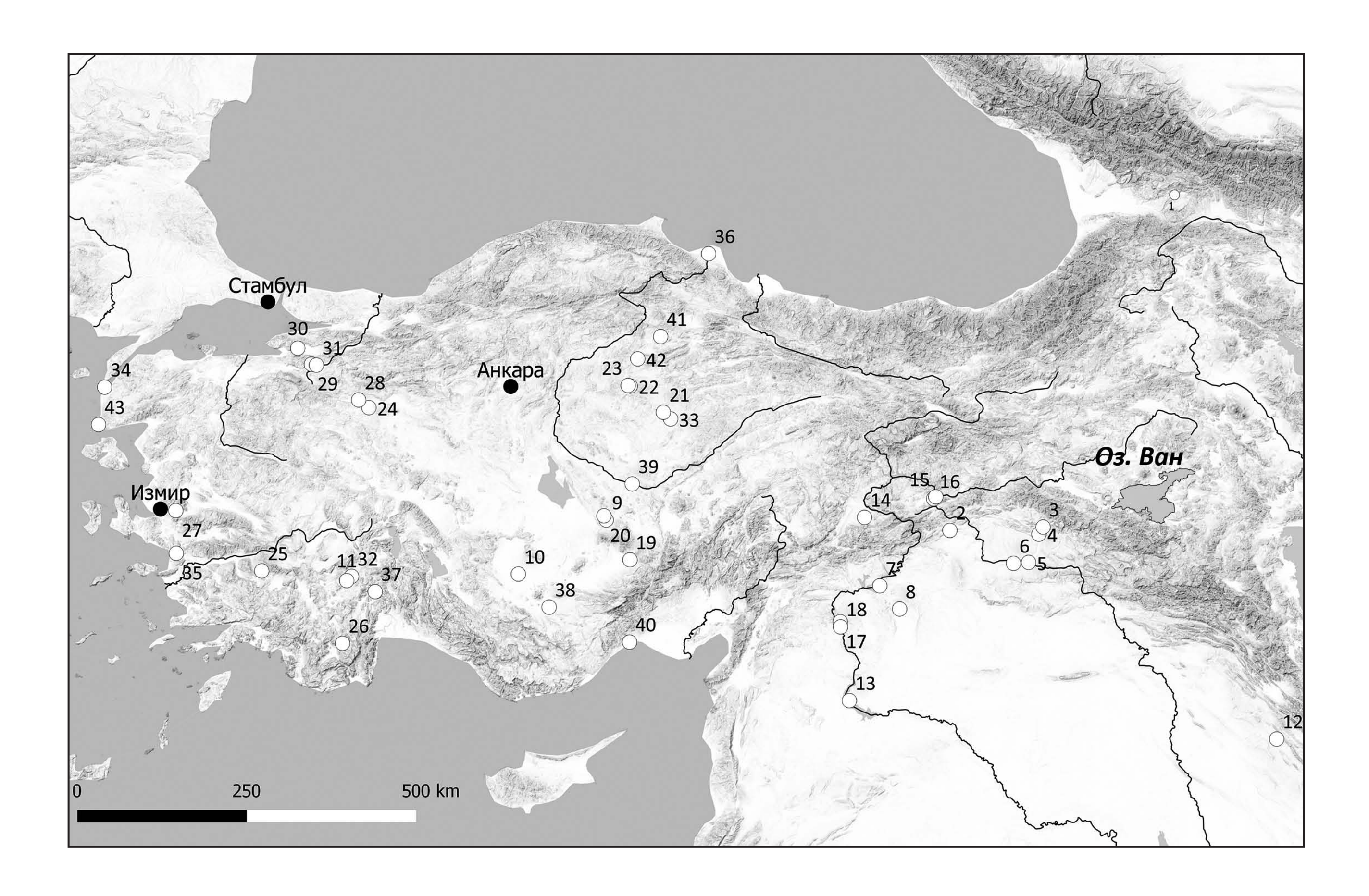

Рис. 1. Карта Анатолии и соседних территорий с основными упоминаемыми в тексте памятниками: *1* – Дзудзуана / Dzudzuana; *2* – Чайоню / Çayönü; *3* – Халлан Чеми / Hallan Çemi; *4* – Демиркёй / Demirköy; *5* – Кёртик Тепе / Körtik Tepe; *6* – Хакеми-Усе / Hakemi Use; *7* – Невали Чори / Nevali Çori; *8* – Гёбекли Тепе / Göbekli Tepe; *9* – Ашиклы-Хююк / Aşıklı Höyük; *10* – Чатал-Хююк / Çatal Höyük; *11* – Хаджилар / Hacılar; *12* – Джармо / Jarmo; *13* – Мурейбет / Mureybet; *14* – Арслантепе / Arslantepe; *15* – Норшунтепе / Norşuntepe; *16* – Тепеджик / Tepecik; *17* – Хаджинеби / Hacınebi; *18* – Зейтинли-Бахче / Zeytinli Bahçe; *19* – Кёшк-Хююк / Köşk Höyük; *20* – Гюверджинкаясы / Güvercinkayası; *21* – Чадыр-Хююк / Çadır Höyük; *22* – Богазкёй / Boğazköy; *23* – Чамлыбель-Тарласы / Çamlıbel Tarlası; *24* – Орман-Фиданлыгы / Orman Fidanlığı; *25* – Афродисиас-Пекмез / Afrodisias-Pekmez; *26* – Багбашы / Bağbaşı; *27* – Улуджак / Ulucak; *28* – Демирджиюкюк / Demircihöyük; *29* – Ментеше / Menteşe; *30* – Ылыпынар / Ilıpınar; *31* – Барчин / Barçin; *32* – Куручай / Kuruçay; *33* – Алишар / Alişar; *34* – Кумтепе / Kumtepe; *35* – Чукуричи-Хююк / Çukuriçi Höyük; *36* – Икизтепе / İkiztepe; *37* – Хёюджек / Höyücek; *38* – Джанхасан / Canhasan; *39* – Дживелек / Civelek; *40* – Мерсин-Юмуктепе / Mersin Yumuktepe; *41* – Кушсарай / Kuşsaray; *42* – Бююкгюллюджек / Büyükgüllücek; *43* – Гюльпынар / Gülpınar.

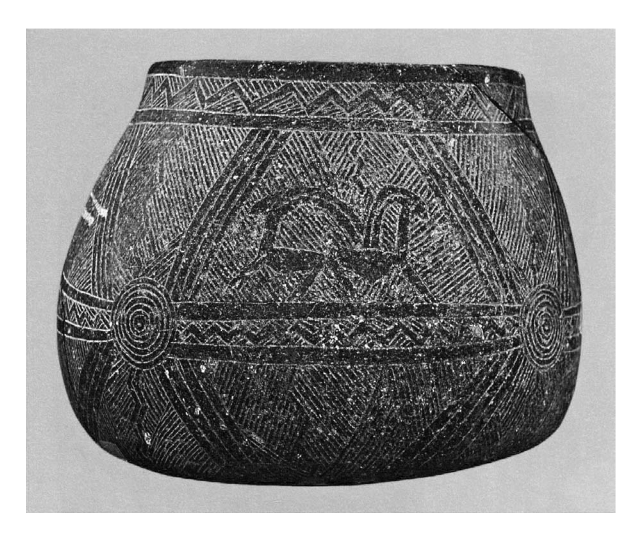

Рис. 2. Кёртик Тепе, X тыс. до н.э. Каменный сосуд с выгравированным плетенным орнаментом (Özkaya, Coşkun, 2011. S. 120. Fig. 20).

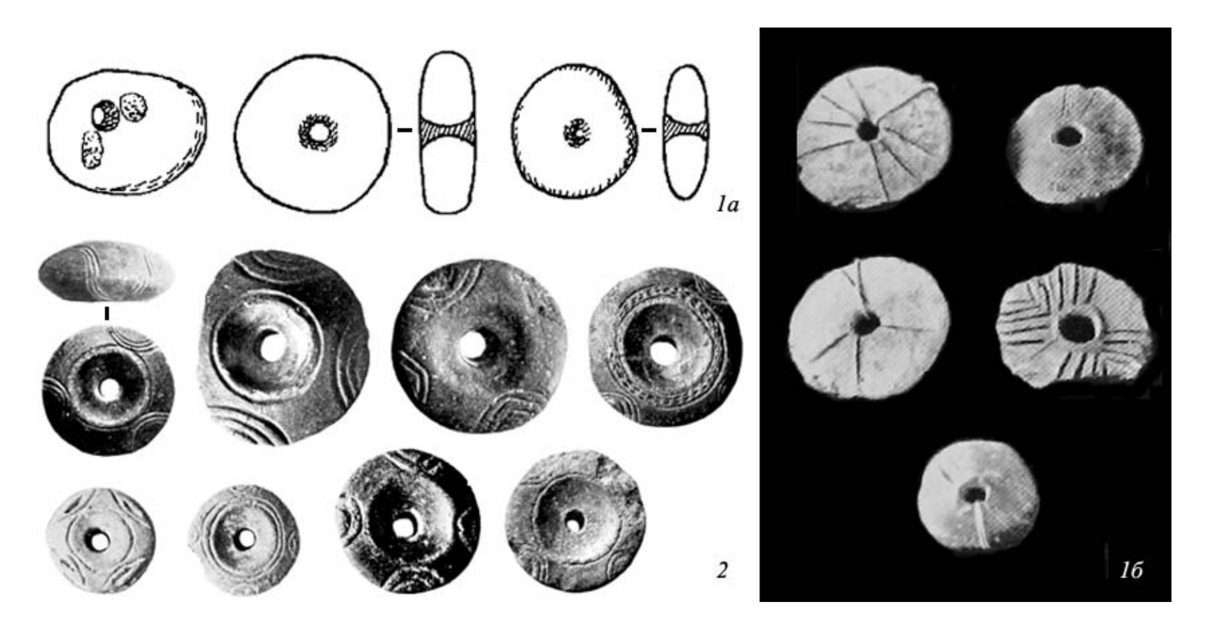

Рис. 3. Пряслица из поселений: *1* – Мерсин-Юмуктепе эпохи халколита, (а) каменные и (б) керамические (по: Garstang, 1953. Fig. 18. Plate Xb);
2 – Алишар эпохи ранней бронзы, керамические (по: Osten von der, 1937. P. 263. Fig. 273).

Рис. 4. Керамические грузила для ткацкого станка: *1* – трапециевидной и овальной форм из поселения Алишар эпохи ранней бронзы (по: Osten von der, 1937. Fig. 279); *2* – серповидной формы из поселения Мерсин-Юмуктепе эпохи средней бронзы (по: Garstang, 1953. Fig. 137)

Н.Ю. Петрова

О СТАНОВЛЕНИИ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Резюме. В статье делается попытка обобщения информации, связанной с различными свидетельствами зарождения гончарной технологии в Юго-Западной Азии. В качестве прототипов керамической посуды, рассмотрены гипсовые и известняковые изделия, а также сосуды из необожженной глины. Кроме того, рассматриваются наиболее ранние керамические изделия, и собирается информация, связанная с технологией их изготовления. На основании собранной информации, выделяются очаги первичного возникновения керамического производства в рассматриваемом регионе.

Ключевые слова*:* керамика; неолит Юго-Западной Азии; технология изготовления гипсовых и известковых изделий эпохи неолита, технология производства гончарной посуды эпохи неолита.

Тема появления древнейшей керамики и ее технологии, происходящей с территории Юго-Западной Азии (рис. 1), неоднократно поднималась как зарубежными, так и отечественными исследователями. Долгое время самой древней в регионе считалась керамика типа Телль Сотто-Умм Дабагийя (Tell Sotto-Umm Dabaghiya) или, как позже ее стали называть, керамика периода Прото-Хассуна (Бадер, Ле Мьер, 2008; Bader, Le Mière, 2013. P. 513). Благодаря раскопкам советской экспедиции на памятниках Телль Сотто (Tell Sotto), Кюль-тепе (Kultepe) и Ярымтепе I (Yarimtepe I) в Северном Ираке (Бадер, 1989; Мунчаев, Мерперт, 1981), этот керамический материал, оказался доступен для изучения отечественными исследователями (Бобринский, 1999; Бобринский, 2006; Петрова, 2012; Петрова, 2016; Петрова, 2017; Цетлин, 2013; Petrova, 2012). Сегодня, располагая многочисленными фактами, можно утверждать, что у данной керамики есть предшественники, которые относятся к эпохе как керамического, так и докерамического неолита. К сожалению, данные о технологии их изготовления очень фрагментарны, но попытка их систематизации все же представляется полезной.

Зарождение технологии изготовления сосудов в рассматриваемом регионе началось задолго до появления керамики. В ряду многочисленных и хорошо известных свидетельств применения глины для различных хозяйственных нужд и ритуальных практик нужно отметить использование ее для строительства (Корниенко, 2006. С. 22; Moore, 1995. P. 45), где применяемая технология (смешивание глины с растительной примесью и формование отдельных «ломтей») была весьма схожа с последующей гончарной и использовалась со времени докерамического неолита.

Также интересны примеры обмазывания стенок ям глиной. Глина в них, как правило, прокаленная. В ряде случаев они заполнены камнями. Считается, что такие конструкции использовались для приготовления пищи (Miyake, 2016. P. 122). Для эпохи керамического неолита делается предположение о конструктивной связи некоторых форм с хозяйственными ямами. В частности, исследователи поселения Телль Хассуна, высказали гипотезу, что основания больших сосудов с ребрами в нижней части тулова были сделаны в яме, а потом была надстроена их верхняя часть (Lloyd, Safar, 1945. P. 277).

Можно выделить несколько последовательных этапов становления керамического производства:

1. Появление сосудов из неглинистых материалов[1];

---

[1] А.А. Бобринский, на основании данных этнографии и изучения состава теста керамики с территории Ближнего Востока, высказал предположение о наличии в докерамический период сосудов, состоящих из органических материалов животного происхождения (Бобринский, 2006. С. 416).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.413-422

2. Использование глины для различных хозяйственных и ритуальных практик;

3. Появление в строительстве техники «тауф» - смешивание глины с растительной примесью и формование из этой смеси отдельных «ломтей»;

4. Изготовление сосудов из гипса и извести с использованием некоторых технологических приемов, получивших дальнейшее развитие в гончарстве;

5. Появление необожженных глиняных сосудов;

6. Появление первых обожженных глиняных сосудов;

7. Повсеместное распространение гончарной технологии в регионе.

Сосуды из гипса и извести

С начала VIII тыс. до н.э. на различных поселениях зоны «Плодородного Полумесяца» в качестве емкостей использовалась так называемая «Белая посуда » (White ware) – сосуды из гипса и извести. При их технологическом изучении фиксируется характерная форма частиц, указывающая на сжигание естественных пород для образования извести и безводного гипса (Maniatis, 2009. P. 4). Крайне важно, что технология изготовления подобных изделий была очень близка к технологии изготовления глиняных сосудов. Гипсовые породы, алебастр и известняк подвергались нагреванию, в результате которого они разрушались и превращались в порошок. Гипс и алебастр необходимо было нагреть до 150–400°С. Структура известняка разрушается только при поддержании температуры 800–900°С в течение трехчетырех дней, что свидетельствует о развитых пиротехнических навыках. Далее в полученный порошок добавляли воду и различные минеральные примеси: песок, гравий, известняк, охру, а также растительную примесь (зафиксирована на Телль Рамад (Tell Ramad)). На поселении Али Кош (Ali Kosh) известны сосуды, состоящие из гипса и кальцинированной глины[2] (Kingery, Vandiver, Prickett, 1998. P. 219–227). В гипсовых сосудах зафиксировано применение лоскутной технологии, а также отпечатки корзин (Kingery, Vandiver, Prickett, 1998. P. 227; Miyake, 2016. P. 120; Moore, 1995. P. 45; Nieuwehuyse, Dooijes, 2008. P. 162; Nilhamn, Koek, 2013. P. 292; Özdoğan, 2009. P. 25; Vandiver, 1987. P. 27).

Интересно, что географически сосуды из гипса и извести разделяются по регионам Западной Азии. Сосуды *из гипса* представлены на поселениях Загроса, таких как, Чога Сефид (Choga Sefid), и Али Кош (Ali Kosh) и на поселениях степной части Северной Месопотамии, таких как Дамишлия (Tell Damishliya), Мунбатех (Mounbateh), Абу Хурейра (Abu Hureyra), Эль-Коум (El-Kowm), Букрас (Boukras), Секер эль-Ахеймар (Seker al-Aheimar), Кашкашок II (Kashkashok II). Сосуды *из известняка* были распространены несколько севернее, на территории современной Турции – Хаджилар (Hacilar), Чатал-Хююк (□atalh□yük), Ашикли Хююк (Aşikli H□yük), в Юго-Восточной Турции – Невали Чори (Nevali □ori), Чайеню (□ay□nü), Салат Чеми Яни (Salat Cami Yani). Также сосуды из известняка известны в Леванте – Телль Арай (Tell Aray), Хама (Hama), Библос (Byblos), Лабвэ (Labwe), Телль Рамад (Tell Ramad), Телль Тео (Tell Teo), Хурбат Галил (Hurbat Galil), Йифтафел (Yiftahel), Айн Газал (Ain Ghazal), Иерихон (Jericho), Нахал Хемар (Nahal Hemar), Лагама Северная VIII (Lagma North VIII) (Miyake, 2016. P. 115; Özdoğan, 2009. P. 24–25).

Сосуды из гипса и извести также представлены и на других поселениях Западной Азии (в том числе и на Телле Сотто, Кюльтепе и Ярымтепе I), но специальных исследований состава их сырья не проводилось.

Глиняные сосуды эпохи докерамического неолита

В период докерамического неолита В (PPNB) в различных поселениях региона фиксируются фрагменты сосудов из глины, не подвергшиеся обжигу. Часто они найдены в сооружениях, побывавших в пожаре, в результате чего они обожглись (хотя и не намеренно) и хорошо сохранились. Подобные изделия называют керамикой эпохи докерамического неолита.

Наиболее ранние экземпляры керамических сосудов найдены в горах Загроса в Западном Иране на поселении Гандж Дарех (Ganj Dareh) (Smith, 1990. P. 326; Mellaart, 1975. P. 78). Здесь, в слое E зафиксированы глиняные фрагменты изделий, которым была придана определенная форма, и они были украшены ногтевыми вдавлениями. В следующем слое D фиксируются уже сотни таких фрагментов. Этот материал датируется концом IX – началом VIII тыс. до н.э. (Bernbeck, 2017. P. 101; Smith, 1990, P. 326; Mellaart, 1975. P. 78; Nieuwenhuse, Campbell, 2017. P. 172; Campbell, 2017. P. 146). В VIII тыс. до н.э. навыки изготовления глиняных сосудов представлены на значительной территории. Если в слоях культуры PPNA сосуды из глины известны только в Леванте, например в Иерихоне (Jeriho), то в слоях культуры PPNB, они уже распространены от Леванта до вос-

[2] В Иерихоне известны кирпичи из смеси глины и известняка (Kingery, Vandiver, Prickett, 1998. P. 226).

точной Джезиры и Восточной Анатолии включительно. Здесь могут быть упомянуты такие поселения левантийского региона как Бейда IV (Beidah VI), Айн Газал (□in Ghazal), Байя (Ba□ja), Баста (Basta), Гуэйр I (Ghwair I) (Tsuneki, 2017a. P.2). Поселения в сирийской части долины Евфрата и его притоков, такие как Мурейбит III (Mureybet III), Абу Хурейра (Aby Hyreyra), Саби Абъяд II (Sabi Abyad II), Халула (Halula) (Le Mirère, Picon, 1998. P. 7–9; Miyake, 2016. P. 120–121; Tsuneki, 2017a, P. 2–3). Поселения, расположенные в восточной Джезире, такие как Магзалия (Magzalia) (Бадер, 1989, С. 62; Moore, 1995. P. 46). Здесь также следует отметить поселения этой культуры в Юго-Восточной Анатолии, такие как Невали Чори (Nevali □ori) (Miyake, 2016. P. 120–121), Чаеню (□ay□nü) (Özdoğan, 2009. P. 25), и памятники верхнего течения Евфрата, например Акарчай (Akar□ay) (Tsuneki, 2017a. P. 3). Также есть свидетельства первых экспериментов изготовления глиняных сосудов на поселении Хаджилар (Hacilar) (Esin, 1999. P. 17).

На поселениях Гандж Дарех (Ganj Dareh), Магзалия (Magzalia), Чаеню (□ay□nü), Айн Газал (□in Ghazal), Баста (Basta), Байя (Ba□ja) были найдены очень большие сосуды (высотой до 80–100 см). Исследователи считают их либо сосудами-хранилищами, либо деталями конструкции домов – так называемыми «отсеками для хранения». Кроме того, на поселении Гандж Дарех (Ganj Dareh слои E и D), Мурейбит IIIB (Mureybet IIIB), Бейда VI (Beidah VI), Чаеню (□ay□nü) и Невали Чори (Nevali □ori) зафиксированы миниатюрные обожженные сосуды, однако они открыты в домах, подвергшихся пожару, поэтому сложно сказать, был ли обжиг этих сосудов намеренным или случайным. Также, сосуд небольших размеров, был найден в Иерихоне (Jeriho), но, в отличие от предыдущих образцов, он не был обожжен (Tsuneki, 2017a. P. 3).

Сосуды-контейнеры из слоя D поселения Гандж Дарех (Ganj Dareh), имеют общие стенки с жилыми конструкциями. Эти емкости-лари изготовлены методом лоскутных налепов (slab construction). В их формовочной массе были отмечены растительные примеси (Mellaart, 1975. P. 78; Smith, 1990. P. 326; Vandiver, 1987. P. 16).

Про сосуды-контейнеры, происходящие из раскопок Чаеню (□ay□nü), известно, что они делались из составов, подобных глиняным (саманным) кирпичам (mud bricks) этого же времени. Кроме того, эти глиняные контейнеры были изготовлены из «лоскутов», подобных этим глиняным кирпичам. На поздней стадии периода PPNB появляются сосуды не связанные с архитектурными сооружениями. Большая их часть имеет простые формы. Однако два изделия имеют более развитую морфологию. Это глубокий сосуд (cylindrical stem-like base and reverted rim) и неглубокое блюдо. Они сделаны путем нанесения толстого слоя пластичного сырья на исходную форму (Özdoğan, 2009. P. 25).

Во фрагментах необожженных сосудов, найденных на Айн Газал (□in Ghazal), Гуэйр I (Ghwair I) и Баста (Basta), отмечена как растительная (fiber), так и грубая минеральная примесь (Tsuneki, 2017a. P. 3).

Первые керамические сосуды

На рубеже VIII–VII тыс. до н.э. на территории Передней Азии появляются первые и очень немногочисленные сосуды, о которых можно сказать, что они были намеренно обожжены. Эта стадия развития гончарной технологии характеризуется как «переходная» (Nieuwenhuyse, Campbell, 2017. P. 172; Özdoğan, 2009. P. 28). Разные исследователи называют различные памятники. Вероятно, это связано, во-первых, со сложностью датирования памятников, во-вторых, с неполной ясностью, когда считать фрагмент сосуда действительно обожженным, а когда нет. Так М. Ле Мьер считает, что к памятникам, содержащим самую раннюю керамику, следует относить Тепе Гуран (Guran), Чатал Хююк (□atalh□yük), эл-Керх (el-Kerh) и Рас-Шамру (Ras-Shamra) (Le Mière, 2017. P. 11; Le Mière, Picon, 1998. P.12). К этому списку также следует добавить Гандж Дарех (Ganj Dareh) (Bernbeck, 2017a. P. 101; Campbel, 2017. P. 146; Tsuneki, 2017a. P. 2) и Али Кош (Ali Kosh) (Bernbeck, 2017. P. 101; Campbel, 2017. P. 146) в иранском Загросе; Мурейбит (Myreybet) и Саби Абъяд II (Sabi Abyad II) (Nieuwenhuyse, 2017a. P. 19) в Сирии; Чаеню (□ay□nü) (Miyake, 2016. P. 121; Tsuneki, 2017a. P. 2), Мезраа Телейлат (Mezraa Teleilat) и Акарчай тепе (Akar□ay Tepe) (Özdoğan, 2009. P. 29) в Турции.

Первая керамика гор Загроса (территория Ирана и Ирака) и технология ее изготовления

Начальная стадия керамического производства в регионе связана с поселениями Гандж Дарех (Ganj Dareh), Гуран (Guran) и Али Кош (Ali Kosh), расположенными в Западном Иране в горах Загроса. Есть также сведения о находках древнейшей керамических фрагментов в этом регионе на Тепе Махтай (Tapeh Mahtaj)[3]. Информация по технологии изго-

[3] Личное сообщение Ходжат Дараби (Hojjat Darabi), иранского исследователя продолжающего раскопки Гандж Дарех (Ganj Dareh) и Тепе Махтай (Tapeh Mahtaj). К сожалению, информация по этому памятнику доступна пока только на фарси.

товления первой керамики Загроса крайне скудна. Отмечено только, что самые ранние обожженные фрагменты керамики на Тепе Гуран (7100–6800 cal BC) не содержат примесей (Bernbeck, 2017. P. 101; Mellaart, 1975. P. 86). В керамике поселения Али Кош отмечается наличие растительной примеси (Mellaart, 1975. P. 80–90).

Дальнейшее развитие керамического производства в горах Загроса связано с такими поселениями, как Гуран (поздние слои), Гандж Дарех уровень B, Тепе Сараб (Sarab), Кале Ростам (Qaleh Rostam, фаза III и II), Тал-е-Мушки (Tal-e Mushki) (Bernbeck, 2017. P. 107–108), а также Шейх-е Абад (Sheikh-e Abad) (Mattews, Mohammadifar, Matthews et al., 2013. P. 40) в западном Иране, а также на поселении Джармо (Jarmo) (Bernbeck, 2017. P. 107–108; Mellaart, 1975. P. 86; Prehistoric archaeology …, 1983) в восточном Ираке. Про керамику поселений Тепе Гуран и Тепе Сараб известно, что она расписная с грубой растительной примесью. Дж. Мелларт считал эту примесь соломой (Bernbeck, 2017. P. 101; Mellaart, 1975. P. 86–87). Также для керамики Гандж Дарех слой B (Mellaart, 1975. P. 79) отмечено использование трех видов глин, в зависимости от функционального назначения сосудов. Про примеси в этой керамике ничего не известно. Керамика поселений Гандж Дарех слой B и Тепе Сараб изготовлена методом лоскутного налепа (Vandiver, 1987. P. 16, 18, 22). Ф. Мэтсон, изучавший керамику Джармо (Jarmo), отмечал наличие отпечатков зерен и очень мелкой растительной примеси и предполагал, что в глину добавлялся навоз. При этом он пишет, что специально собирал навоз и сравнивал содержащуюся в нем растительную примесь с той, что встречается в керамике (Matson, 1960. P. 68).

Также здесь следует упомянуть группу чуть более поздних памятников из северо-восточного Ирана, которые расположены недалеко от побережья Каспийского моря у границы с Туркменией. Здесь можно отметить пещеры Чар-и Камарбанд (Char-I Kamarband), Хоту (Hotu), а также поселение Санг-е Чахмак Западный (Sang-e Chakhmaq West). На этих памятниках была выявлена древнейшая, намеренно обожженная, керамика этого региона, в тесте которой была отмечена растительная примесь. (Tsuneki, 2017a, P. 4; Tsuneki, 2017b. P. 123).

Первая керамика Леванта, Анатолии, Западной Джезиры (территория Сирии и Турции) и технология ее изготовления

Самая ранняя керамика этого региона, появившаяся около 7000–6600 cal BC (Nieuwenhuyse, Campbell, 2017. P. 172), была найдена в Сирии: на поселениях Телль эл-Керх II (el-Kerh II) в долине Левантийского региона, в Рас-Шамре (Ras-Shamra) на побережье, а также в долинах среднего течения реки Евфрат и его притоков, на памятниках Мюрейбит (Mureybet) и Саби Абъяд II (Sabi Abyad II). В Турции: на поселениях Чатал Хююк (□atalh□yük) на Конийской равнине и Чаеню (□ay□nü) в предгорьях Тавра, а также на памятниках Мезраа Телейлат (Mezraa Teleilat) и Акарчай Тепе (Akar□ay Tepe) в среднем течении Евфрата. На этой территории в последние два десятилетия велись активные раскопки. В связи, с этим количество данных, полученных из этих памятников, превышает информацию из других мест.

Без сомнения, список памятников, претендующих на звание обладателей древнейшей керамики Переднего Востока, может быть дополнен памятниками Турции, Сирии, Израиля, Палестины и Иордании. Сейчас идут интенсивные дискуссии, касающиеся датировки поселений, а также намеренности обжига глиняных изделий. Можно отметить, что на уровне современных знаний происходит размывание границ между этапами докерамического и керамического неолита Передней Азии. Поэтому, к числу древнейших керамических сосудов Передней Азии могут быть отнесены, как отдельные сосуды, эпохи финала докерамического неолита, так и сосуды происходящие из памятников, датируемых эпохой начала керамического неолита.

Первые сосуды, происходящие из Чаеню (□ay□nü, Large room, Sub-Phaze), содержали большое количество растительной примеси (Miyake, 2016. P. 221; Özdoğan, 2009. P. 29). В керамике Чатал Хююка (□atalh□yük) (слои XII–IX) также отмечается наличие грубой растительной примеси (Le Mirère, Picon, 1998. P. 11). На памятнике Мезраа Телейлат (Mezraa Teleilat фаза III) самая ранняя керамика имеет в своем составе грубые минеральные включения и редкую органическую примесь (Özdoğan, 2009. P. 29; Özdoğan M, Özdoğan A. 1993). Наиболее ранняя керамика из поселения Акарчай Тепе (Akar□ay Tepe, SS7I–SS7IX) в основном содержит в тесте минеральную примесь (около 90%), остальная (10%) – растительную примесь. Среди минеральной примеси преобладает т. наз. «кальцитная крупа» (grits), а также смеси кальцита и песка, песка с очень мелкой примесью базальта. В дальнейшем минеральная примесь смешивается с растительной. Для формовки сосудов, предполагается жгутовый и лоскутный налеп (rolled coils and pinching) (Cruells, Faura, Molist, 2017. P. 31). Судя по приведенному

описанию и фотографиям, чаще всего минеральная примесь естественного происхождения.

В самых ранних керамических сосудах Рас-Шамры и телля эл-Керх II (el-Kerkh II) Мари ле Мьер отмечает наличие грубой растительной примеси (Le Mière, 2017. P. 11; Le Mirère, Picon, 1998. P. 12). Однако другие исследователи, участвовавшие в раскопках памятника эл-Керх II и Руж 2а (el-Kerkh II, Rouj 2a), указывают там только на большое число крупных минеральных включений. А сочетание растительной и минеральной примеси они относят к чуть более позднему времени (Miyake, 2003. P. 121; Odaka, 2017. P. 64).

О первых сосудах из поселения Мурейбит IIIA (Mureybet) сказано, что они не имеют включений в тесте сосудов (Le Miére, Picon, 1998. P. 9–10). Несколько фрагментов из Саби Абъяд II (Sabi Abyad II) содержали только минеральную примесь в количестве 20–25%, иногда достигая 45%. На основании этого делается вывод о том, что примесь эта была искусственная. Чаще всего это был базальт (Nieuwenhuyse, Akkermans, Van der Plicht, 2010. P. 77; Nieuwenhuyse, 2017a. P. 19).

Исследователи региона среднего течения Евфрата ищут область первоначального производства керамики на границе Турции и Сирии (Nieuwenhuse, Akkermans, Van der Plicht, 2010. P. 80; Özdoğan, 2009. P. 30). При этом предполагается, что памятники Турции все же чуть древнее (Nieuwenhuyse, Campbell, 2017. P. 172). Для памятника Саби Абъяд II (Sabi Abyad II), расположенного на реке Балихе, притоке Евфрата, также было высказано мнение о местном развитии гончарной технологии. Главным аргументом для этого предположения, послужило наличие большого количества известняковых изделий обнаруженных на поселении. Также было отмечено, что во первых технология их изготовления, близка к изготовлению керамики, а во вторых зарегистрировано значительное разнообразие форм (открытые и закрытые чаши, тарелки, большие контейнеры) (Gibbon, 2015. P. 39).

На следующем этапе, названном стадией Пре-Прото-Хассуна (Pre-Proto-Hassuna) (Nishaiki, Le Mière, 2017. P. 45), керамика распространяется по всему региону. В Сирии – это телли Саби-Абъяд I, II, III (Sabi Abyad I, II, III), Халула (Halula), Секер аль-Ахеймар (Seker al-Aheimar), Телль Эл-Керх II, Шир (Shir), Телль Дамишлия (Damishliyya). В юго-восточной Турции – Салат Чеми Яни (Salat Cami Yani), Мезраа Телейлат (Mezraa Teleilat), Акарчай Тепе (Akar□ay Tepe), Юмук-тепе (Yumuktepe), Кумартепе (Kumartepe), Сумаки Хююк (Sumaki Hoyuk) (Le Miére, 2017. P. 11; Nieuwenhuyse, 2017a; Nieuwenhuyse, 2017b; Miyake, 2017. P. 56; Tsuneki, 2017a. P. 4). Эта керамика по своим технико-технологическим характеристикам, а также по наличию дополнительных функциональных деталей (ручек, ножки на дне сосуда) выглядит более развитой, чем это свойственно начальному этапу гончарного производства. Характерной ее особенностью является наличие минеральной примеси в формовочной массе (известняк, кальцит, базальт и вулканические породы). Сосуды всегда закрытой формы. На поверхности сосудов присутствует лощение, роспись и ангоб (Le Mière, 2013. P. 323; Le Mière, Picon, 2003, P. 176; Odaka, 2013. P. 298–299; Nieuwenhuyse, 2006. P. 115; Nieuwenhuyse, Akkermans, Van der Plicht, 2010. P. 77–78; Özdoğan, 2009. P. 30).

В ряде случаев установлено искусственное происхождение минеральной примеси. Например, в керамике телля Саби Абъяд II минеральные включения составляют 20–45% формовочной массы и исследователи делают вывод о том, что примесь была добавлена намеренно (Nieuwenhuyse, Akkermans, Van der Plicht, 2010. P. 77). Тот же вывод делается в отношении керамики, происходящей из слоев IV–IX Телля Халула (Halula), в тесто которой добавляли в частности, кальцит. При этом эта керамика из карбонизированной глины содержит растительную примесь и представлена значительным количеством (более 800 фрагментов) (Cruels, Faura, Molist, 2017. P. 35–36).

Указаний на использование формы-модели (отпечатков плетения, предположительно оставленных прокладкой), как на последующей керамике периода Proto-Hassuna, до сих пор не найдено. Исследователи предполагают, что при конструировании данной керамики использовался лоскутный налеп (pinching) и, вероятно, жгутовой (coiling – по кольцевой траектории?) для больших сосудов (Nieuwenhuyse, 2006. P. 115). Отмечается, что часть этой керамики была местная, а часть – импортная. Причем импорт не имел единого происхождения (Le Mière, 2013, P. 323).

Территория Восточной Джезиры, которая находится между двумя описанными зонами первоначального гончарного производства Западной Азии, еще недостаточно изучена. Здесь большой интерес представляет поселение Телль Магзалия, расположенное в предгорье Синджарского хребта. Раскопки здесь производились Н.О. Бадером в составе советской экспедиции под руководством Р.М. Мунчаева. Отложения этого памятника принадлежат культуре докерамического неолита В (PPNB). На поселении были зафиксированы различные свидетельства,

характерные для времени, непосредственно предшествующего появлению гончарной технологии. В частности, обнаружены так называемые «Белые сосуды», сделанные из гипса, большой сосуд □ хранилище из необожженный глины и единичные фрагменты керамики (Бадер, 1989. С. 62). Кроме того, по личному сообщению, Н.О. Бадера близко к поверхности телля были найдены отдельные фрагменты керамики, которые, вероятно, можно было бы связать с самыми ранними стадиями гончарного производства в Северном Ираке, но исследователь, как он сам считал позднее, неправильно их интерпретировал, отнеся к более позднему времени. Эти керамические фрагменты остались в Ираке.

В настоящее время активные раскопки проводятся в Иракском Курдистане, куда переместилось большинство исследователей, работавших ранее в Сирии. Вероятно, в ближайшее время еще один пробел, связанный территориальным распространением древнейшей керамики, будет заполнен.

Выводы

Технология изготовления сосудов в Юго-Западной Азии начала развиваться задолго до появления первых гончарных изделий. Доказательством этого служат многочисленные свидетельства различных опытов, происходивших по всему региону с глиной, как в сфере строительства, так и для изготовления емкостей. Значительную часть подобных изделий составляют большие стационарные сосуды-хранилища или сосуды-контейнеры. Они часто имеют общие стенки с постройкой, а также аналогичный состав формовочной массы и лоскутную технологию изготовления. По сути, они являются частью бытовой конструкции. Можно с уверенностью говорить о происхождении данной традиции из навыков строительства жилья.

Маленькие сосуды, вероятно, имеют более сложное происхождение, сочетающее в себе различные навыки по изготовлению сосудов из гипса, извести и органических материалов. Отмечается, что они копируют небольшие каменные сосуды, распространенные на всех поселениях региона (Nieuwenhuyse, Campbell, 2017. P. 175).

Про самую раннюю керамику, происходящую с территории Загроса, несмотря на отрывочность сведений, можно сказать, что для нее характерна растительная примесь, которая в большинстве случаев продолжает использоваться, и на более поздней стадии (Джармо (Jarmo)), где она даже идентифицируется как навоз. В ранней керамике с территории Сирии и Турции происходит разделение на сосуды с минеральной и растительной примесью в тесте. Для керамики, распространенной в Левантийском регионе и в бассейне течения Евфрата (в Турции и Сирии) характерно наличие минеральных примесей в тесте. Причем в ряде случаев установлен их искусственный характер. В ряде других регионов отмечена керамика с растительной примесью в тесте. В частности такие сосуды зафиксированы в Чаеню (Çay□nü), и Чатал Хююке (Çatalh□yük).

В то же время на ряде памятников фиксируется сочетание растительной и минеральной примеси в тесте керамических сосудов. При этом не всегда ясно, идет ли речь об одном сосуде или разных сосудах обнаруженных на поселении. Кроме того, из-за отсутствия во многих случаях достоверных данных о естественном или искусственном происхождении как минеральных, так и растительных примесей, можно предполагать, что какая-то часть керамики вообще не имела искусственно введенных примесей. При конструировании, вероятнее всего, использовался лоскутный налеп, а для более крупных сосудов в ряде случаев – жгутовой. Интересно отметить, что подобная ситуация также характерна для изученной мной более поздней керамики периода Прото-Хассуны на поселениях Ярым-тепе I (Петрова, 2016) и Телль Сотто.

Таким образом, в Юго-Западной Азии выделяются два (или три) очага сложения гончарных традиций, характеризующихся различными технологическими особенностями: 1) горы Загроса, для которых типична керамика с растительной примесью, 2) Левант, где преобладает керамика с минеральной примесью. К последнему территориально примыкает центрально-анатолийское плато. Следует отметить, что керамика поселений Анатолии содержит в тесте растительную примесь, что отличает ее от изделий Леванта. Также, на территории Леванта и Анатолии существуют памятники со смешенными керамическими традициями, вероятно, фиксирующими различные культурные навыки их носителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер Н.О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.

Бадер Н.О., Ле Мьер М., 2008. От докерамического к керамическому неолиту в Синджаре: начало протохассуны // Проблемы современной археологии: сборник памяти В.А. Башилова. М. С. 28–48.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: (коллективная монография). Самара. С. 5–109.

Бобринский А.А., 2006. Данные технологии о происхождении гончарства // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара. С. 413–421.

Корниенко Т.В., 2006. Первые храмы Месопотамии. СПб.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.

Петрова Н.Ю., 2012. Технологическое изучение керамики поселения хассунской культуры Ярымтепе I // РА. № 2. С. 15–22.

Петрова Н.Ю., 2016. Технологическое изучение керамики поселения Ярымтепе I (периоды протохассуны и архаической Хассуны) // КСИА. Вып. 242. С. 48–59.

Петрова Н.Ю., 2017. Развитие технологии неолитической керамики Северной Месопотамии // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Т. I. Барнаул. С. 163–166.

Цетлин Ю.Б., 2013. Современные взгляды на происхождение гончарства // Вестник Томского государственного университета. История. Томск. № 3 (23). С. 74–80.

Bernbeck R., 2017. Merging clay and fire: earliest evidence from the Zagros mountains // The Emergence of pottery in West Asia / A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel (eds.). Oxford. P. 97–118.

Braidwood R.J., Howe B., 1960. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan // SAOC. № 31. Chicago.

Braidwood L.S., Braidwood R.J, Howe B., Reed Ch.A., Watson P.J., 1983. Prehistoric archaeology along the Zagros flanks // OIP 105. Chicago.

Campbel S., 2017. Absolute dating and the early pottery of South-west Asia // The Emergence of pottery in West Asia / A. Tsuneki, O.Nieuwenhuyse, S. Campbel (eds.). Oxford. P. 133–153.

Cruells W., Faura J.M., Molist M., 2017. Akar□ay Tepe and Tell Halula in the context of the earliest production of ceramics in West Asia // The Emergence of pottery in West Asia / A. Tsuneki, O.Nieuwenhuyse, S. Campbel (eds.). Oxford. P. 27–42.

Esin U., 1999. The Neolithic in Turkey: a general review // Neolithic in Turkey. The cradle of civilization / M. Özdoğan, N. Başgelen (eds.). İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari. P. 13–23.

Gibbon E., 2015. A localized approach to the origins of pottery in Upper Mesopotamia // Laurier Undergraduate Journal of Arts. Vol. 2. P. 29–45.

Kingery D, Vandiver P, Prickett M., 1998. The beginnings of pyrotechnology, part II: the production and use of lime and gypsum plaster in the Pre-Pottery Neolithic Near East // Journal of Field Archaeology 15(2). P 219–244.

Le Mière M., 2013. Uniformity and diversity of pottery in the Jazirah and the Northern Levant during the early pottery neolithic // Interpreting the late Neolithic of Upper Mesopotamia / O. Nieuwenhuyse , R. Bernbeck, P.M.M.G. Akkermans, J. Rogasch (eds.). Turnhout. P. 323–330.

Le Mière M., 2017. The earliest pottery of West Asia: questions concerning causes and consequences // The Emergence of pottery in West Asia / A. Tsuneki, O.Nieuwenhuyse, S. Campbel (eds.). Oxford. P. 9–16.

Le Mière M., Picon M., 1998. Les débuts de la céramique an Proche-Orient // Palèorient. Vol. 24, No. 2. P. 5–26.

Le Mière M., Picon M., 2003. Appearance and first development of cooking and "non-cooking" ware concepts in the Near East // Ceramics in society: Proceedings of the 6th European meeting on ancient ceramics, Fribourg, 3–4 October 2001. Friburg. P. 175–188.

Le Mière M., Nishiaki Y., 2017. The oldest Neolithic pottery from Seker al-Aheimar, Upper Khabur, Northeastern Syria // The Emergence of pottery in West Asia / A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel (eds.). Oxford. P. 43–54.

Lloyd S., Safar F., 1945. Tell Hassuna: Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1943–44 // Journal of Near Eastern Studies. Chicago. Vol. 4. № 4. P. 255–331.

Maniatis Y., 2009. The emergence of ceramic technology and its evolution as revealed with the scientific techniques // From mine to microscope: advances in the study of ancient technology / A.J. Shortland , I.C. Freestone, T. Rehren (eds.). Oxword. P. 1–18.

Matthews R., Mohammadifar Y., Matthews W., Astin T., Cole G., Darabi H., Daryaie M., Tvetmarken C.L., Shillito L.-M., Taylor H., 2013. Excavation, Surface col-

lection, and Geophysics at Sheikh-e Abad, 2013 // The earliest Neolithic of Iran: 2008 excavations at Sheikh-e Abad and Jani / R. Matthews, W. Matthews, Y. Mohammadifar (eds.). Oxword. P. 25–52.

Matson F.R., 1960. Specialized ceramic studies and radioactive-carbon techniques // Braidwood R.J., Howe B. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. SAOC. № 31. Chicago. P. 63–70.

Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. London.

Miyake Y., 2003. Pottery // Archaeology of the Rouj basin: A regional study of the transition from village to city in Northwest Syria. Vol. I / T. Iwasaki, A. Tsuneki (eds.). Tsukuba. P. 119–142.

Miyake Y., 2016. Origins of pottery as technological innovation in Southwest Asia // Anatolian Metal VII. Anatolia and Neighbours 10.000 years ago. Der Anschitt. Beiheft 31. Bochum. P. 115–124.

Miyake Y., 2017. The earliest pottery of Salat Camii Yani // The Emergence of pottery in West Asia / A. Tsuneki, O.Nieuwenhuyse, S. Campbel (eds.). Oxford. P. 55–59.

Moore A.M.T., 1995. The inception of potting in Western Asia and its impact on economy and society // The emergence of pottery. Technology and innovation in ancient societies / W.K. Barnett, J.W. Hoopes (eds.). Washington; London. P. 39–53.

Nieuwehuyse O.P., 2006. The earliest ceramics from Tell Sabi Abyad, Syria // Leiden journal of pottery studies / A. van As (ed.). Vol. 22. P. 111–127.

Nieuwehuyse O.P., 2017a. The initial pottery Neolithic at tell Sabi Abyad, Northern Syria // The Emergence of pottery in West Asia / A. Tsuneki, O.Nieuwenhuyse, S. Campbel (eds.). Oxford. P. 17–26.

Nieuwehuyse O.P., 2017b. The early pottery from Shir, Northern Levant // The Emergence of pottery in West Asia / A. Tsuneki, O.Nieuwenhuyse, S. Campbel (eds.). Oxford. P. 73–82.

Nieuwenhuyse O.P., Akkermans P.M.M.G., Van der Plicht J., 2010. Not so coarse, not always plain – the earliest pottery of Syria // Antiquity. Vol. 84. Pp. 71–85.

Nieuwenhuyse O.P., Campbell S., 2017. Synthesis: The emergence of pottery in West Asia // The Emergence of pottery in West Asia / A. Tsuneki, O.Nieuwenhuyse, S. Campbel (eds.). Oxford. P. 167–192.

Nieuwehuyse O.P., Dooijes R., 2008. A new life for old pots: Early pottery repairs from 7th millennium Tell Sabi Abyad (Northern Syria) // Leiden journal of pottery studies / A. van As (ed.). Vol. 24. P. 159–170.

Nilhamn B., Koek E., 2013. Early pottery Neolithic white ware from Tell Sabi Abyad // Interpreting the late Neolithic of Upper Mesopotamia / O.P. Nieuwehuyse, R. Bernbeck, P.M.M.G .Akkermans, J. Rogasch (eds.). Turnhout. P. 289–296.

Nishiaki Y., Le Mière M., 2005. The oldest pottery neolithic of Upper Mesopotamia: New evidence from Tell Seker Al-Aheimar, the Khabur, Northest Syria // Paléorient. Vol. 31 No. 2 P. 55–68.

Odaka T., 2013. Dark faced burnished ware and “fine” versus “coarse” distinctions in the early pottery assemblage of the Northern Levant // Interpreting the late Neolithic of Upper Mesopotamia / O.P. Nieuwehuyse, R. Bernbeck, P.M.M.G .Akkermans, J. Rogasch (eds.). Turnhout. Pp. 297–303.

Odaka T., 2017. The emergence of pottery in the Northern Levant: a recent view from Tell el-Kerkh // The Emergence of pottery in West Asia / A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel (eds.). Oxford. P. 61–71.

Özdoğan M., 2009. Earliest use of pottery in Anatolia // Early farmers, late foragers, and ceramic traditions: on the beginning of pottery in the Near East and Europe / D. Gheorghiu (ed.). Newcastle upon Tyne. P. 22–43.

Özdoğan M, Özdoğan A., 1993. Pre-Halafian Pottery of Southeastern Anatolia // Between the Rivers and over the Mountains, Archaeologica et Mecopotamica / M. Frangipane (ed.). Alba Palmiery Dedicata. Roma. P. 87–103.

Petrova N.Yu., 2012. A technological stady of Hassuna culture ceramics (Yarim Tepe I settlement) // Documenta Praehistorica. XXXIX. P. 75–81.

Smith P.E.L., 1990. Architectural innovation and experimentation at Ganj Dareh, Iran // Word Archaeology. Vol. 21, Issue 3. P. 323–335.

Tsetlin Y.B., 2003. Organic Temper in Ancient Ceramics // Ceramic in the Society: Proceedings of the 6th European Meetings on Ancient Ceramics. Fribourg. P. 289–310.

Tsuneki A., 2017a. The significance of research on the emergence of pottery in West Asia // The Emergence of pottery in West Asia / A. Tsuneki, O.Nieuwenhuyse, S. Campbel (eds.). Oxford. P. 2–8.

Tsuneki A., 2017b. The emergence of pottery in Northeast Iran: the case study of tappeh Sang-e Chakhmaq // The Emergence of pottery in West Asia / A. Tsuneki, O.Nieuwenhuyse, S. Campbel (eds.). Oxford. P. 119–132.

Vandiver P., 1987. Sequential slab construction: a conservative Southwest Asiatic ceramic tradition, ca. 7000–3000 B.C. // Paleorient. Vol. 13, No. 2. P. 9–35.

N. Yu. Petrova

ON EMERGENCE OF CERAMICS MANUFACTURING IN SOUTH-WESTERN ASIA

Abstract. The paper attempts to summarize information related to various evidences of pottery technology emergence in South-Western Asia (gypsum and limestone items, unbaked clay pots). It also examines the first ceramic items and collects information on their production techniques. The latter are used to identify areas in the studied region where ceramic production emerged.

Keywords: ceramics; South-Western Asia Neolithic; Neolithic technology of ceramic production; technology of Neolithic gypsum and limestone items.

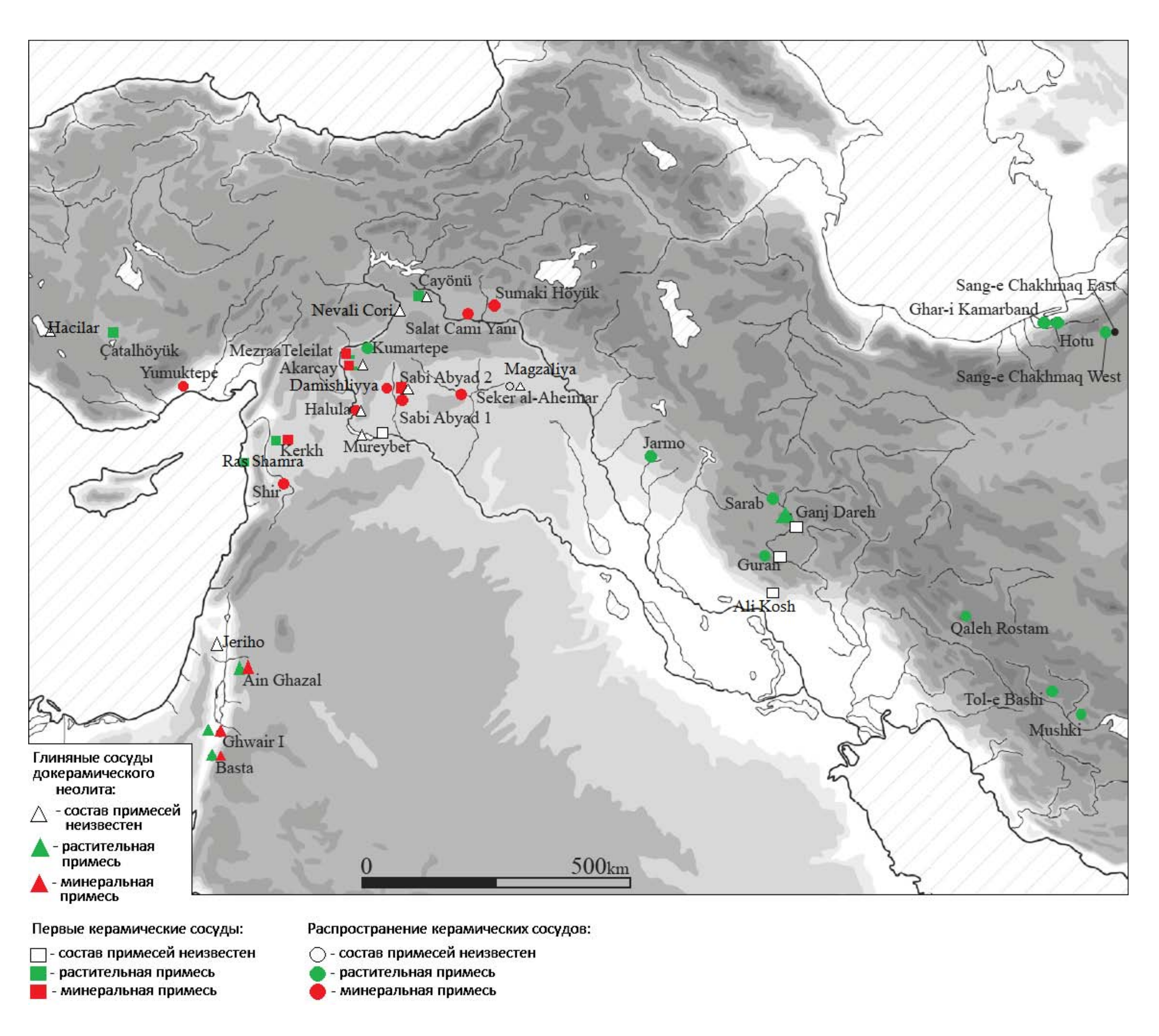

Рис. 1. Карта Юго-Западной Азии с некоторыми памятниками, упомянутыми в тексте

Ш.Н. Амиров

СИРИЯ. КРАТКИЙ АРХЕОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ОТ ПАЛЕОЛИТА ДО НАЧАЛА ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА

Резюме. Статья представляет собой компендиум, посвященный изложению современного состояния археологического изучения памятников, расположенных на территории Сирии, и основных событий политической истории этой страны со второй половины III тыс. до н.э. до 332 г. до н.э.

Ключевые слова: Сирия; палеолит; докерамический неолит; хассунская культура; халафская культура; убейдская культура; поздний халколит; культура «Ниневия 5»; Аккад; Мари; Эбла; Катна; Ямхад; Угарит; Дамасское царство.

Физическая география

С точки зрения освоения человеком, территория современной Сирии делится на две части. Значительную часть юго-востока страны занимает безводная каменистая Сирийская пустыня. Север и запад страны находится в полосе устойчивого дождевания. Эта полоса представляет собой западную половину земель, известных как «Плодородный полумесяц». В свою очередь полоса «Плодородного полумесяца» на территории Сирии делится на две, в культурном отношении достаточно независимые части. Северная часть Сирии, известная как «аль-Джазира», является отрезком Великой Месопотамской равнины, а ее западная часть принадлежит к Левантийскому культурному кругу.

Сирийскую пустыню пересекает река Евфрат и его притоки Балих и Хабур, берега которых систематически, а с начала голоцена постоянно обживались человеком. Также следует упомянуть оазисы Сирийской пустыни, такие, как Гута (где расположен город Дамаск), Тадмор (Пальмира), и расположенный к северу от Тадмора оазис аль-Коум, которые были обживаемы с эпохи нижнего палеолита.

В силу того, что климат неоднократно изменялся, часть ныне безжизненной территории сирийской пустыни, в зоне современного выпадения до 150 мм годовых осадков, периодически осваивалась человеком. В эпоху голоцена отмечены как периоды максимального увлажнения – VIII тыс. до н.э., VI тыс. до н.э. и IV тыс. до н.э., первая половина II тыс. до н.э., так и аридные циклы – вторая половина VII тыс. до н.э., V тыс. до н.э. и большая часть III тыс. до н.э., конец II тыс. до н.э.

Палеолит

Работы в районе оазиса Пальмиры, расположенного в пустыне между реками Оронт и Евфрат, проведенные в течение последних 30 лет в местонахождениях Джерф Аджла, эль-Мейра, Умм эт-Тлель, Хуммал, Надавийя, Кдейр, Дуара и др., выявили значительное количество памятников каменного века от раннего палеолита до неолита и сделали этот район Сирии основным источником информации для этого периода. Одним из наиболее ярких памятников каменного века в Сирии является местонахождение Умм эт-Тлель в оазисе Эль Коум к северу от Пальмиры (Boëda et al., 2001. Pp. 13–28). Памятник имеет мощность слоя около 20 м и позволяет проследить все основные этапы каменного века Сирии. Наиболее ранний этап обживания Умм эт-Тлель представлен ашельскими рубилами. Всего в оазисе эль Коум обнаружено 26 местонахождений ашельского времени. Также ашельские рубила были обнаружены в местонахождениях Латамна и ар-Растан, расположенных в районе течения Оронта. В целом, в Сирии река Евфрат является восточной границей распространения культуры ашельских бифасов, которые датируются в интервале 800–350 тыс. лет.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.423-429

Ашельскую индустрию в Умм эт-Тлель сменяет ябрудская индустрия орудий на отщепах, названная так по имени пещеры, расположенной в 80 км к северу от Дамаска, датируемая 350–200 тыс. лет назад. За ней следует Хуммалианская и Ламинарская пластинчатые индустрии, датируемые в интервале 200–150 тыс. лет назад. Эти индустрии зафиксированы на обширных территориях Ближнего Востока от Средиземного моря до Ирака.

Вышележащий слой Умм эт-Тлель представлен культурой Мустье (Леваллуа), для которой характерна техника изготовления орудий на пластинах и отщепах. На позднем этапе в индустрии отмечается использование пластинок. Новые разновидности орудий мустьерского времени на территории Сирии включают остроконечники типа Умм эт Тлель на заостренных треугольных отщепах, концевые скребки, ножи со спинкой. Помимо Умм эт-Тлель, в районе пальмирского оазиса аналогичные материалы обнаружены в местонахождениях Джерф Аджла и Дуара. Этот период каменного века Сирии датируется в интервале 150–35 тыс. лет назад.

Ранний этап позднего палеолита в Сирии представлен индустриями Ориньякской и Ахмарской культур, для которых типичными являются орудия, изготовленные на пластинах и пластинках. Орудия на пластинках ретушированы с целью изготовления составных орудий. Помимо Умм эт-Тлель, в пальмирском оазисе материалы этого времени обнаружены также в Джерф Аджла, Дуара и др. Этот период датируется в интервале 35–17 тыс. лет назад. Указанный слой в Умм эт-Тлель перекрывает слой с материалами кебарийской культуры (геометрическая кебарийская культура) финала позднего палеолита, который датируется в интервале 17–10 тыс. лет до н.э. Характерными для этой культуры являются орудия на пластинках, которые трансформируются в орудия геометрических форм – треугольники и трапеции, из которых, в свою очередь, изготавливали составные орудия. Аналогичные материалы в пальмирском оазисе были обнаружены в местонахождениях Дуара и Азрак.

Слой кебарийской культуры в Умм эт-Тлель перекрывает слой Натуфийской культуры эпохи эпипалеолита. Натуфийская культура знаменует переход от палеолита к неолиту. Ее каменная индустрия демонстрирует связь с позднепалеолитической индустрией предшествующего периода, но в то же время для этой культуры характерно изготовление геометрических микролитов. Впервые появляются стационарные жилища в форме полуземлянок, формирующие первые долговременные оседлые поселения. Хозяйственный уклад носителей натуфийской культуры реконструируется как полуоседлый охотничье-собирательский, ориентированный на регулярный сбор диких злаков. Помимо Умм эт-Тлель поселения натуфийской культуры известны и на других памятниках Сирии, например, на многослойных поселениях Мюрейбит и Абу Хурейра, расположенные на среднем Евфрате.

Докерамический неолит

Наконец, наиболее поздние слои Умм эт-Тлель принадлежат поселениям докерамического неолита (PPNA и PPNB). Поселения этого периода известны и в ряде других местонахождений оазисов Эль Коум и Пальмиры, таких, как Кдейр, Надавийа, Азрак, Дуара. Помимо пальмирского оазиса памятники докерамического неолита известны в бассейне реки Квейк к северу от Алеппо (Карамель), к югу от Дамаска, у подножья гор Эш-Шейх (Хермон) (Телль Рамад). Однако следует отметить, что большая часть известных памятников докерамического неолита Сирии открыта вдоль русла Евфрата на всем его протяжении от сирийско-турецкой границы до провинции Дейр-эз Зор на юго-востоке страны. Здесь следует отметить поселения Телль'Абр, Мюрейбит, Абу Хурейра, Джарф аль Ахмар, Джа'да аль-Мугара, Шейх Хассан, Букрас. Большая часть этих памятников относится преимущественно ко второй половине периода PPNA – первой половине периода PPNB, что в соответствии с радиокарбонной калиброванной датировкой, относится к концу X – IX тыс. до н.э., хотя есть памятники со слоями как более раннего (например Мюрейбит, Абу Хурейра), так и более позднего (Телль Асвад, Букрас и др.) времени. К концу периода PPNA в каменной индустрии уменьшается количество микролитов и в течение периода PPNB увеличивается количество орудий, изготовленных на крупных пластинах. Хозяйственный уклад начиная с периода PPNA, как и в предшествующее время, базировался на охоте и интенсивном собирательстве, однако принципиальной инновацией этого периода стала культивация злаковых и возможная доместикация мелкого рогатого скота. Для периода PPNB очевиден прогресс в области земледелия. Для этого периода характерны орудия, связанные с обработкой почвы, и составные жатвенные ножи. К этому же времени относятся безусловные свидетельства доместикакации животных, прежде всего мелкого рогатого скота. С периода докерамического неолита начинают возводить стационарные жилища из глины и камня. Для периода PPNA характерны круглоплановые полуземлянки,

для периода PPNB – прямоугольные наземные конструкции. В это время появляются первые свидетельства общественного строительства (возможно оборонительного назначения), прослеженные от побережья Средиземного моря (Ра'с Шамра) до предгорий Синджара в восточной Месопотамии (поселение Магзалийа, на территории Ирака).

Керамический неолит

Судя по всему, на Ближнем Востоке существовало несколько независимых центров первоначального возникновения керамического производства. На территории Сирии наиболее ранние свидетельства изготовления гончарной керамики, известные в настоящее время, зафиксированы как в западной части страны, на поселениях Ра'с Шамра и Айн эль-Керх (Le Mière, Picon, 1998), так и в восточной части страны, на поселении Секер аль-Ахеймар (Le Mière, Nishiaki, 2005). Для наиболее ранней керамики Сирии характерны простые формы, минеральные и иногда растительные примеси в тесте, слегка подлощенная поверхность и изредка следы росписи. Производство и использование керамических сосудов на территории Сирии широко распространяется с середины VII тыс. до н.э. В это время керамика известна на поселениях северной Сирии вдоль Евфрата, Балиха и Хабура (например, Телль Халула, Саби Абьяд).

Ближе к концу VII тыс. до н.э. в восточной Джезире распространяется культурный комплекс хассунского керамического неолита. Носители этой культуры были первыми земледельцами, которые широко заселили степной ландшафт Северной Месопотамии. В рамках этой долговременно существовавшей культуры выделяют несколько этапов развития (прото-хассуна, архаическая хассуна и стандартная хассуна). Однако наиболее ранний этап керамического производства, предшествующий прото-хассуне, предлагается выделять на упомянутом выше поселении Секер аль-Ахеймар, расположенном в Хабурской степи, между горной грядой Джебель Абдель Азиз и руслом Хабура. Здесь на поселении с каменным инвентарем эпохи финала докерамического неолита PPNB были выявлены керамические сосуды достаточно простых форм без росписи. Соответственно эту наиболее раннюю керамику, на основании радиокарбонных калиброванных дат предложено датировать первой половиной VII тыс. до н.э. (Le Mière, Nishiaki 2005. P. 55–68). На раннем этапе развития эта культура широко распространена в Месопотамии между Тигром и Евфратом (Телль Сотто, Кюль Тепе, Телуль эт Талятат, Умм Дабагийа, Телль Хазна 2, Кашкашок 2, Саби Абьяд). Однако наиболее полно развитие хассунской культуры прослежено в восточной Джезире в районах, близких к Тигру (Ярым Тепе 1, Телль Хассуна). На территории Сирии поселения позднего этапа этой культуры (стандартная хассуна) неизвестны. Для Джезиры периода позднего этапа развития хассунской культуры характерны многочисленные импорты расписной керамики самаррской культуры, распространенной в среднем течении Тигра и его притоков. Самаррские керамические импорты известны на территории Сирии, в частности на поселениях вдоль течения Балиха (Саби Абьяд).

Вскоре после прекращения существования хассунской культуры степь Северной Месопотамии была освоена носителями халафской культуры. Наиболее ранние материалы халафской культуры известны в районе, близком к течению Тигра (Арпачийа, Ярым Тепе 2). Видимо, в этом районе, а еще точнее, на левобережье Тигра, в контактной зоне с самаррской культурой и произошло сложение этой культуры. Из восточной Джезиры халафская культура распространяется в западном направлении, охватывая всю Сирийскую Джезиру (Телль Халаф, Айлюн, Чагар Базар, Телль Хазна 2, Кашкашок, Мулла Матар, Умм Ксейр, Телль Акаб, Телль Арбид 2, Саби Абьяд, Хирбет эш-Шенеф, Телль Зейдан, Телль Халула и др.) (Амиров, 2010. С. 57). По мере распространения в западном направлении до реки Квейк и далее вплоть до Киликии халафская культура становится все менее гомогенной, разрушается устойчивая триада признаков, определяющих ее облик, куда входят халафская расписная керамика, круглоплановые жилые домостроения («толосы») и характерные женские статуэтки. Уже в сирийской части Месопотамии уменьшается разнообразие мотивов росписи, появляются прямоугольные жилые домостроения (например Саби Абьяд на Балихе). Халафская культура прекращает существование в течение первой половины V тыс. до н.э., на фоне прогрессирующего цикла аридизации климата. Однако решающую роль в угасании халафской культуры сыграло не столько климатические флуктуации, сколько влияние, оказанное убейдской культурой. С конца VI тыс. до н.э. убейдская культура Южной Месопотамии, распространяясь вдоль русла Тигра, достигает Севера Месопотамии. На ряде поселений, в непрерывном культурном контексте удается проследить процесс возрастания влияний убейдской керамической морфологии и орнаментики на халафский субстрат (Ярым-Тепе 2, Ярым-Тепе 3). На ряде поселений прослежен процесс постепенной аккультурации халафской культуры и формирование ком-

плекса Северного Убейда (Ярым-Тепе 3) который был связан технологическими новациями носителей убейдской культуры принесенными из Южной Месопотамии (изготовление керамики на поворотном механизме). В целом, убейдские поселения в Сирии менее многочисленны, чем халафские, тем не менее, они известны вдоль всей северной полосы «Плодородного полумесяца» (Амиров, 2010. С. 57). Распространение, как и в халафское время, шло с востока на запад от русла Тигра в сторону русла Евфрата и западнее до Киликии (Арпачия, Ярым Тепе 3, Телль Брак, Телль Хамукар, Телль Бейдар, Телль Машнака, Мулла Матар, Чагар-Базар, Телль Куран, Хаммам эт-Туркман, Телль Зейдан, Телль аль-Абр, Телль Козак Шимали, Телль Курду, Арджун и др.).

Поздний халколит

Примерно с начала IV тыс. до н.э. Южная Месопотамия вновь становится основным источником культурных и социальных инноваций для Северной Месопотамии. Первоначально миграции и экспорт культурных достижений Шумера в степи Джезиры осуществлялись вдоль русла Тигра. В связи с этим в Хабурской степи восточной Сирии впервые возникает городской образ жизни. Первые городские поселения Сирии – это Телль Брак и Телль Хамукар. Позднее ряд других центров, таких, как Айлюн, Лейлан, Мюзан и др., связанных с прибыльной торговлей металлом из Анатолии, приобретают облик городских поселений. Начиная со среднеурукского периода шумерские переселенцы основывают торговые колонии вдоль русла Евфрата. Пик переселенческой активности Шумера приходится на позднеурукский период, когда на среднем Евфрате возникают городские поселения, такие, как Хабуба Кабира и Джебель Аруда. Следует также отметить, что экономическая и культурная экспансия Шумера приходится на период максимального увлажнения (плювиал среднего голоцена). В это время Северная Месопотамия имеет наиболее высокую плотность заселения и производит наиболее высокий прибавочный продукт. Экспорт культурных и социальных достижений Южной Месопотамии ложится на благодатную почву. К концу IV тыс. до н.э. в восточной Сирии происходит активное строительство общественных храмовых сооружений (Телль Хазна I, Телль Кашкашок 3, Хаммам эт Туркман и др.) и впервые складывается сословие религиозной бюрократии, что приближает эту часть Месопотамии к порогу государственного управления (Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004; Амиров, 2010. С. 59, 69–74 и др.).

III тыс. до н.э.

Аридизация климата, отмеченная с начала III тыс. до н.э. на обширных просторах Евразии и Северного полушария в целом (например: Issar, Zohar, 2007; Wossink, 2009; Амиров, 2014), привела к значительным культурным изменениям, социальной трансформации и этническим миграциям на Переднем Востоке. Для Северной Месопотамии этого времени характерно прерывание связей с Шумером. В восточной части Джезиры происходит формирование культурной общности известной как «Ниневия 5», которая функционирует в течение первой половины III тыс. до н.э. Для культуры «Ниневия 5» характерна развитая общественная системная организация предгосударственного уровня, которая нашла отражение в трех группах поселений (Амиров, 2010. С. 63–69). По размерам можно выделить протогородские поселения (Телль Мюзан (Уркеш), Чагар-Базар, Телль Брак (Нагар), Телль Бейдар (Набада), Телль Айлюн, Телль Арбид, Телль Лейлан (Шехна), Телль Хуэйра), храмово-административные центры (напр. Телль Хазна I, Кашкашок 3, Телль Фарес аш-Шарки) и рядовые поселения, такие, как Телль Хазна II, Телль Ракай, Телль Атидж, Джудейде, Мулла Матар и др.. Ближе к концу периода «Ниневия 5» происходит формирование особой формы городских поселений, известных как «Kranzhügel», чья топография определена внешней обводной стеной, разрезанной в ряде мест проемами городских ворот. Этот тип городских поселений во второй половине III тыс. до н.э. становится типичным не только для Джезиры, но и для всей западной половины «Плодородного полумесяца». С городскими поселениями типа «Kranzhügel» связывается первоначальное становление цивилизации Сирии. Наиболее важным признаком сложившейся цивилизации является использование письменности. Древнейший из известных в настоящее время клинописных архивов Сирии, датируемых XXV в. до н.э., обнаружен в Телле Бейдар (ист. Набада), расположенном в западной части Хабурской степи.

С начала III тыс. до н.э. в горных областях, непосредственно обрамляющих Великую Месопотамскую равнину, отмечено появление кавказских мигрантов, носителей т.н. куро-аракской культуры. На территории современной Сирии памятники с куро-аракской керамикой зафиксированы вдоль горных хребтов Ансари, Анти Ливан и Эш-Шейх (Хермон), на поселениях Рас Шамра слой IIIa.1, Калаат эр-Рус, Телль Сукас, Телль Джаммус, Библос VI, также в Хама K5-1. (Matthers, 1981. P. 158, map 25).

Также с начала III тыс. до н. э. в Палестине и Сирии отмечено активное расселение западносемитских племен ханаанеев (в это время на побережье возникают города будущей Финикии – Библ, Тир и др.), а севернее – семитов-эблаитов. В это же время переселенцами из Шумера на среднем Евфрате (около современного города Абу Кемаль) был основан город Мари (Телль Харири). Несмотря на то, что город был основан мигрантами из Шумера, основную часть его жителей составляли люди, говорившие на семитских языках. Город был разрушен Саргоном Аккадским в XXIII в до н.э. Возрожденный Мари в XXI в. до н.э. ведет победоносные войны с царями III династии Ура. Наконец, в 1758 г. до н. э. город Мари был окончательно разрушен вавилонским царем Хаммурапи.

В ходе миграции начала III тыс. до н.э. семитские племена заселяют также и север Сирии. Одним из этих мигрантов был народ, известный нам по имени основанного ими города, как эблаиты. Эблаитский язык, близкий к аккадскому, относится к восточной ветви семитских языков. К середине III тыс. до н.э. город Эбла (телль Мардих), расположенный в 60 км к югу от Алеппо, превращается в крупный политический центр с населением 20–30 тыс. человек. К XXIV в. до н.э., в период расцвета, Эбла контролировала всю западную часть северной Сирии от предгорьев Малоазиатского Тавра и побережья Средиземного моря (Библ) до Мари на среднем Евфрате. Этим временем датируется архив Эблы.

Эбла разрушалась аккадскими царями Саргоном и Нарамсуэном в начале XXIII в. и в начале XXII в. до н.э. После разгрома Эблы аккадцами и падения ее политического влияния происходит заселение севера Сирии хурритами. В то же время с юго-запада расселяются семитские племена, известные как сутии (амореи). Государство Эбла было окончательно уничтожено походами хеттского царя Мурсили I и набегами хурритов из Месопотамии в первой половине XVI в. до н.э.

Во второй половине III тыс. до н.э. в восточной Месопотамии в целом и в Хабурской степи Сирии в частности, на фоне прогрессирующей аридизации климата, отмечено резкое уменьшение общего количества поселений и увеличение в наиболее увлажненной полосе «Плодородного полумесяца» количества и размеров городских поселений по сравнению с предшествующим временем (Амиров, 2010. С. 61–62). Вторая половина III тыс. до н.э. в Сирии время формирования урбанизированного ландшафта, когда городские поселения площадью 30–100 га становятся многочисленны не только в Хабурской степи (например Телль Лейлан (ист. Шехна), Телль Мюзан, Телль Мабтух и др.), но и западнее в сторону Евфрата и далее (Телль Хуэйра, Хаммам эт-Туркманн, Телль Свейха, Телль Банат и др.) (Weiss, 1991. P. 683–740).

II–I тыс. до н.э.[1]

В отличие от второй половины III тыс. до н.э., для первой половины II тыс. до н.э. в Хабурской степи Северо-Восточной Сирии отмечен один из наивысших уровней заселенности, который свидетельствует о максимально благоприятном климатическом фоне. В это время в восточной части Хабурской степи появляется новая разновидность расписной керамики, известная как керамика хабурского стиля. Ближе к середине II тыс. до н.э. в Хабурской степи распространяется расписная керамика типа Нузи (Амиров, 2010. С. 62).

В это время Хабурская степь становится центром консолидации большого государственного образования: в конце XIX – начале XVIII в. до н.э. аморейский вождь Шамши-Адад основывает в Хабурской степи город Шубат Энлиль (Телль Лейлан) и обширное царство, охватившее Северную Месопотамию (включая Ассирию) с некоторыми соседними областями и получившее название Субарту (в основном значении термин Субир/Субар/Субарту издавна обозначал географически всю территорию от Северной Сирии на восток до верховий Нижнего Заба).

В это же время в Западной Сирии амореи создают государства – Ямхад с центром в Халпе (совр. Алеппо-Халеб), и Катна (Телль Мишрифа) восточнее современного города Хомса на границе с сирийской пустыней. Три аморейских царства в XIX – начале XVIII вв. до н.э. были наиболее могущественными государствами Сирии и Месопотамии. Пересечение их внешнеполитических интересов делало их постоянными противниками. Шамши-Адад, покорив Ашшур и Мари и ряд мелких княжеств Сирии, вел затяжные войны с Ямхадом. Государство Шамши-Адада просуществовало 33 года и после его смерти распалось. Ямхад и Катна в свою очередь находились в перманентном военном противостоянии. После ряда военных кампаний митаннийских (Парраттарна) и хеттских царей от Хаттусилиса I до Супиллулиумы I (с конца XVII – XIV вв до н.э.) и Египта (Сети I) оба государственных образований теряют свое значение, хотя продолжают существовать еще в первой половине I тыс. до н.э.

[1] Автор выражает глубокую благодарность А.А. Немировскому за ценные дополнения и уточнения событий политической истории II тыс. до н.э.

В течение первой половины II тыс. до н.э. на левантийском побережье существует ряд аморейских и ханаанейских городов-государств. В пору расцвета среднеегипетского государства его влияние распространялось на левантийское побережье, а Библ и формально включался в состав египетской державы. Около XVII в. до н.э. в Сирию и Палестину до Синая заселяют с северо-востока хурриты, ставшие наряду с семитами важнейшим компонентом населения региона. Начиная с XVI в. до н.э. Египет воюет с Митанни за влияние в Сирии. В результате этих войн значительная часть Сирии и Палестины осталась под властью новоегипетского государства.

С левантийским побережьем Сирии связано одно из величайших культурных достижений человечества. Около XV в. до н.э. в Угарите был создан первый клинописный алфавит из 30 знаков, который стал родоначальником всех алфавитов планеты.

Хеттский царь Суппилулиума I (1380–1335 гг. до н.э.) в ходе войн с Египтом и Митанни завоевал все восточное Средиземноморье до Палестины включительно и основал хеттские царства в Каркемише и Халпе. Возросшее хеттское влияние в Сирии вызвало ответные действия Египта, результатом которых было сражение при Кадеше (1286 г. до н.э.) на реке Оронт, которое возглавили Рамсес II с египетской стороны и Муваттали II со стороны хеттов. После этой битвы и заключения хетто-египетского мира в 1270 г. до н.э, Палестина, большая часть Финикии и Дамаск перешли под власть египтян, а большая часть северной Сирии, включая Кадеш и Амурру, остались под хеттским влиянием.

Ассирийско-хеттское соперничество в Сирии восходит ко второй половине XIV в. до н.э., когда ассирийский царь Ашшурубаллит I (1353–1318 гг. до н.э.) в ходе войны с хеттским царем Суппилулиумой за «митаннийское наследство» вышел к Евфрату. Запад и центр Верхней Месопотамии окончательно покорил ассирийский царь Тукульти-Нинурта I (1233–1197 гг. до н.э.).

Для второй половины II тыс. до н.э. на Ближнем Востоке в целом и в Сирии в частности вновь характерны массовые этнические миграции. С конца XIII – начале XII вв. до н.э. восточное Средиземноморье подвергается последовательным нашествиям «народов моря», разрушившим Хеттское царство. Эгейско-анатолийские племена, в основном ахейского и балканского круга (в том числе носители этнонима «паласт/пелесет»), захватывают и разрушают в Западной Сирии ряд городов, включая Угарит, Каркемиш, Катну и южнее Сидон и Тир, продвигаясь вплоть до Южной Палестины в район Газы. На территории Сирии остались государства с династиями, происходившими от хеттской (т.н. позднехеттские), и основанное пришельцами северосирийское государство Палестины (начало I тыс. до н.э.; не путать с южной Палестиной).

Около середины XIV в. до н.э. западносемитские кочевники арамеи (ахламеи), расселяясь из северо-восточной Аравии вдоль русла Евфрата, освоили значительные пространства сирийской и северомесопотамской степи, а в XI в. – Северную Сирию и почти всю Верхнюю Месопотамию. На рубеже II–I тыс. до н.э. арамеи создали ряд собственных мелких государственных образований в Сирии, дополнивших позднехеттские царства. К числу арамейских государств относятся, например, Бит Адини со столицей в Телль Барсибе, Бит Бахиани в верховьях Хабура со столицей в Гузане (Телль Халаф), Самаль в Киликии, Бит Агуши в районе Алеппо и др. Одним из арамейских государств было Дамасское царство, расположенное в оазисе Гута. Культурный слой Дамаска документирует наличие оседлого поселения по меньшей мере с IV тыс. до н.э. Первые упоминания о поселении в оазисе Гута датируются около середины III тыс. до н.э., что делает Дамаск самым древним городом среди современных столиц планеты. После завоевательных походов Ризона I и Таб Риммона во второй половине X в. до н.э. Дамасское царство (Арам-Дамаск) к середине IX в. до н.э. становится наиболее сильным среди арамейских государств Сирии.

С конца XI в. до н.э. многочисленные мелкие сирийские арамейские и позднехеттские государства подвергаются агрессии со стороны Ассирии. С целью противостоять Ассирии, в середине IX в. до н.э. западносирийские государства создают два союза. Северосирийский союз, куда входили Каркемиш, Куммух, Бит Агуси (Арпад), Мелид, Бит Габбар (Самал), Хаттина, Гургум и Бит Адини. Это объединение было разгромлено Салмансаром III в ходе кампаний 857–856 гг. до н.э. Второе объединение союзных государств, или южносирийский союз, который объединял царей Сирии, Финикии, Израиля, Египта и североаравийские племена, возглавил царь Дамаска Хадад-эзер (Бен Хадад II). Решающим сражением южносирийского союза против Салмансара III была битва при Каркаре (в среднем течении реки Оронт) в 853 г. до н.э. в результате которой ассирийские войска были остановлены и вынуждены были вернуться в Ассирию. Однако в 796 г. до н.э. Дамаск был захвачен и платил дань ассирийскому царю Ададнерари III. В 739 до н.э. ассирийские отряды сумели взять северосирийское арамейское царство Арпад, после чего в 738 до н.э. они покорили еще

ряд сирийских областей. В этих условиях сирийские владетели сплотились вокруг последнего царя арамейского Дамаска Ризона II. Союзником сирийцев, как и во времена первого союза, был царь Израиля, а также цари Газы и Эдома. Однако в 733 г. до н.э. Тиглатпаласар III захватил Дамаск. Город был разрушен, царь Ризон II был казнен, большая часть арамейского населения была переселена во внутренние районы Ассирии. Дамаск стал ассирийской провинцией.

После гибели Ассирии в 612–609 гг. до н.э., Сирия становится ареной борьбы между Египтом и Вавилонией. В 539 г. до н.э. власть над Вавилонией переходит к Ахеменидам, что делает сирийские территории частью империи Ахеменидов. После победы в битве при Иссе Александр Великий не стал преследовать персов и направился в Сирию. В результате этого похода он сам занял Финикию, а Парменион захватил в Дамаск. Таким образом Сирия в 332 г. до н.э. вошла в состав Македонского царства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амиров Ш.Н., 2010. Хабурская степь Северной Месопотамии в IV – первой половине III тыс. до н.э. М.

Амиров Ш.Н., 2014. Месопотамско-кавказские связи IV–III тыс. до н.э. в свете климатических флуктуаций // КСИА. Вып. 233. С. 3–17.

Мерперт Н.Я., 2000. Очерки археологии библейских стран. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М.

A Companion to the Archaeology of the Near East, 2012. Vol. 1 / D.T. Potts (ed.). Oxford.

Akkermans P.M.M.G., Schwartz G.M., 2003. The Archaeology of Syria: from complex hunter-galherers to early urban societies (c. 16,000–300 BC). New York.

Boëda E., Griggo C., Noël-Soriano S., 2001. Différents modes d'occupation du site d'Umm el Tlel au cours du Paléolithique moyen (el Kowm, Syrie Centrale) // Paléorient. Vol. 27. 2. P. 13–28.

Issar A.S., 2003. Climate Changes during the Holocene and their Impact on Hydrological Systems. Cambridge.

Issar A.S., Zohar M., 2007. Climate Change – Environment and History of the Near East. 2nd ed. Berlin; Heidelberg.

Le Mière M., Picon M., 1999. Les débuts de la céramique au Proche-Orient // Paléorient. Vol. 24. 2. P. 5–26.

Le Mière M., Nishiaki Y., 2005. The oldest Pottery Neolithic of Upper Mesopotamia: New Evidence from Tell Seker al-Aheimer, the Khabur, Northeast Syria // Paléorient. Vol. 31. 2. P. 55–68.

Matthers J. (éd.), 1981 . The River Queiq, Northern Syria and its Catchments, Study Arising from the Tell Rifa□at Survey 1977–79 (BAR International Series; 98), Oxford.

Weiss H., 1991. Archaeology in Syria // American Journal of Archaeology. 95. P. 683–740.

Wossink A., 2009. Challenging Climate Change. Competition and cooperation among pastoralists and agriculturalists in Northern Mesopotamnia (c. 3000–1600 BC). Leiden.

Sh. N. Amirov

SYRIA FROM THE PALEOLITHIC TO THE BEGINNING OF THE HELLENISTIC PERIOD: BRIEF ARCHAEOLOGICAL AND HISTORICAL OVERVIEW

Abstract. This paper summarizes information describing the current status of archaeological studies of the sites located in Syria and major developments in political history of the country in the period from the second half of 3000 BC to 332 AD.

***Keywords*:** Syria; Paleolithic; Pre-Pottery Neolithic; Hassuna culture; Halaf culture; 'Ubaid culture; Late Chalcolithic; Ninevite 5 culture; Akkad; Mari; Ebla; Qatna; Yamhad; Ugarit; Kingdom of Damascus.

Раздел IV

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

Е.Н. Черных, Л.Б. Орловская

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЭПОХИ ПРОТО-МЕТАЛЛА ЕВРАЗИИ

Резюме. Эпоха Прото-металла (ЭПМ) связана с памятниками Месопотамии, Анатолии, Леванта и Кавказа, датированными от X вплоть до начала IV тыс. до н. э., в слоях которых обнаружено несколько сотен металлических изделий. По преимуществу то были мелкие, морфологически маловыразительные украшения и проколки, изготовленные из самородных меди и свинца. Явных признаков металлургического производства в этих памятниках не обнаружено. ЭПМ подразделяется на два хронологически последовательных этапа: А) ранний – памятники докерамического неолита X–VI тыс. (Чайёню-тепеси, Чатал-хюйюк и др.) и В) поздний – неолитические культуры от конца VII вплоть до начала IV тыс. до н. э. (Хассуна-Самарра, Халаф, Убейд, Шулавери и др.). ЭПМ явилась важнейшей базой зарождения гигантской системы Циркумпонтийской металлургической провинции IV–III тыс. до н. э. – центральной в Евразии, олицетворявшей на этом материке реальный взрыв горно-металлургического производства.

Ключевые слова: Эпоха Прото-металла; до-металлургическая фаза; радиуглеродная хронология

К Эпохе Прото-металла (ЭПМ) авторы относят памятники и культуры начальных тысячелетий голоцена, в которых встречаются мало выразительные металлические артефакты, связанные преимущественно с самородными медью и свинцом. Собственно, металлургия, т.е. выплавка меди из руд, в те тысячелетия либо не была известна вовсе, либо нам до сих пор не удалось обнаружить ее явных признаков. Поэтому, в любом случае, все такого рода памятники и культуры относятся к периодам ***до*** формирования мощных систем металлургических и металлообрабатывающих очагов металлургических провинций – древнейшей в Евразии Балкано-Карпатской и более поздней Циркумпонтийской.

ЭПМ представлена памятниками, локализованными главным образом в Восточной и Центральной Анатолии, в Месопотамии, Леванте, Западном Иране; позднее они появляются на Кавказе – сначала Южном, а затем и Северном (см., например: Schoop, 1999; Encyclopedia…Vol. 8, 2002. P. 1–20, 40–55, 56–74, 86–111; а также многие др. работы). На рис. 1 мы приводим схематическую карту распространения памятников ЭПМ, сопряженных с систематизированными радиоуглеродными датировками. Общий контур этого ареала выглядит довольно курьезным, благодаря северной (кавказской) «петле». Суммарно общая его площадь равна 1,0–1,1 млн кв. км.

Не могут не удивлять также своей чрезвычайной протяженностью генеральные хронологические рамки ЭПМ: от X вплоть до V тыс. до н.э., т.е. совокупно около ***шести тысячелетий***. Разнообразные материалы из памятников этой эпохи вполне определенно свидетельствуют о начальных формах производящей экономики – прежде всего, о земледелии и – не столь определенно – о скотоводстве (см., например: Мунчаев, Мерперт, 1981; Bar-Yosef, 1995; Hongo, 2014; Moore, 1982; Moore, Hillman, 1992; Özdoğan, 2014; Peters et al., 2014; Willcox, 2014; Zeder, 2014; и др. работы).

В книгах одного из авторов статьи культурам ранней фазы ЭПМ были посвящены специальные разделы (Черных, 2013. С. 110–125, 350–351; Chernykh, 2017. P. 100–113; 619–632). Общие сведения о хронологии ЭПМ были приведены и в не-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.433-445

давно опубликованной работе авторов (Черных, Орловская, 2015. С. 10, 11). Во всех упомянутых здесь работах затрагивались также вопросы хронологии культур более поздней фазы ЭПМ.

Основные этапы развития: релятивная хронология

Культуры Эпохи Прото-металла чаще всего подразделяют на две основные, также протяженные по времени и последовательные фазы развития: ***Докерамический неолит*** – ранняя фаза или ЭПМ-1[1] и ***Керамический неолит*** – поздняя фаза или ЭПМ-2[2]. Различия между обеими фазами чрезвычайно существенны. Первое, что сразу же бросается в глаза в этом несходстве: ранние памятники ЭПМ-1 представлены главным образом единичными поселениями, и едва ли не каждый из них являет собой очевидную неповторимость характера и облика. Наверное, особым своеобразием отличаются крайне редкие в этом ряду сакральные комплексы храмового облика. Для поздней фазы ЭПМ-2 картина различий выглядит заметно более сглаженной: здесь имеют место уже серии памятников сходного облика, объединяемых исследователями в различные археологические культуры.

Принятый здесь термин «Прото-металл» основан на находках в культурных слоях или в могильных комплексах памятников ЭПМ металлических вещиц. В огромном большинстве то были либо мелкие, простые и относительно невыразительные по форме изделия, либо необработанные кусочки меди и свинца. Суммарно число подобного рода находок превышает уже три сотни. Все эти металлические артефакты не могут относиться к продукции металлургического передела рудных – медных или свинцовых – минералов. Многочисленные и достаточно тщательные металлографические исследования большинства подобного рода находок (см., например: Рындина, Яхонтова, 1985; Maddin et al., 1999; Pernicka, 1990; Yalçin et al., 1992; Schoop, 1999; Özdogan M., Özdogan A., 1999; Esin, 2000; Molist et al., 2010; и др. работы) установили самородный характер металлов, использованных древними обитателями этих областей при выделке украшений (подвесок/бусин), небольших проколок путем холодной или даже горячей ковки (Schoop, 1999. P. 33, fig. 4). По всей вероятности, самородный металл тогда воспринимался как некий мягкий и относительно легко поддающийся формовке редкий минерал. Поэтому термин «Прото-металл» отражает в данном случае, прежде всего, ***до-металлургическую*** фазу в развитии центрального блока ранних голоценовых культур на юго-западе Азии.

Но и в случае появления неких свидетельств возникновения в этих областях металлургического производства, его истинные масштабы будут определяться одним – притом чрезвычайно важным, а по сути даже решающим обстоятельством. Для всего удивительно протяженного, не менее трехтысячелетнего, отрезка времени ЭПМ-2 мы не встречаем в данном обширном регионе сколько-нибудь явно выраженных морфологических серий металлических изделий. В первую очередь, это касается орудий/оружия: здесь мы сталкиваемся с лишь невыразительными, простенbackslash форм проколками, к тому же достаточно редкими. В слоях поселений Техут и Кюль-тепе закавказской культуры Шулавери-Шомутепе обнаружена, например, пара ножичков достаточно примитивной формы, равно как, очевидно, и технологии их изготовления (Chernykh, 1992. P. 32–35, fig. 9)[3]. Да и в памятниках отрезка в 5500–4000 гг. до н. э., самого позднего в ЭПМ-2 и размещаемого авторами «Энциклопедии Праистории» даже в раннем бронзовом веке, полностью отсутствуют сколько-нибудь отчетливо выраженные формально-типологические ряды медных изделий. Но ведь здесь мы застаем крайне контрастную картину с синхронным этому периоду, могучим и чрезвычайно развитым производством множества массивных медных и золотых украшений в центрах

[1] В археологической литературе, посвященной докерамическому неолиту, чаще всего употребляют англоязычное сокращение PPN (Pre-Pottery Neolithic), с подразделением памятников данного типа на две субфазы – PPN-A, PPN-B, реже на три, выделяя также PPN-C. Однако используют и более дробное деление, не разделяя на «докерамический» и «керамический» неолит, а выделяя, скажем, шесть фаз на базе суммарного учета многочисленных радиоуглеродных датировок (см., например: Aurenche et al., 2001).

[2] Авторы «Энциклопедии Праистории» (Encyclopedia of Prehistory) включают в фазу ЭПМ-2 три группы памятников: собственно, «керамический неолит», 8000–6100 BP (Encyclopedia…Vol. 8, 2002. P. 40–55), халколит – или же медный век, 6500–5500 BP (Encyclopedia…Vol. 8, 2002. P. 56–74), а также ранний бронзовый век, 5500–4000 BP (Encyclopedia…Vol. 8, 2002. P. 86–111).

[3] В числе любопытных и относящихся к фазе ЭПМ-2 находок в бассейне Кубани на Северном Кавказе можно упомянуть найденные во время раскопок в культурном слое поселения Мешоко пластинку из химически чистой меди, а также неопределенный по форме небольшой обломок цинкового предмета (Черных, 1966. С. 37, 101, 103, табл. II, ан. 75, 76). По всей вероятности, цинк попал в культурный слой случайно, как и обнаруженное на поверхности селища бронзовое шило (ан. 74).

достаточно удаленной от юго-запада Азиатского континента Балкано-Карпатской металлургической провинции.

Фаза докерамического неолита: важнейшие памятники

Авторы не ставили задачи максимально полного анализа материалов по ЭПМ-1. Поэтому сборы по этому периоду ограничились лишь 11 памятниками, местоположение которых достаточно определенно очерчивает ареал, где были распространены все основные древности ЭПМ-1. Десять памятников (Али Кош, Ашикли-хюйюк, Иерихон, Калавасос-Тента, Кёртик-тепе, Невали Чори, Телль Рамад, Телль Халула,Чайёню-тепеси, Чатал-хюйюк) являются поселениями, изученными археологами с различной степенью тщательности и охвата, а одиннадцатый (Гёбекли-тепе) – комплексом сакрального, пожалуй, наиболее древнего и чрезвычайно впечатляющего своей каменной архитектурой сложного храмового сооружения (Schmidt, 2006).

Карта на рис. 2 отчетливо отражает заметную концентрацию поселений, в слоях которых находили металлические артефакты, преимущественно в Центральной и Восточной Анатолии, а также на примыкающих к Восточной Анатолии территориях верховий Тигра и Евфрата. Связь металлсодержащих поселений с этими регионами месопотамского Двуречья была отмечена уже достаточно давно, и с тех пор особых перемен эта картина не претерпела. По всей вероятности, это было обусловлено очевидной близостью к разнообразным и богатым медным и полиметаллическим месторождениям Анатолии, полностью отсутствовавшим на южных пространствах Месопотамии (см., например: MTA, 1970; 1972; Kaptan, 1990; Yalçin, 2000; Yalçin et al., 1992; Yalçin, Pernicka, 1999; Schoop, 1999. P. 33. Fig. 3; Wagner, Oztunali, 2000; и др. работы).

Памятники фазы докерамического неолита отличаются рядом чрезвычайно примечательных особенностей. Начнем с того, что едва ли не каждый из них – а их число совсем невелико – не обнаруживает явного и определенного сходства с иными, даже близко расположенными к нему селищами или же святилищами. Различия же между ними вполне очевидны и легко прослеживаются:

А. По размерам поселений – скажем, гигантский неолитический «город» Чатал-хюйюк (*Черных*, 2013. С. 120) на юге Центральной Анатолии (рис. 3 и 4), раскинувшийся примерно на 13 гектарах, с мощностью культурных слоев до 19 метров, с одной стороны, а с другой – по сути крохотный (в 900–1000 кв. метров) поселок Калавасос-Тента на Кипре с мало выразительной на этом фоне толщей культурного слоя (рис. 5). Соотношение по площади между ними как 130:1, а по мощности культурных слоев как 20:1.

Б. По архитектуре – каменной или глинобитной – к примеру, каменные сооружения Чайёню-тепеси и Иерихона, с одной стороны, а с другой – глинобитные в Чатал-хюйюке и Ашикли-хюйюке; хотя при этом следует заметить, что каменные сооружения Чайёню и Иерихона[4] совсем не сходны между собой, равно как не вполне отвечает друг другу характер глинобитных конструкций Чатал-хюйюка и Ашикли-хюйюка.

В. По наиболее выразительным материалам – к примеру, каменные орнаментированные сосуды из Кёртик-тепе или же глиняные погребальные маски Тель-Асвада и Иерихона.

Кроме всего, обязательно упомянем еще о ярком и, пожалуй, одном из наиболее значимых впечатлений от большинства памятников докерамического неолита. Едва ли не каждый из них отражает *точечный* технологический взрыв или же прорыв. Мы употребляем слово «точечный» потому, что неповторимые в своей основе находки встречаются по преимуществу в материалах лишь одной «точки», т.е. одного поселения. К этому ряду относится, конечно же, и сакральный и поразительно уникальный комплекс Гёбекли-тепе (Черных, 2013. С. 116–118). И наконец, приведем, может быть, наиболее выразительное определение постижений этого периода, принадлежащее Э. Бэннингу, озаглавившему свою статью «Неолитический период: триумф архитектуры, земледелия и искусств» (Banning, 1998; см. также: Encyclopedia… Vol. 8, 2002. P. 1–20).

Общая сумма календарных определений из комплексов 11 памятников – 428. Однако различия в сумме анализов для каждого из памятников весьма значимы: наибольшее число дат – 131 – связано со слоями Чатал-хюйюка, наименьшее – всего шесть – с селищем Телль Рамад.

Разброс значений возраста по суммам вероятностей всех памятников также весьма выразителен. В рамках расчета сумм вероятностей по двум сигмам (95,4%) его границы охватывают шесть с половиной тысячелетий – от 11 000 до близкого к 4500 гг. до н.э. Авторы, однако, предпочитают ориенти-

[4] По всей вероятности, резоннее этот памятник именовать Иерихон /Телль эс-Султан (Jericho/Tell es-Sultan), поскольку жилой многослойный холм, который скрывает сооруженную из камня башню и иные одновременные ей конструкции, носит наименование Tell es-Sultan.

роваться на существенно более приемлемые для подобных случаев вероятностные рамки в одну сигму (68,%). Последний вариант заметно сужает рамки хронологического диапазона до 9700–5300/5200 гг. до н.э.

Не может не обратить на себя внимания и чрезвычайно значимый разброс значений абсолютного возраста при расчетах сумм вероятностей дат у ряда памятников (в рамках одной сигмы). Наиболее выразительным предстает разброс сумм вероятностей (в рамках одной сигмы) значений у 45 датировок из слоев храма Гёбекли-тепе: от 9700 вплоть до 5300 тыс. гг. до н.э. В данном случае выявленные расчетами «дробные» датировки из Гёбекли покрывают своими значениями совокупный разброс всех 11 памятников ЭПМ-1. Кроме того, не может не удивить заметной и отчасти сходной с Гёбекли дробностью значений сумм вероятностей (в пределах одной сигмы) сравнительно небольшая группа в 21 дату из комплексов – к тому же самого малого по размерам – кипрского поселения Калавасос-Тента: от 7700 до 5200 гг. до н. э.

Прямо противоположны выявленной дробности значений суммы вероятностей у наиболее раннего в этом ряду поселения Кёртик-тепе, а также у памятников Иерихон/Телль эс-Султан, Ашикли-хюйюк. К этой же группе, условно именуемых нами «монолитными», примыкают позднейшие: во-первых, самая крупная здесь совокупность дат из Чатал-хёйюка (131 дата), а также самая незначительная по числу датировок совокупность из Телль Рамада (6 дат).

Фаза керамического неолита: основные культуры и общности

Совершенно иными предстают древности керамического неолита более поздней фазы ЭПМ-2. Здесь мы сталкиваемся уже с вполне привычными для археологов культурами, которые формируются из цепочек сходных между собой по важнейшим признакам памятников, – в данном случае, главным образом, также поселений. Суммарное число включенных в базу данных радиоуглеродных датировок – 424[5], и это чрезвычайно близко к количеству РД ранней фазы (428). Однако сопряжены они с 82 памятниками вместо 11 для ЭПМ-1, т.е. на каждый памятник здесь приходится в среднем в восемь раз меньше дат, нежели в фазе предшествующей.

Намечены всего шесть культурных групп, четыре из которых принадлежат к археологическим культурам, достаточно широко признанным в археологическом сообществе: Хассуна-Самарра (Hassuna-Samarra), Халаф (Halaf), Шулавери-Шомутепе, а также Убейд/пост-Убейд (Ubaid/post-Ubaid). Наконец, для двух относительно поздних в этом ряду культурных групп, локализованных на Южном, а также на Северном Кавказе, устоявшегося в археологической литературе наименования пока что не выработано.

Наиболее значимые, с точки зрения, сумм радиоуглеродных датировок памятники в культурах:

– *Хассуна-Самарра* (40 дат / 10 пунктов): Телль-эс-Савван (Tell-es-Sawwan) – 10, Телул эт-Талахат (Telul eth-Thalathat) II – 10, Кашкашок (Kashkashok) II – 8;

– *Халаф* (146 дат / 16 пунктов): Телль Саби Абьяд (Tell Sabi Abyad) – 57, Телль Саби Абьяд III – 29, Фистикли-хёйюк (Fistikli-höyuk) – 17;

– *Убейд/пост-Убейд* (113 дат / 22 пункта): Телль Зияде (Tell Ziyadeh) – 24, Телль Зейдан (Tell Zeidan) – 18, Телль Косак Шамали (Tell Kosak Shamali) – 12, Телль Машнаке (Tell Mashnaqa) – 11, Хаммам ет-Туркман (Hammam et-Turkman) – 8;

– *Шулавери-Шомутепе* (43 даты / 14 пунктов) – Акнашен (7), Арухло I (7), Араташен (6), Шулавери I (6);

– *Южнокавказская группа* (42 даты / 8 пунктов) – Овчулар-тепеси (12), Арени (9), Дзудзуана (7);

– *Северокавказская группа* (36 дат / 12 пунктов) – Мешоко (9), Ясенева поляна (5), Замок (3), Чидгом (3).

При расчетах сумм вероятностей для 420 обработанных датировок оказалось, что они укладываются в рамки – для двух сигм – от 7100 до 2900 гг. до н.э., а для одной сигмы – в границах трех тысячелетий от 6500 до 3500 гг. до н.э. В целом же диапазоны сумм вероятностей радиоуглеродных датировок фазы ЭПМ-2 для каждой из культур или же культурно-географических групп выглядят намного более компактными на фоне картины предшествующей фазы ЭПМ-1.

Достаточно определенной предстает здесь и хронологическая последовательность различных культур. К ранней группе относятся две, правда, едва ли не полностью синхронные или же, во всяком случае, чрезвычайно близкие друг другу по суммам вероятностей радиоуглеродных датировок культуры Хассуна-Самарра и Халаф. За этой ранней парой занимает возрастную очередь другая пара, но уже от-

[5] При расчетах из этой суммы пришлось исключить четыре определения, относившихся к культурам Хассуна-Самарра и Убейд, в связи с резким отличием значений их возраста от иных в этой группе.

четливо разновременных культур – Шулавери-Шомутепе и более поздней Убейд/пост-Убейд. Венчают эту хронологическую цепь две кавказские культурные группы – Южная и Северная.

Анализ территориального распространения включенных в наш анализ материалов показывает определенно выраженные перемены в их ареалах на фоне более ранней фазы ЭПМ-1. Памятники обеих ранних культур ЭПМ-2 распространены преимущественно по северной половине Месопотамии (рис. 6). Их практически нет ни в Восточной, ни в Центральной Анатолии; не встречены они также и в Леванте. Кроме того, существенное расширение пространственного охвата произошло, главным образом, за счет формирования на Южном Кавказе (преимущественно в междуречье Куры и Аракса) памятников типа Шулавери-Шомутепе, в целом заметно более поздних, нежели Хассуна-Самарра и Халаф. И наконец, не может не привлечь внимания отчетливо выраженное наложение ареалов самой ранней указанной здесь пары культур ЭПМ-2. На карте заметен, пожалуй, лишь только не слишком выразительный сдвиг ареала памятников Халафа в юго-восточном направлении (рис. 6, *2*). Территориальное наложение ареалов обеих культур весьма примечательно: ведь эти в значительной мере синхронные культуры могли сосуществовать и, видимо, сосуществовали в конце VII и начале VI тыс. до н. э. в одних и тех же регионах Месопотамии.

Уже на финальной суб-фазе ЭПМ-2, представленной относительно ранней культурой Убейд/пост-Убейд, также происходили существенные территориальные передислокации культур. Убейдская группа полностью замещает на северной половине Месопотамии доминировавшие там ранние культуры, и одновременно эта культура охватывает уже всю Месопотамию вплоть до Персидского залива (рис. 7, *1*). Культуру Шулавери-Шомутепе замещает в междуречье Куры и Аракса южнокавказская культурная группа, а севернее главного Кавказского хребта (преимущественно в бассейне Кубани) появляются новые для этих областей памятники (рис. 7, *2*).

Памятники ЭПМ-1 и ЭПМ-2: хронологическое соотношение

Картина распределения хронологических диапазонов 11 памятников ЭПМ-1, а также 82 памятников шести культур и культурных групп представлена полностью на сводной диаграмме (рис. 8). Полная картина всех обработанных 848 датировок кажется весьма выразительной. По версии в две сигмы ее диапазон растянут более чем на восемь тысячелетий – от 11 000 до 2900 гг. до н.э.; а в одну сигму – немногим более шести, т.е. от 9700 до 3500 гг. до н.э. На диаграмме достаточно отчетливо выглядит разделительная грань между памятниками и культурами обеих фаз – ЭПМ-1 и ЭПМ-2. Ее определяют две совокупности датировок: самая поздняя в ЭПМ-1 и количественно наиболее представительная в Чатал-хёйюке, с одной стороны, а с другой, исходная для ЭПМ-2 в культуре Хассуна-Самарра. По версии суммы вероятностей в одну сигму она определяет эту грань в очень тесном коридоре – между 6400 и 6500 гг. до н.э.

Помимо всего заметим, что во всем ряду диапазонов ЭПМ-1 явно выделяется и выглядит наиболее поздним участок в Гёбекли-тепе между 5700 и 5300 гг. до н.э. Однако чрезвычайно сильная раздробленность диапазона суммы вероятностей датировок этого замечательного памятника не позволяет считать ее общую картину достаточно надежной опорой в проводимых здесь масштабных сопоставлениях радиоуглеродной хронологии всей протяженной Эпохи Прото-металла.

Эпоха Прото-металла: парадоксы – проблемы – вопросы

Специфику заключительной части статьи мы хотим подчеркнуть утверждением, что парадоксы являются достаточно частыми, а по сути – непременно присущими историческому развитию явлениями. Одни из них – ведущие к прогрессивным переменам – обозначаются обыкновенно знаком плюс, а противоположные им – знаком минус. Может быть, по этой причине следовало бы каждый раз снабжать в текстах книги термин ***парадокс*** кавычками, но особого смысла в этом авторы не усматривают. Возможно также, что лучше было бы начать этот раздел прозвучавшими ранее словами канадского археолога Э. Бэннинга из титула его статьи об этом переломном периоде раннего голоцена «Неолитический период: триумф архитектуры, земледелия и искусств» – триумф ведь тоже своеобразный парадокс со знаком плюс. Слова эти автор относил в основном к докерамическому неолиту, который мы определяем ранней фазой Эпохи Прото-металла. Действительно, их выразительность как бы высвечивала тот важнейший символ Эпохи Прото-металла, когда свершался фантастический рывок от недавнего финально-палеолитического прошлого к тому будущему, что в последующие эпохи может стать или же станет достаточно обыденным явлением.

В триаде краткого перечня триумфальных постижений простым и невооруженным взглядом трудно было заметить лишь начало производящей экономики – земледелие и скотоводство: для этого требовались специальные лабораторные исследования. Однако видимые простым глазом и поразительные для того времени архитектура и различные искусства убеждали – притом не только археологов, – что наступило время новой эпохи. Громада неолитического «города» Чатал-хюйюк с его трудно реконструируемым форматом массива бесчисленных и наползающих друг на друга глинобитных жилых и сакральных построек; с цветными рисунками на их стенах, а также выразительной глиняной скульптурой… Здесь и удивляющие специалистов конструкции каменных сооружений в Чайёню-тепеси и Иерихоне... Каменные орнаментированные сосуды Кёртик-тепе. Глиняные маски на черепах покойников в Телль Асваде и Иерихоне… Металл – медь, свинец – в памятниках Анатолии и верховьев Двуречья… Ну и, конечно, фантастика огромных каменных стел с изображениями животных в сакральном центре Гёбекли-тепе…

Другой стороной феноменального парадокса ранней фазы Эпохи Прото-металла явилась уникальность едва ли не каждого из знаковых памятников этого времени. Любой из них в той или иной мере своеобразен, не похож даже на ближнего – по времени и региону – соседа или тем более на отдаленного. Отсюда вытекают гипотезы и уверенность в точечном характере технологических и идеологических прорывов, носителями которых являлись отдельные группы обитателей, и каждая из которых в новых для нее условиях реализовала их по-своему.

Корни этих кардинальных инноваций обычно ищут в натуфийской культуре, предшествующей докерамическому неолиту, – ведь ее ареал очень четко соответствовал территориальному охвату памятников ЭПМ-1 (Mellaart, 1965. P. 13, 22–32; Bar-Yosef, 1998; Bar-Yosef, 2002; Munro, 2003. P. 52, fig. 1; и работы др. авторов). Культуру эту совмещают с двумя последние стадиями фазы дриаса, т.е. с самым финалом ледниковой плейстоценовой эпохи. Как правило, полагают также, что памятники натуфийского типа знаменуют переход от моделей жизнеобеспечения позднего палеолита к более современным или же, как считают изучающие эти культуры археологи, – «*от мобильных охотников к оседлым собирателям*» (Bar-Yosef, 1998. P. 161–174). Процесс этот, возможно, был связан с первыми попытками культивации злаковых и бобовых растений (см., например: Munro, 2003).

Календарную хронологию натуфийской культуры сегодня определяют серии калиброванных радиоуглеродных датировок[6]. Чаще всего ее рамки определяют либо в пределах 13 000–9700 гг. до н.э. (Bar-Yosef, 2002. P. 92), или же в более широких границах, скажем, 14 5000–10 000 гг. до н.э. (Munro, 2003. P. 53, tabl. 2)[7]. И тот и другой варианты подхода к абсолютной хронологии говорят, что возрастной диапазон натуфийской культуры своей верхней или поздней гранью «подпирает» датировки наиболее ранних памятников ЭПМ-1.

По всей вероятности, ныне не похоже, что могут появиться сколько-нибудь обоснованные сомнения в реальности гипотезы об исходных для докерамического неолита древностях натуфийского типа. Принимая эту гипотезу, мы должны будем признать безусловной мощь того взрыва или рывка, который буквально оторвал от своей «материнской» базы носителей культурной традиции ранней фазы Эпохи Прото-металла. Поражающие своеобразием и уникальностью памятники ЭПМ-1 предстают ярко выраженной и стремительно оформившейся антитезой примитиву подстилающего их натуфийского горизонта. В этом, пожалуй, и заключается тот парадокс, которому можно присвоить первый номер для всего начала эпохи голоцена в Евразии.

Однако в последующие тысячелетия ярчайший феномен этого парадокса претерпевает удивительные и весьма неожиданные перемены. Приходящие на смену памятникам ЭПМ-1 культуры Хассуна-Самарра, Халаф и даже Убейд, а тем более кавказские общности того же времени, выглядят много скромнее как бы внезапно ушедших тогда в прошлое истинных вершин ранней фазы Эпохи. Раскопки многих селищ делают это очевидным: они, как правило, небольшие – максимум до 2–3 га, и в них преобладают также не очень выразительные глинобитные жилые постройки. Лишь только знаменитая и хресто-

---

[6] Желательно подчеркнуть здесь, что именно «калиброванных датировок», поскольку при возрастных оценках натуфийской культуры нередко исходят из некалиброванных радиоуглеродных датировок, притом не «до н.э.», а в варианте «от наших дней» (см., например: Belfer-Cohen, Bar-Yosef, 2000).

[7] Серия из 16 калиброванных дат для одного из наиболее значимых комплексов натуфийской культуры – пещеры Эль-Вад (el-Wad) и примыкающих к ней террасных отложений – приведена в относительно поздней статье М. Вайнштейн-Эврон и ее коллег (Weinstein-Evron et al., 2012. P. 817–819). Мы провели вычисление сумм вероятностей этих датировок (версия OxCal v3.10). Их результаты – при сигме в 68,2%: 12 800–12 100…12 000–11 200 гг. до н. э.; при сигме в 95,4%: 15 200–14 600… 13 700–11 100... 11 000–10400 гг. до н.э.

матийно известная расписная керамика составляет, пожалуй, тот признак, что выделяет эти культуры на фоне иных общностей. В ареале этих культур фактически не встречаются также сколько-нибудь заметные и не вызывающие сомнения в трактовке сакральные сооружения (Mellaart, 1965. P. 63–68; Mellaart, 1975. P. 141–179). Первый монументальный храм известен в первом (как многие считают) шумерийском городе Эриду, располагавшемся тогда близ берега Персидского залива, на крайнем юге Месопотамии. Фундамент возведенного из глиняных кирпичей храма перекрывал предшествующие по отложениям более ранние слои истинной культуры Убейда, или же периода Убейда, как чаще всего именуют это время для всего Двуречья[8].

Может быть, особое место в этой протяженной шеститысячелетней истории Эпохи Прото-металла следует отвести загадке столь длительного употребления самородной меди и свинца, без сколько-нибудь очевидных для археологов попыток начать, например, в богатой рудами Анатолии, реальное и собственное горно-металлургическое производство. Ничего не изменилось в этом отношении и на поздней фазе ЭПМ, даже в период Убейда. В одной весьма примечательной и объемистой книге, именующейся «За пределами Убейда» (Beyond the Ubaid, 2010), рассматривается огромный материал, сосредоточенный по преимуществу в синхронных памятниках культуры Убейда, но в основном за рамками Двуречья. Крайне любопытно, что на ее страницах вы не обнаружите ни одного изображения металлического изделия – ни оружия/орудия, ни украшения. Медь только лишь упоминается несколько раз, как бы невольно подчеркивая тем самым фактически полное ее отсутствие, равно как и отсутствие этого центрового в дальнейшем технологическом подъеме производства в том обширном регионе, где не так давно прогремел взрыв кардинального рывка в технологии и идеологии. Между тем находки медных изделий и неопределенных предметов привлекали внимание исследователей много ранее (см.: Мерперт, Мунчаев, 1981).

Обратимся, однако, к обстоятельству, которое может вызывать интерес чрезвычайный: одновременно с периодом Убейда и с кавказскими памятниками времени ЭПМ-2 в регионах «за пределами Убейда» и весьма отдаленных (приблизительно в двух тысячах километров к северо-западу) от центра этой общности – в Балкано-Карпатье – вспыхивает могучий технологический рывок, зарождается яркое горно-металлургическое производство, формируется сложная структура Балкано-Карпатской металлургической провинции. К востоку и юго-востоку от этой новой системы в коронных областях Эпохи Прото-металла исследователи сколько-нибудь очевидных кардинальных событий не замечают. До исходной для Циркумпонтийской металлургической провинции – ее ранней фазы, именуемой как Прото-Циркумпонтийская, остается еще не менее пяти столетий. Когда же происходит финальное формирование обширнейшей Циркумпонтийской провинции, поглотившей и прежние просторы провинции Балкано-Карпатской, на огромных пространствах Балканского полуострова и всего степного пояса Восточной Европы возникает крайне загадочный и трудно объяснимый «хронологический» хиатус IV тыс. до н. э. (Черных, 2013. С. 203–210; Черных, Орловская, 2017. С. 377–380). Однако тема эта уже совершенно особая и требующая к тому же специального анализа различных материалов.

---

[8] Вполне вероятно, что подобного рода образование лучше именовать археологической общностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., 1981. Древнейшая металлургия Месопотамии // Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: исследования советской экспедиции в Ираке. М. С. 307–316.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: исследования советской экспедиции в Ираке. М.

Рындина Н.В., Яхонтова Л.К., 1985. Древнейшее медное изделие Северной Месопотамии // СА. № 2. С. 157–161.

Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы // МИА. № 132. М.

Черных Е.Н., 2013. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. М. Т. 1.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2015. Радиоуглеродная хронология культур Западной Евразии в Эпоху Раннего Металла // Естественнонаучные методы исследований и парадигма современной археологии: материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 8–11 дек. 2015). М. С. 8–18.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2017. Радиоуглеродная хронология культур Степного Пояса Евразии и ее сюрпризы // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы: материалы Междунар. симпозиума «Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы» (22–26 июня 2015 г., г. Новосибирск). Новосибирск. С. 370–381.

Aurenche O., Galet P., Régagnon-Caroline E., Évin J., 2001. Proto-Neolithic and Neolithic cultures in the Middle East – the birth of agriculture, livestock rasing, and ceramics: a calibrated ^{14}C chronology 12,500–5500 cal BC, 2001 // Radiocarbon. Vol. 43, no. 3. P. 1191–1202.

Banning E.B., 1998. The Neolithic Period: Triumphs of Architecture, Agriculture and Art // Near Eastern Archaeology. Vol. 61, no. 4. P. 188–237.

Bar-Yosef O., 1995. Earliest food Producers – Pre-Pottery Neolithic (8000–5500) // The Archaeology of Society in the Holy Land / T.E. Levy (ed.). New York. P. 190–204.

Bar-Yosef O., 1998. The Natufian Culture in the Levant, Threshold to the Origins of Agriculture // Evolutionary Anthropology. Nr. 159. P. 159–177.

Bar-Yosef O., 2002. Natufian: a complex society of foragers // Beyond Foraging and Collecting: Evolutionary Change in Hunter-Gatherer Settlement Systems / B. Fitzhugh, J. Habu (eds.). New York. P. 91–147.

Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O., 2000. Early sedentism in the Near East: a bumpy ride in village life // Life in Neolithic Farming Communities: Social Organization, Identity and Differentiation / I. Kuijt (ed.). New York. P. 19–37.

Beyond the Ubaid. Transformation and Integration in the Late Prehistoric Societies of the Middle East // SAOC; nr. 63/ R.A. Carter, G. Philip (eds.). Chicago, Ill., 2010.

Chernykh E.N., 1992. Ancient Metallurgy in the USSR. Early Metal Age. Cambridge.

Chernykh E.N., 2017. Nomadic Cultures in the Mega-Structure of the Eurasian World. Boston.

Encyclopedia of Prehistory. Vol. 8: South and Southwest Asia / P.N. Peregrine, M. Ember (eds.). New York, 2002.

Esin U., 2000. Archaeometallurgie in der Turkei: Stand der Forschung und die Probleme // Der Anschnitt. Beiheft 13: Anatolian Metal I. Bochum. P. 13–16.

Hongo H., 2014. Çayönü Tepesi: Bioarchaeology // Encyclopedia of Global Archaeology / Cl. Smith (ed.). New York. P. 1188–1194.

Kaptan E., 1990. Findings related to the history of mining in Turkey // Bulletin of the Mineral Research and Exploration. No. 111. P. 75–84.

Maddin R., Muhly J.D., Stech T., 1999. Early metalworking at Çayönü // Der Anschnitt. Beiheft 9: The Beginnings of Metallurgy. Bochum. P. 37–44.

Mellaart J., 1965. Earliest Civilization of the Near East. London.

Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. London.

Molist M., Montero-Ruiz I., Clop X., Rovira S., Guerrero E., Anfruns J., 2010. New metallurgic finding from the Pre-Pottery Neolithic: Tell Halula (Eufrates valley, Syria) // Paleorient. Vol. 35, iss. 2. P. 33–48.

Moore A.M.T., 1982. Agricultural Origins in the Near East: A Model for the 1980 // World Archaeology. Iss. D14. P. 224–236.

Moore A.M.T., Hillman G.C., 1992. The Pleistocene to Holocene Transition and Human Economy in Southwest Asia: the Impact of the Younger Dryas // American Antiquity. Vol. 57. P. 482–494.

MTA, 1970. Arsenic, Mercury, Antimony and Gold Deposits of Turkey, 1970 // Maden Tetkik ve Arama Genel Müdürlüğü Publication. No. 129. Ankara.

MTA, 1972. Lead, Copper and Zinc Deposits of Turkey, 1972 // Maden Tetkik ve Arama Genel Müdürlüğü Publication. No. 133. Ankara.

Munro N.D., 2003. Small Game, the Younger Dryas, and the transition to agriculture in the Southern Levant // Mitteilungen der Gesellschaft für Urgeschichte. No. 12. P. 47–71.

Özdoğan M., 2014. Çayönü: Agriculture and Domestication // Encyclopedia of Global Archaeology / Cl. Smith (ed.). New York. P. 1194–1197.

Özdogan M., Özdogan A., 1999. Archaeological evidence on the early metallurgy at Çayönü Tepesi // Der Anschnitt. Beiheft 9: The Beginnings of Metallurgy. Bochum. P. 13–22.

Pernicka E., 1990. Gewinnung und Verbreitung der Metalle in prähistorischer Zeit // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 37. S. 21–129.

Peters J., Schmidt K., Dietrich O., Pöllath N., 2014. Göbekli Tepe: Agriculture and Domestication, 2014 // Encyclopedia of Global Archaeology / Cl. Smith (ed.). New York. P. 3065–3068.

Schmidt K., 2006. Sie bauten die ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger: Die Archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München.

Schoop U.-D., 1999. Aspect of early metal use in Neolithic Mesopotamia // Der Anschnitt. Beiheft 9: The Beginnings of Metallurgy. Bochum. P. 31–36.

Yalcin Ü., Hauptmann H., Hauptmann A., Pernicka E., 1992. Norşuntepe'de geç Kalkolitik çaği bakir madenciliği üzerine arkeometallurjik araştirmalar, 1992 // VIII. Arkeometri Sonuçlari Toplantisi. Ankara: T.C. Kültür Bakanliği. Anitlar ve Müzeler Genel Müdürlüğü. P. 381–389.

Yalcin Ü., Pernicka E., 1999. Fruhneolithische Metallurgie von Aşikli Höyük // Der Anschnitt. Beiheft 9: The Beginnings of Metallurgy. Bochum P. 45–54.

Wagner G., Oztunali A., 2000. Prehistoric Copper Sources in Turkey // Der Anschnitt. Beiheft 13: Anatolian Metal I. Bochum. P. 31–67.

Weinstein-Evron M., Yeshurun R., Kaufman D., Eckmeier E., Boaretto E., 2012. New ^{14}C dates for the Early Natufian of el-Wad terrace, Mount Carmel, Israel, 2012 // Radiocarbon. Vol. 54, nr. 3–4. P. 813–822.

Willcox G., 2014. Near East (Including Anatolia): Origins and Development of Agriculture // Encyclopedia of Global Archaeology / Cl. Smith (ed.). New York. P. 5008–5022.

Zeder M.A., 2014. Domestication: Definition and Overview // Encyclopedia of Global Archaeology / Cl. Smith (ed.). New York. P. 2184–2194.

E.N. Chernykh, L.B. Orlovskaya

RADIOCARBON CHRONOLOGY OF THE PROTO-METAL AGE IN EURASIA

Abstract. The "Proto-Metal Age" (PMA) is related with sites of Mesopotamia, Anatolia, and Levant and Caucasus regions, dated within timespan of X to the beginning of IV millennia BC. In cultural deposits of sites dated to the period were found several hundreds of metal objects, predominately presented by small decorative items and pins made of native copper and lead. There were no evident traces of metallurgical production fixed on these sites. The "Proto-Metal Age" is divided to two chronologically sequential stages: A) The Early one – related with Pre-Pottery Neolithic period (like Chayonu-Tepesi, Chatal-Hüyük and others); B) The Late one – related with Pottery Neolithic period (Hassuna-Samarra, Halaf, 'Ubaid, Shulaveri and others).

PMA was the most important basis of origin of giant system of Circumpontic metallurgical province of IV–III mill.B.C. Circumpontic metallurgical province was central in Eurasia and was responsible for rapid implementation of mining and metallurgical production technologies in the continent.

***Keywords*:** Proto-Metal Age; pre-metal stage; radiocarbon chronology.

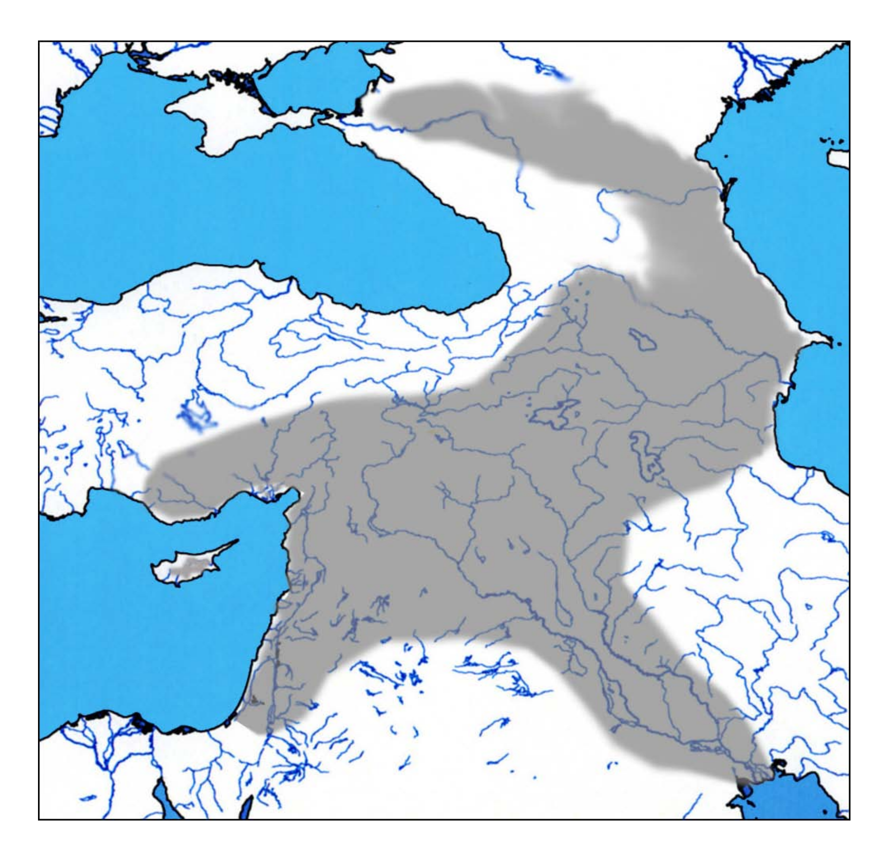

Рис. 1. Ареал культур и памятников докерамического и керамического неолита, датированных по ^{14}C

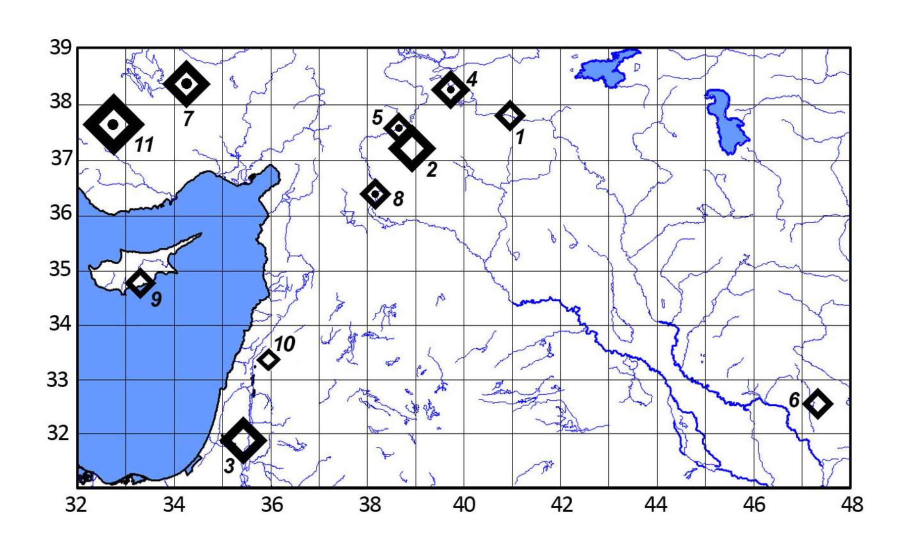

Рис. 2. Карта памятников докерамического неолита (ЭПМ-1), датировки которых исследовались в статье: *1* – Кёртик-тепе (Körtik-tepe); *2* – Гёбекли-тепе (Göbekli-tepe); *3* – Иерихон (Jericho); *4* – Чайёню-тепеси (Çayönü-tepesi); *5* – Невали Чори (Nevali Çori); *6* – Али Кош (Ali Kosh); *7* – Ашикли-хюйюк (Aşikli-hüyük); *8* – Телль Халула (Tell Halula); *9* – Калавасос-Тента (Kalavasos-Tenta); *10* – Телль Рамад (Tell Ramad); *11* – Чатал-хюйюк (Çatal-hüyük)

Примечания: размер каждого значка приближенно соответствует числу систематизированных возрастных определений в каждом из памятников; точки внутри ромбов обозначают памятники с находками металлических образцов.

Рис. 3. Неолитический «город» Чатал-хюйюк, аэрофотосъемка (по: Google Earth); показано перекрытое специальной конструкцией место раскопок

Рис. 4. Чатал-хюйюк: вид перекрытого специальным навесом огромного раскопа (по: Wikipedia)

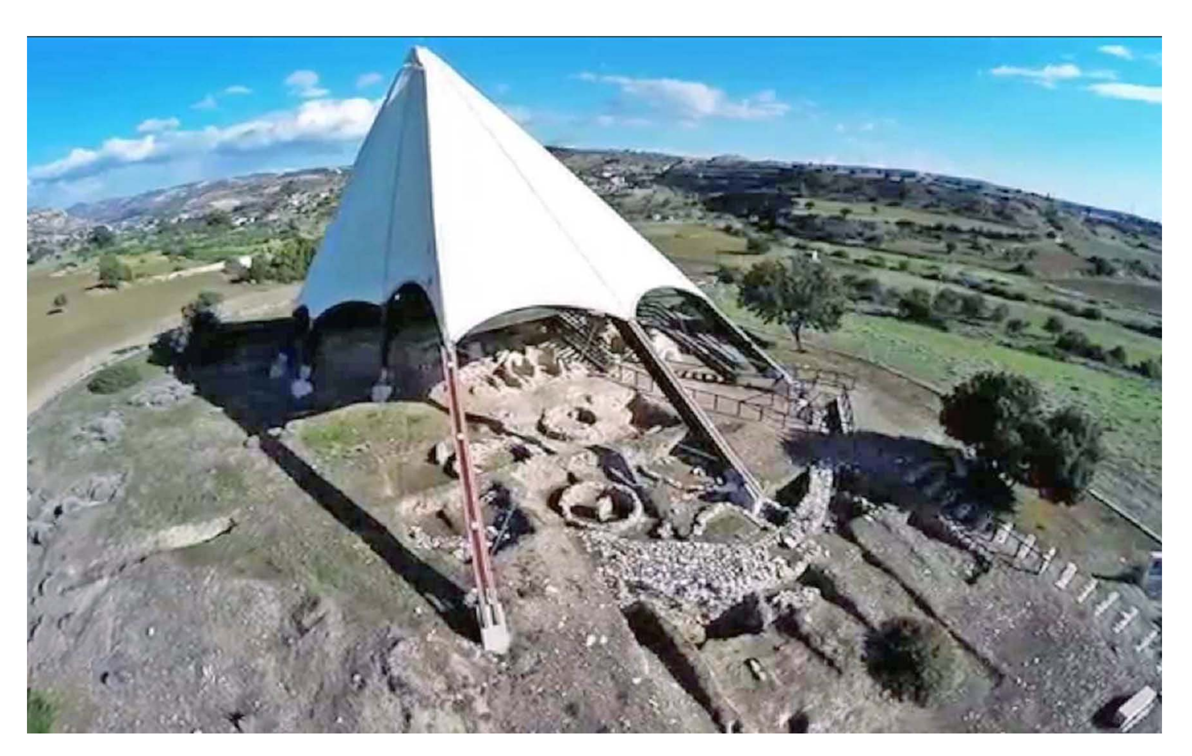

Рис. 5. Поселение Калавасос-Тента на Кипре, аэрофотосъемка (по: Wikipedia)

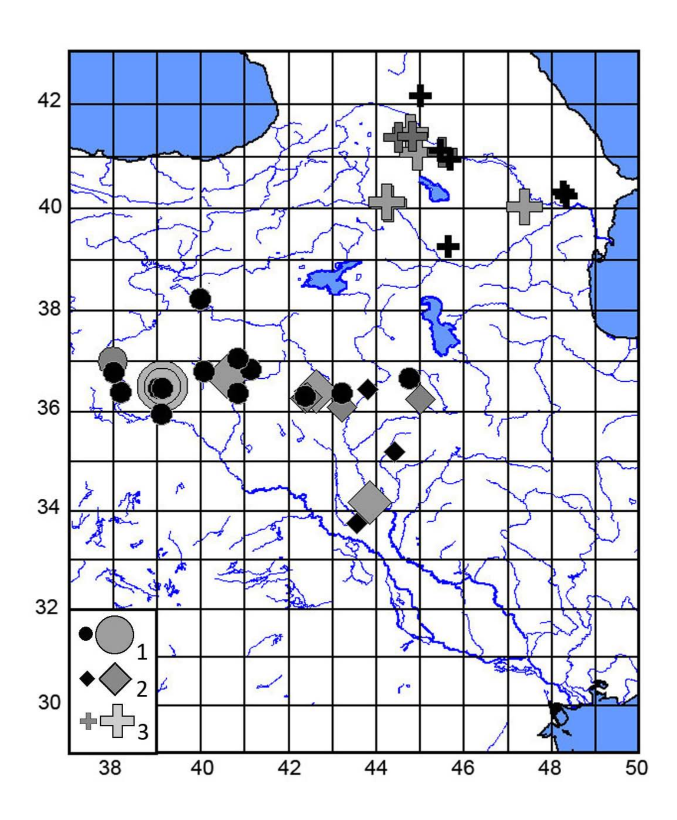

Рис. 6. Ареал ранней фазы культур керамического неолита (ЭПМ-2), датированных по ^{14}C: *1* – Хассуна-Самарра; *2* – Халаф; *3* – Шулавери-Шомутепе

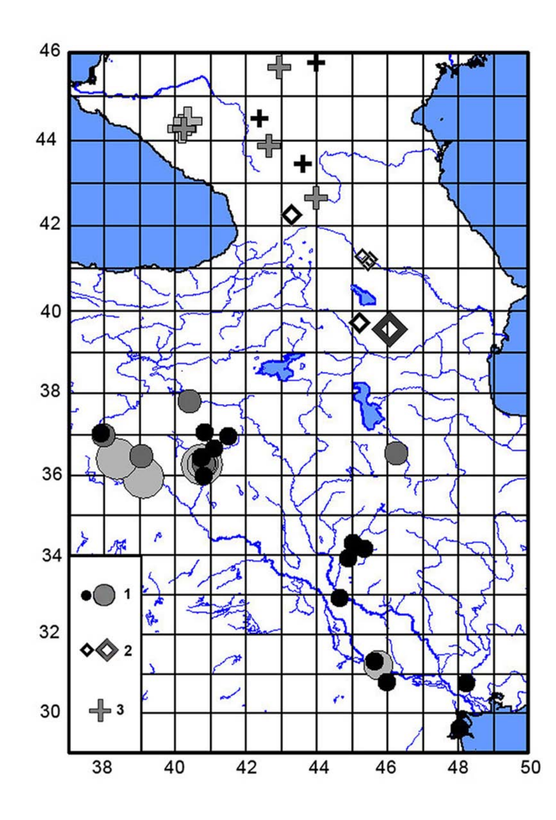

Рис. 7. Ареал поздней фазы культур керамического неолита (ЭПМ-2), датированных по ^{14}C: *1* – Убейд/пост-Убейд; *2* – южнокавказская и *3* – северокавказская культурные группы

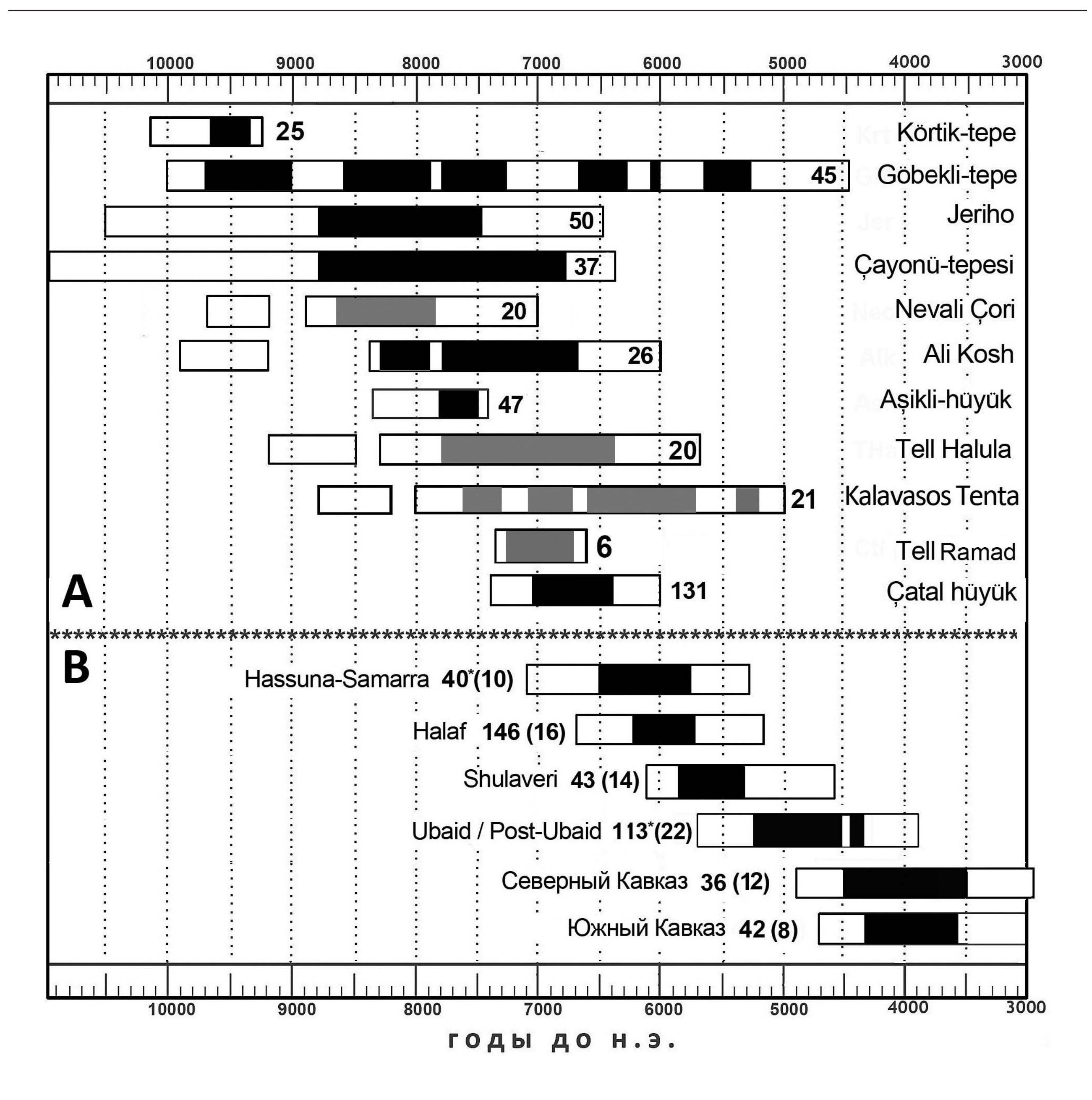

Рис. 8. Хронологические диапазоны памятников докерамического (*A*) и керамического (*B*) неолита
Условные обозначения: цифрами в разделе *A* обозначено число систематизированных радиоуглеродных датировок; в разделе *B* в скобках отмечено число памятников, из которых происходят датированные образцы; значком * помечены коллекции с единичными и резко отличными определениями возраста

Ю.Б. Цетлин

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОНЧАРСТВА

Резюме. Происхождение гончарного производства включает в себя два взаимосвязанных процесса: появление форм сосудов и гончарной технологии. Анализ первого процесса связан с поиском прототипов и определением функций первых глиняных сосудов. Анализ второго процесса включает реконструкцию начальных представлений о пластичном сырье, составе формовочной массы и обжиге посуды. Исследование базируется на материалах Ближнего Востока и Анатолии 9–8 тыс. лет назад, Японии и Дальнего Востока России 13–11 тыс. лет назад, а также целом ряде этнографических данных. Автор приходит к выводу, что происхождение гончарства было результатом адаптации человека к местным природным условиям и естественной способности его к подражанию природе. Именно поэтому происхождение гончарного производства представляло собой полицентричный процесс, который многократно совершался в различных регионах Земного шара.

Ключевые слова: происхождение керамики; формы и размеры сосудов; пластичное сырье; формовочная масса; обжиг сосудов.

Вопрос о происхождении гончарства имеет в науке давнюю историю. Он неразрывно связан с вопросом о том, *Когда* и *Как* шло освоение человеком свойств глины и глиноподобных материалов для хозяйственных и иных нужд. Вновь обратиться к обсуждению этой проблемы позволили два важных обстоятельства. Первое из них связано с тем, что в 1969–1976 гг. Советская археологическая экспедиция под руководством Р.М. Мунчаева проводила обширные раскопки мезолитических и неолитических памятников в северном Ираке, в том числе – поселений с древнейшей керамикой (Мунчаев, Мерперт, 1981; Бадер, 1989). Второе обстоятельство – это то, что в течение 2012–2017 гг. В.Е. Медведевым была предоставлена возможность специального всестороннего изучения в Лаборатории «История керамики» ИА РАН древнейшей керамики Дальнего Востока России из раскопок А.П. Окладникова, А.П. Деревянко и В.Е. Медведева.

Традиционные представления о происхождении гончарства

Мифологические данные.

Они делятся на две подгруппы:

а) первые данные об использовании глины;

б) первые данные об изготовлении из нее сосудов.

Сводку мифологических фактов об использовании глины собрал Дж. Фрэзер в книге «Фольклор в Ветхом завете» (Фрэзер, 1990. С. 13–29). Представленная им сводка включает 33 легендарных свидетельства, зафиксированные у разных народов Земного шара, о создании из глины первых людей. Такие свидетельства отмечены у древних евреев, вавилонян, греков, египтян, а аналогичные этнографические свидетельства зафиксированы у австралийцев, новозеландских маори, на ряде островов Полинезии, Меланезии и Микронезии, у племен Бирмы и Цейлона, в Индии, на островах Тихого океана, на Суматре, Филиппинах, у марийцев, у целого ряда африканских племен, племен Северной и Южной Америки (от Аляски до Парагвая) и др.

Здесь важно отметить несколько общих черт: во всех случаях для создания человека использовались глина или ил, во всех случаях в роли творца выступало божество и никогда им не был человек или жрец. Отсюда можно сделать вывод о том, что первые навыки работы с глиной люди получили от богов, что указывает на высокую значимость самого этого производства. Эти свидетельства содержат и ряд любопытных «технологических» деталей: изготовление человека из

 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.446-459

смеси глины и божественной крови, из глины и крови разных животных, из земли и смолы; окончательную форму человеку придавали «специальным молотом на наковальне»; египетский отец богов Хнум вылепил людей из глины на гончарном круге.

Другие мифологические данные касаются изобретения непосредственно гончарства, т.е. искусства изготовления сосудов из глины.

Любопытная и очень подробная легенда сохранилась у племени Акамба в Восточной Африке (Липс, 1954. С. 379). Изложу ее кратко. Однажды женщина пошла на реку, чтобы принести воды в свернутых листьях. На берегу она нашла камень, пустой внутри. Она наполнила его водой, насыпала в него маиса и бобовой муки и сварила вкусный ужин. Другие женщины, пойдя на реку, не нашли такого же камня, но увидели жирную мягкую глину и, смешав ее с водой, придали ей форму полого камня. Они слепили много маленьких сосудов, обожгли их на огне, и горшки стали твердыми и крепкими, как камень. Так пришло к людям искусство изготовления глиняных горшков.

У украинских гончаров Полесья сохранилось предание, что делать глиняную посуду людей научил Премудрый Соломон, ему приписывается и изобретение гончарного круга (Бобринский, 1993. С. 53–54).

Этнографические данные.

24 июня 1503 г. капитан торгового судна Бино Польмье де Гонневиль отплыл в Африку из портового города Онфлер, что на севере Франции в Нормандии. Однако сильный шторм отбросил корабль далеко на запад и в конечном счете он оказался у берегов Бразилии. Капитан Гонневиль был очень наблюдательным человеком. Наблюдая жизнь местных племен, он обратил внимание, что жители для приготовления горячей пищи использовали не обычные глиняные горшки, а сосуды из дерева, которые были покрыты «особого рода глиной толщиной в добрый палец, предохраняющей их от действия огня».

Удивительные рассказы капитана Гонневиля попали на страницы Онфлерской хроники и были обнаружены примерно через 150 лет французским аббатом Антуаном Ив Гоке, который готовил книгу под названием «О происхождении законов, искусств и наук и их развитии у древних народов», изданную в 1758 г. (Goguet, 1775. P. 82). Опираясь на данные Гонневиля, аббат Гоке высказал предположение, что гончарное искусство возникло из опыта обмазывания глиной деревянных сосудов, пока однажды люди не поняли, что можно делать сосуды из одной только глины.

Позднее эту мысль стали пропагандировать многие историки культуры, среди которых можно назвать имена Л.Г. Моргана (1934. С. 11, примеч. 2), Э.Б. Тэйлора (1939. С. 152), Ю. Липса (1954. С. 142) и др. Они при этом опирались на факты о том, что у многих племен Африки, Южной Америки и Меланезии использовались плетеные сосуды, обмазанные слоем глины (рис. 1).

Лингвистические данные.

Гипотеза о происхождении гончарства из опыта обмазывания глиной плетеных сосудов была поддержана лингвистами, которые обнаружили, что в некоторых индоевропейских языках слова «плетеная изгородь», «глина», «глиняный сосуд» восходят к одной общей основе. По мнению О.Н. Трубачева, «главным достижением доисторического гончарства является тезис о происхождении гончарства из плетения. Первоначальное гончарство – разновидность плетения; стенка древнейшего сосуда родственна плетеной стене древнего жилища» (Трубачев, 1966. С. 176).

Критика «корзиночной» гипотезы

Отдельные исследователи обращали внимание на маловероятность этой теории, поскольку усадка глины при сушке и особенно обжиге неизбежно ведет к растрескиванию и разрушению сосуда, изготовленного на деревянной или плетеной основе (Липс, 1954. С. 142).

В течение многих лет эта проблема исследовалась в Лаборатории «История керамики» Института археологии РАН в Москве (Бобринский, 1993; 1997; 2006; Цетлин, 2013; 2014). Для проверки «корзиночной» гипотезы были предприняты опыты по обмазыванию твердых плетеных корзин чистой ожелезненной глиной и глиной, смешанной с навозом. В обоих случаях после сушки в слое обмазки образовались многочисленные сквозные трещины (рис. 2). Позднее И.Н. Васильевой эти опыты были продолжены в г. Самара. Она использовала четыре мягких корзины, сплетенных из стеблей рогоза. Первая была обмазана илом изнутри, вторая – глиной изнутри, третья – глиной снаружи и четвертая – глиной с обеих сторон. По мере высушивания на поверхности возникали трещины, наиболее значительные в четвертом случае, которые замазывались тем же материалом, из которого была сделана первоначальная обмазка. После высыхания все корзины были обожжены в кострище под слоем сухого навоза примерно в течение двух часов.

Первая и вторая корзины сохранилась полностью и совершенно не имели наружных и внутренних трещин, а при постукивании издавали звон (рис. 3 *а–б*). Третья корзина сохранилась полностью, но имела поверхностные и сквозные трещины, а четвертая – полностью разрушилась во время обжига. В результате этого эксперимента была доказана принципиальная возможность обмазывания илом или глиной мягких плетеных форм-емкостей с внутренней стороны (Васильева, 2006).

Открытым оставался только вопрос, использовали ли в действительности древние гончары такие плетеные емкости для изготовления сосудов. Для ответа на него нужно было выяснить, имеются ли на древнейшей керамике, хотя бы в единичных случаях, следы таких корзин.

Объектом изучения А.А. Бобринского и Ю.Б. Цетлина стала ранненеолитическая керамика различных археологических культур лесной и степной зоны Восточной Европы и в первую очередь древнейшая керамика Ближнего Востока (культуры Сотто и хассунская) и Дальнего Востока (осиповская культура). Хотя в общей сложности были исследованы черепки от нескольких сотен разных сосудов, ни в одном случае не удалось зафиксировать на внутренней или внешней поверхности глиняных сосудов следы каких-либо плетеных моделей. При раскопках телля Сотто в Ираке были отмечены отпечатки плетения на сосудах, изготовленных не из глины, а из гипса (Бадер, 1989. С. 101), который, однако, не дает усадки при высыхании.

Таким образом, изучение древнейшей керамики из разных районов Земного шара не подтвердило правильность «корзиночной» гипотезы происхождения гончарства. Все эти обстоятельства заставили вновь обратиться к поиску ответа на вопрос о путях происхождения гончарства.

Постановка проблемы

Вопрос о происхождении гончарства включает две проблемы: 1) как возникли разнообразные формы сосудов и 2) как возникла технология их изготовления. Очевидно, что любое новое культурное явление возникает, с одной стороны, для удовлетворения новых потребностей человека, а с другой – на фундаменте предшествующего культурного развития. Поэтому для того, чтобы реконструировать процесс происхождения гончарства, необходимо понять, во-первых, на какой более ранней основе возникали формы глиняных сосудов, во-вторых, что было фундаментом возникновения гончарной технологии.

Происхождение форм глиняных сосудов

Этот процесс следует рассматривать в двух аспектах: 1) какие емкости послужили *прототипами* форм глиняных сосудов и 2) какие *функции* выполняли первые сосуды из глины.

О «прототипах» глиняных сосудов.

Весьма вероятно, что до создания глиняных сосудов человек пользовался емкостями из других материалов. По этнографическим и археологическим данным известны емкости из камня, дерева, плетеных материалов, тыкв, раковин и т.п. Такие емкости могут быть разделены на две группы: а) готовые природные емкости (например, из тыкв или раковин) и б) искусственные емкости (каменные, деревянные, плетеные).

Сначала попробуем выяснить, подражали ли глиняные сосуды готовым природным емкостям. Для этого обратимся к этнографическим данным. Так У. Холмс в своей работе, посвященной изучению форм глиняных сосудов приводит ряд важных примеров (Holmes, 1883. P. 437–465). Первый из них происходит из памятника в юго-восточной части бассейна р. Миссури. Здесь мы видим, что глиняный сосуд имитирует форму тыквы или сосуда-калебасы, сделанного из плода тыквы (рис. 4 *а–б*). Второй пример происходит из памятников в долине р. Миссисипи и указывает на то, что народы, живущие на берегу моря или крупной реки, могли использовать в качестве готовых природных емкостей крупные раковины моллюсков (рис. 4 *в–е*).

Во многих странах в качестве емкостей широко использовали скорлупу кокосового ореха и яйца страуса, сосуды из кожи или желудка животных, которые также копировались в глине. Здесь приходится опираться на косвенные данные, так как емкости из органических материалов крайне редко сохраняются на археологических памятниках.

Другой вопрос: копировали ли гончары искусственные емкости: каменные, деревянные, плетеные? По данным, приведенным У. Холмсом, в Калифорнии и Аризоне известны каменные шаровидные сосуды и аналогичные глиняные имитации; в Арканзасе на древнем памятнике обнаружены глиняные корыта, которые являются практически точной копией деревянных; там же известны глиняные ковши, копирующие ковши, сделанные из рога; помимо этого, известно множество примеров, когда глиняные сосуды совершенно подражают по форме плетеным емкостям (рис. 5).

Обратимся к археологическим данным. В отличие от сосудов из органических материалов, каменные сосуды часто встречаются на донеолитических памятниках и поэтому достаточно хорошо известны (см., например: Mellaart, 1975; Rosenberg, Davis, 1992). На памятниках Ближнего Востока известны донеолитические *каменные* сосуды, относящихся к 10–9 тыс. л.н., имеющие ряд сквозных отверстий по верхнему краю (рис. 6, *1*). Так вот, совершенно аналогичные отверстия по верхнему краю характерны и для самых ранних глиняных сосудов (рис. 6, *2*) волго-окской и волго-камской культур Восточной Европы (8–7 тыс. л.н.), а также для наиболее ранней осиповской неолитической культуры российского Дальнего Востока (13–11 тыс. л.н.).

Таким образом, приведенные факты с большой вероятностью указывают, что древнейшие глиняные сосуды, скорее всего, представляют собой имитации более ранних готовых *природных* или *искусственных* емкостей, выполненные в принципиально новом материале.

О функциях первых глиняных сосудов

Самая общая функция любых сосудов – служить емкостями для сухих или влажных материалов. Более детальное представление о функции сосудов могут дать данные об их размерах и форме.

В статье использована информация о древнейших сосудах из памятников двух, не связанных между собой, регионов: Ближнего Востока и Анатолии 9–8 тыс. л.н. (памятники Телль Магзалия, Телль Сотто, Кюльтепе, Чайоню Тепеси, Хоса Чесме, Чатал Гуйюк, Телль Буграс, Халлан Чеми Тепеси и некоторые другие), и из памятников Японии (начальный период культуры Дзёмон) и Российского Дальнего Востока (Осиповка, Гася, Госян, Громатуха, 13–11 тыс. л.н.).

Из памятников Ближнего Востока и Анатолии были получены данные по 33 каменным сосудам, 16 стационарным емкостям, обмазанным глиной или гипсом, и 109 глиняным сосудам.

Каменные (донеолитические) сосуды представлены формами очень малых и малых объемов (т.е. не более 2,5 л), поскольку вытачивание вручную крупных сосудов из камня было весьма трудоемким. По общей пропорциональности они в основном относятся к низким и средним сосудам (76%).

Стационарные емкости, возникшие еще в донеолитическую эпоху, были разного размера. Около 30% их относится к группе «мобильных» сосудов объемом до 50 л. Вероятно, этот факт фиксирует самое начало использования таких емкостей в быту для тех же целей, которым потом служили сосуды из глины. Однако большинство стационарных емкостей (около 50%) имело значительные размеры (от 200 до 800 л) (рис. 7). По общей пропорциональности 50% стационарных емкостей относятся к группе низких сосудов (рис. 9).

Глиняные сосуды почти целиком относятся к группе «мобильных» (97%). Наиболее широко (около 63%) представлены очень малые и малые по объему сосуды (от 170 мл до 2,5 л). Средние по объему сосуды составляют 24% (рис. 7). Закономерно, что глиняные сосуды по своему объему заметно больше каменных. Зато по своей общей пропорциональности и каменные, и глиняные сосуды практически одинаковы (рис. 9).

Из приведенных фактов можно сделать ряд выводов.

Во-первых, размер сосудов зависел, в том числе, от материала, из которого они делались (каменные сосуды заметно меньше глиняных).

Во-вторых, развитие производства глиняных емкостей шло в двух основных направлениях: создание небольших мобильных сосудов (до 2,5 л) и огромных стационарных емкостей (свыше 200 л); очевидно, что те и другие имели разное функциональное назначение.

В-третьих, сходство каменных и мобильных глиняных сосудов по общей пропорциональности указывает на их частичную функциональную преемственность, хотя сфера применения глиняной посуды была, конечно, значительно шире.

Из памятников Японии и Дальнего Востока использованы данные по 69 только глиняным сосудам.

Все сосуды относятся к группе «мобильных» (до 50 л), среди которых по объему выделяются очень малые (14%), малые (25%) и средние (52%) (рис. 8). Важно отметить, что в целом они значительно крупнее, чем мобильные глиняные сосуды, употреблявшиеся на Ближнем Востоке. По общей пропорциональности 94% этих сосудов относятся к группе средних (рис. 9).

Очевидно, что по своему функциональному назначению эти сосуды были значительно более единообразны по сравнению с древнейшей посудой на Ближнем Востоке. Судя по изучавшейся мною древнейшей посуде Приамурья, она использовалась главным образом для приготовления горячей пищи.

Подводя итоги изучения форм глиняных сосудов, можно заключить, что здесь имели место как общие, так и локальные закономерности.

К общим относятся, во-первых, то, что сосуды из глины по своей форме скорее всего копировали

более ранние естественные и искусственные неглиняные емкости, хотя отличались от них большим разнообразием; во-вторых, древнейшие глиняные сосуды по общей пропорциональности практически полностью совпадали как с более ранними сосудами из неглинистых материалов, так и между собой в разных регионах, а по своему объему занимали как бы промежуточное положение между каменными и стационарными емкостями.

К локальным закономерностям можно отнести различия древнейших глиняных сосудов, во-первых, по разнообразию ассортимента и, во-вторых, по их размерным особенностям в разных регионах.

Эти различия были обусловлены, с одной стороны, разными неглиняными прототипами первых глиняных сосудов, а с другой стороны, неодинаковым их функциональным назначением и использованием в быту.

Происхождение гончарной технологии

В связи с этим важно напомнить, что традиции работы с глиной как природным пластическим материалом намного древнее самого гончарного производства. Поэтому ко времени возникновения гончарства человек уже располагал богатым опытом использования глинистых материалов при строительстве жилищ, очагов и печей, при изготовлении предметов мелкой пластики в ритуальных целях.

В настоящее время можно считать доказанным, что традиции использования разных видов глинистого и глиноподобного сырья, как и традиции целенаправленного введения в формовочную массу различных искусственных примесей, сформировались в человеческих коллективах, обитавших в разных природно-климатических и хозяйственных условиях.

Судя по известным сегодня данным, ранненеолитическая посуда изготавливалась, во-первых, из готовых природных материалов (различных илов или глин) без искусственных добавок, во-вторых, из специально приготовленной формовочной массы с минеральными добавками (дресва, песок, шамот и др.), в-третьих, также из специально приготовленной формовочной массы с органическими добавками (помет птиц, навоз животных и т.п.). Рассмотрим эти три варианта.

Изготовление сосудов из готовых природных материалов.

К таким материалам, прежде всего, относятся *равнинные илы* (рис. 10 *а–б*), которые, кроме глинистых частиц, содержат большое количество разнообразных органических остатков (главным образом, растительных и обломков раковин моллюсков). Районы распространение этой традиции приурочены в первую очередь к лесной и лесостепной зонам с умеренным, субтропическим и тропическим климатом, где имелось большое количество болот и повышенная влажность.

Другим готовым к использованию материалом были так называемые *«горные илы»* (рис. 10 *в–г*), засоренные большим количеством минеральных включений. Такое сырье распространено главным образом в предгорных и горных районах и содержит, как правило, сложный по составу остроугольный песок, который легко перепутать с искусственной примесью дресвы, т.е. дробленого камня.

Сосуды, сделанные из равнинных и горных илов с большим количеством естественной органики или большим количеством естественного слабоокатанного или остроугольного песка, не могли применяться в условиях достаточно влажного климата без предварительного, хотя бы краткого, термического воздействия. Напомню, что минеральные примеси повышают огнестойкость сосудов, т.е. способность переносить сильные колебания температуры, неизбежные при костровом обжиге.

Ранненеолитическая керамика, изготовленная из различных илов, сейчас хорошо известна в разных регионах (Бобринский, Васильева, 1998; Бобринский, 1999. С. 26–31, 77–79; Цетлин, 2007; Медведев, Цетлин, 2013; Цетлин, Медведев, 2015).

Изготовление сосудов из смеси природной глины и искусственных минеральных добавок.

В раннем неолите керамика с искусственной минеральной примесью была распространена достаточно широко в разных районах Земного шара. Здесь прежде всего следует отметить введение гончарами в формовочную массу примеси песка и дресвы (дробленого камня) в достаточно значительной концентрации (рис. 11 *а–б*). Формирование этих традиций, скорее всего, уходит своими корнями в традиции изготовления сосудов из природной глины, богатой естественными минеральными примесями, и связано с переселением гончаров из горных и предгорных районов в равнинные области, где такие глины были редкостью. Поэтому гончары были вынуждены создавать искусственные формовочные массы, вводя в более чистую глину те минеральные компоненты, которые содержались в привычной для них глине в естественном состоянии. Как и в предыдущем случае, такие сосуды требовали целенаправленного обжига.

До последнего времени оставалось непонятным, как сформировалась традиция введения в формовочную массу примеси *шамота*, т.е. дробленых черепков от старых сосудов (рис 11 *в–г*). В литературе можно встретить мнение, что причиной использования шамота было стремление гончаров придать новым сосудам такую же прочность, которая была свойственна старым сосудам, или для того, чтобы подчеркнуть традиционную связь нынешних гончаров со своими предшественниками (Иорданский, 1991. С. 74). Если это мнение верно, то причина использования примеси шамота лежит не в производственной, а в ритуальной сфере.

Однако в последнее время были сделаны наблюдения, которые позволяют высказать и другое предположение. При изучении керамики одной из древнейших культур Дальнего Востока России – осиповской, датируемой 13–11 тыс. л.н., было установлено, что местные гончары использовали илистое сырье с естественной примесью *сланцевой глины* и *бурого железняка* (рис. 12). Иногда концентрация этих частиц в формовочной массе достигала 30% и даже 50% общего объема. Те и другие частицы внешне очень напоминают шамот, но включения сланцевой глины отличаются от него очень чистым и слоистым глинистым составом, а включения бурого железняка часто имеют концентрическую структуру и отличаются металлическим блеском. По своим свойствам такие включения сообщают формовочной массе примерно те же самые положительные качества, которые придают ей искусственные минеральные примеси, т.е. повышают ее огнестойкость. Позднее в этом регионе Дальнего Востока распространяется мариинская культура, посуда которой изготавливалась из глины с искусственной примесью шамота (Цетлин, Медведев, 2014), что допустимо рассматривать как сознательную имитацию более древней традиции осиповской культуры.

Выявленные факты позволяют предположить, что при переходе гончаров на новые залежи глин, которые не имели естественной примеси сланцевой глины и бурого железняка, перед ними возникла задача создавать привычный состав формовочной массы искусственным путем, для чего они добавляли в нее, внешне очень похожие, измельченные обломки своих глиняных сосудов (т.е. шамот).

В этом случае первые опыты по использованию гончарами примеси шамота отражают ту же самую тенденцию, которая была выявлена для минеральных примесей песка и дресвы, и нацеленную на искусственную имитацию использовавшихся их предшественниками готовых составов природного пластичного сырья.

Изготовление сосудов из смеси глины и искусственных органических материалов (рис. 13).

Судя по изученным материалам, наиболее широко в древности использовались в этом качестве *помет водоплавающих птиц, дробленая раковина с телом моллюска или без него* и *навоз жвачных животных.*

Использование в составе формовочной массы помета водоплавающих птиц и дробленой раковины характерно в раннем неолите исключительно для обществ с присваивающей экономикой, т.е. тех обществ, которые жили за счет охоты, рыбной ловли и собирательства. Напротив, применение навоза животных для этой цели свойственно исключительно обществам с производящей экономикой, т.е. разного рода земледельцам и скотоводам (Tsetlin, 2003). Это связано с тем, что они использовали для этого навоз домашних животных. Широкое применение этого материала человеком началось еще задолго до возникновения гончарства, что нашло отражение в строительстве глинобитных конструкций из саманных блоков или кирпича, которое широко было распространено уже в донеолитическую эпоху в районах с жарких и сухим климатом.

Помет водоплавающих птиц в эпоху раннего неолита был вполне доступен для сбора главным образом в районах массовых гнездовий перелетных птиц (так называемых «птичьих базаров»). Хотя сегодня они представляют собой достаточно редкое явление, но еще в XIX в. путешественники описывали огромные птичьи базары на Средней Волге. Очень вероятно, что в древности такие базары существовали в весенний и осенний сезоны практически на всех водоемах средней полосы.

Введение в формовочную массу значительного количества птичьего помета вело, во-первых, к повышению ее пластичности, во-вторых, к сильной *самоцементации* глинистых частиц и, в-третьих, к уменьшению вредного влияния усадки глины при сушке и обжиге. Применение в качестве искусственной добавки дробленых раковин пресноводных моллюсков способствовало повышению спекаемости формовочной массы. Что касается термической обработки таких сосудов, то в обоих случаях они допускали только низкотемпературный обжиг или обжиг в течение короткого времени при температурах каления глины (выше 650°С). Более длительный и интенсивный обжиг приводил к полному выгоранию одних органических материалов и разрушению

после обжига других, что делало сосуды очень пористыми и непрочными, а это уже не позволяло использовать их в быту.

По археологическим данным известно, что помет птиц использовался как во влажном, так и в сухом измельченном состоянии. Очень вероятно предполагать, что применение его во влажном состоянии было более ранним, поскольку отмеченные выше его положительные качества проявляются в таком состоянии наиболее сильно.

Начало использования в качестве компонента формовочной массы помета птиц и дробленых раковин, вероятно, было связано с переходом древних гончаров от применения богатых растительной и иной органикой *равнинных илов* к созданию похожей искусственной смеси из глины и помета птиц или искусственно введенной дробленой раковины. На это указывает и то, что равнинный ил уже сам по себе может содержать в значительном количестве помет водоплавающих птиц, гнездящихся на отмелях и в прибрежной полосе водоемов. Таким образом, создание формовочной массы из глины и помета или глины и раковины, скорее всего, *имитировало* состав готового природного сырья, использовавшегося раньше для изготовления посуды.

Навоз животных. При формальном сходстве этого материала с описанным выше, его практическое использование древними гончарами имело совершенно иную основу. Я уже упоминал, что навоз животных в сочетании с глиной активно применялся с очень раннего времени для строительства. Вероятно, именно тогда люди обратили внимание на важные свойства этого материала, прежде всего, на то, что глина в сочетании с большим количеством навоза обладает повышенной прочностью и устойчивостью к влаге, по сравнению с чистой глиной. Это особенно было заметно в сезон интенсивных дождей, характерных для районов с жарким климатом.

Вероятно, первоначально смесь глины и навоза возникала естественным путем в местах пастбищ или содержания большого количества домашних животных, а также у водоемов, куда животные приходили на водопой. Этому способствовало широкое распространение природных глин и очень тонкий почвенный покров во многих районах Ближнего и Среднего Востока. Смешивание навоза с глиной происходило, скорее всего, преимущественно в дождливый период за счет многократного топтания большого числа животных на ограниченном участке.

Позднее навоз стал вводиться в глину искусственным путем, т.е. специально, с целью опять же *имитации* того состояния, которое раньше возникало естественным образом.

Изучение керамики древнейшей ранненеолитической культуры Сотто и хассунской культуры, распространенных на Ближнем Востоке, показало, что гончары широко использовали при составлении формовочной массы навоз как крупного, так и мелкого рогатого скота. Причем часто он применялся в очень значительной концентрации (Бобринский, 1989; Tsetlin, 2003). Эта керамика подвергалась кратковременному высокотемпературному обжигу, о чем свидетельствует трехслойность излома с резкой цветовой границей между поверхностными и центральным слоями черепка.

Заключение

Все приведенные выше факты позволяют прийти к следующим выводам.

Во-первых, процесс формирования древнейшего гончарства шел не изолированно, а в тесной связи с развитием других сфер человеческой культуры, из которых были заимствованы многие традиции, получившие потом распространение и дальнейшее развитие в рамках самого гончарного производства.

Во-вторых, происхождение гончарства представляло собой *полицентричный процесс* – оно многократно возникало в разных районах Земного шара до тех пор, пока его быстрое и сплошное распространение не скрыло от нас истоки этого явления.

Несмотря на независимость друг от друга разных «очагов» возникновения гончарства, этот процесс подчинялся одной общей закономерности. Она состояла в том, что *сначала для изготовления сосудов мастера использовали готовые природные материалы, а позднее, когда эти материалы в силу тех или иных конкретно-исторических причин оказывались для них недоступными, предпринимали действия по искусственной их «имитации» путем введения в формовочную массу определенных минеральных или органических добавок, которые, с одной стороны, были внешне похожи на те, которые раньше содержались в природном сырье в готовом виде, а с другой – придавали новому глинистому сырью те физико-технические свойства, которыми характеризовалось их прежнее готовое природное сырье*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер Н.О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.

Бобринский А.А., 1989. Технологическая характеристика керамики из телль Сотто и Кюльтепе // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М. С. 327–334.

Бобринский А.А., 1993. Происхождение гончарства // Українське гончарство. Кн. 1. Київ. С. 39–55.

Бобринский А.А., 1997. О структуре и происхождении гончарной технологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. СПб; Псков. С. 90–96.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: (коллективная монография). Самара. С. 5–109.

Бобринский А.А., 2006. Данные технологии о происхождении гончарства // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара. С. 413–421.

Бобринский А.А., Васильева И.Н., 1998. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара. С. 193–217.

Васильева И.Н., 2006. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара. С. 426–439.

Иорданский В.Б., 1991. Звери, люди, боги: очерки африканской мифологии. М.

Липс Ю., 1954. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б., 2013. Технико-технологический анализ древнейшей керамики Приамурья (13–10 тыс. л.н.) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (54). С. 94–107.

Морган Л.Г., 1934. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М. XVI, 350 с.

Трубачев О.Н., 1966. Ремесленная терминология в славянских языках. М.

Тэйлор Э., 1939. Первобытная культура. М.

Фрэзер Дж., 1990. Фольклор в Ветхом завете. М.

Цетлин Ю.Б., 2007. О происхождении верхневолжской культуры // Влияние природной среды на развитие древних обществ: материалы науч. конф. Йошкар-Ола. С. 197–208.

Цетлин Ю.Б., 2013. Современные взгляды на происхождение гончарства // Вестник Томского государственного университета. История. № 3 (23). С. 74–80.

Цетлин Ю.Б., 2014. Формирование древнейшего гончарства: механизмы и результаты // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань. С. 370–373.

Цетлин Ю.Б., Медведев В.Е., 2014. Керамика мариинской культуры нижнего Приамурья // Археология, этнография и антропология Евразии. 4 (60). С. 43–53.

Цетлин Ю.Б., Медведев В.Е., 2015. Гончарство осиповской культуры Приамурья (11–13 тыс. л.н.) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии.: Междунар. симпозиум, 29–31 окт. 2013 г., Москва. М. С. 298–312.

Goguet A.-Y., 1775. The origin of laws, arts, and sciences, and their progress among the most ancient nations. Edinburgh. Vol. I.

Holmes W.H., 1883. Origin and Development of Form and Ornament in Ceramic Art: Fourth Annual Report of the Bureau of Ethnology. Washington. P. 437–465.

Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. London.

Rieth A., 1960. 5000 Jahre Töpferscheibe. Konstanz.

Rosenberg M., Davis M.K., 1992. Hallan Çemi Tepesi, an early aceramic Neolithic site in Eastern Anatolia: Some preliminary observations concerning material culture. Anatolica. 18. P. 1–18.

Tsetlin Y.B., 2003. Ancient Pottery Traditions in Tribes with Hunting-and-Gathering and Productive Economy // The Old Potter's Almanack. June 2003. Vol. 8, no. 2. P. 4–6.

Tsetlin Y.B., 2003. Organic Temper In Ancient Ceramics // Ceramic in the Society. Proceedings of the 6th European Meeting on Ancient Ceramics. Fribourg, Switzerland, 3–6 October 2001. Fribourg. P. 289–310.

Yu.B. Tsetlin

THE ORIGIN OF ANCIENT POTTERY PRODUCTION

Abstract. The origin of pottery production involves two interconnected processes: the emergence of vessel shapes and pottery technology. To clarify the nature of the first process we need to identify prototypes for the shapes of clay vessels and to determine the functions of the first clay vessels. The study of pottery technology involves the earliest plastic raw materials, composition of pottery pastes, and vessels' firing regimes. The research is based on archaeological ceramics from the Near East and Anatolia of 9–8 millennia ago, and from the Japan and the Far East of Russia 13–11 millennia ago. A range of ethnographic data was also used. The origin of pottery production was a result of adaptive processes of men to local natural and human natural ability to imitation. That is why the origin of pottery production was a polycentric process, appeared a lot of times in various regions of the Earth.

Keywords: origin of ceramics; shapes and size of vessels; raw material; pottery paste; firing regimes.

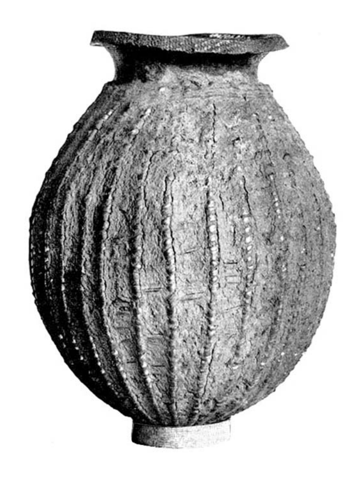

Рис. 1. Плетеный сосуд, обмазанный глиной, этнография, Руанда, Африка (Rieth, 1960. S. 13)

Рис. 2. Экспериментальный плетеный сосуд, обмазанный глиной со следами растрескивания при высыхании

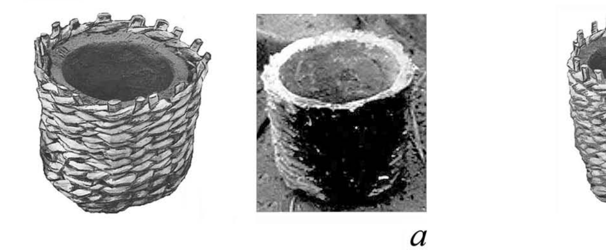

Рис. 3. Корзины, обмазанные изнутри илом (*а*) и глиной (*б*), до и после обжига (фотографии любезно предоставлены И.Н. Васильевой)

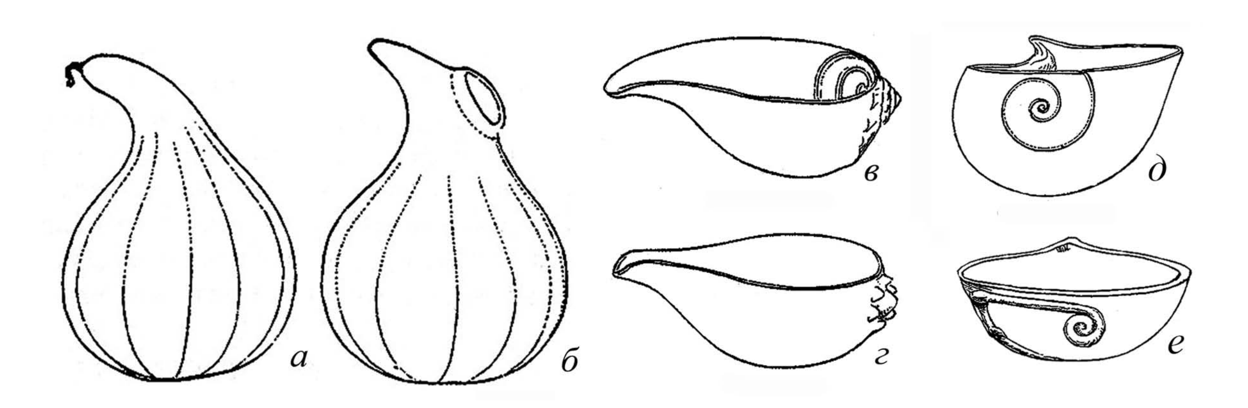

Рис. 4. Сосуды из тыквы (*а*) и раковин (*в, г*) и глиняные подражания (*б, д, е*) (Holmes, 1886. P. 446, 454)

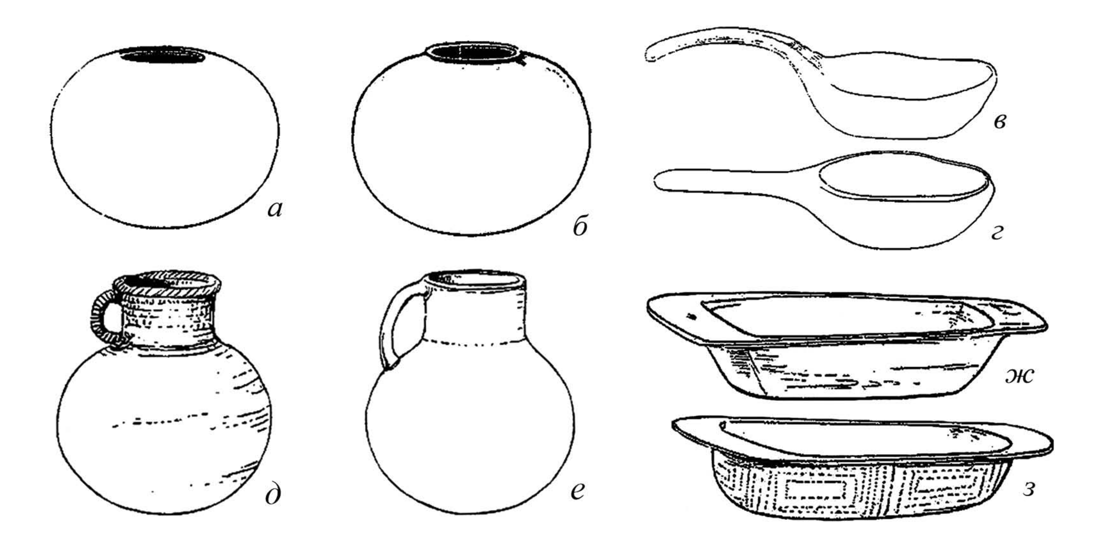

Рис. 5. Искусственные сосуды из камня (*а*), рога (*в*), растительных волокон (*д*), дерева (*ж*) и их глиняные подражания (*б, г, е, з*) (Holmes, 1886. P. 448–449)

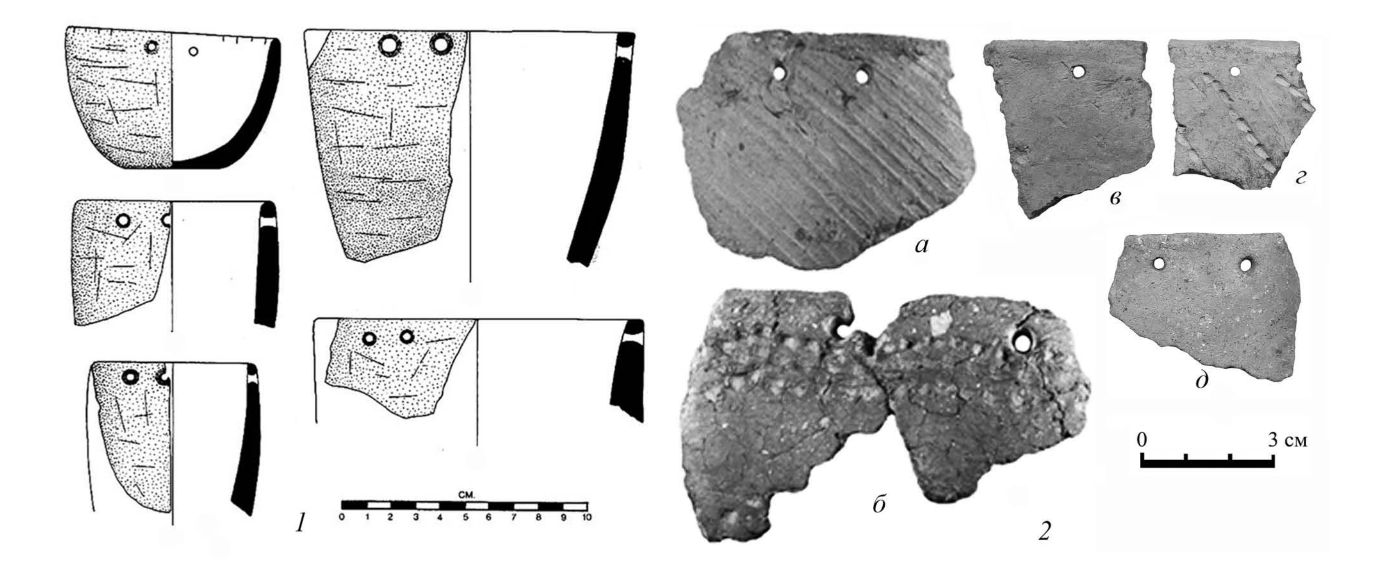

Рис. 6. Донеолитические каменные сосуды Анатолии: *1* – (Rosenberg, Davis, 1992. P. 4) и ранненеолитические глиняные сосуды с аналогичными сквозными отверстиями под венчиком. *2*: *а* – Гася; *б* – Осиповка 1 (осиповская культура, Приамурье); *в* – Отарское 6 и *г* – Дубовское 3 (накольчатая керамика раннего неолита, Среднее Поволжье), *д* – Сахтыш VIII (волго-окская культура, Верхняя Волга)

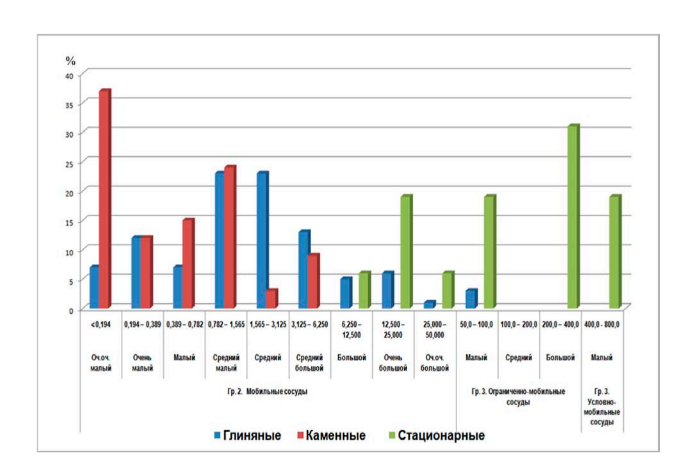

Рис. 7. Ближний Восток и Анатолия. Данные об объеме древнейших глиняных и каменных сосудов и стационарных емкостей

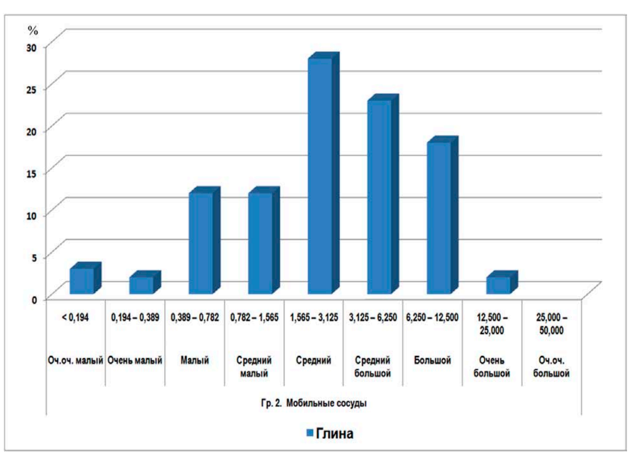

Рис. 8. Дальний Восток и Япония. Данные об объеме древнейших глиняных сосудов

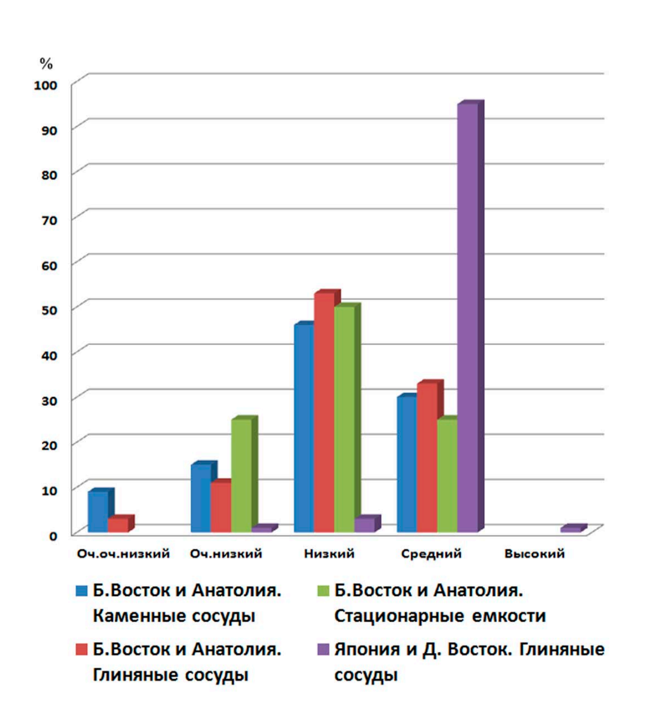

Рис. 9. Ближний Восток, Анатолия, Дальний Восток, Япония. Данные об общей пропорциональности каменных и глиняных сосудов и стационарных емкостей

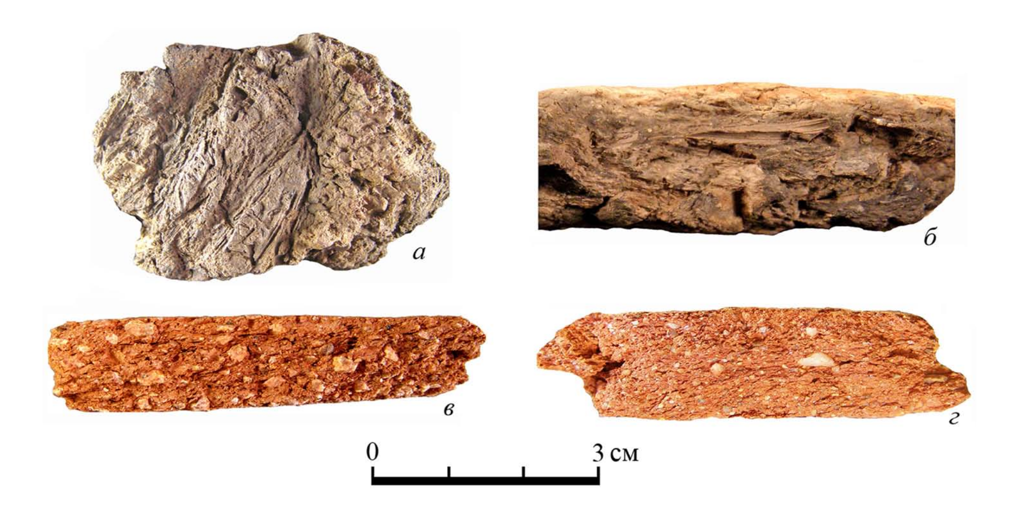

Рис. 10. Равнинные (*а, б*) и горные (*в, г*) илы как исходное пластичное сырье для изготовления сосудов: *а*, *в* – ст. Госян; *б* – ст. Осиповка I; *г* – ст. Гася (Приамурье)

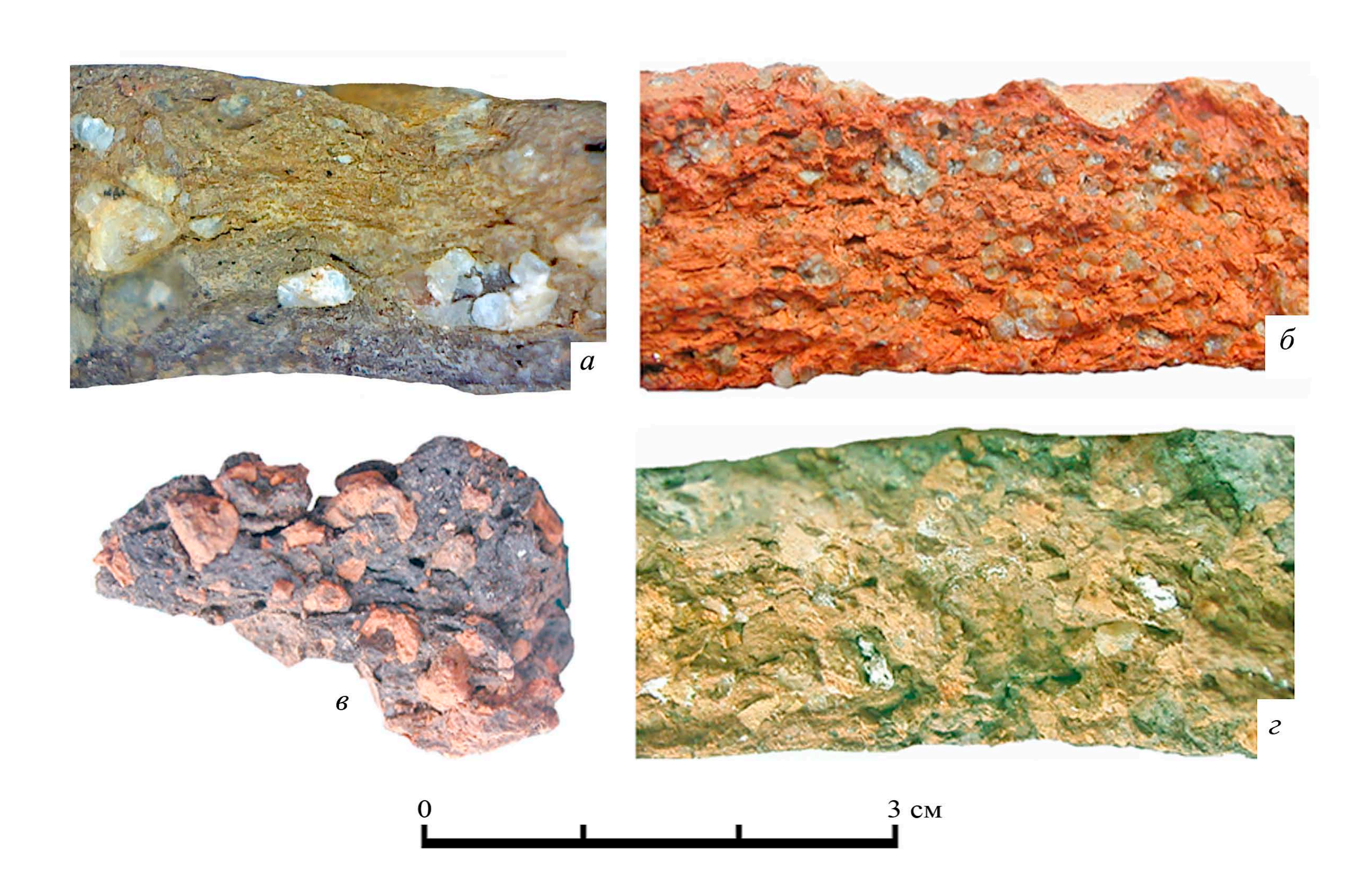

Рис. 11. Искусственные минеральные примеси в формовочной массе керамики: *а* – глина + песок, Чаренга III (гребенчатая керамика, Карелия), *б* – глина + дресва, Сахтыш VIII (культура с ямочно-гребенчатой керамикой, Верхняя Волга), *в* – глина + шамот, Телль Хазна I (урукская культура, Сирия), *г* – глина + шамот, Ивановское VII (верхневолжская культура, Верхняя Волга)

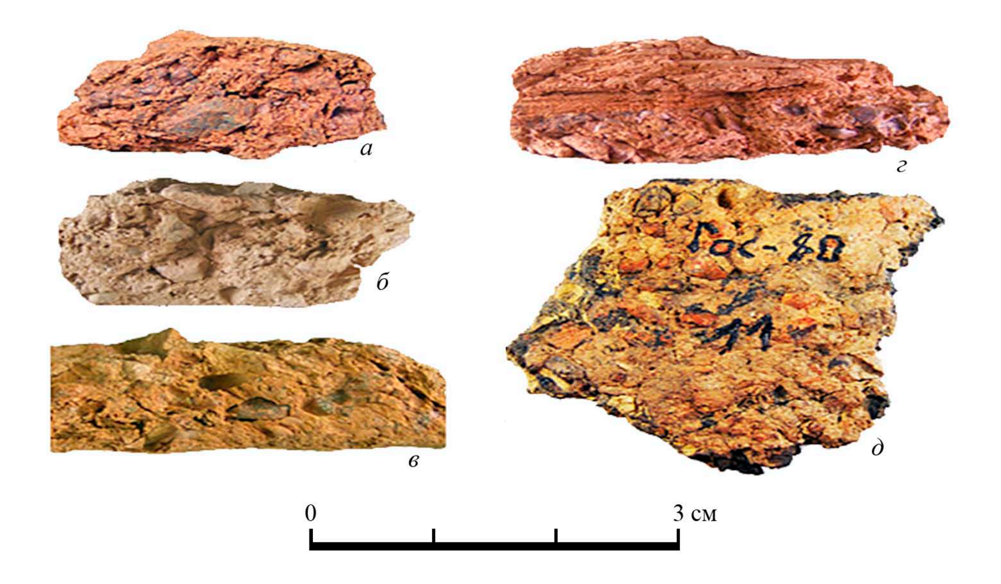

Рис. 12. Естественные примеси бурого железняка и сланцевой глины в природном илистом сырье: *а, б* – Гася; *в–д* – Госян.

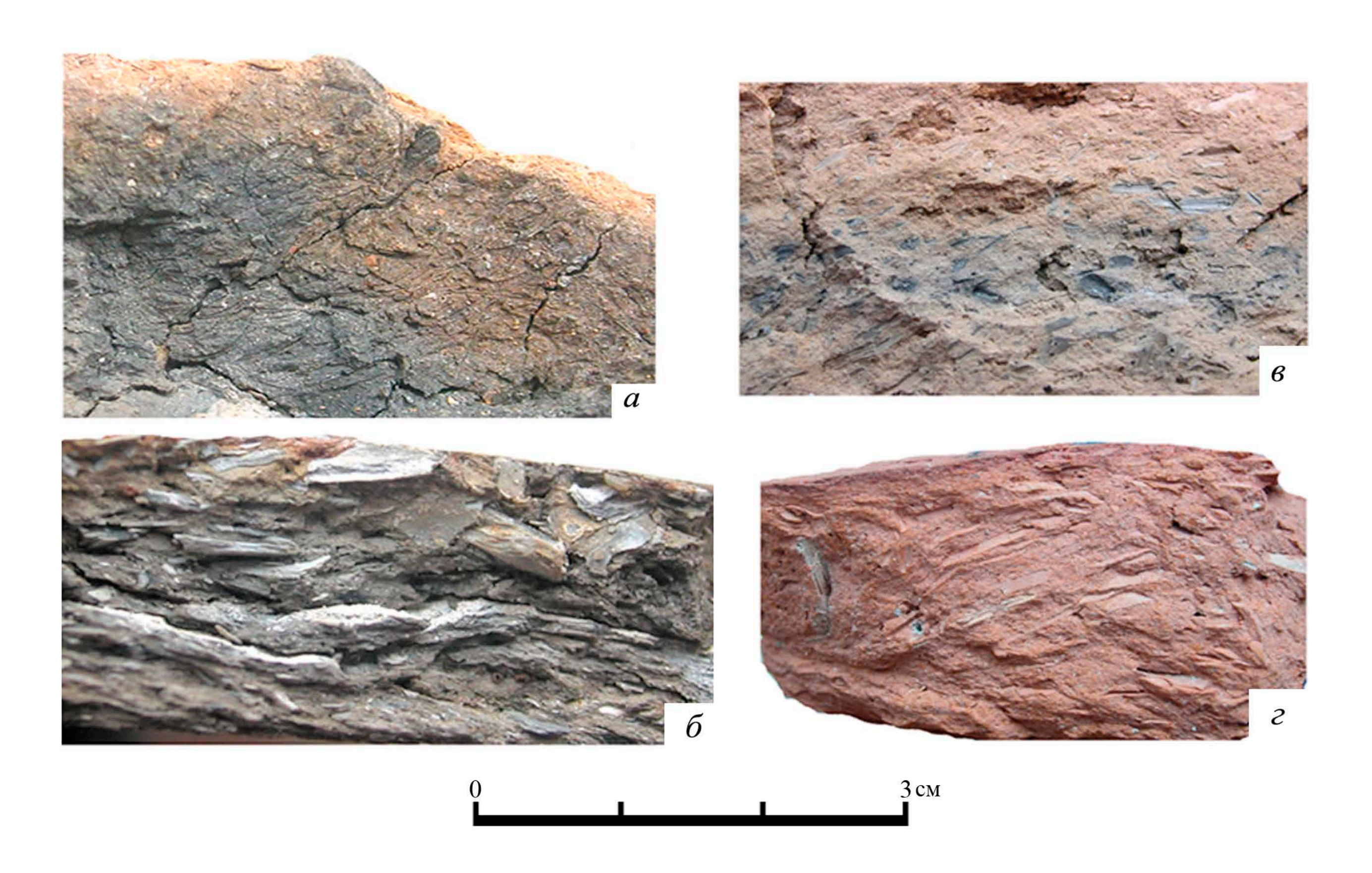

Рис. 13. Искусственные органические примеси в формовочной массе археологической керамики: *а* – глина + помет птиц, Сахтыш I (волосовская культура, Верхняя Волга) и *б* – глина + дробленая раковина (группа с редкоямочной тонкостенной керамикой, Верхняя Волга), *в* – глина + навоз МРС (культура Сотто, Северный Ирак), *г* – глина + навоз МРС (майкопская культура, Северный Кавказ)

Раздел V

ИСТОРИЯ НАУКИ

С.В. Кузьминых, И.В. Белозёрова

У ИСТОКОВ МОСКОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ: В.А. ГОРОДЦОВ И ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ИСКУССТВОЗНАНИЯ РАНИОН

Резюме. В.А. Городцов стоял у истоков системной подготовки кадров археологов в 1 МГУ и РАНИОН в 1920-е – начале 1930-х годов. Большинство московских археологов, окончивших в те годы отделение археологии ФОН 1 МГУ и аспирантуру Института археологии и искусствознания РАНИОН, были прямыми учениками Городцова, прошли через его лекции, семинары и экспедиции. Василий Алексеевич стремился подготовить «серьезных работников-археологов», вооружив их теоретическими и методическими знаниями, навыками камеральной и полевой работы. Со второго курса аспирантуры его ученики вели самостоятельные археологические разведки и раскопки. Московская археологическая школа (С.В. Киселев, А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, Д.А. Крайнов, М.Е. Фосс, П.А. Дмитриев, А.П. Смирнов, Л.А. Евтюхова, В.П. Левашева, О.А. Кривцова-Гракова, Б.А. Рыбаков, Е.И. Крупнов и др.) выросла из педагогической школы В.А. Городцова 1920-х годов.

Ключевые слова*:* В.А. Городцов; Институт археологии и искусствознания РАНИОН; факультет общественных наук 1 МГУ; московская археологическая школа.

Становление московской археологической школы неразрывно связано с именем ее негласного лидера В.А. Городцова (1860–1945). Будучи в археологии самоучкой, ученый, тем не менее, осознавал необходимость появления в России профессиональной системы подготовки кадров археологов и еще до революции немало сделал для ее создания. В Московском археологическом институте (1907–1915) и в его отделениях в Витебске, Смоленске, Калуге, Ярославле, Нижнем Новгороде, а затем в Московском народном университете им. А.Л. Шанявского (1915–1918) он разработал, прочитал и опубликовал учебный курс, включивший лекции по первобытной и бытовой археологии, методике археологических раскопок и камеральной обработке добытых материалов (Городцов, 1908; 1910; 1911; 1914а). По мнению современников, «В.А. Городцов создал монументальный труд, охватывавший все аспекты археологической науки того времени» (Смирнов А.С., 2015. С. 320); подчеркивается систематизирующее значение этого труда для русской археологии (Клейн, 2011. С. 652) и его оценка как первой развернутой археологической версии мирового культурно-исторического процесса в русской археологии (Лебедев, 1992. С. 254).

Проводниками новаторских взглядов ученого, связанных, прежде всего, с разработкой типологического метода и археологической классификации, стало первое поколение его учеников (В.В. Гольмстен, М.Э. Воронец, Е.Н. Клетнова, Д.Н. Эдинг, Н.К. Ауэрбах, Ф.В. Баллод, П.С. Рыков, В.В. Арендт, С.А. Локтюшев и др.). В процессе обучения они готовили сообщения, рефераты, научные отчеты, вели оригинальные исследования (в основном по материалам Российского Исторического музея), которые в конце обучения защищались как диссертации на соискание звания «ученый-археолог». Для исследования предлагались темы: «Древнерусское племя радимичей по археологическим данным» (В.В. Гольмстен), «Булавки Европейской России» (Д.Н. Эдинг, П.С. Рыков), «Фибулы Европейской России» (С.И. Флях), «Типы мечей и сабель Евро-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-296-4.463-476

пейской России» (Е.В. Городцова), «Типы перстней и ручных колец по материалам ИРИМ» (Н.Н. Шмыткина), «Русские пряжки ИРИМ» (В.С. Воронов), «Греческие чернофигурные и краснофигурные вазы ИРИМ» (К.И. Штрауберг) и др.

В РИМе слушатели обучались методике работы с археологическими материалами и памятниками в целом (датировка, классификация, систематизация), осваивали навыки реставрации металлических предметов, тканей и их хранения, учились нашивке вещей на планшеты и др. В 1910-е годы началась реэкспозиция музея. В новых залах Городцов стал широко использовать научно-вспомогательные материалы – макеты станков, древних землянок, шахт, погребений (некоторые из них просуществовали до 1960-х годов). Самыми активными помощниками при их изготовлении, а также инвентаризации и каталогизации коллекций РИМ была «пожарная команда Городцова» – так в шутку называли его учеников, помогавших учителю в работе (Студзицкая, 1988. С. 8, 9). Параллельно велись занятия по музееведению – слушатели учились «пользоваться сокровищами Исторического музея, где им чаще всего придется работать» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 112. Л. 47об.). В «Журнале занятий со слушателями III курса МАИ на 1914/1915 гг.» Василий Алексеевич оставил запись: «Слушатели знакомились с порядком поступления, регистрации и размещения древностей музея <…> осмотрены инвентарные книги, подвижной карточный каталог <…> запасные коллекции и коллекции, выставленные в открытых залах» (Там же. Л. 47).

В преддверии XVI Археологического съезда в Пскове (к сожалению, не состоявшегося из-за начавшейся Первой мировой войны) ученики Городцова активно включились в реализацию плана систематического археологического исследования Псковской губернии. План был разработан в 1912 г., получил одобрение членов Московского археологического общества и лично графини П.С. Уваровой (Городцов, 1914б). Его разработка в немалой степени была сопряжена с желанием Городцова-педагога «дать возможность поработать бывшим ученикам по археологическому институту» (цит. по: Стрижова, 1988. С. 30). Выявление и изучение псковских древностей должно было стать своеобразным испытанием и апробацией сил В.В. Гольмстен, Д.Н. Эдинга, П.С. Рыкова, М.Э. Воронец и др. Молодые исследователи успешно сдали этот экзамен. Коллекции из разведок и раскопок учеников Городцова заняли ведущие места на выставке, приуроченной к открытию Псковского съезда (Каталог выставки… 1915. С. 1–5), а доклады по итогам исследований были заслушаны в МАО (Отчет о состоянии… 1914. С. 341). По рекомендации Василия Алексеевича Веру Гольмстен, Дмитрия Эдинга и Максимилиана Воронца избрали членами-корреспондентами МАО, но главное – пригласили на работу в Российский Исторический музей.

В императорской России отсутствие высшего образования закрыло ученому доступ к преподаванию в Московском университете. Революция сняла эти препоны. В 1918 г. Городцов был утвержден в звании профессора археологии и в 1919–1930 гг. читал лекции по первобытной археологии и истории первобытного искусства на факультетах общественных наук (археологическое отделение), этнологическом (отделение истории и археологии) и историко-философском 1 МГУ (рис. 1). В 1930 г. его отлучили от университета, но в 1935 г. Василий Алексеевич вернулся к преподаванию своих прежних курсов на биофаке и в Институте антропологии МГУ, в 1938 г. – в МИФЛИ, а в 1941–1945 гг. – на кафедре археологии МГУ (Канторович, 2009. С. 311, 312; Белозёрова, Кузьминых, 2015. С. 58).

Для студентов-археологов 1 МГУ 1920-х годов Городцов не просто учитель, любимый профессор и руководитель научно-студенческого археологического кружка (функционировал с 1926 г.), но и истинный кумир. Его университетская школа существовала как единый научный организм. В ней постоянно шло интеллектуальное общение профессора и его учеников разных поколений (Кызласова, 2010. С. 758). Эта школа представляла собой особое братство, некий клан под шуточным названием «Тотем Лягавой лягушки». Предводителем и вождем «тотема» был, конечно, сам Василий Алексеевич (Китова, 2007. С. 130, 131; Кызласова, 2010. С. 758, 759). Он – часто в ущерб научным занятиям – старался передать ученикам все свои знания и опыт. Его семинары по практическому освоению типологического метода и осмыслению базовых археологических понятий («поселение», «жилище», «погребение» и др.) гораздо лучше готовили его учеников к восприятию марксистской социологии, нежели курсы, которые читали философы-марксисты.

Сами семинары, проходившие в фондах и экспозиционных залах Государственного Исторического музея, позволяли студентам-археологам на практике изучить музейное дело. В дальнейшем многие из них (А.Я. Брюсов, С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова, Д.А. Крайнов, М.Е. Фосс, А.П. Смирнов и др.) влились в коллектив музея. Специальные занятия по

методике полевых археологических исследований и регулярная экспедиционная практика достаточно быстро вырабатывали у городцовских студентов необходимые навыки для первых самостоятельных разведок и раскопок.

В советской высшей школе Городцов, по сути, продолжил те же подходы по системной подготовке кадров археологов, что применялись им в Московском археологическом институте. За единственным исключением – его молодые ученики обязаны были осваивать марксистскую социологию и вести на ее основе свои научные исследования. Но этой участи не избежал и их убеленный сединою профессор. Для городцовских студентов ФОН 1 МГУ эти перемены были не столь заметны, как для аспирантов и молодых сотрудников одного из первых советских научно-исследовательских учреждений – Института археологии и искусствознания (рис. 2).

В 1921–1923 гг. ИАИ структурно был частью ФОН 1 МГУ, в 1923–1931 гг. стал подразделением РАНИОН. В 1921–1924 гг. институт делился на семь секций: археологии (с самого начала ее возглавлял В.А. Городцов), античного искусства (В.К. Мальмберг, Н.А. Щербаков, Д.С. Недович, с 1922 г. А.И. Анисимов), русского искусства (А.А. Сидоров), западного искусства (В.Е. Гиацинтов), восточного искусства (Б.П. Денике), теории искусства (Б.Р. Виппер, А.Г. Габричевский), прикладного искусства (секция фактически не функционировала). Директором института первоначально был назначен И.Э. Грабарь, но уже в ноябре 1921 г. его сменил Б.Р. Виппер. После основания РАНИОН в 1924 г. ИАИ был реорганизован. Теперь во главе его стояла коллегия, в которую входили: директор – нарком просвещения А.В. Луначарский, затем В.М. Фриче, заместитель директора – П.С.Коган, председатель отделения археологии – В.А. Городцов, председатель отделения искусствознания, и.о. директора – А.А. Сидоров, председатель отделения социологии (с 1928 г. теории и методологии) – В.М. Фриче, с 1928 г. И.Л. Маца, секретарь – Г.В. Жидков.

Учреждение ИАИ, как и археологического отделения в 1 МГУ, ученый рассматривал как «особенно значительный факт» развития археологии в первые десять лет существования СССР. В унисон со временем Городцов констатировал, что «образование серьезных школ для подготовки специалистов-археологов обозначило конец деятельности вредного археологического дилетантства, господствовавшего в дореволюционное время» (Городцов, 1929. С. 6), хотя в реальности вся теоретическая, методическая и практическая работа с аспирантами и молодыми сотрудниками ИАИ строилась им на тех же началах, что и в МАИ. Изменились цели обучения: в МАИ оно было направлено на самообразование слушателей, в ИАИ «молодые археологи получают специальную подготовку к занятию профессорских кафедр археологии в вузах (до революции подобных учреждений в России не существовало)» (Там же).

Архивные[1] и опубликованные[2] документы свидетельствуют о том, что в задачи РАНИОН в целом входили организация и руководство научно-исследовательской работой в области общественных наук в тесной связи с практикой социалистического строительства, популяризация научных знаний, подготовка научных кадров. С 1925 г. функционировала аспирантура – в течение трех лет велась подготовка кадров высшей категории, и это было одной из важнейших задач РАНИОН. Институт археологии и искусствознания имел три отделения или секции: археологии, искусствознания, социологии (затем теории и методологии), причем в деятельности отделения социологии должны были участвовать аспиранты отделений археологии и искусствознания. Работа ИАИ велась в двух направлениях: научно-исследовательском и научно-педагогическом. На методологическую направленность исследований аспирантов заметное влияние оказала деятельность созданного в 1928 г. в ИАИ методологического бюро в лице В.А. Городцова, А.В. Арциховского, С.В. Киселева и др. (Пряхин, 1991. С. 212).

В штате института работали многие профессора и преподаватели археологического отделения ФОН 1 МГУ и другие крупные ученые: Ю.В. Готье (скифо-сарматская и славянская археология), Ф.В. Баллод (археология Египта и Месопотамии)[3], А.А. Захаров (крито-микенская и греко-римская археология), А.С. Башкиров (историческая археология России), В.М. Викентьев (археология

---

[1] Городцов В.А. 1922–1923 – Заметки по Археологическому отделению Московского университета и Научно-исследовательскому институту археологии и искусствоведения 1922 и 1923 гг. // ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 345. Л. 70–98.

[2] См. их перечень: НИИАИ, 1923; НИИАИ, 1924; Обзор деятельности Отделения археологии, 1926; Обзор деятельности Секции археологии, 1928а; Обзор деятельности НИИА и И, 1928б).

[3] Ф.В. Баллод (Балодис) мог преподавать в ИАИ с осени 1923 г., когда вернулся в Москву из Саратова (Малов, 2015. С. 90). В 1924 г. он покинул Россию, выехал сначала в Берлин, а затем переехал в Латвию; см. подробнее о его жизни и деятельности в России: (Назарова, 2010; Малов, 2015).

Месопотамии)[4], Н.Д. Протасов (археология Византии), Н.И. Новосадский (эпиграфика), Б.П. Денике (археология средневекового Востока – арабские, индийские и китайские древности), Е.М. Чепурковский (антропология), А.П. Павлов (геология), В.Н. Харузина (этнография), А.И. Некрасов (русское искусство зодчества, ваяния и живописи) и др. Сам В.А. Городцов вел ряд семинаров, читал общие курсы и спецкурсы по первобытной археологии.

К 1 января 1927 г. в состав секции археологии входили действительные члены: штатные – А.С. Башкиров, В.А. Городцов, А.А. Захаров, Н.Д. Протасов и внештатные – И.Н. Бороздин, Н.М. Каринский, Н.П. Лихачев, Н.И. Новосадский, А.С. Орлов и В.К. Трутовский; аспиранты – А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, Б.Н. Граков, П.А. Дмитриев, А.Ф. Дубынин, С.В. Киселев, С.Г. Матвеев, А.П. Смирнов. Председателем секции состоял В.А. Городцов, секретарем – С.Г. Матвеев. В течение 1925/26 академического года состоялось 27 заседаний секции, а в течение 1926/27 года – 12 (Обзор деятельности Секции археологии, 1928а. С. 138).

Для аспирантов института были введены четыре пункта отчетности, отражавшие основные формы подготовки кадров высшей квалификации:

1) участие в семинарах по общественным наукам;

2) работа в секциях теории и методологии и в археологической секции (для археологов);

3) обязательное участие в выполнении коллективной темы;

4) индивидуальная работа аспирантов (Пряхин, 1991. С. 211) (рис. 3).

Для городцовских студентов и аспирантов середины 1920-х годов важнейшее значение имело «погружение» в марксистскую социологию. Сама секция социологии (теории и методологии), по словам ее руководителя В.М. Фриче, была задумана «как некая надстройка над двумя его основными отделениями, которая давала бы занятиям в Институте [археологии и искусствознания] соответствующее направление» (Там же. С. 210). Безусловно, марксистская подготовка стимулировала молодых ученых к поиску социологических закономерностей на археологическом материале. Именно тогда ими были вынесены на обсуждение доклады «Социологическая история жилища» (А.Я. Брюсов), «Социологическое значение изучения земледельческих орудий» (А.В. Арциховский), «Поселения. Социологический очерк» (С.В. Киселев) и др., вызвавшие в те годы оживленную дискуссию (Арциховский, 1926; Брюсов, 1926; 1928; Киселев, 1928; Смирнов А.П., 1928).

Начало ей положил диспут «Археология, этнология и социология», в котором сошлись студенты двух археологических кружков 1 МГУ – Института археологии и искусствознания (ученики В.А. Городцова) и Института и кафедры антропологии (ученики Б.С. Жукова) (Пряхин, 1991. С. 211). По воспоминаниям ее участников Д.А. Крайнова и О.Н. Бадера, дискуссия была непримиримой. «Археологов» в ней возглавлял А.В. Арциховский, а «палеоэтнологов» – С.П. Толстов. Руководители в диспуте не участвовали, вынеся свои разногласия в печать (Жуков, 1925; Городцов, 1926).

Городцовские ученики уверенно отстаивали тезис: «археология из всех наук тесно связана лишь с историей и социологией, но отнюдь не с этнологией/этнографией» (Платонова, 2010. С. 209). Координацию с этнологией они считали излишней, полагая, что «роль последней в анализе археологического материала вполне можно свести к отдельным удачным иллюстрациям» (Там же). В развитие теоретических подходов Городцова (см. подробнее о них: Платонова, 2010. С. 203–214; Смирнов А.С., 2015) и по итогам дискуссии с «палеоэтнологами» его ученики выступили вскоре с обоснованием «метода восхождения» в Обществе историков-марксистов (Арциховский, 1929а; 1929б), дав старт яростным теоретическим дискуссиям в отечественной археологии начала 1930-х годов.

Руководитель отделения археологии, обдумывая перечень лекционных курсов, исходил из следующих посылок: «1) первый год посвятить изучению первобытной археологии и связанных с нею дисциплин – геологии, антропологии и этнографии, а также изучению методов археологии, съемки и черчения планов, обмеров и т.п.; 2) второй год посвятить изучению археологии главных культурных очагов: Месопотамии, Египта, Эгейских островов, Греции, Рима; 3) третий год посвятить изучению археологии Западной и Восточной Европы, Туркестана, Ирана, Индии и Китая. В летнее время в течение всех трех лет проводить курсы практических раскопок, съемки планов местности, съемки и обмеров архитектурных сооружений, целых и разрушенных. Вот такой

[4] Привлечь египтолога В.М. Викентьева (1882–1960) к преподаванию в ИАИ не удалось, поскольку в конце 1922 г. Владимир Михайлович уехал в длительную командировку в Берлин, Париж и Каир; 1.02.1926 г. его уволили из Музея изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина), и он остался преподавать в Каирском университете (Томашевич, 2003. С. 166–168).

план мне представляется наилучшим и способным создать серьезных работников-археологов» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 345. Л. 78об.) (рис. 4–7).

В.А. Городцов считал, что каждый аспирант должен самостоятельно выбрать и разрабатывать тему исследования; назначенный «руководитель» лишь механически утверждает ее и не вмешивается в ход дальнейшей работы аспиранта. Подобным образом работали в дореволюционный период в университетах выпускники, оставленные для подготовки к профессорскому званию. Большинство аспирантов Городцова при выборе темы диссертационного исследования уже имели задел, наработанный в студенческие годы, в том числе в ходе своих музейных занятий. Так, А.Я. Брюсов, обрабатывая и изучая в Историческом музее неолитические коллекции Севера России, в том числе Карелии, избрал в ИАИ для аспирантской диссертации тему «Древнейшая история Карелии». В дальнейшем аспирантская работа переросла в книгу «История древней Карелии» (Брюсов, 1940) и в докторскую диссертацию, защищенную в МГУ в 1944 г. При защите аспирантских диссертаций в ИАИ избирались специальные квалификационные комиссии. Защиты протекали в форме диспута, в котором диссертанту приходилось «отбиваться» не только от официальных оппонентов, но и от своих «зубастых» коллег. Так проходила, в частности, защита диссертации А.П. Смирнова «Прикамские финны X–XIV вв.» (официальные оппоненты А.С. Башкиров и А.В. Арциховский) (рис. 8).

Аспиранты в обязательном порядке принимали участие в запланированных коллективных работах института. Они входили в состав временных рабочих групп, например, по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов (под руководством А.С. Башкирова) и типологической классификации археологических памятников (под руководством В.А. Городцова). Еженедельно в отделении археологии проходили научные заседания с докладами действительных – штатных и внештатных – членов института и аспирантов, которые обязаны были посещать эти занятия и активно участвовать в обсуждении независимо от темы доклада. Аспиранты были непременными участниками совместных заседаний коллегии ИАИ и Комиссии по выработке генерального плана археологических работ в СССР, проходивших обычно в стенах института. Разработку этого плана инициировал В.А. Городцов (Белозёрова, Кузьминых, 2015. С. 39–41), и для него было немаловажно, чтобы его ученики видели в данном проекте и перспективу собственной работы.

Во время обучения аспиранты проходили производственную практику, читали курсы лекций в 1 МГУ и других вузах – только тогда они могли стать приват-доцентами и доцентами. Со второго года обучения аспиранты ИАИ получали право на самостоятельные разведки и раскопки по открытому листу. В экспедиции выезжали на мизерные средства института, иногда помощь оказывали местные органы власти и музеи. Часто работы велись на собственные средства, причем достаточно далеко от столицы. Свои первые раскопки в Минусинской котловине аспирант С.В. Киселев осуществил на сэкономленные от стипендий деньги (Кызласов, Левашева, 1965. С. 8).

Многие ученики Городцова стали членами Общества друзей Исторического музея (1918–1930). При его финансовой помощи А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс, Е.Н. Липеровская, А.В. Арциховский и др. осуществили археологические раскопки в Подмосковье, на Украине, Северном Кавказе и побережье Белого моря. Наиболее доступными для ОДИМ были раскопки городищ дьяковской культуры (Кунцевское, Сетуньское и др.) и древнерусских курганов у сел Болшево и Фили близ Москвы. Результаты полевых исследований регулярно выносились на обсуждение общества. Так, 20.03.1925 г. был заслушан коллективный отчет членов ОДИМ Л.А. Евтюховой, А.В. Арциховского, М.Е. Арсаковой, В.П. Левашевой, Е.Н. Липеровской, М.Е. Фосс, А.Я. Брюсова и А.П. Смирнова о раскопках летом 1924 г. в Звенигородском, Московском и Подольском уездах (Силаева, 1991. С. 110, 111).

Ученики Городцова, получив первые методические и практические навыки полевой работы в его экспедициях, быстро начинали вести самостоятельные раскопки (рис. 9). В обзоре деятельности секции археологии ИАИ РАНИОН за 1925/26 г. и за первую половину 1926/27 г. отмечено, что А.В. Арциховский руководил в Можайском уезде Московской губернии раскопками городища дьяковской культуры близ с. Бородино и славянских курганов близ с. Аксаново. А.Я. Брюсов (совместно с А.В. Збруевой и М.Е. Фосс) производил раскопки и разведки на Летнем берегу Белого моря на протяжении около 200 км в Архангельской губернии. Б.Н. Граков вел раскопки финского могильника подболотьевского типа в окрестностях с. Хотимля Шуйского уезда Иваново-Вознесенской губернии, а также участвовал в возглавляемой профессором П.С. Рыковым экспедиции Государственного Исторического музея в АССР немцев Поволжья. П.А. Дмитриев провел раскопками Липчинской неометаллической стоян-

ки в Тюменском округе. А.П. Смирнов осуществил в раскопки древнеудмуртского городища X–XII вв. Донды-Кар в Вотской автономной области (Обзор деятельности Секции археологии, 1928а. С. 142).

Получение открытого листа на первых порах облегчалось тем, что Городцов способствовал в этом своим ученикам, будучи руководителем Археологического подотдела Музейного отдела НКП РСФСР, в ведении которого находилась выдача открытых листов. Аспиранты, как и все держатели открытого листа, были обязаны представлять в ГАИМК научные отчеты о полевых работах.

Помимо организации полевых и исследовательских работ большое внимание уделялось в ИАИ камеральной работе студентов и аспирантов с археологическими коллекциями в фондах ГИМ. На заседаниях Общества друзей РИМ-ГИМ студенты и аспиранты не только присутствовали, но и обязательно выступали с докладами. Они имели доступ к богатейшему собранию археологической литературы музея, которое хранилось в зале археологического отдела. По настоянию В.А. Городцова некоторые аспиранты параллельно стали хранителями в различных отделах музея: А.В. Арциховский с 1925 г. в отделе доисторической археологии, в 1929–1938 гг. в отделе феодализма; Б.А. Рыбаков в 1931–1936 гг. в отделе раннего феодализма, в 1936–1938 гг. и 1943–1952 гг. заведующий III археологическим отделом; А.Я. Брюсов с 1925 г. в отделе доисторической археологии, в 1930–1960 гг. заведующий I археологическим отделом; П.А. Дмитриев с 1925 г. практикант отдела популяризации музейных коллекций, с 1929 г. заведующий группой оружия и военной техники, в 1935–1941 гг. ученый секретарь, с 1940 г. заведующий отделом фондов; Д.А. Крайнов с 1929 г. в филиале «Александровская слобода», в 1931–1935 гг. ученый секретарь и т.д.

В рукописном документе Городцова (Городцов, 1922–1923) отмечалось, что в течение каждого года аспирант должен «представить две полугодовые письменные работы, а всего пять работ в течение курса, а шестая работа должна быть настолько хорошею, чтобы ее можно было печатать как научную с ценными научными выводами. Этою последнею работою сотрудник должен доказать, что он может быть преподавателем и затем профессором высших учебных заведений. В заключение от сотрудника требуется программа того университетского курса, который он намерен читать. После всего этого Институт выдает сотруднику удостоверение на право занятия соответствующей кафедры в высших учебных заведениях».

Как в годы учебы в университете, так и во время аспирантуры теория переплеталась у городцовских учеников с практикой — преподаванием, раскопками, хранительской и экспозиционной работой в музее, но, прежде всего, с написанием научно-исследовательских трудов. В сборниках «Труды ГИМ», «Труды секции археологии», «Труды секции социологии» и «Труды секции теории и методологии» РАНИОН появились первые печатные работы А.В. Арциховского, А.Я Брюсова, Б.Н. Гракова, П.А. Дмитриева, С.Г. Матвеева, А.П. Смирнова и др. (см. их обзор: Советская археологическая литература, 1965). Признанием научных успехов аспирантов института, а также своего рода стимулом для продолжения археологической деятельности стало участие А.В. Арциховского, А.Я. Брюсова, П.А. Дмитриева и С.Г. Матвеева в работе конференции археологов СССР в Керчи (1926).

На рубеже 1920–1930-х годов сложившаяся в стране после революции структура научных организаций подверглась коренной перестройке, а сотрудники этих учреждений (в своем большинстве «старые специалисты») прошли через «проверку и чистку советского аппарата». С 1930 г. эта кампания развернулась и в РАНИОН. В итоге в 1929–1930 гг. большинство институтов РАНИОН вошли в состав Коммунистической академии. Постановлением коллегии НКП РСФСР от 3.03.1930 г. РАНИОН была переименована в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов материальной, художественной и речевой культуры (РАНИМХИРК), а затем 26 октября того же года была ликвидирована.

Для В.А. Городцова закрытие ИАИ стало лишь одним из ударов в череде невзгод, что обрушились на него в ходе «проверок и чисток» того времени (Белозёрова, Кузьминых, 2015. С. 55–57). Судьба его бывших учеников сложилась в основном благополучно – они нашли приют в Московском отделении ГАИМК и Историческом музее. Мало кто из них в тот момент вступился за честь и достоинство поруганного учителя – гораздо важнее было следовать «Шести условиям товарища Сталина» (название одного из докладов А.В. Арциховского тех лет). Более того, кто-то из них публично отмежевался от научных взглядов, методики и методологии «буржуазного специалиста» профессора Городцова (Арциховский и др., 1932. С. 47; Брюсов, 1932. С. 76), хотя буквально несколькими годами ранее они не скрывали интеллектуальную привязанность к своему профессору ни в полевых отчетах, ни в опубликованных трудах (см. на примере А.П. Смирнова: Мельникова, 2017. С. 48, 49). Пережить предательство учеников Василию Алексеевичу

было намного тяжелее, чем удаление с тех или иных постов. Но через несколько лет, благодаря сотрудничеству с Институтом этнографии, антропологии и археологии (Музей антропологии и этнографии) АН СССР, авторитет ученого в профессиональной среде только упрочился и тогда же резко изменилось отношение к нему со стороны бывших учеников (Белозёрова, Кузьминых, 2015. С. 59). Знаком примирения и почтения к учителю стали регулярные праздничные посиделки, напоминающие прежние студенческие встречи братства «Тотема Лягавой лягушки». Ученики оперились, встали на крыло – их успехами Городцов только гордился, хотя зачастую поругивал или сетовал в личном дневнике на неправильные, с его точки зрения, действия и поступки.

Стоит еще раз повторить фамилии учеников В.А. Городцова, окончивших под его началом археологическое отделение 1 МГУ и аспирантуру Института археологии и искусствознания РАНИОН, – С.В. Киселев, А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, Д.А. Крайнов, М.Е. Фосс, П.А. Дмитриев, А.П. Смирнов, Л.А. Евтюхова, В.П. Левашева, О.А. Кривцова-Гракова, Б.А. Рыбаков, Е.И. Крупнов и др. Эти ученики Городцова, «которых он научил систематике, составили именно ту научную силу, которая сформировала новую, «советскую» археологию в СССР» (Платонова, 2010. С. 214). Именно благодаря этой плеяде учеников Городцова отечественная археология не свернула в 1930-е годы на рельсы «нового учения о языке», сохранила преемственность с традициями дореволюционной русской археологии и во многом преумножила их в последующие десятилетия. Московская археологическая школа, безусловно, выросла из педагогической школы В.А. Городцова 1920-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арциховский А.В., 1926. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // ТСС РАНИОН. Вып. 1. С. 123–135.

Арциховский А.В., 1929а. Новые методы археологии // Историк-марксист. [Т.] 14. С. 136–155.

Арциховский А.В., 1929б. Новые методы в археологии // Вестник Коммунистической академии. № 35/36. С. 322–325.

Арциховский А.В., Киселев С.В., Смирнов А.П., 1932. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // СГАИМК. № 1/2. С. 46–48.

Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., 2015. Жизненный и научный путь В.А. Городцова: (по архивным документам и воспоминаниям) // Василий Алексеевич Городцов: дневники (1928–1944): в 2 кн. Кн. 1: 1928–1935. М. С. 14–85.

Брюсов А.Я., 1926. Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л. 127 с.

Брюсов А.Я., 1928. Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа // ТСТМ РАНИОН. Вып. 2. С. 9–34.

Брюсов А.Я., 1932. Письмо в редакцию // СГАИМК. № 1/2. С. 76.

Брюсов А.Я., 1940. История древней Карелии. М.

Городцов В.А., 1908. Первобытная археология: курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.

Городцов В.А., 1910. Бытовая археология: курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.

Городцов В.А., 1911. Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала: по лекциям, читанным В.А. Городцовым в Московском Археологическом Институте / сост. С.И. Флях. М.

Городцов В.А., 1914а. Руководство для археологических раскопок / Московский археологический институт. М.

Городцов В.А., 1914б. Проект плана археологического исследования Псковской губ., летом 1913 г. // ДТМАО. Т. 24, проток. 763. С. 330.

Городцов В.А., 1926. Письмо в редакцию. Ответ Б.С. Жукову // Новый Восток. № 13/14. С. 462–464.

Городцов В.А., 1929. К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // ТСА РАНИОН. Вып. II. С. 5–11.

Жуков Б.С., 1925. Рец.: Городцов В.А. Археология. Т. I. Каменный период // Печать и революция. Кн. 8. С. 206–209.

Канторович А.Р., 2009. Заметки о преподавательской деятельности В.А. Городцова в Московском университете // Хорошие дни: памяти Александра Степановича Хорошева / сост. А.Е. Мусин. М. С. 309–313.

Каталог выставки XVI Всероссийского Археологического Съезда 1914 года во Пскове, отменен-

ного по случаю войны, 1915 / сост. Г.М. Казаков, Н.Ф. Окулич-Казарин, Н.Ф. Роот и др. Псков. IV.

Киселев С.В., 1928. Поселения: социологический очерк // ТСТМ РАНИОН. Вып. 2. С. 35–68.

Китова Л.Ю., 2007. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск.

Клейн Л.С., 2011. История археологической мысли: в 2 т. Т. 1. СПб.

Кызласов Л.Р., Левашева В.П., 1965. Сергей Владимирович Киселев // Новое в советской археологии / МИА, № 130. М. С. 7–12.

Кызласова И.Л., 2010. Об археологе В.П. Левашевой и ее отце, протоиерее П.Н. Левашеве // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М. С. 751–769.

Лебедев Г.С., 1992. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.

Малов Н.М., 2015. Профессор Франц Баллод: (к 95-летию первой археологической экспедиции Саратовского университета) // Известия Саратовского университета. Нов. серия. Т. 15. С. 87–90.

Назарова Е.Л., 2010. Францис Балодис в Москве. 1907–1917: (по материалам московских архивов) // Arheologija un etnografija. 24. Laid. Riga. С. 28–36.

Научно-исследовательский институт археологии и искусствознания [в 1922 г.], 1923 // Среди коллекционеров. № 6. С. 61.

Научно-исследовательский институт археологии и искусствознания [в 1923 г.], 1924 // Среди коллекционеров. № 7–8. С. 63–64.

Обзор деятельности Отделения археологии Н[аучно]-и[сследовательского] института а[рхеологии] и и[скусствознания] [в 1923–1925 гг.], 1926 // ТСА РАНИОН. Вып. I. С. 89–93.

Обзор деятельности Секции археологии Н[аучно]-и[сследовательского] института археологии и искусствознания за 1925/26 г. и за первую половину 1926/27 г., 1928а // ТСА РАНИОН. Вып. II. С. 138–144.

Обзор деятельности Н[аучно]-и[сследовательского] института археологии и искусствознания в 1927 г., 1928б // ТСА РАНИОН. Вып. III. С. 147–149.

Отчет о состоянии и деятельности Московского археологического общества за 1912/1913–1913/1914 гг., 1914 / сост. В.К. Трутовский, Ю.В. Готье // ДТМАО. Т. 24, проток. С. 339–355.

Платонова Н.И., 2010. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.

Пряхин А.Д., 1991. Педагогическая деятельность В.А. Городцова и подготовка кадров археологов // Проблемы изучения древних культур Евразии. М. С. 207–213.

Силаева О.А., 1991. Общество друзей Исторического музея (1918–1930 гг.) // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XIX–XX вв.): в 2 ч. Ч. II. М. С. 104–123.

Смирнов А.П., 1928. Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIII вв. // ТСТМ РАНИОН. Вып. 2. М. С. 69–89.

Смирнов А.С., 2015. В. А. Городцов как представитель московской археологической школы дореволюционного времени // КСИА. Вып. 240. С. 318–328.

Советская археологическая литература, 1965: Библиография. 1918–1940 / сост. Н.А. Винберг и др. М.; Л.

Стрижова Н.Б., 1988. Педагогическая деятельность В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Труды ГИМ. Вып. 68. М. С. 27–32.

Студзицкая С.В., 1988. Государственный Исторический музей и В.А. Городцов // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Труды ГИМ.. Вып. 68. М. С. 5–13.

Томашевич О.В., 2003. Египтолог Владимир Викентьев – создатель музея нового типа // Памятники и люди. М. С. 141–172.

S.V. Kuzminykh, I.V. Belozerova

AT THE ORIGIN OF THE MOSCOW ARCHAEOLOGICAL SCHOOL: V.A. GORODTSOV AND THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ART HISTORY IN THE RUSSIAN ASSOCIATION OF RESEARCH INSTITUTES OF SOCIAL SCIENCES

***Abstract*.** V.A. Gorodtsov was one of the originators of systemic training of archaeologists in 1st Moscow State University and the RANION (Russian Association of Research Institutes of Social Sciences) in the 1920s–1930s. Most Moscow archaeologists who graduated from the Archaeology Department of the Faculty of Social Sciences (1st MSU) and the post-graduate school of the Institute of Archaeology and Art History (RANION) were his students who went to his lectures and seminars and participated in his expeditions. Vasily Alekseevich wanted to train 'serious archaeologists' empowering them with knowledge, skills of laboratory and field work. Starting from the second year of the post-graduate school, his students carried out their own archaeological reconnaissance and excavations. The Moscow archaeological school (S.V. Kiselev, A.V. Artsikhovsky, A.Ya. Bryusov, D.A. Krainov, M.E. Foss, P.A. Dmitriev, A.P. Smirnov, L.A. Evtyukhova, V.P. Levashova, O.A. Krivtsova-Grakova, B.A. Rybakov, E.I. Krupnov, etc.) has its roots in the pedagogical school created by V.A. Gorodtsov in 1920s.

***Keywords*:** V.A. Gorodtsov; Institute of Archaeology and Art History in the Russian Association of Research Institutes of Social Sciences; Faculty of Social Sciences (1st MSU); Moscow archaeological school.

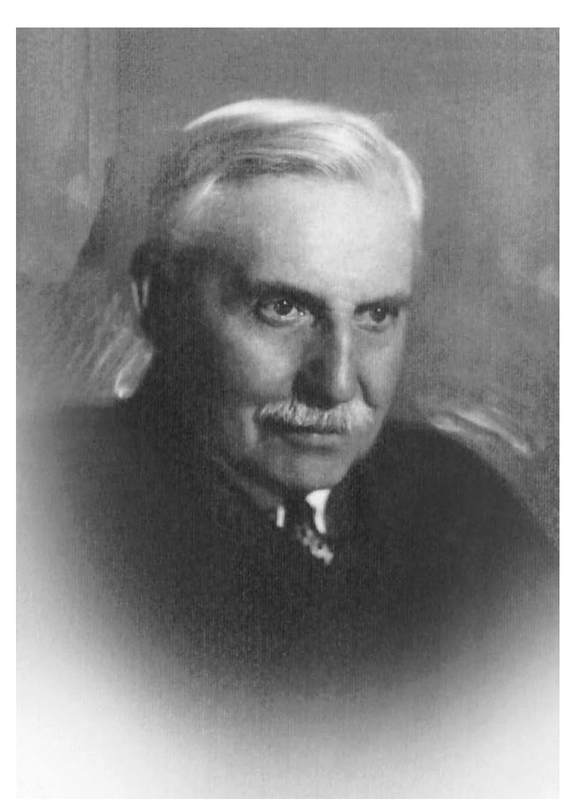
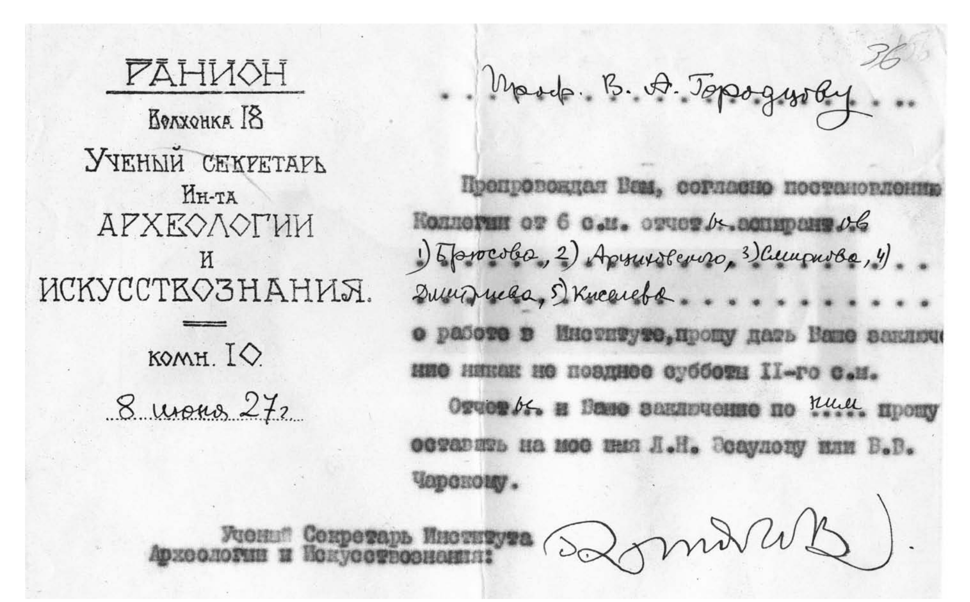

Рис. 1. В.А. Городцов. 1930-е годы. Фото. ГИМ

Рис. 2. В.А. Городцов, А.С. Башкиров и А.А. Захаров среди студентов и аспирантов 1 МГУ и ИАИ РАНИОН (Е.И. Крупнов, Б.А. Рыбаков и др.). Фото. ГИМ

РАНИОН
Волхонка 18
Ученый секретарь
Ин-та
Археологии
и
Искусствознания.
комн. 10
8 июня 27 г.

36

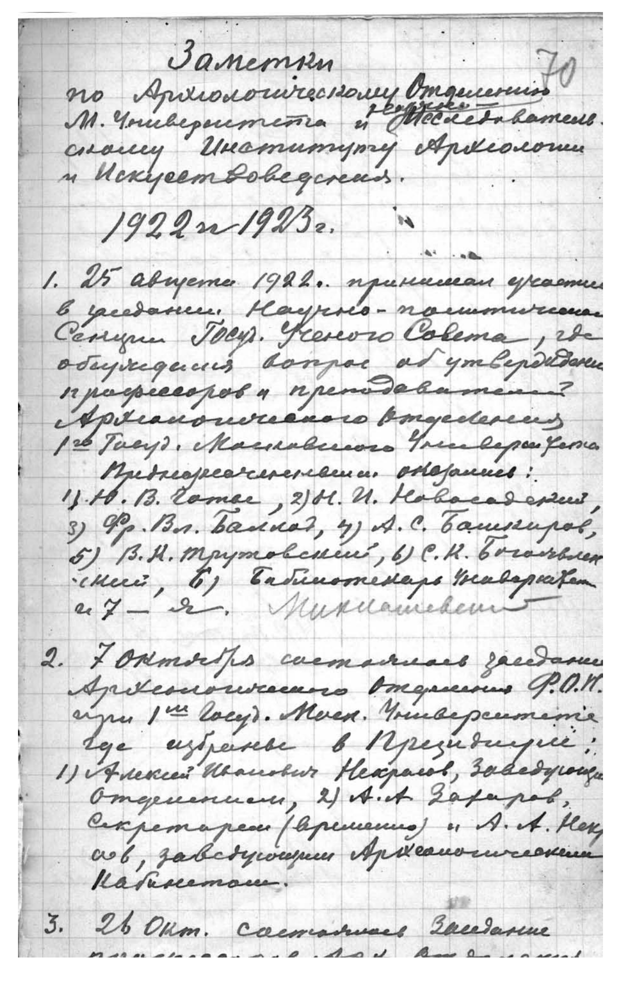
Проф. В. А. Городцову

Препровождая Вам, согласно постановлению Коллегии от 6 с.м. отчеты аспирантов 1) Брюсова, 2) Арциховского, 3) Смирнова, 4) Дмитриева, 5) Киселева о работе в Институте, прошу дать Ваше заключение никак не позднее субботы 11-го с.м.

Отчеты и Ваше заключение по ним прошу оставить на мое имя Л.Н. Эсаулову или В.В. Чорскому.

Ученый Секретарь Института Археологии и Искусствознания: [signature]

Рис. 3. Письмо ученого секретаря ИАИ РАНИОН Г.В. Жидкова В.А. Городцову от 8.06.1927 г. (ОПИ ГИМ. Ф 431. Д. 123. Л. 36)

70

Заметки
по Археологическому Отделению М. Университета и Научно-Исследовательскому Институту Археологии и Искусствоведения.

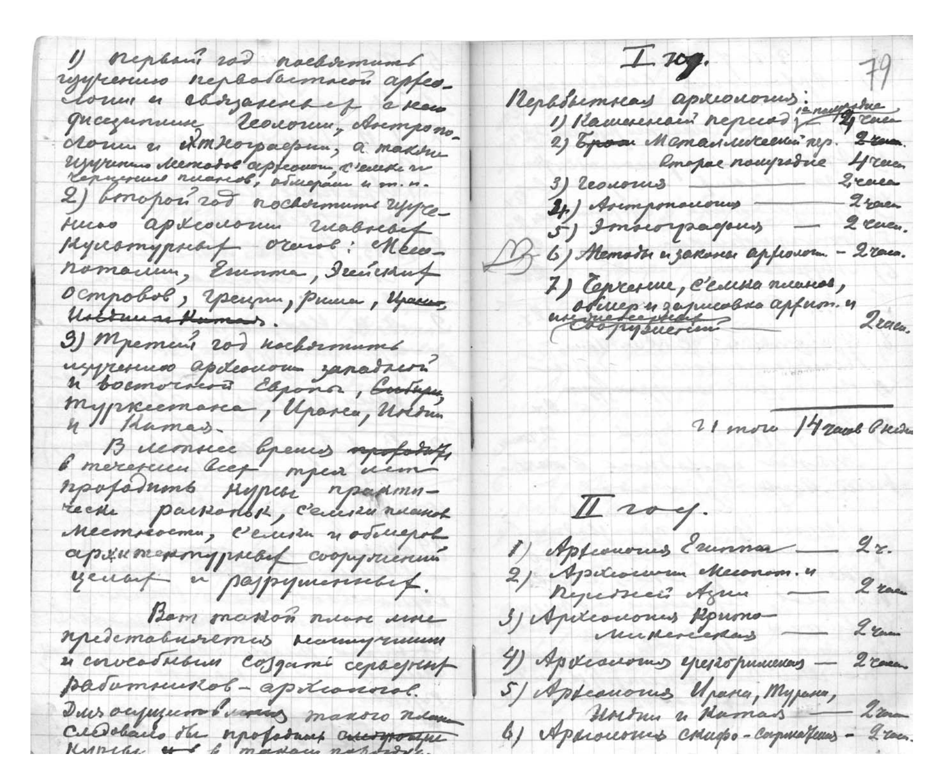
1922 и 1923 г.

1. 25 августа 1922 г. принимал участие в заседании Научно-политической Секции Госуд. Ученого Совета, где обсуждался вопрос об утверждении профессоров и преподавателей Археологического отделения 1го Госуд. Московского Университета.
Предназначены оказались: 1) Ю.В. Готье, 2) Н.И. Новосадский, 3) Фр. Вл. Баллод, 4) А.С. Башкиров, 5) В.Н. Вруковский, 6) С.К. Богоявленский, 6) Библиотекарь Университета ... 7-я. Миклашевский

2. 7 октября состоялось заседание Археологического отделения Ф.О.Н. при 1м Госуд. Моск. Университете, где избраны в Президиум: 1) Алексей Иванович Некрасов, заведующим Отделением, 2) А.А. Захаров, Секретарем (временно) и А.А. Некрасов, заведующим Археологическим Кабинетом.

3. 26 Окт. состоялось Заседание ...

Рис. 4. Рукопись В.А. Городцова «Заметки по Археологическому отделению Московского университета и Научно-исследовательскому институту археологии и искусствоведения 1922 и 1923 гг.» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 345)

1) первый год посвятить изучению первобытной археологии и связанных с ней дисциплин: Геологии, Антропологии и Этнографии, а также изучению методов археологии, съемке и черчению планов, обмерам и т. п.
2) второй год посвятить изучению археологии главных культурных очагов: Месопотамии, Египта, Эгейских островов, Греции, Рима, ~~Ирана, Индии и Китая~~.
3) третий год посвятить изучению археологии западной и восточной Европы, ~~Сибири~~, Туркестана, Ирана, Индии и Китая.

В летнее время ~~проводить~~ в течении всех трех лет проводить курсы практических раскопок, съемки планов местности, съемки и обмеров архитектурных сооружений целых и разрушенных.

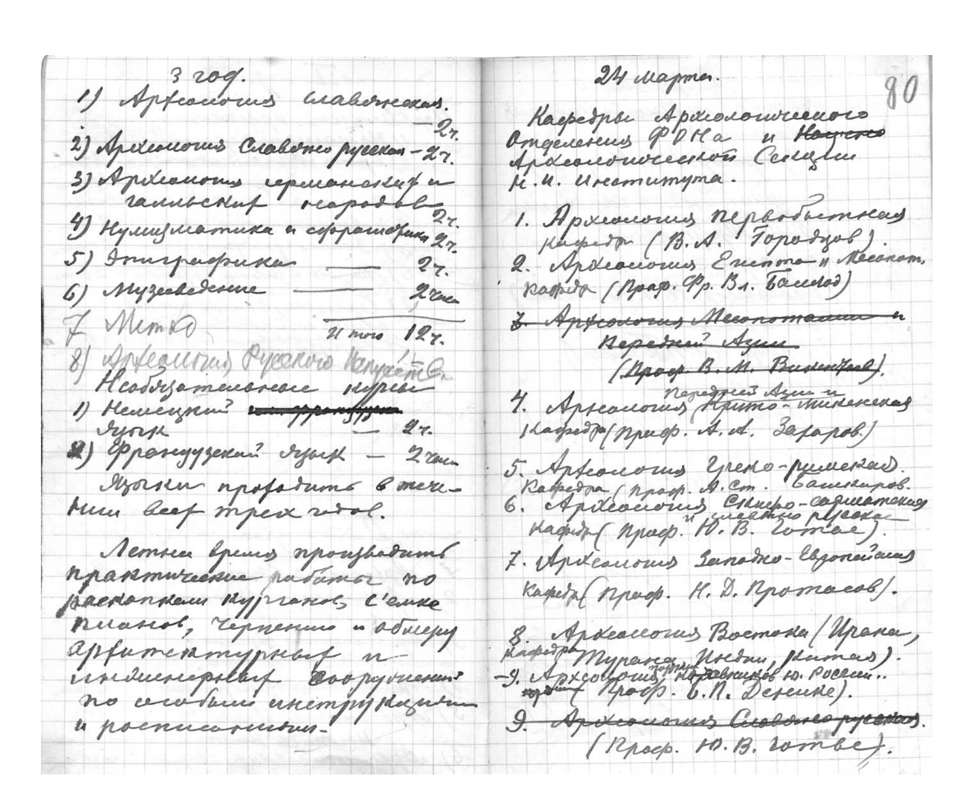
Вот такой план мне представляется наилучшим и способным создать серьезных работников-археологов. Для осуществления такого плана следовало бы проводить ...

I год.
Первобытная археология:
1) Каменный период ... 2 часа
2) ~~Бронз~~ Металлический пер. 2 часа
Второе полугодие 4 часа
3) Геология — 2 часа
4) Антропология — 2 часа
5) Этнография — 2 часа
6) Методы и законы археолог. — 2 часа
7) Черчение, съемка планов, обмер и зарисовка архит. и ~~инженерных~~ сооружений 2 часа

Итого 14 часов в нед.

II год.
1) Археология Египта — 2 ч.
2) Археология Месопот. и Передней Азии — 2 часа
3) Археология Крито-Микенская — 2 часа
4) Археология греко-римская — 2 часа
5) Археология Ирана, Турана, Индии и Китая — 2 часа
6) Археология скифо-сарматская — 2 часа

Рис. 5. Рукопись В.А. Городцова «Заметки по Археологическому отделению Московского университета и Научно-исследовательскому институту археологии и искусствоведения 1922 и 1923 гг.» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 345)

3 год.
1) Археология славянская. — 2 ч.
2) Археология Славяно-русская — 2 ч.
3) Археология германских и галльских народов — 2 ч.
4) Нумизматика и сфрагистика — 2 ч.
5) Эпиграфика — 2 ч.
6) Музееведение — 2 часа
7) ...
Итого 12 ч.
8) Археология Русского Искусства
Необязательные курсы
1) Немецкий ~~...~~ язык — 2 ч.
2) Французский язык — 2 часа
Языки проходить в течении всех трех годов.

Летнее время проходить практические работы по раскопкам курганов, съемке планов, черчению и обмеру архитектурных и инженерных сооружений по особым инструкциям и расписаниям.

24 марта.
Кафедры Археологического Отделения ФОНа и ~~Научно~~ Археологической Секции Н.-И. Института.
1. Археология первобытная кафедра (В.А. Городцов).
2. Археология Египта и Месопот. кафедра (Проф. Фр. Вл. ...)
~~3. Археология Месопотамии и Передней Азии (Проф. В.М. ...)~~.
4. Археология Передней Азии и Крито-Микенская кафедра (Проф. А.А. Захаров)
5. Археология греко-римская. Кафедра (Проф. А.Ст. ...).
6. Археология Скифо-сарматская и славяно-русская кафедра (Проф. Ю.В. Готье).
7. Археология Западно-Европейская кафедра (Проф. Н.Д. Протасов).
8. Археология Востока (Ирана, Турана, Индии, Китая). кафедра
9. Археология ... Ю. России ... (Проф. Б.П. Денике).
~~9. Археология Славяно-русская~~. (Проф. Ю.В. Готье).

Рис. 6. Рукопись В.А. Городцова «Заметки по Археологическому отделению Московского университета и Научно-исследовательскому институту археологии и искусствоведения 1922 и 1923 гг.» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 345)

План
Занятий Археологического Отделения
Научно-исследовательского Института
Археологии и Искусствознания
1923/4 уч. г.

I. Исследование методов археологии:
а) типологического,
в) сравнительного,
с) археологических разведок,
d) Исследован. хронологич. классиф.

II. Исследование первобытных археологических памятников в России и Сибири:
а) исследование соотношений палеолитических и неолитич. памятников;
в) Исследование соотношений палеометаллических (бронзовых) памятников;
с) Исследование соотношений неометаллических (железных) памятников.

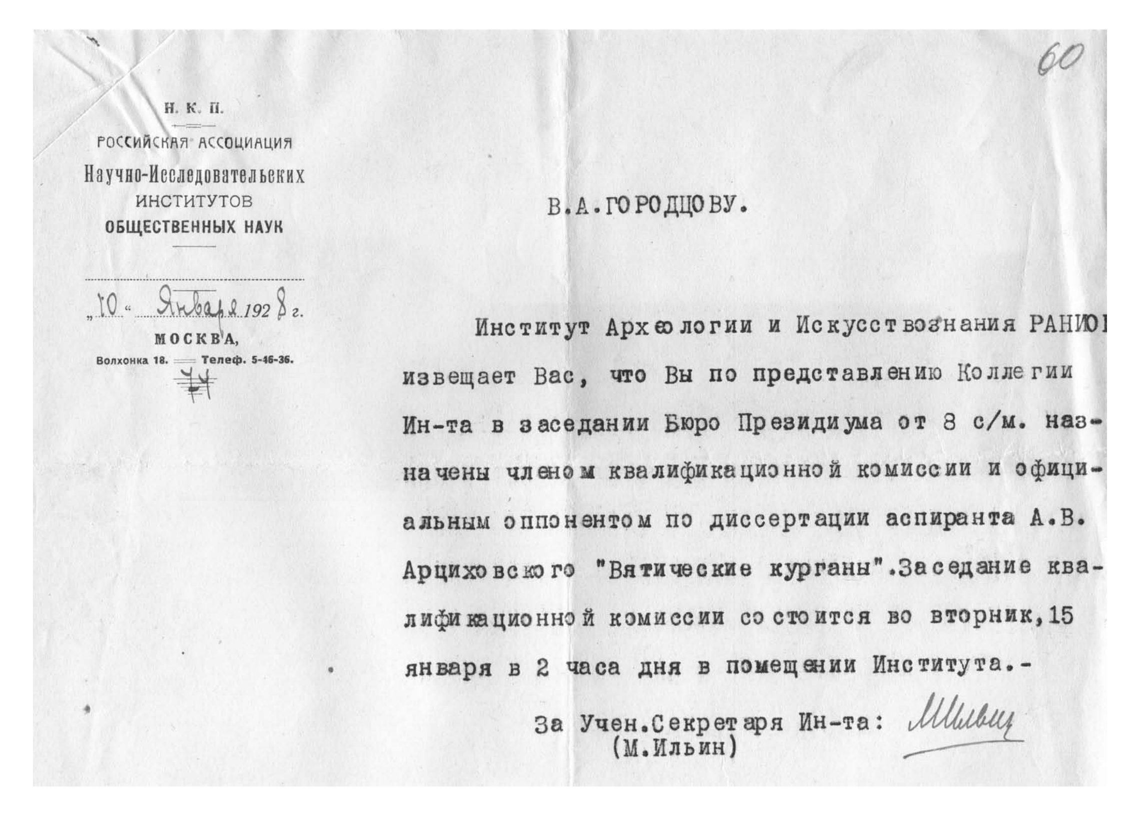
III. Исследование памятников античной археологии:
а) исследование отношений античных памятников России к памятникам Греции и Рима;
в) Исследование отношений античных памятников России к скифским, сарматским и синхроничным варварским памятникам народов России и Сибири.

IV. Исследование арх. памятников Востока:
а) исследование отношений памятников Египта и Месопотамии к памятникам России и Кавказа;
в) Исследование отношений памятников Месопотамии, Ирана и Турана;
с) Исследование отношений памятников Индии, Турана и Урала.
d) Исследование отношений памятников Турана, Китая и Сибири.

V. Исследование археологических памятников России:
а) исследование отношений памятников Славян Литвы и Финнов.
в) исследование отношений русских памятников к хазарским, печенежским, половецким, булгарским и татарским;
с) исследование отношений русских памятников к византийским и восточным.

VI. Исследование археологических памятников Зап. Европы:
а) исследование отношений памятников Рима к памятникам Византии, Галлии, Германии, Чехии и др. народов Зап.

Рис. 7. Рукопись В.А. Городцова «Заметки по Археологическому отделению Московского университета и Научно-исследовательскому институту археологии и искусствоведения 1922 и 1923 гг.»
(ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 345)

60

Н. К. П.

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
Научно-Исследовательских
ИНСТИТУТОВ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

„10“ Января 1928 г.
МОСКВА,
Волхонка 18. — Телеф. 5-46-36.
74

В.А.ГОРОДЦОВУ.

Институт Археологии и Искусствознания РАНИОН извещает Вас, что Вы по представлению Коллегии Ин-та в заседании Бюро Президиума от 8 с/м. назначены членом квалификационной комиссии и официальным оппонентом по диссертации аспиранта А.В. Арциховского "Вятические курганы". Заседание квалификационной комиссии состоится во вторник, 15 января в 2 часа дня в помещении Института.-

За Учен.Секретаря Ин-та: МИльин
(М.Ильин)

Рис. 8. Письмо ученого секретаря ИАИ РАНИОН М.А. Ильина В.А. Городцову от 10.01.1928 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 123. Л. 60)

Рис. 9. Археологическая практика студентов 1 МГУ на Туровском (Галичском) поселении (1924 г.). Сидят: в центре В.А. Городцов, справа второй – А.Я. Брюсов, четвертый – А.П. Смирнов; стоят: справа третий – П.А. Дмитриев, четвертый – А.В. Арциховский. Фото. ГИМ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	– Археологические открытия. М.
Архив ИИ НАНА	– Архив Института истории Национальной академии наук Азербайджана
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭИА	– Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. Баку
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
Вестник АН ЧР	– Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный
Вестник Института ИАЭ	– Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала
ВСАИПИ	– Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово
ГИМ	– Государственный исторический музей
ДНЦ РАН	– Дагестанский научный центр РАН
ДТМАО	– Древности. Труды Московского археологического общества. М.
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИАК	– Императорская Археологическая комиссия
Изв. Аз.ФАН СССР	– Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР
Изв. АН Азерб. ССР	– Известия Академии наук Азербайджанской ССР
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН
ИФЖ	– Историко-филологический журнал. Ереван
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии. М.; Л.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.
МСПИАЭИ	– Материалы к сессии, посвященные итогам археологических и этнографических исследований в СССР. Баку.
МАК	– Материалы по археологии Кавказа
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАСК	– Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
МСПИАЭИ	– Материалы к Сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований

НИИ – Научно-исследовательский институт

ОАК – Отчет Археологической комиссии. СПб.

РА – Российская археология. М.

РАН – Российская академия наук

СА – Советская археология (1957–1992). М.

СГАИМК – Сообщения Государственная академия истории материальной культуры. Л.

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

ТД – тезисы докладов

Труды ИИМК РАН – Труды Института истории материальной культуры Российская академия наук. СПб.

ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Института археологии и искусствознания Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.

ТСС РАНИОН – Труды секции социологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук

ТСТМ РАНИОН – Труды секции теории и методологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.

AOAT – Alter Orient und Altes Testament

APHO – Association pour la promotion de l'histoire et de l'archéologie orientales

ARCANE – Associated Regional Chronologies for the Ancient Near East and the Eastern Mediterranean

BAH – Bibliotheque archéologique et historique Institute francais d'archeologie de Beyrouth

BANEA – British Association for Near Eastern Archaeology

BAR – British Archaeological Reports

CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique

CSIC – Consejo Superior de Investigaciones Científicas (Spanish National Research Council)

ICAANE – International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East

MAC – Museu d'Archeologia de Catalunya

MDOG – Mitteilungen der Deutschen Orient Gesellschaft

OIP – Oriental Institute Publications

PACT – Parallel Architectures and Compilation Techniques

PALMA – Publications on Archaeology of the Leiden Museum of Archaeology

SAOC – Studies in Ancient Oriental Civilization

SAS Bulletin – The Society for Archaeological Sciences Bulletin

SMEA – Studi Micenei ed Egeo-Anatolici

UMS – Urkesh/Mozan Studies

VBGAEU – Verhandlungen der Berliner Gesellschaft fьr Antropologie, Ethnologie und Urgeschichte

WA – World Archaeology

Научное издание

ГОРЫ КАВКАЗА И МЕСОПОТАМСКАЯ СТЕПЬ НА ЗАРЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Сборник к 90-летию Рауфа Магомедовича Мунчаева

Верстка: С. В. Кожушков
Обложка: Н. С. Сафронова

Подписано в печать 02.09.2019
Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 60,0. Уч.-изд. л. 53,8.
Тираж 300 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-296-4
9 785943 752964